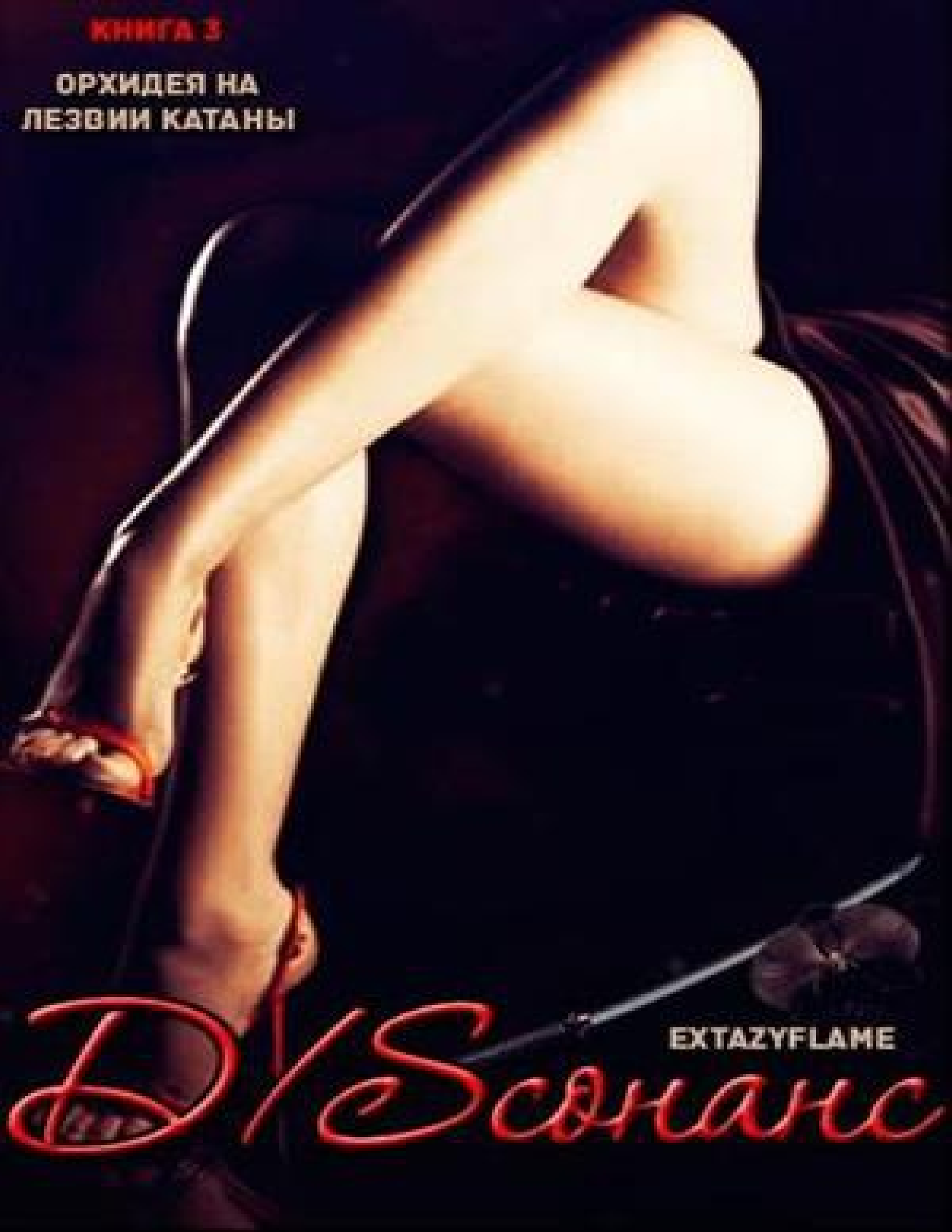

КНИГА 3

ОРХИДЕЯ НА
ЛЕЗВИИ КАТАНЫ

EXTAZYFLAME

D/Soman

Что делать, когда окружающий тебя мир в одночасье срывается в черную бездну безысходности, отбирая самое важное, лишая смысла существования? Как теперь жить дальше с этой болью, в уготованной чужими руками реальности? Как, удержавшись на ее острых гранях, принять скрытую от тебя правду... и выстоять в родном городе перед лицом ожившего кошмара прошлого? Самое разрушительное оружие — их слабости. В противостоянии характеров чувства настолько запретны и неуместны, что грозят сжечь изнутри.

Кто первым разомкнет этот круг? Возможна ли победа в этой войне, на которую они обрекли себя в бессмысленном побеге от собственных чувств?

Победитель будет только один. А победителей не судят...

*

Пролог

Ты не видишь, что она ходит по лезвию,
что ей не удержаться сейчас на краю?

Темный ангел наносит на кожу разметку кровавой руны
И глубокомысленно изрекает: а мне по..ю.

Она бьется о стены, сдирая в кровь пальцы, -

Маленькая песчинка в пляде безжалостных дней.

Он же наслаждается правом торжествуяще улыбаться

И неспешно смахивает пыль с коллекции острых ножей.

Ее боль бьется пойманной птицей.

Ее отчаяние без неба и без дна.

Ему даже этого мало, чтобы напиться.

Он заставит ее сгореть заживо в своей обители зла.

Может, черт с ним, с их общим прошлым?

Она же никому не хотела причинять боль!

Он перезаряжает обоймы своих револьверов.

Для него путь постижения один верно правильный — свой!

Ее душа рассыпается острыми осколками.

Да сможешь ты простить и забыть или нет?

“Ты прощена и любима!” — шепчет он в приоткрытые губы,

Заряжая отравленной стрелой арбалет.

Ты понимаешь, что все давно изменилось?

Оставь ее тем, кому она больше жизни нужна!

Темный ангел наносит смертельный удар прямо в сердце,

Нежно зачитывая приговор: “Виновата лишь ты одна!”...

Я всегда знал, что рано или поздно это случится. Не буду скрывать — именно такого поворота событий я не планировал. Ты даже тогда любила повторять, с каждым разом восхищая своей мудростью, не свойственной девочкам девятнадцати лет, что у жизни вполне своеобразное чувство юмора и никогда не знаешь, куда именно тебя вынесет на очередном

выраже, который проходишь, приняв неотвратимость с шальным азартом. Именно вспыхнувшая в один момент любовь к риску в итоге выносит тебя на гладкий асфальт вместо каменистой обочины. Я не был никогда таким фаталистом, крутых поворотов не стоило ожидать, полагаясь на «авось, пронесет», этот маршрут был заранее прошит, прописан, просчитан в моем GPS-навигаторе до каждой погрешности.

Когда мы встретимся снова — обратный отсчет времени уже безжалостно запущен, мигает над твоей головой невидимым таймером, — когда мы встретимся снова, ты об этом, наверное, даже не вспомнишь. Ты справедливо решишь, что это очередное препятствие, которое растает под твоими упреками в том, что для меня нет ничего святого. И ты снова будешь ошибаться. Я уже сейчас хочу, чтобы ты никогда не узнала, какие именно высшие силы дали мне право на твою жизнь, твою волю, твоё тело, твоё дыхание... Но не смей говорить, что я не соблюдаю прописанные свыше негласные правила, никогда!

Ты хочешь узнать, как я жил без тебя эти долгие семь лет? Как царапал стены в попытке выбраться из созданной своими же страданиями клетки из тугоплавкой стали? Как искал в каждой из тех, кто появлялся в моей жизни, твои черты, крушил их надежды посредством воли нестандартных устремлений?

Ты этого не услышишь, потому что... этого не было! Три месяца, когда я пытался убить ток твоей крови в себе, вряд ли можно назвать «было». У меня получилось. Спросишь, как? Нет. Не виски. Не наркотики. Не русская рулетка, не парашютные прыжки. Не бои без правил, не побег в АТО. И даже не мысли о том, как однажды я сожму твою хрупкую шею своими руками и заставлю заплатить за то, что ты меня отвергла. Я просто сказал себе «хватит!» — и твоя тень отступила. Мне стало плевать на то, как ты плавишься каждую ночь в объятиях Алекса, с каким пиететом и восторгом падаешь на колени в его присутствии и как накрывает тебя счастьем принадлежности такому мужчине, когда ты просыпаешься в его руках от звона собственной цепи. Ночь принадлежит только вам, с появлением Евы (где ты откопала такое имя? Лавры Евы Браун при Гитлере не давали покоя?) вам приходится быть осторожнее, чтобы не пояснять смышленому ребенку, почему папа на ночь увешивает маму погремушками и бьет по попке за непослушание. Твой выбор, мне почти плевать на то, что рядом не я. Почти! В каждой из них не было твоей дерзости и эгоизма, поэтому я не сравнивал их с тобой. Я никого из них не пытался удержать так, как тебя в свое время. Считай это уникальностью, но это не комплимент. Просто в моей жизни были женщины, которых я хотел оберегать, не продавливая и не забирая волю. Не вяжется мой новый образ с тем, кого ты когда-либо знала? Не пошла моя жизнь по сценарию затасканного женского романа и ты этому даже не рада? Я скажу тебе больше.

Было время, когда я хотел его ненавидеть за то, что он отнял у меня тебя... Хотел, но не смог. При всем этом он остался для меня первым Мастером. Наставником. Учителем. Которого я больше не хотел превосходить ни по каким параметрам. Благодарность за то, что он во мне открыл и чем я со временем смог управлять так же, как и он, перевесила все остальное. Я даже не понимал, как он мог выбрать тебя, ты всего лишь одна из многих, которых у него было в избытке. Мне, наверное, проще было ненавидеть тебя...

Но ты для меня настолько незначительный эпизод прошлого, что не достойна даже ненависти. Ты никто. Прежних чувств во мне не осталось. Не ищи оправдания тому, что я совсем скоро сделаю с тобой и твоей жизнью. У таких, как ты, траур не длится долго, проверено на себе. Месяца тебе хватит? Вполне, можешь не отвечать. Ты спросишь, зачем?

Юля, все просто. Мне стало скучно. И пора тебе почувствовать себя фишкой в покерном

раскладе, в котором ставка даже не миллионы. Так, игра, которая всего лишь призвана сделать мою жизнь веселее...

И я бы спокойно без этого обошелся, если... Может, однажды ты узнаешь причину этого «если». В том случае, если сумеешь выдержать.

...Так просто повторять это самому себе, запутавшись в сетях самообмана! Но жизнь многое расставила по своим местам. Теперь попробую заглянуть правде в глаза. Честность с самим собой не всегда имеет привкус шоколада, но я бы не смог стать тем, кем стал, если бы не нашел силы признавать собственные эмоции.

А теперь... Ты хочешь знать, как скоропалительно я угасал?

Как я готов был сносить на хрен стены, отказываясь жить без тебя?

Политика требует времени, концентрации, изворотливости, гибкости и никакого расслабления ни днем ни ночью. В такие моменты я действительно был готов поверить в то, что сказал тебе уровнем выше. Прошлое должно умереть, уйти в небытие, раствориться в тумане не самых лучших дней под уже иным грифом — без тебя. Новая жизнь не должна была стать продолжением прежней. Она подчинила себе новым ритмом игр в дипломатию на уровне высшей власти.

Если ты не сообразил с первых дней, что к чему, и сделал неправильный выбор, не рассчитывай задержаться надолго у этой соблазнительной вертикали. Максимум, что тебе светит — остаться неузнанным номером в одной из многочисленных партий Рады. Везде свои законы и свои секреты, о которых я сейчас не считаю нужным распространяться. Мне понадобилось более двух лет карьерных взлетов и падений, чтобы с уверенностью сказать: да, у меня получилось.

Б**дь, если бы ты хоть частично прочувствовала, как я рвался прочь из кожи... И если бы ты знала, что я все делал это ради тебя! С разнообразием мотивов, которые постепенно вышли на две прямые сплошные.

Ты привыкла к лучшему во всем. Я не имею права давать тебе полумеры.

Вторая полоса могла бы с гордостью носить имя трассы эгоизма.

Смотри, кем я стал без тебя! Ты же не думала, что я стану заливаться алкоголем, затягиваться коксом, бездарно прожигать жизнь, пока не прикончу в порыве страсти очередной объект своей симпатии? Так иногда происходит, но с очень немногими, а с подобными мне не происходит вовсе. И мне было плевать даже на то, что ты могла и не знать о моем чудесном воскрешении.

В день своего очередного карьерного взлета я представлял себе твои ошеломленно распахнутые глаза и приоткрытый ротик, вызывающий желание долбить его членом до потери сознания, когда ты увидишь меня по всем каналам телевидения. Я умом понимал, что в благополучной, сытой Швейцарии ты этого, скорее всего, и не видела. Именно в этот период у вас родилась дочь.

Не могу сказать, что тогда я рвал и метал... Скорее, испытал нечто сродни облегчению. Это не страшно, она уже подрастет и перестанет отнимать все твоё время, когда я приду за тобой снова. В тот момент я не видел угрозы даже в Алексее, мое безумие не собиралось сдаваться и сбавлять обороты.

Брак с Ульяной и рождение сына были необходимы, в политике кулуарные правила мало чем отличимы от законов бизнеса. Слава богу, моей жене хватило мудрости это понять и не строить розовых иллюзий о красивой сказке двух одиноких сердец из высшего общества, иначе сейчас, после мирового развода, она бы пряталась по углам и поливала меня

грязью на публике. Мы не ограничивали друг друга практически ни в чем, соблюдая рамки приличия ради Данилки и общественного имиджа.

Какого Ульяна так беспечно спалилась в Ницце с фронтменом немецкой рок-группы, я до конца так и не понял. Может, сам был виноват, проигнорировав проблески типично женской тоски напополам с желанием стать ближе — рождение детей меняет женщин до неузнаваемости. По сути, существуя рядом в фиктивном браке, никто из нас никогда не стремился создавать полноценную семью. Но, так или иначе, история получила широкую огласку в прессе.

Отец Ульяны — его имя не принято называть вслух — не считал нужным вмешиваться. Слияние двух политических коалиций состоялось, играть дальше свои роли в договорном браке не имело смысла. Развод прошел так же, как и бракосочетание, без особых внешних различий. Очередной договор, без судебной тяжбы, определения опеки над сыном и раздела имущества. Светская львица Ульяна продолжила беспечно прожигать свою жизнь, красиво играя на камеры.

“Этот брак был самым лучшим в моей жизни, у нас превосходный ребенок, и мы сумели сохранить дружеские отношения... Нет, измена тут ни при чем, мы довольно цивилизованные люди...” — театральная пауза, наша синхронная улыбка в объектив под умиление журналистов бульварной прессы. Играй по негласным правилам, чтобы не дать никому права как-то повредить политической карьере. В столице все на виду. Именно поэтому по истечении пяти лет я начал присматриваться к иной политической вертикали.

Это оказалось совсем не сложно. На посту мэра города я обрел куда больше власти, чем в Раде. Теперь главное — не сойти с ума перед перспективами, которые стали доступными...

В какие-то моменты я думал, что моя одержимость тобой угасла, сместилась под давлением иных приоритетов, поддалась разрушительному течению времени. Наверное, мне хотелось так думать, ведь так проще и легче. Но нет. Она никогда не засыпала до состояния летаргии. Ждала своего часа, чтобы однажды воскреснуть и взять свое. Сущность охотника неистребима.

Твою мать, Юля... Я вот сейчас анализирую прошедшие годы без тебя, эту череду потерянных дней, практически литературным языком, словно боюсь испугать тебя на расстоянии своими мыслями без прикрас. Я не то что этого не боюсь, я хочу заставить тебя трястись еще сильнее, а ведь тебе для этого много и не надо! Жизнь все же чему-то научила, я проявил благородство, носи свой траур положенные сорок дней, потому как мне не интересно получить твою обреченную покорность по щелчку. Это самое грустное, что может произойти с охотником, который ждал этого долгие семь лет. Вытягивай себя из трясины оглушающей потери, вставай с колен перед реальностью. Разминай затекшие суставы, потому что скоро тебе понадобится вся твоя выносливость — только я буду решать, встать тебе на ноги или же всю жизнь ползать на четвереньках. Твоя реальность совсем скоро будет носить мое имя. Твоя кровь будет бежать вспять, потому как вливания моего резус-фактора будут решать за твою кровеносную систему. Одно усилие воли, вторжение в твою сущность позволит мне думать за тебя, управляя остатками твоей воли. Я оставлю тебе ее ровно столько, сколько будет необходимо для поддержания игры на должном уровне, но не ради тебя, нет — мне всегда было скучно с вечно покорными игрушками.

Б**дь... Я разорву тебя по всем параллелям за каждый прожитый день, в котором не было твоего присутствия. И поверь, это будет в корне отличным от того, что у нас было раньше. Хрена с два ты сумеешь это понять и выстроить защиту, скорее, ты съедешь крышей,

пытаясь рассекретить мои мотивы и поступки. Времена изменились, внесли свои поведенческие коррективы в сущность каждого из нас — то, что могло напугать тебя раньше, сейчас, скорее всего, вызовет ироничную ухмылку. У тебя (вернее, у нас) был хороший учитель. Нет, противостоять тому, что тебя ждет уже совсем скоро, он точно не научил. Ты еще даже не поняла, что лишилась абсолютной безопасности, осталась наедине с миром, от которого тебя так часто ограждали, ты настолько сильно привыкла находиться под защитой, что он может показаться тебе приветливым и добрым.

А знаешь, что самое парадоксальное? Сам мир такой и есть. Его реальность перекраивают по своему подобию деструктивные элементы, наделенные властью. Такую реальность мы зовем “особыми обстоятельствами”. Так вот, моя девочка, рок у тебя такой, сопротивляться обстоятельствам. Жизнь, сама того не желая, дала такой толчок качелям противостояния, окончательно убедив тебя в том, что все будет не просто хорошо, а великолепно, что ты научилась дышать за периметром этого иллюзорного рая.

Приветствуй новый безумный мир. Я не хочу даже говорить о том, насколько меня потрясла его смерть и последующие за ней события, чем они стали лично для меня и как определили наше дальнейшее будущее. Тебе не стоит знать, как боролись во мне в бесконечном неравном противоборстве два стремления — защитить тебя и закрыть, наплевав на прошлое, и добить, продавить, подчинить себе окончательно, не давая опомниться. Юля, ты и сама прекрасно поняла бы, что именно из этого в итоге должно было победить.

Последняя дань погибшему Мастеру — твое право на законный траур и возможность прийти в себя, возможно, пропустив несколько ударов судьбы в виде разминки. Я не буду иметь к этому ровно никакого отношения, потому как нужно время, эффект адаптации, чтобы ты окончательно не тронулась умом после нашего первого столкновения.

Это не месть, долбаная сука. Я не настолько безумен, чтобы параллелить каждый рык своего внутреннего монстра с твоей улыбкой не мне, твоими свадебными клятвами ему, твоей стопроцентной отдачи другому мужчине — я не смог этого выбить из тебя в свое время ни лаской, ни прессингом. Нет, это всего лишь мое желание сыграть беспроегрешную шахматную партию исключительно в свое удовольствие с правом выпить твою жизнь медленными глотками, распробовав на вкус с наслаждением самого придирчивого эстета. Я хочу верить, что у меня это получится, что я не растерзаю тебя при первой встрече на части, отказав себе в планомерной игре-охоте. Знала бы ты, насколько сильной стала моя одержимость... Каких усилий требует сейчас полет моей эйфории, чтобы не сорваться раньше времени. Пока что ты этого не знаешь. У тебя было достаточно минут, недель, месяцев, лет, поэтому месяц до исполнения приговора не так уж и мало. Я никогда не врал самому себе.

Засыпай сегодня ночью тяжелым сном без сновидений, который покажется тебе кошмаром болезненного одиночества. Скоро ты будешь вспоминать их как радужные полеты сквозь звезды на контрасте со своей новой реальностью. А для меня начинается долгожданный этап предвкушения будущего поглощения. С таким приятным расслаблением и наблюдением за пока еще обманчиво-уверенными шагами своей жертвы, которая не догадывается о силках, расставленных на ее пути. С просчитанным наперед планом действий и в буквальном смысле санкцией всевышнего. Но о ней ты никогда не знаешь.

Засыпай, игрушка. Моя будущая собственность. Пока еще мир кажется не таким пугающим. Пока еще мы не встретились лицом к лицу. Пока я не усыпил твою бдительность

легким приветствием хозяина этого города. Он никогда не был твоим, ты всего лишь перепуганный зверек на чужой территории. Скоро начнется охота. Ты вряд ли оценишь мое благородство, но я смогу с уверенностью сказать: оно имело место быть. Наверное, все же сейчас во мне гораздо больше человеческого, чем было прежде. Но кто сказал, что это для тебя будет плюс?.. Поверь, исключительно с моим внутренним охотником тебе бы было гораздо легче.

Я иду за тобой. Можешь утешиться тем, что на тебя объявил охоту сам хозяин города, выкrojив свободное время в своем плотном графике. Ты же привыкла получать наилучшее. Только теперь все будет наоборот. Я получу тебя. И когда с тобой закончу, ты станешь наилучшим вариантом, заточенным под мои потребности.

Равноценный обмен.

Глава 1

За окном серый дождь уже который день размывает отражения, сбивает ритм уставшего сердца, сводит с ума монотонным стуком капель, превращая перевернувшийся мир в размытую голограмму. Из-за тяжелых низких туч кажется, что в мире воцарились вечные сумерки на грани заката и рассвета, их цель вполне может даже быть гуманной — помочь, вырвать из тебя последние рыдания огромной потери, прокричать молитвой в темные мрачные небеса в последней надежде. Что совсем чуть-чуть — и ты проснешься, привычно протянешь руку, прижимаясь к родному, теплому и близкому человеку, пройдешься по выступающим позвонкам его спины медленными нежными поцелуями, вбирая кожей тепло вашей близости и единения. Скользнешь в объятия его сильных рук, сбивчиво расскажешь, как напугал тебя этот сон, который почему-то был столь реалистичным и убедительным, что заставил тебя поверить в самое ужасное... что его больше нет!

Он прижмет тебя еще крепче, снимая губами слезы с широко распахнутых глаз, вберет твою крупную дрожь всеми рецепторами пылающей кожи, нежными успокаивающими поглаживаниями.

«Любимая, это просто страшный сон! Ты слишком много переживаешь. Но, поверь, это совершенно напрасно! Доктор Зимерман сказал, что я до сих пор дам фору двадцатилетнему, головная боль из-за переменчивой погоды, это скоро пройдет. Что? Юленька, милая моя, какое ДТП? Я за рулем с семнадцати лет! Не надо было идти у тебя на поводу и отпускать на курсы экстремального вождения, ты именно там набралась этих тревог. Ни с кем из нас такого никогда не случится!»

Послевкусие кошмарного сновидения схлынет откатом штормовой волны перед счастливым шпилем самого искреннего чувства, ты приоткроешь припухшие губы навстречу утреннему поцелую, зажмурившись в предвкушении настойчивой ласки его властных теплых ладоней с порханием тысячи бабочек в откликнувшемся теле, сладостного желания слиться с ним в единое целое. Шесть лет, а сила вашего желания не померкла и не притихла, она лишь усиливается с каждым прожитым днем!

Конечно же, вам внезапно помешают насладиться долгой прелюдией горячего утреннего соития... Дверь распахнется под ударами тоненьких детских кулачков — сегодня вы забудете ее закрыть и не обратите внимания на позднее время... Счастливый смех Евы перекроет сбившиеся оправдания растерявшейся няни, когда маленькое чудо с заплетенными косичками с разбегу плюхнет на край постели и попытается стянуть одеяло, в которое вы одновременно, скрывая смех заговорщиков, вцепитесь со всей силы! Ребенок пока еще мало что понимает, но в своей привычной манере нахмурит бровки, сверкая

зелеными глазами — никто так и не смог определить, чьи они, мамины или папины.

— Пусти ее! Я тоже хочу целоваться!

Ты рассмеешься от умиления. Александр же придаст своему лицу выражение бескомпромиссного воспитателя.

— Ты уже позавтракала, чтобы так неподобающе себя вести, маленькая принцесса?

— А ты тоже еще не завтракал! Включи мультики! — наверное, твоя дочь сейчас единственная женщина в мире, которой твои сведенные брови и непримиримый взгляд не страшны. Потому что ты не можешь скрыть потрясающей нежности за своей маской только к двоим из них: к Еве и ко мне, ее матери. Я просто добровольно приняла твои законы и не пытаюсь выступить против. Но если наша дочь подрастет и заинтересуется Темой — я точно знаю, что сойду с ума. Нет уж. Этого не будет. Мы окружим ее такой любовью и заботой, что мир Тьмы никогда не застит ее зеленые глаза черно-красной пеленой. У меня есть сокрушающий пример перед глазами, какие монстры вырастают у недостойных родителей.

...Еще одна сигарета за последний час. Уже непонятно, какая по счету, так и не выкуренная до конца, раздавленная в пепельнице, — в первые дни ты тушила их о сгиб собственного локтя, сотрясая рухнувшую вселенную даже не криком, нет, протяжным воем. И физическая боль от ожогов была здесь совершенно ни при чем! Ты ни черта, абсолютно ни хрена не знала о такой степени накала душевной боли! Этот чертов фатум словно поставил целью испытывать тебя на прочность шаг за шагом самыми садистскими методами из всех ныне существующих! О, он был терпелив и неумолим! Позволил тебе подняться так высоко, куда не долетают даже птицы.

Эти образы барочными жемчужинами абсолютного счастья нанизываются на тонкую нить ожерелья, сливаются в непрерывную киноленту наших совместно прожитых мгновений. Они вспыхивают яркими фейерверками в растаявшей тьме с тех самых пор, как он забрал мою Тьму, дав взамен жизнеутверждающий Свет и право летать на крыльях никому не понятной свободы.

— Мы будем здесь жить?! Это серьезно?!

— Иди ко мне, супруга вице-консула. У меня зажигательная идея, как отметить наш первый день в Швейцарии... Потом расскажешь, отличается ли карта звездного неба в этой точке земного шара от привычной картины.

— Карта звездного неба?! Ты о чем?!

— Хочу продержат тебя в сабспейсе до тех пор, пока не испытаю рассвет собственной свободы. Может, мы увидим его вместе...”

...Просторный коридор элитной клиники залит теплым светом. Я делаю несколько шагов в сторону, словно не замечая мужа, в глазах которого ожидание вместе с нетерпением... Не выдерживаю, улыбаюсь во все тридцать два, положив ладони на слегка заметный животик, поглаживая нежными касаниями.

— Это девочка! Все, в нашем полку прибыло!

Протестующе кричу, когда он подхватывает меня на руки, закружив по пустому коридору. Интересно, сдержался ли, если бы тут были посетители или персонал? Вряд ли, это не тот случай, когда стоит скрывать свои эмоции...

— Если скажешь, что хотел сына... Я очень и очень сильно разозлюсь! — стучу кулачками по его груди, надув губки. Ты Дом только в нашей спальне, в иной же реальности никакие притеснения меня никогда не коснутся.

— Теперь, кажется, я начинаю понимать, как это... любить двух женщин

одновременно! — мои ноги вновь ощущают твердую поверхность, ладони таким привычным, нежным жестом зарываются в его волосы, когда Алекс опускается на одно колено, прижавшись к моему животику щекой. Счастье вернулось, и скоро у нее будут его глаза... И, надеюсь, воля! На фоне этого даже мой недавний срыв, когда я узнала о не столь давнем выкидыше в Ялте, кажется вообще недостойным внимания.

...Еве уже годик. Это юная домина, я вам отвечаю, она умудряется строить даже папу! И наверное, это единственный случай, когда он готов во всем подчиняться своей кровиночке, которая не дает спуску никому из нас! Боже мой, чего стоит один ее взгляд из-под густых ресничек, изучающий, сканирующий, внимательный — впервые я его заметила, когда кормила грудью... И когда она в первый раз меня укусила, продолжая бесхитростно наблюдать! О, Сашке доставалось гораздо больше! Вырванные волосы и разорванные документы лишь малая часть ее проделок! И она не захлебывается в рыданиях, когда хочет кушать или режутся зубки... Она злится! В ее крике — требование беспрекословного выполнения поставленной задачи! Все-таки она копия своего отца! Хотя мать говорит, что глазки и носик — мои. Илья же с пеной у рта доказывал, что в ней ничего моего. Но какое это имело значение?

Километры хроники нашего счастья, такая неумолимо короткая хронология до того момента, как рухнул мой мир...

— Пап, а это правда, что звездочки на небе — это наши родственники, которые уже умерли, и они следят за нами?

Я помимо воли веду плечами, взяв на заметку раскатать завтра по паркету няню Евангелины. Она иногда совсем теряет связь с реальностью, раз говорит моей дочери такое! Ева не спала двое суток после того, как она ей рассказала, что по ночам феи водят хороводы у ее кровати, все ждала, когда же придут. Но взгляд Алекса скользит по моему лицу теплым сканером, забирая тревогу и раздражение. Ева доверчиво жметя к нему, обнимая за шею.

— Нет, дочурка. Это миллионы таких же солнышек, которое согревает нас каждый день своим теплом! Только они так далеко, что кажутся маленькими. — Я запрокидываю голову, созерцая небесный свод теплой августовской ночи, слушаю его голос, немея от счастья. Мне хочется кричать на всю планету о том, что я абсолютно счастлива в руках любимого мужчины, с красавицей-доченькой, моей кровиночкой и дополнительным источником света.

— Значит, если тебя вдруг не будет, я тебя на небе не увижу?.. — тогда я, кажется, вздрогнула. Предупреждение, интуиция или экстрасенсорная связь?

— Я всегда буду рядом со своей принцессой, моя звездочка! — Я пытаюсь поглубже вдохнуть и полностью выдохнуть с закрытым ртом, чтобы унять приступ аритмии, потому как совершенно не знаю, как трактовать то, что увидела в его глазах в этот момент. Грусть? Тоску? Может, проблеск слез? А может, все, что я могу рассмотреть в полумраке беседки сейчас, — это обман зрения? Может, просто дрогнул его голос?..

Он продолжает успокаивать Еву, а я... Я не могу отделаться от тревоги. Этот уик-энд вновь ознаменуется визитом в клуб, где я позволю ему выбить боль непрошенных тревог. Позволить — не то определение, в такие моменты я готова об этом умолять на коленях. Алекс обычно не задает вопросов. К этому я пришла неосознанно и не сразу. Просто на интуитивном уровне расшифровала иной аспект физической боли, которая призвана не ломать и не свергать с пьедестала. У нее жизненно важная функция — проникать под кожу жалящими разрядами, неумолимо растекаться по кровеносным сосудам и восприимчивым нейронам, атаковать область сознания. Оно сопротивляется до последнего, не соглашаясь с

тем, что обладательница сдала его не то что без боя, а даже с удовольствием, на растерзание... Но на что способна выверенная ритмичность ударов в уверенной руке Мастера, который больше тебя заинтересован в том, чтобы душевные переживания никогда снова не коснулись, навсегда остались в прошлом, где их и без того было очень много? Как долго пасовать сознанию, которое очень сильно любит свои пережитые моральные терзания, чтобы с ними расставаться?

Боль взрывает его защитный кокон за считанные секунды воплем в резину кляпа. Мне не нравится кричать при нем — в такие моменты у меня один-единственный страх, что он остановится, расслышав в высоких октавах переход грани между освобождением и разрушением. А еще я не хочу ничем его расстраивать и тратить время на пояснение того, что уже плыву по течению навстречу нашим личным небесам.

Вспышка сверхновой расчерком ослепляющей боли по обнаженной спине выбрасывает сжигающие потоки пламени в радиусе моего недавнего смятения, озаряя долину подсознания голубым светом запредельного градуса, — и так же резко, молниеносно, с почти ощутимым сверхзвуковым хлопком стягивается вокруг протестующего хаоса моральной агонии. Миг — и она свернута, уничтожена, перекрыта, перерождена из черной дыры до сжатого вакуума. Я понятия не имею, куда унесла осколки тревоги подобная трансформация.

Последующие удары — мне обычно хватает десяти — действуют по тому же принципу. Боль трансформирована, свернута, все, что я могу видеть — свет миллионов ласковых звезд, которые зовут в свою сладкую невесомость. Вопреки всем законам, я могу дышать на этой высоте, не чувствовать смертельного холода, плыть в потоках света. Понятие “спейс” перешло из разряда астрономического понятия в чувственную сферу наших особых взаимоотношений. Знаю, что очнусь обновленной, абсолютно счастливой на долгие недели. Боль пройдет через сутки, о чем я тоже буду жалеть — так люблю это напоминание о своем полете, эту крепатуру уставших мышц, упавших крыльев.

С рождением Евы Тема стала изысканным деликатесом по определенным дням, что придало ей более прочувствованную пикантную остроту. Обычная семейная жизнь оказалась не менее захватывающей и наполняющей счастьем любить и быть любимой.

Сейчас забрать мою боль было больше некому. Сознание отыгрывалось жестоким матчем-реваншем, отравляя болью моральной агонии. Оно уже смирилось с потерей самого дорогого человека, но с этим не могла смириться я. Стадия отрицания затянулась на долгие недели, в течение которой я выпадала из реальности с пугающей периодичностью.

Казалось, это не я цинично ухмыльнулась в тот роковой вечер на заявление полицейского, распорядилась приготовить ему крепкий кофе и с уверенностью произнесла:

— Да бросьте, Александр за рулем с пятнадцати лет, это ошибка. Прием в консульстве не мог закончиться так быстро, он приедет через несколько часов. Я могу даже позвонить, чтобы мы убедились, что круглый стол по вопросу экономических отношений между нашими странами продолжается...

На лице немолодого представителя закона отразилась целая гамма чувств — все, кроме недоумения и растерянности. Первая реакция на такое заявление из моих уст не могла быть иной. Почему я не почувствовала разрыва нашей особой связи, самой крепкой пуповины в тот момент, когда Алекс в последний раз закрыл глаза? Почему меня не вышибло разрядом боли, самого острого спазма, не сдавило грудную клетку многотонными тисками? Сознание-предатель не стало убивать меня сразу, заблокировав канал интуиции. Его месть — блюдо,

которое будет подаваться холодным, пока же оно отстраненно наблюдало, ожидая, когда я пойму, что произошло на самом деле. Помню, заставила няню уложить Еву в постель и дала распоряжение прислуге накрывать на стол, если мы с мужем вдруг разминемся в пути. Первые ростки паники при виде нескольких полицейских машин прошибли болезненным током. Моя уверенность пошатнулась, когда мы быстро тронулись с места в неприветливую дождливую ночь, когда же остановились на участке трассы, где произошла автомобильная авария, я ощутила, что словно приросла к мягкому сиденью, а тело колотит крупная дрожь. Потоки воды, блестящий асфальт, мерцание проблесковых маячков, свет ксеноновых фар, выделяющиеся белые автомобили медицинской помощи, суэта полиции и медперсонала — все это ошеломило меня до такой степени, что я даже не поняла, почему так сильно болят ладони от впившихся в кожу ногтей. Словно в кошмарном сне, подала руку полисмену, который раскрыл над моей головой купол зонта, и так же, не отдавая отчета в том, что именно делаю, вышла из этого укрытия навстречу ярким огням. Кажется, меня пытались задержать, но я с незнакомой прежде силой сбросила руки, остановившись в замешательстве у желтых полос ограждения. Искореженный автомобиль был похож на служебный транспорт моего мужа. Я все еще не верила. Он за рулем, как рыба в воде. Но тут я услышала то, что моментально развеяло все иллюзии.

— Никто не выжил. У водителя перелом шейных позвонков, мгновенная смерть. Пассажир погиб вследствие...

Лучше бы мои способности к языку этой страны никогда не имели места быть. Ключевым словом стало не “смерть”, не “авария”, а именно “водитель”. Если бы Саша был за рулем сам, такого бы с ним никогда не случилось.

Нет, я не рыдала, не ползала и не каталась по мокрому асфальту... Зачем, если ничего не произошло?

Он спал. Он был жив, просто глубокий сон. Кровь я аккуратно смою, обработаю рану и уложу его в постель, он слишком много работает. Я все понимаю, должность обязывает, но так загонять себя просто нельзя. Почему рядом трется милovidная врач скорой помощи и наполняет шприц какой-то жидкостью? Ах да, пусть введет Алексу снотворное, чтобы он имел возможность спать до самого утра. Да не мне! И почему мы до сих пор на улице, я же чувствую пальцами, скользящими по его лицу, непривычно прохладной коже, насколько сильно он замерз!

— Это мой муж, говорите тише... Я не помню, когда он в последний раз так спокойно спал! — попросила полицейского, уточнившего, узнала ли я погибшего, и расписалась в протоколе опознания. Как, интересно, сделать так, чтобы его доставили к нам домой и не разбудили? Наверное, попрошу медсестру сделать дополнительный укол.

Действия транквилизатора, погрузившего меня в спасительную апатию, хватит еще на несколько часов. А дальше мой личный персональный ад прорвется в распахнутое сознание, ничем не контролируемое больше...

Часы сливались в сутки моих безумных рыданий с отрицанием происходящего. Моя жизнь снова показалась лишеной всякого смысла. Так уже было, но тогда меня удержало у пропасти то обстоятельство, что я не видела своими глазами смерти Димы. Здесь же осознание кошмара придавило своей безапелляционной жестокостью.

Целой аптеки, армии высококлассных специалистов и всех чудес мира было мало, чтобы меня вытащить в адские часы агонии. Погиб не Алекс. Погибла целая вселенная, и второй ее элемент, то есть я, скоропалительно угасал, не имея сил и желания жить без

своего ядра. Мы проросли друг в друга настолько, что стали одним целым, уничтожение основного элемента делало ее существование отныне невозможным. Эта неделя выпала из моей жизни и памяти настолько, что я даже не могла вспомнить в деталях похороны Александра. Иногда чувство нереальности происходящего застило глаза спасительной пеленой, в такие моменты я читала книжечки Еве, говорила, что ее отец просто уехал надолго, не замечая в умных не по годам зеленых глазах дочери тоску и недоумение, отчего ее мама говорит о папе, как о живом... Моя мать и Валерия не отходили от меня ни на шаг. Я их практически не замечала и не слышала. Кто из них и когда пояснил нашей дочери, что Саши больше нет, я не помнила. Вытащить меня им было не по силам, но они окружили заботой и вниманием нашу малышку, сделав все от них зависящее, чтобы ребенок не получил тяжелейшую травму и не замкнулся в себе...

Швейцария, где я познала самое настоящее счастье и самую оглушительную боль потери, стала для меня враждебной страной. После стадии принятия неизбежности пришла ярость и злость на обстоятельства... А также на тех, кто не имел к смерти Александра никакого отношения.

Я злилась на Дениса, который обосновался в Харькове и занялся бизнесом. Если бы он оставался водителем моего супруга, ничего бы этого не произошло. Я вычеркнула из списка контактов Элю — они не остались с ним вместе, но я видела ее вину в том, что на момент нашего отъезда в Берн их роман был в разгаре, что частично повлияло на решение Дениса. Я возненавидела консульство и все, что с ним было связано, — если бы не их приглашение, этот отъезд и столь напряженная работа, ничего бы не случилось.

Валерия подняла на уши весь департамент полиции, консульство провело ряд своих расследований — смерть вице-консула вполне могла быть не просто несчастным случаем. Если бы я была в относительном адекватности после его смерти, услышанное повергло бы меня в шок.

Аневризма? Вашу мать, просто разрыв сосуда и кровоизлияние в мозг? Я в это не верила. Он всегда был настолько энергичен и полон жизни! Спортивный режим только в последние недели был нарушен, он сам утверждал, что лишь потому, что в консульстве дел невпроворот. Да, иногда шалило сердце, но все было не настолько критично... Головные боли донимали даже меня в столь юном возрасте, что казались недостойными внимания. Могла ли я тогда знать, сколь сильно он любил нас с Евой, что ничем не выдал своих страданий, боли, которая стала его спутником при достаточно позднем обнаружении аневризмы сосудов головного мозга? Доктора давали хорошие гарантии по поводу предстоящей операции, как сказала Валерия, но они просто не успели, Алекс поздно обратился...

Это не было заказным убийством. Тогда, в ту роковую ночь, дезориентированный водитель не справился с управлением — Алекс умер мгновенно на пассажирском сиденье вследствие аварии. Из-за разрыва аневризмы он потерял сознание, что стало для шофера шоком. Потеря концентрации за рулем стоила жизни обоим. Это все я узнала из расследования, которое контролировали власти на самом высоком уровне. Александр не собирался объявлять о своей отставке, даже когда головные боли стали невыносимы. Он надеялся на операцию, профессионализм лучших швейцарских нейрохирургов и на свою волю к жизни. К сожалению, они просто не успели...

Мог ли он любить нас сильнее?.. Держать нас в спасительном неведении о своем серьезном заболевании, чтобы, улыбаясь, использовать каждый прожитый день со мной и

дочерью, — это ли не сила его любви? Делать над собой титанические усилия, не выдав боль ни жестом, ни взглядом, — кто бы ещё так смог? Я ведь что-то чувствовала, но иногда, не постоянно... редкими уколами непонятной тревоги, которая тут же угасала под мягкими касаниями его ладоней и губ. Его прикосновения создали купол такой защиты, что ее сила однажды вскрыла мой хитиновый панцирь, заполняя любовью недавнюю пустоту. А ведь она не желала отпустить, тянулась к сердцу своими заостренными когтями, до тех пор пока ее не уничтожала мимолетная физическая боль ярким рассветом нового чувства. Тема стала для нас не спасением от скуки, а самой лучшей терапией, призванной избавить от любых недопониманий, тревог и печалей. Вот только перед аневризмой она оказалась бессильна.

В Харьков я вернулась спустя две неполных недели. Как бы я ни хотела прийти в себя поскорее, Валерия не смогла забрать мою боль до такой степени, чтобы я сказала себе «жизнь продолжается». Она одна могла как-то повлиять на меня, дать ценный совет, но в этот раз все ее доводы отскакивали от купола убивающей апатии. Ей пришлось лететь в Германию, чтобы уладить вопросы по совместному бизнесу, оглашение завещания планировалось провести через пять дней — к этому событию она должна была вернуться. «Хорошо», — пожалала плечами я, позволив матери увезти Еву на время, и отключила все телефоны, оборвав связь с реальностью.

Сигарета давно докурена до фильтра, обжигает пальцы, я раздраженно скидываю ее на пол, даже не думая о том, что может загореться ковровое покрытие, щелчком выбиваю из пачки вторую. Я похоронила эту привычку однажды с потрясающей легкостью. Александр меня не заставлял, мне достаточно было того факта, что мой мужчина не курит, и, кажется, ненавязчивой вежливой просьбы. Сейчас же я просто курю одну за другой, отравляя легкие табачным ядом. Опалив пищевод, элитный коньяк расплывается по горлу обжигающей горькой пленкой, я давно не чувствую его изысканного вкуса и тонкого букета терпкого шоколада или слегка различимой ванили. Я пью, чтобы забыться и сбежать от своего кошмара в алкогольное небытие, позволить ему сомкнуть мои глаза и провалиться в сон без сновидений. Совсем недавно я считала, что сновидения воруют наше время. Сейчас же я хотела только одного: заснуть и однажды не проснуться.

Меня пошатывает от изрядного количества алкоголя, выпитого на голодный желудок, а тело сотрясает приступами нервного смеха. Когда откинулся Димка, е. ный эмпат, чуть не отлюбил весь мозг своими призрачными визитами. Алекса я не чувствую. Он не приходит во снах, не мечется по нашему дому неуловимой тенью, единственное, что я ощущаю, когда забываюсь в алкогольном сне, это легкое покалывание у кромки волос, словно перышко, росчерк такого родного поцелуя. Ускользящая иллюзия чужого присутствия. Я не знаю, почему Алекс не приходит. Мать чуть позже расскажет, что его часто видит Ева. В чем так провинилась я, что он оборвал нашу связь со своим уходом?..

Меня зовут Юлия Кравицкая, и в этом году мне исполнится 27 лет. Моим мужем был самый лучший мужчина на свете, я могу заявить об этом со всей уверенностью и сейчас, и потом, если моя жизнь не оборвется в моральной агонии, остановить которую сейчас кажется невозможным. У меня замечательная дочка... Она жива и здорова. И она уже неделю не видит маму, которая продолжает убивать себя день за днем в отчаянной надежде утопить горе в алкоголе.

Я даже не пьянею. Ясность мысли сохраняется очень четко, рвет мою душу глубокими рыданиями с желанием лишиться памяти. Мир за окнами нашего особняка живет своей жизнью, меняется, течет, а я ничего не желаю замечать.

Напрасно порывается приехать мать и прихватить в качестве группы поддержки Настю и Виктора. Я отключаю телефоны, чтобы не слышать, не видеть, не вспоминать. Только рыдать в подушку, заглушая боль виски и сигаретным дымом, теряя связь с реальностью, сбегая в прошлое, в моменты абсолютного счастья, которым больше никогда не вернуться. Утром я проснусь разбитая и уставшая, с головной болью и желанием снова забыться... Никто не поцелует меня, все еще в полудреме ото сна, не сомкнутся объятия крепких рук, не будет шутливой борьбы, чтобы первым занять ванную и быстро привести себя в порядок — утром я мало похожа на роковую соблазнительницу... Я, как всегда, намеренно не закрою дверь, чтобы позволить ему войти, и...

Утро. День. Вечер. Виски сменяет коньяк, а я никак не могу упиться до беспамятства. Горе сделало меня неуязвимой для алкоголя. Настолько, что в какой-то день я решаю больше не пить. Это получается. Ни лучше, ни хуже мне от этого не становится. Переключаю телевизионные каналы, а когда понимаю, что на экране начали оживать призраки прошлого — от такой дозы коньяка не только Дима привидится, а еще и тень отца Гамлета, — разбиваю пульт о стену. Куда приятнее созерцать белые створки моей личной раковины, куда с трудом проникает свет и шум внешнего мира.

Оглушающая электронная трель, похожая на сирену, срывает меня с постели. Вечное голодание и стресс не могли пройти бесследно. Я только под утро сбежала в подобие сна. На часах начало одиннадцатого. Прислуга уже двое суток здесь не появляется, меня раздражает вечная суэта эконома и кухарки, пришлось отослать их на некоторое время, чтобы не сорваться и не разбить бутылку о чей-нибудь череп. Кружится голова, но я натягиваю измятое черное платье, которое валялось на полу, и медленно спускаюсь вниз. Удержаться бы за перила витой лестницы, поборов тошноту и хаотичную пляску черных пятен перед глазами. Изображение на мониторе плывет. Я не узнаю свой голос.

— Чего надо? Кто это?

— Юля, это Лера. Впусти меня сейчас же.

Виски сдавливают болезненными тисками, протестом от вторжения чужака в мою обитель страдания и боли. Трясу головой, в надежде, что все это мне снится.

— Валерия, иди на хрен.

— Юля, — холеная леди все так же невозмутима, когда перенастраивает тональность своего голоса и подбор слов на единственно понятную мне сейчас волну. — Открой, твою мать, эти долбаные ворота и позволь мне заехать!

Она никогда не говорила со мной в таком тоне. Но что она здесь забыла, родственница по погибшему супругу?

— Лера, пойдешь сделай укладку, твою мать, и оставь меня в покое!

— Девочка моя, — от этой острозаточенной ласки ее волшебного тембра альфа-сирены по стенам защитного купола, хранителя моей душевной боли, проходит сокрушающий ударный разряд. — Я отсюда не уеду. Если ты считаешь ниже своего достоинства нажать на кнопку, я вызову скорую, полицию и пожарных. Вряд ли тебя это сильно заденет, но местная пресса соскучилась по сенсациям. Хочешь славы? Совладелица благотворительного фонда госпитализирована с алкогольным отравлением! Юлия Кравицкая на грани суицида! Жена вице-консула спивается!

Головная боль усиливается. Я вглядываюсь в серый экран. Даже при таком качестве изображения Лерка выглядит на миллион долларов, дождь ей не помеха. Злость за внезапное вторжение деактивирована волнами апатии. “Хрен с тобой”, — шепчу одними губами,

стукнув по кнопке. Ладонь прошибает болезненной отдачей, но мне все равно. Нет боли соразмерной той, что сжигает меня изнутри час за часом.

Шум заехавшего в гараж автомобиля, мелодичный голос Валерии, которая отвлеклась на телефонный звонок... Я смотрю в стену, так как начинаю осознавать, насколько жалкой выгляжу на ее фоне.

Не могу сказать, что я запустила себя. Каждое утро было подчинено привычному ритму, выработанному годами, до автоматизма. Контрастный душ, умывание и увлажняющий крем, идеально чистые и уложенные в прическу волосы, быстрое посещение гардеробной, чтобы выбрать наряд — даже если я не собираюсь никуда отлучаться и никто меня не увидит, неизменный макияж. Я продолжала это делать даже с уходом Алекса, зная, что весь день буду пить виски и курить в попытке забыться. Как назло, сегодня внезапный приезд Леры нарушил этот привычный ритуал. Волосы растрепаны, глаза заspanы, платье измято до неузнаваемости. Сама же экс-мадам Кравицкая великолепна.

Ровные изгибы каре-боб, даже дождь не нарушил идеальную геометрию стильной укладки. Нереально гладкая загорелая кожа лица без намека на какие-либо морщины, глаза по-кошачьи подведены искусной рукой визажиста, отчего кажутся еще более голубыми, припухлость соблазнительных губ смягчает их непримиримо жесткую линию. Жакет из голубой норки небрежно накинута на плечи поверх длинного черного платья, массивное кольцо с широкими элементами под закрытую стойку горловины довершает образ самой утонченной леди, которую я когда-либо знала. Тонкий шлейф эксклюзивного парфюма раскрывается букетом, щекочет подзабытым ароматом рецепторы обоняния.

Она просто режет сетчатку воспаленных глаз образом хладнокровной богини с Олимпа, воплощением Фемиды с Афродитой, и я с удивлением ловлю уколы стыда за свой внешний вид и состояние.

Валерии хватается быстрого взгляда по сторонам, медленного вдоха — достаточно, чтобы уловить запах сигарет и алкогольных паров в давно не проветриваемом помещении. Мне было лень включить кондиционер. Чувствую, как вспыхиваю до корней волос, когда внимательный взгляд этой женщины скользит по мне с головы до ног. Не хватается только брезгливой ухмылки — но Лера и искренность неотделимы. Если бы это чувство проявилось, она бы и не подумала его скрывать.

— Грустим? Хороним загубленную жизнь? — ей не удастся скрывать свои эмоции так, как умел Алекс. Голос дрожит от негодования. — Нам настолько плохо, что наплевать на дочь, которая плачет и зовет тебя каждую минуту, эгоистичная идиотка?

— Лера... — я вздрагиваю от почти осязаемого ментального удара под дых, инстинктивно скреживая руки на груди, и дергаюсь в сторону испуганной тени, когда в мой подбородок впивается хватка чужих тонких пальцев.

— Открой глаза, Юля! Какого хрена ты с собой делаешь?! — что-то в ее голосе заставляет меня подчиниться. Зафиксировав сужение моих зрачков, Лера неохотно разжимает пальцы. — Хочу тебя ударить. Но нам сейчас только возвращения твоей фобии не хватало. Я не Алекс, я не умею их искоренять!

— Мне все равно. — Пощечина не несет физической боли, а ее моральный аспект недостаточно силен. Это капля в море того хаоса, что отравляет душу день за днем. Я спокойно держу взгляд серо-голубых ледовых океанов, пока еще отказываясь замечать спирали какого-то непонятного волнения... робкого шевеления прежней сущности, которая умела держать удары судьбы, но так поспешно отвыкла. Строить дополнительную защиту за

каменной стеной мужской силы-оберега тогда попросту не имело смысла. Неужели именно подобными проявлениями диктата он не позволял ей рухнуть в анабиоз?

— Когда ты последний раз видела себя в зеркало, Юля? — голос сирены теплеет на пару градусов, недостаточно, чтобы я расслабилась, — у Леры дар видеть грани и никогда их не переступить. Как ее миновала темная прелесть Темы, остается загадкой даже для меня.

— Вчера... — шепчу, стараясь не разжимать губы. — Было бы сегодня, если бы ты не вломила... И все не так страшно!

— Ну да, для приобщения к готам в самый раз! Вставай!

Я не понимаю, почему подчиняюсь сжатию ее пальцев на плече. Меня все еще потряхивает, а перед глазами пляшут темные тени, но тем не менее встаю на ноги, одернув платье. Неуступчивая богиня толкает в спину, я едва не падаю на лестнице, поднимаясь наверх.

— А теперь возьми свой телефон и вызови эконома с подопечными! Что у тебя за бардак?! Готова поспорить, пустой холодильник! Ты когда ела в последний раз?

Я сжимаюсь под ее хлесткими командами, чувствуя себя свечой на ветру без защиты и опеки погибшего мужа. Или же я слишком слаба, чтобы послать ее снова. Валерия все делает сама, отдает короткие распоряжения, звонит в службу доставки продуктов и медикаментов. Но я не успеваю прийти в себя. Ее ладонь отбрасывает телефон, чтобы вновь сжать твердым захватом мой подбородок.

— Ты чертова эгоистка. Тебе наплевать даже на дочь! — вскрикиваю от очередного толчка в спину и от боли в предплечье. Лерка, с несвойственной ей на первый взгляд силой притащив меня в ванную, открутила краны. Кричу, кажется, пытаюсь оттолкнуть ее руки, когда платье рывком опускается вниз.

— Убери руки... Оставь меня в покое!

— Вот только хватит строить из себя непорочную девственницу! Ты, если мне не изменяет память, недавно хотела сдохнуть? — сжимаюсь на белом фаянсе ванной, прикрывая грудь руками под насмешливым взглядом Леры. Впрочем, она сейчас куда больше заинтересована температурным режимом воды, которая медленно наполняет ванную. — Хочешь узнать, к чему так стремилась? Я тебе сейчас продемонстрирую!

Рывок за волосы с резким прострелом боли в затылке... О, в этом жесте в отличие от хватки мужской ладони, нет ничего волнующего или приятного. Противный поток отфильтрованной воды вливается в горло, и я резко дергаюсь, чтобы не захлебнуться. Сквозь льющуюся пелену голубые глаза Леры кажутся размытыми, очередной рывок заставляет судорожно закашляться, выплюнув смесь слюны и воды.

— Я могу продолжать до бесконечности! — спокойно информирует неприступная богиня. — Все еще не хотим жить, маленькая debilka?

Ванная наполняется очень быстро, я только открываю рот, чтобы высказать в ее холеное лицо все, что о ней думаю, как новый нажим внешне слабой ладони сгибает пополам, опуская меня лицом под воду.

Я ей не верю. Ну не сможет она довести начатое до конца. Это просто пантеон богов психореверса, Лера и мой погибший супруг...

Алекса больше нет. Грудь сдавливает под водой совсем не отсутствие кислорода, а самые сильные, душераздирающие, бесконтрольные рыдания, оттесняя инстинкт самосохранения на задний план. Валерия рывком за волосы тянет меня наверх, ощутимо ударив ладонью между лопатками. Я отплеываю воду вперемишку с рыданиями, которые

разрывают грудную клетку острой режущей болью.

— Давай, реви! Прогони это прочь! — Валерия присаживается на бортик джакузи, не опасаясь промокнуть, и просто прижимает к себе, укачивая, словно маленького ребенка. — Юля, у тебя замечательная малышка! Как ты могла об этом забыть? Ты представляешь, как сильно ей нужно твое тепло? Детки беззащитны перед ударами судьбы, и, если родители демонстрируют такое поведение, это усугубляет их травмы в тысячу раз!

Я не знаю, что ей ответить. Теплая вода расслабляет, согревает дрожащее тело. Я не знаю, сколько проходит времени, прежде чем окончательно успокаиваюсь. Валерия успела встретить эконома и его штат прислуги, раздать им распоряжения и вновь вернуться ко мне. Ее идеальная укладка растрепана, платье промокло, но она не обращает на это ни малейшего внимания. Я послушно позволяю ей вымыть мои волосы, высушить полотенцем влагу с тела и закутать в махровый халат.

Внутри пустота, но вместе с этим приходит ясность мысли. Хаос улегся, я надеюсь, надолго. В столовой накрыт стол, прислуга заблаговременно попряталась по углам. Аппетита по-прежнему нет, но я заставляю себя съесть тарелку буйабеса под испытывающим взглядом Леры.

— Я не понимаю, как жизнь может быть такой... такой... — у меня заканчиваются слова. — Неужели так будет всегда?

Лера медленно отрезает кусочек лангета, я отвлекаюсь, наблюдая за ее грациозными движениями. Мои точно такие же, плавные и красивые, правила этикета невозможно забыть.

— Юля, запомни одно: будет гораздо хуже.

— Прекрасный способ меня успокоить!

— Я не буду сейчас разглагольствовать о теории белых и черных полос, глупышка. Я не буду грузить тебя заезженными штампами «все пройдет», «все будет хорошо», «хуже быть не может». Самое парадоксальное — это действительно однажды пройдет. И действительно, тогда-то ты сможешь сказать: да, теперь снова все хорошо. Но не сейчас. И не завтра. И наверное, даже не через год. Смирись с этим и не жди чудес природы.

— Я так часто теряю близких людей... — смахиваю слезы, отпивая из стакана с соком — алкоголь в любом виде Лера мне строго-настрого запретила. — По-настоящему близких...

— Это неизбежно, Юля. Но разве Александр был единственным близким тебе человеком? Ева. Мама. Сестра. Разве они заслуживают подобного к себе отношения? Разве ты их стала меньше любить? Ты не имеешь права так их предавать. В первую очередь Евочку. Поверь, ей сейчас тяжелее всех. А весь парадокс в том, что ты не имеешь никакого морального права показать ей себя, такую!

— Я просто ничего не могу с собой поделать.

— Сможешь, милая, — впервые за вечер Лера улыбнулась мне по-настоящему теплой улыбкой. Я бы назвала это материнским инстинктом, если бы не была столь зациклена на своем горе. — Пока я здесь, ты будешь работать над этим. Каждый прожитый день ворует покой твоей дочери. Наша с тобой задача — справиться как можно быстрее, чтобы ты смогла ее обнять и заставить забыть все плохое. Окружи ее лаской и любовью за двоих. Поверь, ты единственная, кто сможет ее спасти!

— Много я смогу в таком состоянии! — слезы душат, рухнули стены обозленного страдания под жестокой правдой ее слов. Я теряю дочь. Я упускаю ее хрупкий внутренний мирок из своих ладоней и ничего не могу с этим поделать!

— Ты сможешь гораздо больше, пока тебе есть ради кого жить и сражаться, Юля! Я останусь с тобой, пока не решу, что ты готова. Будем работать. Никакого алкоголя и рефлексии. Я не верю в потусторонний мир, но давай предположим, что Алекс сейчас наблюдает за нами. Его сердце разрывается даже там за вас двоих... за тебя и за дочь! Ты хочешь для него ада за воротами рая? Я думаю, нет! Я помогу тебе, и мы справимся. Но ты должна понимать, что придется выбраться из раковины. Если тебе так привычнее... подчиниться моим правилам!

Я смахиваю слезы, пораженная разумностью ее доводов и силой произнесенного слова. Даже если она разрушит город, подобно варварской принцессе, но потом обратится к выжившим людям с трибуны, все без исключения будут очарованы настолько, что забудут о недавней агрессии напрочь. Когда Валерия начинает говорить, замирает даже реальность, затянувшаяся депрессия разбивается об уверенность голоса разума этой потрясающей женщины, у которой дар менять ход самой жизни изящным жестом тонкой ладони. Я замечаю, как выравнивается дыхание и сердечный ритм, полоснув напоследок лезвием финальной вспышки боли. Ее отсветы затихают, еще не насовсем, на короткое время. Она сейчас не дает мне оцепенеть. Я поднимаю глаза, расцепив замок сжатых пальцев.

— Как тебя миновала Тема? — я не могу не признать, что от такого подхода исцеление подчиненного партнера было бы обречено на успех. Но, к счастью или сожалению, Валерия далека от этого мира.

— А имеет ли смысл ослепить совершенной красотой изысканной формы, с тем чтобы никогда больше не воссоздать ее подобие?

На это нечего возразить даже мне. Мы завершаем обед в молчании.

— А теперь в кровать, тебе нужно выспаться, и как можно лучше! — Лерка непреклонна. — Неужели ты не соскучилась по дочери?

Я улыбаюсь, почувствовав приятное расслабление после ванной и трапезы.

— Очень соскучилась...

— Тогда в твоих интересах отдохнуть, привести себя в порядок и найти силы!

Она укладывает меня в постель, словно маленькую, помогает надеть ночную рубашку. Пара таблеток, несколько глотков воды. Я засыпаю, чувствуя, что она сидит рядом, слегка сжимая мою ладонь.

Глава 2

Я потеряла счет времени в последующие за приездом Валерии часы и дни.

Моя психика по-прежнему любила меня. Просто я сама ей не позволяла отдохнуть и восстановить силы, с упорством черной мазохистки культивируя собственную душевную боль. Что именно и как сделала для меня Лера в эти дни, я так до конца и не поняла. Все это сводилось к одному простому понятию: она была рядом.

Когда я открыла глаза на следующее утро после ее приезда, почувствовала себя почти отдохнувшей. Предательские рыдания с привычной болью одиночества и потери все-таки подкрались внезапно, холодные и теплые потоки контрастного душа смывали горькие слезы с моих глаз, а я даже не ощущала перепадов температуры. Сдавленные стенания оборвались лишь тогда, когда ощутила, что замерзаю под ледяным режимом.

Лера сидела в кресле в гостиной, лениво листая журнал.

— Так, сейчас надеваешь спортивный костюм, полчаса на орбитрек, оставшееся время бассейн. Давай, в темпе! — сама она уже переделалась в шорты и футболку, подчеркивающие ее изумительно идеальную фигуру. При всем при том она проигнорировала мои заплаканные

глаза и посиневшие от холода губы, невозмутимая Фемида, чье вмешательство в хаотичные колебания весов правосудия сейчас никак не могло заключаться в слезливом сочувствии. Только прессинг во благо, хоть и немного в ином проявлении, чем тот, к которому я привыкла. Формула «я буду относиться к тебе строго для твоего же блага» так часто меняла структуру и смысл, но всегда приводила к правильному результату. Я даже не удивилась, обнаружив поверх застеленной постели треники и топ, послушно натянула на себя обмундирование для занятий спортом. Голова больше не кружилась, когда я наклонилась, зашнуровав кроссовки. Сон и питание не прошли даром.

В нашем домашнем тренажерном зале Лера была непреклонна. Хоть картина за панорамными окнами лоджии не радовала — серый массив лесополосы, где мы, казалось, еще совсем недавно целовались с Алексом, утопая в ворохе желтой листвы, таял в серой полосе холодного дождя, по небу бежали низкие темные тучи, — я уверенно встала на беговую дорожку, включив щадящий режим.

— Не-а! — Лера с видом самого зверского тренера отбросила мою ладонь с пульта, прибавив скорости на несколько пунктов. — По-настоящему!

Через десять минут я выдохлась окончательно. Да уж, Валерии не хватало только латексного боди и плетки в руках. Легкие горели — последствия затянувшегося общения с сигаретами и потери выносливости. О какой спортивной нагрузке после его смерти могла идти речь? Зачем мне это нужно? Какое значение может иметь объем моей талии и отсутствие целлюлита, если он никогда больше не увидит меня... не сожмет в своих сильных руках, осыпая каждый изгиб горячими поцелуями, разжигая огонь самой бесконтрольной страсти и нежности из всех доступных? Для кого мне надо оставаться красивой и желанной теперь, когда его не стало?

— Три минуты ускоренного. Приготовься! — я едва не упала, когда скорость вращения ленты под ногами достигла максимума. — Вперед! И не забывай о правильном дыхании!

Душераздирающие воспоминания рухнули в нокаут, вытесненные инстинктом самосохранения, который вопил лишь об одном: удержаться и не разбить лоб о сенсорное табло тренажера и дышать как можно глубже, чтобы не сползти на пол от кислородного голодания. Жжение в икрах стало нестерпимым, и я застонала от облегчения, когда аккуратный ноготок Леры выключил тревожную кнопку предельной скорости.

— Две минуты шаг, потом на второй, и снова три минуты кросс! Ты достаточно сознательна, чтобы не халтурить? Мне можно заняться тем же, что и ты, а не стоять рядом, подобно карающему ангелу?

Я не могу даже ей ответить, киваю, судорожно хватая ртом воздух.

— Я слежу за тобой! — без намека на иронию припечатывает Валери, запуская практически сразу бешеную скорость разогрева. В отличие от меня, вид у нее скучающий, дыхание ровное. Такое тело, как у нее, можно получить только ценой регулярных физических нагрузок. Что-то знакомое царапает изнутри по ребрам нетравматичным росчерком — наверное, присущее каждой дочери Евы чувство соперничества с амбициями победителя: не брызгать слюной черной зависти, а сделать все от тебя зависящее для того, чтобы сохранить в возрасте идеальную фигуру. Подзабытая вспышка азарта — я смогу и добыюсь, сейчас же! — разжигает забытое пламя в глубине сознания, которое уже волком воеет от интоксикации кортизолом. Рано или поздно срабатывает защитный блок. Мне до этого еще рано, но спорт ускоряет бег крови, наполняя силой ослабевшие мышцы. Завтра буду плакать от крепатуры. Но пока ты чувствуешь боль, ты жива. Сейчас я не понимала

стратегии своей умудренной жизнью подруги, как и то, что она уже пустила тонкие побег-лианы постепенного исцеления.

— Орбитрек и трицепс-блок — затем в бассейн! — командует Валерия, с легкостью отжимая от груди штангу. — Сегодня по минимуму, а то завтра с постели не встанешь.

— Зачем все это нужно? — я пытаюсь отдышаться и игнорировать боль в боку. Это не крик подсознания... это, скорее, мои капризы.

— Ты слишком много говоришь! Давай, полтора километра от бортика к бортику. Переодевайся, быстро!

После бега у меня дрожат ноги, едва не падаю, натягивая купальник. У воды потрясающее свойство снимать негатив. Моя терапия началась и принесла первые положительные результаты. Еще не раскололись твердые метастазы внутренней боли, но депрессия сделала первый робкий шаг в небытие. В тот вечер я испытала чувство стыда за то, как поступаю с дочерью. Мне до боли захотелось услышать ее голос и сказать, как сильно я ее люблю и никогда теперь не брошу, но Лера ненавязчиво отвела от этой мысли.

— Рано, Юля. Боль будет искать выходы, и легко прорвется через твой голос и интонацию. Ты прекрасно знаешь, как детки это чувствуют.

Новый виток боли едва не сломал меня за ужином. Вечера всегда убивали мою волю со сноровкой хладнокровного киллера. Лера снова не успокаивала и не вытирала слезы — она говорила, не давая мне уйти в себя. О том, что прошлое придется отпустить, иначе оно меня уничтожит. Что в этот раз может не повезти с архангелом-спасителем, как после смерти Димы, но теперь я стала старше, а следовательно, сильнее и мудрее, и надо понимать, что дальнейшее только в моих руках. Жизнь будет еще шарахаться такими ударами, что захочется залезть в раковину, подобно улитке. И она совсем не будет давать тайм-ауты, как в спорте. Только в моих руках сейчас шанс стать сильнее, пережив эту боль, чтобы уметь противостоять обстоятельствам. В конце концов, Ева беззащитна и уязвима гораздо сильнее. Кто позаботится о ней, если я буду продолжать умирать день за днем в своем аду потери? Когда от тебя зависит благополучие маленького человечка, нет никакого права на подобный эгоизм.

Тяжелая пелена безысходности снова отступает, убаюканная ласкающим слух тембром голоса Валерии и разумностью ее доводов. Я допиваю сок (алкоголь мне Лерка строго-настрого запретила) и озвучиваю мысль о том, что неплохо бы полазить во всемирной сети, посмотреть, чем дышит мир за окном. Шумиха вокруг гибели моего мужа уже наверняка улеглась?

— Не сейчас, Юля. Тебе нужен отдых, а сидение у монитора к нему не относится.

— Но я даже не смотрела последние отчеты по продажам в магазинах!

— Там все в порядке, поверь мне. Я прилетела позавчера и первым делом навестила три твоих бутика. Милена не зря получает свою зарплату, все под контролем.

На это мне нечего возразить. Лера выходит из гостиной, в которую мы перебрались, чтобы выпить чаю, а я включаю телевизор. Не делала этого уже черт знает сколько времени. Я даже не имею ни малейшего понятия, что происходит в мире, только надеюсь на то, что шумиха вокруг смерти Алекса улеглась. Будет достаточно одного упоминания, чтобы вновь повергнуть еще слабую после потрясения сущность в более глубокий анабиоз, чем прежде. Я не имею на это больше никакого права ради Евы.

Безобидный кот, которого всегда мне было до безумия жаль, гоняется за мышонком Джерри. А ведь Евочка даже не видела мультика моего детства, я ей обязательно его покажу

совсем скоро. Мне хочется остаться на этом канале, но перерыв на рекламу вызывает волну негодования. Да что ж это такое! В Швейцарии я немного поотвыкла от особенностей нашего телевидения с их внезапными включениями рекламного блока. Переключаю несколько каналов с фильмом ужасов и сериалом, натыкаюсь на блок новостей. Обаятельный телеведущий уверенно вещает о предстоящей предвыборной гонке на пост мэра города. Вроде я раньше слышала, что Валерий Лавров продолжает политическую карьеру в Киеве и очень высоко стоит, а очередной народный избранник не оправдал доверия.

— Представитель политического блока «****», по данным экзит-пола, вырвался в неоспоримые лидеры. Большинство голосов ему обеспечило недавнее продвижение законопроекта о налоговой реформе в сфере малого бизнеса, а также создание крупных благотворительных фондов в поддержку онкомедицины и семей, потерявших своих близких в зоне боевых действий АТО. Самый молодой кандидат на пост мэра набирает все большую популярность среди электората также благодаря...

— Юля, Юля! — вздрагиваю от легкой боли в запястье, не заметила, как подошла Лера. Она ловко отбирает пульт дистанционного управления, переключив на очередной канал, непроизвольно зажимаю уши от ворвавшейся в эфир громкой музыки. — Никакого телевизора! Тебе пора в постель.

— Я не хочу спать!

— А Еву обнять хочешь? Так и знай, я тебя в подобном состоянии не подпущу к дочери и близко! Давай, завтра едем в спа, как только проснешься. Тебе же не нужны морщины и тусклый цвет лица? Быстро в постель!

Валерия уверенно, недрогнувшей рукой, воплощала в жизнь план мероприятий по моему восстановлению. Поразительно, но само ее присутствие уже действовало на меня подобно целительному бальзаму. Я все еще просыпалась по утрам в слезах и подавленном настроении, но стоило увидеть мою старшую подругу, тоску и воспоминания вытесняла жажда деятельности и ожидание встречи с Евой. На третий день я впервые за долгое время рассмеялась. Над просмотром комедии, но все же! Жизнь продолжалась. Может, как ни ужасно это прозвучит, то, что я видела своего мужа мертвым, и положило начало принятия неизбежного. Никакой надежды на чудовищную ошибку не было и в помине, факты оставались неизменными — его больше нет, а я должна жить дальше во имя нашей дочери, отпустить боль потери и двигаться вперед. Именно ради нее. О том, что за периметром особняка есть иные мужчины, которые теоретически могли со временем сделать меня счастливой, я не думала. Чтобы я вновь подняла глаза и обратила на кого-то из них внимание, должна пройти вечность. У меня долго еще не появится подобного желания.

До оглашения завещания оставалось несколько дней, но мне не надо было ни о чем беспокоиться — даже если я окажусь неупомянутой в официальной бумаге, по праву наследия все равно остаюсь одной из самых завидных невест страны. Так сказала Валерия, ее слова никогда не были случайными. Тонкий рычаг реверсивной психологии? НЛП-установка, отсроченная во времени? Она так хотела подчеркнуть своими словами, что я должна жить дальше и не хоронить себя в четырех стенах? «Завидная вдова», — исправила я ее тогда, на что моя подруга лишь многозначительно промолчала.

Утомительные тренировки в спортзале укрепляли не только тело, но и дух. В салоне, хозяйкой которой стала совсем не изменившаяся внешне Лекси, я умудрялась расслабляться и даже вспоминать со студенческой подругой самые веселые моменты нашей учебы. Лена

изменилась внутренне — я давно не наблюдала такой сосредоточенной деловой хватки, куда только делась глупая блондинка из нашего беззаботного академического прошлого! У нее хватило сообразительности не напоминать о моей трагедии, чего я так опасалась, когда Валери впервые привезла меня в спа-империю SALON DE BEAUTE'. И даже это не было случайностью, подозреваю, как и то, что на месте оказалась Лена.

Накануне визита к нотариусу я вызвала дизайнера интерьера и попросила обновить детскую комнатку Евы в максимально кратчайший срок. Цветовую гамму решила не менять, но мебель обновили полностью, как и ассортимент ее игрушек. Все было готово к приезду моей кровиночки, моего маленького солнышка, единственной искорки, ради которой я взяла себя в руки с поразительным хладнокровием. Такая приятная занятость придавала силы, а я сама не замечала, что улыбалась в предвкушении, раздавая указания дизайнеру и его бригаде. Подумав, потребовала от них практически невозможного: сделать в нише большой аквариум из закаленного стекла, в котором обязательно должны плавать две золотые рыбки. Ради спокойствия и счастья моей малышки я была готова свернуть горы и достать с неба звезды. Нет, моей Евочки не коснется больше никакая грусть и печаль, я сделаю все, чтобы как можно скорее услышать ее залиvistый смех, от которого солнце озаряет даже самый ненастный день, и хочется жить дальше. Идти вперед, ломая стены, если понадобится, ради бесценного маленького человечка, который стал смыслом твоего бытия.

Лера установила для меня испытательный срок. Можно сказать, я его выдержала с честью. Мое сердце разрывалось, когда я общалась с матерью и слушала ее рассказ о том, как часто Ева плачет и зовет меня. Она смирилась с потерей отца куда быстрее, чем ее депрессивная мать. Сколько раз я порывалась уехать и обнять свою доченьку, меня останавливали лишь разумные доводы Валерии.

— Осталось два дня. Потерпи! — мягко успокаивала она меня. — Разделаемся с завещанием, и ничего больше вам не помешает.

Илья прилетел в Харьков накануне. Если бы я не знала, как сильно его подкосила гибель Алекса, обвинила бы в бесчувственности. Это непроницаемое выражение лица и плотно сжатые губы передалось ему на генетическом уровне, уже не знаю, от кого больше — от снежной королевы Леры или же от непримиримого альфа-дома Александра. Лишь когда он спустился к ужину и оказался со мной наедине, что-то дрогнуло в этом замкнутом красивом лице.

— Юля! — к его слезам я была совсем не готова. — Этого... не должно было случиться! Как же так? Как теперь жить дальше?

Кажется, я начала понимать, почему Валерия запретила мне привозить Еву заблаговременно. Не хватало малышке видеть отнюдь не скупые мужские слезы своего сводного брата! Я банально растерялась, продолжая рассеянно гладить его волосы, стараясь не замечать тонкой сети трещин, побежавших по бетону моего личного защитного купола. Черт, мне нельзя сейчас срыватьсь! Только не сейчас, потому как и без того недопустимо много времени потеряно вдали от дочери.

— Так, как и жил до этого. Тут ключевое слово «жить», а не хоронить себя! Пойди умойся, чтобы мать этого не видела! — я не повышала голос, в моем исполнении даже эта установка прозвучала очень ласково и мягко. Самоконтроль сработал, защитное поле возобновилось, оставив после себя усталость и раздражение. — Что это за подростковый эгоизм? Нам всем сейчас тяжело, но ты видел, чтобы мы с твоей матерью катались по полу и рвали на себе волосы?

— Что с ним? — нейтрально спросила Валерия, войдя в комнату. — Я все же несколько беспокоюсь за его моральное состояние. Нестабильное.

— В его же интересах взять себя в руки. Я же сумела? — Лера кивнула, тепло улыбнувшись, наверняка втайне довольная собой и своими методами по психотерапии. Когда Илья вернулся из ванной комнаты, я втайне поразились произошедшей с ним перемене. Лицо снова замкнулось, будто заледенело, даже пальцы больше не дрожали. Мы пытались поддерживать видимость беседы за ужином, с целью отвлечься от повисшего напряжения, но Илья закрывался от любых моих вопросов, стыдясь своей недавней слабости. Я предпочла показательное равнодушие, почувствовав тонкую грань — если начну его жалеть и успокаивать, он может совсем возненавидеть меня.

— Где моя сестра? — внезапно поинтересовался он, и в зеленых глазах промелькнуло что-то совсем детское, доверчивое и уязвимое.

— Ева скоро придет, — ответила за меня Валерия. — Ты же останешься?

— На месяц точно, Лер. — Я так и не смогла привыкнуть к этой западной манере называть родителей по именам. После ужина он попрощался, сославшись на усталость после перелета, а мы с Валери посмотрели очередную киноленту, перед тем как отправиться спать.

Утром, в девять часов, мы уже были в приемной нотариальной конторы. Родители Александра не прилетели из Мюнхена, где проживали с 2008 года, из-за пошатнувшегося здоровья, зато родственники побросали все свои дела, слетевшись делить лакомый пирог наследства. Они не присутствовали на похоронах моего мужа. Они даже ни разу не объявили о себе за все то время, что я состояла с ним в браке. Атмосфера в небольшом зале накалилась до такой степени, что даже обаятельная референт растеряла свою грацию и с нетерпением поглядывала на часы.

Родная сестра Александра сверлила меня презрительным взглядом и, не стесняясь, язвительно посмеивалась, нашептывая что-то на ухо своему супругу, парню гораздо младше ее, с синевой хронического алкоголизма под глазами. Двоюродный брат, компаньон по бизнесу, тихо переговаривался с Валерией, пока его супруга, наглая девица с обесцвеченными волосами, высказывала секретарю претензии относительно качества приготовленного кофе. Илья держался особняком, не вступая ни с кем в переговоры, иногда припечатывая не в меру расшумевшуюся родню укоризненным взглядом. Я на время оказалась предоставленная сама себе, и, рискуя сорваться на хамское поведение этих, по сути, незнакомых людей, пила свой эспрессо, изучая дизайн комнаты. Пастельные золотисто-бежевые тона, иногда разбавленные шоколадным, ни одной лишней детали в обстановке — чувствовалась, что здесь поработала бригада дизайнеров. Даже костюм девушки-референта был выдержан в этих тонах, как и едва заметный макияж. Я непроизвольно скривилась от визгливого вопля Яны, которая уже в открытую повышала голос, высказывая, как горчит кофе.

— Сядь, — процедила я сквозь зубы.

— Ты вообще бы закрыла рот, охотница за... — знать бы, в какой Хацапетовке ее подцепил кузен Алекса. Я отставила чашечку в сторону и медленно поднялась с дивана. Желание влечь пощечину этой хабалке превысило все допустимые пределы. Ее спас только зуммер селектора, и невозмутимая секретарша с дежурной улыбкой пригласила нас войти. Белобрысая Яна пыталась толкнуть меня плечом в дверях, но ее супруг изменился в лице и ощутимо потрянул жену за плечо. Он был в бешенстве, только я быстро потеряла к ним интерес.

— Сюда, Ванечка, сюда! — меня все-таки ощутило пнули под ребра. Сестра Алекса, вцепившаяся в локоть молодого спутника жизни. Я поморщилась от стойкого запаха перегара, когда эта парочка поспешила оккупировать самые удобные кресла во главе стола. — Давай, садись, тут хорошо!

— Позор семьи, — прошипел Илья над моим ухом.

Сам нотариус, немолодой мужчина в светлом костюме и тонких очках в золотой оправе, оставался невозмутимым, наблюдая этот бардак. Его не смутило даже отсутствие приветствия со стороны некоторых лиц. Илья и Константин единственные помнили о хороших манерах. Обмен рукопожатиями, вежливое приветствие для всех дам — впрочем, ответили на него только я с Валерией.

— Я попрошу вас освободить эти места! — безапелляционно велел нотариус, проигнорировав ругательство Марии, которая все так же порхала над супругом, по всей видимости, страдающим от похмельного синдрома. — Валерия Полякова, Илья и Юлия Кравицкая, вас прошу сесть рядом.

В другой ситуации я бы припечатала Марию лавиной превосходства-презрения, но опускаться до их уровня не стала. Мы заняли указанные места.

— Мое имя Виктор Андреевич, — оповестил нас нотариус. — И мы собрались здесь для оглашения завещания Александра Кравицкого. Считаю необходимым поставить вас в известность, что последняя редакция документа произошла 24 января, то есть немногим менее трех месяцев назад, и претерпела серьезные изменения.

Я вздрогнула. Нет, не при слове «изменения», от которого зашумела основная часть присутствующих. 24 января.

Он знал наперед. Прекрасно знал, что ему предстоит операция по поводу аневризмы. Мои самые тревожные опасения оправдались. Я уже не слушала его дальнейшие слова... 26 января мы вырвались на несколько дней в Норвегию, я давно мечтала увидеть фьорды. И мой муж, самый лучший мужчина на земле, ничем не выдал, как ему было плохо, как убивали участившиеся головные боли. Зная, что смерть дышит ему в затылок, он сделал все, чтобы не омрачать наши последние дни ее ледяным дыханием. Пил сильные обезболивающие препараты, занимался со мной любовью, играл с Евой, стараясь максимально насладиться последними мгновениями жизни, и не отнять ни секунды счастья быть рядом с нами, своей дорогой семьей. Как, спрашивается, была слепа я в своем абсолютном счастье любить и быть любимой? Не заметила, не почувствовала, не вострепелась испуганным зверем острая интуиция. Как это могло произойти?

Я прекрасно знала ответ на этот вопрос. Этого не произошло, потому что он активировал защитное поле, заблокировавшее все плохие предчувствия. Он сделал все, чтобы я не смогла этого почувствовать. Он любил нас с дочерью больше собственной жизни.

— Юлия? — я моргнула, сообразив, что Виктор обращается ко мне. — Кофе? Чай?

— Кофе, — рассеянно прошептала я. Валерия сжала мою ладонь под столом, ободряюще огладив напрягшиеся фаланги.

— А виски в вашей конторе имеется? — встрял Иван под одобрителное кивание супруги. — Неразбавленный!

— У вас а-а-а-атстойное кофе... — протянула Яна, накручивая прядь пережженных окислителем волос на палец. — Я пью только «Старбакс», это возможно?

— Боюсь, что нет, — сухо ответил нотариус. — То же самое касается спиртных напитков для столь... раннего времени.

Фифа фыркнула, а Константин сжал кулаки до такой степени, что в пальцах хрустнул карандаш. Я помимо воли испытала злорадство, хотя этот мужчина и не сделал мне ничего плохого. Надо было думать, перед тем как тащить с собой невоспитанную супругу. Я помнила, что он был на нашей свадьбе, несколько раз видела его с Алексом, знала, что они компаньоны по бизнесу, и не более. На тот момент мне было достаточно. Может, именно поэтому он не был вхож в наш дом как родственник или друг семьи, из-за неадекватного поведения любимой жены, с которой ввиду занятости по работе не мог совладать?

— Довожу до вашего сведения также тот факт, что есть иные субъекты наследования. Волей покойного господина Кравицкого их персоны, а также распоряжения касательно этих лиц не подлежат разглашению, поэтому их присутствие необязательно.

Я бросила на Валерию тревожный взгляд, но она продолжала улыбаться, давая этим понять, что беспокоиться не о чем. Зато Мария снова открыла рот, обещая перебить конечности внебрачным детям своего покойного брата и его «многочисленным шлюхам». Но, видимо, нотариус привык к подобному проявлению неадекватности.

— Субъекты непрямого наследования не обязательно являются внебрачными детьми, поэтому попрошу внимания. Вы же позволите мне зачитать завещание? Будете так любезны?

Я пила кофе, пока он зачитывал первую часть. Бизнес. Трастовые фонды, ценные бумаги, активы, акции. Поскольку я никогда не касалась его бизнеса и не имела понятия, в чем он заключается, слушала вполуха, давно позабытые резкие термины вызывали раздражение. Из всего этого я поняла только то, что пакет акций Алекса делится между мной, Ильей и родителями супруга поровну, Валерия получает основной пакет успешной маркетинговой корпорации, также приумножаются активы Константина как партнера, но в меньшей степени. Цифры в отчетах-таблицах показались мне астрономическими и незнакомыми. Я кивала, проглядывая бумаги, не понимая сейчас ничего. Единственным знакомым мне словом было «прирост» и «индекс Доу-Джонса».

— Я всему тебя научу со временем, чтобы ты смогла контролировать ценные бумаги и приумножать. Пока же доход от инвестиций будет постоянным и составит приблизительно такую цифру в год с учетом незначительных колебаний, — тихо сказала Валерия, ткнув пальчиком в выделенный столбец. Я едва разобрала, сколько же там нолей.

Мария не получила свою долю в бизнесе, как по мне, ей бы стоило удовлетвориться недвижимостью, но она была в бешенстве. Поставила подписи, едва не продырявив гербовую бумагу и покинула офис, подхватив под мышки своего апатичного альфонса-алкоголика. Яна попыталась было возмутиться, но когда Константин ей сквозь зубы пояснил, что прибыль возросла и ничего не изменится, успокоилась. Илья выслушал молча и без удивления, такое наследство не стало для него сюрпризом.

Как и стоило ожидать, Александр разграничил все очень четко: дом и автопарк в Харькове оставался за мной, вилла в Ницце — тоже, для Ильи еще несколько лет назад был приобретен особняк в Киеве, плюс имение в Черногории. Виллу в Тоскане он подарил Валерии заблаговременно, к тому же первая мадам Кравицкая успела инвестировать в недвижимость за десятилетия совместного бизнеса. После оглашения основного права наследования нотариус попрощался с Константином, велел остаться лишь прямым наследникам ввиду конфиденциальности последующего пункта завещания.

— Господин Кравицкий на момент своей трагической гибели являлся полноправным собственником закрытого частного клуба Devi-ant, который не попадает под право прямого родственного наследования. — Вот это стало для меня легким шоком. Когда Штейр успел

выйти из совместного дела? Или я изначально не понимала всех нюансов функционирования тематического клуба? — Распоряжением покойного данный клуб переходит во владение Юлии Кравицкой, а также... Кравицкого Ильи.

Твою ж б. дь. Я перевела ошарашенный взгляд на пасынка, который выглядел еще более потрясенным, чем я сама. Валерия нахмурилась, услышав имя сына, но сохраняла величественное молчание. Илья прикусил ноготь на большом пальце, качая головой, словно отказываясь верить в услышанное. Повисла неловкая пауза, а я почти физически ощутила волны недоумения и протеста, исходившие от парня.

— Да ну... Я могу отказаться в пользу Юлии Владимировны? Прямо сейчас? Что нужно подписать?

Нотариус переложил стопку бумаг и развел руками:

— Увы, это в данный момент невозможно. Волей погибшего четко указано, что Юлия Кравицкая не имеет права на продажу данного клуба, как и на выкуп вашей доли, Илья Александрович. Прошу, можете ознакомиться.

Я едва не перехватила протянутый документ. Мне тут же передали дубликат.

— Дарственная, — протянула по слогам Валерия, слегка наклонившись к Виктору Андреевичу. Но он отрицательно покачал головой.

— Исключено. Конечно, завещание можно оспорить в суде, хотя бы пункт запрета последующей купли-продажи. — Я скользила невидящим взглядом по строчкам документа. Черт, мне придется его перечитать позже, когда отойду от шока. Клуб? Продолжение традиции? Вето на продажу, прописанное, помимо этого, еще в трех документах? И ладно мне Тема знакома не понаслышке, но при чем здесь Илья? Его же одно название перепугало до икоты. Я даже ощутила изменение настроения Валерии, которая не была согласна с таким поворотом относительно наследства сына.

— Я ничего не понимаю, — Илья потер переносицу, бросив на меня вопросительный взгляд.

— 50 на 50, мы равные совладельцы, все ясно, как божий день. — Я залпом допила остывший эспрессо. — Ну, готов пожаловать в мир черно-красной любви с привкусом боли, партнер?

— У меня есть еще кое-что для вас, Юлия Владимировна, — Виктор подвинул запечатанный конверт с голографическим тиснением по стыку. — Конфиденциально. Этот документ должен вам ответить на многие вопросы.

Моя защитная реакция трансформировалась в язвительную атаку неуместного черного юмора. Повисший на кончике языка сарказм так и остался невысказанным. Его тут же смыла горячая волна боли, отчаяния, горького предательства — как я могу вообще войти в клуб, где... где встретила его первые? В его кабинет, к его бумагам, хранящим отпечатки пальцев... бокалам, тонкого стекла которых касались его губы... креслу, еще помнящему его тело?

Я не отдавала себе отчета в дальнейших действиях. Кресло едва не завалилось набок, когда я метнулась к двери, не в состоянии находиться здесь. Я задыхалась от напомнившей о себе боли.

— Юля! — догнал меня спокойный голос Валерии. — Юля, не дури!

Как бы не так! Я вылетела в прохладный холл приемной, едва не сбив с ног Константина, дальше, в длинный коридор, чтобы без сил опуститься на диван. Здесь, по крайней мере, никого не было. Слезы не приходили, это было похоже на оцепенение,

полный коллапс воли и понимания происходящего. Когда явился Илья и мягко попросил вернуться в кабинет, чтобы подписать необходимые документы, я безвольно встала, позволив сжать собственное запястье. Несколько подписей, какие-то ничего не значащие слова — может, я их и не вспомню потом вовсе.

— ...Мне придется оставить тебя до вечера, чтобы утрясти основные вопросы с Костей. Ты сможешь взять себя в руки? Слышишь меня? Сейчас уезжайте домой. Мы вечером об всем переговорим. Не забудь конверт! — чего уж, а выдержки Лерке было не занимать. — Илья, или позвони Борису, или отвези ее на своей.

Я подняла голову, сбрасывая остатки сомнамбулического состояния.

— Не стоит, Лер. Правда. Со мной все будет в норме. Крепкий кофе, и я приду в себя! Не здесь, — я ухватила Илью за руку. — Через дорогу «Венская кофейня». Нам тоже имеет смысл переговорить.

В последние дни мое настроение меняло свою полярность со сверхзвуковой скоростью. Я и сама не поняла, как сумела взять себя в руки и мысленно разложить по полочкам предмет предстоящей беседы. Позволила ему побыть галантным джентльменом и подать шубу с шарфиком, даже сказала что-то ободряющее в стиле «не бойсь, там не страшно», когда мы переходили дорогу.

В это раннее утро кофейня пустовала. Мы расположились у окна, я заказала себе горячий шоколад, а Илья — двойной эспрессо. Интерьер располагал к релаксу, в немалой степени этому способствовала тихая музыка и аромат кофейных зерен.

— Если честно, Юль, я сам до сих пор в полном ауте. — Глаза Ильи внимательно следили за конвертом, который я убрала в сумку. — Отец знал, насколько я далек от этой вашей Темы.

— Интересно, — меня неприятно резанула по нервам осведомленность пасынка. — Настолько ли далек, как пытаешься мне показать?

— Ты зря иронизируешь, серьезно. В Сорбонне эта субкультура считалась в узких кругах практически трендом. Не надо думать, что я не понял ее психологии и всей глубины подобного признания сущности. Я знаю, что основные постулаты сделали ее безопасной, разумной и добровольной, знаю так же, что это выбор сильных людей, чей IQ гораздо выше среднего уровня. Я даже готов согласиться с тем, что она ведет к познанию себя, это очень тонкая философия, и готов поспорить с теми, кто назовет это «извращением». Но понимать и гореть — разные вещи. Пробовать не стал, отвечу сразу, просто изучил, во многом как дань уважения отцу, и понял, что в корне не мое. Может, уважение к женщине пересилило тягу к доминированию и унижению более слабого партнера, притом, что защиту и безопасность я готов предоставить, не требуя взамен абсолютного подчинения. И в то же время мое отношение к прекрасному полу не вылилось в обратную сторону медали с желанием поклоняться и принять сексуально-волевой аскетизм. Мы с Алексом часто об этом говорили, поэтому я сейчас настолько сильно удивлен подобным поворотом событий.

Я уже устала удивляться за сегодня. Впрочем, Илья вырос очень эрудированным и разумным молодым человеком, я никогда этого не отрицала. Чуть скосила глаза, наблюдая за его жестикуляцией, все еще выдающую растерянность, не отдавая себе отчета, что заставляю партнера нервничать.

— Я хочу сказать, Юль, тебе не о чем переживать. Я узнаю, как можно обойти завещание. И отпишу тебе дарственную. Я думаю, есть выход из создавшегося положения, что бы там ни говорил нотариус. Ты же знаешь, я хочу осесть в Сан-Тропе и купить себе

белоснежную яхту. Мечта моего детства.

Иногда он был просто смышленным ребенком, несмотря на потрясающий интеллект и нашу с ним разницу в возрасте в год.

— Нотариус ясно сказал, что дарственная исключена.

— Но ведь он не говорил о вето продажи для меня, правда? Этого нет в документах. К черту оценочную стоимость, с тобой сойдемся в цене, если близкие...

— Илья, мне запрещено заключать сделку купли-продажи относительно клуба! Любую! — я отпила глоток из чашки с горячим шоколадом. — Я не вполне понимаю смысл этого пункта завещания, но сейчас не в том состоянии, чтобы выявить логическую цепочку. Сумма, как ты понимаешь, не проблема ни для кого из нас.

Илья вынул из папки документы и, отыскав взглядом определенную строчку, показал мне.

— Оценочная стоимость клуба.

— Сильно, — в нотариальной конторе я не обратила внимание на эти цифры. — Штейр при всем своем желании не поднимет подобную сумму. Минимизировать если и сможем по смете и спецификации, она все равно останется для него неподъемной.

— Может, есть кто-то еще, кто выкупит мою долю?

— А смысл? Воля Александра — продолжать семейную традицию. Штейру он доверял, как себе. Даже если мы сможем отстоять право купли-продажи в суде, какое право у нас продавать твою долю постороннему человеку?

— Это все равно неправильно. Даже нелогично. — Илья почесал переносицу. Впервые я видела его настолько растерянным, впрочем, меня и саму придавило оглашение завещания.

— Слушай, я понимаю что мы все сейчас в легком шоке... Но есть воля твоего отца, плюс это не трастовая компания, где я зависла бы на первом этапе ознакомления. Думай, размышляй, приходи в себя, и раскачаем этот клуб совместными усилиями! Как партнер ты мне очень даже нравишься. Ну?

— Да я не знаю, Юль. — Он ощутимо закрылся, только я не собиралась сдаваться или погружаться в более стрессовый омут после всех событий этого утра. — Это совсем не мое!

— В клубе нужен непредвзятый совладелец. К тому же такой инициативный и осведомленный!

— Я подумаю, но вместе с тем постараюсь найти обходные пути. Этот клуб важнее для тебя! — пообещал Илья, и я уловила грань, перед которой стоило прекратить этот разговор.

Мы допили кофе и еще немного поговорили о его жизни в Европе. Может, мой пасынок и хвастался своими победами, но слушать об этом было несколько забавно. Беседа протекала легко. Мы оба вцепились в нее как в возможность на время забыть боль потери самого лучшего супруга и отца.

В тот вечер мы к этому разговору не вернулись. А на следующее утро мама и Виктор привезли Еву.

Знала ли я тогда, к чему приведет столь поверхностное отношение к ситуации в целом! Нет, я была настолько придавлена потрясением, что прощальное письмо Алекса вскрыла только спустя сутки. Мое внимание было полностью отдано дочери. Надо было действовать сразу, решительно, напрямую, не дав Илье опомниться — отвезти его в клуб, ввести в курс дела, убедить в том, что мне без него не справиться, сыграть на мужском эго, подчеркивая постулат последней воли его отца! Почему я этого не сделала? Почему позволила ему уехать якобы решать этот вопрос с адвокатом, устранившись на время от ситуации? Моя интуиция

спала крепким сном и еще не знала, к чему вскоре приведет подобное малодушие...

Глава 3

Я смотрю на кофейно-бежевый гранит надгробия на могиле своего покойного супруга. Сегодня сквозь серые низкие тучи прорвались солнечные лучи, они даже слегка согревают, а от порывов ветра по земле бегут причудливые тени обрывистых облаков. Большая охапка из тридцати белоснежных роз на холодном камне практически уничтожила гнетущее впечатление, а может, я уже выплакала сегодняшней лимит своих слез, обнимая крест с его фотографией. На ней он улыбается. Это единственная фотография, где он такой, какой был открыт только мне одной.

Валерия не позволила хоронить его в Берне — там лишь справили панихиду. Тогда я даже не поняла, что именно она сделала для меня, но сейчас была благодарна по гроб жизни.

— Возьми, — Лера протягивает мне серебряную флягу, и я делаю глоток коньяка. Объятия с надгробием не прошли даром, продрогла насквозь. Я перевожу взгляд на ее невозмутимое, спокойное лицо. Мне не хочется молчать. Все, о чем я молчала, трансформируется в слова под изменчивым небом наступающей ранней весны.

— Однажды один человек назвал меня «черной вдовой». Так и есть. Те, кого я имела неосторожность полюбить без оглядки, сгорают подле меня. И ничего уже не исправить.

— Юля, это нормально. Ты все еще не до конца с этим смирилась, но твой комплекс вины лишен оснований. Ты вскоре сама в этом убедишься.

Кровавая пелена заслоняет от света мои глаза вместе с подступающими рыданиями. Распадающиеся на микроны эмоции царапают душу изнутри. Я сжимаю ладонь Валерии — наверняка до боли, не замечая прострела в собственном запястье. Она зря меня успокаивает, потому что не понимает, насколько это серьезно и правдиво.

— Пойдем! — тяну ее за руку к аллее, бросив тоскливый взгляд на белоснежные розы. — Ты должна сама убедиться.

— Юля, куда ты меня тащишь? Ты не в себе! Давай, пару глубоких вдохов... — я ее практически не слышу, продолжая тянуть за собой, жмурясь от солнечных просветов. В столь раннее утро здесь нет никого, кроме нас. Стук каблуков по брусчатке разносится эхом, я практически забыла, в каком направлении двигаться, но ноги сами ведут меня.

— Смотри! — слезы застыли мои глаза, когда я практически вталкиваю Валерию в периметр ограждения могилы. — Знаешь эту историю? Уверена, знаешь! Это всего лишь первый номер в отсчете моих потерь! Первопроходец, вашу мать!..

— Юля, — Лера осторожно освобождает свою руку, становится напротив, загораживая обзор, положив ладони на мои напряженные дрожащие плечи. — Юля, уйдем отсюда. Ты очень устала.

— Не хочешь смотреть, значит! Понимаешь, что я права!

— Юля, — в ее голосе мелькают обеспокоенные нотки. — Юля, здесь нет никого.

— Знаешь, сколько раз я себе это повторяла? Как я хотела, чтобы он остался в живых, ломая себя день за днем и понимая, что это невозможно! Я теряю всех! Это мой гребаный рок, фатум. Родовое проклятие... — до меня не сразу доходят ее слова. Я поднимаю глаза, встретившись с внимательным омутом голубых озер, по которым бежит рябь обеспокоенности. — Нет? Что ты...

Она просто отходит в сторону, предупреждая сжимая мое запястье. Я сглатываю противный комок в саднящем горле, перед тем как посмотреть в лицо еще одной своей потере, поднимаю глаза, готовая вздрогнуть от новой атаки недопустимых воспоминаний.

Кажется, уже жалею, что пришла сюда, — хотя это вовсе не я в тот момент тянула Лерку за руку и шла, не замечая пройденных шагов, словно на призрачный свет. Выходит, ради этого?

Пустота. Ровный квадрат мокрого асфальта за все той же оградой. Ее плетение я помнила наизусть, до последних деталей, до каждого кованого завитка, до обжигающего кончики пальцев холодного металла. Все эмоции, которые накрывали здесь, подле мраморного обелиска, которого больше нет, можно было воспроизвести в памяти до мельчайших подробностей — недоверие, изумление, уверенность, самообман, боль, чувство выжигающей вины и боли... непреходящая вера в то, что он жив, и в это было так легко поверить лишь потому, что я не видела его гибели собственными глазами!

— Твою мать... Это что за хрень?! — толкаю оградку, преодолев расстояние от калитки до параллельных металлических балок, в немой надежде, что сейчас споткнусь, наткнувшись на невидимую преграду, пусть даже разобью себе лоб о каменную плиту, только избавлюсь от этого безумия с неумолимым присутствием визуальной галлюцинации! — Его... перенесли? Что происходит?!

Лера остается стоять на аллее, и в ее глазах обеспокоенность сменяется сожалением. Наконец она тихо вздыхает, а я чересчур дезориентирована и шокирована, чтобы заметить секундное колебание на ее беспристрастном лице — она что-то пыталась сказать... хотя, может, именно это?

— Юля, тебе надо отдохнуть. И взять себя в руки. Ева наверняка уже проснулась и недоумеает, почему тебя нет. Давай, моя хорошая, поедem домой. — Она не трогается с места, пока я мечусь по периметру бывшей могилы Димы, подобно загнанному зверю, который не может понять, почему его мир именно сейчас сузился до периметра клетки. Могут ли быть коллективные галлюцинации? Если да, то почему я до сих пор не упала от столкновений с гранитными столбиками ограды? Усталость, в конце концов, берет свое, и я возвращаюсь вместе с Лерой к могиле Александра. Последний поцелуй фотографии на каменном изваянии, отчаянная попытка отдать несколько завершающих минут своего тепла, слова горячей молитвы, касание пальцами, которые так хотят вновь ощутить абрис его скул и волевого подбородка... этого достаточно для того, чтобы я отбросила увиденное на месте Диминого захоронения как можно дальше, в пыльный архив терзавших меня эмоций. Пусть сохнут там, припадая пылью, потому что я не хочу в этом вариться до конца своих дней. Я хочу к Еве. К последнему, что у меня осталось и что стало моим стимулом к возвращению ярких красок.

— Мамочка! — Евочка вскочила на ноги так быстро, что большой замок, собранный из конструктора «лего», рухнул, рассыпаясь на мелкие кубики. Илья картинно схватился за голову, но Ева уже потеряла к нему какой-либо интерес. — Мамочка вернулась!

Я подхватила ее на руки, чувствуя, как в районе солнечного сплетения вспыхнуло маленькое солнышко, озарив своими лучами беспросветную тьму. Улыбка моей дочурки стала самым настоящим волшебством, единственным светлым якорем, который держал меня на этой земле и наполнял крылья подзабытой силой. Нежность затопила берега недавней тоски буйным паводком, и я, не отдавая себе отчета в действиях и не замечая никого вокруг, закружила свою любимую малышку по комнате, осыпая щемяще-ласковыми поцелуями носик, щечки, веки, пробор темных волосиков, завитые локоны двух высоких длинных хвостиков. В широко раскрытых зеленых глазах Евы плясали озорные чертики, ее объятия были настолько крепкими, что на миг мне не хватило воздуха, но я засмеялась в ответ, прижимаясь щекой к ее теплой щеке, чувствуя, как монохромную темноту моей души

осветляют первые мазки нежной пастели цветных оттенков. Я прекратила ее кружить, лишь когда ощутила, что слегка теряю ориентацию в пространстве. Усадила на диван, сбросив шубу и сапожки, и тут же ревностно прижала дочку к себе, не желая терять тепло ее хрупкого тельца ни на миг. Глаза предательски увлажнились, но на этот раз это были слезы счастья от такого внезапного осознания — я счастлива, потому что у меня есть моя Евочка, моя кровиночка, и никто и ничто больше не посмеет нас разлучить.

— Илья, ты сломал замок! — Ева увернулась от моих объятий, которые показались ей слишком сильными. — Ну вот что, мама, можно доверить этим мужчинам? Мы играли в дочки-матери, а он сказал, что не умеет быть папой. И тогда мы пошли строить домик. Но его он тоже не умеет строить, я ему объяснила, а он сделал по-своему! Сказал, что он будет хитектором, и знает, как надо, а он не знает, потому что я одна его видела!

— И где ты видела такой красивый дворец? — я устроилась поудобнее на диванчике, обняв дочь со спины. Ева гордо вскинула головку. — Наверное, в парке Горького?

— Во сне! Там папа живет.

Кажется, мои пальцы непроизвольно напряглись, но я поспешно взяла себя в руки, чтобы Ева не заметила изменения моего настроения. Но дочурка продолжала взхлеб щебетать, испытывая на прочность мой самоконтроль.

— Он показал мне его, там высоко, а внутрь не пустил, даже когда я плакала! Сказал, что мне туда нельзя! И что придет снова, но только если я не буду больше плакать, потому что девочки Кравицких никогда не плачут!

Я вновь поцеловала ее в подбородок, бросив на Илью предупреждающий взгляд. Иногда он умело скрывал свои эмоции, но сейчас на его лице было настолько трагическое выражение, что я с трудом поборола желание закрыть глаза Евы ладонью. Он поспешно отвернулся и принялся соединять пластиковые панели в отдельный блок. Через несколько минут повернулся к нам с самой лукавой из всевозможных улыбок.

— А моя маленькая сестричка — Ева-разрушительница!

Ева спрыгнула с дивана, хлестнув меня по губам длинными хвостиками.

— Неправда! Это ты не умеешь строить!

— Ты же не сделала фундамент! Никакой дворец так стоять не будет!

— А мы сделаем прочный фундамент вашего благополучия с верой в завтрашний день! — продекларировала в ответ Ева. Я непроизвольно подняла брови, услышав такой текст из уст своей пятилетней дочурки. — И в городе будет закон и порядок!

— Евочка, а где ты такое слышала?

— А, это принц Эрик вчера по телевизору сказал, — Ева подбежала к разбросанным кубикам конструктора, забавно покачивая головой. — Ах, Илья... Ты разбиваешь мое сердце!

— Принц Эрик? — я улыбнулась от умиления, услышав, как моя малышка копирует интонации экранных героев. — Правда?

— Да, он выступил, это сказал, а потом вернулся в мультик к Ариэль обратно, и больше так не говорил! Он такой серьезный, когда такое говорит, лучше бы никуда из мультиков не уходил!

После смерти Алекса с Евой поработал детский психолог. Только сейчас я начала припоминать, что он рассматривал вероятность возникновения воображаемых друзей и убеждал, что в этом нет ничего странного, — так детская психика защищается от негатива окружающего мира, и не стоит этому препятствовать, потому что именно подобные

фантазии позволяют практически безболезненно перенести потерю близких. Если развенчать миф о наличии воображаемого товарища, это может нанести очень сильную травму, потому как виртуальный друг остается в воображении девочки нерушимым идеалом. Персонаж Диснеевского мультика не самый плохой выбор. Мальчишки больше любят создавать себе воображаемых товарищей из киборгов, киллеров, военных или просто персонажей компьютерных игр, далеко не безобидных, — год назад я в панике оттаскивала Еву от монитора с разгоревшимся кровавым поединком Mortal Kombat Fatality и в спешке стирала файлы. Новое поколение во всем на «ты» с интернетом, пришлось подсуетиться и познакомить ее с мультфильмами Уолта Диснея, от которых она пришла в неопишуемый восторг.

Однажды утром она, воспользовавшись замешательством няни, сорвала синюю штору с окна и сделала себе подобие платья. На мои попытки отругать картинно надула губки:

— Я не Ева, я Белоснежка!

Еще через неделю сделала копье из побега декоративного бамбука и едва не подстрелила няню в пятую точку.

— Я Покахонтас на охоте! Мы защищаем свою территорию от бледнолицых!

В следующий раз я едва успела отнять у нее клей, не знаю, где она умудрилась его отыскать, а также две океанические раковины, чтобы помешать сделать «лифчик как у Ариэль». Алекс, к слову, ни разу ее не отругал, восхищался фантазией дочурки и тихо посмеивался:

— Главное, к аниме ее пока близко не подпускать...

— ...Мы облагородим парковую зону города! — продолжала вещать Ева, копируя интонацию воображаемого друга, и самозабвенно расставляла пластиковые елочки вокруг руин замка, который поспешно пытался собрать Илья. — Мы возобновим ремонт дорог и сделаем Харьков образцовым городом... Нет, ты что, там желтенькое должно быть... Мама! Он не умеет строить домик! — Ева захныкала и стукнула брата по плечу. Я поторопилась вмешаться.

— Все хорошо, мы построим все вместе. Какие башенки были у домика из твоего сна?

— Разные! Яркие!

— Хорошо, тащи свои наклейки, у нас сейчас будет самый красивый дворец! А мальчишки будут замешивать бетон на фундамент. Правда, Илья?

— Хотел бы я тоже остаться таким непредвзятым, — он размял затекшие ноги, провожая взглядом сестру, которая бросилась вприпрыжку в свою комнату.

— Взрослым гораздо труднее это отпустить, — я ободряюще улыбнулась, сжав его предплечье. — Но мы не имеем никакого права подавать Еве подобный пример.

— Согласен. Я съезжу проведать друзей на пару дней, пока не возьму себя в руки окончательно. Я все хочу спросить... Письмо отца. Там было что-то, что касается нас?

— Если честно, я еще не решилась его вскрыть. Сделаю это в ближайшее время. Если там будет информация, которая потребует обсуждения, я не стану скрывать. В целом, право конфиденциальности никто не отменял... Ева, не бегай по лестнице! — я едва успела подхватить ее на руки, оступившуюся на ступеньке. — Ударишься, будешь плакать! А девочки Кравицких никогда не плачут, помнишь?

— Да, и принц тоже не будет со мной дружить, потому что Ариэль не плачет! — Ева вывернулась из моих рук, подбежала к наполовину выстроенной конструкции. Я аккуратно отобрала у нее наклейки, чтобы не позволить разрушить башенку сильным нажатием.

Спустя час увлеченной работы мы совместными усилиями выстроили замок и переместили в комнату Евы.

Я никогда не уставала играть с дочуркой, и сегодняшний день не стал исключением. Мы провозились до тихого часа, наряжая Барби и Братца в новые платьица и заплетая им косички, затем я прочитала сказку о Золушке — раз, наверное, в двадцатый, — пока Ева не засопела, погрузившись в сон. Илья закрылся в своей комнате, Лера уехала на деловую встречу с Константином, а я распорядилась подать мне кофе с печеньем в кабинет Александра, где решила вскрыть конверт — в обстановке, в которой все еще чувствовалось его присутствие. Мне всегда казалось, что он войдет, может, даже вопросительно сдвинет бровь, потому как я заняла его кресло, проникновенно взглянет — бесценный момент, за который я успею испытать гамму самых разнообразных эмоций, от волнения до протеста, от предвкушения до вожделения, от нежности до бесконтрольной звериной страсти, которая обретет свой выход — взрыв сверхновой на алтаре лакированной поверхности рабочего стола. Я, кажется, все еще этого ждала, замирая в нерешительности над конвертом, покалывая свою ладонь кончиком ножа для резки бумаг, словно эта боль могла победить душевную. О нет, для этого ее было недостаточно. Ни одна боль, даже самая острая, прошивающая насквозь, разрывающая мышцы и сухожилия, не могла спасти своим разрывающим вторжением.

Я так и не решилась сделать это сразу. Отложила конверт. Подошла к стойке с катанами — настоящими, боевыми, заточенными настолько, что могли перерезать даже перышко при падении. Раньше я иронизировала над подобным трюком Кевина Костнера в фильме «Телохранитель» ровно до тех пор, пока не увидела собственными глазами, как острие меча срезало лепестки ярко-фиолетовой орхидеи, небрежно подброшенной кверху. К этому времени я перестала замечать в экзотических цветах пугающую красоту, которая ассоциировалась с моим прошлым. Эта страница была закрыта в моей жизни на семь кодовых замков. Я не знала, почему именно семь, возможно, сработала магия чисел, так любимых фортуной, три золоченые семерочки.

Когда извлекла из ножен, перевитых черными лентами, одну из катан, на миг ощутила почти благоговейный трепет. Оружие всегда было моей слабостью, которую разделял и Алекс. Я жалела о коллекции ножей, которая осталась в Берне — пришлось расстаться с ней на время, пока, соблюдая таможенное законодательство, не выправят разрешительные документы. Рано или поздно я перевезу ее сюда, потому как теперь моя жизнь именно в этом городе. С продолжением семейной традиции покойного мужа.

Со смертоносным орудием в руках я подошла к столу, и, подняв конверт, нежно провела сгибом бумаги по лезвию катаны. Положила на стол, получая какое-то извращенное удовольствие, и медленно извлекла на свет белый лист сложенной бумаги...

«Юля, моя любимая девочка!»

Удар удушающей аритмии бьет в солнечное сплетение. Теплом, лаской, нежностью и всепоглощающей любовью повеяло от этих слов, написанных каллиграфическим почерком моего любимого мужчины. Я смахиваю набежавшие слезы — не хочу, чтобы они попали на этот лист тисненой бумаги и исказили их смысл расплывшимся разводом. Я должна быть сильной и не бежать от этого послания.

«Как банально было бы написать «если ты читаешь эти строки, меня уже нет в живых»... Но теперь это факт — значит, операция не увенчалась успехом или я не успел на неё. Я даже не могу точно сказать, какая это по счету попытка написать тебе, и увенчается

ли она успехом на этот раз. Прежде всего, моя солнечная, любимая малышка, я попрошу тебя об одном: не смей винить себя в том, что не заметила, не почувствовала, не ощутила приближения этого конца. Я сам сделал так, чтобы ты оставалась в неведении всё это время. Нам не дано было это изменить, и ты знаешь, что это не пустые слова. Не обреченность и не покорность судьбе — мы никогда не умели сдаваться. Но не всегда борьба оканчивается нашей победой. Я пытался найти выход, зная, что мое заболевание излечимо, причем с высокой долей вероятности. Лучшие врачи гарантировали мне выздоровление. Я сделал свой выбор — готовлюсь к операции. Я не хотел, чтобы ты запомнила меня сломленным болезнью, угасающим с каждым часом, превратившим наши последние дни в тоску горечи неминуемой потери. Я хотел прожить их с вами, с тобой и Евой, так, чтобы ты вспоминала их самыми счастливыми днями нашей жизни, — прости за этот обман, моя любимая девочка, дороже которой у меня никого нет в этой жизни, кроме нашей дочери.

Я прошу тебя, будь сильной и постарайся не плакать, читая мое письмо. Я хочу, чтобы ты вытерла слезы, улыбнулась новому дню — твоя улыбка согреет мне сердце через иные измерения, — обняла Еву и всей душой приняла тот факт, что жизнь продолжается. Я сделал все, чтобы вы ни в чем не знали отказа. И я больше всего на свете хочу, чтобы ты была счастлива. Я понимаю, как тебе будет тяжело принять эти слова, но я прошу тебя не бежать от этого, моя золотая искорка счастья. Может, не сразу, спустя время, но ты снова начнешь жить и радоваться каждому новому дню, а я вместе с тобой, наблюдая за вами с высоты. Прошу, не зови меня и не убивай себя отчаянием, даже если не будешь чувствовать меня после смерти. Так необходимо, просто помни, что я всегда рядом. Даже если ты меня не видишь и не ощущаешь.

Возможно, ты будешь обижена на меня за то, что я передал клуб вам с Ильей и запретил его продажу, но, моя девочка, я прошу тебя исполнить мою последнюю волю. Ты знаешь, что это было делом всей моей жизни, и я сожалею лишь о том, что он не успел стать для тебя тем же, чем был для меня. Илья поможет тебе в этом, я знаю, что он настроен скептически, но у тебя хватит сил, чтобы его заинтересовать. Штейр поддержит тебя во всем на начальном этапе, и я верю, что со временем ты будешь гореть этим делом так же, как и своим основным бизнесом. Это то, что со временем позволит тебе сделать шаг вперед и обрести счастье, которого ты достойна. Не спрашивай, каким образом, ты сама это поймешь, когда все произойдет.

Мне больно говорить тебе «прощай». Но пообещай, что ты не будешь плакать и замыкаться в себе, прямо сейчас расцелуешь нашу дочь и повторишь мои слова: «Я достойна счастья!». Я люблю тебя больше жизни, моя девочка, и никогда не перестану благодарить бога за то, что он подарил мне тебя, и даже на пороге смерти я могу закричать от счастья, потому что любил и был любим самой прекрасной из женщин. Моя любимая девочка! Я не говорю тебе «прощай», я всегда останусь рядом — в порыве ветра, в свете солнечных лучей и мерцании звезд. Смотри почаще на звездное небо и чувствуй мою руку, которая сжимает твою.

Я люблю тебя!»

— Я тоже люблю тебя, повелитель моего сердца! — прошептала я, улыбнувшись просьбе своего любимого мужчины, прижавшись губами к белому листу бумаги, перед тем как спрятать его обратно в конверт и утереть непрошеные слезы. Я знала, что сейчас обниму Еву, исполняя его последнюю волю... И в ближайшие дни приступлю к управлению клубом, как он того и желал. И, засыпая в своей одинокой постели, повторю слова, в которые пока

еще отказываюсь верить: «Я достойна счастья!»...

...Вечером приехали моя мама и Настя. Они были поражены моей теплой улыбкой и отсутствием слез, но, убедившись, что жизнь продолжается и я больше не буду прятаться в четырех стенах в обнимку с алкоголем, не могли сдержать счастливых улыбок. Настя похорошела до такой степени, что Илья несколько раз выронил вилку, наблюдая за ней во время ужина под понимающую улыбку Валерии, втайне жалея, что не удержал в свое время. Сестра благосклонно улыбалась, принимая знаки внимания и стараясь не поглядывать на телефон, — она переживала очередной роман со старшекурсником и светилась изнутри особым светом влюбленной женщины. А еще Настя привезла с собой большую охапку подснежников — не тех голубых пролесков, которые продают в каждом подземном переходе, а настоящих ванильно-белых колокольчиков, предвестников скорого потепления.

— А кто тебе их дал? — спросила Ева, восторженно поглаживая нежные соцветия.

— 12 месяцев, крошка! — пошутила Настя. Ева захлопала в ладоши.

— Как в сказке! Мама, я тоже хочу в лес и встретить там двенадцать месяцев! Давай поедem прямо сейчас. Прошу!

— Солнышко, уже поздно, и братья-месяцы укладываются спать, — я поцеловала Еву в лобик. — Давай навестим их завтра утром? Но при условии, что ты сегодня ляжешь спать, не капризничая!

Чуть позже, уложив Еву в кровать, я узнала у Настюши точное месторасположение поляны с подснежниками. Сестра ездила туда сегодня утром со своим кавалером. Судя по ее лукавой улыбке, там дела обстояли, как в анекдоте: «поехали за подснежниками, заодно и нарвали букет». Она взахлеб рассказывала, как они заблудились, а потом все-таки нашли цветы на опушке леса, как пришлось прятать букеты за спиной, сетуя на то, что припарковали автомобиль на обочине оживленной трассы, где наверняка могли патрулировать блюстители порядка, и как промочила насквозь ноги в рыхлых подтаявших сугробах и переживала, что заболит, поэтому выпила все противовирусные средства, которые только имелись дома.

В тот вечер я расслабилась в кругу близких людей настолько, что тоска практически оставила свои попытки растерзать без остатка. Возможно, немалую роль в этом сыграло письмо моего покойного мужа. Мы расстались только поздно вечером, условившись, что я приеду к ним с ответным визитом через несколько дней. Жизнь потихоньку начинала возвращаться на круги своя, пока еще робко, прощупывая почву, но уже уверенно подчинившись мягкому диктату прощального послания Алекса.

Утром Илья уехал погостить к своему давнему другу за город на несколько дней, а я растолкала хныкающую сплюсечку Еву, которая пыталась спрятаться под одеялком и отправить братьям-месяцам эсмэску о том, что мы приедem позже.

— Вставай, соня! — смеялась я, целуя заспанные глазки дочурки. — А то они обидятся и весна не настанет вовремя!

Поначалу Ева капризничала и просила дать ей еще поспать, но уже через полчаса подпрыгивала от нетерпения, пытаясь запихнуть в себя сдобные булочки вприкуску с кашей, чтобы поскорее отправиться в путь. Я заставила ее позавтракать без спешки, и только после этого завела машину, попросив у эконома найти наши резиновые сапожки и приготовить корзину для пикника. Бориса, водителя, вызывать не стала — эта авантюрная вылазка за весенними цветами казалась настолько личной, что не хотелось никого в нее посвящать, и мы с Евой улыбались друг другу, как две заговорщицы, пытаясь сохранить серьезный вид

перед Валерией и штатом прислуги.

Мой белый «лексус» с именем «Юлия» вместо номерного знака был в отличном рабочем состоянии с обновленным талоном техосмотра, об этом позаботились даже в мое отсутствие. Я пристегнула Еву ремнем к детскому сиденью, включила ее любимые песенки из диснеевских мультфильмов, и мы выехали навстречу спланированному приключению, напевая хором слова, которые выучили наизусть. Погода уже который день не менялась, пелену серых туч иногда прорезали блики пока еще холодного солнца, порывы ветра обдавали сыростью, но дыхание весны уже чувствовалось в атмосфере просыпающегося после зимы города. Я старалась не развивать скорость на скользкой дороге, где по утрам еще попадались участки тоненького льда, и не отвлекаться. К счастью, моя не в меру активная дочурка сидела тихонько, хоть и дергала косички от нетерпения.

Через полчаса мы прибыли в пункт назначения, о чем известил навигатор. Лес казался спящим в это раннее утро и встретил нас приятным полумраком. Когда я свернула на неасфальтированную дорожку, колеса угрожающе забуксовали в смеси рыхлого снега и мокрого песка, но моя «Юлия» справилась с этой задачей в два счета. Я едва удержала на месте Еву, которая рвалась поскорее побежать на встречу с двенадцатью месяцами, натянула на ее ножки резиновые сапожки, переобулась сама.

— Давай руку, и не надо убежать, а то заблудишься! — я сжала ладошку Евы, и мы медленно углубились в лес. Настя умудрилась перевязать вчера кустики национальными ленточками, она планировала вернуться сюда снова, чем и нам облегчила задачу. В отличие от города, здесь все еще лежал снег, водянистый, рыхлый, но по-прежнему девственно белоснежный. Подошвы наших сапог оставляли глубокие выемки, которые тут же наполнялись талой водой, а рядом виднелась цепочка из таких же следов двух пар ног, и один из отпечатков точно был от модельных ковбойских сапог Насти. Вопреки ожиданиям, пришлось пройти довольно далеко, вскарабкаться на склон, преодолеть препятствия в виде поваленных стволов деревьев. Сама поляна предстала перед нами внезапно — обширная, с островками подтаявшего снега, потому как сюда проникали солнечные лучики. Как раз сейчас они разрезали пелену туч, осветив прогалину с зеленым ковром подснежников и молоденькой озимой травы. Колокольчики подснежников покачивались в такт ветру под щебет ранних птиц. Невозможно было остаться безучастной, наблюдая совершенство первозданной природы.

— Евочка, тише! Не затопчи их ногами! — я подняла дочурку на руки, и мы осторожно вошли в эпицентр цветочной россыпи. — Старайся не рвать с корнем — мы же хотим следующей весной снова приехать за подснежниками?

— А где двенадцать месяцев? Они позже придут, да?

— Обязательно, малышка, но как только мы нарвем по букету!

Спустя час я помассировала занывшую от долгого сидения на корточках поясницу и скрепила очередной букетик резинкой для волос. Ева протянула мне еще два. Ее личико покраснелось, в глазах плясали искорки восторга — того самого, что я привыкла наблюдать чуть ли не с рождения. Сама того не осознавая, дочурка помогала мне прогнать печаль потери своим воодушевленным непредвзятым оптимизмом. Я даже не успела выпрямиться, как моя малышка кинулась мне на шею, сжав так крепко, что я едва сдержала писк, и принялась осыпать поцелуями. Глыба застывшего льда в моем сердце пошла окончательными трещинами скорого разрушения, неумолимо близкой оттепели, чье теплое дыхание уже преодолело барьеры одним касанием детской ладошки, разогрело арктический

холод заливистым счастливым смехом и такими родными, искренними, восхищенными поцелуями. Я смахнула слезы моих растаявших ледников с подрагивающих ресниц, прижимая к себе Еву. Как я могла топить свое горе в виски столь долгие дни, не осознавая, что бог был милостив ко мне, оставив эту искорку счастья живой и здоровой? Валерия была права. Я не имела права убивать себя, когда рядом горел источник моего света и тепла, моя доченька, которая так сильно нуждалась во мне и могла спасти одной своей улыбкой.

Мы перекусили сэндвичами, запивая теплым чаем из термоса. Устроились на стволе поваленного дерева, застелив его пледом, и, наверное, впервые за время, которое прошло со смерти Александра, я почувствовала себя счастливой. Мы смеялись и забавно дурачились — неусидчивая Ева принялась колдовать над моими волосами, вплетая в них подснежники.

— А двенадцать месяцев так и не появились, — насупилась моя малышка.

— Да, но посмотри, на этой поляне столько цветов, а на небе солнышко! Только здесь, а в городе нет! Но чтобы включить его, братьям-месяцам необходимо было отлучиться на работу. Зато они сделали для нас этот праздник!

— А я знаю, почему они не пришли! — Ева забавно прихлопнула себя по лобку. — Когда мы заехали в лес, там была табличка с зачеркнутым костром! Им не разрешили греться, они замерзли и ушли к себе в дом, потому что там теплее! Плохо, конечно, что им запретили играть со спичками, но в Харькове должен быть закон и порядок!

Я улыбнулась этой детской непосредственной манере копировать политические лозунги и поцеловала ее в лобик.

— Мы еще их увидим, приедем сюда летом за ягодами, а осенью — за грибами! А теперь поедem домой, и подарим букет тете Лере!

Мы вернулись к автомобилю, аккуратно разместили букетики на заднем сиденье. Ева ерзала и смеялась, воодушевленная нашей спонтанной вылазкой, я едва сумела пристегнуть ее ремнем безопасности, но мешать не стала. Одно удовольствие было наблюдать за жизнелюбием и восторгом моей дочурки, которая указала своей матери верный курс. Жить ради нас двоих, оберегать наш женский мирок, где гораздо больше счастья и радости, чем я могла себе даже представить. Больше ничто и никто не помешает этому, решила я, даже не предполагая, какой бомбардировке подвергнется этот постулат через жалкую четверть часа.

Ничто этого не предвещало. Я уверенно вела свою «Юлию» по шоссе, идущему через массив Безлюдовской лесополосы, сосредоточив свое внимание на дороге, но и в то же время внимательно слушая щебетание Евы. Она как раз рассказывала о том, как в мое отсутствие ходила с Настей в парк Горького, когда раздался звонок мобильного. Я сбросила его не глядя (это было незыблемое правило — не говорить за рулём), но он повторился. Я бросила взгляд на экран. Милена. Управляющая сетью моих магазинов обычно все вопросы решала сама и редко отвлекала по пустякам — кое-что благополучно разруливала Лейла, старший продавец, и Андрей, мой юрист и бухгалтер. Решив ответить сразу, я припарковала автомобиль на обочине трассы перед огромным рекламным щитом.

— Здравствуй, Милена. Что произошло?

— Юля, добрый день, — у моей верной помощницы была привилегия обращаться ко мне по имени и без долгих сантиментов. — «Заккери» сходят с ума. Когда они в силу форс-мажора задержали отправку аксессуаров на двое суток, я с легкой руки закрыла на это глаза, благо работаем с ними уже три года. Но поставлять товар по более высокой цене вразрез с договором и даже не предупредив — это верх неуважения. Они не правы, но вступать в конфликт пока что не стала, жду твоего распоряжения.

Я откинулась на подголовник и зажмурила глаза, досчитав до пяти. Жильберто Висконти реально нарывається на неприятный разговор. Неприятный для него, мы в этой ситуации правы на все сто процентов. В бизнесе человек человеку волк, тут нет места заискиваниям и попустительству, оберут до нитки. Я прервала звонок и набрала старшего менеджера «Заккери», уже предвкушая взбучку, которую сейчас ему устрою, причем не повышая голоса.

— Бонжорно, каре мио! — Ева хихикнула, но тут же потеряла интерес к моему разговору, увидев что-то за лобовым стеклом и подавшись вперед. — Ну рассказывай, как мы докатились до такого партнерства, мой знойный тосканец? Что это за история с внезапным дефолтом и подорожанием зимней коллекции на тридцать процентов?

— О, Джулия! Слава Украине, — я поморщилась от явного акцента и попытки заигрывания. Это я точно не намерена была терпеть.

— Ты перебрал кьянти вчера, белло Жильберто? Что ты сказал Милене? Я не понимаю, почему я с тобой сейчас выясняю этот вопрос, вместо того чтобы заняться расторжением нашего контракта!

— Простьте, — от нового издевательства над языком я мысленно пожелала ему скорой смерти, — Но основной коллекции поднять запучный...

— Каре мио, мне все равно, даже если у вас тигры сожрали на арене Колизея главного акционере маджистрато или началось новое извержение Везувия. Ты отгрузишь заказанную нами коллекцию по прежней цене и сию же минуту, да, мой сладкий? Мы друг друга поняли?

— Я готов предоставить скидка...

— Ты меня достал, Жильберто, — виски предательски сдавило. Пора заканчивать. — Сейчас с тобой поговорит твой горячо любимый дон Андреа. И поскольку мы потерпели определенные убытки из-за простоя вследствие вашего форс-мажора, последующая закупка пройдет также с тридцатипроцентной скидкой. Жди звонка моего юриста, решишь сам, что вам важнее — скидки или неустойка из-за расторжения договора, тебе отвечать перед главным акционером. Ариведерчи!

Эта неприятная ситуация при правильном подходе сулила своеобразную выгоду, но лучше Андреа все равно никто ее не решит.

— Мама, там принц Эрик! — захлопала в ладошки Ева, показывая пальцем куда-то вверх. — Он улыбается!

— Малыш, ну как он мог залезть так высоко? Не придумывай! — я отыскала в списке контактов номер юриста.

— Он на этом... болде!

Я нажала кнопку вызова и наклонила голову. Жалюзи рекламного щита как раз развернулись, предлагая отведать растворимый кофе, который добавит всем хорошего настроения с самого утра.

— Ну никого там нет, видишь? Потерпи, моя ласточка, сейчас поедем!

Я вкратце обрисовала ситуацию юристу и, заручившись его обещанием «нагнуть итальянских мафиози», сбросила звонок и повернулась к Еве, которая до боли сжала мою кисть обеими ручками.

— Мам, вот же он! Смотри!

Я потрепала ее челку, откинула солнцезащитный козырек, который закрывал полный обзор — на миг меня все же взяло любопытство. Я ведь понятия не имела, кого моя дочурка

выбрала в свои воображаемые друзья. Ожидала увидеть рекламу нового мультика и просьбу отвезти в кинотеатр, поэтому слегка опешила, наткнувшись на крупный курсив лозунга:

«В Харькове будет закон и порядок!»

Достала политическая агитация со своими технологиями 25 кадра, ей-богу, уже и до детей добрались. Я скользнула рассеянным взглядом по фигуре предполагаемого мэра — но до лица так и не добралась, мои глаза замерли на знакомой фамилии и...

Вашу мать, имени! Имени в тандеме с фамилией!..

Все еще не веря увиденному и в то же время зная, что именно сейчас увижу, я смело подняла глаза, поймав пристальную визуальную атаку черного двойного эспрессо — прямо в эпицентр замедлившего свою работу мозга, точечных инъекций невидимого стекловонка — в запульсировавшие сосуды, превратив аритмию в муки подкожного зуда, желая сбросить осознание того, что только что произошло. Я замерла на белоснежном сиденье автомобильного кресла. Петли-захваты цвета кофейной тьмы затянули свои узлы смертельного шибари на незащитном горле, доверчиво раскрытых запястьях с очагом трепыхающегося пульса, растягивая, фиксируя без права пошевелиться. Мое сердце уже получило одну дозу адреналина и кортизола, только увидев имя на плакате, а теперь — двойная, усиленная... как и шесть лет назад, так же, как тогда, в конце августа, на исходе возненавидевшего нас обоих безжалостного крымского лета. Вот она плавит барьеры, которые выстроило годами счастливое неведение, сжигая тонкие стеночки кровеносной системы своим неумолимым вторжением. Горячая кровь замирает перед атакой этой уничтожающей темной энергии — она успела забыть, как закипала в сладко-обреченной агонии под диктатом шоколадной тьмы, взрываясь пузырьками чувственной кессонной болезни. Он не изменился, твой взгляд, — он проникает в мою душу безжалостным лазером с градусом нулевой температуры. Магнит, призванный притянуть всё то, что, казалось, спало во мне все эти годы летаргическим сном. Зря я надеялась, что всё догорело, погасила тлеющие угольки. Логика понимала, интуиция же всегда бросала ей вызов.

Как, твою мать?! Почему?! Я продолжаю смотреть в твои бездушные глаза без пяти минут хозяина этого города, и меня начинает колотить мелкая дрожь. Это микс самых различных эмоций, но флаг первенства захватили смятение и страх. Сознание принимает факт твоего присутствия и здоровья как должное, но я отказываюсь в это верить и видеть. Только логика тоже переходит на сторону зла, выстраивая свою цепочку с петлей осязаемого обруча-ошейника, который готов сомкнуться на моей шее. А я не смогу этому помешать. Потому что я не могу даже дышать сейчас! До головокружения, темных пятен аккурат с поворотом полос жалюзи с... долбаным кофе! Снова!

У него зеленая упаковка. В свои студенческие годы я пила именно это сорт. Сейчас дизайн претерпел изменения — кофейные лепестки похожи на языки пламени, которые поглощают изумруд фона. Б**дь! Я схожу с ума!

Кого ты хотел обмануть скрещенными на груди руками и непроницаемым взглядом будущего победителя в предвыборной гонке? Ты специально закрылся так, чтобы я не смогла понять, что ты сейчас из себя представляешь? Ты скрылся из виду, чтобы я не смогла узнать раньше времени о том, что ты жив? Усыпить эту надежду, которая так долго не хотела покидать мое измученное сознание, отключить все резервные генераторы непреходящего желания увидеть тебя снова? И не для того, чтобы успокоить муки совести, нет... но, похоже, я совсем не знаю, для чего именно!

Как я могла не догадаться, когда увидела пустую оградку твоей могилы? Как я могла

похоронить тебя окончательно, не поставив точку в этом кошмаре своего прошлого? Тянусь пальцами к бардачку и не замечаю, как крупно они дрожат.

— Мамочка! — испуганный вскрик Евы. — Мамочка, что случилось?

Мой портсигар на месте, я не прикасалась к нему лет пять точно. Я даже не помню, зачем его сюда положила в свое время, бросить курить было так легко и просто — я горела желанием сделать приятное Александру и, скорее всего, тренировала силу воли таким образом. Я достаю сигарету, едва не сломав, открываю дверь, напоследок сжав пальчики дочери дрожащей рукой. Я сейчас потеряю сознание, если не окажусь на воздухе и не напомню себе о том, что все еще дышу и существую. Никотин — самый оптимальный электрошок...

Затяжка приторным дымом с ароматом и вкусом персика раздирает горло. Нет, боже мой... я не хочу... пусть их заклинит. Пусть сломается мотор, который приводит в движение жалюзи. Я не хочу это видеть. Только не сейчас и не в таком контексте... вашу мать, я же сейчас зависну, застыну соляным столпом, подобно супруге Лота! Мне нет смысла бежать отсюда. Потому что я прекрасно понимаю, что буду отныне видеть это везде!

Телевидение. Интернет. Биг-борды. Листовки в любом переходе и на остановках перед зеброй. И, б**дь, все светские мероприятия — и если от одних я могу с легкой душой отказаться, то на тех, которые требуют присутствия супруги погибшего мецената и вице-консула в Швейцарии я неминуемо столкнусь с Лавровым лицом к лицу!

— Мама! — Ева размазывает по перепуганному личику слезы. — Мамочка!

Не помню, когда успела вернуться в машину. Я прижимаю ее к груди, словно спасительную льдинку в бескрайнем океане. Будь ты проклят, я напугала дочь! Да я готова вцепиться тебе в глотку за каждую ее слезинку!

— Сейчас поедem... Сейчас поедem, моя маленькая! — я не осознаю, что непроизвольно закрываю ей глаза ладонью, чтобы не видела предвыборную агитацию с исчадием ада. — Все хорошо, мое солнышко золотое!

— Ты курила! А курят только нехорошие тети! — у меня получилось, Ева ощутила мое тепло и защиту. Это то, что я ей буду давать всегда, наверное, даже на пороге смерти! — Так бабушка говорит.

— Прости, ты права, я была нехорошей... — целую ее лобик, снова потрепав по челочке. Нам нужно уехать отсюда прямо сейчас. — Но я больше не буду, обещаю!

— Ну хорошо! А ты включишь мне «Русалочку» дома? Ну пожалуйста!

Мир грозит рухнуть и похоронить здравый рассудок под своими обломками. Всполохи лесного пожара среди моего только было восстановившегося сознания рвутся к равнодушным небесам, от которых отныне не допросятся и глотка дождя. Но я улыбаюсь Еве самой теплой улыбкой, прогоняя с ее нахмуренного лобика любую тревогу. Никогда ее не коснется вся моя боль и весь ужас, так некстати вернувшийся сейчас в полном, пока не осознанном, объеме.

— Конечно, моя крошка!.. — я снова целую ее и срываю автомобиль прочь из этой аномальной зоны вернувшегося кошмара. — Но только после обеда...

Глава 4

— Как долго, вашу мать, вы собирались держать это в тайне? Сколько, Лера? И что, скажи мне, вы собирались делать дальше? Закрасить билборды? Занести все сайты с предвыборной агитацией в черный список? Подключить африканское телевидение, где не говорят о выборах мэра? Может, перестрелять всех раздающих листовки к чертовой матери?

Как давно вы играете в долбаных шпионов?!

— Юля, — почти ласково прерывает поток моей истерики Лера, — дыши поглубже, лицо пятнами пойдет.

Завтра утром мне станет стыдно за свои слова. Впрочем, словами эти вопли с претензиями назвать будет сложно. Я понимаю, что Валери вымотана переговорами с Константином, они пока еще не пришли к консенсусу, но первая леди Кравицкая не сдастся, используя любую возможность. Даже выходной ей не помеха. И не скажешь, что она устала — на лице маска невозмутимости, идеальная укладка светлых волос, макияж ошеломляет своей свежестью, на темно-сапфировом деловом костюме ни одной складочки. Она лениво разглядывает на свету бокал со своим любимым белым вином и не пытается даже присесть — уже полчаса стоит, прислонившись поясницей к перилам лестницы. Непосвященному наверняка покажется, что женщина постарше смирилась и согласилась с аргументами молодой. Как бы не так! Лера выжидает и анализирует, благосклонно позволяя мне выговорить в бессознательном потоке воплей весь спектр эмоций, которые могут раздавить, останься я с ними наедине.

— Алекс знал? Лера, ответь мне!

— Сие мне не ведомо, — я не замечаю сарказма в ее голосе, — а у него уже не спросишь. А теперь давай, сделай глубокий вдох и поясни мне, что именно тебя так сильно придавило. То, что он жив, то, что почти стал мэром, что его не упекли в свое время в тюрьму и не приговорили к суду высшей инквизиции?

— «На неделе проведены четыре благотворительные акции под патронатом кандидата в мэры города Дмитрия Лаврова... «Город — детям с синдромом ДЦП»... «Новые технологии для онкоклиник Харькова»... «Отдых в санатории детям, чьи родители погибли на территории АТО»... Да бл*дь, нам спустили с небес ангела? Все идеально, не так ли? Ах да, он еще пожертвовал на строительство храма свою годовую зарплату наверное, ему на плакатах гребаного нимба не хватает! А наши уважаемые избиратели даже не догадываются, что он из себя представляет! Не те лозунги он выбрал для своей избирательной компании! Вместо «закон и порядок» вернее было написать «НКСС вам всем». Преступников не в тюрьму, а на перевоспитание в подвал к господину мэру! Этот человек рвется к власти? Вашу мать, как такое вообще возможно?

— Система не идеальна. — Валерия спускается и грациозно присаживается на диван напротив меня. — Давай ты не будешь кричать, разбудишь Еву. А теперь объясни, что именно тебя напрягает. Ты считаешь Лаврова таким дебилем? Думаешь, он загубит свою политическую карьеру в угоду своим же тараканам? Ты с утра лопатишь интернет, словно пытаешься отыскать на него компромат, но пойми, нельзя мыслить столь узколобо. Или тебя заклинило на том, что он придет к власти только с целью добраться до тебя? Ты действительно так думаешь?

— Я не останусь в городе, в котором будет распоряжаться этот восставший из ада! У меня дочь! И этот гребаный якорь в виде клуба, от которого я никак не могу избавиться, даже отдать Илье! Я не буду сидеть в Харькове и ждать, когда этот е. ный садист начнет тянуть из меня жилы!

— Ты совсем себя не слышишь, Юля. Какие жилы? Давай посмотрим правде в глаза. Твои активы — в Европе, этот бизнес не попадает под юрисдикцию законодательства Украины. Даже если на миг предположить, что подобное случится, никому до них не добраться! Твоя версия о том, что он все это устроил ради тебя, не выдерживает никакой

критики. Это могло быть в сказках, которые ты читаешь Еве перед сном, но в жизни?

— Лера, ты не знаешь этого человека. Хочешь, я тебе расскажу, через что прошла в свое время в его руках? Когда у него не было еще такой власти, какая будет сейчас? Он больной на голову, и это не просто красивые слова. Такое не лечится! Да ему ничего не стоит стереть меня в порошок при желании, которое, поверь, никуда не делось! Это в его глазах на каждом долбаном плакате. Но вы все видите только улыбку и обещания счастливой жизни, чтобы замечать очевидное!

— Видишь ли, Юля... Ты, конечно, молодая и красивая. Более того, богатая и успешная, этого достаточно, чтобы каждый второй мужик в городе потерял голову, их останавливает сейчас только твой траур. Но давай ты просто придешь в себя и перестанешь выдавать желаемое за действительное. Ничего страшного нет в том, что тебе нравится позиция зажатой в угол жертвы, особенно при наличии того, кто в свое время расшатал твои эмоции до запредельного пика. Ничего зазорного нет также в том, что ты продолжаешь к нему что-то чувствовать. Да, именно, не надо на меня сейчас смотреть, как на приспешника Лаврова! И доказывать обратное. Я не ханжа, которая сейчас предаст тебя анафеме за непочтение к Сашиной памяти. Я вижу гораздо больше, чем ты пытаешься мне продемонстрировать, и ничего ужасного или кошмарного, если разобраться, в этом нет. Я не психотерапевт, но о Стокгольмском синдроме не слышал только ленивый. Когда ты в последний раз кричала и швыряла планшет по комнате? Вот, я тоже не могу вспомнить. Лет семь назад? А что сейчас происходит с тобой от одного взгляда на фото спустя столь продолжительное время?

Стальные когти чужой воли, облаченные в велюр белых перчаток, нащупали слабинку в лазерном шве моей истерики. Подушечки теплых пальцев пока что глядят невидимые глазу неровности и шероховатости под броней хромированной защиты, исследуя брешь в ювелирной спайке, определяя самую слабую точку, с которой и продолжают раскройку сознания. Арийское спокойствие обладательницы этой воли передано и мне, даже первый разрез по моему глянцевому панцирю не обжигает болью. Он точен и хирургически выверен, я его не замечаю, констатация фактов, в которых никогда себе не признаюсь, подействовала, как отвлекающий маневр.

Острые стальных когтей режет гуманнее тупого лезвия. Эта душевная рана, отозвавшаяся во всем теле обжигающим ледяным захлестом, пока что не кровоточит, ее концы быстро стянулись, не допуская кровопотери. Даже не боль, скорее дискомфорт от тех слов, которые мне оказалось слышать тяжелее всего.

— Юля, при всей твоей неотразимости и прочих достоинствах, — тон голоса Валерии сейчас почти зеркально копирует интонацию Александра, дорогого человека для каждой из нас, — люди из нашего прошлого продолжают жить дальше. И зачастую отпустив это самое прошлое, похоронив его навсегда. Ты с утра переворачивала вверх дном все поисковые системы и знаешь гораздо больше, чем сейчас говоришь.

— О чем ты? — поворот заостренного когтя-стилета в надрезе уязвимой тонкой кожи с быстрым изъятием. Я же все прекрасно понимаю. Моргаю вместе с осознанием, что запретила себе концентрироваться на увиденном в сети.

Сотни мегабайт снимков самых разных форматов, цветные и изысканные черно-белые убили мое утро. Броские заголовки таблоидов. Десятки, если не больше, роликов на одном из видео-ресурсов — я даже не успевала вбить фамилию «Лавров» полностью в строку поиска, как короткометражные ленты резали сетчатку случайно зависшим кадром, так часто подкрепленным провокационными надписями. Их было даже больше, чем политической

пропаганды!

«Дмитрий Лавров и топ-модель Алина Бэнкс на Гоа».

«Кандидат на пост мэра Харькова и загадочная брюнетка».

«Депутат Лавров и певица Кира Кесси на Неделе высокой моды в Киеве».

«Ульяна Костина и Дмитрий Лавров снова вместе?»

«Бывшая супруга Лаврова была замечена в его компании в Токио в один из уик-эндов...»

Сами видеоматериалы я решила не просматривать, ограничившись беглым ознакомлением с заголовками. Сердце пропустило ошеломительно сильный удар с выбросом холодной испарины по всему телу. Я как будто ощутила кожей невидимые прикосновения пальцев, которые добрались до подсознания, передав болезненный импульс, от которого захотелось дернуться и закрыть глаза и уши. Я ревную? Я, вашу мать, только что испытала удар под дых от одного только женского имени, написанного рядом с его?! Я непроизвольно жмурила глаза, натываясь на поразительно четкие фотографии, выхватывая только определенные фрагменты изображений. Да, там было на что посмотреть...

...Его рука с длинными пальцами, которые в свое время свели меня с ума, по хозяйски лежит на талии очередной счастливицы, которую самый сексуальный политик по версии какого-то там журнала за февраль обласкал своим вниманием. На следующей фотографии эти же пальцы интимным жестом слегка зарылись в длинные локоны бывшей супруги (когда это ты успел перейти на блондинок?) на одной из светских вечеринок. Какого члена ты всем говоришь, что вы в разводе, если на публику демонстрируешь подобные предварительные ласки?.. Если твоя цель — показать всем, что ты почти вернулся к жене, зачем спустя месяц ты смотришь в объектив своим фирменным завлекающим взглядом, целуя взасос одну из участниц проекта «Холостяк», которая в свое время произвела фурор на этом шоу?

Фотосессию для очередного мужского журнала я захлопнула, ощутив, как щеки заливаются предательским румянцем, а обжигающие спирали арктического холода и раскаленного жара сплетаются в первобытной пляске противоречий. Этого было достаточно? Постановочных съемок будущего мэра с голым торсом на фоне скал и голубой глади моря? Достаточно для того, чтобы я перестала дышать и хаотично застучала пальцами по сенсорному экрану в стремлении как можно быстрее закрыть эту подборку? Чтобы ужас накрыл меня щупальцами, беспощадно вспорол грудную клетку, расцарапав сердце обжигающими метками поверх старых, давно заживших рубцов? И сколько эмоций при этом остались за кадром железным усилием моей трепыхающейся воли, которая из последних сил сжала их в стальной хватке кулачка, пытаюсь раздавить, уничтожить, стереть из памяти сам факт их робкого проблеска? Это необходимо было сделать моментально, не позволяя им вырваться за замкнутый периметр в подсознании и подпитать ужас черным допингом воскресающей тьмы из не столь далекого прошлого. Я не хочу хронологически воспроизвести полнометражную ленту, безжалостно, по шагам, до малейшего ощущения острых камней под босыми ногами, — если страх получит свою жертву, его уже ничто не остановит. Он будет сжигать дотла мой здравый смысл, возрождая в своей огненной преисподней ту, что боится собственной тени.

Я быстро забуду, что при первом его толчке, требовательном ударе в кальцинированную скорлупу защитного поля боялась вовсе не возможных пугающих перспектив и одержимого возмездия, а именно того, как вострепелась моя сущность при одном только взгляде на эти провокационные фотоснимки. Как вспыхнула ярким пламенем корона крыльев — забытое

алое свечение пробежало по ним алыми разрядами, засыпая в бездне новой тьмы кофейного оттенка... или же, посмотрим правде в глаза, хорошо забытой старой. Я впервые после смерти Алекса вновь испытала нечто похожее на, будь смелее, сексуальное возбуждение?

Как легко подменить понятия в вопросе симптоматики подобного характера! Как просто можно списать ток желания на сигнал опасности и стремления бежать со всех ног, благо сердечная мышца принялась качать кровь с удвоенной скоростью! Как легко назвать это едва ли не ненавистью с возмущением самим только фактом нового положения призрака из твоих снов! Подсознание принимает свершившиеся факты, и его не обмануть, но сознание выстраивает привычную блокаду, чтобы его обладательница не сошла с ума... и вот уже пальцы вновь порхают по стеклу планшета в немом призыве, поиске наобум чего-то, что я сама сейчас не в состоянии сформулировать. Я все-таки нахожу новый якорь, мой шанс провести реакцию замещения — переключателя по всем законам НЛП. В какой-то момент парад топ-моделей, звезд телевидения и шоу-бизнеса подле будущего сиятельного хозяина города сходит на нет, а мой взгляд выхватывает почти трогательную фотографию.

Будь на ней кто-то другой, я бы, может, всплеснула руками от умиления или хотя бы улыбнулась. Да что там говорить, прежнюю меня подобное бы успокоило, разметав все тяжелые мысли — разве может мужчина на этой фотографии, который с такой нежностью обнимает мальчика, помогая направить приклад духового ружья в тире прямо в мишень объектива, иметь что-то общее с тем, кто едва не пустил мою жизнь под откос? Разве этот монстр со взглядом хладнокровного киборга, который теперь смотрит со всех экранов и бордов, способен так искренне улыбаться и смотреться столь гармонично рядом со своей уменьшенной копией? Если бы не светлые волосы мальчонки, как и у бывшей жены, которую я совсем недавно наблюдала на фото подле своего воскресшего фатума, сходство было бы запредельно убивающим.

Наверняка этот кадр растопил предвзятые сердца твоего электората, который уже давным-давно зарекся верить политикам. Ты даже не стал играть в примерного семьянина и изображать брак с этой светской львицей на публику. Я не могла поверить увиденному и смутно понимала, почему мое сердце затянула изморозь негодования и чуть ли не презрения.

Твой сын старше Евы на годик. Да, ты очень быстро женился. Кто у нас Ульяна Костина? Ай да Лавров, хороша дочь спикера в роли хранительницы домашнего очага? А вот у меня сложилось впечатление, что она косила от своего супружеского долга на всех подряд светских мероприятиях столицы! Как вы умудрились при этом сделать ребенка? Формулировка причины развода выбила приступ нервного смеха. Костина в поиске себя? Где это она, интересно, себя потеряла? Или ты сам выпил ее до основания со всеми связями и привилегиями звездного родителя, пережив идеальный во всех отношениях политический брак?

Мои руки сами потянулись за сигаретами, благо Ева сейчас спала в своей кроватке на втором этаже. Я ощутила резь в сетчатке, вглядываясь в фотоснимки столичной дивы. Высокая блондинка с шелковистыми волосами до талии, немного резкими чертами лица и насмешливым взглядом. Улыбка победительницы во всем с рождения — как же иначе! — горы, которые нам не поддадутся, сравнивает с землей папа. Стиль, правда, выше всяких похвал, в этом Ульяна молодец. Как ты умудрился не растоптать такую женщину за годы недолгого брака? Ты хоть раз использовал на ней сотую долю всех тех примочек, что достались мне? Или ей повезло гораздо больше, и она, сама того не осознавая, избежала

одержимой любви, которая делала тебя монстром? Вряд ли такого, как ты, остановили ее высокие родственные связи. Тебя никогда ничего не останавливало, кроме собственного «не хочу».

Я закрыла страницу поиска с ее фотографиями и вернулась к тому самому снимку, который, попади он на листовки предвыборной агитации, взорвал бы мозг всем избирателям без исключения. Почему к ним не относилась я? Не верила тому, что пытались изобразить на камеру счастливый отец и довольный сын? Нет, как раз в искренности эмоций и чувств сомневаться не приходилось, это не было постановочным фото, на нем никто не позировал. Липкие щупальца неприятия прошли по позвоночнику и проникли в кровь, заменяя собой недавний восторг и всплеск возбужденного женского естества. Я знала уже, в чем именно тут дело.

Таким, как ты, вообще было противопоказано иметь детей. Я сказала себе это на пляже, куда ты вывез меня на прогулку впервые за все время моего заточения. Ты и тот мальчуган, которого ты подсаживал на плечо, чтобы показать устройство водного мотоцикла, были элементами двух конфликтующих измерений. Сейчас тоже ничего не изменилось, есть ли надежда на это в будущем?..

Я сломала сигарету в дрожащих пальцах. Каждое произнесенное им слово оставило неизгладимый отпечаток в моем сознании, и пролетевшие годы не смогли стереть этот отчетливый след.

«Ты спрашивала, что же я буду делать, если это когда-нибудь случится с моей дочерью? Как бы ты этого ни хотела... как бы ты ни рисовала у себя в голове эту картину, сука... Как бы ни взывала к своим чертям с требованием проклятия через поколение, этого никогда не произойдет. Во-первых, за свою дочь я убью. Закатаю в бетон вместе с семейством того, кто посмеет о ней даже подумать в таком ключе. Во-вторых, с ней такого просто не сможет произойти. Ее мать будет думать головой, а не пятой точкой, бросая вызов таким, как я. Поэтому с ней в принципе не будут происходить те вещи, которые я делаю с тобой...»

Изменились только «несущественные» переменные: у тебя сын, дочь у меня. Я не культивирую холод презрения и не заставляю себя поверить в то, чего нет. Я не знаю, это уму непостижимо, но я просто чувствую холод засасывающей бездны с беспощадным отсчетом таймера. Что это? Ментальная угроза, преодолевшая терабайты десятичных кодировок по каналам беспроводной связи, insult ничего не понимающей интуиции... или мое осознание того, что больше некому защитить меня с Евой. Алекс единственный мог удержать тебя от любых опрометчивых поступков, но в полной мере этого не сделал даже тогда...

...Я не понимаю, откуда в моих пальцах бокал с охлажденным белым вином — так сильно увлеклась своими возмущенными криками, что проигнорировала момент, когда кто-то из прислуги сервировал столик фруктами и наполнил бокал мне и Валерии. Лера эффектно щелкает пальцами перед моими глазами и делает медленный глоток — а я поддаюсь этой галантной грации, как и ее мелодичному голосу.

— Я тебя прекрасно понимаю и сейчас поясню в двух словах, что именно с тобой происходит. Какая девочка не представляла себя в детстве Еленой Троянской, принцессой, которая покорила всех принцев из соседнего государства? Даже если она выросла и нечто похожее в произошло ее жизни? Пора ломать этот сценарий, Юля! И предположить хотя бы на миг, что он прекрасно чувствует себя без твоего присутствия.

— Не надо про принцев, черт, только не ты! Догадайся с трех раз, кто у Евы

воображаемый друг? Нет, не из мультика! Мы о нем говорим последние несколько часов!

— Но ты и сама не будешь отрицать, что есть потрясающее сходство? — если Лера и удивлена, то умудряется спрятать это под врожденной маской невозмутимой леди. Только уголки губ слегка вздрагивают в сдерживаемой с трудом улыбке.

Дамасская сталь стилетов-коготков сменилась поглаживанием страусиными перьями по вскрытым граням защитного панциря. Я еще этого не осознаю, но настойчивая щекотка уже запустила реакцию отдачи. Это она ломает сжатый изгиб моих губ в ответной улыбке, задевшей центр ребяческого веселья и непосредственности.

— Вот это другое дело. Я рада, что ты успокоилась.

— Лер, у меня столько вопросов... и ни единого ответа! — я пересаживаюсь поближе, словно фантомная тень младшего Лаврова сейчас просочится сквозь стекло сенсора и затянет меня в свою обитель тьмы. — Как выжил... прятался... почему все молчали... и какого хрена мне так страшно! Ты не знаешь, что делает власть с людьми, подобными ему. Я не хочу в это верить... ему не место на этом посту! Пусть экзит-пол окажется заказным пиаром, я не могу поверить, что он победит! Но его уже называют неоспоримым лидером...

— Не исключено, что эти данные — политическая технология нейролингвистического программирования, — Лера сосредоточена и спокойна, — но маловероятно. Ты настолько любила свой страх, что готова воскресить его сейчас на пустом месте? Я скрывала это от тебя, чтобы ты пришла в себя окончательно, но если бы знала, как далеко тебя унесет... Это ложные опасения, Юлия. Завтра утром проснешься и скорее всего сама это поймешь. У него своя жизнь и, как ты могла убедиться, тебе в ней нет места.

— Ты просто его не знаешь... — мне до одури, до боли в сжатых кулаках хочется поверить в теплые успокаивающие слова, не лишённые определенной логики. Но они почему-то действуют совершенно иначе — интуиция вопит о чем-то пугающем и неотвратимом. — Я тебе никогда не рассказывала, что он со мной сделал, поэтому ты не понимаешь всей сложности.

— Не рассказывала, Саша в свое время пояснил, что это за человек. Поверь, я видела в этой жизни многое. Так вот, твой воскресший кошмар до Джека-Потрошителя не дотягивает. Успокойся и сама поймешь.

— Я спокойна!

— У тебя расширенные зрачки, хрипотца в голосе и аритмия. Ты непроизвольно сводишь ноги и говоришь о нем с запредельным отрицанием. Продолжать?

Я не успела офигеть и разобраться в нахлынувших эмоциях. Горничная принесла мой мобильный телефон.

— Простите. Вам дважды звонила Елена Крамер.

— Почему молчала? — обычно я не кричала на прислугу, но сейчас это был хороший способ уйти от Леркиного щекотливого замечания, как и от латентного ужаса, выбивающего горячую испарину.

Моя Ленка предупредила, что прилетит в среду. Сегодня суббота. Я с трудом удержалась, чтобы не закружиться от восторга по комнате, забыв на время о Лаврове и всем, что с ним было или когда-то будет связано. Лера как-то облегченно улыбнулась и сказала, что полетит в Германию по делам компании — они требуют ее присутствия, но она переживала, что я наделаю глупостей, если останусь наедине с собой. С Крамер если глупости и будут, то самые что ни на есть продуктивные и приятные.

Моя лучшая подруга вышла замуж за Брайана Крамера, который был свидетелем на

нашей свадьбе. Я бы очень сильно удивилась, если бы она не уложила на лопатки обаятельного американца своим обволакивающим очарованием и всеобъемлющей чувственностью. Я уже носила под сердцем Еву, когда мы летали в Филадельфию на их свадьбу. В отличие от меня, Лена не спешила рожать детей — путешествовала с супругом по миру и наслаждалась американской мечтой, которая для нее так быстро стала реальностью. Никуда не исчезла прежняя веселая и жизнерадостная девчонка с глубоким пониманием происходящего вокруг и практически восточной мудростью в решении любых щекотливых проблем, чему я была несказанно рада — с ней так легко было нырять в омут былой беспечности и нерушимой женской дружбы. Особенно в свете последних событий.

В этот вечер мы с Валери уехали поужинать в один из лучших ресторанов. Как я и ожидала, весь город был наполнен рекламными щитами, световыми боксами и натяжными полотнами на фасадах зданий, откуда улыбались кандидаты на пост мэра Харькова, обещающая избирателям небеса в алмазах и европейский уровень жизни. Моя спутница пристально наблюдала за мной, и сущность борца за свои права и приоритеты внутри меня проснулась, стремясь если не бросить вызов, то хотя бы сделать его видимость. Хотя я и внутренне замирала от мерзкой тревоги, стоило увидеть его взгляд с очередной агитационной поверхности, все же смотрела, не в состоянии понять саму себя и переплетение самых разнообразных чувств.

Желала ли я его смерти, в которой и без того была уверена долгие годы? Нет, не настолько критично все сейчас обстояло. В глубине души я испытала чувство облегчения, отчасти оттого, что чувство вины испарилось. Желать смерти я не могла никому. Пусть даже жар лихорадки вождения, который преследовал меня после его смерти, погас очень давно, остались смешанные чувства. Хорошо, что выжил. Особенно если дашь теперь жить другим.

Утро понедельника началось с завтрака за просмотром политических новостей. Я уже не сжималась и не вздрагивала от тысячи игл арктического холода по позвоночнику и даже не прятала глаза в чашке с кофе — может, именно потому, что это было равносильно взгляду в его глаза. Хотя вполне вероятно, что я поддалась обманчивой провокации в виде его улыбки и выражения лица, — электорат не должен был видеть бездну ада в его застывших глазах и плотно сжатые губы, чувствовать за маской приветливого кандидата жестокость и непримиримость безжалостного инквизитора. Нет, этот человек не имеет ничего общего с тем, кто едва меня не уничтожил в свое время. Он перекрыл благотворительностью даже покойного Алекса, он залатал разбитые предшественниками городские дороги еще до начала предвыборного марафона, поставил на уши ЖКХ и как раз сейчас с предпринимателями дорабатывал законопроект о реформе налогообложения в малом бизнесе, начатый еще в Раде. С такой программой и девизом «не словом, а делом» рейтинг просто зашкаливал — я старалась не смотреть на скачки диаграммы в углу экрана.

Ева расплескала сок и спрятала смущенную улыбку, от которой мое горло вновь сжали тиски противного озноба. Я поспешно схватила пульт и переключила на детский канал под протестующий вопль дочери.

— Ну ты чего? Смотри, Губка Боб!

— Не хочу! Там принц Эрик! — Ева была готова расплакаться. — Зачем выключила?

Я почувствовала, что закипаю, но сумела вовремя остановиться и взять себя в руки. Если из-за этого гребаного без пяти минут мэра сорвусь на дочь, потом себе не прощу.

— Дай ручку! — я сняла с запястья золотой браслет с подвесками и натянула на ручку Евы почти до сгиба локтя. — Хочешь поносить, пока я не вернусь? Но только при условии,

что будешь паинькой и не станешь обижать няню!

— Хорошо! — Ева забыла о происходящем на экране и закружилась по комнате, заставив подвески зазвенеть. А потом едва не убила меня контрольным вопросом: — Мама, а мы пойдем с тобой на выбобры?

— Куда?!

— Голосовать в выходные! Ну пожалуйста!

— Выборы только для взрослых, малышка. Но если хочешь, обязательно пойдем.

Ева от радости запрыгала по столовой, пока ее не подхватила на руки няня. Несмотря на неоднозначность ситуации, я не могла не улыбнуться такому открытому проявлению эмоций. Даже новый рекламный щит на выезде из поселка с фэйсом Лаврова не смог сбить эйфорию умиления. Я сосредоточилась на дороге и перестала считать рекламные носители с его изображением.

В моем бутике с утра было немногочленно. Обаятельная продавец-консультант помогала двум мужчинам выбрать рубашку и галстук, а управляющая Лейла внимательно наблюдала за процессом из-за стойки, готовая вмешаться в случае возникновения любого вопроса или неловкости. Я поприветствовала ее едва заметным наклоном головы и прошла к стойкам с мужскими запонками, изобразив скучающую покупательницу — не стоило привлекать внимание к своей персоне. Лишь когда постоянные клиенты рассчитались за приобретенный товар и, напоследок галантно отвесив девушкам комплименты, удалились, я вновь вернулась к стойке, поморщившись от повисшего в воздухе напряжения. Продавец Мила растерялась, застряв взглядом на черной шелковой косынке вокруг моей шеи, старший консультант Лейла тоже запнулась от неловкости.

— Юлия Владимировна, здравствуйте! Мы...

— Не стоит, девочки, у меня мало времени, — только их соболезнований мне сейчас не хватало. — Лейла, покажи мне динамику продаж за прошедшую неделю. Я буду в кабинете.

Лейла смогла меня удивить, когда принесла мой любимый латте вместе с отчетами спустя пять минут. Продажи радовали, несмотря на повышение цен, и я приняла решение провести распродажу в начале лета, а не в мае, как думала изначально. Новая продавец Мила потрясающе справлялась со своими прямыми обязанностями, я мысленно поблагодарила выбор Милены, хотя изначально сопротивлялась семейственности в бизнесе.

— Да, приходил налоговый сегодня утром. Мы только открылись. Корочку сфотографировать не дал, — проинформировала Лейла, — я записала фамилию и должность. Мила засняла его, когда завис на фотографировании потребительского стенда. Требовал отчеты и квитанции, я чудом сдержалась, чтобы не нагрубить. Впервые вижу подобное. Сказал, что все равно что-то найдет!

Я щелкнула кнопкой быстрого набора на мини-атс.

— Андрей, приветствую, Юлия Владимировна. Скажи мне, у нас есть какие-то проблемы с налоговой инспекцией?

— Здравствуйте, — юрист и бухгалтер в одном лице был спокоен и сосредоточен. — Ни малейших. Две недели назад я поздравил Инну Николаевну с юбилеем, как полагается, подарком осталась очень довольна, все оплаты производятся в срок, сверки тоже. Никаких проблем.

Я продиктовала ему имя и должность залетного любителя коррупции и улыбнулась Лейле.

— Как видишь, проблем никаких. Если будет требовать руководство, свяжи его с

Андреем Ивановичем. Думаю, после этого он надолго забудет к нам дорогу.

— Вот еще корреспонденция... Предвыборная агитация преимущественно.

— Выбрось в мусорную корзину. — Вашу мать, и тут Лавров. Я задержалась в магазине на полчаса, просматривая графики продаж и коммерческие предложения. Когда все дела были переделаны, позвонила Юрию и предупредила, что скоро приеду в клуб.

Я умудрилась поймать все пробки на центральной магистрали и практически все включения красного света перед пешеходными переходами. По закону подлости, билборды с агитацией тоже располагались рядом. Я вздыхала почти с облегчением, когда попадалась реклама товаров и услуг, а также других невразумительных кандидатов, обреченных на провал в этой гонке по вертикали городской власти. А при виде Димы, который улыбался с рекламного щита улыбкой безоговорочного победителя, испытывала острую потребность в никотине. Тем не менее из последних сил удерживала остатки храбрости и не отводила взгляд, рассматривая отвлекающие детали. Покрой костюма. Изменившуюся прическу. Цепкий взгляд прирожденного лидера. Этот визуальный мазохизм был также призван отвлечь мое внимание от более стрессовых факторов — подскокившего артериального давления с приступом аритмии и непроизвольно сжатых ног, словно я опасалась выпустить первые вспышки непризнанного сознанием желания. Это противное состояние прошло лишь тогда, когда за мной закрылись двери Devi-ant.

— Юля! — Штейр отбросил журнал и поднялся навстречу. Я нерешительно улыбнулась, как всегда испытывая неловкость в присутствии этого двухметрового Голиафа, похожего на американского военного — такими их обычно показывают в боевиках. Для меня он всегда будет вице-президентом, хоть Алекс и был единоличным владельцем. Теперь Штейр, главный доминант клуба, просканировал мое смущенное лицо внимательным взглядом, после чего я едва не охнула, оказавшись в его объятиях.

— Малыш, это ужасно, — с удивлением отметила, что его голос дрожит. Но проверять теорию скупых мужских слез почему-то не хотелось. На его груди было комфортно и тепло, и я умудрилась выровнять дыхание и немного успокоиться, позволив накрыть себя куполом невидимой защиты и поддержки. Когда же нерешительно разомкнула его руки на своих плечах, удалось даже незаметно смахнуть навернувшиеся на глаза слезы.

— Я до сих пор не могу в это поверить... пытаюсь убежать от боли куда только можно, занять себя привычными делами... но она все равно никуда не исчезает... — мой голос все-таки сорвался, и я позволила Штейру усадить себя на диван и принести стакан с водой. Он сжал мою ладонь, передавая свою внутреннюю силу через это прикосновение.

— Как Ева? — я нервно хихикнула. Имя дочери в этих стенах казалось настолько неуместным, что он тоже это понял.

— Она умничка. Она даже сильнее нас с тобой. Как Ассаи себя чувствует?

— Хорошо. Только ребенок постоянно ее лупит ножками. Она говорит, что это моя кровь дает о себе знать.

— И как скоро это прекрасное событие?

— В августе.

— Лев, — неуместно попытожила я. — Здорово. Ну что, в кабинет и хотя бы поверхностно введешь меня в курс дела? Влада здесь? Мне понадобится также ее помощь.

По пути наверх я набрала Илью.

— Юляш, что стряслось? Мы на охоте, — отозвался пасынок. В трубке послышался мужской смех и свист.

— Я в клубе. Тебе бы тоже не мешало приехать и поучаствовать. Когда я тебя смогу здесь увидеть?

— Ну, я вернусь через неделю и все наверстаю, — лениво протянул младший Кравицкий, — там же не горит? Ты прости, своим звонком всех зайцев распугала. Я вечером наберу!

— Паршивец, — процедила я сквозь зубы, когда он цинично сбросил звонок, и подняла глаза на Штейра. — Второй акционер нашего предприятия зайчиков стреляет. Это важнее воли отца.

— Не горячись, Юль. Пусть наберется сил. Вникать ему придется куда глубже во все это, а вот ты как раз разберешься в ситуации и поддержишь. Он ведь тоже пытается сбежать от боли в поддержку своих друзей. Было бы лучше, если бы там глушили виски и накачивались наркотиками? Подумай сама.

Я кивнула сосредоточенной Владе и, набрав полные легкие кислорода, прошла в кабинет, где сами стены, казалось, дышали присутствием Алекса. Хорошо, что впервые зашла сюда не сама — точно бы разревелась от горя и тоски. На людях такого позволить себе не могла. Села в кожаное кресло покойного супруга и удивленно свела брови, узрев замешательство референта.

— Влада, все нормально?

— Да, Юлия Владимировна, просто был протокол приветствия...

— Юра, не пора ли упразднить это средневековое уже? Или новая владелица клуба, сабмиссив по позиционированию, сама должна стоять в кресле на коленях? — я погасила вспышку раздражения. — Первая реформа касается внутреннего протокола. Хватит собирать коленями пыль в моем присутствии. Ну, а теперь я заканчиваю умничать, — улыбка Влады и Штейра, — и готова отдаваться в ваши руки. Начинаем вводить новую владелицу клуба в курс дела.

Я вышла из кабинета только под вечер — наверное, забыла бы про обед, если бы Влада не организовала доставку бизнес-ланча из ресторана. Голова гудела от обилия цифр, фамилий, терминов, дат и предстоящих мероприятий. Некоторые фамилии почетных членов клуба не принято было даже произносить вслух. Александр, а сейчас и Штейр, держали дисциплину железной рукой. В игровые комнаты я не зашла не столько потому, что некоторые были заняты, а в силу банального отсутствия сил. Доза кофе немного привела меня в чувство — как раз настолько, чтобы я не уснула за рулем и не проигнорировала дорожные знаки.

Илья не перезвонил и на мои звонки не ответил. Валерия пообещала устроить ему показательную взбучку по возвращению из Германии. Я уложила Еву в постель, прочитала на ночь несколько сказок, продолжая поглаживать лоб моей малышки, пока она не уснула. Не хотелось отправлять её к маме с приездом Лены, но я решила, что она погостит там максимум двое суток — более длительной разлуки я просто не выдержу.

— Прости меня, — прошептала я в пустоту, целуя перед сном фотографию Александра. — И просто дай мне сил пережить этот кошмар... мне до одури страшно оставаться в этом городе наедине со злом...

Как и прежде, он не откликнулся, но стальная рамка внезапно нагрелась под пальцами. Я с жадностью умирающего от жажды впитала в себя этот молчаливый сигнал с того света, который подхватил вновь проснувшуюся тревогу и разметал на мелкие клочки, превратившиеся в пыль, а затем распавшиеся на атомы. Я так и заснула, уложив его

фотографию на подушку рядом с собой, чтобы увидеть очередной легкий и светлый сон, который, скорее всего, даже и не запомню по пробуждении...

Глава 5

Когда в многолюдном зале аэропорта появляется женщина, подобная Елене Крамер, мир замирает, как в той рекламе йогурта «Даниссимо». Кто-то обязательно спотыкается о свой чемодан, заляпывает кофе деловой костюм, хрустит суставами шеи при повороте головы, получает по этой самой шее от злобной супруги, но так и не может поднять челюсть с пола.

Сегодня этот эффект повального поражения был возведен в квадрат. В зале прилета подругу скромно ожидало еще одно совершенство — я, Юля Кравицкая. Всего за пятнадцать минут уже три попытки завязать знакомство и предложений выпить кофе. Не смущало даже присутствие Бориса, водителя и по совместительству телохранителя, приходится дать ему распоряжение и запретить всем мужчинам в зале приближаться ко мне на расстояние ближе двух метров. Никто в упор не замечает траура — на мне черный костюм, единственная светлая деталь — пояс на талии. В Швейцарии такой дресс-код был бы понятен без слов, здесь же не работают европейские каноны. Я даже вздыхаю с облегчением, заметив подругу на выходе из терминала — внимание переключается на нее, как по щелчку. Копна слегка завитых черных волос колышется, как в замедленной съемке, идеальное дефиле на высоких каблуках создает ощущение невесомого парения над мрамором пола, запахнутый полушубок демонстрирует глубокое декольте с подвеской-ожерельем, кулон которого уместился в ложбинке красивой груди. Она не замечает никого вокруг с высоты своего заоблачного величественного полета, подхваченная потоками ветра восхищения от произведенного фурора. Я прекрасно понимаю, почему Брайан Крамер так любит появляться под руку с женой на всех светских мероприятиях, которые требуют его присутствия. Такая супруга — роскошное подтверждение его статуса и украшение любого скучного раута.

Борис незамедлительно отправлен за багажом моей подруги, а мы, не обращая ни на кого внимания, обнимаемся и визжим, как малолетки, оставляя следы от помады на щеках друг дружки.

— My darling, I glad to see you... — забывшись, лепечет Лена практически без акцента, и тут же бьет себя по лбу. — Юлька, fuck, моя хорошая, я соскучилась нереально! Сколько мы уже не виделись? Это ненормально! Ты улыбаешься? Я так переживала, что будешь все время плакать...

Я со смехом уворачиваюсь из ее объятий, пытаюсь выяснить, в каком ресторане лучше заказать ужин в честь ее приезда, получаю несильный хлопок по затылку и возмущенный возглас:

— А ничего, что я больше всего хочу побыть со своей лучшей подругой, и желательно без посторонних глаз и ушей? Поехали, а то у нас скоро шкура задымится от этих голодных взглядов.

День был пасмурный. К полудню так и не распогодилось, хорошо, хоть утренний туман не помешал прилету. «Облом с селфи!» — посетовала Ленка, отбросив бесполезный телефон, и мы всю дорогу до дома вспоминали забавные случаи из нашего детства, забыв о присутствии Бориса и хихикая, как две заговорщицы.

— Wow! — не сдержалась Ленка, когда мы застряли в небольшой автомобильной пробке и припала к стеклу. — Ну почему у нас нет таких сенаторов с губернаторами, а? Там,

куда ни посмотри, все нам в отцы годятся! Где вы только таких находите?

Сперва я не понимаю, о чем она... а когда замечаю огромный билборд на обочине, даже не проверяю свою теорию беглым взглядом. Там не может быть ничего иного, кроме воплощения ожившего кошмара. Подруга не замечает моего напряжения, хотя мне кажется, что оно заполнило собой салон автомобиля. Все ее внимание приковано к изображению будущего мэра, под этим углом можно подумать, что он смотрит прямо на нее.

— Если б не была замужем, я б такому дала мандат... несколько раз! — еще одна жертва, хочется думать, политтехнологий, хотя и понимаю, что дело совсем не в крупном шрифте обещания сделать Харьков образцовым городом. — Он на этого актера похож... ну скажи... как его...

— «Восставшие из ада»! — не выдерживаю я, несильно стукнув подругу между лопаток. — Хватит пялиться!

— А вот этот костюм ему не подходит. Знаешь, что на нем бы очень круто смотрелось?

— Что?

— Я!

Вашу мать, залейте меня виски, если я должна это выслушивать! К счастью, машина трогается с места, а миссис Крамер едва не сворачивает себе шею. Помашите ему ручкой еще!

— Юль, ну ты чего? Прости! — она не сразу замечает моих прищуренных глаз и дрожащих губ. — Ты еще не пришла в себя после смерти Александра, а я тут со своими визгами восторга. Ну я просто так рада оттого, что мы наконец встретились, что не замечаю, какую пургу иногда несу. Ну Юлькин, мир?

Я понимаю, что должна ей ответить и убедить в том, что не происходит ничего страшного, но не могу связать даже двух слов под ее пристальным умоляющим взглядом. Хочется закурить, но сдерживаюсь. Просто смотрю перед собой и не слышу собственных слов, когда все-таки начинаю говорить.

— Помнишь, как я летом вернулась в Феодосию, и сколько ты меня откачивала?

— Помню! И грош бы мне цена была, если бы не откачала! Ты вообще не улыбалась, я перепугалась страшно, и жалела только об одном: что этого уродца убили раньше, чем до него добралась я. Его стоило воскресить, чтобы грохнуть по новой!

— А сейчас прошло желание?

— Юль, прошло очень много времени. Я помню, как ты пыталась его защищать и искала ему оправдания! Вот тогда мне стало еще страшнее, я раньше жертв «стокгольмского синдрома» в глаза не видела. Но за шесть с лишним лет уже пора забыть. А к твоему вопросу — я и сейчас грохну любого, кто посмеет тебя обидеть!

— Тогда у тебя есть прекрасная возможность это сделать. А насчет забыть — это невозможно, пока его рожа висит на каждом столбе.

— Кто посмел? — не дослушав до конца, спрашивает Лена. Я равнодушно наблюдаю за выражением ее лица. Сперва она не понимает, затем в глазах появляются проблески осознания, которые становятся подозрительно похожими чуть ли не на страх. — Как... такое вообще возможно?

— Нет в мире справедливости, правда? Как видишь, жив, здоров и прекрасно себя чувствует! Более того, не успокоится, пока не загребет себе весь этот город! — я стукнула кулачком по подлокотнику. Лена перехватила мою руку, задумчиво уставившись в окно. Сейчас какие-либо слова были излишни. «Все образуется» явно не подходило, потому как еще ничего толком и не начиналось. Я заметила, что она призадумалась, кусая губы и глядя

на пролетающий мимо пейзаж.

— Ты сейчас мне скажешь, что в Штатах подобного бы никогда не случилось. Там бы такого человека не подпустили бы и на пушечный выстрел к политике. Кто виноват, что я осталась жить в столь неидеальном государстве?!

— Ты не права. Думаешь, я быстро привыкла к работе Брайана? Я же, наивная, думала, что адвокат защищает только невиновных. К твоему сведению, он не проиграл ни одного дела. Но когда я узнала нюансы... в одном деле организатор наркотрафика подписал договор о сотрудничестве с агенством по борьбе с наркотиками в обмен на свободу. В другом убийцу выпустили под залог и привлекли к сотрудничеству ФБР, потому как он, оказывается, талантливый хакер! И это не единичные случаи! И никому нет дела, что сильные мира сего могли творить в прошлом. Надеюсь, ты не решила с ним воевать? СМИ, СБУ, может криминалитет? Этого я тебе не позволю, даже не думай, проиграешь сразу. А теперь попытайся пояснить, чего ты так боишься? Это не злость и не жажда мести, ты просто сжалась от страха. Кажется, это в твоих глазах!

Я кивнула в сторону Бориса, давая понять, что этот разговор неуместен в присутствии посторонних. Ленкина растерянность исчезла, когда мы доехали до особняка, но всю дорогу я ловила на себе внимательный взгляд подруги. Она всегда понимала меня и умела чувствовать все, что со мной происходит; так и не удалось избавиться от ощущения внимательного сканирования — более мягкого, чем то, к которому я привыкла, вдумчивому и продолжительному. Но своих выводов миссис Крамер так и не озвучила.

Подруга прилегла отдохнуть с дороги, а я, заказав столик на ужин в японском ресторане, остро ощутила накрывшую тоску. Ленка спала, Ева гостила у матери, Валерия улетела в Германию, Илья пропал и перестал снимать трубку. От скуки я начала изучать названия конструкций и станков в клубе. За этим меня и застала Лена спустя несколько часов. Пришлось пообещать, что проведу ей экскурсию по своим новым владениям, и даже попрошу кого-то из зрителей научить работать кнутом. «Брайану определенно понравится новая прелюдия», — съязвила я напоследок, за что получила подушкой по голове.

У Лены появилось новое занятие по пути в ресторан, а именно: изучать мою реакцию на рекламу с лидером предвыборной гонки. Когда я ловила ее долгий внимательный взгляд, она ободряюще сжимала мою руку, иногда нашептывая какие-то слова успокоения. К началу ужина мои пальцы дрожали так, что я несколько раз уронила хаси, пришла в себя только после второго бокала вина.

— Не надо бояться того, чего нет, и, может, никогда не случится, — сказала Лена, когда я немного расслабилась. — Хотя иногда под маской страха прячется совсем иное чувство.

Я не совсем поняла, что она хотела этим сказать. Мы провели вечер, вспоминая моего покойного мужа, и я была ей благодарна за то, что этот разговор состоялся здесь, среди людей, а не дома — я бы рыдала долго и не факт, что быстро успокоилась бы. Мы вернулись домой поздно вечером. Спать не хотелось, я распорядилась принести нам фрукты и бутылку коллекционного бордо, и мы вновь погрузились в приятные воспоминания о том, как познакомились и во многом изменили мир друг друга. Со стороны это было похоже на девчачью вечеринку, пока что без боя подушками. Но так закончиться она в этот раз не могла. Почему-то глубоко за полночь разговор повернул в совершенно другое русло, не без подачи Ленки.

Я уже час как возмущалась несправедливостью и несовершенством законодательно-

политической системы, которая и Ганнибала Лектора не прочь допустить к рулю власти при наличии у того высоких родственных связей и финансов.

— Юля, ты утрируешь, — Лена Крамер спокойно пригубила вино и откинула за плечо прядь густых волос. — Мне хочется сейчас его огреть лопатой посильнее твоего, но давай посмотрим правде в глаза. Ты считаешь, что он пробился в Раду, а потом и в мэры с одной лишь целью — бесить тебя и запугивать? Все эти кулуарные игры, подставы, работа на идеальный имидж должны полететь в топку ради сомнительного удовольствия заставить тебя прятаться по углам? Ты, конечно, извини, но все это не выдерживает никакой критики! Я понимаю, что ты еще не отошла после Сашиной смерти, любой удар может ранить очень глубоко, но тут я не вижу повода беспокоиться! Ты не провинциалка-девственница без связей и известности.

— Вот с подобной он как раз бы и не стал играть в свои игры, не тот класс игры! — меня покорило заявление Лены, так похожее на выводы Валерии. — Тебе не кажется это странным? Его кандидатура была выдвинута спустя несколько дней после того, как Саша не стало. Клуб привязал меня к этому городу посильнее любых цепей, если бы не последняя воля моего мужа, черта с два бы я здесь осталась, свалила бы в Ниццу или еще куда-нибудь! Да он смеется мне в лицо со всех плоскостей! Словно пытается сказать — я всегда буду выше всех законов!

— Ты настолько сильно его боишься? Юля, прошло семь лет. И люди меняются. Не факт, конечно, что в лучшую сторону, но ему подобные редко оглядываются назад!

— Я не боюсь. Больно надо! Ты можешь себе представить? У него сын! Да твою мать, таких уродов надо стерилизовать всех поголовно!

— Ты не знала, что с людьми иногда случаются дети? Или у него раньше были проблемы с воспроизводством? Ты ждешь, что он публично четвертует своего сына или же... — Ленка сделала мхатовскую паузу и слегка наклонилась вперед, — тебе неприятна сама мысль о том, что после тебя он смог иметь с кем-либо сексуальные отношения?

— В полку адвокатов дьявола прибыло! — выброс сжигающего напалма залил затылок, запустив болезненные щупальца по позвоночнику, обдавая горячей испариной. Я сделала поспешный глоток из своего бокала и потянулась за кусочком лимона, словно его кислота могла погасить огненное торнадо в глубине сознания. — Представляешь, плакала, когда узнала, что после всего того кошмара... черт... что у нас тоже мог быть ребенок! Через пару лет после рождения Евы Алекс мне рассказал, что в ялтинской клинике меня тем проклятым летом не только от нервов лечили. А сейчас я готова благодарить бога, что он не дал родиться ублюдку этого садиста! Это был знак свыше. Понимаешь?

— Я понимаю только одно. Ты готова утопиться в том, чего просто нет! И я, наверное, понимаю, что с тобой происходит.

— Меня бесит другое. Как он мог вырваться в лидеры? Разве избиратели не чувствуют подобные вещи? Можно обмануть пропагандой, даже 25 кадром! Другие кандидаты умудренные опытом, и не могу сказать, что слабее!

— Юля, правило «sex sells» действует в политике так же, как и в любой другой рекламе. Вот здесь для меня как раз и нет ничего удивительного. У него одна харизма вопит «голосуй за меня» даже с плакатов! А темное начало притягивает посильнее света, еще один незыблемый закон пиар-технологий. Но ты так и не можешь ответить самой себе, чего именно боишься!

— Боюсь, я сама этого не понимаю. Не понимаю, почему мне так страшно! Ладно я, но

теперь у меня есть Ева. Мои родные тоже здесь. Да ему же ничего не будет стоить стереть в пыль все, чем я живу. С уходом Алекса меня некому защитить и спрятать от него, если он решит, что я в чем-то перед ним виновата! Это гребаная интуиция, понимаешь, и она практически никогда не подводит! Я ведь всегда знала, что он не погиб, не могла пояснить как, но чувствовала это!

Мы почти допили бутылку бордо. Лена отставила свой наполненный бокал и пересела ко мне на диванчик. Я непроизвольно вздрогнула, когда ее руки коснулись моих плеч.

— Да ты напряжена. Я начинаю думать, что тебе очень нравится позиция жертвы! — моя кожа ошестинилась невидимыми иголками, когда тонкие прохладные пальчики ослабили отвороты шелкового халата и коснулись голой кожи. Лена сжала пальцы, слегка болезненно разминая окаменевшие мышцы, но, стоило мне дернуться, успокаивающе прикоснулась губами к затылку, подув на верхний шейный позвонок.

В первый момент я опешила. Тысячи покалывающих искорок затрепетали на пылающей коже, побежали сладкими спиралями, аукнувшись в пальцах ног и икроножных мышцах, оставляя после себя откат приятного расслабления. На фоне этого массирующие поглаживания дельты стали ощущаться совсем по-иному — после мимолетной боли появилась пульсирующая энергия, запустившая ритм сердца по нарастающей.

— Сиди смирно! — шутливо велела подруга, продолжая умело прорабатывать мышечный зажим. Это был оздоровительный массаж, далекий от расслабляющего или же эротического, но сотни невидимых крылышек затрепетали в районе солнечного сплетения от невесомого касания женских губ к моему затылку и уверенных движений пальцами.

— Страх иногда лишь маска, удобный саркофаг, прикрытие для совсем иных желаний, которые ты никогда в себе не признаешь, — шепчет Лена, едва касаясь губами моей ушной раковины. В ухе на этот шепот отдает приятной пульсацией, оно реагирует на один лишь тембр голоса, не до конца понимая смысл сказанных слов. Мысленно я будто на море — теплая волна накрывает кромку песчаного побережья, едва касаясь моих пальцев, оставив иллюзию мимолетного поцелуя.

— Я не понимаю... — состояние приятной невесомости прогоняет способность мыслить здраво, а горячее дыхание подруги бьет порывом ветра в эрогенную точку обнаженного затылка.

— Ты боишься своих желаний... ты никогда их не отпустишь, потому что в твоём понимании это неправильно и невозможно! — пальцы Лены перемещаются на расслабленные плечи, теряю отголосок затихающей боли в проработанных мышцах. — Ты как будто — из соображений морали — не имеешь права желать кого-либо, потому что только что потеряла любимого человека. Ты вроде как не должна испытывать подобных чувств, потому что он едва не превратил твою жизнь в ад в свое время. Тем более ты не должна чувствовать такое сейчас, когда есть вероятность угрозы. Но ты не хочешь понять одну простую истину: ты ни в чем не виновата! — всхлипываю от легкого протеста, который тотчас же уничтожен экспансией убивающего эротизма по всем нейронам и капиллярам вздрогнувшего тела. Сжатая пружина спящей спирали черной дыры дрогнула, затрепетала, замерла перед решительным спуском в воронку будущего омута.

Халат скользит по моей гладкой коже, оседая на барьере согнутых локтей. В голове почему-то приятный расслабляющий шум: то ли от вина, то ли от осознания отсутствия вины перед кем бы то ни было. Последняя мысль о неправильности происходящего тонет в пучине отчаянного желания наконец-то вырваться из тисков перманентной тревоги и стать

хоть чуточку сильнее...

— Чтобы не мешали! — шепчет Лена, размыкая съемные бретели на моем бюстгальтере, и ее пальцы вновь начинают неспешное исследование, разжигающее маленькие костры на моей коже. — Что ты увидела только что? Наверное, ты даже не поняла, потому что считаешь, что не имеешь права такого видеть. Но в этом нет ничего ужасного и кошмарного!

Я едва не вскрикнула. Шелк темных волос подруги приласкал скулу за миг до того, как ее теплые губы пробежались невесомыми касаниями по ключице — так неумолимо и так сладко обжигаяще, словно касание страусинового перышка. Почему в тот момент я не дрогнула в немом протесте, прекрасно понимая, что может последовать дальше? Только прикрыла глаза, отдаваясь этим ощущениям, готовая встретить приятную тьму с проблесками чего-то светлого.

Спиралевидные потоки угольно-черной материи пришли в неспешное движение, наливаясь призрачным свечением и меняя цвет. Ее ласкающие лучи ударили в эпицентр спящего сознания, которое особо и не сопротивлялось. На миг мне показалось, что оно подготовилось к запуску фейерверков с целью отпраздновать освобождение собственной территории, отгороженной до того непроницаемой стеной непонятных ему условностей. Теплые пальцы накрыли мою грудь, сдвигая чашечки бюста вниз, за линию ребер, и трансформация черной дыры вошла в свою завершающую стадию, окрасив вакуум колорантом глубокого эспрессо.

Кажется, я дернулась и все-таки протестующее закричала — но, похоже, вовсе не от испуга. Движения пальцев стали иными — внезапно более усиленными свое нажатие, не такими мягкими и теплыми, сейчас они обжигали жаром и трением иной, слегка загрубелой кожи. Острые звезды дрогнули перед натиском засасывающего гиперсжатия микрокосмоса, все еще цепляясь за свои орбиты, не желая погружения в темный портал неизведанного — но их мнения уже никто не спрашивал и не слышал.

— Тише! — ласковый шепот Лены ломает законы астрономии. В космосе всегда царит тишина, эти слова я осязаю кожей, невидимыми ультразвуковыми волнами. — Просто прими это, как должное... в этом нет ничего ужасного. Тебя никто за это не осудит!

Я не вполне сейчас понимаю, почему слышу голос своей подруги — может, это ментальный привет издалека, который прорвался через континенты и тысячи километров, чтобы помочь мне отжаться, шагнуть без страха в затягивающий темный туннель, слизав с кромки губ греховный привкус горького кофе? Последний вопль на баррикадах сознания заглушен настойчивым натиском теплых губ, скольжением горячего язычка поверх пока еще плотно сжатых зубов. Намек на сопротивление гаснет, а затем вспыхивает с новой силой под диктатом внезапного взгляда цвета застывшего шоколада. Дергаюсь прочь от атаки этих губ, но поздно — взгляд захватил мое сознание, выстрелив парализующим нейротоксином, выбив из застывших связок немощный всхлип сладкой обреченности. Этот взгляд разомкнул мои губы одним ласковым касанием, позволяя принять неизбежность этого поцелуя. Я хочу обнять в ответ, но руки безвольно лежат на коленях, как у образцовой школьницы. Так протестует затуманенная желанием сущность, понимая, что все рухнет, если вместо переката стальных мышц под своими пальцами я почувствую гладкую женскую кожу. Волна неумолимого возбуждения уже накатывает едва ощутимой пульсацией внутри влагища, оросив первыми струйками греховного сока ткань кружевных трусиков от одного осознания чужого диктата над потерявшим нить реальности сознанием. Соски достигли максимальной

твердости под нажимом шероховатых подушечек мужских пальцев, и я застонала в подавляющие губы, встречая атаку языка. Он ворвался на максимальную глубину, переплетаясь с моим в чувственном варварском танце, и спирали черной дыры поглотили первую порцию ярких звезд. Их орбиты ломаются, сходят с ума под неистовой силой, которой невозможно сопротивляться. Звезды распадаются на остроконечные осколки белоголубого пламени в омуте черного даблэспрессо. Вихри космического ветра уносят мое тело в ошеломительную невесомость, и я кажется, лишаясь опоры с последним на сегодня протестом в глубине души, которая уже не хочет сопротивляться эротическому угару.

Нет! Отпусти! Прекрати затягивать меня в свои мерцающие пределы! Тебя нет! Я не хочу этого ощущать, не хочу настолько сильно тебя чувствовать! Я не имею на это никакого морального права, и ты, впрочем, тоже! Не желаю, чтобы душевные силы истекали сквозь глубокие царапины от остроконечных звезд в этой воронке, которая поглощает всю мою волю вместе с предавшим сознанием. Не позволю распинать себя на стенках этого тоннеля усилием центробежной силы, затянуть все глубже в твою кофейную тьму с искринками звездных бриллиантов! Тебе больше никогда не повторить собственного сумасшествия, я больше не твоя! Останови это или...

Или никогда больше не смей останавливаться!

Всхлипываю от ощущения потери горячего языка, пытаюсь поймать его прощальный росчерк по кромке губ, но тут же напрочь забываю обо всем — его кончик скользит более мягким, невесомым касанием по контуру лица, задевая скулы, задержавшись на подбородке, не теряя контакта с кожей, широким мазком перемещается в выемку шеи. Руки тянутся вверх в немой жажде объятий, но рукава халата зафиксировали их в одном положении — от столь символичной несвободы тело выгибается дугой навстречу ласковым прикосновением язычка, который покинул шейную впадинку, чтобы переместиться, обрисовав ключицы, к твердым камушкам сосков. Запрокидываю голову, уже не замечая, как стягивается цилиндр черного портала вокруг дрожащего от желания тела, а теплые губы накрывают пик пульсирующей вершинки, втягивая пока что легким вакуумным захватом. Я погружаюсь все глубже в воронку искривленного пространства, не понимая, почему еще минуту назад так сильно этого боялась. Бегущие по кругу голубые разряды не бьют электрическим током, они проникают под кожу, заливая теплом и сладостью эндорфинов. Когда на остром пике перевозбужденного соска сжимаются зубки, меня подбрасывает, изгибая позвоночник судорогой сладости.

Фантомная тень накрыла меня своими крыльями прилетевшего на мысленный зов посланника ада и рая одновременно. Мрак цвета кофе деформируется, сужается в лазерные пучки, перемещаясь в омут взгляда такого же цвета. Эти целенаправленные лучи проникают так глубоко, куда не осмеливаюсь даже я в любых своих жарких фантазиях, с одной лишь целью — воскресить в памяти то, что я с таким облегчением и одновременно сожалением похоронила.

«Ты думала, даже через время сумеешь сбежать от меня? Здесь не существует времени! Здесь оно бежит только по моим законам искривленного пространства, здесь даже страх и ненависть легко меняют полярность на удовольствие! Я достану тебя из любой точки вселенной, руками своей одержимости, ее словами, ее нежными поцелуями, которые ты сейчас совсем не воспринимаешь!»...

Я не помню, где я и с кем. Если меня сейчас вырвут из этой сладчайшей параллельной вселенной, где царит бескрайнее вожделение и рушатся все каноны, если я открою глаза и

увидю Лену — не замечу в упор, скользну невидящим взглядом и вновь закрою глаза, отдаваясь сладостной истоме с кофейной горечью и ароматом, с осязанием сильного мужского тела, накрывшего всю меня, до последнего ноготка на мизинцах ножек. Я забуду эту иллюзию уже спустя минуту. Отдаваясь темной власти его объятий, вжимаясь с силой в рельеф стальной мускулатуры в хаосе танцующих звезд и не замечая нежности поцелуев и касаний — в моей вселенной его ласки будут рвать на части, выжигая тавро победителя на нежной коже, взрывать шаткие опоры недопустимости подобного сумасшествия, ломая реальность и перекраивая в угоду его собственным желанием.

Этого не может быть в принципе. Это не ласковые пальчики Лены Крамер проникают под резинку кружевных трусиков вместе с трепещущими крылышками колибри на моем животе от уверенно ласкающих росчерков шаловливого язычка. Это не ее ноготки с идеальным маникюром скользят по моему лобку, сдвигая трусики вниз, я каким-то шестым чувством отмечаю это, приподнимая бедра вверх, вздрагивая от полоснувшей прохлады по перевозбужденной киске. В моей реальности кружево французских мастеров трещит по швам в грубоватых ладонях ожившего падшего ангела, падает разорванными лоскутами у моих ног, и прикосновения языка к пылающей плоти совсем иные — грубый надрез поверх налившейся горошинки клитора, вакуумный захват налитых губок с легким прикусом до выброса новой порции соков вожделения на его язык. Он не останавливается, врывается в пережатые кольца вагины резкой фрикцией без намека на нежность и прелюдию. Но предварительные ласки мне уже ни к чему, стены черного тоннеля замерли, прекратив центробежное вращение на сверхзвуковых скоростях. Волны чистого удовольствия бегут по капиллярам, насыщая кровь первозданной энергией, я делаю последнее усилие, разрывая эту дьявольскую взаимосвязь, открываю глаза навстречу своему фантому, приподнимаясь на локтях. Встречаю взгляд подруги — он кажется мне таким же кофейным из-за расширенных зрачков. Бездна тянется невидимыми щупальцами вслед за выскользнувшей добычей, она не готова отпускать ее просто так. Мне же достаточно осознания того, что я вновь плавлюсь в объятиях основного врага, чтобы я стряхнула омут сладкого искушения и вырвалась на поверхность из этой засасывающей искривленной реальности.

Шелковистые волосы Крамер рассыпаны по моим бедрам. Живой шелк ласкает разгоряченную кожу, и заряды острого наслаждения бегут по телу опоясывающими скоплениями искр. Не раскрылись еще мои темно-алые крылья в полную силу, осознавая нереальность и неправильность происходящего, но тело откликнулось на самый древний зов природы — не отшатнулось, не застыло, заледенев перед моральными барьерами. Мои бедра толкаются навстречу плавному скольжению язычка по малым половым губам, в стопах закипает лава сладкого онемения, поднимается выше, выстрелив залпом салюта в подколенных впадинках, мышцах бедер и икр. Ладони девушки успокаивающе поглаживают мою талию, выступающие ребра, иногда задевая пики сосков, которые так и не потеряли своей твердости — сжатие внутренней пружины замирает на максимуме, замедлив время без вмешательства черной дыры. Едва ощутимая пульсация внутри перевозбужденной вагины приостанавливает свой трепет, чтобы в следующие секунды отозваться сладкими спазмами на каждое прикосновение острого кончика языка, выстреливая новыми порциями сока. Посасывающие движения губ и языка с затягивающим вакуумом не оставляют этой первобытной пляске взбесившихся чувств ни единого шанса, нужна самая малость, чтобы хаос выстрелил в энергосферу разрядами такой потрясающей капитуляции.

Я не хочу ждать и, кажется, уже не могу. Мне нужна самая малость, тот финальный

аккорд, который раскрасит вселенную в радужные цвета освобождения. Я готова застонать от этого сладчайшего томления в эпицентре моего желания, умолять, извиваясь, насаживаясь налитыми губками на острый язычок — я не кричу и не упрашиваю, но непостижимым образом мой отчаянный призыв взрывает кипящий ментал нашей замкнутой действительности. Горячий язычок скользит по плавным линиям вульвы в жаркую глубину резким вторжением, этого достаточно, чтобы пережатая пружина удовольствия выстрелила, распрямившись, запустив цепную реакцию чистейшего наслаждения.

Меня подбрасывает на жесткой поверхности дивана так, что не понимаю, как оказываюсь на полу, потеряв ощущение Ленкиного языка и губ. Тело сотрясает оргазмом до полной потери слуха и зрения — я наверняка кричала, и очень громко. Прислуге будет завтра о чем посудачить на кухне. Вытягиваю руку, касаясь поверхности пола, выгибаясь последний раз под утихающий спазм непревзойденной эйфории. Выброс финальной испарины вместе со сдавленным стоном сквозь стиснутые зубы завершает этот свободный полет сквозь черную дыру, для которой я сегодня оказалась не по зубам — как и для, хочется верить, ее черного обитателя и хозяина. Но дрожащие губы дразнят сознание привкусом горькой арабики, клочья кофейного тумана окончательно не рассеялись, пляшут перед затуманенным взором, иногда теряя цвет под вспышками ярких разрядов. Виски пульсируют в унисон с сердцем. А тело заливают приятная слабость. Она изгибает губы в улыбке, трогает кончики опущенных ресниц, придает мышцам силу обновленной энергии — но несмотря на это, мне не хочется шевелиться.

— Ну ты, мать, даешь... — слышу потрясенный голос Лены. — С кем ты летала?

Тсс. Замолчи. Я еще окончательно не приземлилась. И мне не хочется, чтобы фантомная тень моего временного идола сложила свои черные крылья и захлопнула манящий портал в такую сладкую неизвестность. Что это — отрицание самой себя или попытка убедиться в том, что я плыву по течению непонятно кем и когда прописанной морали?

— Садись, — покорно позволяю ее рукам поднять меня с пола, накинуть халат и вернуть на диван. Мрак перед глазами рассеивается, недоуменно смотрю на Крамер, которая как ни в чем не бывало облизывает губы и затягивает пояс кружевного пеньюара. Вопреки обстоятельствам, она не выглядит смущенной или перевозбужденной. В светлых глазах веселая невозмутимость и поверхностное удивление.

— Тебя можно было заслушаться. Кандидат преодолел тридцатипроцентный барьер? — Ее руки не дрожат, когда она наполняет наши бокалы, наблюдая за мной из-под ресниц с любопытством довольной хищницы.

— Не понимаю, о чем ты. — Мои щеки заливают краска смущения, а сознание пытается отмахнуться от подкравшегося раскаяния. Я ненормальная. Не успели высохнуть слезы после гибели моего мужа, как я оказалась в постели с лучшей подругой. И ладно бы только с ней! От одного только осознания, с кем я была на самом деле, мне хочется нырнуть под кровать и никогда больше не покидать своего убежища.

Я действительно взлетела выше стратосферы, в те самые дали, которые не достать даже телескопу «Хаббл». Почему, какого фаллического символа у моего безумия оказались его глаза и аура поглощающей тьмы? Это при всем желании не списать на эффект двадцать пятого кадра или длительное сексуальное воздержание.

— Юленок, ты все прекрасно понимаешь. Я удивлена, что ты не звала его по имени, — вздрагиваю, когда она протягивает мне бокал, и наши пальцы соприкасаются. После всего

произошедшего я еще могу краснеть? Когда я превратилась в тепличную белую орхидею? — Это то, в чем ты себе не хотела признаваться. Твой страх на самом деле выглядит так, и в этом нет ничего странного. От сексуального влечения всегда подсознательно бежишь, особенно при наличии подобных барьеров.

Я хватаюсь за возможность пригубить вино и чем-то занять свои руки с отчаянием утопающего в морской пучине запутавшегося сознания.

— Хорошие методы дать мне это понять... Так в Штатах решаются все проблемы?

— Ну а чего ты хочешь, если там первый друг человека — не собака, не подруги и не собутыльники, а психоаналитик? Про сексуальную раскрепощенность скромно промолчу.

— Вот только тут психоаналитик уже не поможет. «Не хочу подбирать умные слова, коротко о главном: ты — извращенка!» Вот что он мне скажет прямо с порога.

— Главное, что ты попыталась помочь самой себе. И готова поспорить, что в таком ракурсе ты уже его не так сильно боишься. Не растерзал тебя этот монстр своими клыками? Не довел до истерики? Может, все не так ужасно?

— По-прежнему все из рук вон хреново, Лена! — Несколько глотков вина вернули прежнюю храбрость, хотя тело еще сковывает приятная истома пережитого плотского наслаждения. — Через две недели благотворительный вечер в фонде поддержки детей, больных лейкемией. Я обязана там присутствовать, зачитать речь, пообщаться с вероятными меценатами и все такое. Присутствие мэра — обязательный пункт! Я все еще надеюсь, что случится чудо и к власти придет кто-то иной. Одно дело видеть его на экране, но лично?

— Включишь все свое женское обаяние и уложишь господина мэра на лопатки, — пожалала плечами Лена. — С каких это пор ты в себе не уверена? Вспомни старую как мир догму: «улыбайтесь, шеф любит идиотов». Не забудь поздравить с победой и похвалить его заслуги, даже если таких пока не имеется. Одна точно была, минут так десять назад.

— Все не так...

— Ой. Только не говори, что это я так тебя распалила. Ничего бы не получилось, если бы ты не улетела в свои фантазии с будущим мэром в главной роли! — припечатала подруга. — Не будь у вас столь трагического прошлого, я бы обзавидовалась черной завистью. Включай воображение, заказывай самое изумительное платье для будущего мероприятия и прекращай дрожать при одном взгляде на борд, как сопливая первоклассница! Как знать, чем все закончится? Он холостяк, ты теперь тоже свободна.

— У меня не будет других мужчин! Саша был единственным!

— Да, сильно тебя придавило, — Лена подлила вина в бокал. — Пройдет время, и ты запоешь по-другому. Поверь, я очень хорошо тебя знаю!

В эту ночь мы так и не уснули. Разбрелись по спальням только под утро. Стало ли мне легче от подобной шоковой терапии? Несомненно, но я поняла это лишь на следующее утро. Отправились на шопинг, порадовав себя обновками, а когда натыкались на агитацию с изображением Лаврова, переглядывались и хихикали, как две заговорщицы. Ленка задалась целью оторваться на полную и даже произвела фурор в клубе. Жаловалась, правда, что болит кисть, которая сжимала кнут. Смотритель, который обучал ее этому искусству, не позволил тренироваться на живых людях — но видит бог, некоторые сабы были бы очень даже не против оказаться подопытными образцами для Крамер.

В пятницу мама привезла Еву, и мы продолжили отрываться в типично девичьем стиле — кинотеатры, планетарий, зоопарк, дельфинарий. Сковывающее напряжение постепенно исчезало, растворяясь в атмосфере непрекращающегося праздника. Впервые я поверила, что

все может обойтись, и мои страхи — не крик взбесившейся интуиции, а нераспознанная сексуальная энергия, которая недавно нашла свой выход и обрела четкие формы.

Некоторое время все так и было. Но увы, моя интуиция никогда не ошибалась.

Глава 6

Утром в понедельник Ленка Крамер улетела обратно в Филадельфию. Как я ни уговаривала ее остаться еще на несколько дней, ничего не помогло — она никогда не пропускала светские рауты, на которые был приглашен Брайан, поддержка супруга являлась для нее приоритетом. Я чуть не заплакала прямо в аэропорту в унисон с Евой, которую с трудом удалось успокоить. Лена пообещала, что прилетит в августе и заберет меня с дочерью куда-нибудь на отдых, расцеловала нас в обе щеки и гордо продефилировала к стойке регистрации.

Вчерашние выборы прошли как в полусне. Стоило мне появиться на избирательном участке в сопровождении Бориса, держа за руку Еву, все журналисты местных газет и корреспонденты городского телевидения рванули к нам, взяв в оцепление, нацелив в лицо десятки микрофонов.

— Госпожа Кравицкая, кого вы поддержите в этой предвыборной гонке?

— Юлия Владимировна, после смерти Александра Кравицкого вы продолжите дело своего мужа?

— Кто, по вашему мнению, станет новым мэром Харькова?

Я улыбалась в телекамеры и нервные лица представителей СМИ и, подражая манере Валерии, отвечала:

— Без комментариев.

Пришлось поднять Еву на руки. Дочурка не стеснялась пристального внимания прессы и посмеивалась, пытаясь уцепиться ручками за пушистую окантовку микрофонов.

— Мы пришли голосовать за принца Эрика! — с комичной серьезностью провозгласила она. Толпа зажужжала, а Ева едва не убила наповал представителя «Региональных вестей», который осмелился спросить, кто же это.

— Ты что, не смотрел мультики?

Едва я вышла из оцепления с дочкой на руках, как рядом нарисовалась худощавая дама с микрофоном.

— Виктория Ваймер, «Женские истории». Это правда, что вас и Дмитрия Лаврова в прошлом связывали романтические отношения?

Я запрокинула голову и рассмеялась:

— Виктория Ваймер, кто вас так подло дезинформировал по этому вопросу?! Конечно же нет! — Я даже не соврала. Романтика нас точно не связывала.

— Дай мне! — раскапризничалась Евочка, когда мы прошли в кабину для голосования. — Я буду голосовать за принца Эрика!

— Держи, — я поцеловала дочурку в лоб и вложила ей в пальчики авторучку. — Сможешь поставить аккуратный крестик вот здесь?

Ева старательно вывела две черточки в квадратике возле пункта «не підтримую жодного кандидата». Я потрепала ее по волосам и взяла за руку.

— А сейчас улыбнись всем дядям и тетям и пойдем опустим его в коробочку!

Я ослепительно улыбнулась всем фотовспышкам, опустив бюллетень в урну. Борис жестами велел фотографам посторониться, чтобы мы могли беспрепятственно проследовать к выходу. По предварительным данным, следующим на этом же избирательном участке

должен был появиться Лавров, а мне меньше всего хотелось столкнуться с ним лицом к лицу.

Следить за подсчетом голосов в ту ночь я не стала. Мы практически до утра болтали с Ленкой за бутылкой вина, вспоминая наши веселые приключения. Уже к вечеру понедельника, вернувшись домой после выматывающего изучения бумаг в клубе, я включила канал политических новостей. Услышанное меня даже не удивило. По предварительным результатам 67 % голосов избирателей на должность мэра города Харькова набирает кандидат от партии «****» Дмитрий Валерьевич Лавров.

Все без исключения каналы показывали интервью счастливого лидера этих выборов на пост мэра. От его сладкоголосых обещаний плавился эфир, а избиратели наверняка бились в припадках от счастья на своих креслах и диванах. Что чувствовала я, когда какая-то неведомая сила захватывала в тиски мой взгляд, не позволяя отвести его от жидкокристаллической плоскости — только смотреть до рези в сетчатке на оживший кошмар прошлого, которое еще совсем недавно казалось навсегда погребенным под прессом семи лет всепоглощающего счастья? Я цеплялась дезориентированным сознанием за любые незначительные детали образа этой некогда фантомной тени, убивающей реальность своим присутствием. Скользила, как мне казалось, равнодушным взглядом по изгибам высоких скул и волевой линии подбородка, иногда кусая пальцы, которые тянулись к экрану обвести контур лица. Пыталась найти в равнодушном взгляде властного циника обещание семи египетских кар и даже успокаивалась, когда ловила проблеск жестокого огня в спокойной глади цвета светлого кофе.

Бывших тематиков не бывает, успокаивала я себя, ощущая, как дрожь сладкого предвкушения бежит опоясывающими спиралями по напряженному телу, заставляя грудь наливать приятным томлением, превращая соски в твердые бусины, разжигая пламя между сомкнутых ног. Лена заставила принять неизбежное с неумолимой настойчивостью дьявола-искусителя, я же с чистой совестью списывала свое состояние на синдром тематического голода. Когда желание очутиться в душе и использовать насадку не по назначению становилось запредельным, я призывала на помощь те воспоминания, которые бы желала забыть навсегда.

Жесткая поверхность пола, фиксация цепями и вслед за этим разрывающая боль в коленных чашечках. Я не помнила ее интенсивности, но последовавшую за этим истерику и готовность на все без исключения, лишь бы не терпеть подобные муки, забыть было невозможно. Рывок за волосы, холод унижения, который грозился выморозить все живое внутри, когда он ставил меня на колени без права на сопротивление и милосердие. Боль от его пощечин, которая физически не ощущалась, но морально разрывала сердце, превращая меня в безвольное притихшее существо, которое можно было использовать, как захочется Хозяину. Доводить до слез безысходности и сходить с ума при виде моей душевной боли еще сильнее, чем прежде...

Только перед одним человеком я с восторженным трепетом опускалась на колени, теряя себя в сладком искушении принадлежать ему полностью, до каждого вдоха и сердечного удара, и только с ним меня накрывало горячей волной желанной отдачи без страха и закрепощенности. К нему устремлялась моя душа, растворяясь в сладком слиянии нежности и бескомпромиссности. Любая боль из его рук была моим живительным нектаром, глотком чистейшего воздуха, долгожданным дождем в иссохшей пустыне. С ним я жила и дышала полной грудью, навсегда забыв о том, что такое страх и отчаяние. После подобного

самоубеждения я спокойно переключала канал, проблески недопустимого желания растворялись в волнах презрения и ненависти, но непроходящая тревога продолжала отравлять существование, как и постоянное мелькание Лаврова на телеэкранах.

Выражение «новая метла метет по-новому» я прочувствовала на себе, когда восторги вокруг нового мэра поулеглись и жизнь потихоньку вернулась в прежнюю колею. Лавров больше не атаковал своим холодно-циничным взглядом с каждого плаката, его стало меньше даже на телевидении. Город между тем ожил. Приходилось подолгу простаивать в пробках из-за ремонта дорог, детский парк был закрыт на инспекцию аттракционов и реставрацию скульптур, на центральном проспекте высаживали каштаны и приводили в порядок газоны. Замороженное строительство торговых центров и многоквартирных высоток возобновилось, вместо душных троллейбусов и дребезжащих трамваев в городе появились современные кондиционированные и бесшумные модели электротранспорта. Информационные табло на остановках показывали маршруты и время ожидания. Волна обожания, полагаю, с трудом не утопила новоявленного хозяина города в своем откате. Параллельно с новыми реформами полетело с насиженных мест большинство чиновников региона.

Вчера Андрей сообщил мне, что главу налоговой инспекции освободили от занимаемой должности. Подал в отставку и главный пожарный города. По магазину это ударило практически сразу — представители пожарной инспекции, а вместе с ним ОБЭП довели Лейлу до срыва, так и не пояснив цели своего визита и смысла своих претензий. Предстоящую налоговую проверку (прощай, мораторий, у мэра иные планы) я доверила Андрею и попросила присутствия адвоката Алекса. Мы никогда не нарушали никаких законов, все документы были в идеальном порядке, но я не верила в случайности. Соседку Машу, владелицу сети секс-шопов, никто не тронул, как и Лекси. Как бы ни хотелось думать, что еще не вечер, я приняла необъявленную войну. Ничего другого мне пока просто не оставалось.

Благотворительный вечер в помощь Фонду поддержки детей, больных лейкемией, между тем приближался. Обычная программа: выступить с речью, почтить память Александра, сделать заявление о том, что я продолжаю его дело, подвести итоги и пожертвовать большую сумму. Эти деньги пойдут на лечение тяжелобольных деток. Ни одна гривня не будет потрачена впустую и не осядет в чужих карманах, Алекс безжалостно расправлялся с теми, кто пытался обогатиться за счет несчастных детей, и сейчас там остались только проверенные люди. Моей же целью было, помимо продолжения дела жизни супруга, дать им понять, что ничего не изменится, потому как я тоже не допущу подобного.

Мою речь подкорректировала вернувшаяся из Германии Валерия, мне не составило труда отрепетировать ее за несколько дней — читать текст с листка я не буду, не дождетесь. Начало мероприятия было запланировано на шесть часов вечера, без точного времени завершения, хотя я надеялась успеть сама уложить Еву спать. Я просмотрела списки приглашенных.

Дмитрий Лавров, конечно же, тоже был в списке. Мой внимательный взгляд замер на женском имени подле его фамилии. Неожиданно. Если честно, я ожидала приезда Костиной.

— Доминика Шарм, — Валерия удивленно посмотрела на меня, не понимая, почему я улыбаюсь. — Доминика, значит.

Ее имя растаяло на языке быстро согревающимися капельками от кубика льда, я уверенно проглотила его, трансформирую прохладу в жар подзабытой уверенности. Лера так

и не поняла, почему с моих губ не сходит усмешка и я не взрываю поисковые системы в поиске фотографий спутницы мэра. О, она прекрасно понимала, что со мной происходит от одного только взгляда на Лаврова, готова поспорить, даже чувствовала волны этой неподконтрольной сексуальной энергии. Тот факт, что я не стала жалеть его спутницу и заблаговременно хоронить или же, что вероятнее, насмехаться над ее силиконовым бюстом, ломало шаблон любого восприятия.

Для более официальной части в начале вечера я выбрала темный костюм «Луи Виттон», высокие черные лодочки и нить крупного жемчуга на шею. Черный цвет был призван почтить память Алекса, лаконичность линий без единой лишней детали показательной роскоши была направлена на завоевание симпатии присутствующих, а речь, я была уверена, не оставит равнодушным никого. Я сама не знала до конца, смогу ли сдержать слезы, когда начну говорить об Александре с трибуны. Пожалуй, это единственное, что смущало меня гораздо больше, чем необходимость после выступления передать слово мэру.

Для второй части вечера наряд был иным. Лазурная прелесть от «Оскар де ла Рента» с довольно скромным разрезом без каких-либо дополнительных украшений. Я выбрала крупное кольцо из черных камней, такие же серьги и браслет — мне было все равно, что светский вечер требовал бриллиантов, я хотела почтить память Александра даже на мероприятии развлекательного характера. Лера пришла в восторг от моего образа и наверняка решила, что я задалась целью вскружить голову определенному гостю. Мне было пока что на него наплевать. Сейчас все сексуальные желания отодвинулись на второй план, и предвкушение нашего неминуемого столкновения имело привкус страха и тревоги. Но рано или поздно мы обязаны были столкнуться лицом к лицу, и хорошо, что впервые это произойдет на подобном мероприятии, прилюдно.

Илья поставил меня в известность, что не будет присутствовать на обязательной части, приедет на фуршет. Я не сдержалась и язвительно заметила, что жажда развлечений затмевает здравый разум, но тут же пожалела о своей резкости.

— Ты не понимаешь, — пасынок сглотнул и отвернулся, пряча слезы. — Я так и не отошел от этого удара. Я уже не знаю, куда сбежать от этого, ищу себе любое занятие, чтобы забыть, что отца больше нет... Он все равно приходит во снах, и легче не становится...

Мне Александр никогда не снился после своей смерти. Этот факт почему-то покорибил куда сильнее Илюхиного эгоизма, но я натянуто улыбнулась.

— Я тебя не тороплю. Но вникнуть в дела клуба — вопрос не одного дня. Партнеры — это значит вместе, рука об руку, разделив обязанности, прибыль, урон, проблемы и взлеты пополам. Я понимаю, что это еще одно болезненное напоминание о Саше и о том, что он нас покинул. Я также отдаю себе отчет в том, что тебе, возможно, не по себе от того, что ты увидишь своего отца с несколько... странной для тебя стороны. Но воля Алекса неоспорима.

— Юль, я все понимаю. Дай мне еще неделю, и я займусь клубом. Кроме того, тебе ведь захочется провести время с Евой и взять мини-отпуск, вот я и заменю тебя по всем вопросам! Неделю, и ты поразишься моему рвению.

Больше мы к этому вопросу на этой неделе не вернулись. Илья сторонился даже Валерии, а все время, которое проводил вдали от своих друзей, посвящал Еве, в какой-то момент я даже забеспокоилась, что он разбалует собственную сестру до невозможности. Парки, аттракционы, спектакли, центры развлечений, тонны игрушек. Ева часто уворачивалась от моих объятий. «Я иду к Иле!» — сообщала она и убегала собирать очередной конструктор или же строить оборонительные сооружения. Я обязательно пресеку

потом эти игры в войнушку. Где это видано, что для дочери «акация» — не дерево, а артиллерийская установка? Но втайне я была даже благодарна пасынку за то, что он не позволял моей дочурке чувствовать себя обделенной маминым вниманием.

... Просторное фойе гранд-отеля «Платинум Плаза», по совместительству выставочный зал, а теперь еще и фуршетный с накрытыми столами для высоких гостей, наполнилось людьми за час до официального начала мероприятия. Герман Бойко, директор нашего благотворительного фонда и заслуженный волонтер Украины, пока держал оборону сам. Я появилась здесь в приподнятом настроении, которое продержалось ровно до тех пор, пока он не выразил мне свои соболезнования в связи со смертью Саши и не рассказал, каким святым, по сути, человеком был мой муж и как много жизней удалось спасти с его помощью. Заглушаемая неделями боль выплеснулась горькими слезами, понадобилось десять минут, чтобы подействовало успокоительное и я прекратила плакать. Идеальное начало, ничего не скажешь! Сейчас я отстраненно наблюдала на мониторах, как Герман обменивался рукопожатиями с гостями, среди которых было много медийных лиц и политико-экономической элиты. Визажист как раз закончила с макияжем, замаскировала следы слез на моих глазах, и сейчас ловко орудовала парикмахерским арсеналом, завивая мои волосы в мягкие крупные локоны. Я последний раз произнесла в уме свою речь и допила вторую чашку остывшего эспрессо.

— Господин мэр прибыл! — в проеме гримерки показалась голова одного из помощников организатора мероприятия. Стилист охнула и едва не обожгла мою шею раскаленными щипцами.

— Не надо нервничать, — спокойно сказала я, отставив пустую чашку. — Это не Ганнибал Лектор, он не кусается.

Если бы я еще могла сама поверить в собственные слова! Почему успокоительным каплям оказалось не под силу сейчас остановить приступ аритмии с задержкой дыхания и тревожным румянцем, который не смог скрыть даже корректор и несколько тональных средств? Зверь на арене. Слава тебе, Цезарь, император, идущие на смерть приветствуют тебя!

Волна обмораживающего холода накрывает позвоночник, ледяные иглы вонзаются в незащитную костную ткань — голосовые связки реагируют на эту боль рефлекторным сжатием, а сердце пропускает удар. Колени затапливает противным онемением, как будто меня только что силой втокнули на американские горки без всяких страховочных ремней. Механизм сломан, обнуление программы невозможно, сердечная мышца трепыхается пойманной птицей в силках ладоней только одного человека. И я бы его не боялась, но он и Власть идут рука об руку — прошли года, и соотношение не изменилось в мою пользу. Он Хозяин города. Игры перешли на новый уровень, и ведущий игрок прокачал себя до наивысшего уровня, тогда как второй даже не предполагал, что ему придется спустя время снова играть в эту навязанную игру.

Я поднимаюсь, быстро оглядев себя в зеркале. Эта потрясающая брюнетка сегодня разобьет не одно сердце сочетанием роковой сексапильности и ненаигранной уязвимой незащитности. И лишь одному человеку будет наплевать на ее чары и горечь недавней потери — в его замкнутой вселенной подобные мне никогда не будут возведены на пьедестал, их место у подножия трона неумолимого и безжалостного императора. Все их амбиции будут сведены к одному — раболепному восхищению после ужасающей ломки, готовности наступить себе на горло, лишь бы пробить неуязвимую броню чужого

безразличия и жажды власти. И никто не в силах будет ему в этом помешать, как не смог и раньше. Его испугалась даже сука с косой...

Хочется закурить, но сейчас это роскошь. Я распрямляю рефлекторно сжатые плечи и спускаюсь в зал, заполненный людьми, поборов смущенную неловкость при виде огромной трибуны. Мэр прибыл — но это вовсе не значит, что он терпеливо ожидает в зале, когда же соизволит спуститься сиятельная Юлия Кравицкая. Ее показательный блеск и высокое положение в обществе для него пыль под ногами, временное досадное недоразумение, которое можно стереть двумя движениями большого и указательного, ощущая на рецепторах подушечек пальцев алмазную пыль ее бывшего благополучия. Что со мной такое? Ложный страх, разыгравшееся воображение, ментальный удар сквозь тонны железобетонных перекрытий здания лучшего отеля города?

Гул толпы резко прекращается. Что? Он уже здесь? Я не готова. Черт, я же сейчас ничего не смогу произнести с трибуны, буду невнятно мычать и запинаться! Тревога настолько сильно сковывает, что я даже не осознаю, что затишье вызвано появлением пока что исключительно моей персоны. Скопление народа приходит в движение, образуя коридор, чтобы я могла спуститься, и, как только я это осознаю, дежурная официальная улыбка сама собой расцветает на моих губах.

— Здравствуйте! Огромное вам спасибо за то, что почтили этот благотворительный вечер своим присутствием... Господин прокурор, мое почтение, примите поздравление с новым назначением... — тыльная сторона кисти горит от поцелуев. — Армен Джихангирович, очень рада видеть вас здесь! Ваше выступление, я до сих пор под впечатлением!.. О, Юрий Викторович! Результаты последней реформы впечатляют. Да полноте вам, уровень преступности снизился втрое!.. Раиса Евгеньевна, я так переживала, что вы не приедете! Спасибо, что не бросили нас в этот тяжелый момент!.. Анатолий Дмитриевич, это ужасно, я до сих пор не пришла в себя от этой потери...

Мне легко в обществе министров, депутатов и олигархов. Мой голос звучит ровно, без единой заминки, если такая имеет место быть, будьте уверены, она запланирована изначально для усиления эффекта. Я играю, как и большинство из них. Играю, прикусывая губы, когда говорят об Александре — мне больно, в их словах не всегда искренность, но я соблюдаю правила хорошего тона. Играю, положив руку на сердце, когда один из представителей олигархической власти спокойно озвучивает огромную сумму, которую только что пожертвовал в фонд. Играю, когда приветствую Германа Бойко, как будто это не он часом ранее заставил меня плакать. Играю в равнодушие и показательный игнор того факта, что мэр Дмитрий Лавров уже в здании. Его пока нет только в зале.

Я все же пропускаю момент его триумфального появления — долг хозяйки мероприятия обязывает выразить почтение каждому гостю. Как раз заканчиваю обмен любезностями с заместителем председателя правления строительной корпорации, когда осязаемое напряжение плавит размеренную атмосферу зала. Мне хочется и дальше общаться с людьми, большинство из которых я вижу впервые, но я подчиняюсь этому массовому стадному инстинкту и помимо воли оборачиваюсь к трибуне, где образовалось небольшое кольцо вокруг фигуры главной персоны приема.

Сердце в который раз за вечер делает болезненный кульбит и падает к ногам вместе с самообладанием его хозяйки. Липкие щупальца тревоги сковывают конечности тяжелыми оковами, осязаемо тянут за собой, призывая скрыться, сбежать, раствориться в толпе и стать невидимой. Но он не смотрит в мою сторону. Внимательный и вместе с тем отморозенный

(не побоюсь этого слова) взгляд скользит поверх толпы циничным сканированием ожившего бога, который держит этот город и всех его обитателей в стальном кулаке пока еще скрытого диктата.

Непроницаемая маска правителя с Олимпа, который от скуки спустился на землю. Гордая осанка повелителя судеб, плотно сжатые губы — вам несказанно повезло, если ваша скромная персона не попала в поле его зрения. Уже знакомый мне взгляд, способный свергнуть землю в смертельный холод ядерного холокоста ради одного единственного человека, который когда-то осмелился просто подумать о том, что может противостоять абсолютной силе...

Я сглатываю противный комок в горле. Мне надо сосредоточиться на любых деталях, которые способны унять приближающуюся панику и выдержать его присутствие.

Идеальный пробор укладки. Четко очерченная линия высоких скул. Эти губы когда-то умели целовать, не обжигая температурой абсолютного нуля. От подобных мыслей затылок покалывает согревающей волной, и это пугает меня куда сильнее, чем все остальное. Перевожу взгляд на покрой роскошного костюма. Кажется, Вивьен Вествуд, но явно лимитед эдишн, ни одной лишней складки или ломающей гармонию линии в едва заметном переливе дорогой ткани цвета темного гранита. Боже, какой только ерундой я не забиваю свою голову, чтобы отвлечься от тревожных мыслей!

Удар солнечной радиации разрядом в тысячи микротесла по всем системам перенапряженного тела. Крик от испуга застывает в горле, я понимаю, что могу сейчас зажмуриться, отпрянуть, забиться в угол, подобно напуганному ребеночку, — для меня в этот момент будет не столь ужасным созерцание огромного астероида в небе. Ничего сейчас нет страшнее застывшего времени с властным поворотом головы Лаврова. Почувствовал мой взгляд? Или давно заметил, отслеживая, наслаждаясь, впитывая мой страх, подобно губке, но сохраняя спартанское спокойствие на волевом лице? Или я сама призвала его на ментальном уровне своим испугом, который был силен, как никогда прежде?

— Юлия Владимировна, — едва не подпрыгиваю на месте, когда чья-то ладонь касается моего плеча. — Я очень соболезную вашей потере.

Хватаюсь за опору светлых глаз молодого мужчины со знакомыми чертами лица и из последних сил рисую на губах обаятельную улыбку. Надеюсь, она не похожа на последнюю усмешку приговоренного к смертельной инъекции. Кто ты? Ну почему тебе так сложно представиться?

— Сегодняшний прием очень много значит для меня. — Я украдкой оглядываю крепкое тело. Он наверняка спортсмен. — Моя сестра умерла от лейкемии, когда я был еще мальчишкой. Я чувствую себя несколько чужим среди политиков и бизнесменов, но я прошу вас принять мое скромное пожертвование...

— Марко! — вспоминаю я, забыв на миг о Лаврове, и делаю себе заметку на будущее найти, как Миранда Пристли из фильма, свою собственную Эмили, чтобы она подсказывала мне имена и род деятельности каждого приглашенного. Позволяю нападающему футбольного клуба поцеловать мою руку, и напряженная улыбка трансформируется в искреннюю, теплую и благодарную. — Для меня, поверьте, не меньшая честь приветствовать вас здесь сегодня! Вы также примите мои соболезнования... и огромную благодарность за ваш вклад! И к тому же, — вспоминаю немаловажный факт, слегка наклоняясь к его лицу, — Я до сих пор восхищена вашим хет-триком в последнем товарищеском матче!

Удар мерзкого озноба едва не качнул меня вплотную к лицу Марко Витича, я даже ощутила приятные нотки дорогого лосьона после бритья. Мне не надо было гадать, что вызвало разряд противных искр, аукнувшихся слабостью в коленях. Достаточно было опустить глаза, скользнуть боковым зрением по фигуре мэра и пережить секундную кому от его пронзительного взгляда. Бездушный сканер угольной черноты с внимательным прищуром не ослабил своего давления, даже когда он заметил, что я украдкой за ним наблюдаю. Готова поспорить, он даже не вздрогнул и не удивился — вряд ли его сердце забилось быстрее, запустив цепь общих наших воспоминаний в этот момент. Зато я едва не заскулила в голос, осознав, насколько жалкой выгляжу с испуганным взглядом и приоткрытым ртом. Мне не оставалось ничего другого, кроме как расправить плечи и повернуться к нему всем корпусом, сохраняя на губах приветливую улыбку хозяйки мероприятия. Я похлопала Марко по плечу, успев проговорить что-то вроде «встретимся на фуршете», и тут же испытала прилив облегчения, когда Герман Бойко закрыл от меня Лаврова, так успешно разорвав наш зрительный контакт. Я была готова обнять его в этот момент.

Между тем гости начали занимать свои места в амфитеатре. Я взяла с подноса бокал шампанского, сделав официанту знак далеко не уходить — мне хватило одного глотка, чтобы вернуть бокал обратно и занять свое кресло в первом ряду. Я даже перебросилась парой слов с прокурором, сидящим по правую руку, испытал острое разочарование оттого, что Герман не сел рядом, а сразу поднялся на трибуну. Потому что соседнее с пока что пустующим креслом занял Дмитрий Лавров.

Мои пальцы, вцепившиеся в подлокотники, едва не побелели. С сердцем, отплясывающим контемп, я повернула голову в его сторону, встречая пронзительный и невозмутимый взгляд с запредельно близкого расстояния.

— Господин мэр. — Мой голос даже не дрогнул, как и улыбка, не покинувшая губ. Плевать, что внутри я несколько раз за секунду замерзла и сгорела заживо в пламени тревожного предчувствия. Мой страх сегодня не дано увидеть никому.

— Юлия Владимировна, — четкий абрис сжатых губ едва заметно дрогнул в сухой ленивой улыбке безоговорочного победителя, а моя сетчатка взорвалась фантомной болью от проникающих клинков взгляда цвета потемневшего эспрессо. Я едва заметно кивнула, приложив палец к губам, и указала взглядом на трибуну, на которой Бойко как раз принялся зачитывать свою речь.

Я не разобрала ни слова. Это было равносильно состоянию приговоренной к долгой и мучительной смерти — сидеть под клинками прессующего взгляда человека, который мог меня уничтожить одним движением ладони. Напрасно я успокаивала себя, что ничего мне не угрожает, что прошлое похоронено семь лет назад. Я подсознательно пыталась расшифровать значение темного рентгена на поверхности пылающей кожи. Его взгляд как раз не предвещал мук ада, нет, он даже выбивал из колеи своим показательным равнодушием. Почему же я продолжала вжиматься в спинку кресла и дрожать, готовая закричать ему в лицо при огромном скоплении свидетелей? Еще час, и я потеряю над собой контроль, полосну ногтями по этому холеному загорелому лицу местного мефистофеля с требованием оставить меня в покое!

— Кажется, это вас, — скучающий голос Лаврова царапает по обнаженным нервам. Я перевожу растерянный взгляд на трибуну, замечаю приглашающий жест Германа. Ноги не слушаются, но я встаю, с трудом сохранив равновесие, и начинаю свое восхождение к

трибуне под прицелом десятка глаз и телекамер местных каналов.

— Юлия Владимировна Кравицкая, господа! — быстрое пожатие моих пальцев, и Герман спускается к ряду кресел. Я с трудом заставляю себя оторвать взгляд от него и Лаврова, который как раз задает какой-то вопрос, и моя улыбка ломается на губах. Меня кроет лавиной растерянности, но я начинаю говорить, не обращая внимания на дрожь в голосе.

— Я хочу выразить всем присутствующим огромную признательность и благодарность за вашу поддержку. Всем, кому не безразлична судьба детей, чья жизнь под угрозой. Всем, кто остался равнодушен к этой проблеме. Но прежде я хочу почтить память моего покойного супруга минутой молчания...

Мне нужна эта передышка. Я прикусываю губы изнутри, ощущая, как горячие слезы сжимают горло крепкими тисками. Зал плывет перед моим затуманенным взором, и призрак моего прошлого в этот самый миг перестает быть угрозой, источником тревоги и просто похитителем спокойствия. В этот момент он становится никем.

«Ты самое лучшее, что со мной когда-либо случилось!»

Мне говорили эти слова двое мужчин в разное время. Но сейчас я вижу только смеющиеся изумрудные глаза своего погибшего мужа, и холодное освещение зала расцветивается золотом осенней листвы...

— Вы все знаете, что значил этот фонд для Александра Кравицкого... И как много он сделал для этих детей! Сегодня его дело с гордостью продолжаю я... Этот человек знал цену жизни, умел бороться за свои идеалы и побеждать, но никогда не шел напролом, ломая стены, нет... Он умел ценить каждое мгновение жизни и обладал бесценным даром... делать этот мир лучше...

Все не по плану. Первые слезы замирают в уголках моих глаз, чтобы уже через несколько секунд сорваться в неспешный бег по пылающим щекам. Я перечисляю какой-то хаотичной скороговоркой-рыданием достижения фонда и статистику выздоровевших детей, не замечая шума в зале и лиц. Я потом узнаю, что плакала не я одна.

— Александр, это все для тебя... Твои благие начинания будут жить в наших сердцах, как и ты, каждый миг этой жизни!

Организатор мероприятия незаметно приближается со спины. Я его едва слышу. Представить мэра? Передать ему слово? Слезы душат, мне хочется убежать, но я, не стесняясь, смахиваю их поднесенным шелковым платочком.

— Дмитрий Валерьевич Лавров, господа...

Я не спешу покидать трибуну, потому что у меня нет сил. Еще пять минут назад я бы пустилась бежать со всех ног, но сейчас мне все равно. Не кроет больше паникой и ознобом, когда расплывающаяся от слез картинка перед глазами приобретает четкие очертания графитового галстука в тонкую полоску.

— Юлия Владимировна, мои соболезнования... — мою руку сжимают теплые пальцы, несколько секунд, и кожу щекочет сухое касание губ поверх фаланг — я ею все-таки дернула. Не от страха и не от смущения, мне все равно, даже если это Сатана собственной персоной. Меня душат слезы и тоска потери по Алексу настолько, что мир вновь утратил свои краски.

Я делаю несколько неуверенных шагов, но на второй ступени почему-то внезапно замираю, словно меня парализует неведомой силой. Что-то настойчиво царапает мой панцирь щемящей боли, и я с удивлением поворачиваю голову.

Он не начинает свою речь. Губы так же плотно сжаты, но в глазах медленно гаснет глубокая тьма, осветляясь до оттенка кофе-лайт. Я замечаю все. Даже как дрогнула жесткая линия его губ в какой-то нерешительности и чуть ли не зеркальном отражении моей собственной агонии. Всего лишь миг, мне даже кажется, что он хочет что-то сказать лично мне, останавливает только наличие микрофонов. Боль на миг деактивирована чем-то... я трясусь головой. Нежность? Сопереживание? Последний взгляд в его глаза с вызовом убитой горем жертвы, перед тем как спуститься вниз, чудом устояв на ногах. Я не вернулась на место. На ощупь нашла руку припозднившейся Валерии, которая поспешила вывести меня прочь из зала. Но ни на секунду я не потеряла одного: ощущения чужого взгляда в спину, который обжигал холодом и зализывал обмороженные нервы чем-то похожим на тепло и угрозу одновременно...

— ...Сто тысяч евро... И знаешь, все забудут о том, что в декларации будет один лишь оклад в семнадцать тысяч гривен и вся недвижимость, записанная на супругу!

— Я сама не понимаю, зачем он это сделал, но... диагностическое оборудование теперь появится в трех клиниках. Ты знаешь, сколь утомительны для деток перелеты в их состоянии. И грош цена мэру, который бы не пожертвовал на подобное.

— Александр никогда не относился к нему плохо. Я склонна полагать, что лишь потому, что он всегда готов прийти на помощь тем, кто в этом нуждается. — Валерия заправила выбившуюся прядь за мое ухо и переместила ладонь на плечо. — Ты как? Я как чувствовала, что раут необходимо было перенести на завтра.

Я оглядела роскошный зал верхнего яруса все того же гранд-отеля. Мерцание хрусталя и золота в обрамлении светлых панелей дорогих пород дерева, роскошные фонтаны по центру помещения, высокие люстры на панорамном куполе темного неба за стеклом. Как здесь все не похоже на серый и безликий зал, в котором состоялась официальная часть! В глазах рябило от великолепия нарядов и блеска бриллиантов. Звуки скрипки ласкали мой слух, успокаивая посильнее ядерного успокоительного.

Я все же прорыдала полчаса. Затем переоделась и привела себя в порядок, пока Герман развлекал гостей, проводив всех в фуршетный зал... Я бы с удовольствием поехала домой, но будь прокляты правила приличия и публичный имидж.

— Илюха времени зря не теряет, — я кивнула на пасынка в окружении модели и дочери ювелирного магната.

— Его, я погляжу, никто сегодня не намерен зря терять, — я встречаю взгляд главы СБУ города, и Валерия понимающе улыбается, поспешив ретироваться. Роль хозяйки приема обязывает уделить внимание всем гостям без исключения. Я склоняю голову набок, подарив мужчине сиятельную улыбку и жмурясь от его изысканных комплиментов.

— Юлия, вы великолепны. Потрясающий прием. Потрясающая речь. Я знаю, каково это, терять близких, но будьте мужественны, жизнь продолжается! Вы затмеваете сегодня всех своей красотой!

Я делаю глоток шампанского из бокала и протягиваю руку для поцелуя.

— Андрей Валентинович, я сегодня получу комплиментов на несколько лет вперед! Как ваше здоровье? Все боретесь с преступностью?

— Работа, Юленька, ничего не поделаешь! Вашими молитвами, здоров и полон сил!

Я слушаю набор из ненужных мне слов со стойкостью радушной владычицы вечера, когда в зале появляется Дмитрий Лавров. Мой собеседник больше мне не интересен. Я поднимаю глаза, с намерением наблюдать за возмутителем моего спокойствия незаметно,

но попытка обречена на провал.

Вроде недавно расстались, но какая разительная перемена. И почему из всей толпы он безошибочно вычислил мою дислокацию — об этом сильнее слов говорит один его взгляд?

Мне нужно было это сделать. Не для прессы и не для поддержания собственного паблисити. Только ноги внезапно приросли к полу, и я развернулась в поворот к новому мэру этого города. Мой взгляд уже привычным маршрутом скользит сверху вниз, отмечая детали.

Моя невозмутимость едва не гаснет, когда я отрываю взгляд от его длинных пальцев, которые всегда лишали меня самообладания и продолжают лишать до сих пор. Я перевожу свой взгляд на его спутницу, недоумеваю, почему женская стержневая сущность не позволила сделать это ранее. Высокая белокурая статуэтка с точеным телом мадонны-блудницы. Длинные светлые волосы касаются поясицы, на которой сейчас по-хозяйски лежит рука Димы.

Перевожу осмелевший взгляд на его лицо, готовая встретить залп обмораживающего холода, но он улыбается, насмешливо исследуя мою реакцию. Смотри, Юля Кравицкая, я пришел не сам, ты вообще вне поля зрения и моих интересов! Кажется, я помимо воли поддаюсь этой провокации, растерянно кивая на слова главы СБУ, и не могу оторвать от этой парочки взгляда, но держу лицо, улыбаясь лишенной эмоций улыбкой прямо в глаза своему врагу номер один.

Спутница Лаврова прослеживает направление его взгляда и поворачивается ко мне. Долгий подозрительный взгляд за секунду до полной идентификации с последующим узнаванием — и я уже с наслаждением и почти злорадством наблюдаю, как она нетерпеливо сбрасывает ладонь (подумать только) хозяина этого города и направляется ко мне, лавируя между нарядными гостями.

— Прошу прощения, господин Авдеев, — почти с искренним сожалением произношу я, и мой собеседник понимающе кивает, на прощание целуя мою руку. Ток торжества от неоднозначности ситуации наполняет мою кровь, когда белокурая светская дива приближается ко мне.

— Кравицкая!

— Доминика!

Я тону в черном омуте перехваченного взгляда Дмитрия. Мэр верен самому себе до последнего, аура власти и неоспоримого превосходства уже уложила на лопатки большую часть присутствующих. Я почти ощущаю ментальные срывы планок женской части гостей вечера, узревших добычу в виде такого завидного холостяка. О мужском раболепном заискивании и напыщенных гордых понтах а-ля «я с мэром на короткой ноге» тоже, впрочем, говорить не приходится. Это всегда было и будет в подобном обществе, на этом не стоит заострять внимание. Как не стоит отрицать пульсацию аорты и моего встрепенувшегося сердечка, которому не в состоянии помочь даже успокоительные препараты. Но ничего не отразится сегодня в моих глазах — я привыкла владеть собой в совершенстве. Я уже не та юная девочка, которая дрожала от испуга и опускалась на колени по щелчку, новая Юля может смело смотреть в глубину этого затягивающего взгляда, различая за платиновыми прожилками айс-кофе тот самый блеск, который говорит только об одном: маски не сняты. Мы играем в игру без правил. Но второй игрок в этой навязанной партии, то бишь я, не должен ни в коем случае об этом даже догадываться! Успешная телеведущая передач с ограничением 18+ и продюсер Доминика Шарм всего лишь пешка в

хитросплетении ходов нашей игры под названием «кто кого круче под**бет».

Дима, ты учел все. От такой точеной талии твоей спутницы (минус два ребра) и четвертого размера груди (Нью-Йорк, клиника эстетической хирургии, 2015 год), всем присутствующим сегодня здесь дамам остается только пойти и убиться об стену — вероятнее всего, и со мной за компанию. В твоём представлении. От её престижной работы и славы твои акции, пусть они и не нуждаются в росте, все равно взлетели на несколько пунктов вверх, за компанию с моим давлением. От одной только сплетни, что вы с ней пара, будет пролито немало женских слез и искусано (разбито о твердые поверхности) несколько сотен мужских кулаков. Это твоя игра? Димочка, мой воскресший из мертвых бескомпромиссный политик, ты даже себе не представляешь, что я выиграла, не позволив ей начаться!

— Юлька! — Доминика Шарм, для близких просто Дашка, рада нашей встрече, — Ты потрясающе выглядишь!

Мы целуем воздух в районе скул друг друга, чтобы не повредить макияж, но затем, наплевав на правила этикета, Доминика виснет на моей шее в благодарном объятии, слава богу, что не визжит, как малолетка. Приветственный ритуал завершен, после чего я внутренне настраиваю свои слегка сбитые присутствием Лаврова радары на прием необходимой мне информации. Она говорит тихо, толпа в радиусе пары метров от нас тактично расступилась, а персона мэра временно отодвинута на второй план.

— Юляш! — лепечет моя, да, открываю карты, подруга. Мы сдружились в первый год после моего замужества, когда я начала вращаться на светских вечерах вместе с Алексом. — Я знаю, что ты не раз это слышала, но жизнь продолжается! У тебя замечательная дочурка, ради нее... ну ты понимаешь? До последнего! Александр сам бы не хотел, чтобы ты плакала постоянно!

— Ника, я уже в норме. Но за поддержку тебе огромное спасибо! Как сама?

— Хотелось бы лучше... давай, когда ты придешь в себя, поговорим об участии в моем новом ток-шоу? Клуб же еще не продан никому? Смотри, все согласуем, зато сколько новой публики и взносов! Взаимореклама! Ты знаешь, я бы кого другого раздела в прямом эфире, но с тобой оговорим до каждого слова!

— Дашка, я, конечно, подумаю об этом на досуге. Но... скоро подрастет Ева. Не хочу ее заключений в стиле «мама на работе бьет злых дядей ремнем»! — лезвие чужого взгляда скользит холодным разрезом по моему лицу поверх макушки Доминики. Улыбка превосходства расплывается на моих губах, аукнувшись в солнечном сплетении приятным покалыванием. Он ведь еще не знает, что эта партия им проиграна подчистую.

— Мы не будем спешить. Юль, как я рада тебя видеть!

— Взаимно, дорогая! — я наклоняюсь к ее уху. — Ты с мэром? Давно у вас?

Подруга смеется и трясет головой.

— Боже упаси. У меня от него мороз по коже. И поверь, к сексу это не имеет ровным счетом никакого отношения... Я потом тебя с Олегом познакомлю, только тсс... имидж, понимаешь? И разве таким отказывают? Я сильно люблю свою карьеру!

— Этот мудака тебе угрожал? Он что, силой приволок тебя сюда?!

— Нет, но я как бы девочка не глупая... и тише ты! Он идет сюда.

— Давай сбежим? — превосходство правит бал. Ловлю непримиримый изгиб тонких губ, мне быстро наскучило созерцать его лицо боковым зрением, а щебет Ники после открытия запрещенной информации почти умиляет. Я получила ответы на свои вопросы.

Его пальцы. Твою мать. Скольжу глазами по изгибам фаланг, почему-то представив, что в его руках два револьвера, снятых с предохранителя. Может, потому, что так оно и есть в плане метафор? Спешу за Никой на балкон. Лучше поговорить с ней, чем драконить мэра своей улыбкой победительницы — только шестое чувство вопит о том, что уже поздно.

Мне, наверное, не стоит так улыбаться, ведь это вечер памяти моего покойного мужа, а не противостояние, которого официально никто никому не объявлял.

Спустя четверть часа Лаврову удастся нас отыскать. Он в бешенстве, а Доминика Шарм под шампанским.

— Да, любимый? Ты меня потерял?

Надо отдать ему должное. Он улыбается ей, как самому близкому человеку и даже целует мою руку, перед тем как попросить Доминику подождать его в зале. Время замирает, когда моя подруга покидает лоджию, и я встречаю его взгляд так близко, что сердце замирает в груди. А затем его губы изгибаются в улыбке, которая демонстрирует лучше всего понятие слова «победитель».

— Прекрасный прием, Юлия Владимировна. Но мне кажется, гости потеряли хозяйку вечеринки.

Теперь у меня нет сомнений, ледяной холод проникает до самого сердца под одним его потемневшим взглядом и слегка сжатыми губами. Тем не менее, я сохраняю гордую осанку, и да, у меня есть повод чувствовать себя сильным противником этому человеку.

— Вы называете благотворительный вечер памяти Александра Кравицкого «вечеринкой», господин мэр?

— От вложенных средств суть не меняется. Приятно видеть тебя не разбитой горем.

По закону жанра я должна захлебнуться шампанским или расширить глаза от резкого перехода на «ты». Но я ничем не выдаю своего возмущения, волна жара прокатывается по позвоночнику — то ли от его близости, то ли от осознания серьезности положения.

— Мне тоже приятно видеть тебя живым и у власти, господин мэр.

— Не чувствую искренности в твоих словах.

— Может, потому что ее там действительно нет?

Не щурь глаза, ради бога! Не потому, что мне практически страшно и заносит за грань, а лишь потому, что прошли те времена, когда я дрожала от этого прищура и умоляла меня не трогать!

— Советую не дерзить, хотя, должен признать, ты научилась красиво это делать.

— В ином случае новый хозяин Харькова устроит мне показательную порку на площади Свободы?

Юля, куда тебя несет! Замолчи сейчас же! Тебе хватит одной победы на сегодня, зачем ты пытаешься выбить новую столь экстремальными методами?

— Боюсь, ты не поняла до конца, что происходит. — Он наклоняется к моему лицу. Вспышка пламени внутри солнечного сплетения обжигает обострившееся восприятие алыми языками в этой зависшей неизвестности. Я чувствую его дыхание на своей щеке, и мой собственный мир на миг замирает в предвкушении чего-то неумолимого, но от того не менее интересного. В его шепоте, как и много лет назад, неприкрытый эротизм вместе с властной уверенностью. Но я все-таки вздрагиваю — ему не понадобилось много слов. Одна сухая констатация факта, призванная унести восторг победительницы прочь и вернуть тот самый страх, который я испытала днем. Я бы сказала «ужас», если бы не была так ослеплена своей победой.

Я смотрю, как он уходит, и только после этого сердце срывается в бешеную аритмию вместе с его словами, которые я вспомню уже совсем скоро и осознаю всю их глубину:

«Кравицкая, это теперь мой город!»

Глава 7

Дима

Можно подумать, анализируя прошлое, что я ненавижу дождь. Что низкое серое небо с косыми струями дождя, уже сутки заливающим город, обязательно должно напоминать мне о собственной смерти. Что я с одержимостью героя слезливых мелодрам должен прокручивать в памяти события той ночи, когда лил точно такой же дождь и когда началась новая история с совсем иной расстановкой приоритетов. Да полноте, кто-то действительно так думал?

Строчки документа расплываются перед глазами, но понятие «усталость» мне уже лет шесть как не знакомо. Я все еще не до конца уверен, что новый законопроект горсовета оправдает себя на практике. Пока я только вижу прямую выгоду для монстров фармацевтики и чиновников, которые на этом озолотятся, для обычных людей подписание этого документа не принесет ровным счетом никаких улучшений, что бы мы все ни пытались донести до них с трибун и телеэкранов, терпеливо поясняя необходимость той или иной реформы. Наивные. Жажда наживы есть и будет всегда, независимо от того, на территории какой страны вы проживаете и какими моральными ценностями обладаете. Я не претендую на звание самого честного мэра этого города. Для меня до сих пор остается необъяснимой та бешеная популярность, которая обеспечила победу на выборах с таким существенным перевесом. Возможно, моя команда и схалтурила с подтасовкой бюллетеней во время голосования, но, скорее всего, столь радикальная практика не понадобилась. Полтора срока в Верховной Раде не прошли даром, популярность возросла в геометрической прогрессии, что позволило даже сэкономить основную часть бюджета предвыборной кампании. Я даже не могу сказать, что моей рекламы было больше, чем всех остальных кандидатов. Заслуги пиар-команды, которая упиалась шампанским в ночь подсчета голосов, были несколько переоценены, но я не стал им препятствовать. Это для меня победа была изначально свершившимся фактом.

Я провернул «паркер» с золотым пером вокруг пальцев, но подпись ставить не спешил. Все, что я делал в последнее время, приносило исключительное удовольствие, и рабочий процесс не стал исключением. Несколько движений, разблокировка «айфона» и быстрый набор куратора по делам здравоохранения.

— Сколько тебе обещали?

В его голосе испуг, поиск возможности оправдаться и растерянность. Тот самый коктейль, который горячит кровь чувством абсолютной власти. Держать в своих руках волю другого человека — что может сравниться с этим упоительным ощущением? Плести свой узор-паутину из его трепыхающихся эмоций, затягивая в твердые неразрывные узлы, ослабляя натяжение каждой нити или же, наоборот, натягивая ее до вероятного разрыва, когда лишь усилие воли в том количестве, которое я позволю отмерить сам, удержит на пике подобия самообладания. Лучше этого может быть только одно — игра с тем человеком, который в свое время представлял для тебя целый мир, замкнутую сферу, из которой ты так не хотел вырываться. Ты дышал только там, в вашей уникальной реальности, считывая кончиками пальцев пульсацию одной на двоих эйфории со взлетами и падениями, взаимодействуя, проникая в глубины чужой и такой родной сущности одновременно — не как завоеватель с целью разрушения, нет. Ты не победителем вошел в сдавшийся город, вы

вместе, рука об руку, сломали линию невразумительной обороны, чтобы сгорать день ото дня в вашей обители самого крепкого и фанатичного чувства.

— Тридцать процентов, значит. — Моему голосу не дрогнуть от мимолетных воспоминаний. — Продолжаем жить вольготно? Ты не забыл, кто теперь главный в этом городе?

Оправдательный лепет чиновника раздражает. Мне хочется поскорее закончить этот разговор, свой адреналин от игр разума я получил в первые секунды его невразумительных заиканий.

— Хватит с тебя семи. Или ты решил ни с кем не делиться? Что делать, знаешь. Послезавтра жду.

Несколько шагов, чтобы преодолеть расстояние до деревянной панели скрытого бара, два кубика льда и привычная порция виски. Я давно не замечаю его вкуса, как и собственной усталости. Когда у тебя появляется цель, ты не замечаешь на своем пути ни малейшего препятствия. Ты можешь падать с ног от усталости, но она растает без следа в день твоего полного и безоговорочного триумфа, который откроет новые, самые безумные и невероятные перспективы. Дойти до своей победы можно в два шага, но куда слаще преодолевать препятствия с наслаждением настоящего гурмана, приближая тот самый момент, когда загнанная жертва окажется в полном тупике. Тогда твои пальцы сожмутся на ее хрупкой шее, возможно, накроет легкой грустью и даже сожалением — ты ведь никогда не хотел ее смерти и настолько глубокого падения! Когда стремление к власти стало обычной жаждой мести? Ты можешь пойти по простому пути. Один документ. Несколько дней. Потрясение. Падение прежнего мировоззрения. А потом бесшабашная легкость для вас двоих, прежде всего для нее. На этой точке можно ставить росчерк торжества.

Очень часто диалог с самим собой казался возможностью найти ответы на вопросы. Но я никогда их не находил. Почему тебе мало, Дима? Почему ты не хочешь идти простым путем? Почему тебе позарез, до болезненного сжатия сердечной мышцы, хочется растоптать, унижить, продавить окончательно, трансформировать слезы ее боли и отчаяния в собственную эйфорию? Тебе уже мало видеть ее на коленях. Тебе мало даже ее страха и трепета напуганного сердечка, которое пока что не сжала, просто предупредительно огладила твоя ладонь. Ты готов укрыть ее от боли потери по погибшему мужу — в том, что она страдает, у тебя не осталось никаких сомнений, но почему этого недостаточно, чтобы остановиться?

Столько лет ты верил в собственную придуманную реальность, в которой она была с другим несчастна? Ты даже со временем перестал в этом сомневаться. Что их могло связывать, двух настолько разных людей, когда ты не сомневался в том, что ваши сердца связаны воедино, и этому не в состоянии помешать даже смерть? Ты знаешь, что именно видел в ее глазах в ваши последние дни, когда она наконец перестала плакать и вздрагивать от твоего приближения. Тогда ты поклялся, что никогда больше не причинишь ей боли, к тому моменту слезы ее отчаяния и унижения стали для тебя невыносимы. Ты сказал себе, что впредь она будет плакать исключительно от счастья, и никак иначе — другого не допустишь. И это будет не сложно, потому что она будет с тобой постоянно, твоей сбывшейся мечтой, смыслом твоего существования, источником неиссякаемого счастья. И ты готов был сделать все. Наступить себе на горло лишь потому, что однажды окончательно понял, что ее чувства к тебе практически не уступают твоим собственным.

Есть женщины, которые врываются в твою жизнь ураганом. Ты этого не понимаешь

изначально потому, что они могут притвориться ласкающим бризом. Ты даже приписываешь буйство убивающей стихии себе самому прежде всего потому, что это осознание доставляет тебе удовольствие. Когда ты понимаешь, что полярности сменились, уже очень поздно. Мой природный катаклизм носил имя Юлия. И теперь его разрушающая сила утихла окончательно. Не зря имена ураганов попеременно чередуются — после женского имени новая разрушающая катастрофа будет носить мужское. Символизм во всем, и знаки вокруг нас.

...Дождь бьет в оконное стекло, размывая картину за окном до нового шедевра абстрактной живописи, игра ярких бликов ночного освещения и расплывающейся тьмы. Дождь тоже символизирует собой новый этап. Еще немного, и мой город будет утопать в зеленой листве, в бесконечной череде солнечных дней весеннего возрождения. Все движется по кругу? Никогда это так не соответствовало действительности, как сейчас.

Когда раздался робкий стук в дверь, я даже не повернул головы. Кроме референта Оксаны и, пожалуй, охраны, в здании мэрии в столь позднее время больше никого не осталось.

— Документы, — голос усталый. — Все, как вы просили. Стаховский ждет в приемной.

— Спасибо. Можешь ехать домой, на сегодня ты мне больше не понадобишься. Пригласи его войти и собирайся. — Я допил виски, оставив стакан на подоконнике. Стаховский, нечто среднее между частным детективом, нотариусом и доверенным лицом по щекотливым поручениям, вошел бодрой походкой и с дежурной улыбкой незаменимого теневого референта на лице. Сейчас я ее погашу.

— Дмитрий Валерьевич, у меня полная информация. Это оказалось совсем несложно, несколько дней, чтобы получить данные.

Опускаю пальцы небрежным жестом в карманы пиджака, расслабленный поворот головы с оттенком пренебрежения во взгляде. В моем кабинете и моем городе играют по установленным мною правилам и проявляют какие-либо эмоции только в том случае, если я позволю.

— Пытаешься замолить свои грехи за сокрушительный провал с этой куклой Шарм?

Мне даже не надо смотреть на его лицо. Я и не смотрю, хотя, признаться, забавно было бы наблюдать, как с него слетит спесь незаменимого помощника мэра, в глазах появится растерянность, а натянутая улыбка канет в небытие.

— Но ведь я же...

— Ты поставил меня в неловкое положение перед людьми! — нет, я не повышаю голос ни на тон, констатирую факт с ленивым спокойствием. — Или информация о том, что они с Кравицкой на короткой ноге, прошла мимо тебя? Я полагаю, нет. В чем же тогда дело?

— Но она подписала договор о неразглашении...

— Да, она подписала договор о том, что не будет болтать перед прессой и в своих идиотских ток-шоу. Насчет подружек предупредить сам намеренно забыл или кто-то подсказал?

Очередной укол эгоистического удовольствия от оправдательного лепета — сегодня моя усталость практически нивелирована дискомфортом других. А прямо сейчас я получу самый долгожданный подарок за сегодняшний день.

— В твоих же интересах сейчас рассказать мне, что ты узнал и как можно прижать мадам Кравицкую к стенке. — Возвращаюсь за стол, предвкушение бьет по всем системам приятным током. Я бы и здесь мог пойти простым путем, моя гордая запуганная девочка, но

достойных врагов принято уважать в мелочах. Я не ожидал, насколько ты законопослушна и успешна в своем бизнесе. Сделать рейдерский захват? Подтасовать твои документы? Просто задавить тебя проверками и ревизиями? Устроить пожар в трех твоих бутиках и не найти виноватых?

Поверь, я мог это сделать. Это даже проще, чем тебе кажется. Но зачем? Слишком просто и, посмотрим правде в глаза, низко, да и работа, что дает тебе возможность сейчас прийти в себя после траура (блядь, как я хотел верить, что ты никогда его не любила! Я же почти убедил в этом себя!) и почувствовать себя в обманчивой безопасности. К тому же никакие из этих подлых приемов не дадут мне полной власти над тобой ни в коей мере. Зачем пустые слезы и страдания? Мне не нужна твоя обреченная покорность жертвы, потерявшей все. Если ты противник, я буду воевать с тобой на равных — все равно, пусть ты не пройдешь в этой игре дальше подросткового учебного уровня, мне мало удовольствия от быстрой сдачи. Куда интереснее сейчас разрушить твою защиту поэтапно, шаг за шагом, склоняя на колени день ото дня и упиваясь своим неотъемлемым правом сильнейшего. Сопrotивляйся, обманывай себя, можешь даже убедить себя в том, что значишь для меня столь много, что в итоге все будет по твоим правилам. Зачем мне игра без препятствий? Тем слаще будет наслаждение, когда я наконец-то сломаю тебя, гордая и неприступная сука, которой было мало моих чувств, которая похоронила меня так легко, словно наши четыре месяца ничего для тебя не значили, и растворилась в объятиях того, кто украл тебя у меня в свое время! Ничего. Наслаждайся, пока есть возможность, можешь даже порадоваться своей пирровой победе на рауте — это был последний раз, когда я позволил тебе испытать иллюзию выбора. Считай дни до того времени, когда перестанешь замечать окружающий мир, и весь твой кругозор сузится до созерцания пола и моих ног! Теперь ты будешь не просто целовать мои туфли. Ты их начистишь до блеска своим языком — вот где твое место, тебе не скрыть от меня свою рабскую сущность под успехами и огромным состоянием!

Ногти впиваются в ладони, и я ощущаю, как поднимается давление, виски сжимает тисками приближающейся головной боли. Но это не та боль, которой надо бояться. Мой триумф будет именно таким. Больно будет обоим.

— С вами все в порядке?

Стаховский, твою мать. Почти забыл о его присутствии.

— Ты психоаналитик?

— Прошу прощения.

— Отработаешь. Давай, внимательно слушаю, рассказывай, что ты нашел.

Он все же делает попытку придать своему лицу выражение самодовольного превосходства и чуть подается вперед, сцепив в замок пальцы рук.

— Юлия Кравицкая получила в наследство ну очень скандальный клуб. Эта информация держится в секрете. Тут вырисовывается такая интересная история...

Мигрень все-таки не желает сдаваться, атакует виски новым накатом пока еще осторожной волны. Только ей сегодня не победить. Адреналин выходит на передний фланг, насыщает кровь своим быстроедействующим опиумом волнующего предвкушения. Но никому никогда не понять, что творится у меня в глубине души, как и не уловить этого проблеска зарождающейся эйфории ни в одном из жестов или же изменении мимики.

— Я не озабоченный тусовками подросток, и ночные клубы меня интересуют мало. Мхатовскую паузу прибереги для театральных подмостков. Все, что мне необходимо сейчас от тебя услышать — это детальную информацию и твои личные выводы по этому поводу.

Ловлю по клубам, выброшенные пакетики с героином, нападение в лифте или инсценировки ДТП оставь плебеям.

Я уже знаю примерно, что именно черный референт хочет мне сообщить. Devi-ant. Тот самый клуб, который сыграл в моем становлении как тематика не последнюю роль, собственно, это и был тот самый буфер, который не позволил скатиться в свое время до эгоистичного садиста-психопата без малейших понятий о технике безопасности. Алекс практически всю жизнь отдал этому клубу, превратив его в самое фешенебельное заведение на территории Украины. Он даже значился в белых списках заведений подобного рода европейских стран, а имена почетных членов общества было чревато произносить вслух. Отчет с выделенным подчеркнутым курсивом названием даже не удивляет.

Я не появлялся там давно. Политика конфиденциальности была на высшем уровне, бояться огласки не приходилось, но когда ты идешь к власти, первое время приходится отказаться напрочь от подобных соблазнов. К тому же смотреть в счастливые глаза Анубиса, который так легко отнял смысл моей жизни, было выше моих сил.

— Все, что ты хотел мне сообщить — то, что она получила его в наследство? Ты меня удивляешь своим даром раскапывать очевидное. Я просил тебя найти нестандартный подход, условия тебе известны. Или ты мне сейчас предложишь направить туда инспекцию по борьбе с вирусом Эбола под руку с обществом защиты прав потребителей?

Стаховский нервничает. Что ж, я никогда не умел отказывать себе в удовольствии загнать собеседника в дискомфортные тиски. Так забавно наблюдать, как он изо всех сил сдерживает раздражение — но блеск в глазах не гаснет, хороший знак, который без слов символизирует только одно: работа выполнена на отлично.

— Вкратце ситуация обстоит так. Она получила ровно половину активов. Вторые пятьдесят процентов перешли Илье Кравицкому. Особым распоряжением ее покойного супруга наложено вето на продажу или передачу в дар. Но вот что мне удалось найти. Категорический запрет касается исключительно нашей вдовы. Относительно сына — там условия куда мягче. Собственно говоря, это даже не условия, потому как они носят исключительно рекомендательный характер. Кравицкий явно делал ставку на сына, или же просто больше ему доверял.

— Стало быть, Илье Кравицкому разрешена продажа.

— Запрещена дарственная. Продажа категорично и документально не запрещена. Запрет у вдовы на выкуп части наследника.

Я не считаю нужным прятать довольную улыбку. Вот, значит, как все хитро повернулось. Притом вряд ли Кравицкий-младший осознает, насколько у него развязаны руки в отношении свалившегося тематического счастья. Дело за малым, открыть ему глаза.

— Это примерная оценочная стоимость, — я не спрашиваю, просто проговариваю это вслух, бессмысленно обводя полукругом число, неподъемное для большинства граждан в финансовом плане. — Отлично. Но пусть каждый совершает свой путь подобно звездам, спокойно, не торопясь, но непрерывно стремясь к намеченной цели.

— Красиво сказано, — Стаховский, прогиб засчитан. Откуда тебе знать, что это не выдержка из моей предвыборной речи, а Гете, твое дело — собирать для меня информацию и искать нестандартные подходы для реализации намеченных целей.

— Сам горжусь. Что из себя представляет сын Кравицкого, выяснить удалось?

Я ни разу его не видел до того самого раута, где Юлька нагло улыбалась мне в глаза, показывая этим, что все прекрасно поняла и попытка сыграть на контрасте с самой

желанной блондинкой Харькова в корне провалилась. Да он и не похож на Алекса, у этого баловня судьбы внешность бывшей жены Кравицкого. К слову, Валерия Полякова может стать проблемой, если вмешается. Мне хватило обычного для таких мероприятий обмена любезностями, чтобы понять, что эта дама из себя представляет. Ее преданность Юльке вообще вне всех законов логики, я видел, как она уводила ее из зала после выступления на трибуне — взбесившаяся тигрица-защитница, которой ничего бы не стоило выцарапать мне глаза, если я как-то не так посмотрел бы в Юлину сторону. Наверняка у нее очень сильное влияние на сына, выход только один — не дать мальчишке опомниться, оформить предполагаемую сделку так, чтобы не осталось времени спрашивать советы у мамы.

— Приятный молодой человек. Он прекрасный управленец и стратег во всем, за что бы ни взялся, но, со слов его друзей, вообще далек от... специфики подобного бизнеса. Очень тяжело переживает смерть отца, пытается забыться в развлечениях в дружеской компании. Про наследство говорит неохотно, словно стесняется подобного рода деятельности. Именно поэтому не появился там ни разу, несмотря на попытки Кравицкой приобщить к общему делу. Очень любит свою сестру, настолько, что разрывается между возможностью забыться на тусовках и провести с ней время. Признает авторитет матери, но вот как раз сегодня Валерия Полякова улетела на очередную выставку своего супруга. Два дня минимум ее не будет в городе.

— Лучше не придумашь. — Лишенный смысла, больше показательный взгляд на циферблат платиновых «Филипп Патек». — Я тебя попрошу позвонить ему прямо сейчас и заставить приехать ко мне на встречу. В 11 часов в «Метрополе». И проследи, чтобы он не кинулся просить совета у своей юной мачехи.

— С этим проблем не возникнет. Кравицкая последние дни не покидает клуба едва ли не до полуночи. Вникает в дела.

— Надо же. Какая ответственная бизнес-леди, — я не могу удержаться от ехидного замечания. Оставляю Стаховского за столом и отхожу к бару, чтобы налить себе очередную небольшую порцию виски. За окном все тот же дождь, разводы по стеклу, преломляющие световые блики огней ночного города в причудливые изломы. Подношу ладонь к холодному стеклу, где тает мое отражение, размываясь потоками воды. Такими же прозрачными и чистыми, немилосердно искренними, как и твои слезы на трибуне, Юля. Те самые, которые я был бы безумно рад назвать актерской игрой. Напрасно я искал ее признаки в твоих дрожащих губах, сбившемся дыхании и севшем голосе. Зря я пытался убедить себя в этом, запутавшись в обманчиво дружелюбных сетях самообмана с завышенной уверенностью, что ты не могла ничего испытывать к Анубису, кроме, пожалуй, благодарности и расчетливой жажды финансового благополучия вместе с положением в обществе. Мне ведь достаточно было на время ослабить собственное защитное поле и подключиться к твоему пульсирующему сердечку своими ментальными рецепторами — я делал это прежде всего для того, чтобы найти подтверждение комфортным для меня самого умозаключениям. Может, отчасти еще и для того, чтобы почувствовать твой вероятный отклик, ощутить ускорение пульса и сладость подзабытых воспоминаний, которые должны были непременно атаковать тебя при нашей первой встрече спустя годы. Мне до безумия хотелось поверить в то, что я найду в потаенных уголках твоей души то, что меня остановит от нового шага, который сможет оказаться роковым для обоих. Меня не пугали эти последствия, я перестал их бояться, наверное, с той самой ночи, которая отняла тебя у меня. Да сама вселенная, та самая, в которую ты ныряла вместе со мной, теряя себя в ласковых волнах накрывающего

сабспейса, сейчас благосклонно улыбалась, открывая свои объятия, подталкивая к воссоединению! Протяни руку, сделай шаг навстречу — нам бы не смог помешать никто и ничто. Почему, какого черта, по прошествии почти восьми лет я был уверен, что ты угасала в своем браке по расчету, вспоминая наше лето, жалея о своем опрометчивом поступке, призывая меня буквально каждую ночь в объятиях Александра? Почему мне так хотелось в это поверить? Почему я получил надежду свыше — только для того, чтобы ее у меня так грубо отняли при первом же столкновении лицом к лицу?

Ласковая, не сжигающая все на своем пути лава радости, надежды, предвкушения, разрушившая твои барьеры и освободившая те самые чувства, которые, я до последнего верил, никуда не уходили, — это то, что я был готов ощутить, вобрать в себя, распробовать на кончике языка с первым проникновением своими волевыми касаниями в глубину твоей сущности! Мне нужно было так мало, только прикоснуться к эпицентру твоей нежности, в которую я не прекращал верить ни на миг, сделать глоток из источника твоих никуда не исчезнувших чувств, которые неминуемо должны были сегодня проснуться и отозваться в тебе пульсацией торжественного возрождения. Если бы я нащупал хотя бы след от твоего смятения и восхитительного ожидания... Юля, ты не знаешь, как я был близок к тому, чтобы мой зверь испустил свой последний вздох, убитый в моем сознании! Он замер в ожидании момента, когда я открою замки неприступной клетки и дам ему разрешение на прыжок. Он уже пережил так много минут убивающей неопределенности, пока я с надеждой погибающего в пустыне искал в твоём сознании тот самый отклик, который меня остановит...

Я был готов даже обмануть себя снова, когда не нашел в тебе ничего, кроме, пожалуй, волнения и неловкости с примесью страха. Прошло ничтожно мало времени, и ты еще не пришла в себя, сознание поставило блок, который скоро слетит, только дай ему время. Когда ты вышла на трибуну и я увидел твои слезы, притих даже зверь, опешив от такого поворота событий. Прошло то время, когда я получал удовольствие от твоей боли, сейчас мне хотелось только одного — просто сорваться с места почетного гостя в первом ряду, преодолеть ступеньки в два шага, спрятать тебя от необходимости оставаться беззащитной и напуганной на глазах у городской элиты, еще лучше, увезти куда-нибудь, где ты окончательно сможешь успокоиться и подтвердить мои долгожданные ожидания одной лишь улыбкой своих искусанных губ. Я не знаю, что меня удержало и как я дождался того момента, когда мы окажемся рядом и я смогу к тебе прикоснуться.

Может, именно поэтому я не поцеловал тебе руку еще перед началом выступления. Прикосновение губ к разветвлению подкожных вен не только самый четкий сенсор, самый правдивый детектор и сверхчувствительный радар считывания физиологических реакций, но и прямой транзит в глубины сознания. Мне всегда было достаточно прикоснуться к тебе, чтобы понять, что именно ты чувствуешь.

Боль. Отчаяние без дна с крушением прежнего мира. Твои расширенные зрачки, в которых полыхал огнем один только образ, и это был не я. Твои слезы по нему могли сжечь, растворить кислотой любого, кто бы усомнился в их искренности.

Мое сердце оборвалось и перестало биться в тот момент от этого ужасающего открытия. Ты действительно любила его. Так отчаянно и искренне, словно не было никогда тебя и меня, словно моя смерть никогда ничего для тебя не значила, и то, что я сумел выжить, стало лишь досадным недоразумением. Да тебя не просто плавило, тебя выгибало в глубине души от этого чувства, той сумасшедшей обратки, в которой в свое время было отказано

даже мне! Ты смотрела мне в глаза и вздрагивала от отвращения, потому как все твои мысли были о нем.

Чего я ожидал? Он был отцом твоей дочери. Он вроде как спас тебя из лап кровожадного дракона. И вряд ли поделился с тобой всеми подробностями такого чудесного якобы спасения. А если бы даже сделал это, ты бы стала любить его сильнее именно за оправдание статуса альфы. Мне было так просто говорить себе, что у вас не может быть ничего общего, напрочь забыв о том факте, что Александра обожали все без исключения женщины. Да окажись ты трижды стойкой неприступной амазонкой, у него хватило бы интеллекта и обаяния обойти эти препятствия. И мне ли было не знать, что тематические отношения — высшая ступень духовного воссоединения? Семь лет. Даже если бы тебя заставили вступить в этот союз (о, с какой бы легкостью я в это поверил!), я прекрасно знаю, чем бы это с огромной вероятностью закончилось. Знаю на собственном примере...

Меня едва не впечатало в бликующее размытой абстракцией стекло оконного проема. Холодный виски вернул самообладание, и я мысленно дернул за поводок разбушевавшегося зверя. Сиди смиренно, имей терпение, я не зря воспитывал тебя идеальным хищником, который никогда не промахивается! Подобная спешка недопустима, ты где видел тигра, который сгоряча погнался за антилопой и разможил себе лоб о ствол баобаба, не рассчитав траектории прыжка? Умей сидеть в засаде и изучать каждый шаг своей жертвы! То, что я выпустил тебя из клетки в тот самый момент, когда понял природу слез нашей девочки и справился с этим потрясением, не дает тебе права срываться без подготовки!

На дне стакана остались тающие кубики льда. Я аккуратно поставил его рядом с первым в одну линию, присел на корточки, сложив руки на подоконнике, и посмотрел сквозь асимметричные грани бокалов богемского стекла на размытый дождем абрис подсвеченного синим шпиля Госпрома. Созерцание городского пейзажа всегда успокаивало и добавляло холодного самообладания.

— Илья Кравицкий будет ровно в назначенное время в ресторане. Заранее просил извинения, если задержится в дороге в силу погодных условий.

— Отлично, Алексей. Вероятность, что он не кинется к матери или вдове, стопроцентная?

— Я предупредил о режиме конфиденциальности ввиду вашей безопасности. Он неглупый парень.

— С этим покончили. Теперь — завтрашний праздник в честь открытия интерактивного зала в «Игроленде». Кравицкая не передумала насчет своего визита?

— Нет. Более того, выбила vip-пригласительный для некой Екатерины Колягиной с сыном. Это королева индустрии товаров для... короче, у нее сеть секс-шопов, они соседи по коттеджному поселку. Насчет точного времени своего визита ответить не смогла.

— Дети, они вносят свои коррективы, — понимающе заметил я. — Свободен. Оставь бумаги для ознакомления. Все финансовые вопросы решим с тобой завтра.

Он ретировался почти незаметно, но я уже потерял к нему всякий интерес. Быстрый набор телефонного номера. Опять Данилка будет видеть десятый сон, когда я наконец-то вернусь домой. Зато завтра мы целый день проведем вдвоем.

— Ирина Васильевна, добрый вечер. Передайте, будьте любезны, трубку моему сыну.

Шум борьбы. Наверняка в няню опять полетела подушка — что-то посущественнее я ему напрочь запретил швырять в прислугу.

— Папа! — нет долгих прелюдий в стиле «я скучал». — Скажи ей! Она спать меня

гонит!

— Данил, я устал тебе повторять — твою няню зовут Ирина Васильевна! Никаких «она» и уж тем более «Беллатриса Лестрейндж» я слышать не желаю! Мы с тобой договаривались — ты слушаешься ее во всем. Ты же хочешь завтра провести день в «Игроленде»?

— Да! А мы пойдем в тир? Там будет снайперская винтовка Драгунова? А пистолет, как у дяди из «Форсажа»? — голос сына сбивается от азартного предвкушения, и я чувствую, как в солнечном сплетении разливается умиротворенное тепло с непреодолимым желанием бросить все дела и сорваться домой, чтобы урвать у сна драгоценные минуты и немного побыть с ним наедине. Он видит меня так редко в последнее время, но даже не заикается о том, что хочет вернуться к Ульяне, которую будет видеть еще реже. Время, которое я провожу с ним, на вес золота, но я готов работать на износ, чтобы переделать все дела как можно скорее ради редких выходных, чтобы отдать ему все свое время и тепло. Сын не должен расти без поддержки отца, достаточно пофигистского отношения Ульяны.

— Пойдем! И в тир, и на картинг, ты обогнал меня в прошлый раз, и я не намерен с этим мириться! — шутливая серьезность в голосе. — Никакой пощады тебе, Феттель! Но сейчас будущему гонщику и стрелку надо ложиться спать, чтобы завтра наступило быстрее!

— Ну хорошо! — нехотя соглашается Данил. — Но она... Ирина Васильевна, не права! Мы на «УЕФА» скинулись, и я выиграл, так же нечестно!

— Видишь ли, девочки слабее нас. Мы должны иногда им поддаваться и не обижать. Ты же мужчина! Справишься?

— Ну попробую... — после секундной заминки соглашается сын. — Я думал, ты придешь и мы поиграем в АТО! Я опять тебя весь день не видел...

— Скоро это закончится, обещаю. А теперь ложись спать и помни, что завтра мы с тобой очень круто проведем время.

— Я люблю тебя, папа! — одной этой фразы достаточно, чтобы многие планы рухнули в одночасье. Но я уже знаю, что стоит повесить трубку, они завладеют моим сознанием с прежней силой.

— Я тоже люблю тебя, Данил. Засыпай, и завтра настанет совсем скоро!

После этого разговора чувства в полном смятении. Я смотрю на документы, которые оставил Стаховский, и понимаю, что не хочу к ним прикасаться. Только выбора нет, игра началась не более часа назад. У меня есть пятьдесят минут для того, чтобы изучить вопрос скорого Юлькиного краха и отправиться на встречу, которая все расставит по своим местам. Несколько глубоких вдохов, чтобы полностью абстрагироваться от недавнего разговора и чувства щемящей нежности — вот уже план моего нападения вырисовывается, подобно воздушному замку, из сухого текста детального отчета. Без четверти одиннадцать на часах, и я уже знаю, в каком ключе поведу разговор с младшим Кравицким, и чем он закончится. Вызов водителя, пять минут на то, чтобы спуститься вниз — ресторан находится в пятистах метрах от мэрии, путь близок. Сухое приветствие вышколенного обслуживающего персонала, кивок личного охранника — зал проверен, моя персональная кабинка тоже. Мне не нужно делать заказ, здесь знают мои вкусы до мельчайших подробностей. Расправляю рукава костюма привычным небрежным жестом, никого не замечая в упор. Гостя проводить ко мне незамедлительно. Я ожидаю.

Сын Анубиса приятно удивил своей пунктуальностью. Впрочем, я бы закрыл глаза даже на часовое опоздание, это тот самый случай, когда цель стоит любого ожидания.

— Добрый вечер, — вежливая улыбка, никакого раболепного заискивания или

ошеломленного восхищения на красивом лице уверенного в себе любимчика женщин. Гордая осанка знающего себе цену мужчины, стильная прическа, загорелый тон лица — солярий и процедуры по уходу за кожей наверняка в арсенале на первом месте, как и регулярные тренировки — не до перекачанных бугров, всего лишь для поддержания эстетически приятного рельефа. Узкие джинсы, кожаный жакет, стильный узел шарфа на шее, лайковые светлые перчатки под цвет кожаных «оксфордов», парень на «ты» с высокой модой, при всем при том нет никакого пафоса или притянутой маски. Итак, план В.

— Здравствуй, Илья. — Руку для крепкого рукопожатия. — Это неофициальная встреча, поэтому я предлагаю обращаться друг к другу по имени. Я Дмитрий. И я очень хорошо знал твоего отца. Прими мои соболезнования, его смерть стала ударом для всех нас.

Тень печали и растерянности пробежала по лицу молодого человека, но он быстро взял себя в руки.

— Спасибо. Я бы хотел сказать, что голосовал за тебя, — ответная попытка упрочить дружелюбный контакт, — но я, к сожалению, гражданин двух держав и не слежу за политикой, поэтому не вышло.

Нас прервало появление метрдотеля. Илья напрочь отказался от спиртного, мотивируя это тем, что сам за рулем. Впрочем, я не настаивал.

— Как вы познакомились с моим отцом? — поинтересовался парень, сделав свой заказ. Я откинулся на спинку кресла и благосклонно улыбнулся. Игра с заранее predetermined победителем началась.

— Собственно, эта история началась очень давно, я даже не помню, сколько мне было лет. Кажется, девятнадцать...

Глава 8

Юля

Дождь. Кажется, он стал моим постоянным спутником. За окном весна, двадцатые числа апреля, совсем скоро все расцветет, голые ветви абрикосов с набухшими почками покроются утонченными белоснежными цветами, аромат которых стоит только вдохнуть — забудешь все печали. Так всегда бывает, когда в город врывается весна. Ее долгожданное наступление часто проходит незамеченным, когда ты занята работой и бежишь от собственной печали. Совсем не до весны, когда ощущаешь надвигающийся ужас, который словно окутывает плотной кисеей.

Сегодня в клубе был полный завал, но около полуночи я буквально сползла с кресла на пол с чувством выполненного долга. Счета и калькуляции плясали перед моими глазами хаотичный танец без правил, названия эксклюзивных моделей стека и зажимов для сосков упростились до сухого наименования в накладной, информация о том, кто из гостей какую комнату зарезервировал, не вызвала даже любопытства или всплеска фантазии. Я не знаю, как умудрялась засыпать после такой передозировки кофеином и как еще могла что-то соображать. Собственно, я бы даже поесть забывала, спасибо Владе, которая взяла инициативу в свои руки и заказывала обед с ужином прямо в кабинет. Штейр по-отечески ворчал и настаивал на том, что мне нужно больше отдыхать, на что я лишь устало улыбалась.

Сегодня я столкнулась в фойе с двумя членами клуба. Имя одного из них полагалось произносить только шепотом. Этот мужчина, владелец немалого состояния, покорила меня своей галантностью и дружелюбием. С Никеей же дело обстояло несколько иначе — я ощутила противную ментоловую изморозь по всему позвоночнику при виде ее стройной фигуры в элегантном брючном костюме. Красивые брови темной домины слегка

приподнялись, когда она заметила меня на лестнице. Вышедший проводить меня Штейр обрадовался присутствию этой дамы, обнимал ее, как старого друга, и не знаю почему, но это обстоятельство меня сильно покорило. Памятуя о правилах приличия и гостеприимства, я смело спустилась вниз и даже обменялась приятельскими объятиями с этой малоприятной женщиной. В тот момент я была слишком усталой, чтобы заметить, что с ее стороны не было никакого предвзятого или негативного ко мне отношения. Она выразила свои соболезнования в связи со смертью Александра, поблагодарила за изменение ритуалов клуба (я не имела к ним никакого отношения, спасибо Штейру) и пожелала удачи в бизнесе. Мне не оставалось ничего другого, кроме как пожелать ей приятной ночи, а себе наконец-то добраться до машины.

Родные стены дома лечат. Ева уже давно спала и видела радужные сны, я поцеловала ее в лобик, тихонько прикрыла дверь в спальню и спустилась вниз. Свет в просторном зале привлек мое внимание, и я, прихватив бутылку белого вина с двумя бокалами, тихонько прокралась туда.

Очень жаль, что я не взяла с собой фотоаппарат или хотя бы телефон. Я ожидала увидеть все, что угодно, но не Илью у мольберта с грифелем в руке. Это показалось мне настолько необычным, что я замерла в дверях, стараясь ничем не нарушать тишину. Руки пасынка колдовали над рисунком с почти маниакальной одержимостью, комната наполнилась атмосферой творческого вдохновения, которое непроизвольно передалось и мне. Я на цыпочках подкралась к журнальному столику, осторожно поставив бутылку и бокалы. Все же совсем тихо это у меня не вышло — Илья вздрогнул и повернулся.

— Прости, я не хотела тебе мешать. Просто думала, ты выпьешь со мной по бокалу на ночь. Но если не хочешь, я могу уйти.

Молодой человек как-то напряженно улыбнулся и вытер пальцы влажной салфеткой.

— Ты как раз вовремя, Юля. У меня уже не получаются ровные линии.

На белом полотне четко проступили линии огромной яхты на фоне глади спокойного моря. Она чем-то напоминала «Пеларус» Абрамовича, разве что была не такая большая, но Илья со скрупулезностью архитектора расчертил футуристической паутиной огромную рубку и зал. Ничего красивее я еще не видела.

— Здорово! Это концепт?

— Нет, уже нет. Моя мечта. К сожалению, еще черт знает сколько лет неосуществимая.

— Цена? Или что-то другое?

— Цена и очередь, как оказалось. Сумма ударит по компании, не критично, но все же Лерка непреклонна. А с очередью — она вроде и может дернуть за нитки и повлиять, но никогда этого не сделает. Отец бы не отказал, он всегда говорил, что к своей цели нужно идти, не сворачивая с пути. Если дождаться очереди по всем правилам, лет через шесть может быть.

— Главное, что она достижима, Илья, — я смотрела, как пасынок разливает янтарное вино по бокалам. — Большинству людей нет смысла даже мечтать о таком, они никогда не смогут ее иметь. Ты же однажды войдешь в ее рубку полноправным хозяином. Разве это не здорово?

— Боюсь, к тому времени у меня сменятся приоритеты, и обладание этой красавицей не принесет прежнего удовольствия. Сейчас я настолько этим горю, что, кажется, не могу ждать ни дня.

— Я тебя понимаю, если она даже на картине вызывает желание подняться на ее палубу

и ловить морской ветер. Не могу разобрать названия.

— Я решил назвать ее именем отца.

— Это прекрасный выбор, Илья.

Я сжала пальцами ножку бокала и подняла его вверх.

— За сбычу мечт, как говорили мы в студенческое время.

— За абсолютную. — Парень сделал медленный глоток. — Юль, я завтра приеду в клуб.

Хватит бегать от воли отца. Я хочу вникнуть в рабочий процесс и избавить тебя от необходимости там ночевать. Ты же очень хотела свозить Еву к морю, я только разберусь с основными вопросами и прикрою тебя.

— Завтра меня там не будет, у меня день семьи. Но Штейр и Влада все тебе подскажут. А послезавтра начнем работать в команде.

Перед тем как чокнуться с моим бокалом, Илья быстро отвел взгляд, словно сомневаясь в своем решении. В тот момент я истолковала это по-своему. Ничего, я со своей стороны сделаю все, чтобы он не испытывал неловкости при соприкосновении с тем, что для Алекса было делом всей его жизни.

Выспаться мне опять не удалось, Ева влетела в спальню ни свет ни заря. «В «Игроленд»!» — кричала она, прыгая на кровати и пытаясь вытащить подушку из-под моей головы. Опять няня не справилась со своими обязанностями, сильно любит и балует мою дочь. Нет, вообще-то няня у нас золото и претензий к ней практически никаких, я же знаю своего гиперактивного ребенка, который так редко сейчас меня видит и безумно скучает. Да и как устоять перед перспективой провести весь день в развлекательном центре с обилием игр — Евочка со вчерашнего дня не находила себе места от приближения долгожданного праздника.

Я потеряла глаза, которые не желали открываться, и нащупала ногами домашние туфли.

— Карина, скажи, чтобы мне приготовили весь кофе, который найдут в этом доме! — велела я няне. Обняла дочку, которая забралась ко мне на колени и поцеловала ее в лобик. День обещал быть приятным и радостным, это стоило того, чтобы пожертвовать драгоценными минутами сна.

Через несколько часов я была готова. Личный стилист закончила завивать мои волосы в сексуальные гладкие волны и сейчас заплетала Еве две замысловатые косички. Дочурка сидела сосредоточенная и серьезная в детском дизайнерском платье с ниткой моего жемчуга на шейке — настоящая маленькая леди, которая с детства знала себе цену. Я постаралась сделать все, чтобы ее миновали детские комплексы, которых сама нахваталась в юном возрасте в избытке. Сегодня пресса будет в восторге от двух своих любимиц, модных девчонок. Еще один бонус в поддержку моего имиджа.

Они уже были здесь. Банда хищников, только вооруженных не когтями и клыками, а фотокамерами с микрофонами — журналистская братия, которая не смогла пропустить открытие новых залов «Игроленда», зная наперед, что здесь соберется элита города с детьми. Статьи в прессе и видеосюжеты будут самыми разнообразными: наверняка радикально настроенные каналы начнут сетовать на кризис в стране, который никак не коснулся звездных деток, более лояльные преподнесут это мероприятие как очередное достижение мэра — «город — детям!». Мне было все равно, что передадут в новостях. Ева не боялась внимания журналистов, все время тормозила меня, спрашивая, хорошо ли выглядит. Я все-таки заставила Бориса растолкать особо наглых и вздохнула с облегчением лишь тогда, когда мы с дочерью оказались в просторном холле развлекательного центра.

Огромные аквариумы во всю стену создавали впечатление футуристического тоннеля, проложенного сквозь толщу океанских вод. Ева притихла и приоткрыла рот, наблюдая за дельфинами, яркими рыбами-попугаями и стайками других разноцветных рыбешек, названий которых я не знала, да что там, вообще впервые видела подобных обитателей морей. Щупальца кораллов и анемонов невесомо покачивались в толще воды, а ярко-синяя подсветка создавала чарующее впечатление. Золотые рыбки резвились в бассейнах разнообразных фонтанов, а высокие пальмы, окруженные фигурами героев мультфильмов, создавали ощущение настоящей ожившей сказки.

Многие из присутствующих здесь пар с детворой были мне знакомы — я задержалась, чтобы обменяться с ними приветствиями, и отпустила Еву полюбоваться вблизи на морских обитателей за стеклами аквариумов. Пока я выслушивала запоздалые соболезнования в связи со смертью Алекса, моя дочь уже успела обзавестись друзьями среди детей, и я едва не потеряла ее из виду.

— Тетя Катя сказала, что они идут в комнату страха, и мы пойдем тоже! — загибала пальчики Ева. — А еще есть кино, там кресло под тобой ходит, вода брызгает, а вампиры высовываются тебе в лицо, но не кусают! И танцуешь, надо ножки переставлять на окошечко, которое загорелось! И викториночка с призами, там насыпают конфеты! А еще можно взять машинку и на ней кататься там весь день!

— Обещаю, мы все попробуем, — волна щемящей нежности вышла из берегов, и я, не сдержавшись, крепко обняла дочку. — Будем развлекаться, пока не надоест!

— Мама, ты что, пусти! На нас все смотрят! — со смехом увернулась Ева. Моя маленькая красавица явно задалась целью быть первой среди только что приобретенных друзей и решительно сжала мою руку, потянув к эскалатору. Я едва поспевала за ней. В огромном зале второго яруса царил праздник. Атракционы, интерактивные автоматы, площадки мигали яркой иллюминацией, из динамиков звучали детские песни, вокруг сновали аниматоры, разодетые в карнавальные костюмы, и официанты, которые разносили сладости и напитки. Под потолком колыхались сотни ярких надувных шаров, переплетались в причудливые лианы, крики и смех детворы на миг дезориентировали меня в пространстве. Белокурый эльф из «Властелина колец» перехватил рванувшую было к батуту Еву и вручил ей разноцветный карамельный леденец в виде изогнутой трости. Тут же рядом нарисовался Гарри Поттер, который осыпал малышку блестками из волшебной палочки. Я едва не сбила с ног симпатичного вампира с подносом, на котором стояли стаканы с томатным соком.

— Свежая кровь непослушных взрослых! — мелодично пропел парень. — Кому свежей крови?

Не знаю, кто занимался организацией праздника, но в своем деле он явно был профи. Я непроизвольно вспомнила детские утренники далеких времен и едва не скривилась от фальши. Смеющуюся Еву тем временем увлекли на карусель Маугли и Покахонтас, а я медленно осмотрелась по сторонам. В дальнем углу зала собирали огромный пазл, и я увидела Катю, которая махала мне рукой. Ева подбежала ко мне, смеющаяся и покрасневшая, чтобы увлечь на интерактивную площадку сбора грибов и ягод. Я сделала знак соседке по коттеджному поселку, что присоединюсь к ней позже, и вскоре вместе с дочерью с азартом играла в детские игры, напрочь забыв обо всем. Прошло два часа, я уже валилась с ног от усталости, но ничем этого не выдавала. Ева выплясывала на световом аттракционе под ритмичную музыку, когда к нам присоединилась владелица секс-шопов с восьмилетним сыном.

— Юлька, за пригласительные отдельный респект! — насколько ее помню, Катюша всегда отличалась завидной энергичностью. — Отдыхаю душой, это нечто! Ты видела Геркулеса? Что, во имя всего святого, этот бог с отпадным телом делает на детском празднике?

— Кэт, расслабься! — я пожала протянутую руку Егорки со всей серьезностью, на которую была способна. Уже спустя минуту они с Евой отплясывали парой, предоставив нам возможность умыкнуть с подноса стаканы с соком.

— «Кровавая Мэри» без алкоголя — деньги на ветер! — поморщилась Катя. — Нет, ты это видела? В тир не попасть уже час! Нормально, да?

— Пристрелили главного аниматора?

— Да вполне возможно. Только им все сойдет с рук. Мэру черта с два что-то возразишь.

Пестрые декорации игрового зала дрогнули, на миг слившись в яркую радужную спираль, ударив дробью предательской панической атаки в самый эпицентр моего расслабленного сознания. Привкус томата на языке скрутил скулы, и я вернула стакан с недопитым соком на поднос проходящего мимо пирата. Самое безопасное место на земле, наполненное веселым детским визгом, медленно начало заполняться рваными ключьями почти голливудского тумана. Еще немного, и в этой серой мгле проступят силуэты потусторонних шестилапых чудовищ.

Он здесь. Твою мать. И как я могла упустить этот факт? Открытие! Где ему еще быть? Нет, я действительно думала, что он проигнорирует это мероприятие? Мне так хотелось верить в его тотальную занятость, что я даже ни на миг не допустила этой вероятности?

— Мэр сюда явился? Не наигрался в ковбоев и индейцев в детстве? — правильно, юмор спасал меня не раз, нет ничего проще, чем посмеяться над своим главным кошмаром. Можно подумать, от этого он перестанет представлять опасность!

— Ага, вместе с сыном, очень похожи. Егор мне мозг проел, рвется в тир, и как ему пояснишь, почему там все время занято?

— Мама! — я вздрогнула, когда Ева подбежала сзади и обняла мои бедра, изворачиваясь ужом, чтобы заглянуть мне в лицо. — Мама, я тоже хочу пострелять! Из лука, как Китнисс! Пойдем в тир! Ну пойте-е-е-ем!

— Там есть еще автомат Калашникова! — счастливо похвастался Егор. — Он очередью стреляет, так, тра-та-та-та! И двустволка! С которой на волков охотятся!

— Мама, я хочу стрелять! — захныкала Ева. Я несколько разглубоко вздохнула.

— Да? А я думала, ты хочешь попутешествовать по галактике! Значит, мы не пойдём в кинозал!

— Нет! Ты обещала!

— Если обещала, пойдём! — Я поспешно перехватила ладошку дочери. От кого только она унаследовала страсть к оружию? Явно не от отца, который долго сопротивлялся его наличию в доме. Коллекция катан и пистолетов, которая осталась в Берне, была моим хобби, он не мог мне в этом отказать.

Не могу сказать, что в зале 7Д мне удалось успокоиться и прийти в себя. Летящий навстречу космос значительно уступал тому, что я испытывала в реальности, даже специально увеличенные звезды казались мертвыми и безжизненными. Тому, кто не летал прежде в запредельных мирах самого искромётного и сильного чувства, никогда не узнать, как ярко могут они светить, падая тебе навстречу холодным огнем, распадаясь на осколки и снова возрождаясь, умножаясь в тысячи раз... Но Ева пришла в восторг и прожужжала мне

все уши о том, как хочет стать астронавтом и полететь к этим далеким звездным системам. Я потеряла счет всем аттракционам и конкурсным викторинам в тот день. Ноги гудели от усталости, яркие декорации расплывались перед глазами, и я мысленно поблагодарила всех святых, когда дочурка наигралась и захотела съесть мороженого, перед тем как вернуться домой. От перспективы оказаться дома, переобуться в удобные туфли и расслабиться в ванной я сразу позабыла о том, что Лавров где-то поблизости. Чудо, что мы не столкнулись, особенно в свете того, что я его намеренно не избегала. Мне тогда хотелось верить, что он сам не был заинтересован во встрече, а может, просто упустил из внимания тот факт, что у меня дочь и я не пропущу открытие крупного игрового центра.

Ласковые лучи вечернего солнца прорезали серые облака, выставляя напоказ посеревший от грязи белый флаг капитулировавшей зимы, и дыхание весенней оттепели стало более ощутимым. Огромная парковка перед зданием была заставлена автомобилями, людей же практически не было — лишь водители задержавшихся на празднике представителей харьковского бомонда сбивались в стаи, согреваясь кофе в бумажных стаканчиках и обсуждая комплектацию транспортных средств формата люкс. Ева подбежала к большой фигуре Оптимуса Прайма и замерла в комичной позе, копируя фотомоделей из ток-шоу. Я достала свой телефон, чтобы заснять дочку, понадеявшись, что карта памяти не забита под завязку фотоснимками в стиле «Ева и аниматоры», «Ева и игры», «Ева и обитатели подводного мира». Малышка прыгала и строила забавные рожицы, а я так увлеклась процессом фотосъемки, что даже не обратила внимания на трех мужчин крупного телосложения в одинаковых черных костюмах с рациями в руках. Наличие бодигардов считалось чуть ли не правилом хорошего тона в нашей среде, просто я никогда не светила Бориса без излишней необходимости. Да и кто мне угрожал здесь, среди бела дня, на охраняемой элитным спецподразделением парковке, которая раз в десять минут сканировалась на наличие подозрительных предметов? Сомнительным личностям сюда путь был и вовсе закрыт. Я сжала руку Евы, и мы неспешно направились к машине, когда суэта все тех же телохранителей привлекла наконец мое внимание, а большинство водителей прекратили свои разговоры и попрятались по салонам авто. Мне не нужно было догадываться, чем вызвано подобное движение. Только один гость сегодняшнего мероприятия стоил подобной суеты.

Я приобняла Еву, слегка подталкивая в спину, сожалея о своей заминке с фотосессией. Ну какого хрена ему приспичило сваливать с вечеринки синхронно со мной? Дочь ощутила мою тревогу и вырвалась из захвата, обиженно надув губы. Что я могла ей объяснить? Какие аргументы найти? Легенда об ожившем роботе Мегатроне, от которого следует спасаться бегством, вспыхнула и распалась на атомы в глубине моего сознания. Поздно. С отчаянием смельчака, решившегося посмотреть в глаза Горгоны, я подняла голову, наблюдая за приближением своего пока что не реализовавшегося в полной мере кошмара.

Лавров меня не замечал. Возможно, даже не понял, что я тоже была здесь сегодня приглашенной гостьей. Что этому мужчине в зените своей славы и власти до застывшей в тревоге Юли Кравицкой? Скорее всего, после того вечера он забыл о моем существовании. Предупреждение прозвучало. Миссия выполнена, осталось только уповать на мое благоразумие, как будто я могу противостоять подобной силе. Я не могла этого сделать даже тогда, когда вся его власть соизмерялась махровым эгоизмом и папиными деньгами.

Высокая фигура самого спортивного мэра за всю историю города быстрым шагом приближалась к центру парковочной зоны. Я забываю собственное имя и дикое желание

сорваться с места, чтобы скорее добежать до машины, никакая сила не в состоянии сейчас заставить меня оторвать от него взгляд. Плевать, что подгибаются уставшие за время пребывания на игровой арене колени, я не замечаю даже Евы, которая рванула прочь вприпрыжку. Понимаю, что должна догнать — мало ли кому сейчас придет в голову выехать с парковки, но тревога и какое-то отчаянное, обреченное самовнушение все решили за меня. Притом я не могу не отметить, что строгий деловой костюм хозяина города сейчас сменили обычные джинсы и куртка-жакет приталенного покроя — стиль смарт кэжуал идет ему так же, как Армани с Кавалли. Но от этого ощущение угрозы не уменьшается ни на йоту.

Мне приходится спрятать в карманы трясущиеся руки и призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не пялиться на мэра, открыв рот. Мои плечи так же расправлены, походка уверена и грациозна, на лице маска скучающей тусовщицы, которой сейчас надоела суета «Игроленда», и все, чего она хочет — поскорее убраться восвояси. Я иду вслед за Евой, которая уже подбежала к машине, сдерживаюсь, чтобы не бежать, потому что понимаю — могу сорваться, заорать на Бориса с требованием как можно скорее исчезнуть, рвануть с запредельной скоростью прочь от источника угрозы. Закусываю губы, шестым чувством понимая, что мне так и не удалось уйти незамеченной. Невидимый лазер чужого взгляда жжет мне спину, выжигая свой стоп-сигнал по изгибу позвоночника даже через одежду. Мне абсолютно ничего не угрожает при таком количестве свидетелей, а если бы их не было — при всей своей ненависти и скрытой угрозе ты не совсем уехал крышей, чтобы предпринимать что-то при детях. Небольшая, но все же доза успокоительного на мое заходящееся от неравномерного бита сердце. Приостановиться, запрокинуть голову, подставив лицо теплым лучам заходящего весеннего солнца, зажмуриться от его слепящего света — может, я непроизвольно даже хочу тебе понравиться, перенастроить твою агрессию на спокойствие мимолетного любования, хотя на самом деле пытаюсь продемонстрировать, насколько мне глубоко параллельно твое присутствие и недавние угрозы.

Латинская удлиненная X, пересечение наших путей в ее центральной точке — никто из нас не свернет в сторону, гордость второе имя у обоих, и незачем бежать, скрываясь от необъявленной войны. Мы играем по правилам, которые навязывает этикет и воспитание, мы подаем пример детям, которым никогда не понять жестоких игр. Мои ладони ложатся на плечи дочери, на губах расцветает доброжелательная улыбка, которую трудно назвать фальшивой — я овладела искусством «держать лицо» в совершенстве. Литера X содрогается, искажается уже от пересечения наших взглядов, зависая в секундной невесомости — плечи Евы напрягаются под моими ладонями, а я смотрю в глаза Димы впервые за столь долгое время без прежнего панического ужаса. Даже усталость временно покинула тело, но не потому, что я чувствую себя в безопасности, — это мобилизация всех сил организма на случай, если появится угроза. Ее флюиды все еще витают в воздухе, но я продолжаю улыбаться, склонив голову набок.

— Неожиданная встреча, Юлия Владимировна, — тонкие чувственные губы отзеркаливают мою улыбку, а оттенок глаз остается прежним, светло-кофейным, не углубляя своего цвета до засасывающей тьмы. — Надеюсь, вам понравилось?

Ева сжимает мою ногу изо всех сил, и я едва не шиплю от боли. Зрительный контакт разорван, я поворачиваюсь к дочери, не успев ответить. Вашу мать, только этого мне сейчас не хватало! Мне не надо пояснять природу смущенно-игривой улыбки Евы, трепет ресничек, накручивание прядей на пальчики и попытку спрятаться за мою спину — нет, не от страха, оттуда так удобно выглядывать и строить глазки. И ладно бы своему ровеснику, который изо

всех сил делает вид, что девчонки не достойны его мальчишеского внимания.

Я едва не зашипела. Принц Эрик собственной персоной, и какого я еще не на коленях с подобным выражением лица перед его сиятельством. С трудом удерживаю прежнюю приветливую улыбку, сообразив, что пауза между приветствием и моим замешательством становится недопустимо затянутой.

— Добрый вечер, Дмитрий Валерьевич. — Мне показалось, или его брови удивленно приподнялись?

А нечему удивляться. Забудешь твоего папашу и все ваше долбанное семейство иллюминатов этого города, как же! Даже амнезия не спасет с твоей экспансией просторов всемирной сети и телевидения, как и моего личного пространства в последнее время! Я мысленно приказываю себе успокоиться и не брызгать ментальным токсином, подобно очковой кобре, — глаза, зеркало души, палят меня с головой. Чего не скажешь о нем — этот взгляд светло-карих глаз словно пытается убедить меня в снисходительном дружелюбии, интересе из-за вежливости, а на деле окатывает холодной волной равнодушия.

— Сегодняшний праздник, отвечу словами моей любимой песни, «вище неба». Вы действительно сделаете наш город самым лучшим не только в Украине.

— Да все не настолько грандиозно. Признаться, я не руководил организацией мероприятия.

— Вам понравилось? — пользуюсь тактическим ходом двусмысленности и перевожу взгляд на маленькую копию Димы. Моя теплая улыбка почти сразу рикошетит от осязаемого купола детской серьезности с оттенком ревности и осторожности, а пальцы немеют от секундной неловкости под изучающим взглядом маленького Лаврова. Обычно дети меня любят, но здесь эта закономерность потерпела сокрушительный провал. Губы его сына сжаты в такую же плотную линию, только ладошки сжимаются в кулачки — единственное, что выдает смущение и тщательно завуалированный испуг. Недостаток внимания, отсутствие матери рядом и, как следствие, детское неприятие всех без исключения девчонок рядом? Еву он вообще, кажется, не заметил, а дочери не до него — у нее началась кокетливая игра в гляделки с Димой. Я знаю, как любит моя горлинка флиртовать со взрослыми дядями, закатывая глазки и не стесняясь проявления эмоций, раньше меня это умиляло до невозможности, но сейчас... я сама не понимаю, откуда взялись иглы вымораживающего холода, и почему они так болезненно впиваются в позвоночные диски атакой тревоги, которая выбивает испарину вдоль спины и беспричинную слабость. Мои руки ищут опору в виде плечей дочери, для этого приходится несколько резко притянуть ее к себе. Думаете, это что-то меняет? Маленькая кокетка уже разошлась не на шутку, я теряю взгляд Лаврова, отмечая, насколько сильно он потеплел, и как изменилась улыбка. Такую за все время нашего знакомства я не видела ни разу.

— И как зовут маленькую леди? — вкрадчивый голос расслабленного хищника режет по нервам циркулярной пилой, а горло стягивает удушливой пленкой внезапной тревоги. Ева сбрасывает мои ладони резким движением плеч и гордо вскидывает голову.

— Евангелина! — ручки тянутся к двум густым хвостикам, чтобы игриво прикрыть волосами подбородок. От смущения уже не осталось и следа, юная принцесса пересекла зону комфорта со своим внезапно ожившим воображаемым другом.

— И вам понравилось сегодня, Евангелина?

Лавров, твою мать, закрой рот. Прекрати эти гребаные игры с детьми, этот фальшивый театр охуенного родителя! Чего ты хочешь добиться этой долбанной показухой? Или я не

знаю, что именно ты из себя представляешь?

— Понравилось! — Ева приподнимает руку, и я едва не закатываю глаза, когда она повторяет жест всех топ-моделей страны, проведя тыльной стороной ладони от виска к губкам. — Только вот... Мама сказала, что мне нельзя в тир стрелять, девочки должны играть в другие игрушки! Я вот с этой... позицией в корне не согласна!

Мне бы рассмеяться от умиления, но я сжимаю зубы до ощутимой боли, только улыбаюсь натянутой улыбкой, перехватив посветлевший взгляд мэра. Эти глаза могут, оказывается, согревать своим теплом и нежностью даже спустя время, но я очень хорошо помню, что еще они могут. Я гоню эти воспоминания прочь, понимая, что один нервный жест — и моя тревога перейдет к Еве, а за ее спокойствие я готова разбить себе лоб. Какой-то проблеск, подобно вспышке зарницы, мелькает в янтарной глубине его посветлевших глаз, и мое сердце непроизвольно сжимается — но не от страха или тревоги... я не могу этого объяснить. Неловкость? Чувство вины? Проснувшееся недоверие? Теряю нить мужского взгляда, когда его сын впервые за все время подает голос.

— Не разрешила тебе стрелять в тире? Как же так?

Вновь контакт наших взглядов нарушен, и мы синхронно поворачиваем головы. Твой сын, забыла его имя, смотрит на Еву со смесью сочувствия и интереса.

— Сказала, что девчонкам там не место!

— Что ж ты, мама? — укоризненно, но с нотками веселья в голосе спрашивает Дима, но я не смотрю в его сторону, потому как сейчас две пары детских глаз смотрят на меня, как на злобную мачеху из сказки. Мне надо что-то сказать, и я рисую на лице смущение.

— Я просто не умею стрелять, и очень боюсь оружия.

— Вот глупая! — Лавров-младший картинно всплескивает руками. — Оно же там не настоящее! Только стреляет громко, но для трусишек есть специальные наушники! Как можно бояться, если там никого не убивают?

— Не знаю, — Эрик Берн переворачивается в гробу от смен ипостасей взрослый-родитель-ребенок, а я стараюсь не замечать, насколько сильно сын похож на отца, потому что ощущение ментолового холода вернулось, и его не в состоянии пробить даже детская непосредственность. — Но если мужчина утверждает, что это не опасно...

— Конечно! Папа, скажи ей!

— Я думаю, тетя Юля не боится опасности. Просто всегда трезво оценивает свои силы.

Ледяные шипы оцетинились микроскопическими иголочками, и у меня перехватывает дыхание от нового приступа паники. Я не понимаю, как еще улыбаюсь, тяну Еву за руку и опускаю глаза, чтобы не напугать ее.

— Маленький, давай в машину к дяде Боре. И пусть поставит твою любимую музыку.

— Мама!

— И даст тебе твои любимые «Рафаэлки».

Ева не спешит уходить. Я ее понимаю, но ничего не могу поделать с панической атакой, которая лишает меня кислорода в буквальном смысле слова.

— Я не хочу в машину! Я хочу в тир!

Досчитать до пяти. Встретить недовольный взгляд дочурки без опасения напугать, и тепло улыбнуться.

— Хорошо. Давай мне сейчас дядя Дима, — я надеюсь, что смогла сказать это ровным голосом, а не процедить сквозь зубы, — расскажет, как правильно стрелять, а завтра мы приедем и будем учиться. Хочешь? Тогда подожди в машине, пока мы поговорим.

— Пока! — обреченно выдыхает Ева, кивнув на прощание маленькому Лаврову. Со старшим же ее поведение меняет свою полярность в один момент — в глазах пляшет танец толпа маленьких бесенят, а пальчики кокетливо теребят пуговицу пальто. Они продолжают смотреть друг на друга, как два заговорщика, а когда хлопает дверца машины, я непроизвольно вздрагиваю, как от удара. Вашу мать. Почему мне настолько страшно в обстановке, которая должна была развеять все мои опасения и страхи, как пепел по ветру? Почему я умом понимаю, что сейчас в самой что ни на есть настоящей безопасности, но сердце колотится в убивающей аритмии, не в состоянии внять доводам рассудка?

— Данил! — едва не вздрагиваю от голоса Лаврова. Вот, значит, как зовут его сына. Поднимаю глаза, стремясь показать, что мне не страшно и вполне комфортно. Дима театрально бьет себя по лбу, словно забыл что-то очень важное. — Мы же забыли! На твою деревню наверняка напали орки, пока мы были в тире! Быстренько, иди и отбей атаки. Я сейчас вернусь, и мы захватим их земли!

В глазах маленькой копии ужас сменяется негодованием. Он похож на отца не только внешне. Маленькие ладошки так забавно сжимаются в кулачки, он срывается с места, замирает всего на минуту.

— Пока, тетя Юля! Встретимся в тире!

Я провожаю его испуганным взглядом, понимая, что теперь осталась наедине с причиной своего учащенного сердцебиения, со спонсором моей удушающей паники. Дмитрий терпеливо ждет, когда Данил оказывается вне зоны досягаемости.

— «Варкрафт», — со скучающим видом пожимает плечами. — Дети. Как ты?

Всего несколько слов. Я непроизвольно прячу руки в карман курточки и заставляю себя посмотреть ему в глаза. Все тот же теплый оттенок слабого кофе в уже непроницаемом взгляде, плотно сжатые губы, их не может смягчить даже тень доброжелательной улыбки. Сетчатку режет жар нового приступа страха, и я выдаю себя с головой, опуская взгляд в пол. Этого достаточно — атмосфера между нами молниеносно меняется, я чувствую, как улыбка покидает его губы, и ежусь от воображаемого порыва ледяного ветра. Но стоит Дмитрию кивнуть головой в сторону «лексуса», опасливо поднимаю глаза.

— Что, ты думала, я сделаю? Что тебя так напугало?

Воронка ледяного урагана смещается. Над головой яркое солнце и ослепительно голубое небо. Еще несколько секунд, и охлажденный до абсолютного нуля воздух стратосферы устремится к земле, превратив кровь в кристаллы льда, а меня — в заледеневшую статую. В его голосе едва сдерживаемое негодование и все оттенки возмущения. Как бы мне хотелось стать глупой и не понимать, что именно он имел в виду!

— Ничего. Правда! — Юля, заткнись. Прекрати свой униженный оправдательный лепет, ты хотела именно этого — спрятать от него дочь, словно всерьез предполагала, что ей угрожает смертельная опасность! Меня выколачивает дрожью под его потяжелевшим взглядом, вместе с непроходящим желанием сбежать, раствориться, телепортироваться с этого места хоть куда. Ничего не изменилось. Вирус его диктата спал в крови очень долго, сейчас достаточно приближения носителя, чтобы он активировался снова в полную силу. — Просто, сам понимаешь, телохранитель один, а у таких, как мы, всегда будут недоброжелатели...

— А вот мне на миг показалось, что ты подумала, будто я могу причинить вред этому очаровательному ребенку.

— Это не так!

— Рад ошибаться. Только чего ты так дрожишь? Я такой страшный?

Его голос не теплеет ни на градус, но я пытаюсь выдавить слабую улыбку и взять себя в руки. Ничего не получается, но кто сказал, что я перестану пытаться?

— Просто устала. У меня от этих аттракционов фейерверк перед глазами. — Кого я пытаюсь обмануть? Его темно-кофейные сканеры прожгли мою кровь, он считывает мое состояние подобно инновационному сенсору, и я ничего не могу с этим поделать!

— Согласен. Только у меня мишени.

Благосклонная попытка хозяина положения успокоить дрожащую жертву ненавязчивой шуткой и улыбкой? Роковое колебание заигравшегося хищника? Попытка играть по негласным законам цивилизованного общества? Режущий натиск ледяных иголок останавливается, сердце берет временную передышку, и я осторожно ловлю его взгляд, не желая признаваться самой себе, как мне сейчас необходимо его успокоение или даже прощение. Только я ни в чем не виновата...

— Зачем обижаешь дочь и не пускаешь в тир? Девочки должны уметь постоять за себя.

Напряженные мышцы расслабляются, критический момент миновал. Яжимаю плечами.

— Увы, не всегда все можно решить оружием.

— Согласен, только не знаешь, хорошо это или плохо. Увы, мы далеко ушли от каменного века.

Нервный смешок размыкает мои плотно сжатые губы. Оттепель. Вот, на что это похоже. Разговор двух бывших знакомых, и вроде как никто не хочет вспоминать прошлое — но так кажется только на первый взгляд. Повисает пауза, и он нарушает молчание первым.

— Я все время хотел спросить, как ты после такой потери. Я вижу, что ты держишься, но, может, есть что-то, чего я не знаю и в чем мог бы оказать помощь?

Я не могу сейчас придумывать легенды, остается ответить правду.

— Восстанавливаюсь потихоньку. У меня есть прекрасный стимул жить дальше и двигаться вперед. Прошое уже не исправить.

— Ты очень сильная. Всегда такой была.

Как много неловких пауз, и как хаотично меняется мое самоощущение под взглядом человека, которого я когда-то любила до безумия и так же сильно боялась. Прикосновение ласкающих кофейных лучей потихоньку плавит лед тревоги, сердце пропускает несколько гулких ударов, но сейчас их природа совсем иная, как и волнение. Пять минут назад он мог меня обжечь холодом, сейчас же согревает своей благосклонностью. Изменчивы полярности нашего замкнутого мира, мало что поменялось за долгие годы.

— Я жалею об одном. — Настороженно вскидываю голову, готовая просить не говорить о прошлом, но он улыбается, оценив мое состояние. — Что сейчас мы не можем, как раньше, сорваться в ближайшую кофейню и провести там несколько часов в разговорах.

— Детки, — понимающе улыбаюсь в ответ.

— И не только. Журналисты с их жаждой сенсаций. Работа, которую никто за меня не сделает.

— Тяжело быть мэром?

— Тяжело. Но скажу тебе откровенно, я уже не мыслю своей жизни без этого.

— Помнится, ты говорил, что политика тебя не интересует.

— Все так меняется... А сейчас я не понимаю, как мог гореть бизнесом до такой степени, что упускал подобные возможности.

— Мне пора, — робко намекаю я, заметив Еву, которая машет рукой, прильнув к лобовому стеклу. Дима кивает, улыбка не сходит с его губ. Я уже успокоилась окончательно, наверное, даже жалею, что приходится прерывать разговор.

— Мне тоже, к сожалению. Ну, встретимся в тире?

— Непременно. Научишь меня стрелять. Мастер-класс от мэра!

Наши руки соприкасаются. Я вздрагиваю от инверсии сладкого тока, когда он оставляет на тыльной стороне моей ладони галантный поцелуй. Прикосновением губ он словно впитал в себя мою тревогу, и я не чувствую земли под ногами, когда иду к автомобилю, ощущая спиной его взгляд. Теряю его затем на долгие секунды, понимая, что он тоже развернулся и направился к своему транспортному средству. Сжимаю ладонью ручку и замираю, не в силах устоять от искушения обернуться.

Наши взгляды встречаются снова. Лед давно растаял, и сейчас в области солнечного сплетения пляшет маленькое солнышко. Какая-то неопознанная мелодия рождается внутри, вытеснив недавний страх, и я улыбаюсь искренней улыбкой — впервые за долгое время. Краски расцветающей весны становятся яркими, и напряжение последних дней улетает с порывами ветра прочь. Мне безумно жаль, что мы вынуждены сейчас прекратить обмен этими ласковыми ментальными поглаживаниями, но я открываю дверь и сажусь в машину, все еще улыбаясь счастливой улыбкой.

— Поехали. Ева, пересядь ко мне, — моя ладонь тянется к тонированному стеклу в неосознанном стремлении обрисовать его силуэт. Я не принадлежу сейчас сама себе, я не понимаю, что со мной, но знаю одно — мне это безумно нравится! Улыбаюсь на прощание, хотя он и не может меня увидеть, прижимаю к себе пересевшую на пассажирское сиденье Еву и позволяю себе зажмуриться, сохранив в памяти фотооттиск его доброжелательной улыбки.

...Тогда я еще не могла знать, что это был наш последний человеческий разговор. Безжалостный экзекутор снял данные с сенсоров своей будущей жертвы и унес их с собой для дальнейшей обработки. Подарил на прощание кратковременную иллюзию безопасности вместе с верой в хорошее, запустив бонусом бабочек подзабытой эйфории в кровеносную систему своей предполагаемой безропотной куклы, которая вскоре на своей шкуре ощутит все ужасы мести от оскорбленного хищника. Я не знала, что у меня немногим меньше недели, которую я проведу в уверенности, что мне ничего не угрожает, более того, мой враг почти стал другом. Я буду стогать в обители вспыхнувшей страсти, предвкушая что-то чудесное и пока что необъяснимое, и тем больнее мне будет падать с этой высоты, когда он явит свое истинное лицо...

Пока же я этого не знаю. Улыбаюсь, закрывая глаза, и в упор не замечаю под ласковыми шагами котенка возвращение опасного зверя. Робкая лисичка шагнула в свою смертельную ловушку, не заметив за сиянием золота прутьев тюремной клетки.

И, по правде говоря, открой мне сейчас кто-то на это глаза... пошлю на три веселых буквы, наплевав на любые доводы.

Не завидуйте и не подозревайте всех без исключения. В каждом есть свет, и я его зажгла.

Седьмой. Этот день — первый. Я летала в облаках и еще не знала, что таймер начал отмерять секунды до начала моего персонального ада прямо сейчас.

Четвертый. Это четвертый день с тех пор, как я объявил войну своему контролю, пытающемуся вырваться и ускользнуть из цепкого захвата пальцев, разорвать стальные прутья собственной клетки, оглушить своего тюремщика сокрушительным ударом.

Еще несколько лет назад ему бы это удалось, он так часто покидал сознание в самые неподходящие моменты с моего молчаливого позволения. Теперь же времена изменились. Политика в некотором смысле выковала мой характер, преподала бесчисленное множество бесценных уроков, иногда загоняя в настолько двусмысленные ситуации, что, не подключи я ясный разум и не захлопни свою ярость в дальнем отсеке сознания, просто не выстоял бы. Такие неожиданные сюжеты жизнь подкидывает довольно часто, буквально лупит по болевым точкам разрывными пулями с профессионализмом элитного спецназовца. Со временем ты в совершенстве овладеваешь искусством противостояния и даже находишь особое изысканное, доступное только избранным развлечение в балансировке на лезвии ножа в играх с самой судьбой. Тебе кажется, что ты практически раскрыл секрет бессмертия, победы превышают падения, вливаясь в кровь изысканным наркотиком под названием Власть. Есть в этом и что-то иное, что можно смело трактовать как Избранность.

Я все еще до конца не мог поверить, что находился так близко к ней, источнику своего безумия и самому жестокому оружию судьбы, которая выбросила черную перчатку с целью в очередной раз испытать меня на прочность. Это было равносильно подписанию контракта с дьяволом, но мне не впервой было ставить уверенную подпись на подобных документах, а кроме того, выдвигать свои ответные условия с хладнокровием профессионального юриста. Когда стечение обстоятельств открывает для тебя комфортный портал навстречу твоей мечте, которую ты не отпускал уже столько времени, ты не рвешься в бой напролом, как было прежде. Ты позволяешь себе остановиться, вдохнуть полной грудью, насытив легкие дурманом абсолютной власти, которая теперь окружает тебя неразрывным защитным полем. И ничто не в состоянии его разрушить. Она уже в тебе, в твоей крови, в твоём сознании, даже в твоём имени, голосе, каждом движении, убить ее невозможно. Даже если отнять ее атрибуты, власть навсегда останется частью тебя.

Юля — это наваждение, вызов и уникальная возможность получить то, что я всегда хотел держать в своих руках, отмечая метками абсолютного владения. Я впервые в жизни захотел остановить время, замедлить этот момент, зафиксировать его в трехмерном пространстве до каждой линии, каждой эмоции, малейшего трепета ее перепуганного сердца, микроскопических капель влаги на приоткрытых губах и в глубине зеленых глаз, в которых так удачно умел маскироваться страх. Говорят, если мгновение останавливается, оно перестает быть прекрасным — не стоит верить этим предположениям. Время не уменьшило яркости этой картины ни на канделу, я все еще ощущал ее прерывистое дыхание в опасной близости, на своей коже, в центре солнечного сплетения, наслаждаясь волнующей вибрацией, которая не подчинялась никаким законам, кроме моих собственных. Обдающий жарким теплом ее перепуганный, но от того не менее дерзкий взгляд, который она так пыталась удержать, не в состоянии контролировать трепет ресниц, выдающих ее с головой. Они, пряча расширенные зрачки, опускались вниз, куда и стоило направить взгляд и не поднимать его до моего соответствующего распоряжения... Храбрая взрослая девочка, ты никогда не умела смотреть в мои глаза и не дрожать, теряя остатки самообладания! Ты всерьез полагала, что тебе ничего не угрожает? Что одной улыбки маленькой копии Анубиса будет достаточно, чтобы тронулся лед и я так легко, играючи, вытравил из памяти каждый миг своей агонии вдали от тебя? Боже правый, Юляшка, ты действительно так думала?

Ты так отчаянно сжимала ее плечи, что я даже начал переживать за состояние здоровья твоей дочери. Я не могу и до сих пор с уверенностью сказать, чего ты в тот момент жаждала больше — выставить ее своеобразным живым щитом от своего будущего приговора, намереваясь воззвать к совести инквизитора и к его вероятному отцовскому инстинкту, или же, наоборот, спрятать от злобного дракона в моем обличии, не позволяя сделать даже малейший шаг навстречу. И я даже не знаю, что именно взбесило меня больше. Скорее всего, последнее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Если бы ты знала, как мне хотелось вцепиться в твои плечи почти аналогичной хваткой, сжав пальцы до боли, трясти до тех пор, пока ты не избавишься от своего долбанного страха за психику ребенка! А уже потом заполнить тебя настоящим ужасом, тем, в котором ты скоро захлебнешься, не в состоянии вздохнуть без моего разрешения, настоящим, а не надуманным и настолько приближенным к абсурду! Это могло бы показаться смешным, если бы не было столь грустным. Наверное, ты бы даже не удивилась, если бы я приставил ейк виску дуло пистолета на глазах у собственного сына, максимум, испытала бы удовлетворение от того, что я оправдал твои завышенные ожидания. Нет, даже твоего испуганного презрения оказалось недостаточно для того, чтобы я утратил контроль. Как бы мне ни хотелось накрутить твои роскошные волосы на кулак, с целью проветрить твои мозги (может, так наконец дойдет, что я не воюю с детьми?), я пошел привычным путем, поставив непроницаемый блок между моими истинными желаниями и проекцией того, что ты с радостью приняла за мои истинные мысли.

Всего лишь прием зеркальной визуализации с легкими поглаживаниями твоих щек, напряженной шеи, поцелуем кончиков дрожащих ресниц... Чего, в самом деле, ты испугалась, моя темная орхидея? Прошлого? Разве не очевидно, что оно больше не имеет над нами никакой власти, прошло достаточно много времени. Мы другие. У каждого спектр интересов сменил свою полярность, неужели можно все так же вздрагивать от страха и видеть во мне угрозу спустя семь с лишним лет?

Ментальная ласка с максимумом доброжелательности в улыбке, невесомое скольжение пальцев по гладкому шелку твоих волос — именно так, и никаких рывков до болезненного натяжения скальпа с теплым дыханием в твои полуоткрытые от тающего недоверия губы, минимум эротического подтекста, чтобы не испугалась раньше времени, в твоём-то постоянно подвешенном состоянии. Моя цель — окутать тебя иллюзорной лаской, так похожей на настоящую без любого тактильного контакта, усыпить твою бдительность одним долгим взглядом, в котором ты больше не увидишь тьмы. Не потому, что там ее нет, потому что я научился ее прятать. Несколько застывших минут — я не хотел, чтобы нас отвлекали, чтобы кто-то помешал мне прошивать твои нервы анестезирующей сетью мнимого умиротворения... Ева, Данил, по машинам. Мои телохранители научены не приближаться ко мне без крайней необходимости, надеюсь, твой охранник тоже не станет делать глупостей и добавлять тебе десяток штрафных очков своим неуместным вмешательством.

Как я понял, что мне удалось усыпить твою настороженность? Все просто. По твоему все еще прерывистому дыханию, но в этот раз ты просто пытаешься отдышаться после задержки кислорода, понимая, что опасность отошла на второй план. По твоей едва заметной смущенной улыбке — ты действительно сейчас в недоумении, почему же совсем недавно тряслась от страха рядом со мной, задаешь себе этот вопрос и не находишь на него ответа. Может, усталость? Гормональный сбой? Слишком много шума в игровом центре?

Или все-таки ненормальная мнительность, надо бы к психоаналитику, пусть пропишет витамины? Я не мешаю твоему подсознанию тасовать эти варианты. Я наблюдаю, как ты пристально смотришь в мои глаза, забыв недавнее желание спрятать взгляд в асфальт, ищешь в них отражение своих ночных кошмаров и не находишь. Еще раз робко поднимаешь ресницы, слегка прищурившись, контрольная визуальная оценка — нет, не показалось, нет никакой угрозы. Наверняка ощутила себя душой, а вслед за тем — практически впервые за все время после смерти Александра — позволила мышечному зажиму расслабить свою болезненную хватку и улыбнуться. Тебе было несложно поверить в то, что ты в безопасности, не потому, что в тот момент этого хотел я, ты сама устала бояться, а еще больше — доводить себя до предела своим страхом. Я помню, что происходит с тобой, когда тебя вдруг резко отпускает, спустя годы эта реакция особо не изменилась — вначале ты пытаешься сдержать улыбку, понимаешь, что не удастся, и на краткий миг в глазах появляются искры почти детского смущения. Нечто подобное я наблюдал несколько минут назад в глазах твоей дочери. Вторая фаза — тебе хочется замять эту неловкость, в данный момент разговорами, и я протягиваю тебе руку помощи. Несколько фраз о детях, чтобы ты расслабилась окончательно, о работе, почти искреннее сожаление — нет, я могу пригласить тебя в ресторан на кофе (хотя один щелчок пальцев, и журналисты сожрут свои лицензии), но это будет уже перебор на данный момент.

Кажется, замкнутая полусфера, которой я нас накрыл, в этот момент наполняется нереальным умиротворением — я даже сожалею, что твоя искренняя улыбка и тепло, которое почти физически ощущаю на своей коже, вскоре растворятся без следа и никогда уже не вернуться. Я не думаю о том, почему мне так легко удалось подчинить тебя своему гипнозу, почему ты так охотно капитулировала. Я пойму позже, что часть меня действительно этого хотела.

Гладить нежную кожу твоих высоких скул. Высекать искры убивающей, но не физической боли от слабых пощечин. Протянуть пряди темного шелка твоих волос через свои пальцы, чтобы прикоснуться к ним губами, вдохнуть твой глубокий аромат, который не перебить никаким эксклюзивным парфюмом. Резким рывком намотать их на кулак, чтобы ты не смогла устоять на ногах, а я подумаю, удерживать тебя на весу этим грубым захватом или позволить опуститься на колени, где твое истинное место. Прошептать в твои приоткрытые губы, как сильно мне тебя не хватало все эти годы, и прикусить их до крови, насилуя яростным поцелуем, чтобы не смела дышать памятью о нем... о том, кому позволила так легко отнять себя у меня!

Ты не заметила этого колебания, хаотичного переплетения света и тьмы — ну, я не зря тренировал свою силу воли. Ты улыбалась и даже сделала неуверенный шаг ближе. Тебе было комфортно в ласковых лучах созданной мной иллюзии. Я даже подозреваю, что ты за последнее время издержалась значительно сильнее, чем я предполагал изначально, буквально до такой степени, что была рада поверить любому ласковому слову. Даже если бы мне пришлось в голову оставлять на твоей коже кровоточащие надрезы, и при этом смотреть в глаза, шепча, словно мантру, «ты в безопасности», — ты бы истекла кровью в твердой уверенности в искренности моих слов и с улыбкой на губах. Это было запредельное удовольствие — вскрывать твою тонкую защитную оболочку нежным касанием пальцев без ненужных усилий, проводить ласкающим поглаживанием поверх пульсирующей мышцы твоего напуганного сердечка, чувствуя, как оно успокаивается под моими пальцами, как выравнивает свои толчки в унисон моему пульсу, принимая тепло как высшую благодать — в

твоём мире согревающие лучи означали отсутствие любой опасности. Я мог в этот момент сжать его в своей ладони, сминая, раздавливая, останавливая навсегда, а мог просто накрыть своим теплом, и ты бы не ощутила никакой разницы.

Моя светлая орхидея, тебе так быстро надоело быть сильной и воевать с собой и окружающим миром, спасая свой рай? Ты настолько отвыкла от необходимости защищать себя и своих близких, что готова была обмануться коварной инсценировкой показательного дружелюбия? Ты даже несколько разочаровала меня этим падением вниз, которое наверняка считала полетом собственной победы или благосклонностью судьбы.

Когда-то я бы весь мир отдал и отказался от собственных принципов за одну из таких вот твоих улыбок. Сейчас даже ее смущенный трепет и проблеск ранимого доверия в глубине твоих глаз, который ты так хотела спрятать, не произвели на меня ровным счетом никакого впечатления. Уже ничто не могло деактивировать запущенную против тебя программу, моя дорогая девочка: ни игривая улыбка твоей очаровательной дочурки, ни твоя сносящая крышу уязвимость, от которой на миг все же сжалось сердце, ни твоя улыбка, словно демо-версия того, что ты теоретически могла мне дать, не вынуждая проводить тебя по кругам ада. Наверное, в моей расписанной как минимум на год вперед перспективе вообще не фигурировал сценарий счастливого совместного будущего рядом с тобой. Необходимость твоих слез и непрекращающихся страданий стала своеобразной вакциной от той пустоты, которую после нашего расставания не удавалось заполнить никому. Она прорастала, оставляя выжженную пустыню вместо тех чувств, что я так не хотел отпускать, цепляясь за них с отчаянием конченого мазохиста, постепенно вытесняя их отголоски. Было бы слишком банально, если бы я по истечении времени просто закрыл на это глаза и сумел удовлетвориться твоей робкой улыбкой и предложением мира. Банально и больно. Мне. Месть? Возможно, но не совсем в своем классическом значении. Мне не за что было мстить именно тебе. Так сложились обстоятельства, которые потребовали жертвоприношения на алтарь взамен на смягчение своего прессинга. Только познав смертельный холод опустошения, ты начинаешь ценить ласку огня, и наоборот. Еще никогда я не испытывал подобной уверенности в правильности своих действий, практически понимая, что это будет значить одно: я не найду тебя снова. Я потеряю тебя в очередной раз, не оставив никому из нас шанса, но, возможно, это будет единственная возможность покончить с затянувшейся одержимостью раз и навсегда. Пройти по шагам собственную боль, выпить до полного утоления жажды твою и таким образом избавиться от этого мистического заточения в плену собственных демонов.

Ты так быстро поверила в то, во что я заставил тебя поверить! Даже не сочла нужным контролировать себя и сдерживать собственные порывы, закусывая губы, вздыхая от облегчения и возможного предвкушения чего-то чудесного. Твой страх после получения неправомерной и не имеющей законного статуса индульгенции сменился неуместной эйфорией. Именно она развязала твой острый язычок, зажгла веселыми искрами уставшие зеленые глаза, распрямила твои плечи, залил румянцем высокие скулы. Ты вообще отдаешь себе отчет, насколько красива в такие моменты, сколь сильна твоя аура веры в абсолютное добро? Ты могла бы брать города в подобном состоянии, и мне весело было иронизировать на эту тему. Ты могла даже заткнуть за пояс меня, окажись мы конкурентами в предвыборной гонке. И если бы на моем месте оказался кто-то другой, ты бы превратила его сердце в жидкий воск в первые минуты вашего общения.

Я не стал тебя разочаровывать и разубеждать в иллюзорности безопасности. Я лишь

усилил это чувство поцелуем твоей подрагивающей ладони, мысленно пронзая зубами сеточку тонких подкожных вен и тут же вливая через касания губ новый наркотик иллюзии, не позволив тебе ощутить рывок пока еще сидящего на цепи зверя.

Ты не шла, ты летела к автомобилю, гордо расправив плечи и безуспешно пряча улыбку в норковый воротник жакета, так эротично облегающего твою все такую же точеную фигуру, иногда непроизвольно замедляя шаг, не желая терять защитного поля обманчивого тепла и безопасности. Ты чувствовала кожей мой взгляд — я не мог отказать себе в удовольствии мысленно, разрывая по шву, сорвать с тебя эту меховую защиту, добраться до шелковой ткани блузки, которую так легко сдернуть одним захватом ладони, отнюдь не нежным нажимом на затылок опрокинуть тебя на колени прямо на асфальт... наблюдать, как расцветают на коже обнаженной спины графические пересечения красных полос с каждым прикосновением розги или стека, оставляя мой персональный автограф на всей твоей сущности! Но ты еще находилась под действием иного наркотика, интерпретируя этот взгляд как начало чего-то чудесного и волшебного. Не скрывала своей улыбки, обернувшись перед тем, как сесть в машину, ловила мой взгляд, ощущая на расстоянии мое прикосновение, позволяя гладить свое окончательно успокоившееся сердце. Я знал, что последует дальше, я догадывался, насколько ты осмелеешь, когда нас разделят тонированные стекла.

Плавься в этих лучах, согревай свое издерганное сознание — мне мало интереса от тебя загнанной и испуганной. Ты мне нужна полная сил и отчаянного сопротивления, которое так сильно заводит. Может, позже ты сочтешь эту поблажку моей милостью, и я даже не стану тебя разубеждать. Лучше, если ты никогда не узнаешь, что я всего лишь перенастроил свою жертву на выгодную мне волну...

Четыре дня. Четыре дня, как я веду бой за сохранение своего самоконтроля и благополучно выигрываю. Просматриваю подготовленную моими персональными юристами документацию с визами высших чиновников, получить которые обычному смертному недопустимо, а для подобных мне — дело нескольких часов. Я даже сам этим не занимался, мне некогда, у мэра душа кровью обливается за вверенный ему город.

Ленивый набор номера. Я злорадно усмехнулся собственному отражению в бликующем оконном стекле.

— Илья, я выполнил часть своей сделки. Два с половиной месяца, и ты сможешь оформить покупку. Жду завтра в приемной, нужно согласовать еще несколько вопросов. Твоя вторая мама еще не вернулась?

Выслушав ответ, я с трудом подавил дрожь возбуждения в напрягшихся пальцах. Лед стучал о стенки бокала, когда я привычно плеснул виски и поднес его к глазам, любясь подсветкой шпиля Госпрома. В этот раз — изумрудно-зеленой, под цвет тех самых глаз, которые совсем скоро станут еще ярче от непрекращающихся слез. Мне нужно было избавиться от соблазнительной картины, которая не покидала воображение с тех пор, как я узнал, что Илье удалось с легкой совестью отправить Юлю с дочерью на Маврикий. Выступающие позвонки ее напряженной от боли спины, алые полосы на загорелой гладкой коже, еще сохранившей аромат тропического солнца и привкус соли Индийского океана будут радовать мой взор. А надрывные всхлипы в изгиб руки я буду слушать до тех пор, пока она не утратит голос в процессе осознания своей единственно правильной роли только рядом со мной и только в моих руках...

Юля

— Извращенцы! — с веселой иронией резюмировал Илья, подтянувшись на балке для

фиксации цепей и вытянув ноги вперед, подобно воздушному гимнасту. Я в который раз за день закатила глаза и опустилась в мягкое кресло одной из игровой комнат клуба, позволив себе кратковременную передышку.

Кравицкий-младший с первого дня, когда переступил порог своего печально и неожиданно приобретенного имущества, заставил всех без исключения, и меня тоже, уронить челюсти на пол. Полдня на изучение документации, еще полдня, чтобы вникнуть в специфику клуба, и уже к вечеру он принес мне краткий бизнес-план по улучшению функционирования заведения со стратегией охвата иного сегмента потенциальных клиентов.

— Подвал? — задумчиво покачал головой Штейр. — Стилизация под застенки инквизиции? Определенно, что-то в этом есть!

— Алекс был против, и я его в этом поддерживаю, — у меня с самого утра раскалывалась голова, и я лишь вяло отмахивалась от, как мне казалось, излишне радикальных нововведений. Может, всему виной была та страничка бульварного интернет-издания на мониторе Влады, которую она в спешке не успела свернуть. Теперь понятно, почему она смотрела на меня как на представительницу Олимпа в то утро, не поддавшись даже обаянию Ильи. Две огромные фотографии занимали первую полосу. Первая запечатлела нас в профиль: я на парковке, вцепившись обеими руками в плечи Евы с выражением перепуганного ребенка на лице, и господин мэр во всей своей красе с улыбкой безоговорочного победителя. На второй же фотографии он предстал во фраке и бабочке подле обаятельной женщины (я ее поначалу не узнала из-за очередной подтяжки кожи) в алом вечернем платье — оба с бокалами шампанского в светлом зале с высокими колоннами. Мне бы пожать плечами, сделать вид, что меня это не касается, добежать до кабинета и просмотреть уже там, но я излишне резким движением накрыла ладонь секретаря, метнувшуюся было к мышке, чтобы самой прокрутить вниз и пробежать глазами короткую статью, от которой подзабытый выброс ледяного инея вновь атаковал мой многострадальный позвоночник, а горло сжало тисками негодования, и... нет, я не хотела себе признаваться в том, что значила вторая эмоция, накрывшая грозовым фронтом мое успокоившееся было сознание.

«Было или не было?» — гласил заголовок. С чувством усилившейся рези в висках я пробежала глазами первый абзац.

«На открытии детского развлекательного центра «Игроленд» мэр Харькова Дмитрий Лавров был замечен в компании Юлии Кравицкой, вдовы покойного мецената и общественного деятеля, бывшего вице-консула Украины в Швейцарии Александра Кравицкого. По непроверенным данным, они покинули парковочную площадку вместе и отбыли на бронированном «Порше Кайен» Лаврова в неизвестном направлении. В тот же вечер на премьере оперетты в ХАТОБе господин мэр окружил повышенным вниманием владелицу медиа-холдинга Ольгу Навроцкую. Напомним, что госпожа Навроцкая недавно развелась со своим супругом, олигархом Игорем Навроцким, и в данный момент так же, как и госпожа Кравицкая, является обладательницей миллионного состояния. Таблоиды замерли в ожидании: кто же из двух женщин окончательно завоюет сердце самого желанного холостяка Украины — роковая красавица и бизнес-леди Юлия Кравицкая или королева высшего общества, мультимиллионерша Ольга Навроцкая...»

Я нервно хихикнула, не обращая внимания на раскрасневшуюся Владу. О детях ни слова, стало быть, по словам прессы, мы рванули с парковки трахаться, напроць забыв о своем потомстве, а в «Игроленде», наверное, в игрушки играли и катались на детском паровозике.

На том, как полоснуло практически ножом по сердцу упоминание имени Навроцкой, которая при наших с ней столкновениях на парочке раутов задирала нос, я старалась не акцентировать внимание. Мне захотелось на миг сказать Владе что-то ядовитое в стиле «займись делом», но я вовремя прикусила язык, вспомнив, как толковая и преданная референт покидала клуб вместе со мной за полночь, чтобы ввести меня в курс дела, и как возложила на себя обязанности, за которые я, кстати, ее так и не отблагодарила. Выпишу ей тринадцатую зарплату, и Штейру тоже, заслужили.

— А младший толковый, — восхитился Юрий, когда на следующий день мы застали невероятную картину: двое зрителей клуба не знали, куда деть глаза, переминались с ноги на ногу, а Илья, лениво постукивая пальцами по перилам лестницы, распекал их со спокойным видом.

— Я еще раз повторяю, — даже я помимо воли восхитилась, осознав, как он похож на отца в этот момент, — кто дал вам право обсуждать клиентов клуба в курилке, подобно двум престарелым сплетницам? Вы пришли работать на рынок Барабашова, я вас спрашиваю, или в собес?

Оба мужчины что-то лепетали в свое оправдание, но Илья был непреклонен.

— Это нарушение устава, и к вам обоим будут применены штрафные санкции.

За четыре дня своего вступления в законные права владельца пасынок заменил часть оборудования новым, выбив гибкие условия оплаты и систему скидок у наших поставщиков, заметил, что давно не проводилось публичных тематических мероприятий и пообещал по окончании месяца предоставить на рассмотрение несколько вариантов.

— Поезжай отдыхать, — сказал он мне однажды утром, когда я едва не упала со стула от хронического недосыпа и усталости. — Я более-менее во всем разобрался, если что, Юрка подстрахует.

— Сильно я отдохну, если буду переживать за клуб?

— Обещаю отчитываться каждый вечер о проведенных мероприятиях! — приложил руку ко лбу Илья. — К тому же пресса от тебя отцепится. Особенно с учетом новой сессии горсовета и тем фактом, что господин мэр остался в Харькове...

В последние дни со мной вообще творилось что-то невообразимое. Противная тревога, которая не оставляла меня с того самого момента, как я увидела его на билборде, постепенно растворялась, словно утренний туман под ласковыми лучами весеннего солнца. Она еще не прошла окончательно, скорее, трансформировалась в нечто иное — предвкушение чего-то хорошего, умиротворяющего. Иногда я мысленно переносилась в наше с ним общее прошлое и не отказывала себе в некогда запретном удовольствии испытать греховное волнение с разливом сладкой неги по всему телу. Единственное, что я моментально пресекала, так это разгул фантазии, которая уносила в новые запредельные дали черно-красного вожделения. Наверное, к этому я еще долго не буду готова.

Я так и не поняла, как позволила Илье с легкостью уговорить меня вырваться на пять дней на отдых вместе с Евой. В нем, оказывается, было гораздо больше от Алекса, который тоже умел убеждать с первых слов. Стоило набрать моего туристического агента Полину и поинтересоваться, что она может мне предложить, как я буквально воодушевилась от ее слов. Маврикий. Конец сезона, горящая путевка в Super Deluxe отель, пять дней первозданного рая вдали от цивилизации! Уникальный шанс хоть немного привести свои нервы в порядок и развлечь дочурку, с легкой руки позволив Илье навести порядок в клубе. На радостях я отправила Полину в один из своих магазинов выбрать себе подарок за

роскошное предложение, а счета, документы и калькуляции перестали пугать своими цифрами и количеством. Я играючи справилась с работой, выписала премиальные Владе и Штейру и тем же вечером упаковала чемоданы. Ева находилась на седьмом небе от счастья, не давала мне проходу, подкарауливала в каждом углу и кидалась на шею, смеясь и осыпая поцелуями. Наш рейс отбывал в полночь, и сегодня мое нахождение в клубе было наполнено волнующим ожиданием отдыха. Мыслями я была уже на роскошном пляже с ослепительно белым песком, а ласковые волны, казалось, уже целовали мои ноги, и даже слегка гнетущая обстановка коричнево-бежевой игровой комнаты клуба не могла развеять эту приятную иллюзию.

— Наверное, этого не пойму никогда, — Илья прекратил свои эквилибристские выверты на балке для крепления цепей и лениво размял мышцы шеи. — Зачем приковывать, если никто на самом деле не собирается отсюда бежать? Если сабмиссив дал свое согласие на игру и в любое время может воспользоваться стоп-словом?

— Все гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. — Я давно оставила попытки пояснить ему суть Д/С, мне хватало того, что он делал свою работу на отлично. — Никакого практического значения цепи, по сути, не имеют, потому что никто не вправе лишить тебя добровольного согласия, как ты правильно заметил. У них мощный психологический эффект, усиливающий внутреннюю уязвимость нижнего партнера в десятки раз. Это трудно передать словами, насколько сильно меняется твое мировоззрение при каждом щелчке карабина, при одном осознании, что ты перестаешь принимать решения и во всем отдаешься воле своего доминанта. Именно эти оковы держат тебя в самом роскошном полете из всех, что ты можешь себе вообразить, в такие моменты ты хочешь только одного: чтобы их с тебя никогда не снимали.

— Аминь! — закатил глаза Илья. — Изыди, сатана, не искушай подростка без меры! Я убежденный атеист, и ваша религия не для подобных мне!

— Ну что ты, ни в коем случае, — я потянулась в кресле и едва не хихикнула, когда парень практически отдернул ладонь от висящей на стене «кошки», словно она обжигала жаром. — Захочешь поговорить, я всегда поясню. Если, конечно, готов выслушать.

— Да это не принципиально. Знаешь, что самое основное в работе рекламного агента? Это непредвзятость. Я с детства терпеть не могу молоко, но если мне нужно продать товар, я буду изображать оргазм на лице, потребляя его литрами на камеру! И никто не узнает, что потом меня вывернет наизнанку от этого, потребитель сметет его с полок. Главное правильно подать. Я вот подумал, может, нам ввести дресс-код? Латекс и кошачьи маски. Представь, как будет весело!

Я едва не захлебнулась приступом смеха, представив Штейра в латексном комбинезоне.

— Рекламный агент, говоришь не по делу! От тематического люкса до пошлой дешевки — один шаг!

— Нет, ну Влада выглядела бы просто бомбически в таком наряде!

— Влада замужем и такой же скептик относительно Темы, как и ты. Надеюсь, у тебя хватит благоразумия не превратить клуб в место празднования Хэллоуина в мое отсутствие.

— Не бойся, мамуля, Кравицкий у руля и знает свое дело! Лучше поезжай домой и попробуй поспать, а то отдых проспичь. Еще и перелет.

Я все же уехала — мне по-прежнему было некомфортно в вечернее время, когда клуб заполнялся посетителями. Сердце сжималось от тоски, когда я наблюдала за счастливыми парочками и выстраивала мысленную защиту вокруг себя, чтобы отсечь ментальные атаки

домов в поиске сабы. Максимум, на что меня хватало — на обмен любезностями и пожелание приятного времяпрепровождения. Тот момент, когда все расходились по игровым комнатам, был самым тяжелым. Со смертью Алекса я утратила это чувство полета-предвкушения навсегда.

Перелет вовсе не показался мне утомительным. Я едва не закружилась по залу аэропорта вместе с Евой, когда мои ноги вновь коснулись земли.

Апрель на Маврикии — завершающий месяц высокого туристического сезона, основной пик обычно приходится на январь-март. Жаркий климат сглажен повышенной влажностью, погода меняется несколько раз в день — можно застать яркое солнце, переменную облачность и даже дождь, что совсем не мешает наслаждаться отдыхом на этом райском островке в Индийском океане. Усталость от ночного перелета больше не ощущалась, мы поспешили заселиться в роскошный номер-люкс и позавтракать в ресторане морской кухни — никто из нас не мог усидеть на месте, бирюзовые волны призывно манили, а ласковое солнце без удушающей жары вместе с приятным бризом обещало сделать отдых незабываемым.

Я потянулась на удобном шезлонге, отложив книгу в сторону, и приложила ладонь ко лбу, вглядываясь в очертания пришвартованной невдалеке яхты с командой для дайвинга на борту. Отсутствие высоких волн и комфортная температура воды делали этот вид спорта лишенным какого-было риска, и я, поколебавшись, доверила дочь профессиональной команде детских инструкторов по подводному погружению. Непрерывная кайма коралловых рифов образует здесь безопасные лагуны для погружения не только в дневное, но и в ночное время суток. Сама же я наметила себе на конец отпуска более экстремальный вид дайвинга — с внешней стороны рифов, за так называемым «периметром», не менее захватывающий. Там под водой огромные мраморные пещеры, скалистые плато и подводные гроты, но течение в таких местах очень сильное. На третий же день я смело наметила себе первоначальные уроки серфинга в бухте Тамарин.

Время остановилось на этом чарующем побережье. Волны тихо набегали на песчаный пляж, перекатывая мельчайшие песчинки, похожие на сахарную пудру, ветер шелестел в высоких пальмах первозданной рощи, а далекие очертания великолепных гор тонули в низких облаках. Все осталось в иной реальности — дождливый апрель, тонны документации, необходимость тотального контроля и чувство вины за то, что я провожу с дочерью так мало времени. Я поднялась, сладко потянувшись, намеренно игнорируя восхищенный взгляд немолодого мужчины с нордическими чертами лица, и медленно вошла в воду, слегка поежившись от прохлады на разгоряченной коже. Когда ее уровень достиг груди, поплыла, рассекая волны руками, не в силах оторвать взгляд от подводной панорамы, подсвеченной ласковыми лучами. Как мало надо, чтобы тревога навсегда покинула сознание, уступив пальму первенства захватывающей эйфории! Всего лишь нырнуть, распугав стайку ярко-синих рыбок, подхватить большую раковину на выступе ближайшего рифа, вынырнуть на поверхность, запрокинув голову, подставив лицо лучам приветливого солнца, перевернуться на спину, позволив ласковой воде удерживать тебя на весу, разглядывая зубчатую раковину. Может, там прячется уникальная черная жемчужина? Жаль, что я не смогу это проверить, здесь законом запрещен вывоз предметов и кораллов, несанкционированно поднятых со дна моря. Я заплываю далеко, не в силах оторваться от панорамы подводного мира и с неохотой поворачиваю обратно, заметив пристальное внимание пляжных спасателей на вышке. Акулы сюда в это время года не заплывают, но

проверять эту теорию, пожалуй, не стану. К тому же яхта дайверов уже швартуется у пирса, и я не успеваю выйти из воды, как Ева со счастливым смехом кидается мне на шею. Ее глаза блестят, она едва ли не захлебывается от эмоций.

— Мама, мама! Там желтые рыбки! И рыбка Немо! А еще ежики под водой, они шевелились! Я дышала в трубочку, а еще мы их сфотографировали! Давай еще нырнем вместе?

— Обязательно, мое золотце! — счастье моей любимой малышки передается мне, захлестывает, подобно волнам и лучам летнего солнца, и я прижимаю ее крепче.

Мы проводим на пляже весь день, израсходовав почти весь запас солнцезащитного крема. Эффектный ариец нарезает вокруг круга, его не смущает даже присутствие ребенка, которая окрестила его «Гендольфом», мы не можем удержаться от смеха, когда он как бы невзначай проходит мимо нас.

Вечером мы все же знакомимся. Олле из Колдена. Ева увлечена цирковым представлением на сцене в зале отеля, за окном накрапывает мелкий кратковременный дождь, а я расслабленно пью martini, выслушивая неловкие комплименты на ломаном английском. Ему ничего не светит, несмотря на спортивное тело и пронзительные голубые глаза. Случись со мной здесь даже Александр Скарсгард, испытал бы на себе все прелести украинского динамо. Я отдыхаю с дочерью, и никто не в силах мне помешать. Наверное, я не скоро буду готова даже к ничему не обязывающей курортной интрижке, о более глобальном варианте вероятных отношений вообще говорить не стоит. Тема мужчин закрыта в моей жизни на неопределенный срок.

Следующий день мы с Евой снова проводим на пляже, а после обеда отправляемся на экскурсию посмотреть водопад, оттуда — в Порт-Луи, где приобретаем себе изумительно красивые сари и специи, завершаем визитом в музей Голубого Маврикия, чтобы полюбоваться на почтовые марки, старые морские карты, картины, скульптуры, гравюры, старинные документы, рассказывающие об истории Маврикия. Ужинаем в семейном ресторане «Нандо», побаловав себя десертами. Приятным сюрпризом стала встреча с семейной парой из Киева, и мы договорились завтра вместе посетить Шамарель, оценить дюны семицветных песков. По словам Людмилы и Антона, ничего красивее они еще не видели, это одно из лучших мест Маврикия. И вот уже следующим утром мы вновь забиваем карту памяти сотней фотографий чарующей достопримечательности близ деревни Шамарель. Земля здесь обнажилась, и на склоне холма дождь и ветер вырезали удивительный узор в виде волн разных оттенков красного, коричневого, фиолетового, зеленого, голубого, пурпурного и желтого цвета. Поначалу кажется, что эффект разноцветья создают скользящие тени, но через какое-то время становится понятно, что цвета являются реальными, а тени были иллюзией. В этот день мы на пляж даже не попали, доверили Еву профессионалам игровой зоны, а сами вместе с Людмилой провели в роскошном спа.

Этот отдых стал для меня одним из самых незабываемых, потому что я буквально запаслась внутренней силой и умиротворением. Экскурсии, первые уроки серфинга в Тамарине, глубоководное погружение — я даже не испугалась акул, настолько красочно и живописно было в этом уникальном подводном мире. Я уже жалела, что взяла тур всего на пять дней, и собиралась упросить Полину найти возможность продлить мое пребывание здесь, но моим планам не суждено было осуществиться. Утром пятого дня, который я и не считала завершающим, пребывая в полной уверенности, что туристический агент обо всем договорилась, грянул гром.

Этим утром мы с Евой и земляками отправились на Олений Остров — потрясающей красоты место с великолепными пляжами и неправдоподобно лазурным морем, где вода настолько чиста и прозрачна, что невольно кружится голова. Именно здесь, под сенью пальм, с изумительно вкусным мохито в руке, меня застал звонок Штейра.

— Юля, у нас большие проблемы. — Голос управляющего дрогнул. — Я мало что сам понимаю, но все это очень напоминает рейдерский захват клуба. Я прошу тебя, возвращайся.

Я была настолько расслаблена и счастлива, что оглушительно засмеялась и расправила плечи — за мной уже час как наблюдал молодой мулат с точеными чертами лица.

— Юра, ну какой рейдерский захват... Мы же не палатка с шаурмой на вокзале!

— Судя по всему, у нас новый собственник.

Я обомлела и едва не поперхнулась напитком. Сознание не желало воспринимать услышанное. Какой, на хрен, новый собственник? Собственник — я!

— Подожди... как это возможно? Что говорит Илья?

В трубке повисла мучительная пауза. Казалось, Штейр пытался подобрать слова, чтобы излишне меня не травмировать. Но когда он заговорил, по моему позвоночнику прошла дрожь убивающего холода.

— В том-то и дело, Юля. Он говорит, что я никто, чтобы он отдавал мне отчет в своих действиях, и угрожает вышвырнуть отсюда, если я не впущу их на порог...

Глава 10

У меня даже укладка не пострадала, чего не скажешь об этом гребаном пижоне, решившем закосить под волка с Уолл-стрит. Галстук съехал в сторону, прилизанная прическа растрепанна, на тыльной стороне ладони багровый отпечаток от моих ногтей. Куда делась эта показательная невозмутимость скучающего аристократа! Тонкие губы дрожат, на щеках алеют пятна, вот-вот лопнет от ярости и возмущения.

— Если вы не успокоитесь, мне придется позвонить в милицию!

— Завали хлебальник, а то сейчас полицию вызову! — Леди Юлия в нокауте, не переходя дорогу взбешенной тигрице, жалкая шестерка. Документы рассыпаны по столу, часть их свалилась на пол, я предупреждающе вскидываю руку, выставив указательный палец: — Сел, ушлепок, пока я не отстрапонила тебя до кровавых соплей в комнате боли!

Мои пальцы дрожат, лихорадочно перебирая бумаги из его папки, взгляд хаотично мечется по расплывающимся строчкам каких-то непонятных доверенностей с упоминанием третьих сторон в поиске основного. Твою мать, я в упор не вижу ничего!..

— У меня распоряжение не раскрывать инкогнито нового владельца клуба до того момента, как...

Я жму на кнопку громкой связи.

— Влада, пришли ко мне Штейра с самым большим кляпом, гость любитель хард-версии! Что с Ильей?

— Юлия, он не снимает трубку, постоянно на дозвоне...

— Твою мать! — я жму на вызов своего телефона. «Возьми трубку, долбо*б!»... Наверняка от моего ментального агонизирующего вопля половина пользователей сотовой связью схватилась за телефоны, по которым никто им не звонил. Атмосфера в кабинете раскалена до предела, меня выбивает мелкой дрожью по всем системам организма с эпицентром в разрывающемся сердце, пальцы дрожат, глаза застит пелена едва сдерживаемой ярости. Офигевший от моей агрессии посетитель притих и втянул голову в плечи, весь показательный лоск слетел к черту, нижняя губа дрожит, а в глазах натуральный

страх. Мне на него плевать, я пыталась говорить с ним по-хорошему, такой метод до него не доходит. Поддеваю носком модельной лодочки документ с пола, подбросив в воздух и подхватив на лету... кажется, это оно! То, что я так долго искала!

Время зависает, словно предупреждает меня о том, что не стоит в спешке переворачивать страницы, оно хочет уберечь меня от еще большего стресса на последних замерших миллисекундах, отсрочить неизбежное, дать мне последний раз вдохнуть глоток свободы спасительного неведения... мне плевать на его благие намерения! Я решительно переворачиваю страницу, скольжу взглядом вниз, к пункту «подписи сторон»...

Нет, мир не переворачивается сразу. Можно сказать, он впрыскивает мне прямо в вену несколько кубиков пофигизма и эмоционального героина, позволяя со скрытой эйфорией стоцентной мазохистки перечитать имена этих самых сторон. Илья Кравицкий, пупсик е**ный, и...

Мой хохот бьется о стены просторного кабинета, я падаю в кресло, зажав рот руками. Самая натуральная истерика, которую я не в состоянии остановить! Ужас в глазах гонца, принесшего плохое известие, сменяется запредельной паникой, отчего новый приступ смеха практически сгибает меня вдвое.

— Господин Дмитрий Лавров! Да е**ть тебя в глотку!..

И как только этот поцарапанный обсос, не помню его должности, не перекрестился и не потребовал не упоминать имени своего персонального бога всеу! Наверное, испугался возможного контрудара сатаны в моем обличье.

— Не, ты серьезно? Мэр? А Маркиз де Сад что, обанкротился, не осилил?

Дверь едва не вылетает, когда в кабинет врывается Штейр. Мне хочется спросить, почему он без кляпа, но истерика не проходит, я хохочу до боли в брюшных мышцах, тыкая пальцем в размашистую подпись нового совладельца своего клуба. Он с лишенным эмоций невозмутимым взглядом быстро выхватывает графин с минеральной водой в центре стола, руки по-хозяйски достают из бара стакан. Представитель вражеской стороны вскакивает, что-то возмущенно лепеча, но ледяной взгляд Юрия отправляет его в еще более глубокий нокаут

— Вам я пока что настоятельно советую помолчать! — болезненный захват моих волос у самых корней, стук стекла о зубную эмаль, я не успеваю возмутиться и зашипеть от боли — холодная вода вливается мне в горло, рефлекторно сглатываю, гася истерику. Штейр знает свое дело. Хватка в волосах ослабевает, сменяется ласковым поглаживанием ладони по затылку, и я непроизвольно поддаюсь ауре доминантного давления, только сердце колотится, как ненормальное, дыхание вырывается сквозь стиснутые зубы с пугающим шипением, а буквы на документах прекращают отплясывать рок-н-ролл, постепенно возвращаясь на свои позиции.

— Позволишь? — легкий нажим поверх моего подбородка, и я ловлю ласковый поглаживающий взгляд Штейра. — Все хорошо, моя девочка. Дыши, мы вместе во всем разберемся... Давай, глубоко. Несколько раз...

Он берет документ, не дожидаясь моего согласия, а я, кажется, завидую Ассаи белой завистью. Его ладонь продолжает успокаивающе поглаживать мой затылок, а глаза внимательно скользят по строчкам договора. На волевом, словно высеченном из камня, лице не вздрагивает ни один мускул. Когда он оканчивает чтение, в его глазах по-прежнему сложно что-то прочесть. Теплая улыбка согревает, успокаивая, и я, кажется, вижу в ней легкую иронию.

— Ну и ну. Дориан Грей би бэк? — Я моргаю, не понимая смысла сказанных слов, а Юра спокойно возвращает документ на стол, продолжая держать зрительный контакт и улыбаться. — Юля, ты подписывала что-либо подобное?

— Н-нет... — потрясение еще не отпустило, только колотит мелкая дрожь, а сознание отрицает новую информацию.

— Точно? Вспомни, на Маврикии случайно не уснула на поле с героином, не учила правописанию зеленого эльфа, розового жирафа и Иосифа Сталина в красных трусах?

Его голос источает умиротворение и ласку, и я непроизвольно улыбаюсь этой шутке:

— Нет, я бы такое точно запомнила...

— Вам все понятно, уважаемый? — Штейр продолжает гладить мои волосы и не отводит взгляда, не считая нужным поворачиваться к юристу Лаврова. — Я не знаю, что вы там курите вместе с Лавровым, но игнорирование законов не освобождает от ответственности. Я, конечно, не адвокат и не прокурор, но прекрасно знаю, что без согласия второй стороны никакая сделка купли-продажи не могла быть осуществлена. Или нам стоит пригласить сюда своих адвокатов?

— У меня есть документ, подтверждающий, что ее голос не играет весомой роли! — Надо же, этот укурок еще что-то пищит.

— Я еще раз повторяю. Покиньте здание клуба и прекратите пороть чушь. Наш многоуважаемый мэр в курсе, что вы наехали на женщину, прикрываясь его именем?

— Да я могу прямо сейчас его набрать и...

— И сделать его восходящей звездой «ютуба» как политика-отморозка со сферой интересов, которая, мягко говоря, пойдет не на пользу его политической карьере?.. — Юра все же оборачивается к нему. — Я вас пока что прошу покинуть помещение. Вы формально вторглись на чужую территорию. Или вас проводить в травмпункт, чтобы обработали рану перекисью водорода?

Я бросаю быстрый взгляд через плечо Штейра, мои ногти конкретно расцарапали этому пижону руку.

— Обойдусь. Верните мне документы.

— И речи быть не может, — весело улыбается Штейр. — Вы принесли их показать, и мы их не вернем, пока не изучим. Юлия Владимировна — занятая дама, к тому же не обязана все бросать по щелчку ваших пальцев и разбираться в этом беспределе. Их просмотрит личный адвокат семьи Кравицких, можете так и передать господину мэру.

— Вы незаконно отобрали...

— Это ты незаконно вторгся сюда, — Юрий, кажется, теряет терпение и переходит на «ты», демонстрируя свое презрение: — даже если случится чудо и окажется, что твой клиент действительно собственник части клуба, ты тут никто. Обычная гопота в дешевом костюме, который слишком много смотрел американских фильмов, а посему полагает, что его никто не вправе вышвырнуть отсюда. Давай, поднимайся, нам нужно работать. Можешь так и сказать господину мэру, если, конечно, он имеет хоть малейшее понятие, о чем идет речь!..

Я растерянно наблюдаю, как Юрий подталкивает мужчину к двери и аккуратно поворачивает ручку до щелчка. Что я чувствую в этот момент? Страх? Панику? Нет, скорее недоумение, чувство нереальности происходящего оберегает психику от рокового удара.

— Это какая-то ошибка, — я отрицаю это, качаю головой, бессмысленно тыкая пальцами в отдельные абзацы. — Я же не подписывала ничего подобного! Это полнейший абсурд! Мэр? Да он станет эпицентром политического скандала, если это откроется!

Штейр медленно подходит к бару, наполнив два бокала коньяком, возвращается к столу и протягивает один мне. Наверное, я не срываюсь в истерику и не поддаюсь панической атаке потому, что аура его властного спокойствия, уникальной подавляющей силы и уверенности накрывает меня куполом такой необходимой сейчас защиты. Коньяк обжигает губы — кажется, я все же искусала их в момент максимальных переживаний, но я не замечаю мимолетной боли, делаю быстрый глоток и прислушиваюсь к ощущению приятного согревающего тепла. Юрий не произносит ни слова, собирает со стола беспорядочно разбросанные документы и начинает беглое ознакомление. Ничего не меняется на его сосредоточенном лице, пока он перебирает документы, а я молчу. Наконец в его ледяных глазах пробегает тень тревоги — быстро, молниеносно, но я успеваю засечь это изменение, и купол защиты сотрясается под новой атакой, только чудом выдерживает.

— Это твоя подпись?

Лихорадочно сглатываю коньяк, не успев насладиться приятным привкусом полыни и кардамона, подаюсь вперед. Чувствую, как сердце делает мертвую петлю, замирая от тревоги.

— Моя... то есть... она очень похожа на мою... но я ее не ставила! — внезапная догадка бьет наотмашь в виски, тянусь дрожащими руками к сумке, неожиданно быстро отыскав магнитный ключ от сейфа, отмахиваюсь от предупреждения Штейра не делать резких движений. Мои руки трясутся, когда я набираю код доступа и прикладываю оттиск ключа. Моментальное облегчение на миг выключает панику. Факсимильная печать-подпись на месте, даже припала пылью — я не помню, когда в последний раз ее использовала. Нажимаю, провожу пальцами — даже чернила засохли, не оставляют следа на коже. Значит, ее никто не трогал, дубликата нет. Закрываю сейф и обессилено падаю в кресло, осознав, что облегчение было неуместным — трогали печать или нет, не имеет значения, ведь подпись стоит.

— Не стоит нервничать раньше времени, Юля! Если ты ее не ставила, это подтвердит любая графологическая экспертиза. Дата подписания соглашения стоит в день твоего отъезда, но у нас наберется несколько свидетелей того, что ты не отлучалась и ничего не подписывала!

— Как сказать. Я свалила в шесть и попробуй докажи, что сладко спала перед ночным рейсом! — почему ступор не в состоянии длиться долго? Я бы с удовольствием продлила этот психологический анабиоз как минимум на сутки, пока не смогу разложить свалившуюся ситуацию по полочкам и связно мыслить! Вздогнула от звонка.

— Да, Влада?

— Телефоны Ильи отключены. Кроме того, звонил адвокат Лаврова, завтра хотят направить к нам команду для оценки и инвентаризации...

— Вот как? Знаешь, соедини-ка меня с приемной мэра! Прямо сейчас! — я нажала отбой. Штейр нахмурился.

— Юля, не стоит принимать поспешных решений. Ты сейчас не в том состоянии, чтобы адекватно вести переговоры...

— Переговоры? Какие, на хер, переговоры? Единственное, что я буду с ним вести, это... это... огонь на поражение, бл*дь! — не знаю, как я удержалась, чтобы не сжать в кулаке подвернувшийся под руку документ, Юра вовремя успел накрыть его ладонью.

— Я прошу тебя, сейчас вызови семейного юриста. Скорее всего, он подтвердит, что сделка недействительная, а я думаю, мэр сам не заинтересован в подобном черном пиаре,

поэтому все можно будет решить полюбовно.

— Штейр, ты с луны свалился? Ты вообще понимаешь, кто он такой?! Ему плевать! На всех нас, на какую-либо огласку, на законы! Ему даже этот клуб в пыль не тарахтит, так, очередная блестящая деталь под капотом «кайена», не больше!

Ярость никогда не исчезает без следа. Если она запустила в твое сознание свои металлические щупальца, ничто не в силах помешать этому вторжению. Максимум — остановить ненадолго, и только для того, чтобы твой мозг не отключился от недостатка кислорода, когда ты задерживаешь дыхание, пытаешься помешать желанию начать мстить немедленно. Почти физически ощущаю, как мышцы сковывает льдом отчаянной решительности. Я была не готова к подобному удару судьбы, даже когда в спешке покидала отель Маврикия и старалась не напугать Еву; когда, провалявшись вторую половину ночи без сна, собрала экстренное совещание в клубе в шесть часов утра, не в состоянии поверить услышанному, — до тех самых пор, пока в кабинете не появился этот нахальный юрист. Впрочем, мне и сейчас было сложно в это поверить.

— Да я прекрасно знаю, кто он. Я даже помню, как он впервые здесь появился и едва ли не жался по углам от шока, называя себя Дорианом Греем. Как видишь, не все так страшно!

— Я не разделяю твоего оптимизма! — повтор набора номера Ильи, и механический голос сообщает, что аппарат абонента отключен. — Если эта тварь здесь появится, прятаться по углам будем уже мы!

— Приемная мэра, вторая линия! — сообщила Влада.

— Спасибо, Владочка. И будь добра, вызови Евгения Раздобудько, пусть как можно скорее приедет в офис, и прихватит помощника по разделу имущества! — я нажала кнопку отбоя.

— Администрация господина Лаврова, добрый день, Оксана, — виски сдавило болью от отмороженно-вежливого голоса секретаря. Мне захотелось на нее наорать, чтобы выбить хоть какое-то подобие эмоций, но я лишь сильнее сжала в пальцах карандаш, представив, что это шея собеседницы.

— Оксана, добрый день, беспокоит лично Юлия Кравицкая. Будьте добры, соедините меня с Дмитрием Валерьевичем. По очень срочному вопросу.

— Я приношу свои извинения, но в данный момент это невозможно, у господина Лаврова нет возможности переговорить с вами.

— Она у него появится, просто сообщите мое имя!

Штейр покачал головой, не одобряя моих действий, но мне было на него плевать в этот момент.

— Я очень сожалею, но вы не сможете с ним переговорить. Но можете договориться о встрече, это будет возможно только в середине мая...

— Просто скажи, кто ему звонит, ты оглохла?! — карандаш с треском раскололся надвое в моих ладонях. — Прямо сейчас! Мне учить тебя работать?

— Госпожа Кравицкая, — в голосе женщины зазвенел лед. — Боюсь, вы не поняли. Господин мэр не желает вести с вами телефонные переговоры! Всего хорошего.

— Сука! — процедила я, уставившись на трубку, в которой запикали гудки отбоя. — Он не желает со мной разговаривать! Ты это слышал? Мне предложили записаться на прием через неделю!

— Юля, этого стоило ожидать. К тому же в таком состоянии мне самому некомфортно с тобой вести беседу! — Непонятно как, но Штейру всегда удавалось гасить мою

зарождающуюся истерику одной своей улыбкой или вовремя сказанным словом. Я моргнула, уставившись на сломанный карандаш в своих пальцах, и благодарно улыбнулась управляющему, который наполнил бокал новой порцией коньяка. — Я тебе предлагаю сейчас дождаться адвоката и не нервничать до его появления. Все равно это не пойдет на пользу. У тебя есть предположения, где мог спрятаться Илья?

— Как бы вообще не в Ницце, — в тот момент я все еще не предполагала, насколько близка к правде. — С этим ушлепком у меня будет отдельный разговор. Ничего святого, даже воля отца!

— Постарайся успокоиться, — От взгляда Штейра теплая волна обманчивого спокойствия прошла по позвоночнику, деактивируя тревогу, запуская установленную им программу. Он поднял бокал: — Выпьем за то, чтобы это недоразумение уже к вечеру было разрешено.

До приезда Раздобудько я попыталась нырнуть в работу. Удавалось плохо. Телефон Ильи безнадежно молчал, и я, поколебавшись, все же позвонила Лере, чтобы изложить суть проблемы. Если я ее и шокировала (а скорее всего, именно так и было), она ничем этого не выдала, велела ни о чем не переживать, настраиваться на разговор с адвокатом и поручить розыск пропавшего сына ей. Штейр не отходил от меня ни на шаг, пытаясь отвлечь и не позволить сорваться в истерику.

Спустя час я выслушала вердикт Евгения Наумовича. И его слова еще больше все запутали. При всех доказательствах, говорящих в мою защиту, адвокат все же был настроен крайне скептически.

— Юлия Владимировна, если бы мы могли провести графологическую экспертизу в специализированных центрах Европы, говорить бы ни о чем не пришлось. Но суд не примет эти данные к сведению. К делу могут быть приобщены только данные лаборатории города.

— Который под колпаком у мэра.

— Мы можем попробовать это сделать, но 90 % из ста, что подпись будет подтверждена. Начинать судебную тяжбу против него — посмотрим правде в глаза, пустая трата сил и нервов, они сотрут вас в порошок.

— Что же вы предлагаете мне делать?

— Договориться. Просто встретиться лицом к лицу и попробовать прийти к компромиссу. Вы же понимаете, что Лавров не допустит никакой огласки, тем более в суде? Если вы придете к соглашению, мы найдем варианты, которые позволят впоследствии выкупить часть обратно.

Яростное «ничего себе, и этому юристу доверял Алекс?» гаснет на моих губах. Да, доверял. В Европе мэру за подобное мошенничество с бумагами давно бы объявили импичмент, здесь же наоборот: все, к чему прикоснулись руки представителя абсолютной власти в городе, перестает подчиняться законам. Кажется, я готова разрыдаться, когда за ним закрывается дверь, несмотря на обнадеживающие слова.

Штейр уговаривает меня уехать домой, выпить успокоительного и выспаться. Я почти готова капитулировать, даже не понимая, что согласна следовать любому ненавязчивому приказу мужчины с доминантным складом характера. Конечно, между нами никогда ничего не сможет быть, и он не пользуется своим положением, ну разве что в исключительных случаях, когда мне нужна защита, пусть даже от себя самой. Уехать следует. Потому что от отчаяния и безысходности я готова разреваться прямо в кабинете — вердикт Роздобудько плавит мозг, я, как никогда, осознаю всю правоту его слов. Раньше я полагала, что деньги в

состоянии застраховать абсолютно от всего. Это роковое заблуждение. Без связей и власти они не значат ничего, особенно если играть против такого как Дима.

Я не готова сдаваться, хотя, видит бог, мне до чертиков страшно, я в шаге от того, чтобы ворваться в приемную мэра и шарахнуть на колени в слезах, далеко не наигранных. Вся боль от потери Алекса рисковала превратиться в слова, словно это могло разжалобить Лаврова и заставить аннулировать сделку. Мне нужно было сделать хоть что-то, чтобы вырваться из оков захлестнувшего страха, может, даже пообещать вести себя тише воды и ниже травы, по крайней мере до тех пор, пока не увижу новый выход. Я вновь набираю приемную и едва не кричу, уловив в словах секретаря нотки вежливого сожаления. Впрочем, ее отношение не меняет сути — если мне и суждено переговорить с ним по телефону, то не в этой жизни, точно.

Какие-то проблемы с подготовкой «Зазеркалья» для вечерних гостей заставляют Юру отлучиться. Их должна была разрешить я, но в этом состоянии мало что получится. Впрочем, одна идея есть — я открываю электронный календарь ближайших светских мероприятий. Те, где мы теоретически могли столкнуться с новым царем Харькова, отмечены красным — тогда я это сделала для того, чтобы меньше с ним пересекаться, сейчас же искривленная латинская V чуть ли не ключ к вероятному просвету в этой пелене грозových облаков. Сегодня? Корпоратив в честь дня рождения телевизионного канала, судя по всему, того самого, который в предвыборной гонке занимался раскруткой политической платформы новоявленного мэра. Жму на иконку, быстро пробежав глазами. Я бы пришла в восторг еще совсем недавно от одного упоминания, что приглашена группа «The Hardkiss», но сейчас я вряд ли их замечу, даже если они посвятят мне свой новый хит. Присутствие мэра подтверждено. Может, еще не поздно? Набираю номер генерального директора телеканала, чувствуя, как ненормальная аритмия запускает новую военную операцию по уничтожению моих нервных клеток.

— Крапивин, спешу поздравить с юбилеем, Юлия Кравицкая. Всеобъемлющего вам эфира и высочайших рейтингов! — он приятно удивлен и рассыпается в ответ в благодарностях, а я из последних сил пытаюсь убедить себя в том, что некоторое напряжение-заминка в его голосе мне показалось. — Я вот недавно с отдыха, пришлось вылететь раньше, горю желанием поздравить непревзойденного создателя прекрасного канала лично! Мое приглашение затерялось в бумагах, и я, кажется, забыла напрочь подтвердить свое присутствие. Но если еще не поздно...

— Ах, Юлия, если бы немногим раньше... — мое сердце сжимается стальными тисками от этих слов. Я умею видеть скрытый смысл. — Я узнаю, что можно сделать, но боюсь, все места заняты... Мне так жаль, как я это упустил...

— Я заеду поздравить на час, если вы не против, только скажите: вы все еще любите коньяк или перешли на гавайский ром? Не нужно никакого места за праздничным столом, у самой работы выше крыши. Ну так что? Не позволите фейс-контролю держать меня в дверях?

— Юлия, а давайте сделаем даже лучше! Как насчет завтра? Ужин в любом ресторане, который вы назовете. Так ведь гораздо приятнее, нет излишнего шума?

— Ох, Виталий, боюсь, завтра буду ночевать на работе и никак не вырвусь, сегодня выдался вечером час свободного времени... Ну так как?

В трубке повисает напряженная пауза. Я даже не удивляюсь, когда Крапивин, поколебавшись, раскрывает все карты:

— Юлия, дело в том, что ваше присутствие на мероприятии нежелательно. Это личная просьба человека, которому не принято отказывать. Мне жаль, но вы сами все понимаете. Будь моя воля, я бы лучше его на порог не пустил.

— Нежелательно? — вся кровь ударяет мне в лицо, а комната плывет перед глазами. — С каких пор я стала персоной нон грата?

— Мне действительно очень жаль.

— Ладно, Виталий, в этом нет вашей вины, и я все понимаю. Еще раз поздравляю, всего вам наилучшего.

Штейр вошел незаметно. Наши взгляды встречаются, и я понимаю, что у меня дрожат губы, а глаза полны непролитых слез. Он даже ничего не спрашивает, понял все по отдельным фразам разговора.

— Я вызвал Бориса. Только что звонила Валерия, Илья вернулся домой. Юлия, ты помнишь, что не в наших правилах сдаваться? Только отдохнуть, завтра будет новый день, и мы дадим бой с новыми силами. Сейчас прекрати доставать мэра и поговори с пасынком. Может, все не столь ужасно, и еще есть возможность повернуть ситуацию вспять.

Меня трясет, просто выбивает последней информацией. Штейр аккуратно накидывает мне на плечи теплую пелерину, успокаивающе погладив по волосам. Очнусь я только в машине, и даже успею немного прийти в себя, перед тем как приеду домой и начнется новый виток кошмара под названием «выяснение отношений».

Валерия нервно тянула вино из бокала и сжимала губы. Только сейчас я заметила, что они у нее тонкие и злые. Ева давно заснула, Юлия выпила успокоительного, которое ни черта не помогло, а Илья с видом скучающего золотого мальчика сидел в кресле и, судя по выражению его лица, особых мук раскаяния в содеянном не испытывал.

— Хорошо! Если тебе легче от этого станет, подумай своей хорошенькой головкой, «мама»! Почему ты видишь в этом какую-то трагедию? Человек, который знал отца и имеет полное представление о специфике клуба! Представитель абсолютной власти в городе, ты не видишь перспектив, которые перед тобой открываются? Да он поднимет его до такого уровня, который тебе и не снился! Кроме того, я не имел никакого права продавать свою часть тебе или писать дарственную, но нового собственника эти правила не касаются! Вы что, не договоритесь между собой? Да я почти уверен, что он отпишет его на тебя уже спустя несколько месяцев — его уважение к Александру бьет все пределы!

— Стало быть, ты заботился о моем благополучии, Илья? — таблетка все же действовала. Хоть меня и крыло всеми параллелями от ужаса до ненависти, я умудрилась не повышать голос. — Что тебе еще рассказал наш многоуважаемый мэр? О том, как уважал меня, полагаю, тоже?

— Давай не будем делать из меня отрицательного персонажа! Ты прекрасно знала, как я отношусь к тем извращениям, что происходят в клубе!

— Может, выльешь на меня ушат святой воды, а заодно на могилу Алекса, чтобы выгнать всех извращенных бесов?

Валерия поднялась с дивана. До того она хранила патрицианское спокойствие, но сейчас, по-видимому, достигла своего предела терпения.

— Твой эгоизм, Илья, просто верх идиотизма. Я полагала, ты давно вырос, но сейчас, смотрю, правильно поступила, не допустив тебя к управлению активами. Я даже готова закрыть глаза на то, что ты предал память отца ради этого водоплавающего куска железа. Я не могу понять, чем ты думал, когда, подобно крысе, втихую провернул эту сделку, в

законности которой я очень сомневаюсь! Ты хоть раз подумал головой, зачем мэру — заметь, публичному человеку с идеальной репутацией! — понадобилось прилагать такие усилия для того, чтобы заполучить клуб?

— В Европе, Лера, это обычная практика.

— В Европе, но не у нас, где подобная сделка грозит крепким политическим скандалом! Я думаю, ты все прекрасно понимал, но тебе было глубоко плевать на то, что подвел Юлю под удар! Ты, кроме яхты и девочек в бикини, больше ничего не видишь, я не понимаю, зачем тебе эксклюзивное высшее образование с подобным складом ума!

— А я не понимаю, почему обязан загонять себя в рамки и быть тем, кем ты хочешь меня видеть! И что плохого в том, что я не желаю сутками прозябать в офисе без солнечного света с отпуском раз в год и состоянием, которое будет лежать мертвым грузом! Это ты с отцом всегда лепила из меня идеального финансиста-бизнесмена, но моего мнения по этому вопросу никто не потрудился спросить! Может, я хочу наслаждаться жизнью и прожить ее так, чтобы перед смертью было о чем вспомнить! Ты называешь меня эгоистом, но кто тогда ты сама, которая с детства загоняла меня в рамки выгодной только тебе программы? Кстати, Юля, ты в этом вопросе тоже не отошла далеко — ты называешь меня партнером, но тебя не волнует, что мне от этих цепей с плетями хочется вымыть потом руки и глаза с кипятком! И только потому я не поставил тебя в известность, что ты со своим глупым упрямством не способна видеть дальше собственного носа! Это было дело отца. Ты правильно сказала, у меня дело свое — я хочу путешествовать на собственной яхте и наслаждаться свободой. Я что, тяну тебя за уши на эту стезю?

Я закрыла глаза. Бездна неотвратимо приближалась, не хватало совсем малого, чтобы столкнуть меня в пропасть новой ужасающей реальности.

— Илья, покинь мой дом. Немедленно.

— Без вопросов, Юля. Я завтра же вылетаю в Ниццу и занимаюсь оформлением документов на яхту. Можешь сказать спасибо Лере, которая не пожелала жать на рычаги и приблизить очередь, хотя ей это ничего не стоило. Мир не без добрых людей, как оказалось.

— Паршивец, — процедила сквозь зубы Валерия.

— Называй меня, как хочешь, Лера. — Сейчас, в свете сказанного, панибратское обращение к матери по имени на западный манер показалось мне чуть ли не оскорблением в его устах. — Но я все же надеюсь, что скоро вы обе поймете, что я действовал только в Юлиных интересах. И ты, Юль, мне спасибо скажешь. Ну, а мой тебе совет — поласковее с господином мэром, и скоро клуб перейдет полностью в твои руки. Прояви гибкость, в общем, я же знаю, что ты умеешь!

Когда я начала плакать, вздрагивая от обмораживающего холода, не замечая успокаивающих объятий Леры? Хотелось верить, что именно тогда, когда Илья хлопнул дверью и куда-то унесся, скорее всего, праздновать такую удачную для него сделку с совестью. Сухие рыдания царапали горло, новая реальность ворвалась в ослабевшее от потрясения сознание и медленно уничтожала его оборонные баррикады своим неумолимым фатумом. Я не могла даже рассмотреть шокирующих тизеров своего скорого обреченного будущего, они пролетали перед глазами черными тенями пугающей пустоты, заставляя сердце сжиматься от запредельного ужаса. Глаза застила пелена светонепроницаемой повязки, я практически ощущала на волосах ее затягивающийся узел, на шее — удушающую петлю фантомного ошейника, который уже начал сжиматься, перекрывая кислород. Пока еще совсем осторожно, словно изучая пределы поправшейся в хитро расставленные силки

жертвы, без малейшего сочувствия и благородства, с холодным интересом лишнего каких-либо чувств исследователя.

— Юля! Мы обязательно что-нибудь придумаем! Не бывает безвыходных ситуаций, — шептала Лера, пока я тряслась в силках накрывшего кошмара, мысленно прощаясь со всем, что мне было так дорого прежде. — Просто постарайся лечь спать, еще ничего не понятно и не ясно!

— Ты знаешь, кто это?! Ты забыла, что он уже раз со мной сделал? Я не выдержу снова! Лера, что-то же можно сделать, отказаться принимать наследство, аннулировать подписи... да если бы кто другой, вообще бы вопросов не было, почему именно он?! Что я ему сделала?..

— Юля, все это в прошлом, именно оно так сильно тебя пугает. Ты ни в чем не виновата и он не может этого не понимать! Все будет хорошо, поверь мне, вы поговорите, и мы даже вместе посмеемся над твоими ложными тревогами. Просто ложись спать, вот увидишь, завтра все станет на свои места! У тебя просто нервный срыв, резкая смена климата и усталость...

— Ничего не в прошлом... ты не видела, как он смотрел на меня! Словно хотел...

— Это все игры твоего сознания. Тебе нужно выспаться и прийти в себя! Никто не сложил руки, запомни, и тебе я тоже не позволю!

Я все еще плакала, когда Лера заставила выпить меня две капсулы со снотворным и успокоительным, по-матерински укрыла одеялом, подоткнув его под ноги. Кажется, она даже массировала мои стопы, пока они не согрелись, и убеждала в том, что завтра все разрешится.

Но назавтра ничего не разрешилось. Я провела два часа в приемной горсовета, пытаюсь достучаться до референта мэра — меня только чудом туда пропустили, видимо, Оксана Николаевна, так звали эту эффектную женщину, все же сжалилась надо мной. Мэр не появился в назначенное время, а мне пришлось уехать в клуб, где юристы Лаврова занимались оценкой приобретенных владений. Смотреть на это было выше моих сил, я попыталась убежать в текущие проблемы по работе, но это удавалось из рук вон плохо. Снова попытки дозвониться в приемную Лаврова, неудачный подкуп его юриста дорогим коньяком в обмен на просьбу набрать личный номер босса — бесполезно. Я не могла даже сбежать домой, опасаясь, что испугаю дочь.

К вечеру панический ужас и ожидание апокалипсиса неожиданно уступили место надежде на лучшее. Так устроена человеческая психика — рано или поздно она устает все время работать в аварийном режиме и находит иллюзорную лазейку, переключив на миг перегревшийся процессор на резервные платы питания. Несмотря на усталость, я заставила себя вернуться в привычный круговорот жизни с ее маленькими радостями. Чашка ароматного кофе в чешской кофейне. Подвеска Сваровски в виде половины сердца — я не смогла устоять перед мягким мерцанием граней. Огромный плюшевый заяц для Евы. Я бросала вызов новой свалившейся на меня реальности? Нет, я лишь пыталась рассчитать силу собственных легких и выдохнуть как можно больше кислорода, насытить свои клетки энергией — пусть на кратчайший срок, до первого удара приближающегося цунами, чтобы выдержать хотя бы его. О том, сколько их еще будет, я могла только догадываться.

Помогла ли мне эта отчаянная попытка бегства от реальности, когда я уже знала наперед, что так, как прежде, больше не будет? Провалы чернеющей бездны иногда обретали четкие очертания, выныривая из беспечной атмосферы вечного праздника торговых центров

черными дырами — пока что им было не под силу затянуть меня в этот омут приближающегося кошмара, но реальность с наслаждением извращенного садиста показывала мне безрадостные картины предстоящего противостояния. И то, термин «противостояние» был нереально оптимистичным.

Резкие качели сменяли друг друга, от желания забиться в угол раненым котенком, обливаясь слезами бессилия и вспоминая о существовании бога, который просто не мог допустить подобного поворота, до вспышек какого-то нереального просветления. Мои мысли со скоростью света перескакивали в иное русло, когда я вспоминала нашу последнюю встречу на парковке возле «Игроленда». Посветлевший оттенок кофейной тьмы. Чувство невероятного умиротворения, которое погасило мою тревогу. Запредельную нежность во взгляде, обращенном к сыну — так легко было убеждать себя в том, что он стал другим, и никому больше не сможет причинить зла. Говорят, дети меняют мужчин до неузнаваемости. Тогда почему молчит и не выходит на связь, заставляя сгорать час за часом на костре агонизирующей надежды? А может, просто опасается травмировать своим неизбежным появлением, дает возможность прийти в себя и успокоиться? И нет никакого кошмара во всем происходящем, я его себе действительно придумала, опираясь на трагический опыт... Что однажды он появится в клубе, я не успею даже испугаться перед его появлением — все решат его слова о том, что он всего лишь хотел мне помочь, дать опору и поддержку, снять часть проблем с моих хрупких плеч, тащить на себе клуб такого формата — не женское дело. Будет смотреть в мои глаза в своей обычной манере, но больше не заставляя умирать от смертельного холода; я не увижу платиновых бликов в бездне кофе-лайт, там будут медленно догорать и возрождаться снова искры неприкрытой ласки и нежности, а от его улыбки больше никогда не возникнет желания забиться в самый темный угол...

...«Как? Ты не шутишь? Ты действительно именно так сказала? “Страпон и комната боли”? Я бы дорого отдал, чтобы увидеть лицо своего юриста в тот момент! У тебя, случайно, не пишут здесь камеры? Очень жаль! А ты совсем не изменилась, ты всегда боролась до последнего за свой мир и за все, что тебе было дорого! Прости, что заставил тебя нервничать столько времени от этой неизвестности, просто боялся напугать. А секретаря уволю, я не давал распоряжения игнорировать твои звонки! Илья так тебе и сказал? Юля, он все понял верно, я не понимаю, почему ты ему не поверила! Я всегда знал, что тебе нужна моя поддержка, крепкое плечо, и теперь все это у тебя будет в полной мере!».

«А почему меня так трясло эти дни и продолжает крыть паническим ужасом? Что, поясни, со мной не так? Мне больно сейчас обижать тебя этими словами, но почему я ждала именно того, что ты воткнешь мне нож в спину и будешь спокойно наблюдать за моей агонией?»

«Ты просто устала быть сильной, и в этом нет ничего страшного и постыдного. Просто отдай эту необходимость мне, потому что я смогу с ней справиться за двоих. И зря ты злишься на Илью, он умный парень, и всегда желал тебе только добра. Знаешь, как он сопротивлялся моему предложению, пока я не поклялся оберегать тебя ценой собственной жизни?»

«Я просто не понимаю... что дальше и почему надо было идти таким тяжелым путем...»

«Дальше только то, чего захочешь ты сама. Я буду рядом в ожидании любого твоего решения, моя девочка. И в этот раз в буквальном смысле.»...

В такие моменты спасительного безумия мне действительно становилось легче. Перепуганная и уставшая птичка прекращала биться в силках, покорно позволяя птицелову погладить ее крылышки, перед тем как дверца клетки захлопнется. Иногда эта иллюзия становилась настолько реалистичной, что я репетировала отдельные фразы перед зеркалом и засыпала, уверенная в благополучном исходе.

Ночью я часто просыпалась в панике — мне снилась темная тень с окровавленным ножом в руке и удавкой, которая тянулась к моей шее. Я гладила фотографию Алекса, дрожа от страха, умоляла прийти в мои сны и помочь советом, но он никогда не приходил. Зато я иногда видела в них Диму. Он ничего не предпринимал, просто наблюдал за мной со смесью злорадства и равнодушия. От этого взгляда я, кажется, кричала, потому что появление тени казалось на этом фоне детскими шалостями.

Что делала я? Не мешала своре его людей составлять описи и изучать документы, пыталась дозвониться в приемную, практически умоляя секретаря соединить, несколько раз бессмысленно просидела в длинном коридоре — меня не пустили в приемную на этот раз. Паника нарастала, силы были на исходе.

Что делал он? Ничего. Не появлялся в клубе. Не отвечал на звонки. Ни разу не вышел из коридора, когда я бесцельно теряла часы в ожидании — видит бог, «пошла отсюда» для меня на тот момент было бы предпочтительней неопределенности. На третий день я стала бояться собственной тени.

— Так долго продолжаться не может, ты убиваешь себя, — заметил Штейр, когда я едва не свалилась на пол от сильного головокружения. — Звони Лаврову. Это уже перешло все границы.

— Я эти три дня только этим и занимаюсь!

— Другому Лаврову. Его отцу.

— С требованием поставить сына в угол и всыпать ремня?

— Пусть организует вам встречу. Он тебе в этом не откажет.

— Последний раз я с ним говорила, когда мы похоронили Сашу... а до того вообще год назад, когда с очередным назначением поздравляла...

— Это не имеет значения. Просто сделай это и перестань доводить себя до подобного состояния!..

Глава 11

День, когда моя планета сошла со своей орбиты, словно в издевку, был теплым и солнечным. С обилием приятных мелочей: счастливым смехом Евы, запахом свежесваренного кофе, просмотром фотографий с нашего недавнего отдыха и планами на приближающиеся выходные. Не содрогалась земля под каблуками моих модельных туфель, шелковистое прикосновение тончайшего чулка к коже ног не опалило огнем адской бездны, скорее, я наслаждалась всеми этими привычными вещами, не обращая внимания на повисшую в воздухе тревогу, потому что сегодня пугающая меня неизвестность должна была закончиться раз и навсегда. Рассматривала ли я хоть малейшую вероятность того самого кошмара, который столько раз уже переживала в своем воображении и который уже успел выпить все мои силы с упоением пробудившегося от столетней спячки вампира? Если бы я вновь начала на нем заикливаться, можно было бы смело закрываться в собственной комнате, забаррикадив дверь всей имеющейся в наличии мебелью. Куда сильнее меня обеспокоил тот факт, что утром мой голос сел.

Я покрутилась перед высоким зеркалом и пережала пальцами пульсирующую венку в

шейной впадинке. «Все хорошо, ты просто перенервничала!» — вышло почти шепотом, но я была сильно взволнована предстоящей встречей, чтобы показаться доктору перед визитом в этот храм Сатаны под названием «мэрия».

Валерий Лавров не задавал лишних вопросов. Может, потому, что уже все знал? Так же не стала задавать их и я относительно чудесного воскрешения Димы. Тем не менее я поразительно быстро успокоилась, услышав в его голосе почти отеческое тепло. Он подоброму отчитал меня за то, что не обратилась к нему раньше и потеряла так много сил (судя по моему же голосу), на мои попытки пояснить суть вопроса уверенно сообщил «разберетесь», обозвал сына неисправимым трудоголиком и велел ожидать своего звонка. Его я дождалась только к вечеру и едва не расплакалась от нахлынувшего облегчения, дрожащей рукой записывая в ежедневник время приема.

10:00. Поскольку сегодня не приемный день, мне не придется ожидать в очереди и вообще светиться на глазах у публики. Я выпрямила плечи и провела ладонями по мерцающему графитовому шелку стильного костюма «Армани» из последней коллекции. Приталенный пиджак не предполагал наличия блузы или топа, собственно говоря, он не предполагал даже нижнего белья, ни одна модель «инвизибл» не смогла справиться с поставленной задачей, и в итоге я отбросила эту идею. Узкая юбка из такого же шелка до колена облежала бедра второй кожей, в ней трудно было делать широкие шаги, но благодаря ей походка не уступала дефиле лучших топ-моделей мировых подиумов. После смерти Алекса я хотела утопить в бассейне Валерию, которая силком потащила меня в тренажерный зал, но сейчас, любуясь в зеркале своей стройной фигурой, я мысленно поблагодарила ее за это. Кристалл Сваровски ярко мерцал на загорелой коже и прекрасно гармонировал с цепочкой из белого золота с вкраплением бриллиантов, уместившись в ложбинке груди над V-образным вырезом. Я не стала завивать свои волосы в крупные волны, оставив их сбегать темной выпрямленной волной до самой талии. Макияж был практически невесомым, я подчеркнула только глаза и скулы. В ушах бриллиантовые гвоздики, немного бесцветного блеска на губы, капелька моих любимых (еще бы, эксклюзивных) духов на точки пульсации для эффекта невесомого шлейфа.

На что я тогда так беспечно рассчитывала? По прошествии времени я сама не знала, что же ответить себе на этот вопрос. Соблазнить его одним своим видом, заставить упасть к моим ногам вместе с документами на передачу права собственности? Деактивировать своей сексуальностью и таким образом настроить на выгодную мне волну? Или доказать, что я его не боюсь, насладиться триумфом победительницы, которая поманила золотым сиянием собственной внешности исключительно в садистских целях, подчеркивая таким образом, что захватить клуб — не значит заполучить его обладательницу? Почему мне так важно было показать себя крутой и несломленной, особенно в свете того, что совсем недавно я готова была упасть на колени и умолять не прессовать меня ожиданием?..

В то утро ничто не предвещало первого этапа моего персонального кошмара... вернее, его ожидание висело в воздухе, но сегодня я была уверена в собственной победе или же вероятности компромисса. Как легко было опутать себя сетями самообмана! Может, мне действительно хотелось видеть именно то, чего нет, воскресив в памяти последнюю встречу и удерживая эту иллюзию обеими руками, не понимая, что у меня не хватит сил держаться за маленький буюк под натиском огромных штормовых волн? Я была так уверена в себе, что смело шагнула вперед. Потом буду не раз задавать себе этот вопрос: а сложилось бы все по-иному, если бы я не стала устанавливать свои правила и покорно ожидала его появления,

вместо того чтобы форсировать встречу? Я никогда не узнаю на него ответа. Сейчас же мантра «лучше сделать и жалеть, чем не сделать» была настолько сильна, что я обняла Еву, подумав, что вернусь к ней совершенно иной и больше не дам ощутить мою тревогу, поручила Штейру провести собеседование с новым соискателем на должность смотрителя и спокойно села в автомобиль, не отказав себе в удовольствии насладиться приятным весенним солнцем. Ветер еще был холодным, погода менялась по несколько раз в день, но я подставила лицо его ласкающим лучам и улыбнулась, погасив приступ паники. Я сейчас не имела никакого морального права на слабость.

10:44. Руки Бориса уверенно открывают дверцу «лексуса», шпильки туфель упираются в гладкий асфальт, перед тем как я не выхожу, нет, выпархиваю из автомобиля с грацией Наоми Кэмпбелл и только тогда отпускаю руку телохранителя. С длинными волосами, глубоким загаром и постройневшей фигурой я действительно на нее похожа. Делаю несколько уверенных шагов — для меня сейчас словно включился эффект замедленной съемки, которую так любят на подобных моментах кинематографисты. Мне не нужно оборачиваться по сторонам. Я боковым зрением вижу, как троица мужчин прервала разговор, обернувшись в мою сторону, как замедлили шаг прохожие, даже как компания подростков потянулась за телефонами, слышу скрип шин по асфальту и сигнальный гудок, а по спине глядят невесомыми прикосновениями жадные взгляды. Я получила свою утреннюю дозу восхищения, но без одной ключевой фигуры триумф не будет полным. Я широко улыбаюсь охране, изучившей мой паспорт, прохожу через ряд металлоискателей и нажимаю кнопку зеркального лифта. Я не могу пояснить в этот момент даже себе, почему велела Борису сопровождать меня. Конечно же, ему придется сдать травматический пистолет, но все равно я ощущаю себя гораздо увереннее в его присутствии.

Нет ничего удивительного в том, что его вежливо просят подождать в общей приемной мэра, я же допущена во второй зал, где секретарь Оксана уже улыбается мне, как давней знакомой, предлагает кофе и просит немного подождать. Я прошу стакан минеральной воды, опускаюсь в кресло, подавив приступ дрожи от волнения, лениво беру со стеклянного журнального столика первый попавшийся журнал. Это «Власть денег», и, как и следовало ожидать, на обложке мэр. «GQ» тоже ослепляет разворотом с его фотографиями, и я просто отбрасываю глянец в сторону, сосредоточившись на изучении деталей приемной — в первые визиты я была настолько взбешена и напугана, что мне было не до этого. Сейчас же мой взгляд скользит по блестящему полотну натяжного потолка темно-кофейного цвета (сердце делает болезненный кульбит и прогоняет недопустимые параллели), с одобрением искусственной эстетики отмечаю почти японский минимализм интерьера, панели натурального, я не сомневаюсь в этом, красного дерева, лаконичные изгибы люстры в стиле хай-тек, теплый ванильный оттенок шелкографических обоев. От замысловатого, с эффектом голограммы, узора паркета слегка кружится голова, меня не удивляет такой выбор узора — наверняка он был задуман самим хозяином кабинета исключительно в целях садистского превосходства. Я намеренно не смотрю на циферблат больших часов из красного дерева, выполненных под стиль приемной, зная фишки власть имущих, которые могут заставить прождать посетителя лишний час, чтобы подчеркнуть собственную значимость. Слова, отдельные фразы, эффектные паузы прописаны в моем сознании десятичным кодом, я вряд ли проглочу свой язык наедине с ним, если волнение имеет место быть, то оно совсем иного рода.

Зуммер мини-АТС совпадает с рывком минутной стрелки, которая замирает, накрывая

часовую, на цифре 11 — я все же не удержалась и посмотрела на часы. Оксана улыбается вежливой улыбкой, а мне кажется, что она отчасти рада тому, что я наконец-то переговорю с ее боссом и перестану терзать ее звонками и бессмысленными визитами.

— Господин Лавров ожидает вас.

Вряд ли она хотя бы на долю процента может предположить двусмысленность произнесенного обращения. Вряд ли я когда-нибудь перестану реагировать на подобную фразу, которая, по сути, не несет своей темной нагрузки, всего лишь дань деловому этикету. Хищная черная пантера внутри меня расправляет плечи, позволив мышцам налиться энергией перед роковым прыжком своей первой серьезной охоты. Она крадется с уверенной грацией изначальной победительницы, вторгаясь на территорию другого не менее опасного хищника. Это ее окончательный экзамен на аттестат зрелости — только по его результатам будет ясно, сможет ли она выжить в этих опасных джунглях. Охотиться на антилоп и других травоядных было просто и скучно, чтобы занять место в лесной иерархии, нужно не искать легких путей.

Впервые я в святая святых хозяина этого города. И я не вправе допустить даже малейшее проявление эмоций, которое укажет на мою слабость. Мои вежливые улыбки на сегодня розданы, лимит исчерпан, я киваю в знак приветствия и даже жар двойного эспрессо сейчас не в состоянии сбить меня с ног.

Да, ты! Можешь не делать вид, что случайно замер в позе медитирующего Сократа у большого панорамного окна с видом на Госпром, приложив два пальца к виску (тебе хватит и одного). Тебе больше не обмануть меня своим показательным хладнокровием и равнодушием. Я не одна из твоих министров-заместителей-исполнителей, один вид которых наверняка вызывает стойкое желание зевнуть, я уже не та девочка, которую твой скучающий взгляд полосовал раскаленным клинком по всем нервным окончаниям, вызывая панику, — акции падают, необходимо выпрыгнуть вон из кожи в прямом смысле, чтобы вновь вызвать интерес к своей скромной персоне! И мое боевое настроение не в силах погасить уже ничто. Ни твой взгляд, который, подобно остриям катан, пытается взрезать мой защитный барьер и прожечь напалмом своей спокойной самоуверенности. Ни мое рассеянное созерцание твоей фигуры в светло-сером костюме, особенно когда перед глазами все еще пляшет разворот «GQ» с твоей фотографией в облегающей рубашке, которая так эффектно подчеркивает рельефную мускулатуру. Ни осязаемая аура скрытой опасности более сильного хищника, который может совершить свой роковой прыжок без дополнительной подготовки.

— Спасибо, что согласился встретиться со мной, — в моем голосе нет ядовитой иронии, но из сознания ее не вытравить уже ничем. Я стойко выдерживаю атаку кофейных клинков на своем теле и лице, просто жду, когда тебе надоеет этот оценивающий взгляд работарговца — и, о чудо, он действительно тебе быстро надоедает, не встретив моей ответной реакции в виде смущения или злости. Я смотрю на твою почти ласковую улыбку — рабовладельца сменил радушный хозяин кабинета. Его обаянию противостоять невозможно, может, и я бы не сумела, если бы все сложилось иначе.

— Не стоит благодарности, я никогда не отказываю дорогим мне людям.

Кажется, я все-таки вздрагиваю от удивления... и только спустя несколько секунд до меня доходит весь смысл подмены понятий. Ты имел в виду собственного отца, и уж никак не меня. Хочется вернуть тебе реплику в далеко не ласковой манере, но я лишь благосклонно улыбаюсь. Хорошо, 0:1.

— Мне предложить тебе кофе или мы не будем долго ходить вокруг да около,

Кравицкая?

— Пожалуй, не будем. Мы оба деловые люди, а я потеряла достаточно времени, пытаюсь с тобой связаться.

1:1, Дима. Я не вздрагиваю и практически не напрягаюсь, когда ты отходишь от панорамной лоджии с видом умиротворенного тигра и опускаешься в кресло. С меня не упадет корона, если я уверенно подойду ближе.

— Я занятой человек. Действительно, встретиться со мной в последнее время нелегко.

Ох, давай только без этого — «меня трудно найти, но легко потерять»... Ты не носок, в самом деле. Нет, я этого не произношу, хотя очень хочется!

— Что ж, я не буду отнимать у тебя драгоценное время. Занятому человеку надо думать о городе, ключи от которого ему так легко вручили, тут без вопросов. — Сердце все же делает несколько почти болезненных рывков, но когда я снова решаюсь заговорить, мой голос больше не дрожит: — Для начала, может, объяснишь мне, зачем ты выкупил часть клуба?

Его брови насмешливо приподнимаются. Мы просто смотрим друг другу в глаза несколько секунд. Опасная игра! Когда я вижу его улыбку снова, отмечаю в ней то, что сама так хладнокровно прятала в себе. От циничного сарказма улыбки Димы моя злость ломает баррикады, я мысленно велю ей заткнуться.

— Вот как? Я уже подумал, что ты соскучилась и горишь желанием вспомнить наше совместное прошлое. Нам ведь есть что вспомнить, верно, Юля?

Почему я с таким упорством давила ее в себе? Эту неконтролируемую злость на пару с панической атакой, которая так сильно убивала меня накануне? Почему я не отправилась в спортзал и не выплеснула ее к чертовой матери, хотя прекрасно понимала, что она все равно прорвется рано или поздно? Ему не понадобилось даже долгих слов, чтобы с настойчивостью циничного нейрохирурга схватить ее за шею, постепенно извлекая на поверхность из глубин моего сознания. Куда грозило исчезнуть хвалебное патрицианское спокойствие, перенятое мною от Александра, которого так боялись мои подчиненные в сети магазинов, от которого члены клуба Devi-ant, независимо от позиционирования, сразу прикручивали свои понты?

— Я вот одного не понимаю, Дима, что в моем вопросе «какого хрена ты выкупил у Ильи его часть» вызывает трудности для понимания? Языковой барьер? Отсутствие сообразительности? Или тебе нужно принять прописанные психиатром колеса? Давай, я подожду.

Его улыбка не меняется, а я мысленно радуюсь тому, что мой голос утром сел, потому что запросто могла сорваться на высокие ноты.

— Юлия Владимировна, тебя даже супруг-консул не научил базовым правилам этикета? Может, он поспешил выпустить тебя из клетки?

Меня словно оглушило словесной пощечиной. Это было не просто подло, говорить об Александре в подобном ключе, недопустимо было бить по моим болевым точкам с таким упоительным хладнокровием! Холодная ярость смела последние баррикады на своем пути, лишая меня самообладания. Неужели еще утром, крутясь перед зеркалом, я всерьез полагала, что смогу выстоять и не сорваться? Твою ж мать!

— Я не знаю, зачем тебе это понадобилось, Дима. Полагаю, Илья не счел нужным проинформировать тебя о том, что я не имею права осуществлять сделку купли-продажи относительно своей доли...

Сердце бешено колотится в груди, но я сумела взять себя в руки. Улыбка Лаврова шире, и я едва не вздрагиваю от его последующих слов:

— Ну что ты, вот как раз об этом меня проинформировали в самую первую очередь, Юля. Я могу сделать со своей новоприобретенной собственностью все что угодно: сжечь, продать, подарить матери, переформатировать в секцию бальных танцев. Это у тебя нет никакого права так поступать со своей.

Кажется, я все-таки пошатнулась, в последний момент ухватившись за спинку стула. Эта вероятность казалась мне настолько иллюзорной, что я даже не приняла ее к рассмотрению. Лавров руководствовался моим ограниченным правом, когда приобретал часть клуба? Это был не просто выброс холода по всему позвоночнику с болезненным сжатием аорты, это было похоже на далеко не эротическую асфиксию с одной-единственной целью: заставить жертву как можно дольше продержаться в сознании, чтобы испытать самую изощренную и невыносимую боль. Я даже не понимаю, почему произношу свои следующие слова, — скорее всего, сознание не желает воспринимать услышанное, цепляется за малейшую лазейку на пороге преисподней...

— Назови свою цену, наличный расчет и дарственная... Ты его хочешь? Забирай! Отмени это правило и назови свою цену!

— Дыши, девочка. Этот костюм тебе тесен, ты побледнела. На вот, выпей.

Холодное стекло касается моих пальцев, и я послушно делаю несколько глотков холодной воды, даже не подумав о том, что она пойдет не на пользу моим сорванным связкам. Мне нужно срочно что-то предпринять и взять себя в руки. Потому что Дмитрию как раз не понадобилось никаких усилий, чтобы начать раскатывать меня прямо на месте!

— Дима, посмотрим правде в глаза, тебе же на фиг не упал мой клуб!

— Ну, он теперь наполовину мой, разве нет? Расслабься, я не настолько монстр, чтобы заставлять тебя нарушать волю покойного супруга. Просто теперь у тебя другой партнер. Такое случается.

— Зачем? — Неужели я хочу услышать ответ на свой вопрос? Неужели я правда к этому готова и рассчитываю при этом не сорваться, удержать свои душевные струны от разрыва, пусть даже они впиваются в кожу ладоней до крови?

— Считай это легким развлечением. Политика утомляет, а я всегда питал особую страсть к развлечениям подобного рода.

— Я не знаю, зачем тебе это понадобилось, и, откровенно говоря, совсем не горю желанием это знать! — голова все еще кружится. Мне так трудно подобрать слова, вся та речь, которую я отрепетировала перед зеркалом, потерпела сокрушительное фиаско, разговор пошел по совсем иной колее, и я ее не принимала в расчет! — Я просто хочу знать, что ты намерен с этим делать дальше.

Он пожимает плечами:

— Станный вопрос. Глупо было бы забросить такую лакомую собственность. Собираюсь развивать его и дальше и проводить там большую часть своего свободного времени. Или ты желала услышать, что я там и близко не появлюсь?

— Нет... просто давай вместе решим, как взрослые люди, как нам быть дальше.

— Нам? Юля, мне нравится эта оговорка по Фрейду.

Сейчас нужно активировать план В, но дело в том, что у меня его нет. Меня выбивает самая страшная из всех аритмий, что была прежде. Маленькая черная пантерка не то что не смогла броситься на более сильного хищника. Она сейчас готова бежать с его территории,

поджав хвост.

Это просто нокдаун, который лишил меня дара речи окончательно. Я пытаюсь подобрать слова, с отчаянием понимая, как в его взгляде расцветает циничная насмешка убивающего наповал превосходства.

— Юля, мне помнится, ты собиралась сэкономить наше время. Что-то изменилось? Мне пришлось отменить встречу ради твоего визита. Скажи спасибо моему отцу, он всегда питал к тебе особую слабость после неудавшегося покушения.

— Откажись от клуба. Твою мать, ты всерьез полагал, что я буду это терпеть? — лучше бы мой голос не вернулся. Потому что меня саму скручивает изнутри от истерических ноток, только пониженный тон не позволяет сорваться в крик. — Ты, наверное, не понимаешь, что я не буду играть по твоим правилам! Я буду бороться до последнего, и мне плевать, какими именно методами!

Ярость все же победила. Она смела на своем пути все преграды, взломала все пароли и открыла все замки. Дыхание замирает, головокружение усиливается, я понимаю, что готова зайти еще дальше, не думая о последствиях. Ледяной тон голоса хозяина кабинета выдергивает меня из омута зарождающегося торнадо.

— Я должен терпеть твои угрозы в своем кабинете? Возьми себя в руки, иначе я попрошу охрану вывести тебя отсюда!

Сокрушительный провал, я это понимаю вместе с отчаянным воплем собственной гордости. Ярость не подчиняется правилам, но сознание не желает сдавать свои позиции даже сейчас, когда я растеряна и практически растоптана, оно отчаянно ищет выход, не позволяя своей обладательнице окончательно уронить лицо. Я встречаю проблеск давно забытой платины в потемневших глазах Лаврова и понимаю: он может означать что угодно — от желания вытолкнуть меня из кабинета до того, что я совсем недавно вспоминала, захлебываясь рыданиями. Страсть и злость так во многом похожи! Как и попытка скрыть каждую из этих недопустимых эмоций за маской безразличия, если не презрения. Мой захлебывающийся самоконтроль совершает отчаянный рывок на поверхность, рискуя вскипеть от кессонной болезни, с невероятно сильным вторым дыханием, подсознательно уцепившись за ненадежный риф по имени «страсть». Я еще не понимаю, что все это лишено всякого смысла — ярость и страсть в его характере неотделимы друг от друга и не поддаются никаким законам логики, но пытаюсь ухватить эту тонкую ненадежную нить вероятного везения, которая сработала бы с каждым. Сработает ли она с ним — такого прогноза не сможет дать никто.

Лепестки ярко-алой розы раскрываются в районе солнечного сплетения, рискуя быть расплюснутыми аритмией и неприятием — я и сама не понимаю, зачем сопротивляюсь. Обреченность приговоренного к смерти? Желаемое за действительное? Последняя попытка спасти ситуацию? Или же решительное «на войне, как на войне»?

Поправляю лацканы черного шелкового пиджака «Армани», — вернее, веду по приятной телу ткани эротичным поглаживанием, заставляя себя держать спину прямо. Чеканный шаг, хотя расстояние между нами составляет не более метра. Все, что мне нужно, — идеальное дефиле, эффектная прелюдия. Его брови снова взлетают вверх, в глазах смесь иронии и удивления. Мне приходится собрать всю свою волю, чтобы тепло улыбнуться. Да, я вспылила, но и ты бы на моем месте повел себя так же, а теперь поговорим, как взрослые люди.

Время останавливается, когда я подхожу к нему почти вплотную, упираюсь руками в

лакированную столешницу натурального красного дерева и сажусь на стол, скрестив ноги, чуть подавшись вперед. Сердце грозит выскочить из груди, я готова разорвать саму себя на части за подобные игры — но я буду в них играть, до тех пор пока останется хоть малейшая вероятность того, что мы сможем договориться. Нарисовать на лице искреннее раскаяние не удастся, я сейчас совершенно не в том состоянии, зато как легко улыбнуться и наклониться еще ближе, прекрасно понимая, что соблазнительная ложбинка на груди с загадочно мерцающим кулоном сейчас как раз напротив его глаз. Пусть оценит, что я не ношу белья.

Я настолько довольна собой в этот момент и уверена в собственной сексапильности, которая никак не сможет оставить его равнодушным, что произнесенные слова отрезвляют сильнее самой болезненной пощечины. Они не сразу доходят до моего сознания, проходит несколько долгих секунд — время зависло, когда точеный контур губ шевельнулся, чтобы произнести эту убивающую своим цинизмом фразу:

— Ты перепутала стол со стулом?

Меня обдаёт промозглым холодом безжалостной зимы, и я резко отстраняюсь, выпрямляя спину. Черт, я ожидала услышать все что угодно, кроме презрения в его голосе. Даже избитое «на колени, сука, сосать» сейчас бы показалось мне райской музыкой. Нет, мое показательное выступление, похоже, не задело ни единой струны в его сердце. Я вообще сомневаюсь, что оно когда-нибудь у него было.

— Считай, что так. — Стратегия рассыпается на осколки, которые превращаются в невесомую пыль, отчаяние пытается ухватиться за все возможные методы, хотя мне уже понятно, что в этой игре я проигрываю окончательно и бесповоротно. — Я не понимаю, зачем ты воюешь со мной при том, что я не хочу ни с кем воевать! Ты так беспечно прикрываешься именем Алекса, который был для тебя далеко не чужим человеком! Ты прекрасно понимаешь, что это совсем не то, чего бы он хотел для меня. Неужели даже память для тебя ничего не значит?

Мне показалось или в его глазах промелькнуло секундное колебание? Что-то изменилось на короткий миг, я готова была поклясться, что ощутила это кожей, — но слишком шатким был мой аргумент для того, чтобы выбить у него почву из-под ног. Может, все это было иллюзией, игрой моего уставшего за эти дни воображения? Я отчаянно цеплялась за малейшее нарушение дыхания своего собеседника, смену интонации голоса, изменение оттенка темно-кофейной радужки, выбивающийся из программы хладнокровного искусственного интеллекта малейший жест. Нет ничего странного в том, что я начала выдавать желаемое за действительное. Даже когда его пальцы сжали запястье, развернув циферблат наручных часов, мне хотелось верить, что он искал возможность продлить мое пребывание в своем кабинете и обдумывал последующие слова. Когда же они прозвучали, я едва не задохнулась от ударившей в солнечное сплетение ледяной волны.

— Твое время истекло, ты впустую потратила также и мое. Встань и покинь мой кабинет.

Почему я этого не сделала? Почему не вышла с гордо поднятой головой, пожимая плечами в знак собственного показательного равнодушия, пока была такая возможность? Какого фаллического символа продолжала сидеть на краю столешницы, заткнув шестое чувство, которое просто толкало меня в спину и сулило обещание чего-то кошмарного? Я до сих пор не поняла, кто передо мной и какой исход будет в противостоянии вооруженного до зубов противника и перепуганной девочки, сжимающей в дрожащих ручонках пластиковую вилку? И нет бы она осознавала факт своего поражения — нет, она пыталась кусаться и

царапаться, размахивая этим ломким трезубцем под дулом револьверов, нацеленных ей прямо в лоб!

— Ты зря решил, что я буду молча это терпеть. Мне плевать, что ты купил здесь всех и вся, даже подделка моей подписи не стала для тебя проблемой! Есть вездесущие независимые средства массовой информации — и поверь, если мне придется выбирать, я вытерплю и общественное осуждение, и шок мамы, и даже вопросы дочери. А тебе стоит задуматься, что случится с твоей карьерой. Не боишься лишиться доверия избирателей, когда они узнают, чем их любимый мэр увлекается на досуге?

— Девочка моя, — я не расслышала последнего предупреждения в обманчиво-ласковом голосе. — Я закрыл глаза на то, что ты нанесла мне оскорбление уже тем, что заявила сюда в костюме дорогой шляхи с какими-то убогими угрозами и попытками воззвать к моей человечности демонстрацией своей груди. Я тебе сейчас даю последнюю возможность выйти отсюда по-хорошему, и единственное, что я желаю слышать, — это звук твоих удаляющихся шагов. Ты меня поняла?

— Перестань делать меня виноватой в своих личных проблемах и прекрати отмораживаться, когда я пытаюсь говорить с тобой предельно нормально...

В этот раз нет никакого эффекта замедленной съемки — я успеваю встать со стола и отойти на шаг, чтобы продолжить свою обличительную речь, глядя на него сверху вниз, и пропускаю молниеносное движение ладони Лаврова. Все занимает не более секунды, и я даже не испытываю страха при виде того, что появляется в его руках в последующий момент. Скорее изумление вместе с недоверием.

— Класс, это Шорох? Хвастаешься последним приобретением?

К тому, что произошло буквально на последней фразе, я была не то что не готова. Самый извращенный кошмар из моих сновидений ожил в сотую долю секунды, вместе со взмахом его ладони. Я не успела понять, что случилось и что же так быстро промелькнуло перед моими глазами. Я не поняла этого даже тогда, когда земля ушла у меня из-под ног вместе со вспышкой обжигающего пламени, которое парализовало левое предплечье, полоснуло невыносимой болью по ребрам и оставило пульсирующий автограф в области сердца.

Психоделический рисунок паркета резанул ослепляющей вспышкой по глазам, а обжигающая боль достигла своего максимума. Из моих глаз брызнули слезы, а крик, царапнувший севшие связки, прорвался мучительным стоном. Я практически не почувствовала режущие толчки в коленных чашечках, когда они соприкоснулись с полом, точно так же не заметила легкого излома запястья, когда мои ладони уперлись в твердую поверхность. Клинки сумасшедшей боли, казалось, резали мое тело изнутри, безжалостно разламывая костную ткань и разрывая мышечные волокна. Я была почти уверена, что истекаю кровью, — разве такая боль может обойтись без кровопотери? Я горела. Бывает ли такое, что температура тела достигает своего максимума в один короткий момент? Боль распространяла волны этого убивающего жара по моему телу, пока мозг все еще отказывался связать воедино мое состояние и кнут, который Лавров так уверенно сжимал в своей руке за секунду до удара.

Я знала боль и посильнее. Даже жаждала ее в определенный момент, но сейчас... эта не была спасительной. Она убивала все живое внутри, выжигала парализующим напалмом, пульсировала безжалостными ударами в воспаленном мозгу, капала на паркет моими слезами, которые показались на тот момент кровавыми. Сознание еще не поняло

шокирующей подоплеки происходящего, поэтому слезы были всего лишь физиологической реакцией без какого-либо психологического подтекста. Именно поэтому я сделала автоматическую попытку встать на ноги.

Конечно же, я не истекала кровью, хотя костюм все же не выдержал атаки захлеста — на месте удара ткань лопнула, но я боялась смотреть на то, что под ней. Или, скорее, была слишком оглушена болевым шоком, чтобы это сделать.

— Убирайся отсюда, — нервные окончания рефлекторно сжимаются, хотя звук его голоса долетает до меня, словно через вату. Я не понимаю, о чем он вообще говорит, мой взгляд скользит по широкой двери. Мне надо туда. Я не знаю, зачем и почему, знаю только, что должна до нее дойти. Сделать эти последние шаги. — Приведешь себя в порядок и завтра появишься в клубе. Покажешь мне все и, может быть, поговорим, если желание останется!

Его слова не бьют остроугольными камнями в спину — есть только физическая боль, которая рвет меня изнутри, и ничего больше не имеет значения. Она полыхает все сильнее с каждым моим движением, роскошный кабинет плывет перед моими глазами, но я все же делаю шаг, зашипев от новой атаки этого ужасного огня. В глазах темнеет, когда я нащупываю дверную ручку и едва не падаю, распахнув наконец двери, — понимаю, что могу потерять сознание, вижу испуганное лицо секретаря, слышу ее обеспокоенный голос... еще одна дверь... в ушах звенит, а к горлу подкатывает тошнота, которая отступает с новым витком боли. Мне удастся преодолеть это расстояние и не рухнуть на пол. Но когда я открываю эту дверь, глаза застит темная пелена с летающими серебристыми звездочками, а ноги подгибаются.

— Борис... — шепчу я, окончательно потеряв способность видеть, и медленно сползаю на пол. Он все же успевает меня подхватить, поднимает на руки, задев левое ребро, и только тогда я впервые за все время по-настоящему кричу. Ощущение такое, что на мою рану вылили бензин и подожгли. Он что-то спрашивает, а я не разбираю его слов, я на грани обморока. Мне просто больно, настолько больно, что я не могу даже связно мыслить.

Боль пульсирует убивающими толчками при каждом его шаге, зрение возвращается только в холле — обеспокоенные лица охраны, рык бодигарда «не надо скорую!», новый виток болевого шока, пока кто-то из секьюрити крепит его пистолет в кобуре. Свежий воздух отрезвляет всего на миг, и тут же накатывает новый приступ потери реальности.

— Я звоню вашему доктору! — вспышка пламени в предплечье, окружающие детали расплываются, и я ощущаю спиной мягкую кожу пассажирского сиденья. Борис еще что-то говорит, а я снова кричу, когда машина трогается с места и меня впечатывает в мягкую обивку. Отталкиваю его руки, которые пытаются подложить под шею подушку и просто скулю, уже не думая ни о чем, зажимая ладонями пылающий след удара, пытаюсь забрать этот жар раненой плоти, дать ему перейти на мои пальцы — я готова терпеть боль во всех частях тела, но она неумолимо сосредоточена на одной. Каждый стык брусчатки на шоссе отдается новыми ударами буквально в сердце, я стараюсь не стонать, но ничего не могу сделать с этой испариной, которой тело реагирует на очередную вспышку боли. Она поглотила меня настолько, что я даже не осознаю моральной стороны произошедшего. Это милостивый шок, именно поэтому я не понимаю, что физическая боль ничего не значит по сравнению с тем кошмаром, который начнется позже.

Когда дверь открывается, я настолько невменяема, что едва не начинаю отбиваться от рук Бориса, который пытается помочь мне выбраться из машины. Самое невинное

прикосновение к ладони, любое движение вновь разгоняет боль по всему телу и даже сознанию. Мои ноги подгибаются, лодыжку простреливает практически шуточной болью по сравнению с основной, я пытаюсь скинуть со своих ног эти туфли на двенадцатисантиметровой шпильке — но телохранитель бережно подхватывает меня на руки. Перед затуманенным взором мелькает отрезок серого неба — погода меняется так быстро, будет дождь, а затем бело-зеленое здание частной клиники и мелькнувшие белые пятна.

Вокруг суета, Борис осторожно укладывает меня на каталку и о чем-то быстро говорит медицинскому персоналу. Серую дымку безучастных небес сменяет свет электрических ламп, белое полотно потолка, которое движется по мере продвижения каталки. Меня укрыли пледом, наверное, чтобы никто из посетителей не заметил разорванного костюма — но мне сейчас нет дела до того, узнают меня здесь или нет. Все, чего я хочу, — это прекращения убивающей, сводящей с ума боли, хотя бы на миг, чтобы суметь вдохнуть и не стонать от бессилия!

Кажется, я ненадолго впадаю в какое-то странное забытие. Боль пульсирует где-то рядом, отдельно от моего тела, я вижу ее — сгусток темно-бордового переплетения нервных импульсов, которые содрогаются, меняя рисунок при каждом движении, словно в калейдоскопе. Первое же прикосновение выдергивает меня из почти приятного забвения, и я с трудом узнаю лицо семейного доктора — нет, он не изменился, я просто не могу сообразить, кто же это и откуда он так мне знаком. Он отдает распоряжения двум медсестрам, чьи голоса сливаются в монотонное жужжание, и накрывает мой лоб ладонью.

— Все, моя девочка, сейчас мы аккуратно осмотрим и сделаем укол...

Я дергаюсь не от его пальцев, которые начали аккуратно расстегивать жакет. Это обращение «девочка» кроет куда более усиленным приступом боли, я только чудом не ору, а шиплю сквозь плотно сжатые зубы. От осторожной пальпации моя голова просто мечется по каталке, настолько больно. Руки касаются прохладные пальчики, и я даже не замечаю укола и тянущего дискомфорта от введения препарата. Очень сильно кружится голова, но инъекция действует быстро — уже спустя минуту пальцы доктора перестают причинять боль, ее эпицентр накрывает приятным холодом, который гасит пожар раненой кожи. Я просто закрываю глаза, не вникая в манипуляции теперь уже медсестер.

— Ткани груди не задеты, просто сильный ушиб, усиленная гематома. Кожа не рассечена, я выпишу вам обезболивающее и несколько инъекций, которые нейтрализуют кровоподтек...

Мне не хочется думать о том, что было бы, если бы я попала в отделение скорой помощи. Наверняка бы куча вопросов, в том числе и от представителей милиции. Азаров, наш семейный доктор, не задает никаких вопросов и не показывает своего удивления.

Алекс умел причинять и более сильную боль, когда я его об этом просила, но она так же быстро проходила, на коже редко оставались длительные отметины, не говоря уже о вероятности травмы. Никогда у меня не было оснований показываться врачу после наших сессий. Но если бы такая необходимость возникла, сомневаться в тактичности доктора, для которого сохранение любой врачебной тайны было самым неоспоримым приоритетом, не приходилось. Я потом только удивлюсь тому факту, что вместе с обезболивающими ампулами, таблетками и мазями на основе гепарина он положил в пакет также успокоительные. Настоящему профессионалу не надо было ничего пояснять, скорее всего, он видел полную картину того, что со мной случилось.

...Я проснулась только к вечеру. Боль в ребрах полыхнула с новой силой, но тут же в комнату ворвалась Валерия, встревоженная моими стонами.

— Не вздумай встать! Выпей таблетку, если не пройдет, сделаю укол. — Она присела на край постели и откинула волосы с моего лба, с беспокойством заглядывая в глаза. — Звонила твоя мама, я ничего ей не стала говорить, кроме того, что ты устала и захотела выспаться. Крамер звонила дважды. Я сказала Юрию, что тебя не будет в клубе и обзвонила магазины, там все хорошо.

Ее слова долетали до моего слуха словно сквозь вату, я послушно приняла лекарство и ухватилась за ее ладонь. Лера перехватила мой взгляд и покачала головой:

— Ничего сейчас не говори, отдохнешь, потом все расскажешь. Я перенесу свой отъезд, тебе нельзя сейчас одной оставаться. О том, что произошло, мы поговорим утром. Ты, главное, не переживай. Просто так ничто и никому с рук не сойдет.

Прежде чем я успела ей ответить, раздался топот детских ножек, и в спальню влетела Ева. Няне никогда не удавалось ее поймать, уж если дочь соскучилась по маме, никто не в состоянии ей помешать. Лера тоже не успела отреагировать — Ева запрыгнула на постель и повисла на моей шее. Вот тут мой кошмар и вернулся во всей красоте — боль пронзила ребра, накрыв тяжелой плитой, а перед глазами запрыгали темные пятна.

— Мама! Мамочка! — резанул по нервам испуганный крик дочери. — Мамочка, что с тобой? У тебя сердце болит, да?

— Сердце... — процедила я сквозь зубы, с трудом удерживая крик. — Именно сердце, доченька...

Глава 12

Дима

Сердце в буквальном смысле срывается вниз, задавая сумасшедший ритм, бьется о грудную клетку в отчаянном порыве узника, готового разрушить неприступные стены камеры пожизненного заключения. Защитная система активирует свои скрытые резервы — волна сжигающего все на своем пути адреналина вливается в кровь, сотрясает рассудок. Он не выдерживает ее напора, равного по силе двойной шкале Рихтера. Это уже не сейсмические колебания. Это апокалипсис. Его надвигающаяся тьма с красными всполохами первобытной ярости застит глаза светонепроницаемой пленкой, пульсируя в висках извергающейся лавой.

Вашу мать, я готов рвать и метать, бить по железобетонным плитам собственного самоконтроля титановым ломом, пинать его ногами, сбивая в кровь пальцы, пока не осыплется на землю песчаной крошкой. Бл*дь, я просто хочу, чтобы ты наконец поняла, где ты и с кем! Тебе не стоило так беспечно вламываться в мой кабинет, скрывая свой страх под маской холодной пафосной суки. Я готов уже сейчас грохнуть собственного отца только за то, что он проявил слабость и не смог послать тебя куда подальше (может, успела бы подготовить себя к тому, что скоро именно там и окажешься). Я только чудом промолчал, когда он вскользь упомянул о твоей трагедии и нестабильном эмоциональном состоянии, завуалированно провоцируя во мне чувство жалости. Слава богу, что ему хватило понимания не задавать вопросы относительно покупки клуба и его рентабельности и вместе с тем о причинах, которые подвигли меня на это, как и сомневаться в правильности и резонности моего поступка.

Вроде как это прямое оскорбление — прыжок через мою голову и нарушение негласной субординации, но какой смысл искать подвох там, где все можно объяснить глупостью? У

тебя не хватило сообразительности увидеть реальную картину происходящего, понять, что именно я запретил Оксане соединять тебя со мной под угрозой увольнения и почему я не сорвался теперь уже в наш клуб в первый же день после твоего возвращения. Я просто не знаю, что бы я сделал с тобой прямо там, даже при огромной толпе свидетелей, и даже в том исключительном случае, если бы ты согласно молчала и послушно хлопала своими длинными ресницами, не осмеливаясь мне возражать и проявляя благоразумие. Поверь, обычным разговором с рядом требований и призывами к послушанию это бы точно не закончилось. Все те угрозы, от которых наверняка завис в шоке мой юрист, были бы приведены мною в исполнение незамедлительно, причем в самой изощренной форме. Тебя бы не спасли ни слезы, ни уговоры, ни готовность впоследствии рухнуть к моим ногам, открывая ротик только по приказу и для вполне определенной цели. Мне бы ни одна живая душа не посмела возразить, если бы я накрутил твои длинные блестящие волосы на собственный кулак, не обращая внимания на сопротивление, и уволок в одну из тех игровых комнат, где ты, напомни-ка, что именно собиралась сделать с моим посланцем, принесшим плохую весть? Я бы даже не считал нужным пояснять тебе на пальцах все эти безрадостные для тебя перспективы скорого будущего, мне пришлось бы в буквальном смысле вбивать в тебя новые правила нашего партнерства!

Ты так ничего и не поняла. Это же вразрез со всеми правилами, не так ли? Хищники никогда не оберегают своих жертв от собственной ярости так, как это сделал я. Куда проще мыслить своими собственными, четко прописанными догмами, сформировать в сознании фоторобот неадекватного психопата, которому мало удовольствия от незамедлительного растерзания дичи — такие гурманы маринуют блюдо долго и со вкусом, опутывая пойманную дичь тончайшей, но неразрывной паучьей сетью, высасывая ее силы вместе с жизнью и растягивая подобное удовольствие на долгие дни.

Я подозреваю, какой пыткой стало для тебя ожидание. Ты не так сильно изменилась, как я полагал изначально, — говорят, бойцовские качества не погасить ни стабильности, ни трагедии. Если бы кто-либо из моих подчиненных проявил подобное рвение в попытке достать из-под земли определенного человека в урочный момент, ему бы просто не было цены.

Ты понимала, отчаянная черная орхидея, что могла вообще не выйти из стен мэрии, если бы я принял тебя в тот самый день, когда ты оборвала телефоны приемной? Весь штат охраны, секретарь, которая поила тебя кофе и проявляла к тебе так раздражающую меня симпатию, любой из сотрудников, которых ты могла встретить в коридоре и кто наверняка улыбался тебе и предлагал помощь... да никто из них не посмел бы даже осуждающе поджать губы или потрясенно закатить глаза, если бы я выволок тебя за волосы и увез туда, где никто бы и никогда не помешал мне отыгаться на твоей шкуре за все те годы ожидания, в течение которых ты улыбалась не мне, таяла от страсти не в моих руках... носила под сердцем не мою дочь!

Как быстро ты сдалась, Юля? Когда именно перестала закрывать глаза и видеть меня на его месте, раздвигая свои длинные ноги, обвивая его спину своими руками, позволяя ему проникать столь глубоко, куда так упорно не желала пускать меня — в собственное сознание, собственную кровь с желанным транзитом до самого сердца?

Как скоро высохли твои слезы? Раньше, чем те розы цвета морской зари под безжалостным студеным небом декабря на холодной плите пустого надгробия? Когда ты снова стала спокойно смотреть на дисплей мобильного телефона, не испытывая боли за тот

роковой звонок бывшему любовнику? Помнишь, там, на вилле? После него нас оторвали друг от друга! Ты хоть раз испытала раскаяние, разрывающую агонию от чувства собственной вины за свой поступок или же в этот раз сбросить с плеч груз ответственности оказалось очень легко? Я же буквально умолял тебя от нее избавиться, отдать мне с последним стоном протеста, но ты так отчаянно цеплялась за это навязанное социумом неотъемлемое право и терпела боль вместе с унижениями, продолжая держать этот балласт, как самую большую драгоценность.

Как, во имя всех чертей, ты с легкой руки подарила себя, освобожденную, не мне?! Как ты вообще смогла, отказывая мне тогда в малейшем прикосновении и приближении к твоему мечущемуся сознанию, отдать свою душу тому, кому не пришлось даже бороться за тебя? Рухнуть к ногам альфы от БДСМ было для тебя честью, которая не предполагала даже игрового сопротивления? Может, все дело в том, что ему не пришлось делать черную работу — ломать тебя, подчинять своей воле, причинять боль, водружая свои флаги на твоей сущности, которую вскрыли не его руки, распечатали не его игры разума? Он был слишком хорошим и правильным на контрасте с таким монстром, как я? А ты хотя бы раз на вершине своего запредельного семейного счастья предположила, что бы именно произошло с тобой, попади ты изначально в его руки, а не мои? Нет, он бы все равно оставался для тебя божеством, потому что твой мозг был бы ювелирно прошит золотой проволокой его обволакивающего обаяния. Ты бы не поняла этого, даже если бы захотела, — он же был на несколько сотен уровней выше меня, ему ведь не понадобилось организовывать похищение, причинять тебе физическую боль и доказывать не самыми гуманными методами, что это нужно тебе как кислород. Даже если иногда ты ходила по острым лезвиям, что ему стоило убедить тебя в том, что боли нет, есть только твои невысказанные просьбы.

Ты перестала меня чувствовать так сильно, как прежде, а я не смог. Именно поэтому мне пришлось буквально сбегать от тебя, игнорируя звонки и визиты, — твои ментальные каналы были сейчас настолько плотно закупорены, что ты в упор не ощущала опасности в красных грозовых разрядах моего тотального безумия!

Ты выглядишь безумно шикарно и утонченно в этом дизайнерском костюме за несколько тысяч евро, у тебя всегда был хороший вкус. Моя ярость уже мечется в клетке бешеным зверем, иногда сменяясь эйфорией в предвкушении игры.

«Твоя привычка носить черное не доведет тебя до хорошего...»

У меня долбаное дежавю на пару с путешествием во времени. Уйди, не смей смотреть мне в глаза таким взглядом, неужели жизнь ничему тебя не научила? Ты не помнишь, чем это закончилось семь с лишним лет назад? В каких облаках ты летаешь, как вообще смогла предположить, что тебе удастся уговорить меня отказаться от своей части клуба именно сейчас, когда я считаю дни и минуты до того самого момента, когда взыщу наконец с тебя по полной за каждый день, который мне пришлось прожить без тебя в абсолютной пустоте?

Я практически ощущаю биение твоего сердца, мне даже кажется: если закрыть глаза — я увижу инфракрасную схему его ритмичных сокращений. Боишься? Это еще не страх, со временем я заставлю тебя бояться сильнее. Твой голос не дрожит, когда ты пытаешься вести дипломатическую игру, прощупывая мои слабые места. Ты их не найдешь, лучше сразу прекращай меня бесить своей стервозной самоуверенностью, хотя мы оба знаем, как ненадежна твоя маска.

Ты уже раздета перед моими глазами в моем воображении. Тьма закручивается спиралью в быстром танце, и единственное, что сдерживает сейчас внутреннего зверя от

рокового броска, — это моя сила воли. Если пляска не прекратится, я не сдержусь. Ты наверняка хотела по-другому, я даже уверен, что провела не один час перед зеркалом, выбирая верную тактику в попытке достучаться до моего сердца. Трассерный след понимания своего неправильного поведения тает в твоих огромных и слегка перепуганных глазах, но ты, теряя последние силы и остатки самообладания, пытаешься выдержать атаку моего взгляда. Я держу внутреннего хищника на поводке только потому, что ярость отступает, омытая волной острого психологического удовольствия; именно оно сейчас позволяет мне улыбаться тебе в ответ без оскала голодного зверя, парировать маловразумительные доводы и не врезать тебе по губам, которые так быстро выдают практически подростковые угрозы.

Мой взгляд задерживается на твоей шее. Ты так быстро говоришь, и пульсация тонкой жилки ярко выражена, это сводит меня с ума. Несвойственное мне желание сжать ее руками и давить до тех пор, пока ты не захрипишь от боли и недостатка кислорода, усиливается вдвое. Мне хочется заставить тебя замолчать и не вызывать во мне подобное желание, изображая праведный гнев оскорбленной жертвы.

Я пока что его контролирую, но, видит бог, долго так продолжаться не может. Неужели ты не чувствуешь, насколько сильно приблизилась к точке невозврата? Ты не слышишь его сдавленного рыка, звона натянутой цепи, которую он вот-вот разорвет и кинется на тебя? Ты настолько отвыкла жить отдельно от меня, что не хочешь даже попытаться все это прочувствовать? Зачем ты закрылась, от этого будет хуже только тебе. Ты же не в состоянии понять, что я не играю с тобой, что я действительно почти что упрощаю тебя уйти и не провоцировать нас обоих — меня и его!

Лепестки черного цветка раскрываются, доверчиво глядяваясь в черную дыру ствола огнемета. Пламя еще на безопасном расстоянии, оно завораживает своим ритуальным танцем и не обжигает смертельным жаром. Красивая орхидея смотрит в лицо своей гибели, но еще не понимает, какой высокой будет цена за проявленное любопытство, для нее это не более чем очередное развлечение, такое волнующее и интригующее. Она привычным способом пытается очаровать незнакомого пришельца бликами своих глянцевых лепестков цвета ночи, возможно, ей даже захочется поиграть, перед тем как ядовитые рецепторы вонзятся ему под кожу. Что ж, это ее право, и для этого у нее имеются все необходимые данные. Откуда ей знать, что охотник за экзотикой изучил свойства ядовитых растений вдоль и поперек и принял для этого все необходимые меры безопасности?

Ее близость, ее притягательная незащитность, которую не скрыть ни под какой маской, ее неповторимый запах, который не перебить эксклюзивному парфюму бьют в солнечное сплетение целенаправленным ударом. Самоконтроль едва не уступил место непреодолимому желанию впиться губами в ее рот, вонзить зубы в податливую плоть скрытой под костюмом груди, подцепить пальцами цепь с кулоном в виде... В виде разбитого сердца?

Твое сердце разбилося только сейчас? Только сейчас, когда не стало его? Когда ты похоронила меня, оно билось в обычном режиме — этого оказалось недостаточно, чтобы его разбить на две истекающие кровью половинки? Ты пришла сюда продемонстрировать мне, как была счастлива без меня, и как умираешь день за днем от боли из-за того, что потеряла его?!

Моя последняя попытка заставить тебя уйти, перед тем как окончательно рухнут мои черные небеса, чтобы похоронить нас обоих под их обломками. Почему ты меня не

слышишь? Девочка моя, не ищи правды там, где ее никогда не будет, спасайся сама! Вот так! Именно так! Встань и отойди, не доводи меня до точки кипения, потому что я уже на пределе! Просто открой глаза, включи свое шестое чувство и пойми, что произойдет, если ты не перестанешь играть в бесстрашную амазонку на чужой территории без оружия!

Слишком поздно. Она застит глаза черно-алой пеленой, эта рухнувшая вселенная. Она задела, поглотила, приговорила нас обоих, неужели ты этого не чувствуешь? Почему, во имя твоей дьяволоматери, ты пытаешься что-то говорить на повышенных тонах?!

Щелчок отстегнутого карабина. Цепь с глухим звоном падает в пыль у ног агонизирующего рассудка. Я уже не понимаю, куда именно тянется моя ладонь — за сорвавшимся с цепи монстром в отчаянной и обреченной на провал попытке остановить, удержать от того самого рокового шага, который поставит крест на любой вероятности того, что мы когда-нибудь сможем что-то построить вместе, или к ящику стола, в котором лежит ключ к уничтожению любой вероятности того, что однажды у нас все сможет быть хорошо. Как я могу так ненавидеть тебя в этот момент за то, что ты отдала себя ему — и не испытывать ненависти к нему за то, что он отобрал тебя у меня? Его смерть здесь ни при чем, я так и не смог относиться к нему иначе. Уважение к учителю и мастеру настолько сильно въедается в кровь и рассудок, насколько сильно его разрушает изнутри ярость и злость на тебя!

Ты шутишь? Во имя всего святого, ты умудряешься шутить и смотреть без страха на то, что у меня в руках?! Я хочу заорать, чтобы ты сматывалась, или раскупорила все свои ментальные заклепки и наконец поняла, что я на пределе, что мы оба в шаге от бездны, за которой мой самоконтроль просто задохнется. Почему ты этого не чувствуешь? Глаза уже накрывает светонепроницаемой пленкой ярости, ее алые искры грозятся сжечь сетчатку, если я немедленно не сделаю что-нибудь, не принесу собственной тьме последнюю жертву на алтарь коварного безумия. Уходи, моя девочка, просто ради того, чтобы дать нам малейший, крохотный шанс однажды найти друг друга в этом безумном замкнутом мире, ничтожный отрезок в повисшие секунды — спасай нас обоих от этого сумасшествия...

Ярость вспыхивает алым взрывом огня в унисон с последним прыжком истосковавшегося по свободе монстра — моя вселенная никогда не будет иной. Ее острые звезды обречены день ото дня умирать под вспышками сверхновых до тех пор, пока она сама не выдержит этого плазменного апокалипсиса и не свернется навсегда. Достаточно выверенного взмаха руки — скорость света в вакууме запредельная. Кисть простреливает разрядом чужой боли с этим ударом. Монстр впивается зубами в ее незащищенное тело, и даже я не в состоянии ему помешать...

Картинка размыта, я едва осознаю, что больше не вижу ее. Почему ты не орешь? Почему не хочешь остановить это безумие криком, который позволит мне вернуться? Заори как следует! Сдавленный стон у моих ног режет по нервам острым скальпелем, я перевожу взгляд вниз — пелена рассасывается, безумие приняло ритуальное жертвоприношение и отступило прочь откатом штормовой волны.

Она там, где я всегда так страстно желал ее видеть. На коленях у моих ног, а я не понимаю, как она там оказалась! Аритмия выстреливает по всему телу, аукнувшись выбивающей слабостью в конечностях, пальцы разжимаются, и только рефлекс позволяет мне подхватить кнут и не позволить ему упасть на пол. Я непроизвольно сворачиваю его в кольцо и наблюдаю, как сотрясает в беззвучном приступе рыданий женщину, которая была и осталась всем смыслом моего существования. Бусины острых позвонков на напряженной

спине четко выделяются под шелком костюма, рассыпанные по плечам волосы скрывают ее лицо, согнутые пальцы впиваются в пол, словно намереваясь продавить и удержаться из последних сил в этом положении.

Блядь, почему я смотрю на нее и ничего не делаю? Почему не слушаю своего сердца, которое сейчас вопит, требуя одного — накрыть ее собой, прижать к груди, утопить в нежности, вобрать ее боль в себя и никогда больше не возвращать? Как эти две крайности могут уживаться внутри — желание утопить ее в боли и в то же время вдохнуть в легкие кислород щемящего обожания, закрыть собой от самого же себя и никогда не отпускать?

...Его гладкая шерсть все еще вздыблена, но он послушно возвращается в клетку, свернувшись в углу едва ли не ласковым котенком. С него взятки гладки, он получил свой глоток долгожданной свободы, чтобы уснуть покойным сном под колыбельную хард-металла взбесившихся эмоций... а я в шаге от того, чтобы упасть на колени рядом и прижать ее к себе, заглушить губами сдавленные рыдания моей любимой девочки и никуда не отпускать до тех пор, пока она не утихнет в моих руках. Это последняя ускользающая возможность остановить конец света и захлебнуться в собственных планах абсурдного и никому ненужного возмездия за шаг до вероятного счастья! Почему я этого не делаю? Боюсь этой боли, которая ударит меня в десять раз усиленной отдачей? Понимаю, что сердце разорвется, если я увижу в ее глазах настоящие эмоции? Знаю, что все прекратится с первым поцелуем, а на самом деле этого не хочу? Почему, блядь?

Она пытается встать на ноги. Вытягивает ладони, постанывая от боли и наверняка ничего не замечает за слезами. Моя девочка наконец услышала ментальный крик «Беги! Спасайся!», но уже слишком поздно. Она сражается, несмотря ни на что, я безумно, до выжигающей капилляры боли хочу подхватить ее на руки и прижать к себе, пусть вырывается, расцарапает лицо, кричит, бьет в ответ. Хищник издает предупреждающий рык, и меня вновь накрывает ледяной волной цвета тьмы.

Это не твоя игра! Какого хрена ты пытаешься встать с колен без соответствующего на то приказа? Закрываю глаза, рукоять кнута впивается в ладонь, я могу прочувствовать каждым рецептором кожи плетеный узор-шахматку. У моих ног сейчас женщина, за один взгляд которой большинство готово продать душу дьяволу, перевернуть свою жизнь на 180 градусов, разрядить мне в лоб обойму за то, что я с ней только что сотворил. И непонятно, чем бы руководствовался каждый из таких смельчаков — желанием защитить ее от боли или же черной завистью к моему уникальному дару поворачивать ее чары против нее же самой. Только я имею право ломать ее по своему усмотрению и собирать заново, если на то будет моя воля! Я наблюдаю, как она все же встает на ноги, убиваю в себе безумное желание заключить ее в объятия — нет, если игра началась, мне остается только играть по этим правилам, ничего иного!

— Убирайся отсюда! — Я захочу вырвать собственный язык, который добивает ее словами, уже спустя несколько минут. Сердце сжимается от этой вынужденной жестокости, а рассудок, отравленный ядом черного безумия, требует только одного — не позволить ей даже предположить, какую слабость я могу испытывать! — Приведешь себя в порядок и завтра появишься в клубе. Покажешь мне все, и, может быть, поговорим, если желание останется!

Не поворачивайся. Умоляю тебя, не оборачивайся и не смотри на меня. Ты не имеешь права видеть моих зажмуренных глаз, побелевших фаланг, которые до боли сжимают кнут, этой ненормальной дрожи, с которой я ничего не могу сделать. Если ты повернешься, я не

позволю тебе уйти — я сам не знаю, что именно для этого сделаю, разорву тебя прямо на столе или утоплю в неистовой нежности. Это не самое страшное, страшно будет потом, когда я так и не смогу простить тебе того, что ты увидела меня таким!

Хлопок двери. Пальцы разжимаются, я роняю на пол оружие твоего уничтожения. Мой взгляд прикован к двери, а я хочу, чтобы вселенная в который раз взорвалась, выжгла изнутри эту гребаную эмпатию, которая режет по нервам отголосками чужой боли. Она похожа на сменяющиеся друг друга вспышки света и тьмы, и я едва не срываюсь со всех ног. Догнать, не дать упасть, прижать к себе, пусть офонареет секретарь и все, кто попадется на пути. Она же сейчас просто перестанет дышать, не в состоянии контролировать эту боль!

Я ничего не делаю. Просто опускаюсь в кресло, поддев кнут ногой. Пальцы дрожат, когда я привычно сворачиваю его и прячу обратно, закрыв на замок. Мне нужно избавиться от этого безумия и вернуться в прежнюю рабочую колею, подавить неподконтрольный разуму порыв припасть к окну, из которого просматривается парковочная площадка — если я это сделаю, меня уже мало что остановит от намерения вернуть ее обратно и зацеловать, загладить следы безумия. Девочка моя, почему ты до сих пор продолжаешь держать мое сердце в своих подрагивающих ладонях и позволяешь причинять себе боль, когда тебе ничего не стоит сжать его в кулаке, как это только что сделал я?..

Я не знаю, сколько проходит времени, прежде чем выравнивается дыхание и уходит ненормальная дрожь. Жму кнопку вызова и улыбаюсь вежливой улыбкой Оксане, намеренно не замечая ее слегка перепуганного лица.

— Напомни мне сегодняшний график, будь добра.

Обычно она сдерживает эмоции, но явно не в этот раз. Ее ошарашенные глаза скользят по комнате, но голос все же не дрожит, когда она зачитывает программу на сегодня. Я поправляю узел галстука и ловлю ее взгляд своим, улыбаясь с легкой иронией:

— Тебя что-то беспокоит? Все нормально?

Оксана переминается с ноги на ногу, когда я удивленно приподнимаю бровь. Затем нерешительно произносит:

— Госпоже Кравицкой стало плохо... водитель вынес ее на руках. Охрана собиралась вызвать скорую, но он отказался.

Я все так же спокойно смотрю на нее и пожимаю плечами:

— Погода. С утра было солнце, а сейчас дождь собирается, метеозависимые люди тяжело переносят такие перепады. Весна в этом году сильно изменчивая.

Наверное, я не смог бы шокировать ее сильнее, если бы признался в том, что только что сделал. Продолжаю улыбаться вежливой улыбкой безэмоционального киборга, которую она так привыкла видеть за все время. Бегло скольжу взглядом по ее фигуре в сером деловом костюме.

— Тебе очень идут высокие каблуки и эта длина юбки. Правда. — Смена стиля у моего референта произошла аккурат после того, как в приемной впервые появилась Юля, а может, еще до того, после публикации в сети фотоснимков с нами на парковке «Игроленда». Я уже лишил это сетевое издание лицензии и перекрыл им кислород под угрозой неподъемного штрафа. — Налей мне виски и завтра после трех отмени встречи, постарайся по возможности втиснуть их в сегодняшний график, а остальные перенести на послезавтра. И да, соедини меня с главой МВД, это срочно.

Я отмечаю дрожь пальцев Оксаны, когда она протягивает мне бокал с янтарным виски.

Ей невдомек, что еще десять минут назад мои пальцы дрожали гораздо сильнее, чем ее

сейчас.

Юля

Этой ночью мне впервые после своей смерти приснился Александр. Возможно, мои слезы, которые залили фоторамку, все же тронули его сердце там, на небесах, а может, он не смог вынести того, что тот человек, от которого он меня всегда оберегал, причинил мне такую сильную боль. Под транквилизаторами засыпаешь, как младенец, минус лишь в том, что практически не запоминаешь сновидений. В этот раз все было по-иному, я помнила все детали своего сна. Он был черно-белым и лишенным смысла до его появления. Когда же я увидела его, протягивающего ко мне руки, серая пелена обители Морфея расцвятилась яркими красками, и истерзанную душу залило умиротворением и всеобъемлющей нежностью.

Во сне нам не нужны были слова. Я буквально упала в его сильные руки, в тепло его объятий, которые могли оградить меня от жестокого мира и снять любую боль. Я задышалась от счастья, когда он гладил меня по волосам, по ребрам, на которые пришелся жестокий удар — под этими прикосновениями боль уходила совсем, а я доверчиво прижималась к нему, устроив голову на плече, словно маленькая девочка, так уставшая противостоять жестоким реалиям жизни. Впрочем, так было всегда, и мне было очень хорошо в этой ипостаси. Как бы мне ни хотелось рыдать, засыпая, во сне слезы ушли. Я не могла расстраивать его сейчас своим горем и, наверное, уже не хотела. Никто из нас не проронил ни слова, но усиленная телепатическая связь позволила пообщаться, не разрывая объятий и поцелуев.

«Как мне пережить это без тебя? Почему он сделал это именно сейчас, когда я беззащитна перед любыми ударами судьбы? Что я ему сделала?»

«Ничего, моя любимая. Ничего из того, в чем себя незаслуженно винишь. Ты просто заставила его чувствовать так глубоко, как не смог никто и никогда. Тебе ли не знать, как это страшит тех, кто считал себя сильнее всех обстоятельств?»

«Отпусти меня. Просто позволь продать клуб... я не выдержу этого фарса, этого партнерства! Меня останавливает от бега по судам лишь твоя воля, твое завещание, само осознание того, что этот клуб для тебя значил! Мне безумно страшно, он ни перед чем не останавливается!»

«Девочка моя, я прошу тебя. Помнишь, как я учил тебя быть сильной? Я не могу тебя сейчас защитить, я могу только попросить тебя о благоразумии. Ты сможешь. Постарайся не воевать с ним. Мне больно тебя об этом просить, но это сейчас единственная возможность выстоять. Не спрашивай ни о чем, просто прислушайся к моим словам!»

«Как? Как ты можешь смотреть на это сверху и позволять ему делать это со мной? Я тебе не верю! Ты не можешь меня об этом просить!»

«Юля, если бы я только мог защитить тебя! Но сейчас у меня связаны руки. Я не заставляю тебя играть по чужим правилам в ущерб себе, просто прояви терпение! Мужское начало практически всегда следует разрушительным маршрутом, но энергия женщины прежде всего созидательная. Сделай это ради меня, не подвергай себя необоснованной опасности. Это скоро закончится, я тебе обещаю!»

«Мне так не хватает тебя... почему это произошло с нами? Неужели тебе там, наверху, не дали ответа?»

«Мне дали ответы на все мои вопросы. Поэтому прошу, просто прислушайся ко мне. Я больше всего на свете хочу, чтобы мои девочки были счастливы, только, увы, иногда до

счастья долгий путь, на котором много боли. Ты всегда была сильной, но иногда сила совсем не в противостоянии, а именно в слабости...»

«Я не выдержу... я просто не смогу!»

«Сможешь. Я постараюсь приходить в твои сны и направлять твой путь. Просто пообещай — не зли его и сделай шаг навстречу. Он не посмеет причинять тебе боль, если ты проявишь хотя бы видимость послушания!»

Он исчез так же быстро, как и появился. Я тянула руки в пустоту и трясла головой, отказываясь верить, что мой любимый архангел только что осмелился сказать мне эти слова. Но, проснувшись утром, постаралась убедить себя в том, что сон — игра моего уставшего сознания. Удавалось плохо, и я, покрутившись в постели несколько часов без сна, предположила, что Алекс просто не стал мне рассказывать во сне о своих истинных намерениях. Может, вскоре Дима навсегда исчезнет из моей жизни его усилиями? Если бы я знала наверняка, я бы вытерпела и не такое. Мне хотелось верить в эту ничем не обоснованную версию происходящего, но получалось с трудом.

Температура еще держалась, боль не была такой сильной, как вчера, но я все равно пила обезболивающее и успокоительное пачками. Ближе к обеду приехала моя мама — но я так и не смогла встать с постели, голова кружилась, колени подгибались, а от таблеток постоянно клонило в сон.

— Боюсь, как бы не грипп, — я зажмурила глаза и проглотила ком в горле, когда мамина рука легла на мой лоб, ласково поглаживая. В детстве я была лишена подобных ласк, и сейчас мы словно соревновались в том, кто восполнит тот пробел нерастраченной нежностью.

— Но насморка нет? Горло не болит?

— Насморка нет, потому что я закапала нос, а горло саднит, да.

— Мне, наверное, стоит забрать Евочку к нам, пока ты не поправишься, доченька. — Я заскрежетала зубами от острой боли, когда мама ободряюще сжала мое левое плечо. Мне было не по себе от того, что я вынуждена была манипулировать своим состоянием, но пугать дочурку было выше моих сил.

— Так обидно... Она ждала, что мы пойдем в дельфинарий, а я не могу даже подняться с кровати! И кино... так мало времени остается.

— Давно хотела побыть в дельфинарии, — мама поцеловала мой лоб. —пей противовирусные и полоскай горло солью с содой. Как в детстве, помнишь? Лучший препарат мира!

— Забудешь такое! Ну да, это было не так приятно, как мятные леденцы, но все же!

Я переживала, что Ева начнет плакать и упираться, но она восприняла известие о том, что уезжает с бабушкой, с энтузиазмом. Моя мать баловала свою внучку, словно пыталась искупить вину передо мной за безрадостное детство. Валерия убедила маму в том, что позаботится обо мне и заставит выздороветь в самые кратчайшие сроки. После обеда, к которому я не спустилась в силу плохого самочувствия, Лера собрала вещи малышки, а я отдала Бориса в распоряжение мамы на все время, пока Ева пробудет с ней.

С отъездом дочурки дом словно опустел, но я не могла допустить ее слез и переживаний. Лера поставила мне обезболивающий укол и принесла мороженое. Мы посмотрели какой-то фильм про иллюзионистов, забравшись под одеяло, словно школьницы-подруги.

Утром я рассказала ей обо всем, что произошло в мэрии. За что всегда уважала первую

жену Алекса, так это за то, что она не охала и не ахала, выслушивала меня с хладнокровием циничного нейрохирурга на лице, которое умудрялась не терять ни в какой ситуации.

— Этого нельзя оставлять просто так, — задумчиво заключила она. — Пора вспомнить о своих знакомых из Рады. Обычно им плевать с высокой колокольни на своих же избирателей, это реалии нашей жизни, но за каждым главой города стоят определенные представители киевской политической элиты. Если разразится скандал, это отчасти ударит также и по ним. Мы будем бороться, главное, помни: не опускаем руки никогда и ни в какой ситуации. Начинаются биржевые торги, но я постараюсь решить этот вопрос до своего отъезда.

Кажется, я обняла ее и поверила, что все будет хорошо. Успокоительное приглушило душевную боль, именно поэтому я не рыдала и не билась в постели, закусывая край подушки. Мне все еще казалось, что я смогу бросить вызов любым обстоятельствам и сумею противостоять даже абсолютной власти в лице Лаврова. Я бросала перчатку в ответ на вызов жестокой реальности, еще не понимая, что же именно буду делать и как, но зная одно — я выстою, чего бы мне это ни стоило. Однажды он сумел меня сломать, другого шанса я ему не предоставлю. Транквилизаторы, помимо своего успокоительного эффекта, придают почти отчаянную смелость. Наверное, так чувствовали себя камикадзе, отправляясь в свой последний полет.

Штейр оборвал трубку. Ему я тоже наплела, что тяжелый грипп приковал меня к постели.

— Юля, Лавров в клубе. Кажется, он в бешенстве от того, что тебя здесь нет, — голос Юрия дрогнул. Это могло бы испугать меня до икотки, потому что доминанта его уровня мало что могло выбить из колеи. К счастью или сожалению, я была обколота успокоительными, поэтому проигнорировала чужую тревогу.

— Отправь его к клубному психологу, пусть вколет господину мэру аминазинчика с сульфазинчиком. Или закрой в зеркальной комнате, пусть пообщается со своими двойниками. У меня вирусная инфекция, и я не намерена в угоду ему уложить весь персонал на больничные койки от одного чиха.

Как я могла играть в эти игры, ранимая орхидея с уже занесенным над ее лепестками лезвием острозаточенной катаны? Наверное, это был последний рывок моей отчаянной смелости. Бездна уже притягивала в свои объятия усиленным магнитом, намереваясь поглотить, растоптать свободолюбивую сущность Юлии Кравицкой, а я не желала замечать ее удушающей гравитации, избежать которой у меня не было ни малейшего шанса.

— Илья хочет забрать свои вещи, — осторожно сообщила Валерия ближе к вечеру. Я пожала плечами: злости на него не было совсем.

— Я не против. Пусть заберет.

Пока он паковал свои чемоданы, я пыталась уснуть, но безуспешно. Меньше всего я ожидала, что он захочет попрощаться со мной.

— Прости. — Он замер в дверях, не решаясь подходить ближе. — Ты поэтому увезла Еву? Чтобы наказать меня напоследок?

Меньше всего мне хотелось его наказывать. Мною владела странная апатия.

— Нет, поверь, совсем нет. Она у матери. Заедь попрощайся, ей будет приятно, что ты о ней не забываешь. И не жмись к стене, я не собираюсь вонзать клыки тебе в глотку.

Молодой человек потоптался в дверях, рассеянно оглядываясь по сторонам, затем нерешительно приблизился и сел рядом с постелью. Я улыбнулась почти искренне.

Выяснить с ним отношения мне не хотелось, может, именно потому, что это не имело смысла.

— Мне приснился Саша сегодня, — не знаю почему, но мне было легко с ним этим делиться. — Сказал, что я должна вести себя благоразумно. Такой странный сон...

Илья нерешительно подался вперед и коснулся моей руки.

— Не принимай близко к сердцу, Юля. Когда у меня был тяжелый грипп, ко мне приходила бабушка по матери и звала к себе. Кто бы посуевернее уже бы... — он запнулся, и я увидела в его глазах проблески слез. Он переживал смерть отца не так стойко, как я.

— Грипп? Тебе Лерка сказала, что у меня грипп?

— Ну да... А что? Разве нет?

Я посмотрела в его глаза, почему-то испытывая что-то среднее между нежностью и прощением. Впервые захотелось поделиться тем, что случилось, и совсем не с целью вызвать в нем муки совести — я сама не могла пояснить себе эти ростки непонятого доверия. Может, всему виной были таблетки?

— Не грипп, Илюш, — поколебавшись несколько секунд, я решительно потянула поясok пижамного халата, позволив упасть с моих плеч на стигбы локтей. — Только на мою грудь не смотри. Ребра...

Я не видела, как изменился взгляд пасынка при виде багровых отметин на моем теле, я не стала смотреть ему в глаза, опасаясь, что разрыдаюсь от его сожаления. Почувствовала кожей, как он содрогнулся всем телом. Потрясенное молчание повисло в комнате.

— Достаточно, — я поморщилась от боли и натянула халат обратно.

— В клубе? — глухо поинтересовался парень. В его голосе слышны боль и ярость. Я покачала головой.

— Нет. Это новый партнер решил скрепить наш союз такой вот своеобразной подписью.

Илья молчал. Я откинулась на подушки и закрыла глаза.

— Отец наверняка никогда не рассказывал тебе, что я была знакома с Лавровым раньше. Как и то, что он буквально собрал меня по частям после его жестоких измывательств. Теперь он вернулся и, как видишь, ничего особо не изменилось, кроме одного: нет больше Алекса, который может меня защитить.

Илья пытался куда-то сорваться, чтобы расторгнуть договор, дать в морду Лаврову или еще что-то сделать, рвался целовать мои руки. Я мало что понимала, гладила его по голове и улыбалась. Мне было все равно.

— Ну перестань. Мужчины не плачут, это не круто! Просто купи наконец эту яхту. Мечты должны сбываться! — уже проваливаясь в сон под действием снотворного, я бездумно проговорила: — только пообещай, что дашь мне приехать и восстановиться на ней, если этот ЕС не убьет меня раньше времени...

Сам Лавров позвонил уже вечером. Иногда Штейр по ошибке набирал меня с номера, который не определялся, и я бездумно сняла трубку.

— Да, Юра. Как все прошло?

— Кравицкая, тебе было мало? Я когда сказал тебе прибыть в клуб?

От спокойного голоса, в котором не было, казалось, ни капли угрозы, у меня перехватило дыхание. Комната запрыгала перед глазами, горло стянуло удушающей пленкой ледяного ужаса, а сердце остановилось, замерло, чтобы уже спустя несколько секунд сорваться в оглушающий бой. Один только голос запустил цепную реакцию, я вжалась в угол

постели, не понимая, что трясусь головой, отрицая происходящее.

— Ты полагаешь, что я настроен играть в игры? Что мне стоило с тобой сделать, чтобы ты осознала собственное положение, девочка моя? Может, у тебя повредился рассудок и ты забыла, сколько стоит час моего времени?

Все таблетки оказались бессильны под вспарывающей сталью его спокойного, почти ласкового голоса. Я почувствовала, как слезы скатываются с моих щек, оставляя следы на атласном шелке пижамы.

— Очень сильно болит. — Мне было плевать, что мой голос дрожит, что я сейчас говорю то, что чувствую, без какого-либо прикрытия. — Я не встаю с постели. Мне очень жаль.

— Юля, хватит давить на мою жалость. Я прекрасно знаю, что Анубис бил гораздо сильнее, но ты порхала уже спустя час, поэтому не желаю слушать твои маловразумительные оправдания. Если я сказал, что ты должна была быть в клубе, ты должна была там находиться. Мне следует расценивать твоё поведение, как бунт на корабле?

Видит бог, я держалась, и очень долго. Психика щадила меня ровно до этого звонка. Мне хотелось закричать, что все не так, что мне действительно очень плохо, что я постараюсь приехать как можно скорее, но мои слова сорвались в рыдания. Я сидела на постели, зажимая динамик ладонью, чтобы он не слышал моих сдавленных стонов, а сердце изнутри выламывало ребра. Перед этой болью померкла даже физическая.

— Хорошо, Юля. Мне придется прибегнуть к иным методам, раз сотрудничества у нас не выходит с первого раза.

Рыдания глушили меня. Я хотела закричать, что все осознала, что мне действительно очень плохо, что я обязательно приеду, все равно как, наглотаюсь обезболивающих и приеду, умолять, понимая, что я не выдержу кошмара, который он мне уготовил, но горло сдавило спазмом. Я не могла выговорить ни слова, даже рыдания перешли в сухие и беззвучные. Я открывала рот, словно выброшенная на раскаленный песок рыбка, но психосоматический спазм не желал разжимать свои оковы. Я пыталась что-то сказать, пусть даже прошипеть — ничего не выходило. Гудки отбоя ударили по натянутым нервам оглушительным набатом, отбирая у меня последний шанс что-то исправить или хотя бы сделать свою участь не столь ужасной.

Он не пожелал выслушать меня и вникнуть в мое положение, а я ничего не смогла с этим сделать. Я уже летела в бездну его безумия, и это не было столь ужасно по сравнению с тем, что меня ожидало в пункте конечного назначения...

Глава 13

Мне так и не удалось уснуть в ту ночь, несмотря на большое количество успокоительного и снотворного. Если до его звонка меня больше всего беспокоила физическая боль, то после него я перестала ее замечать. Сознание пыталось прорваться сквозь опьяняющий дурман препаратов, найти какое-то решение, чтобы выбраться из этого круга ужаса и отчаяния, но его попытки выкарабкаться были изначально обречены на провал.

Валерия перепугалась до чертиков. Как я не силилась что-то сказать, психосоматический спазм заблокировал голосовые связки, а руки тряслись, когда я набирала на сенсорном экране ответы на ее вопросы, путаясь в словах и делая ужасные опечатки. Не знаю, что ей сказал лечащий доктор, но она меня заверила, что все завтра пройдет. Я не могла даже рыдать в полный голос, чтобы выпустить эту разъедающую изнутри боль, слезы

не приносили облегчения — я их даже не замечала.

Ночью я ворочалась в постели, сжимая покрывало у своей шеи до боли в перенапряженных пальцах — сознание пыталось найти любой способ защиты от шокирующей действительности. Я не могла сделать абсолютно ничего, даже набрать его номер, потому как он был засекречен. А если бы и нет, я бы не произнесла ни слова, и вряд ли именно это обстоятельство заставило б Лаврова передумать или дать мне несколько дополнительных суток. Знаю, многие из вас бы изрекли избитое «а ты пробовала?». Не имело смысла пробовать.

Что такое бескомпромиссность, понятно всем? Этот звонок явил ее в чистом виде. Я все еще не могла поверить в то, что услышала, в тональность его голоса, в отсутствие любой человеческой эмоции, кроме триумфа абсолютного победителя, который решил не убивать побежденных слишком легким способом. Я продолжала повторять себе, что все не так, завтра будет новый день и он не будет жесток. Я, забыв о желании вцепиться ногтями ему в глотку и на хрен вырвать кадык, еще раз попробую пояснить, что в таком моем состоянии никаких дел не решить, как бы ни хотелось. Забыться кратковременным беспокойным сном мне удалось лишь под утро.

Слава богу, утром голос вернулся. Но это было ничто по сравнению с навалившейся усталостью, вследствие которой я еле передвигала ноги и не могла удержать в руках даже душевую насадку. Ужас оккупировал сознание, я едва преодолевала острое желание забиться в угол и спрятаться, вздрагивая от малейшего шороха в доме. Как при этом я еще собиралась действительно поехать в клуб и попытаться его уговорить? Всей фарминдустрии с ее транквилизаторами было мало, чтобы поднять меня на ноги даже физически, в таком состоянии можно было только бить на жалость одним внешним видом. И я была готова пойти даже на такое унижение, потому как сражаться в таком состоянии было равносильно безумию.

Физическая боль действительно отступила, а может, просто померкла на фоне моральной. С каждой минутой у меня что-то рушилось внутри, отравляя токсинами разрушения уставшее сознание, температура не спадала, а я сама едва не рухнула с лестницы от приступа головокружения.

Штейр позвонил спустя час после моего пробуждения.

— Юля, тебе лучше приехать. Ты же понимаешь, что с властью не играют в такие игры.

Я понимала это, и очень хорошо, но этого не понимала моя физическая оболочка, мои дрожащие пальцы, которые едва удерживали телефон, горло, которое грозил скрутить очередной спазм, и сердце, которое билось в аварийном режиме на пределе своих возможностей.

— Он там? — прошептала я, непроизвольно забиваясь в угол кровати и отчаянно мотая головой, чтобы прогнать подступившие панические слезы.

— Нет. Здесь его отряд тимуровцев, составляют опись новых владений. Он звонил Владе четверть часа назад и попросил поторопить тебя, так как хочет увидеть последние калькуляции и список членов клуба. Выпей таблетку и просто покажись. Он не станет мучить тебя долгими разговорами, когда увидит, в каком ты состоянии.

Я мысленно досчитала до пяти. В этом состоянии я вообще не смогу с ним разговаривать. Какие, к черту, калькуляции и списки! Если я вырублюсь прямо там, то не смогу сделать даже элементарного.

— Юра, я правда очень сильно заболела. Ну что мне, справку о состоянии здоровья ему

предъявить? Возьми списки у Влады, калькуляции в соответствующих папках, если понадобятся детальные, я пришлю на имейл. Да просто скажи ему, что я на ногах не стою, мне и самой хочется поскорее с этим всем разобраться, но, понимаешь, не могу!

— Хорошо, Юля, не паникуй, я поговорю. Ты у врача была? Что-то серьезное?

— Просто сильная слабость, я на таблетках. Завтра планирую быть в полном порядке. Ищейки этой сволочи в моем кабинете хоть не пасутся?

— Не хотелось бы огорчать. Но ты не переживай, Влада держит ситуацию под контролем. Я пока принимаю новое оборудование. Выздоровливай, я тебя прикрою.

Я ему поверила. Настолько, что даже заставила себя позавтракать и лечь спать. Новый звонок разбудил меня около четырех часов дня.

— Юля, только что отбыл обратно в мэрию. Вопросы по калькуляциям обсудит лично с тобой. Вроде выслушал и особо не возражал, пожелал тебе быстрого выздоровления.

Я потянулась за сигаретой и зажмурилась, испытал что-то наподобие кратковременного облегчения.

— Спасибо, Юра. Я переживала, что он там от ярости все разнесет и не станет тебя слушать.

— Выслушал с каменным лицом. Но настроение вроде как хорошее было. А вообще, я никогда не могу ручаться за людей подобного типа, они настолько сильно закрыты эмоционально, что никогда не поймешь, что у них на уме. Не переживай и постарайся завтра приехать, эту ситуацию нельзя запускать.

— Сделаю все для того, чтобы оклематься к завтрашнему дню, — пообещала я, закуривая. Слова Штейра успокоили меня, я готова была даже забыть о вчерашних угрозах Димы и непрекращающемся потоке слез и панических атаках.

К вечеру температура спала — Валерия напоила меня чаем с малиной и запретила раскрываться. Старый бабушкин метод сработал очень хорошо. Головокружение все еще донимало, но мышцы больше не ломило от слабости, боль от ударов стала глухой и почти незаметной, если не делать резких движений.

— Я говорила с лидером партии «***» и нардепом Кравченко. — Валерия старалась не смотреть мне в глаза. — Никого нельзя назвать своим другом. Когда тебе необходимо одолжение, забывают напрочь, что были вхожи в дом Александра и готовы были сделать все на словах. Давно на меня так не орал.

— Спасибо, Лера. Попробовать все равно стоило. Чем мотивировали свой отказ? Чего бояться? Времена люстрации давно прошли.

— Это все было бы смешно, если бы не было так грустно. Пока Лавров проводит выгодные им реформы и исправно пополняет бюджет, он просто неприкасаем. Пока он облагораживает город и набирает все большую популярность среди электората, а это будущие тысячи подписей за определенную правящую силу с его легкой руки, никого, извини за выражение, не е*бет, с кем он развлекается и насколько извращенно это делает, как и то, что именно он решил захватить в собственность, главное, чтобы не перешел дорогу никому из киевской элиты.

Я упала на подушки и сжала запульсировавшие виски. Обреченность. Отсутствие выхода. Впервые я оказалась в столь тупиковом положении, и только сейчас начала осознавать, что никто мне не поможет. Ему все сойдет с рук, а я не представляю столь большой ценности для тех слуг народа, которые сидят в своих кабинетах и мнят себя богами. Слезы сами покатались по моим щекам. Я непроизвольно всхлипнула, вздрагивая от

прикосновения ладонки Леры к моему лбу. Кажется, после визита в логово врага я приобрела новую фобию, а именно боязнь прикосновений.

— Ну, что такое? Кто сказал, что это конец света? — ласково проворковала Валерия, поглаживая мои волосы. — У Николая выставка в Киеве через неделю. К сожалению, мне придется уехать на биржевые торги, но у него не меньше связей, чем были у Алекса. Валерий Лавров приобрел семь скульптур! Ты уж извини, но мне пришлось посвятить мужа в подробности этой ситуации. Я не думаю, что старший откажет ему в просьбе, особенно получив в виде презента центровую модель всей экспозиции.

— Я не хочу... не надо никого ни о чем просить! — я захлебывалась в слезах. Ощущение нависшей угрозы становилось все осязаемее, безумные мысли — сорваться и нанести визит Димке с одной лишь целью: рухнуть к его ногам и попросить избавить меня от этого кошмара — больше не казались бредовыми. Я уже не могла думать только о себе. Мысль о том, что Ева будет наблюдать за моим нервным истощением день ото дня, убивала гораздо сильнее. По иронии судьбы, особняк мэра располагался в этом же коттеджном поселке на расстоянии примерно километра от нашего дома. Пустили бы меня туда? Блядь. Я готова была буквально вползти туда на четвереньках, замотавшись белым флагом, не поднимать заплаканные глаза выше собственного носа и просто умолять прекратить подобные жестокие игры. Все равно, ради чего: прошлого, настоящего, спокойствия детей; бить на его отцовский инстинкт путем отождествления, реально выдержать все, даже если он пустит меня по кругу среди своих гребаных бодигардов — пусть закончится раз и навсегда, только бы не это ощущение ужаса и безысходности. Но было слишком поздно. Такой униженной и сдавшейся мне стоило явиться в мэрию изначально. Гордость уничтожила любую надежду на благополучный исход этого кошмарного противостояния.

Я медленно сгорала в этой безрадостной и неотвратимой обители чужой тьмы, ворочаясь в постели и кусая пальцы, чтобы не сорваться в самую страшную истерику. Я научилась чувствовать многих людей. В разговоре Лавров не соврал, буду я играть по его правилам сейчас или нет, значения не имело. Ощущение катастрофы нависло надо мной, и это сводило с ума. Я была слишком слаба, чтобы противостоять ему, и еще сильнее напугана.

То, что он не позвонил мне сегодня, никак не успокоило. Тишина перед апокалипсисом всегда страшнее убойного грохота. Но на следующее утро я решительно поднялась с постели и привела себя в порядок. Сегодня я поеду в клуб, чего бы мне это ни стоило. Если у меня есть хоть малейший шанс уговорить Лаврова, я его использую.

Белки испещрены мелкой сеточкой воспаленных сосудов — я вчера плакала долго и от души, кажется, заснула в слезах. Несколько капель в глаза, пилюлю успокоительного в рот, чтобы не разрыдаться перед зеркалом. Мои руки дрожали, когда я выравнивала волосы и наносила макияж. Мне больше не хотелось быть для кого-то привлекательной и желанной, будь моя воля, я бы вообще ничего этого не делала. Мысль о том, что я могу своим видом опять спровоцировать Лаврова на дальнейшие издевательства, была по сердцу и сознанию безжалостными целенаправленными ударами. Останавливало только то обстоятельство, что я не могла появиться перед сотрудниками в имидже неадекватной жертвы, которая сложила руки и забила на все. Даже на себя.

Знакомо ли хоть кому-то из вас безрадостное состояние отчаяния? Когда тыходишь в собственную гардеробную, а сердце не замирает, как прежде, от предвкушения, извечного женского и такого приятного сомнения — «а что бы надеть?». Когда тебе абсолютно все равно и ты проклинаешь себя за то, что не прикупила абайю с самой глухой чадрой как раз

для таких вот случаев! Когда ты снимаешь с вешалки первый костюм, который попался тебе на глаза, и даже цвет яркой фуксии не в состоянии пробить панцирь страха перед скорым будущим. Когда ты забываешь напрочь, что существуют аксессуары, комбинации цветов и не рисуешь в своем воображении сценарий сотни ошеломленных глаз и свернутых мужских шей... Когда тебе абсолютно плевать и хочется закрыться, отгородиться непроницаемой стеной!..

Подсознание и тут направило мой выбор. Никаких разрезов и глубокого декольте. Этот костюм из платья и жакета был донельзя закрытым и консервативным. Его изюминкой был лишь сочный цвет. Я забыла даже надеть серьги с кольцами, а попросту говоря, мне было все равно.

Борис ожидал в холле и переговаривался с Валерией за чашкой чая. Я кивнула подруге, которая обняла меня и успела шепнуть «все будет хорошо!». Я очень хотела ей поверить, но так и не смогла.

В Харьков пришла весна. Цвели абрикосы, солнечные лучи пока прятались за серыми облаками, но было тепло. Я отметила это без каких-либо эмоций, пытаясь настроиться на тяжелый разговор с Лавровым по дороге к клубу, но у меня ничего не вышло. Когда я вышла из автомобиля, опираясь на руку водителя, земля ушла из-под ног от приступа очередного головокружения. Я потрясла головой, готовая разрыдаться и, что еще хуже, забиться в угол пассажирского сиденья и истерично умолять Бориса отвезти меня подальше отсюда, все равно куда, только бы не видеть чеканных линий обители тьмы, в которой меня поджидал крах всего того, чем я жила прежде. Но я лишь кивнула ему на прощание и направилась к двери, стараясь держать осанку и ступать по прямой линии.

Стойка администратора пустовала. Весело, ничего не скажешь, заходи не хочу? Приступ злости на халатность персонала на короткий миг затмил мой страх перед неизбежностью. Если для того, чтобы хоть немного отпустило, мне придется сорваться на сотрудника клуба, я так и сделаю! Толкнула двери из темного зеркального стекла, оглядывая почему-то ярко освещенный холл...

Сперва я ничего не поняла. Земля ушла из-под ног, яркие огни люстры и светильников слились в сплошную световую линию перед тем, как я попыталась инстинктивно выставить вперед ладони, увидев приближающуюся стену. Ничего не вышло, при этом отчаянном рывке кисти прострелила острая боль.

— Лицом к стене, тварь!

Я задохнулась от приступа паники. Сердце застучало в горле, перекрывая дыхание. Чьи-то грубые руки надавили на мой затылок, впечатывая лицом к стену, тогда как другие две пары лап ощупали все мое тело, поднимаясь по ногам к талии, проникли под юбку, сжав промежность. От ужаса и шока я не могла даже завопить.

— Чистая...

Кто-то схватил меня за плечо и рывком развернул. И тут я просто офонарела от боли, в глазах заплясали клочья тьмы вместе с искрами. Слезы рефлекторно брызнули из глаз, и я заорала, даже не чувствуя удара в спину. Меня поволокли по коридору к ряду кресел, удерживая руки в захвате, и грубо швырнули лицом в мягкое покрытие. Все еще не в состоянии прийти в себя от внезапного потрясения, я расслышала треск переговорного устройства.

— Хозяйка борделя пожаловала.

— Сейчас спущусь.

Застонав, я подтянулась на руках, скривившись от боли и осторожно присела. Четверо вооруженных мужчин с эмблемами какого-то подразделения на жилетах окружили меня, тыча автоматами в лицо. Я заскулила от ужаса и вжалась спинку кресла, от шока напрочь закончились слова и мысли.

— Госпожа Кравицкая? — я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем сквозь оцепление вооруженных головорезов протиснулись двое. Один был в форме майора — крупный мужчина с глазами навывкате и внушительным пузом, другой в штатском, похожий на братка. Я кивнула, стараясь унять взбесившийся ритм сердца.

— Д-да... Что происходит?

— А интересные вещи у вас тут происходят, мадам, — скривился тот, что в штатском. — Прошу проследовать в ваш кабинет. Только вас одну дожидаемся.

Я замотала головой, отказываясь воспринимать происходящее. Ближайший ко мне боец с автоматом сделал шаг вперед и потянул меня за руку.

— Подняла задницу, сука, когда с тобой разговаривают!

Представитель доблестной полиции в форме довольно усмехнулся.

— Ребятки, полегче, что за манеры. Мадам Кравицкая у нас законопослушная девочка, не так ли? Сама пойдет и сама согласится сотрудничать.

Вопреки их словам, кинг-конг с автоматом не отпустил мою руку, пока я не поднялась на ноги, и хлопнул по спине, подталкивая к лестнице. Меня трясло, и пришлось вцепиться в перила, пока я поднималась вверх в сопровождении самодовольных представителей полиции. Кажется, они представились и сунули корочки мне под нос одновременно, но я ничего не видела от усилившегося головокружения и темных пятен перед глазами. Чувство нереальности происходящего, отголоски боли во всем теле, вернувшаяся слабость пока что шатали меня от осознания происходящего. Кто-то с издевательской галантностью открыл двери в мой кабинет, я опустилась в ближайшее кресло, не обращая внимания на посторонних. Когда темнота рассеялась и звон в ушах утих, первое, что я заметила — Штейра у стены со скованными за спиной руками. За ним присматривал один из бойцов отряда спецназначения, тогда как двое других переворачивали содержимое шкафа с бумагами. Немолодая женщина с цепким взглядом работницы органов и флегматичный парень переговаривались у окна, иногда бросая на меня безразличные взгляды.

— Воды, Юлия Владимировна? — я кивнула и даже бессвязно поблагодарила кого-то из моих конвоиров, когда стакан и что-то еще коснулись моих пальцев. Я настолько сильно хотела пить, что не обратила внимания на второй предмет, пока не осушила стакан несколькими судорожными глотками, и в голове у меня не прояснилось. Лишь тогда я перевела взгляд на небольшой пакет, набитый чем-то белым, то ли сахарной пудрой, то ли...

— А что это?

Опер в штатском вынул из кармана несвежий носовой платок и осторожно обернул им пальцы, отбирая у меня этот предмет.

— Ай-яй-яй... Эта женщина жертвует на благотворительность, ведет успешный бизнес, воспитывает дочь, и вот те на — торгует наркотиками!

— Я не... — стакан у меня отобрали таким же способом. Я недоуменно моргнула.

— Сергеевич, на дактилоскопию наши пальчики. — Страж закона повернулся ко мне. — Итак, Кравицкая Юлия Владимировна... В вашем кабинете проводится обыск. Прошу подойти к столу и открыть сейф. Вот ордер. Поняты, поближе.

— Это... это бред! — я едва обрела голос. — Какие наркотики? Какой обыск? Вы

знаете, кто я такая... И кому еще принадлежит этот клуб?

— Дерзит, — кинул реплику кто-то из присутствующих. Толстяк в форме подошел ближе и буквально оцупал меня взглядом.

— Что ж... С такими буферами, пожалуй, пропустим мимо ушей.

Штейр дернулся у стены, явно возмущенный этим фамильярным обращением, но его тут же ткнули прикладом в поясницу. Сама же я плохо соображала, когда поднималась на ноги и безропотно позволяла тащить себя к столу. Ряженые понятые наблюдали за этим фарсом-обыском со скучающим видом, видимо, им было не впервой участвовать в подобном. Один из служаков вытряс на столешницу содержимое моего клатча и достал ключи от сейфа.

Опер в штатском едва сдерживал довольную ухмылку, когда открывал ящики стола. Я даже не удивилась, когда на стол легли пакеты с белым порошком и коробочки с пилюлями.

— Это не мое... — тупо повторила избитую киношную фразу.

— Конечно нет, это аптека адресом ошиблась. Сейф!

Я поморщилась от толчка в плечо и автоматически, практически не отдавая себе отчета в собственных действиях, повернула магнитный ключ и набрала комбинацию цифр.

— Ай-яй-яй, надо же быть такой глупой! Сейф пустует, а ящики стола забиты под завязку! Попалась, Кравицкая?

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы не удариться в панику, когда до меня постепенно начал доходить весь ужас моего нового положения. Опер уже не играл в галантного хорошего копа, его толчки в спину стали грубее и болезненнее. Я наблюдала, все еще надеясь, что это сон и скоро проснусь, за тем, как «понятые», скорее всего, из одной и той же милицейской конторы, поставили подписи. Когда кто-то протянул ручку мне, требуя поставить подпись на документе, не читая, я едва не зарычала, отскочив в сторону. Толстяк в форме махнул рукой.

— Пакуйте их обоих. В участке она у меня все подпишет!

Меня схватили за плечи, заставляя наклониться к столу, грубым рывком завели руки за спину. Боль полоснула новым накатом, и я не успела вырвать ладони — кисти ощутили прикосновение холодного металла, когда на мне с оглушительным щелчком сомкнулись браслеты наручников. Я прижималась щекой к глянцевой поверхности стола и боролась с желанием закричать от страха. Картинка складывалась постепенно. Вся это ситуация могла означать только одно. Блядь, мне не хотелось в это верить, пусть после избиения хлыстом, даже после угроз Лаврова! Это было слишком даже для него! Я зажмурилась, понимая, что мне сейчас ничего не стоит униженно разрыдаться на глазах у этих извергов с полицейскими удостоверениями.

Странное ощущение: вроде каждый из них, включая понятых и группу быстрого реагирования, прекрасно понимал, что это режиссированная подстава, но никому не было меня жаль. Никакого сопереживания или хотя бы нейтралитета. Гиббоны с автоматами скалились, наблюдая за моим унижением, а один даже подошел ближе, с садистским выражением в глазах осматривая мое лицо.

— Сергеевич, ты забыл, где мы находимся? Кукла совсем прибалдела от наручников, наказал кошку сметаной! Может, ее откайфольжить дубинкой в одной из тех комнат?

Опер потянул меня за волосы, едва не срывая скальп. Я прикусила язык, чтобы не кричать — доставлять своим мучителям такое удовольствие не собиралась, вышло лишь глухое шипение сквозь стиснутые зубы. Двое бойцов вытолкали в дверь Штейра, словно серийного убийцу, пригнув его голову прикладом и не позволяя распрямить спину. Когда же

вслед за ним поволокли к выходу меня, осознание происходящего ударило в солнечное сплетение волной выжигающей паники.

Влада замерла у окна, пока представители полиции рылись в ее столе. На обыск это было мало похоже, скорее, вооруженный горилла просто подкидывал кверху папки с документами и позволял им спокойно падать на пол. Мы обменялись с ней практически одинаковыми взглядами — паника, страх, неприятие, потрясение.

— Я позвонила Раздобудько! — крикнула мне вслед секретарша. Послышался отборный мат и поток угроз, которыми проводящий обыск наградил моего референта за то, что открыла рот и успела подсуетиться. Даже лапа опера, которая сжимала мое плечо, напряглась при упоминании фамилии лучшего в городе адвоката. Это вселило в меня крохотную, но надежду, и я мысленно попросила высшие силы о том, чтобы надоумили Владу позвонить также Андрею Авдееву, другу Алекса и по совместительству главе СБУ города. Мне оставалось только надеяться, что Дима не успел сместить его с должности, заменив кем-то из своих приближенных.

Я едва не сломала себе ноги на лестнице, по которой меня в буквальном смысле слова волокли к выходу, не позволяя прийти в себя и отдышаться. Яркий, несмотря на отсутствие солнца, дневной свет резанул по глазам, но мою голову тут же пригнули параллельно земле. Я ожидала увидеть «воронок» для перевозки заключенных, но меня втолкнули на заднее сидение новой «тойоты приус» — еще один подарок нашей горячо любимой власти для не менее обожаемой полиции. Штейра запихнули в такую же.

Наручники врезались в кожу запястий, от этой неудобной позы боль в плече и ребре не унималась, и я ощутила легкий жар. Температура. Только этого мне сейчас не хватало! О том, что впереди, не хотелось лишней раз думать, потому что я умом понимала, что ничего хорошего. Лавров решил меня устранить самым жестоким способом и прибрать к рукам клуб. Я не была сильна в новом законодательстве, но в одном из американских фильмов видела момент, когда вследствие подставы главу семьи упекли за решетку, и он потерял имущественные права на собственный дом. В нашей стране, увы, прокатывало и не такое варварство.

Передышка на время гонки по городу была недолгой. Вскоре меня вытолкали в шею и поволокли в отделение, не удосужившись снять наручники. Пальцы немели, и от каждого движения я шипела от нешуточной боли теперь еще и в сжатых запястьях. Меня усадили на стул в кабинете того самого опера.

— Дюжев Арсений Сергеевич, — напомнил он, раскладывая бумаги. — Вернемся к нашим баранам, госпожа Кравицкая. Советую отвечать членораздельно и максимально честно и не забывать, что чистосердечное признание у нас смягчает наказание. Даже если вы в своем борделе и не хотите никакого смягчения.

Я проигнорировала его издевательские намеки и попыталась предположить, где сейчас Раздобудько и как скоро прилетит мне на помощь. Если бы еще удалось известить Авдеева!

— В праве на звонок мне отказано? — ни на что конкретно не надеясь, осведомилась я.

— Ты что, башкой ударилась? — расхохотался Дюжев. — Кравицкая, давай, просыпайся, ау! Ты не в Швейцарии! Твои богатые е**ри тебе не помогут, я закрою тебя с превеликим удовольствием! Давай так, сама подпишешь и сэкономишь нам время?

Я не знаю, как еще держалась, невзирая на то, что от его слов по позвоночнику пробежал холодок. Подняла голову и с вызовом посмотрела в глаза, показывая, что под его дудку плясать не собираюсь. Раздобудько доедет, а если его присутствие не поможет,

заставлю набрать главу СБУ. Главное держаться, что бы мне тут не устроили. Горло сдавило при мысли о том, как у заключенных могут выбивать признания. Но, вашу мать, я лучше сдохну! Побои, которые не оставляют следов, пытки током, а что тут могут сделать с женщиной...

Кажется, ужас все же отразился на моем лице, что не могло не обрадовать следака. Я поспешно отвела взгляд. Неужели Лавров настолько сильно меня ненавидит, что бросил в эту кровавую мясорубку, особо не задумываясь и даже не давая указаний относительно обращения со мной? Я все еще отказывалась в это верить. Ладно, кнут, ладно, угрозы, но вашу мать, слить совсем, особенно после встречи на парковке? Ничего конкретно не поясняя и даже не делая попытки обсудить со мной ситуацию? Зачем обязательно наркота, ему же ничего не стоило оспорить волю Алекса в суде, если бы я его об этом попросила. В таком состоянии я бы отписала дарственную, не задумываясь. Неужели он не понимал, что тут со мной могут сделать? Или все прекрасно понимал и, не исключено, попросил даже сделать видеозапись?

От таких мыслей мне совсем поплохело. Я кусала губы, чувствуя, как окончательно теряют чувствительность руки, старалась не дать волю слезам ужаса и отчаяния и автоматически, не задумываясь, отвечала на вопросы.

— Полностью, фамилия, имя, отчество!

— Юлия Владимировна Кравицкая.

— Я даже догадываюсь, какое погоняло дадут тебе сокамерники. Год рождения?

— У вас мой паспорт...

— Род деятельности?

— Хозяйка трех магазинов и клуба, в который вы сегодня нагрянули.

— Как давно торгуете наркотой в своем клубе?

— Не понимаю, о чем вы.

— Ваш муж тоже промышлял подобным?

— Нет.

— Это ваша инициатива?

— Нет.

— Кого из клиентов клуба снабжали коксом и ЛСД?

— Никого.

— Кто ваш поставщик?

— Никто.

— Вы отказываетесь сотрудничать со следствием?

— Я сотрудничаю со следствием. К тому, что вы якобы нашли, не имею ни малейшего отношения.

— Вы не понимаете, что все улики против вас и вам грозит срок?

— Это не улики. Вы сфабриковали обвинение.

Мой взгляд помимо воли упал на стену за спиной Дюжева. Детский рисунок, изображающий, предположительно, мужчину с пистолетом, который держит за руку мальчика на фоне солнышка и зеленой травы. От подобного разрыва шаблона я лишь до боли закусила губы, чтобы не позволить предательским слезам прорваться наружу. Ева. Я бы справилась, если бы была одна, но лишить ребенка матери... неужели Лавров так далеко зашел в своем безумии, чтобы перешагнуть даже через это?

— Вы не понимаете, насколько все серьезно. У вас дочка, я не ошибаюсь?

— А какое это имеет значение? Или вы будете мне угрожать здоровьем ребенка, чтобы я подписала эту хренотень?

— Полегче. Не советую хамить представителю власти.

Я закрыла глаза и покачала головой. Оставалось только ждать адвоката.

— Отлично, я так понимаю, что разговора у нас не получится. Придется ближе к вечеру поговорить с вами по-иному. — Рука опера метнулась к телефону. — Пришлите конвоира.

Я старалась не думать о том, что же именно значило это «по-иному». Только сейчас до меня начало доходить, что не имеет особого значения, подпишу я признание в сфабрикованном преступлении или нет — если за этим стоит мэр, в чем я уже не сомневалась, моя подпись материализуется даже на бумагах об убийстве Гонгадзе, и плевать, что я тогда пешком под стол ходила. Даже на имущественных бумагах эта подпись появилась без труда.

— В СИЗО ее, — махнул рукой Дюжев, — до вечера.

Я не видела вошедшего конвоира, но он не стал дергать меня за волосы и толкать в спину. Это настолько сильно расходилось с недавним обращением, что я послушно поднялась. Руки занемели так сильно, что я уже начала опасаться за состояние сосудов.

— В следственный? Но там же...

— А мне плевать! Пусть поизучает изнанку жизни, встретится с коллегами с панели и наркоманками!

Наручники с меня все же сняли, но руки заставили держать за спиной. Я в который раз за день подавила приступ паники, когда за мной закрылась решетчатая дверь с коридором, в нос ударил спертый запах пота и мочи. Решетки камер давили на психику, вызывая единственное желание — бежать, хотя бы попытаться рвануть обратно. К счастью, я прекрасно понимала, чем это может обернуться.

Мы остановились перед решеткой изолятора, слышался лязг замков, скрип плохо смазанных петель.

— Лицом к стене! Заходи!

Я послушно шагнула в камеру, попытавшись задержать дыхание. Две сокамерницы — молодая девушка в вызывающем гипюровом платье, открывающим гораздо больше, чем следовало, и грузная женщина с обесцвеченными волосами и уставшим лицом, закутанная в какой-то мешковатый балахон, уставились на меня, прекратив разговор.

Мне пришлось вспомнить краткий курс юного зека из криминальных телесериалов, хотя бы потому что я не имела права сейчас поддаваться отчаянию и панике от того положения, в котором оказалась. Опустила взгляд себе под ноги, не обнаружив носового платка, о который стоило вытереть ноги, подняла голову и кивнула двум женщинам.

— Привет, сестренки.

Слава богу, всплывший в памяти отзыв «стол не мыльница, параша не хлебница» мне не пригодился. Да и киношная тюремная романтика явно была далека от реальности. Более старшая ответила сразу, а на лице молодой жажда развлечения сменилась колебанием, прежде чем она поздоровалась в ответ. Ее голос, похожий на скрип петель, прокуренный и грубый, царапнул по нервам:

— И тебе не хворать. Ты как здесь?

— А, от скуки решила по мэру пострелять из рогатки. — Шутка подействовала, и я кожей уловила волну расположения обеих заключенных. Мадам в гипюре грубо заржала, а старшая улыбнулась:

— Я Людка Беглая. А она Ляся.

— Ляйсан, — грубо поправила девушка, судя по внешности, казашка. — А на кой ты стреляла в мэра? Его же облизать с ног до головы хочется, ты его хоть вживую видела? Я бы ему на шару отдалась. Бог!

— До бога этому Джастину Биберу, как до Киева раком. — От моих слов Ляйсан снова захохотала, прикрывая рот рукой. «Шлюха», — сообразила я, увидев безвкусно выполненную татуировку в виде бабочки с большой грудью на ее кисти. Успокоившись, она смахнула слезы смеха.

— А у меня мамка район не поделила с другим сутенером. Меня прямо с клиента и сняли, в чем была. Все им нейдет, со своими разборками.

— А меня за эту, о, «несанкционированную торговлю ликероводочными изделиями на стихийных рынках»! — поделилась Людка. — Ну а без балды, за что тебя?

— Хрен его знает. Шьют наркоторговлю, менты поганые.

— Е*ать тебя в рот! Серьезно? — Ляся аж подскочила на месте. — Кто у тебя следак?

— Дюжев.

— А, еще не довы*бывался, перхоть подзал**ная. То еще чмо, за бабки и мать родную засадит. Мамка говорит, его скоро снимут к едрене фене, заигрался. У тебя курево есть?

— Да отобрали, суки. — Коммуникация была выстроена, можно было не опасаться за свое здоровье в камере. Я бы вырвала патлы обеим, если бы меня осмелились тронуть, но температура не спадала, а в таком ослабленном состоянии не надо быть пророком, чтобы понять, на чьей стороне окажется перевес. Я шлепнулась на грубую лавку, закинув ноги и не снимая туфель. — Адвокат придет, конфискую.

— У тебя адвокат?

— Да чет типа того. Я Юлька. Можете звать Тимошенко.

— Абзац! Слушай, хочешь, расскажу мою историю? — казашка подседа ближе. Неизвестно, сколько времени она уже тут находилась, но сенсорный голод был налицо.

— Давай, — я заняла более комфортное положение на лавке и изобразила прилежное внимание.

— Звонит мне, короче, утром мадам, говорит, давай, телка, штукатурку на рожу и подтягивайся по адресу...

Я слушала ее, удерживая на лице почти восторженный интерес, не обращая внимания на ломоту во всем теле и подступающую мигрень от ее скрипучего голоса. Повествование растянулось как минимум на час, маты и ругательства перемежались подробностями прерванного полового акта в грубоватой форме. Жрица любви так увлеклась, что даже угостила меня сигаретой, а я кивала, выпуская дым в потолок, иногда задавая наводящие вопросы. Мне было плевать на нее и эти истории, но я боялась, что сейчас она замолчит, и меня накроет паника от незавидного положения, я начну думать о Еве и о том, что Раздобудько ничего не добьется, и тогда настанет полный песец.

Кажется, мы начали обсуждать размеры мужских достоинств — о чем еще поговорить девчонкам в камере, когда шум в коридоре привлек наше внимание. Суровая зарисовка к сериалу «секс в большом городе» рассыпалась в пух и прах.

Приближавшиеся говорили на повышенных тонах, о чем-то спорили, топот ног гулко отдавался по бетонному полу. Подняв глаза, я заметила своего недавнего конвоира, парочку полицейских и двух широкоплечих мужчин в черных костюмах. Процессия остановилась возле нашей камеры, и я удивленно подняла брови, когда конвоир заискивающе закивал и

принялся отпирать замок камеры.

— Это еще кто? — напряглась Ляся. — Слушай, ты реально наркобаронша?

Я оглядела двух в костюмах, и когда заметила у одного из них выпуклость под пиджаком на том месте, где мой Борис всегда носил кобуру, так успешно забытая в разговоре паника шарахнула по позвоночнику ментоловой изморозью. Твою мать... кто у нас аналог американского АНБ? Все настолько серьезно, что мое дело передали выше, этому псевдо-ФБР от родного государства? Кажется, мне реально хана, если это так!

— Кравицкая, на... Юлия Владимировна, будьте любезны, выходите... — заблеял мой конвоир, открыв наконец двери и заискивающе поглядывая на меня. Сокамерницы уронили челюсти, а я поспешно вскочила на ноги, ничего не понимая. Волна облегчения от того, что меня не будут пытаться в кабинете Дюжева, схлынула очень быстро. Кто знает, какие методы у этой конторы! Хорошо бы детектор лжи и сыворотку правды, иначе...

— Ну, девчата, не поминайте лихом! — голова вновь закружилась, когда я встала на ноги и шагнула навстречу этой делегации, сжав кулаки, чтобы не дрожали. То, что на меня не надели наручники и не заставили держать руки за спиной, ни капли не успокоило.

— С вами все в порядке? — спросил один из мужчин в костюме с непробиваемостью киборга. Я могла только кивнуть. Местные работники буквально бежали впереди нас, открывая стальные двери, и я неуверенно направилась к выходу в оцеплении этих двоих. Это засада. Надеюсь, они не откажут мне в последнем звонке.

Я настроилась на самое худшее, но шок от того, что я увидела в коридоре и кабинетах, перебил эту панику. Помещение было заполнено представителями милиции, кабинет Дюжева обыскивали, тогда как он сам, а также его напарник сидели на стульях лицом друг к другу. Теперь наручники красовались на их запястьях.

— Юлия! — я перевела ошарашенный взгляд на главу СБУ Авдеева. Весь ужас произошедшего вместе с осознанием, что я в безопасности, что все прошло, накрыл меня откатом теплой волны, и я практически упала в объятия друга семьи. Его слова доходили до меня, как сквозь вату. Взят с поличным опер-коррупционер... подстава ради звезд на погоны... была разработана операция и давно их вели, дело лично под контролем у...

Значит, мне не показалось. В каком бы ужасе я ни была, мне это, вашу мать, не показалось.

Я узнаю этот взгляд из тысячи. Сигнальный маяк «спасаться и бежать», и в то же время молчаливое напоминание о том, кто уже цепко зажал в руке поводок от моего ошейника. Я даже не заметила семейного адвоката, лишь сухо поблагодарила. Мой взгляд был прикован к фигуре мэра, который отстраненно наблюдал за проводимой операцией. Сейчас он как раз выслушивал доклад кого-то из СБУ, в то время как глаза скользили по моему лицу без какого-либо выражения.

Меня вновь накрыло десятым валом цунами цвета крепкого кофе с горьким привкусом. Кому-то он мог показаться изысканным, кому-то слишком крепким, и даже опасным, потому как мог разорвать сосуды одним своим вторжением. Кто-то мог пригубить этот напиток и получить удовольствие. А для кого-то он стал таймером, запустившим роковой отсчет до остановки сердца.

Кажется, я едва не всхлипнула от приступа панической атаки, когда он прервал свой разговор и сделал шаг мне навстречу. Слезы защипали в глазах, сердце сделало опасный кульбит, отозвавшись почти забытой болью в ребре и предплечье. Лихорадочный жар от повышенной температуры выбил испарину по позвоночнику, и я непроизвольно отшатнулась

под удивленным взглядом семейного адвоката друга семьи. Я была готова почти умолять их спрятать меня, закрыть стеной от приближающейся фактурной тени моего ожившего кошмара.

Почему они оба поспешили найти себе какие-то дела, стоило мэру остановиться буквально в шаге от меня? Я недоверчиво вжалась в стену, готовая вытянуть вперед руки и закрыться, прогнать эту реальность, стереть тень его присутствия. Кажется, я все же всхлипнула от нового шока. Правда, без слез, когда сканирующие лазеры бесчувственного эспрессо скользнули по моему лицу. Играть в игры и обманывать саму себя не имело смысла: я боялась этого человека до безумия. Настолько, что в этот момент все отошло на второй план — скопление огромного количества свидетелей, кратковременная радость от освобождения, мысль о том, что я скоро увижу дочь. Остались мы вдвоем, а еще его бескомпромиссная, подминающая воля, от которой все мои попытки держаться и бороться утратили смысл.

Когда Дима стянул со своих плеч пиджак, я инстинктивно обхватила себя ладонями, стремясь закрыться на подсознательном уровне. Его прикосновение обожгло током, и я опустила глаза в пол, понимая, что бесконтрольная дрожь не укрылась от его внимания.

Пиджак лег мне на плечи, только я не ощутила тепла от прикосновения согретой ткани и ненавязчивой успокаивающей ласки легкого сандалового аромата. Все было чужим и угрожающим.

— Поехали, — нет, его голос не резал клинками сотни ножей, но я непроизвольно затрясла головой.

— Нет... куда?

— Все хорошо. Все закончилось. Я отвезу тебя домой, ты очень устала...

Глава 14

— Хватит! — одного этого слова, звонкого, как удар хлыста, достаточно, чтобы я прекратила биться и смущать персонального водителя Лаврова. Я ничего не могу с собой поделать. Приливы неконтролируемой дрожи сотрясают тело, заставляя вжиматься в кожаную спинку автомобильного сиденья, пальцы скрещенных на груди рук впились в плечи до тупой боли, которая практически не различима на фоне сумасшедшей аритмии. Я замираю от прикосновения его ладони, оставив попытки вырваться и провалиться, преодолев материальное пространство, хоть куда, но только подальше от него. Чувствую, как моя дрожь перетекает к нему через накрывшее плечо пальцы и понимаю, что выстоять у меня больше нет и не будет никаких шансов. Я уже заранее понимаю, что проиграю, и не имеет значения, что завтра будет новый день и я попытаюсь снова победить в этом беспроигрышном для него одном противостоянии. Я уже надломлена одним осознанием его власти, которая сейчас припечатала меня к коже кресла своим осязаемым прессом.

Целой аптеки недостаточно, чтобы я пришла в себя. Ничтожно мало будет даже того самого пакета с белым порошком, чтобы забыться и скинуть с себя тяжелые цепи его диктатуры. Ни одному кибер-ножу не вырезать тот участок мозга, который ответственен за страх перед неизбежностью скорой агонии в его руках, потому как этот ужас вшит стежками колючей проволоки поверх сердечной мышцы, позвоночных дисков, всех артерий. Хирургическое вмешательство невозможно, пока его пальцы лежат поверх моей аорты, готовые сжаться в любой момент, и чем сильнее я буду трепыхаться в этом захвате, тем мучительнее будет асфиксия.

Время расставило все по своим местам? Да, расставило. Подарило мне нерушимого

архангела с горящим мечом за спиной и иллюзию безопасности, с тем чтобы однажды так жестоко и беспощадно отнять. Падший же ангел был терпелив и сосредоточен в ожидании подобного момента, он использовал это время с пользой, поднимаясь к тем вершинам, куда простой смертный никогда бы не смог добраться. С каждым движением стрелки часов, которое так незаметно складывалось в дни, недели, месяцы и годы, я летала в белоснежных облаках счастливой эйфории, и даже грозы не могли омрачить этого счастья, а он терпеливо наблюдал (почему-то я в этом больше не сомневалась) за моим полетом, вкладывая свои эмоции и остатки прежнего себя в новую стратегию. Успех приходит к тому, кто умеет ждать, — я так часто повторяла это себе еще со школы, но никогда не могла предположить, что эта трактовка может прозвучать в столь зловещем ключе.

Проклинал ли он меня за тот самый звонок Вадиму, который поставил крест на наших ненормальных взаимоотношениях и подарил мне свободу... ту, от которой хотелось выть и покончить собой, но все же свободу? Не мог простить того, что я вышла замуж за Алекса, а не впала в пожизненный траур? Или все до банального просто: ему однажды стало скучно на своем олимпе политической власти настолько, что захотелось подарить себе дозу запредельного эмоционального наркотика чужих слез, страха и боли, и это было гораздо проще сделать с той, в чью систему ты проник в свое время агрессивным трояном. Его не заметил ни один антивирус, потому как он залег на дно, дожидаясь того самого рокового щелчка мышью, чтобы влиться в сущность ослабленной после недавнего горя Юли Кравицкой. Новые коды самой бескомпромиссной программы проросли отравляющими метастазами в моем теле и сознании, и только от благоразумного соблюдения пока неозвученных правил зависело, позволят ли мне существовать дальше или же сожгут систему дотла. Это даже не месть. Это просто жестокие игры тех, которые возомнили себя властелинами мира в одном отдельно взятом городе.

— Я не буду... мне просто холодно. — Как я еще не всхлипнула под его цепким взглядом? Пальцы соскользнули с моего плеча, но сам Лавров не сдвинулся с места. Клинки его взгляда, казавшегося особо темным в полумраке салона «порше», оставляли отпечатки обжигающего равнодушием холода на моих горящих щеках.

— Выключить климат?

— Нет... это простуда...

Непроизвольно зажмуриваюсь и снова дергаюсь, когда теплая ладонь накрывает мой пылающий лоб. В этом жесте минимум ласки, только отработанное до автоматизма действие циничного терапевта. Мне хочется посмотреть ему в глаза и увидеть в них хоть малейший проблеск человечности, но я боюсь потерять над собой контроль, если увижу в них что-то совсем противоположное собственным ожиданиям.

— Приедешь домой — и в постель. Ты уверена, что тебе не надо показаться доктору?

— Уверена. Он ничего нового мне не скажет, — вздыхаю с облегчением, когда ладонь соскальзывает с моего лба, задев ресницы в подобии сухой ласки.

— Я так и не поблагодарил тебя, — мэр Харькова отводит взгляд, и мне действительно становится легче дышать. — Без тебя бы не удалось проверить подобную операцию. Жаль, что тебе пришлось провести в камере некоторое время, но полицейский беспредел в своем городе я не потерплю.

— Наркотики! Ты серьезно? — я не понимаю, как еще могу говорить. — Сам их подбросил в стол или...

— Не имеет значения. Ты чем-то недовольна? Два оборотня в погонах пойманы с

поличным, я сделаю все, чтобы они загремели на долгий срок за решетку. Эту операцию разрабатывали давно, где еще лучше всего их ловить, как не на своей территории? Если бы ты не заигрывалась в депрессию, была бы в курсе дела.

— Штейр... — вспоминаю я, подскочив на месте. Лавров ухмыляется.

— Да отбыл домой полчаса назад. И рад был тому обстоятельству, что поспособствовал органам в поимке преступников, в отличие от тебя.

— Я должна радоваться тому, что меня лапали эти у*бки, угрожали запытать до потери пульса и в довершение всего закрыли в камере?

— Прости, досадные неудобства, но без них было не обойтись. Все же завершилось благополучно? Тебя даже не ударили, не заставили подписать бумаги под давлением, и в камере, если верить видеозаписи, ты нашла новых подруг. Кстати, понравилось тебе в клетке, Юля?

Я не успеваю пропустить через все нейроны шокирующий смысл последней фразы. Дрожь не уходит, я смотрю в окно на проносящиеся мимо огни витрин и фонарей. Город живет своей жизнью, наслаждается наступившей весной, и никто не догадывается, что творится в душе у потерянной девчонки, сжавшейся в комочек на сиденье дорогого автомобиля с особым номерным знаком. Что я могу сейчас сделать? Выпрыгнуть на асфальт из этого гребаного катафалка или упасть в ноги его обладателя? Пусть скажет, что мне нечего больше бояться, пусть соврет, мне плевать, этот ужас просто убивает сейчас внутри все живое! Закусываю губы, делаю вид, что не расслышала вопроса. Впрочем, он не настаивает, тяжелое молчание забивает последние гвозди в мою расшатанную нервную систему. Я смотрю в окно, задержав долгий взгляд на фонтанах с подсветкой возле театра оперы и балета, и с отчаянием приговоренной к смерти понимаю, что эта красота больше не радует, я никогда не смогу смотреть на нее глазами прежнего восторженного ребенка. Это не мой город. Он стал для меня самой коварной ловушкой, из которой больше нет выхода. Зачем только я сюда вернулась, зачем убалтывала Илью принять это проклятое наследство? Почему не побежала в суд и не оспорила это завещание? Память Алекса? Что я обрела взамен на соблюдение этого закона чести?

— Ты же не просто так это организовал, правда? — отвожу взгляд от мерцающих витрин «Аве Плазы». Кажется, я близка к тому, чтобы банально разрыдаться. Сбрасываю с плеч его пиджак — еще один раздражитель. Меня уже ломает этот город, выжигает сетчатку световыми бликами, сдавливает в тиски серыми стенами зданий, царапает в кровь колени брусчаткой улицы Сумской. Два огромных черных крыла нового властителя преисподней закрыли солнце светонепроницаемым куполом, ни о чем не подозревающие жители Харькова бьются в его стенах, словно мотыльки о стекло, и только я осознаю весь ужас своего нового положения. Сколько бы мне ни доказывала Лера, что Лаврову на меня плевать, как бы ни успокаивала Крамер — интуиция никогда не врет. Мне так хотелось сейчас запихать в топку уязвленное самолюбие недооцененной стервы, к ногам которой не упали после того, как она стала вдовой, я готова была буквально молиться о том, чтобы завтра мэр увлекся новой пассией и оставил меня в покое!

Я настолько на пределе, что снова вздрагиваю, услышав щелчок... всего лишь замка, а не карабина ошейника, как мне изначально показалось. Перевожу настороженный взгляд на кожаный кейс в его руках. Эти пальцы, которые однажды лишили меня покоя и даже сейчас вызывают легкое смятение от одной только мысли, что могут оказаться на моих губах, уверенным жестом достают прозрачный файл-скоросшиватель с документами.

— Вот, можешь оставить себе на память. — Градус абсолютного нуля делает резкий скачок вверх, когда я вижу его улыбку и легкий прищур. — Как они еще тебе плантацию марихуаны в Колумбии не приписали. Не все наделены изысканной фантазией.

— Мне без надобности, еще дочь найдет, проблем не оберешься, — я хочу забыть сегодняшний день и никогда о нем не вспоминать.

— Это оригинал. — Тень улыбки сметена новым переключением в режим бесчувственного киборга. Так и не отступивший страх вновь накрывает меня предчувствием скорого апокалипсиса. — Скажу откровенно, вначале я думал оставить его себе. Насколько я вижу, понятия покорности и покладистости тебе так и не стали близкими, а последние события убедили меня в том, что с тобой даже Анубис не справился. Зная твою страсть к глупым и лишенным смысла акциям протеста, считаю своим долгом предупредить сразу: я не намерен терпеть подобное. Если мы партнеры, этикет и элементарная вежливость должны присутствовать по умолчанию. Политика — игра без правил. Я хоть где-то должен быть уверен в том, что не получу нож в спину. Но в свете того, что у тебя напрочь отсутствует чувство такта и, как я погляжу, инстинкт самосохранения, пришлось принять меры.

Аритмия срывается с цепи, я только чудом не опускаю глаза, может быть, потому, что Дима сейчас на меня не смотрит. Слежу за поворотом его головы, за застывшей на лице маской скучающего аристократа, за движением его губ и не понимаю, почему не могу отвести взгляд, кроме того, хочу и дальше слышать его голос, хотя знаю: то, что сейчас прозвучит, мне совсем не понравится.

— Я не буду хранить эту пародию на уголовное дело у себя и повторно давать ему ход в случае твоей неуступчивости. Я просто хочу, чтобы ты понимала: сегодня мне ничего не стоило устроить тебе демо-версию вероятного будущего, надеюсь, ты все прочувствовала и сделала соответствующие выводы. Не стоит пояснять, что я могу с тобой сделать, в случае если мои приказы не будут выполняться с полуслова?

— Я не... — у меня закончились слова, потому что все мои опасения сейчас обретают осязаемый звук, заключенный в спокойном тембре его голоса. В нем нет торжества или злорадства, обычная констатация факта.

— Тебе по-прежнему нельзя давать никакого выбора. Давай, чтобы ты понимала свои перспективы, я скажу тебе прямо, без кругов вокруг да около. Равноправие и партнерство остались только на бумаге, оттого, что мы завтра ее подпишем, ничего не изменится. Доход по-честному делится поровну, мне отнимать у тебя хлеб нет никакого резона. В остальном в клубе остается одна негласная власть... моя! Все мои правила обязательны к исполнению, завтра ты их услышишь. И давай, бога ради, без истерик и соплей, можешь выпить успокоительного, если я увижу слезы или дерзость, последствия для тебя будут очень плачевными. Уяснила?

— Правила? — я продолжаю катастрофически тупить. Небо просто падает, не в состоянии удержаться на моих хрупких плечах, которые придавлены к земле этими словами бескомпромиссного фатума.

— Правила, Юля. Давай, режим бедной сиротки — офф, прямо сейчас. Чтобы ты не тряслась и не доходила до крайностей, могу сказать одно — при посторонних мы будем вести себя именно как партнеры по бизнесу, я не собираюсь подвергать тебя публичным унижениям... но только в случае твоего абсолютного послушания! Не советую испытывать мои пределы, так как ты уже поняла, что никто и ничто меня не остановит. Я понимаю, ты

хочешь спросить, за что я так с тобой, но это долгий разговор. Сегодня ты должна поцеловать дочь, лечь спать пораньше и завтра к полудню быть в клубе. Обещаю ответить на все твои вопросы, перед тем как отберу у тебя право их задавать. Можешь составить список, чтобы ничего не упустить.

Мне хочется закрыть глаза руками и отключиться. Это все настолько ужасно и цинично, что рассудок не может справиться с подобной информацией.

— За что ты мне мстишь? — сама не поняла, как прозвучал этот вопрос. Губы дрожат, и я понимаю, что непроизвольно вжалась в спинку кресла. Я готова закричать, когда он захватывает мой взгляд тисками кофейной тьмы, не позволяя опустить глаза.

— Я думаю, «месть» не совсем правильный термин. Хотя она тоже подогревает любую мотивацию. Боюсь, я не уложусь в оставшиеся до твоего дома семь минут, поэтому ты простишь мне, если этот вопрос мы обсудим завтра в клубе?

От этой вежливости — совсем не издевательской и не злорадной, меня выбивает зимним холодом по всем системам. Я забываю даже о том, что нас слышит его водитель, который, я знаю, останется равнодушным ко всему, что бы ни произошло в салоне «порше» его босса. Мне хочется кричать и пытаться достучаться до сути, только страх заключил союз с инстинктом самосохранения. Я больше не та боевая девчонка, которая едва не убила его стальными оковами шесть лет назад. Нас теперь двое, я и Ева, и это связывает мне руки сильнее кожаных ремней. Я только киваю, соглашаясь со всем услышанным, и жду того момента, когда за мной закроются двери особняка. Я наберу свою малышку, несмотря на позднее время, скажу, как ее люблю, после чего приму ванну и лягу спать... как мне и велели. Но нет, у Лаврова совсем иные планы.

— Пока есть немного времени... — расслабленный жест ладони и ощутимые тиски пальцев на моем подбородке. — Я заметил, ты все время жмуришься от боли. До сих пор болит?

Если бы я только слышала намек на сопереживание или ласку, я бы согласилась со всеми правилами вслепую.

— Да... что-то долго.

— На днях должно отпустить. Надеюсь, у тебя хватит благоразумия не допустить подобного в будущем? — я молчу, закусывая губы от этой циничности. — Впрочем, сейчас кое-что попробуем. Сомкни руки в замок на затылке.

Меня накрывает уже горячей волной протеста с возмущением. Я не шевелюсь, только сдавленно всхлипываю, когда хватка на подбородке усиливается.

— Юля, в какой согласии ты пытаешься меня заверить, если отказываешься сделать даже элементарные вещи?

Не надо. Пожалуйста, не говори со мной подобным тоном. Я же сейчас просто не сдержусь! Ты хочешь истерику века? Ты хочешь моего окончательного сумасшествия? Пожалуйста!

Легкий хлопок обжигает скулу. Кажется, я не сдержалась, несколько предательских слезинок покатались по щекам, смывая отпечаток унижительной пощечины. Если до этого удара я еще могла надеяться непонятно на что, сейчас оказалась просто продавлена волей своего мучителя до основания. Я чересчур поспешно выполняю этот приказ, не обращая внимания на отголосок боли в предплечье.

— Больно? Давай, только честно.

— Н-немного...

— Хорошо. Опустит руки. Теперь влоботорота ко мне и нагни спину параллельно полу.

Меня снова кроет спиралями ужаса от одной мысли, зачем это понадобилось, но я выполняю этот унижительный приказ. Практически касаясь пылающим лбом его бедра. Кожей ощущаю фактуру дорогой ткани брюк, просто вновь внутренне вздрагиваю от очередного приказа:

— Теперь в замок за спиной и немного подними вверх, — его пальцы захватывают мои сплетенные руки и поднимают вверх. Это уже сложно вытерпеть, рефлексорные слезы боли катятся из моих глаз, я едва различаю сквозь багровую пелену, как быстро их впитывает ткань костюма моего мучителя. Я даже не понимаю, что меня отпускают и насильно заставляют разогнуться и сесть прямо.

— Расстегни платье.

— Что?!

— Ты слышала. Давай, расстегни платье и покажи место удара.

В его голосе по-прежнему нет угрозы, но я не смею послушаться. Волны унижения без намек на эротическое волнение расцветивают щеки лихорадочным румянцем. Все это, вашу мать, на глазах у отороженного водителя, который так же уверенно сжимает руль, словно ничего экстраординарного на заднем сиденье не происходит. Разум понимает, что послушаться — значит усугубить свое и без того незавидное положение. Снимаю жакет, тяну змейку вниз и скатываю рукав к локтю, открывая цепочку гематом — поцелуев хлыста. Мне хочется зажмуриться, не видеть его лишенного каких-либо эмоций взгляда, отшатнуться, когда он накрывает следы своих зверств ладонью. Его прохладные пальцы приносят подобие облегчения, боль уже незаметна под их почти ласкающими нажимами. Кажется, воздух в салоне автомобиля сгущается, давит ощутимым прессом, одно я понимаю очень ясно с накатом шокирующей обреченности и желанием уснуть и не проснуться — это не забота превысившего полномочия владельца беспорядочной игрушки, это доза эндорфина в его кровь от осознания того, что он со мной сделал. Я физически ощущаю его восторг победителя.

История повторилась. В первый раз это были ряженые братки. Во второй — менты. Игры повзрослевших агрессоров не меняются, комбинация шантажа и теоретического выхода из ситуации всегда проста и однообразна. Просто тогда, в первый раз, мне не пояснили, чем для меня закончится подобное рабство. Теперь я знала это наверняка, и временных рамок не существовало.

— Все, одевайся. — Я едва не ломаю змейку, когда застегиваю платье дрожащими руками и стягиваю на груди полы жакета, словно это может меня уберечь от его измывательств. — Давай так. Если завтра не станет легче, я отвезу тебя к специалисту. Отказываться от некоторых действий очень не хочется.

Я устало киваю, не замечая, что мы уже несколько минут как стоим возле ворот моего дома. Шок щадит меня, весь ужас положения еще не достиг сознания в полном объеме, слишком много событий для одного дня. Ловлю на себе взгляд того, кто уже в который раз поставил себе целью перевернуть мою жизнь с ног на голову. Первая фаза цепной реакции запущена, обнуление невозможно. Лезвие остро заточенной катаны режет мой мир на «до» и «после», а я пока еще не чувствую глубину этой боли под анестезией потрясения.

Вновь тяжелое молчание зависает в салоне авто, а я задыхаюсь и жажду избавиться от кошмара, потому что подсознательно боюсь того момента, когда до меня наконец дойдет, что же именно только что произошло.

— Ты все запомнила? Я тебя очень прошу: ложись спать и набирайся сил. Завтра у тебя

тяжелый день. Спокойной ночи, Кравицкая.

Я сглатываю, чтобы произнести заученную фразу прощального этикета, пока невозмутимый водитель открывает дверцу автомобиля. Я держу себя в руках? Нет, все куда более трагично: я отрицаю ужас обновленной реальности.

— И вам приятных снов, господин мэр.

Я больше не смотрю ему в глаза, но чувствую, как он улыбается. Доволен, как Цезарь, который словами «veni, vidi, vici» уведомлял о быстрой победе и завершении войны. Эндорфин в его крови триумфатора зашкаливал.

— Не надо этих формальностей, партнер, — легкое веселье у него в голосе. — Можно просто... Господин!

Я не плачу и не сползаю на землю, просто вырываю свой клатч из его рук и уверенно направляюсь к воротам. Ключи находятся с первой попытки, я на автомате открываю двери и смотрю себе под ноги, машинально продолжая дефилировать по фигурной плитке. В гостиной и кухне на втором этаже горит свет, я предвкушаю момент, когда обниму Валерию и буду просто молчать, наполняя ослабевшие чакры потрясающей уверенностью и жизненной волей этой женщины до тех самых пор, пока сознание не подкинет беспроектный сценарий противостояния новому кошмару. Но моему желанию в который раз за день не суждено сбыться.

— Почему вы еще в доме?

Управляющий и горничная прерывают свою беседу.

— Добрый вечер, Юлия Владимировна, еще нет девяти часов... — они умудряются произнести это одновременно.

— Ванную с маслом лаванды и фруктовый салат, оставьте на кухне и можете быть свободны.

Лаванда не дает никакой гармонии и спокойствия душе. Адаптол — запросто, несмотря на свое практически рабское название от слова «адаптироваться». Сейчас я хочу спать и стать ближе на шаг к непокорной и изворотливой Скарлетт О,Хара, которая любит подумать «обо всем этом завтра». Мне бы хоть каплю ее гибкости, уникального дара перевоплощения в обманчиво покорную леди... Увы, ее далеко не глупые игры Ретт Батлер щелкал как орехи.

— Мам, позови к телефону Еву, — шок еще окончательно не отступил, я просто блокирую черные мысли глубоко внутри. Обслуга разъехалась по домам. Я заставляю себя съесть хотя бы несколько ложек салата из киви с ананасами, не ощущая вкуса. Аппетит уже уничтожен напрочь. Что будет следующим? Сознание, тело, воля к жизни или все вместе по щелчку пальцев моего непробиваемого экзекутора?

— С тобой все хорошо, доченька? У тебя голос уставший...

— Все хорошо, мама. Я очень много работаю, мне больничный брать себе дороже. Тебя Евочка не сильно замучила? Я послезавтра заберу ее домой...

— Нет, Юленька, вовсе нет! Я даже хочу попросить, чтобы ты оставила ее у нас на неделю, до выходных...

Это похоже на прикосновение ласковых крыльев моего ангела, который смог на миг если не пробить защиту моих оборонных сооружений, то хотя бы заглянуть в окно. Я не знаю, где и кем буду к выходным и как выживу в черной вселенной, названной именем мэра. Горло щиплет, предательские слезы миновали блокпосты сознания, но я забываю об этом, едва услышав голос дочери.

— Мамочка, мы сегодня были в зоопарке! — Восторг Евы передается мне. Как мало

надо: всего лишь голос любимой кровиночки — и глухая боль утихает, растворяется, отступает, временно деактивированная этим счастьем, обострившимся материнским инстинктом. Кровь наполняется чистой энергией — если сейчас мне будут угрожать и это сможет хоть как-то по касательной задеть Еву, я вцеплюсь в глотку и выпью кровь любого. — Тигра рычит и ходит по клетке, и его нельзя кормить. А он худой, ну как ты почти, его там, наверное, совсем не кормят... а у жирафа длинная шея и он грызет деревья, их сеточкой обмотали, чтобы не прогрыз. Еще там был белый мишка и косули, но они не бегают, а лежат и кушают травку...

— Ты с ними сфотографировалась, солнышко?

— Конечно! А завтра Настя поведет меня кататься на коньках. Поехали с нами?

— Не могу завтра, доченька. Но я утром приеду к тебе. Хочешь? А на выходных поедem в кинотеатр смотреть мультики...

Я не хочу заканчивать этот разговор, но позднее время не оставляет мне шанса задержаться на островке под названием «Счастье». Мне остается спеть малышке колыбельную, нажать кнопку отбоя и вновь пуститься вплавь по бескрайнему океану, кишащему акулами без всякой надежды на то, что я найду новый остров под названием «Свобода». Скорее я пойду ко дну, даже не разглядев вдалеке его зыбких очертаний...

Утро поражает своим коварством. Выспаться мне не удалось, но, несмотря на это, сознание держит оборону, и вчерашний день кажется кошмарным сном. Валерия так и не вернулась домой, я ее не осуждаю за то, что она осталась с мужем и не передала мне через объятия свой стальной самоконтроль.

Линия разрыва моей жизни на две параллели еще не видна, но ее отравленные побегии уже пустили свои стрелы в сознание. Я наношу макияж без удовольствия, мне будет все равно, если дрогнет рука и я нарисую на своем лице боевой раскрас индейца. Я даже не задумываюсь о том, какой именно костюм снимаю с вешалки, как и о том, чем продиктован выбор облегающих брюк — стремлением защититься или же просто случайностью этого самого выбора. Черный траурный цвет не хочется обыгрывать ничем, кроме светлого топа без каких-либо декоративных элементов. Мои руки действуют на автомате, когда все же вспоминают об аксессуарах, я даже не понимаю, что натянула на палец обручальное кольцо, повинувшись давней привычке. Чудом вспоминаю, что в кабинете остались коммерческие предложения двух фирм, которые занимаются консалтингом, сметаю их со стола, задержавшись взглядом на трех катанах. Что меня притягивает в них, подобно магниту? Почему я осторожно снимаю одну из них, забыв напрочь про документы, рывком, рискуя порезаться, достаю ее из ножен, ловлю отблеск пасмурного утреннего света на блестящем лезвии? Достаточно одного легкого взмаха, чтобы она вошла в тело смертельным проникновением, разрезав за считанные секунды, перерубив уставшее стучать сердце. Почему оно не останавливается даже сейчас, когда страдания достигли своего пика? Ему все еще мало? Недостаточно испытаний?..

Липкие щупальца ужаса бегут по позвоночнику от подобной мысли, и я испуганно вгоняю смертельное оружие обратно в ножны, поднимаюсь на цыпочки, чтобы повесить меч на деревянные крепления. Этот кабинет всегда на замке, но мне стоит подумать о дополнительных мерах безопасности — вдруг сюда проникнет моя дочь... Ева, мое маленькое солнышко, мой любимый птенчик, ради которой я, пожалуй, и нанесу удар катаной — но не себе, а тому, кто посмеет угрожать нашему с ней миру. От напряжения в бицепсах забытая боль в ребре разгорается с новой силой, одновременно отрезвляя и

прогоняя прочь шокирующие мысли. Я закрываю кабинет на ключ, зажав в зубах файл с документами, и спускаюсь вниз. Сегодня у Бориса выходной, я даже рада этому обстоятельству — не хочу, чтобы он видел меня уставшей и задумчивой.

Мама встречает меня на пороге с раскрытыми объятиями. Отчим уже на работе, его бизнес набирает обороты, Настя целует в щеку, красит губы и убегает, пообещав позвонить, — сегодня в институте ранние пары. Запах горячего шоколада с корицей щекочет ноздри, мой рот наполняется слюной от предвкушения сытного завтрака. Здесь нет места угрозам первого человека в городе, подлым подставам, цинично брошенным словам о том, что теперь я фактически никто и звать меня никак, у меня нет воли и собственных желаний, потому что нет самого права на подобную роскошь. Это уникальный и бесценный мир любящей семьи, которую никто и никогда у меня не сможет отнять. Можно разбить вдребезги волю, можно поставить на колени и убить саму жажду жизни — все это не имеет ровным счетом никакого значения, пока у меня есть тихая гавань и мои близкие, которые никогда не отвернутся, не позволят тебе упасть в бездну чужой тьмы. Здесь всегда согреют теплом и поддержкой, вернут те самые силы, которые у тебя отняли и растоптали, и на фоне этого твоя боль уйдет, канет в небытие. Я всегда буду сильнее его уже потому, что у меня есть бесценное сокровище — любовь моих близких. Это то, чего не будет у него при всем объеме власти. Он может отнять мою душу, свободу, способность радоваться и надеяться, но тепло родного дома — никогда в жизни. И уже одно это обстоятельство ни за что не позволит сдать его абсолютной тьме, потому что мне есть ради кого жить и сражаться.

Один плоток горячего шоколада, кусочек тоста с абрикосовым вареньем, которое готовит мама, умопомрачительно вкусные эклеры — я забываю о калориях и всех гликемических индексах на свете, потому что они ласкают язык сильнее поцелуев любимого человека, тают на губах сладким послевкусием давно забытого детства — их готовили всего раз в году, на мой день рождения. Ева прыгает ко мне на коленки под умиленную улыбку матери, вспоминает мультяшного котенка по имени Гав, и я едва успеваю прикрыть одежду салфеткой, чтобы повторить номер с поеданием сосиски, вместо которой сейчас эти самые удлиненные эклеры. Мы смеемся, измазавшись практически по уши в белковом креме. Я не хочу думать о том, что спустя несколько часов услышу то, что окончательно подорвет все защитные баррикады моей стрессоустойчивости — интуиция сигнализирует об этом как никогда безжалостно. У меня еще два часа, и надо заехать в магазины, потому что непонятно, когда я еще туда попаду, и останутся ли вообще у меня на это желание и силы.

— Мам? — я подкрашиваю губы перед зеркалом, когда Ева тихонько подкрадывается, забавно переминаясь с ноги на ногу. Кисть блеска для губ скользит по пурпурной кайме уверенным мазком, перехватываю в зеркале взгляд дочери. Он мне знаком, должен вызвать умиление и тепло, но я очень хорошо помню, кто последним удостоился подобного взгляда. От этого понимания ментоловые иглы вонзаются в позвоночник, выбив дрожь в напрягшихся пальцах.

— Да, мое солнышко? — ласково спрашиваю я с предчувствием надвигающейся беды.

— Мам, а когда мы поедим в тир вместе с принцем Эриком и я буду стрелять из настоящего пистолетика по мягким игрушкам?..

Дима

Как мне удастся спокойно смотреть на происходящее на мониторе, не вскочить в тот самый момент, когда лапы гориллы в бронежилетах ощупывают ее тело, сжимая совсем не поверхностным исследованием на предмет оружия, словно под тонкой тканью чулков можно

скрыть ядерный арсенал страны? Каким чудом я не начинаю трясти за плечи представителей прокуратуры, засевших в моем кабинете и раскладывающих по полочкам детали операции? Ничего этого нет и близко. Я продолжаю наблюдать за ментовским беспределом, прокручивая браслет часов на запястье и удерживая ироничную улыбку жестокого равнодушия. Никто из них не имеет права понимать реальное положение вещей и хотя бы поверхностно касаться того, что творится в моей душе в этот самый момент.

Я понимаю, что, находишься я сейчас ней рядом, ничего подобного бы не произошло, и совсем не из-за моего особого статуса, я бы просто-напросто сломал челюсть тому, кто посмел к ней прикоснуться. Почему я смотрю это реалити-шоу в онлайн-режиме, вместо того чтобы находиться там, с моей девчонкой? Да потому что знаю, что произойдет, если я увижу, как ее трогают чужие руки, причиняют боль и наполняют ее сознание ужасом, не оставляя места для того, чем собираюсь заполнить ее я.

Рефлекторная дрожь все же проходит по позвоночнику, царапнув разрывающей болью в области сердца, я с изумлением ощущаю привкус крови на языке. Координаторы операции “Стоп-коррупция” спокойны, как удавы, — им такие отрежессированные сценарии давно привычны. Мне хочется спросить, сохранили бы они подобное самообладание в случае, если бы сейчас лапали их жену или сестру, вдавив в стену и тыкая прикладом в поясницу, параллельно с этим...

Бл*дь. Сердце срывается в бешеную аритмию от вторжения фантомного кинжала, когда я понимаю, где сейчас оказались руки этого вы*лядка. Он наслаждается своей внезапно свалившейся на голову властью, не понимая, что смотрит прямо в камеру, которую наполовину загородил собой коллега — именно ему адресована похабная улыбка тупорылого варвара, которому упало с неба законное право лапать женщину, подошву туфель которой в реальной жизни он бы не удостоился даже вылизать до блеска. Я запоминаю черты его лица до последнего микрона. Когда закончится этот фарс, пойдет как соучастник на несколько лет, я об этом позабочусь. Камера не передает звук, а я не уверен, что именно произносят шевелящиеся губы «искателя», по выражению лица можно догадаться, что он не стихи ей читает. Когда Юльку буквально силком волокут вверх по лестнице и мелькают темно-красные декорации элитного клуба, я чувствую себя так, будто унизительную операцию задержания-обыска только что провернули со мной. Но внешне это никак не выражается, пальцы не дрожат, когда я делаю медленный глоток коньяка, а улыбка сучающего зрителя не сходит с губ.

Если бы с ней продолжили подобные манипуляции в кабинете, мое хладнокровие неотвратимо пошатнулось бы. Но происходящее напоминает плохо смонтированный фильм, игра актеров кажется бездарной, впрочем, никто и не заморачивается вопросом достоверности.

Очнись, что ты делаешь? Я готов заорать, но проговариваю это губами. стакан с водой — ладно, но до какой же степени тебя шокировало происходящее, что ты не глядя сжимаешь пальцами пакет с коксом?! Вспомни про своего адвоката именно сейчас, скажи это прямо в самодовольную рожу опера — без пяти минут заключенного, сделай хоть что-нибудь! Ты со мной сражалась до последнего, не побоявшись последствий! Что с тобой, моя девочка? Что изменилось после твоего последнего визита? Почему ты сложила руки, тебе хватило всего одного удара? Этого оказалось достаточно, чтобы ты апатично шагнула в иной ад, все равно какого периметра и интенсивности, только бы не в моих руках?

Я плохо понимаю, что происходит в кабинете. Сетчатку выжигает напалмом, я

цепляюсь взглядом за все что угодно, но только не за нее... моя девочка практически без сил. Как меня могут настолько сильно рвать изнутри эти живущие во мне возвышенные сущности, противостоящие друг другу: прогонять тьму одним взмахом светлых крыльев и тут же заполнять сжигающим огнем, который вспыхивает от одного щелчка остроконечного хвоста демона? Ангел сражается, иногда даже берет верх, но все реже и реже за последние годы. Цвет его крыльев уже сам по себе — цвет окончательной и неизбежной капитуляции, а я не знаю, что мне с ним делать, как построить диалог и не уронить чувство собственного достоинства. С демоном куда проще. Прежде всего, потому, что он не боится идти на риск, не спешит, усыпляет муки совести и готов до бесконечности вести со мной долгие беседы, смакуя каждую подробность нашего совместного недалекого будущего с упоением самого утонченного гурмана. Пить коньяк с приспешником Сатаны куда приятнее и захватывающе, чем тот же фито-чай с грустным ангелом, который будет качать головой и бить на подсознание, доказывая, что я обязан переступить через себя и не брать на себя полномочия хозяина чужой жизни. Он готов даже цитировать конституцию в такие моменты...

Я все же срываюсь, когда ее волокут прочь из кабинета. Слепая зона приемной, там вышла из строя одна из камер, которые вчера установили мои люди, пришлось отвлечь Штейра долгой беседой, чтобы не запарол мне операцию с двойным выигрышем.

— Что происходит? Куда ее так скоро?

Я не понимаю, что вскочил с кресла, пытаюсь разглядеть на мониторе опустевший кабинет. Замглавы областной СБУ и председатель антикоррупционного комитета переглядываются, оба выглядят растерянными. Кто-то нарушает молчание:

— Отделение Киевского района...

— Вы в своем уме? У нас там стоят камеры? Как вы могли упустить это из виду? Если ей причинят боль... если ее заставят подписать бумаги?

— Через час мы выдвигаемся на место согласно плану операции...

— У нас нет этого долбаного «через час»!

— Все будет хорошо, у нас свой человек в отделении...

Я получаю гораздо больше. Чем сильнее будет напугана Кравицкая, чем дольше будет плавиться в кошмаре неопределенности, тем проще мне будет ее сломать, продавить, прописать нужную только мне программу поверх ее трепещущего сознания. Какого хрена именно сейчас я хочу отмотать время назад и отменить эту жестокую операцию? Мне плевать на бонусы к моему и без того запредельно высокому рейтингу, у меня тысячи способов сделать ее своей, не загоняя в тупик и не причиняя двойной дозы морального страдания. Почему боль должна ударить с равной интенсивностью по нам обоим?

Я делаю над собой последнее усилие. Час растягивается в бесконечность, режет сознание жалящими укусами никуда не спешащих секунд, стальной корпус и циферблат Audemars Piguet изучен до последнего винтика, перехода цвета, кубика дизайнерского циферблата, ломаной линии арабских цифр. Стрелки замирают, отказываясь ускорять бег секунд и минут, приходится сделать несколько незаметных движений рукой, усомнившись в их надежности и способности показывать правильное время. Самый долгий час? В тот момент мне хотелось верить, что это первый и последний раз, когда я испытываю подобное.

— Пора! — если бы это прозвучало громче и грубее, я бы реально вздрогнул. Нет, в моем кабинете никто не смеет говорить на повышенных тонах. Удастся восстановить потерянное самообладание ровно до тех пор, пока я не захожу в этот гребаный участок, рассадник коррупции, в который же сам и обратился через подставных лиц.

Адвокат Кравицкой уже здесь, но почему, вашу мать, я не вижу ее? Мне хочется броситься вперед, задушить на хрен этого самодовольного опера, разрушить стены и добраться до камеры, в которую ее закрыли, как какую-то преступницу! Нет, необходимость держать лицо даже в таких ситуациях — превыше всего. Я дожидаюсь приезда Авдеева, без особого интереса наблюдая за операцией задержания оборотней в погонах. Моя охрана сама вступает в диалоги с полицией без излишних напоминаний, они мне потом доложат, в каких условиях держали Юльку, и не дай бог, если там с ней что-то сделали.

Когда я вижу ее, мне кажется, что тусклый свет галогеновых ламп в этой обители закона и порядка сменяется светом весеннего солнца. Его лучи проходят насквозь, снимая ледяной панцирь тревоги, которая уничтожила уйму нервных клеток за последний час. Авдеев бегло и невнятно приносит извинения и направляется в ее сторону; в глубине души екает, когда он ее обнимает и что-то успокаивающе говорит. Сердце щемит оттого, что у кого-то она по-прежнему может вызывать чувство нежности и заботы, а не желание поставить на четвереньки и оттрахать до полубессознательного состояния.

Она выглядит уставшей. Наверное, именно это обстоятельство заставляет меня сорваться с места, прежде чем я понимаю, что делаю. Мне нужно просто подойти ближе и убедиться, что ее воспаленные от слез глаза и чересчур яркий румянец на скулах — игра света и тени, не более. Посмотреть ей в глаза и поскорее увести из этого ужасного места.

Вряд ли Юля плакала и вряд ли ее били по лицу. Это усталость и, похоже, полный упадок сил. Моя сильная девочка на грани.

Ангел расправляет крылья, заслонив на миг приспешника Сатаны этим белоснежным размахом, а я смотрю в ее глаза, которые сменили свой цвет. Усталость сменяется первыми искрами бесконтрольного страха, но сил у нее ровно на один шаг назад. Желание укрыть ее собой от этого кошмара становится непреодолимым, стягиваю пиджак, чтобы набросить на ее дрожащие плечи.

Кисть простреливает фантомной обжигающей болью. Демон не желает мириться с господством ангела до такой степени. Мне наплевать на извечную борьбу добра со злом в отдельно взятой сущности, я слышу шум самой жаркой драки за последнее время, когда свет и тьма сталкиваются между собой в жестоком поединке.

Мне плевать, кто из них победит, когда я окажусь наедине с моей девочкой. Мне хочется вывести ее отсюда как можно скорее. Я буду ждать победителя противостояния, не делая никаких ставок и не задаваясь вопросами «зачем» и «почему». Просто решаю для себя здесь и сейчас, что приму программу чемпиона. Ни от кого не зависит, кто именно это будет. Я с легкой руки позволяю своим двум конфликтующим сущностям разобраться самим...

Глава 15

— Все будет сделано в лучшем виде, ждем вас и всегда вам рады, — я сбросила звонок и несколько раз зажмурилась до ощущения натяжения кожи на висках. Как будто в самом деле полагала, что вечно занятой хозяин города прибудет сюда именно в то время, в которое велел вчера быть мне! Час как минимум на салон и процедуры, которые бы сняли припухлость век и красноту глаз, да просто шестьдесят минут относительного релакса перед тем, как начнется новая фаза кошмара наедине с ним.

Я могла обманывать себя сколько угодно, проигрывать в воображении сценарии разговора — в них практически всегда видела себя если не победительницей, то хотя бы не побежденной. Преобладал вариант, в котором я просто убивала Лаврова ударом в висок этой

массивной статуэткой Анубиса из оникса и бронзы, заведомо понимая недостижимую фантастичность подобного хода событий. Страх не позволял воображению работать в единственно верном направлении, в котором я наверняка буду обливаться слезами бессилия и униженно просить хотя бы об отсрочке приговора. Разум до сих пор отказывался верить в происходящее, после тяжелой ночи и моральных терзаний он закрывался иллюзией нереальности происходящего, а я непонятно как держалась на успокоительных таблетках и пыталась занять себя чем угодно. По пути в клуб, наблюдая за работой бригады, высаживающей на газонах цветы, ловила себя на мысли, что хочу хотя бы на день поменяться с ними местами, занять себя делом, которое увлечет настолько, что не оставит времени забиваться в угол от страха перед неизбежностью, свалившейся на голову спустя семь лет, в тот момент, когда я осталась абсолютно одна и без сил. Смерть Алекса подкосила меня очень сильно. Если отбросить аспект боли от потери самого дорогого человека, лучшего из мужчин, которых я знала, ничто не могло сейчас затмить того факта, что я осталась незащищенной перед лицом обстоятельств. Я не знаю, просчитывал ли Лавров свою шахматную партию рекордсмена-гроссмейстера, принимая в расчет, измеряя всеми возможными датчиками час X до окончательного нападения. Знал ли он наперед, что будет именно так, и если нет, почему столь быстро сориентировался, сжимая вокруг меня огненное кольцо своей собственной преисподней? Я не знала ответы на эти вопросы, и мне бы вряд ли стало легче, если бы я их получила. Наравне с паническим страхом меня терзала практически детская обида. Мечь? За что, вашу мать? За звонок Вадиму? За то, что считала Диму мертвым? За то, что вышла замуж за Александра? За собственное незнание?!

Кровь ударила в голову, отозвавшись дискомфортым жжением в воспаленной сетчатке. Поборов головокружение и глухой всплеск боли в ребре от резкого движения, я налила себе колы, слегка разбавив ромом, и, натянув на глаза гелевую маску, на ощупь нажала кнопку селектора.

— Влада, в 16:00 нужна комната с цепями для Маховикова. Штейр еще не вернулся?

— Нет, Юлия Владимировна. Я распорядюсь.

— Найди зрителей, пусть организуют бутылку “шато гранде”, фруктовую тарелку и швейцарский шоколад для Инквизитора и его саб. Сегодня трое. И не вздумайте охлаждать красное вино, как в прошлый раз. Максимум до 19 вечера оставь эту комнату в резерве, на случай форс-мажора. Резерв на зеркалку не раньше десяти, остальное расписание остается без изменений.

Правила этикета требовали от меня лично встретить молодого доминанта и его кошечек в холле, выглядеть при этом как побитая собака я не имела ни малейшего права. Думал ли об этом Лавров, когда заставил плакать от унижения прямо на глазах у собственного водителя? Похоже, ему было плевать, он возвращал власть надо мной и упивался своим превосходством, с аристократической ленцой скучающего политика расписывая перспективы моего же уничтожения. Какое ему было дело до моих усталых глаз и до того, что подумает сын олигарха, который часто посещает клуб?..

Я не почувствовала вкуса напитка, пока не выпила полностью. Штейр сегодня занимался вопросами налоговой и других служб, чему я была отчасти рада. Красные глаза и тени под ними можно было при желании легко свалить на вчерашнее знакомство с тюремной романтикой, но я понимала, что в случае с Юрием все это бесполезно. У лучшего друга Алекса был точно такой же дар — видеть насквозь любого, я не относилась к загадочным исключениям. Сонливость иногда накатывала, но так же быстро исчезала,

сменяясь атакой паники. Я помнила, что Лавров появится тут с минуты на минуту, глотала таблетки, потеряв им счет. Мэр, как всегда, появился неожиданно и гораздо позже того времени, в которое велел приехать мне. Я пила кофе, приходя в себя после разговора с Маховиковым-Инквизитором. Эта беседа оставила после себя чувство растерянности. Несмотря на мою предвзятость к мажорам, молодым верхним, я не могла отрицать его высокий коэффициент интеллекта и понимание психологии. Меня смутило то, что я уловила в его глазах — при виде хозяйки клуба, растерянной и слегка напуганной, доминант внутри него встал на дыбы, активировав внутреннего защитника. Неужели хватило всего одного разговора с Димой, чтобы я стала выглядеть жертвой, а не хозяйкой большого бизнеса со стальным стержнем уверенной в себе женщины?

Влада не успела предупредить меня о появлении Лаврова. Я услышала шум в приемной, прервавшийся его смехом, в котором звучала злая ирония, но первое, что я сделала, поразило даже меня. Нет, не допила в панике горячий латте, не кинулась примерять на себя маски жертвы и воительницы попеременно, даже не вжалась в кресло от ужаса, нет... я бросила быстрый взгляд в зеркало и сжала губы, распределяя равномерно коралловый блеск, убедилась, что маска и капли сняли воспаление сосудов, пригладила выбившуюся из прически прядь волос и даже не подняла голову, когда хлопнула дверь. Свернув пасьянс на мониторе, открыла электронный каталог с пугающими до сих пор кнутами и сделала отметку на стикере, имитируя рабочий процесс.

Я почувствовала, как тяжелый взгляд пригвоздил меня к креслу, пустив по венам ток мерцательной аритмии, но не оторвала глаз от монитора, лишь подняла вверх руку с паркером, давая понять, что заметила его присутствие. Неизвестно, чего именно мне хотелось больше — продлить минуты собственной безопасности или выказать Диме пренебрежение, но, когда холод в кабинете стал ощутимым от его взгляда, непроизвольно, повинаясь ментальной воле мужчины, подняла глаза.

Как я еще не зажмурилась и не опустила их в пол, столкнувшись с глубоким омутом черной бездны с проблесками платиновых молний! Острия клинков чужой воли впились в позвоночник, уничтожив уверенность и смелость, когда магниты сверхкрепкого эспрессо бескомпромиссно захватили мои глаза в силовое поле тисков. Я еще смела на что-то надеяться? Пытаться достучаться до его черной дыры вместо сердца? Сколько бы слов я успела произнести, и вообще, успела ли открыть свой рот, перед тем как ее сумасшедшая гравитация втянула всю мою смелость в ненасытный туннель вседозволенности?

Говорят, пережив что-то однажды, забыть это уже невозможно. Даже если сознание противится, тело и подсознание помнит все до мельчайшей подробности, ему нет дела до построения стратегий и расчетов. Память не стала щадить чувства и сейчас, я сама не поняла, как панический страх с легкой асфиксией отступил, соприкоснувшись с языками пламени. Это было похоже на громаду айсберга, который таял моментально, переходя из твердого состояния в пар — лава внезапно вспыхнувшего отклика в моем теле не оставила ему ни малейшего шанса. Как это обстоятельство могло добавить мне какой-либо уверенности? Состояние ужаса вызвало желание забиться в угол кабинета напуганным зайчонком, выставив вперед ладони, и необъяснимая дрожь волнения, так похожая на эротическую, прострелила мое естество шквальными нахлестами.

— Ты как раз вовремя, партнер, — я с трудом, если не сказать, с подсознательной неохотой разорвала наш зрительный контакт, сделав глоток кофе. — Нашла на просторах сети очень интересные предложения. Если они так же хороши, как написано на сайте...

— Подними глаза.

Отрывистый приказ оглушил, подобно пощечине, но я не осмелилась послушаться, чувствуя, как все внутри сжимается в тугой комок.

— Не выпалась.

То ли вопрос, то ли констатация факта. Нет, а ты ожидал чего-то другого? После всего, что ты мне вчера озвучил, ты реально полагаешь, что я смогу спать сном младенца? Не вздрагивать от каждого шороха, желая продлить минуты так быстро ускользающей свободы и одновременно стремясь к забвению, как к высшей благодати, единственной возможности забыть о том, что ты мне уготовил?.. Или все не так страшно, ты не собирался воплощать этот изматывающий террор в жизнь, ты просто хотел меня напугать и сделать более покладистой? Тогда почему я, вместо того чтобы принять это правило за основу, думаю только о том, как больнее тебя задеть? Лишенные смысла трепыхания залетевшей в сеть бабочки или действительно надежда на то, что я смогу что-то выгадать для себя в подобии противостояния?

— Пришлось рано встать... проведывала дочь, — отчет о своих передвижениях или подсознательная попытка воззвать к его инстинкту отца и хранителя? Кажется, я сама запуталась в лабиринте своих ходов.

— Она разве не с тобой?

— Не хотела ее пугать своим состоянием, пришлось отправить к матери.

«Да, и еще она спрашивала, когда ты отведешь ее в тир, а мне именно в этот момент стало по-настоящему жутко». Но этого я, конечно, не озвучила. Как и тот факт, с каким именно мультяшным персонажем она тебя идентифицировала. Мне нужна была любая передышка, пусть даже нейтральный разговор о детях, чтобы восстановить дыхание после пересечения наших взглядов. Но Лавров, кажется, потерял ко мне интерес. Кожаный кейс полетел на столешницу переговорного стола, а он сам несколько раз прошелся взглядом от стола до стены.

— Здесь только одно рабочее место для руководящего состава.

Я смотрела в чашку латте, избегая очередного потрясения, — именно поэтому мне сейчас было легко ему ответить без дрожи в голосе:

— Ну да. У этого клуба всегда был один-единственный хозяин.

— Времена изменились, Юля.

— Но кто же знал, что будет именно так!

— Приглашу на днях дизайнеров интерьера, чтобы продумали, как устранить этот недочет.

Я все же подняла глаза, а вместе с ними вскинула голову и моя стержневая сущность:

— Хочешь сказать, ты оставишь пост мэра и переберешься сюда? Забавный дауншифтинг.

С минуту мы просто смотрели друг на друга, и никто не был готов проиграть в поединке. Я смотрела, как лед в глазах Лаврова тает, уступая место покровительственной иронии. Нет, он по-прежнему так и не разжал ментальную хватку на моих пульсирующих артериях, и, когда заговорил, я убедилась в том, что жалеть меня или менять поставленные условия никто не собирался.

— Твоя дерзость, с которой ты пока не решила, что именно делать: прикрутить или отпустить на волю, — вот что забавно. Мне показалось, ты вчера все поняла. Я был недостаточно убедителен?

Я ответила подобием улыбки. Пока что разговор не пересек опасные черты, и хотя интуиция вопила в голос, призывая остановиться, сознание упорно с ней не соглашалось. При упоминании о вчерашнем вечере (меня не так сильно напугали полиция и тюремная камера, как то, что последовало потом) градус дерзости ощутимо снизился, сигнализируя об опасности точечными уколами по всей сердечной мышце и позвонкам. На щеке фантомно запульсировал отпечаток от пощечины, токсин циничного шепота продолжал убивать внутри все защитные барьеры, а подсознание уже оценило масштабы надвигающейся катастрофы, разрушительные последствия которой от меня не сочли нужным скрывать.

— Контракт? Покончим с формальностями? — я старалась следить за его руками.

Дмитрий покачал головой, а я внутренне сжалась от его взгляда. Так смотрят на трепыхающуюся в сачке бабочку, перед тем как приколоть ее иглой на стену. Он не сказал ничего, а я от злости прикусила губы, осознав, что не могу отвести глаз от его пальцев, ловко расстегивающих змейку и замки кейса. Укус запредельного возбуждения пронесся по телу со сверхзвуковой скоростью. Нашла время и место фантазировать о прикосновении этих пальцев, ничего не скажешь! Воображение редко щадило меня.

— С тобой все в порядке?

Белоснежный лист документа лег на стол передо мной. От насмешливой улыбки Лаврова я сильнее сжала зубы, едва не прикусывая губу до крови. Будь я проклята, этот гребаный эмпат считал мое состояние до последнего удара взбесившегося пульса. Прошло до хрена времени, а он продолжает читать меня, как открытую книгу, упиваясь этой произвольной обраткой с триумфом прибалдевшего императора!

— Все хорошо. — Я не знаю, как выдержала его взгляд, но скулы залил румянец за миг до того, как взорваться во всем теле предательской аритмией. Я слишком поспешно нажала кнопку вызова референта и едва не взвыла от бессилия, осознав, что мой голос дрожит. — Влада, свяжи меня с Раздобудько, сейчас же. Жду.

— А как же «кофе для господина мэра, по совместительству нового владельца клуба»? — Лавров отодвинул один из стульев, а затем перевел на меня внимательный взгляд. — Я не понимаю, почему должен стоять все это время, когда с тобой говорю. Ты намерена устранить эту проблему или будешь и дальше упиваться иллюзией нашего равноправия?

Я произвольно сжалась, словно холод его голоса мог заморозить меня на месте. Можно было сказать, что его настроение менялось с космической скоростью, но я уже знала, что так начинается активация психологических качелей. Сердце царапнуло неприятным ощущением униженной неопределенности, о взгляде в его глаза в этот момент не могло быть и речи — я бы капитулировала сразу. Не будет же он, в самом деле, тащить меня за волосы из кресла? Я не была в этом уверена.

— Если ты не против, я намерена подписать контракт в своем кресле. Можешь вызвать своих дизайнеров, но, боюсь, долго придется стоять, пока они переоборудуют кабинет. Ну, или воспользоваться одним из стульев.

Лавров сделал быстрый шаг вперед. Я едва не закричала от испуга, но тут надвигающуюся панику прервал звонок соединения, и я быстро сняла трубку.

— Здравствуйте! — адвокат сейчас был моим спасательным канатом. — Мне нужно ваше одобрение по поводу одного документа, будьте добры, — не обращая внимания на Лаврова, перекрывшего обзор, я привстала, потянувшись к факс-аппарату. Меня обдало теплом и аурой первобытной власти этого мужчины настолько, что я едва не помяла

документ, а сердце вновь сорвалось в запредельный бег по пересеченной местности моих страхов и ожидания неизбежного. Я случайно задела щекой отворот его пиджака, и все защитные системы организма напряглись, предупреждая об опасности быть пойманной то ли в тиски этой вседозволенности, то ли в клетку никуда не исчезнувшего влечения.

— Типовой контракт, — нарушил молчание Раздобудько. — Юлия Владимировна, вам будет комфортнее дождаться моего звонка или же...

— Нет, если можно, пожалуйста, оставайтесь на линии!

Только его незримое присутствие сейчас не дает мне сорваться, держит сознание на плаву, и, самое основное, не позволяет Лаврову захватить меня по лицу или задушить прямо в кресле за проявленное неуважение. Я выслушиваю отчет адвоката о том, что документ можно подписывать смело, он не содержит юридических капканов или неточностей, хочу продлить этот разговор, но, увы, Раздобудько ссылается на неотложные дела и прощается.

— Это было лишним. — Голос Димы спокоен. — С какой стороны ни посмотри, это лишнее. Подпишешь ты его или нет, ничего не изменится, твои права остались только на бумаге.

Я сглатываю комок в горле, уже не сопротивляясь атаке незащитности, и ставлю размашистый росчерк в подписи на этой филькиной грамоте.

— Отлично. — Вздрагиваю, осознав, что его пальцы сжалились на пряди моих волос. В этом жесте нет агрессии, но нежности или сопереживания с попыткой успокоить в нем тоже не значит. — Теперь поговорим, Игрушка.

Все сжимается внутри от его голоса и от того, как новое обращение звучит на его губах. Мне бы молчать, а я все же говорю, понимая, что этот униженный лепет сейчас делает фелляцию его эго своим уязвимым шепотом:

— Ты получил клуб, но не меня... Ты же понимаешь, мы живем...

— В самой свободной стране на свете, и все другие страны нам завидуют, — игра с локоном моих волос ему быстро наскучила, пальцы перемещаются на затылок, слегка массируя кожу головы. Этот приятный жест призван успокоить, но я близка к слезам, потому что в контексте последних событий это жест собственника, изучающего новый экспонат в своей коллекции. Его сердце бьется на уровне моего лба. Бьется. Оно у него есть, сколько бы я ни убеждала себя в обратном, но это не значит ничего. — Юля, у тебя было время подготовиться. Хватит дрожать и пытаться вызвать во мне переустановку ценностей, потому что ты напрасно потеряешь время и силы. Я всегда получаю то, что хочу.

Вздрагиваю, когда ладонь накрывает мою щеку. Такой интимный жест, вызывающий инстинктивное желание потереться о руку, подобно кошке, взрезает сознание болезненными надрезами неправильности всего происходящего. Это не ласка и не попытка успокоить, это спокойствие бессердечного инквизитора, настолько уверенного в своей власти и собственном превосходстве, что меня полностью охватывает безысходность, программируя на безоговорочное принятие неизбежного. Если я сейчас сорвусь в истерику и разрыдаюсь от невыносимого ласкового прессинга прямо за этим столом, градус его отношения не потеплеет ни на миг. Скорее всего, он даже ничего не сделает, чтобы мне помочь, будет наблюдать за моей болью с таким же отморозенным выражением на застывшем лице.

— Что?.. — я могу только шептать, преодолевая тиски отчаяния на сжавшемся горле. — Что тебе нужно?

— Только тебя, моя девочка. Полностью, никаких исключений. Мне нужна абсолютная власть над твоей волей и сознанием. И ты мне отдашь ее до последней капли, лучше сама, и

как можно быстрее, потому что я, к сожалению, люблю использовать самые разнообразные и не всегда приятные методы, чтобы получить желаемое. — Пальцы перемещаются на мои губы, очертив их контур сухой лаской, а я не понимаю, когда и как успела податься вперед, ощутить щекой сатин темно-синей рубашки. Его слова убивают мою волю своим непобедимым диктатом, а сознание больше не играет в дипломатию, бьет на поражение шокирующей проекцией того, что ждет впереди. — Ты же знаешь, что для меня нет ничего невозможного, особенно сейчас? И ответь сама себе. Тебе больше понравилось, когда тебя едва не разорвали на части сотрудники милиции? Или в СИЗО? Тогда тебе наверняка придется по вкусу клетка в новой игровой комнате...

Кажется, я все же всхлипнула. Я достаточно быстро повзрослела, чтобы не понимать, что он имеет в виду.

— Что дальше? Наденешь на меня свой ошейник?

— Юля, я думал, тебе известны правила. Прежде всего то, что ошейник нужно заслужить! Но не паникуй раньше времени, я пойду тебе навстречу и сделаю все, чтобы ты начала вымалывать его у меня как можно скорее. Считаю своим долгом предупредить, хоть и не обязан этого делать, что мои методы будут несколько отличны от того, к чему ты привыкла. Ну так что, упростишь мне задачу? Попросишь прямо сейчас?

Осколки сухого льда прошли насквозь своим смертельным холодом. Я дернулась в мягком захвате мужской ладони, которая продолжала гладить мое лицо. Меня выбило из реальности захлестом первобытного ужаса от открывающихся перспектив, тело прошибло мерзкой дрожью, не имеющей никакого отношения к эротической.

Лавров не мог не почувствовать реакцию моего тела на свои слова. Мягкое поглаживание возобновилось, но вместе с тем он притянул меня еще ближе. Почему я не ощущала ни капли психологического тепла и защиты рядом с ним сейчас, наоборот, продолжала дрожать, а крик отчаяния и боли царапал зажатые связки, так и оставшись невыпущенным на свободу? Я зажмурилась, останавливая подступившие слезы и едва не обмерла, заметив его эрекцию всего в нескольких сантиметрах от моих губ.

Нет, меня не согрело волной желания или предвкушения, даже несмотря на продолжительное воздержание. Смертельный холод усилился при одной только мысли, что меня совсем скоро опрокинут на колени и заставят это сделать, несмотря на мое стрессовое состояние. Никогда прежде я не испытывала столь сильного протеста и ужаса при мысли об оральном сексе. Дрожь в перенапряженных мышцах усилилась, я отрицательно замотала головой в бессознательном порыве.

— Секс? — собственный голос показался мне незнакомым. Глухим и обреченным. — Это то, что тебе надо? Ты из-за этого все это устроил?

Ответный смех Лаврова полоснул по сознанию. Пальцы вновь переместились на мой затылок, слегка натянув волосы у корней — не до боли, но меня пронзило этими ледяными иглами насквозь от одного движения.

— Девочка моя, секс никогда не был для меня особо ценной валютой. Или твой горячий темперамент сейчас заговорил твоими губами?

— Ты хочешь сказать, что ты все устроил для своих психологических выносов мозга или для того, чтобы я, скажем, поклеила тебе обои, как безропотная рабыня?

Потеря ощущения его ладони была внезапной. Холод только усилился, когда он легонько оттолкнул мою голову. Я не смотрела на него, но чувствовала, что он продолжает улыбаться.

— Не лги мне и не пытайся отрицать, что ты этого не хочешь. Прошло довольно много времени с его смерти, особенно для такой горячей штучки, как ты. Но я не понимаю, почему ты мыслишь столь узколобо. Стоит списать на волнение?

Упоминание Александра выбило новую судорогу внутри почти что изнасилованного сознания, только поэтому я промолчала в ответ на подобное оскорбление. Лавров сделал шаг в сторону, указывая пальцами на мини-АТС.

— Как зовут секретаря?

— В-В-Владислава, — я задыхалась и не понимала логики его действий.

— Интересное имя. Переводится с украинского как «власть». — Я вздрогнула, когда он нажал кнопку вызова. — Как тебя там, малышка, подними с кресла свою очаровательную попку и принеси сюда тот самый журнал, который ты так увлеченно читала, что даже не сразу заметила мое появление.

Я перевела на Диму ошеломленный взгляд. Может, я сошла с ума, и все, что было только что, мне привиделось? Вздрогнула от хлопка двери, когда на пороге появилась растерянная и слегка напуганная Влада с глянцевым изданием в руках. Новый номер «Космополитен»? Что происходит?

Лавров с улыбкой, полной едва сдерживаемого превосходства, подошел к моему референту и осторожно забрал журнал из ее слегка подрагивающих пальцев.

— Возвращайся на рабочее место и закрой дверь с той стороны. Никого сюда не впускай и не смей нас беспокоить до соответствующего распоряжения!

Влада перевела на меня растерянный взгляд, но я лишь устало кивнула, показывая, что все в порядке. Вздрогнула уже в который раз от щелчка замка.

— Как ты можешь убедиться... — Дима пролистал несколько страниц и положил журнал передо мной, раскрыв разворот светской хроники, — с сексом у меня не было, нет и никогда не будет никаких проблем.

Мне хватило беглого взгляда на хронику киевской тусовки, где он с улыбкой что-то говорил на ухо скандальной певице Ларе Аркадьевой. Предполагалось, что я сейчас оторопею от приступа ревности? Или прозрею? Насмешил.

Как мало иногда надо, чтобы прежняя решимость встала с колен, отряхнув придорожную пыль, и гордо вскинула голову. Что ж, у этого пуленепробиваемого киборга имелись слабые точки, и мне только что сейчас показали одну из них. Неужели он делал все это для того, чтобы еще сильнее загнать меня в тупик?

— Мне как-то некогда читать журнальчики. Классный костюм. Вивьен Вествуд?

Я снова победила. Но эта победа не принесла мне ни удовольствия, ни смелости. Как можно было пытаться уравнивать положение, когда я оставалась загнанной в угол жертвой, практически в руках человека, который сжимал в кулаке мою волю?.. Что с того, что я не вздрогнула, когда он в два шага преодолел разделяющее нас расстояние, чтобы вновь запустить пальцы в мои волосы, но в этот раз совсем не для легкого поглаживания?

— Ты одна из многих. Но ты единственная, кто будет молча принимать все, что я захочу ей дать, не имеет значения, понравится ей это или же нет! — вспышка боли пронзила затылок от захвата волос так, что я вскочила с кресла. Что ж, я, наверное, подсознательно ожидала чего-то подобного. Мое пофигистическое отношение к демонстрации Димкиной невьезбенности сорвало ему крышу. Внешне он остался спокойным, но при виде оттенка запредельной тьмы в его глазах я оцепенела. — Поскольку ты сама об этом заговорила: мне нужна рабыня, в том числе и для секса. Похоже, мне придется пояснить тебе это на деле, а

не на словах!

— Я не твоя рабыня! Ты ебанулся! — я едва не завизжала, когда его пальцы рванули пуговицу на моих брюках. С глухим звоном она покатилась по полу, а меня накрыло приступом неконтролируемой дрожи, когда я поняла, что он расстегнул ширинку и, отпустив мои волосы, переместил пальцы на пояс обтягивающих брюк. — Прекрати!

Ужас накрыл спиралями затягивающего в силки урагана. Ему ничего не стоило справиться со мной. Почему я не заорала? Почему позволила рывком стащить эти долбаные брюки вниз по своим ногам и лишь глухо застонала от подсечки по коленям. Стук отброшенных в сторону туфель отдался барабанной дробью чужой победы в пульсирующих висках.

— Ты не можешь! — в два счета я оказалась абсолютно обнаженной ниже пояса. — Нет... это насилие!

— Я не насилую женщин, сладкая, — в голосе Димы дрожали ноты едва сдерживаемой ярости. — Не смей дергаться, иначе я потащу тебя в таком виде в одну из комнат, где можно зафиксировать дерзких рабынь! Спиной на стол!

— Нет...

Лопатки прострелило глухой болью, я едва успела поднять затылок, чтобы не удариться головой о поверхность стола. Ягодицы и бедра обожгло прохладой лакированной поверхности, ужас достиг максимума, когда я поняла, что его пальцы сейчас сражаются с ремнем.

Нет, я не испытала ни капли возбуждения или предвкушения... Только ужас вместе с подступающими рыданиями и осознание собственной беспомощности. Он не собирался шутить или играть, а я была абсолютной дурой, полагая, что ему не позволит гордость взять меня силой!

— Расслабься и раздвинь ноги! — шепот опалил барабанную перепонку. — Юля, блядь, прекрати строить из себя целку! Или ты думала, мне будет достаточно тебя за руку подержать?

Рыдания сдавили горло. Я должна была отбиваться, но умом понимала, что это ничего не изменит, максимум, чего я добьюсь — это того, что сюда влетит Влада в компании с... нет, только не это!

— Рабыня не женщина, да? С ней можно так? — последняя попытка остановить, воззвать к благоразумию. Я зажмурилась, понимая, что слезы хлынули из глаз, и это его не остановило. Обманчиво-теплые ладони рывком задрали футболку, прошлись циничной лаской по полушариям груди. Судорога отвращения и неприятия выгнула мою спину на столе.

— Юля, разомкни ноги и расслабь мышцы! — приказной тон ломал сопротивление на раз, а я была не в состоянии сейчас даже пошевелиться. — Не превращай это в изнасилование, твою мать!

Горло окончательно сдавило царапающими петлями. Если бы я и хотела его умолять, просить остановиться или кричать, то просто не смогла бы. Пальцы мужчины впились в мои бедра до легкой боли, рванув на себя. От этого рывка лопатки обожгло огнем силы трения о гляцевый лак, а новая судорога выгнула тело, когда я ощутила прикосновение головки возбужденного пениса к моей вагине. Я была абсолютно сухая от ужаса и неприятия вместе с отвращением.

— Перестань сопротивляться! Выдохни и сделай себе хорошо, твою мать. Тебе это

необходимо! — с этими словами он резко толкнулся бедрами вперед, проникая в сжатые створки, которые так и не увлажнил нектар вождления. Это только в романах героиня течет по щелчку пальцев варвара-насильника, готовая при виде члена кончать непрекращающимися струйными. Сухая, царапающая, разрывающая боль пронзила все мое естество от этого безжалостного проникновения. Я не могла даже рыдать, шок от осознания происходящего накрыл удушающим куполом, меня сотрясали вспышки физической боли с каждой фрикцией мужчины, которого когда-то я любила до потери сознания. Почему он не останавливался, продолжал рвать меня на части безжалостным вторжением, чувствуя, что мое тело его отторгает, но не делая ни малейшей попытки это прекратить? Сухое жжение внутри влагалища переросло в пожар оскорбленной плоти. Я запрокинула голову, уставившись в свод потолка, чувствуя, как сознание бьется в пылающей клетке без шанса на спасение. Картина в натяжном глянце размылась под моими слезами, но я упорно цеплялась за что-то, что позволило бы мне видеть дальше этих замкнутых стен кабинета. В небо. Выше, туда, где никому меня не достать...

Ты этого хотел, да? Ты это имел ввиду, когда пришел во сне и упрашивал меня быть послушной и податливой? Когда просил проявить благоразумие и играть по чужим правилам? Тебе нравится смотреть, как твоего нежного ангела раскладывают на столе в твоём же кабинете, насилуя против её воли?.. Ты хотел, чтобы я с этим мирилась?..

Я не поняла, сколько прошло времени. Сухой жар между ног перерос в саднящую боль. Кажется, скольжение все же стало более плавным, но это явно был не отклик тела. Его смазка или моя кровь от наверняка поврежденной слизистой?

Я не рыдала и не дергалась, когда он перестал вбиваться в мое тело разрывающими фрикциями и даже не вздрогнула, когда потеряла ощущение болезненного вторжения. Его руки сжали мою талию, потянув на себя. Не было сил ни сопротивляться, ни рыдать, и я покорно позволила стащить себя со стола и поставить на ноги.

Мое сердце перестало биться. Мир замкнулся на боли самого жестокого и циничного оскорбления. Не имело значения, что тепло его тела согревало кожу — он не пытался обнять меня или прижать к себе.

— Посмотри на меня!

Я уронила голову на грудь. Щелчки его пальцев перед моими опущенными в пол глазами заставляли сердце сжиматься, напоминая, что оно все еще бьется. Почему, вашу мать, оно не остановилось? Я запретила ему биться, а оно продолжало это делать, отказываясь слушать свою обладательницу. Говорят, если ты позволила себя изнасиловать одному-единственному насильнику, с тобой все понятно. Сама виновата и попробуй докажи, что этого не хотела...

— Вижу, у нас не получается по-хорошему. — Я едва его слышала. — Что ж, если тебе не нужно удовольствие, ты доставишь его мне.

Руки опустились на мои плечи, подталкивая вниз. Я не сопротивлялась, прекрасно понимая, что последует дальше. Боль между ног не утихала, напоминая о том, что я так и не смогла уйти до конца в спасительные объятия шока, у меня закончились силы. Колени коснулись пола, вызвав новую вспышку боли во всем теле, но она не могла перекрыть моральную агонию всей моей сущности. Я только затряслась, когда головка члена скользнула по моим дрожащим губам, зажмурила глаза, не сделав попытки вырваться или отшатнуться. Мелькнула обрывочная мысль, что солоноватый привкус крови на венчике головки мне только показался.

— Открой рот, — меня не тронула сухая ласка голоса, которая, будь я в сознании, сейчас бы запустила самые жестокие психологические качели из всех, что я знала раньше. Я разжала стиснутые зубы, желая одного — чтобы это поскорее закончилось и меня оставили в покое. Ладонь опустилась на мою голову легким ласкающим нажимом. В другой ситуации этот неосознанный жест защиты придал бы мне сил, но сейчас я едва обратила на него внимание. Безжалостные пульсары поглощали мою вселенную, разбивали на руины прежний правильный мир своими беспощадными атаками.

— Сожми ручкой у основания... ты же умеешь это делать! Давай, не заставляй меня долбить тебя в горло. Язычком вверх-вниз... давай, попробуй сама на полную глубину...

Я не позволяла этим убивающим словам проникнуть в глубину моего сознания, отчасти, я была даже рада тому, что меня не рвут изнутри в этот момент, ограничившись более щадящим вариантом. Я просто подчинялась этим командам, произнесенным мягким голосом, не впуская их дальше.

— Про яички не забывай... языком вверх-вниз, сильным нажимом...

Когда его ствол в глубине моего рта увеличился, казалось, вдвое и напрягся, перед тем как выстрелить на язык порциями терпкой спермы, я была близка к потере сознания и жаждала этого, как высшую благодать. Рука потянула меня за волосы грубым рывком, запрокидывая мою голову, и Лавров велел мне открыть рот. Я покорно выполнила этот приказ, перед тем как сглотнуть. Попыталась подняться на ноги, но он удерживал меня с более ощутимым давлением.

— Не спеши. Сперва вылижи его дочиста.

Я подчинилась приказу, который должен был добить своей циничностью. Этого я уже не помнила. Шок отключил осознание некоторых действий. Уже не обращая внимания на то, что меня окружает, я натянула трусики и брюки, едва не застонав от жжения и боли между ног. Не хотелось думать о том, что произойдет позже, когда мое сознание очнется от анабиоза и его придавит всем ужасом произошедшего.

— Приведи себя в порядок, — Лавров опустил в кресло, погладив статуэтку египетского бога тьмы. — Через десять минут у нас будет посетитель.

Перед тем как направится в санузел с душевой кабинкой, я подошла к бару, игнорируя хмурый взгляд Лаврова. Хозяин не выглядел довольным послушно выполненной фелляцией, а я не испытывала по этому поводу ничего — ни сожаления, ни самодовольства. Плеснула в стакан первое, что попало под руку, кажется, ром, сделала несколько судорожных глотков. Прекрасно. Теперь в горле разливался точно такой же жар, как и в глубине истерзанного сухим вторжением влагилица. Только это тепло сдвинуло с орбиты айсберги застывшей от шока сущности. Еще не понимая, но уже наперед зная, что я не могу сейчас сдаваться и сходить с ума, сделала еще один глоток обжигающего рома, задержав во рту. Откуда взялась эта отчаянная смелость камикадзе, я не смогла понять даже потом, когда лезла на стенку в четырех стенах собственного дома и была близка к мысли о том, чтобы что-то с собой сделать. Сейчас же я всего лишь задержала дыхание, перед тем как запрокинуть голову и напрячь истерзанные связки, чтобы прополоскать горло обжигающим напитком пиратов семи морей под в прямом смысле слова очешуевшим взглядом Лаврова, и сплюнула в стакан.

Тогда мне было все равно. Даже униженная и растоптанная, я продолжала сражаться и цепляться за свою свободу не самыми разумными и ожидаемыми методами. Закрыла за собой дверь личного санузла и плеснула в лицо ледяной водой, избегая смотреть на свое отражение. Когда спустя минут семь вышла, никто бы не сказал, что я плакала или же

подверглась насилию. Но то, что, вернее, кого я застала в кабинете, пробило блокаду шока. Я не знаю, как я смогла сдержаться.

— Вероника, добрый день, — я нацепила одну из своих самых вежливых улыбок, игнорируя Лаврова, и протянула ладонь для пожатия. — Давно вас не было видно, рада приветствовать.

Никея слегка сдвинула идеальные брови, пожимая кончики моих пальцев, а я призвала на помощь все свое самообладание, оказавшись под перекрестным огнем двух взглядов. Присутствие альфа-домины, ломающей все правила, царапнуло сердце глухой тревогой, но я была слишком слаба и истерзана, чтобы развивать эту мысль дальше. Влада принесла кофе и чай, не забыв латте для меня.

— Юлия, — прохладный тон Лаврова резанул по нервам холодным огнем. Он считал уместным говорить со мной, словно ничего не произошло, в таком покровительственном тоне шефа. — Считаю нужным поставить тебя в известность, что я тоже беру себе помощника в нашем несколько нелегком бизнесе. Вы знакомы, нет необходимости представлять вас друг другу.

Еще один удар в самое сердце, на поражение. Никея улыбалась, но ее глаза оставались холодными. Тем не менее, я не ощутила исходящей от нее агрессии или неприязни, скорее, некую растерянность и едва ли не поддержку. Я определенно спятила.

— А где Юрий? Для меня будет огромным удовольствием поработать с ним.

Лавров заскрежетал зубами, а я улыбнулась почти искренне:

— Он скоро вернется, будет очень рад вас видеть.

— Ника, горю желанием показать тебе последнюю комнату, ты ее еще не видела. Ну, и обсудим наши перспективы, — вмешался Дима. Не сказав мне ни слова, он приобнял Никею за плечи, они направились к выходу, о чем-то переговариваясь и посмеиваясь, забыв о моем присутствии. На пороге Никея повернулась ко мне, скользнув внимательным взглядом. Я определенно сходила с ума, если начала видеть в глазах этой суки подобие материнской опеки! Когда за ними закрылась дверь, я набрала Владу:

— Попроси Бориса подать автомобиль. Я уезжаю домой...

Глава 16

Дима

Дрожь запоздалой эйфории и непонятной, царапающей по сердечной мышце моральной пустоты сливается в единый ритм. Хочется упасть в одно из кресел игровой комнаты и просто закрыть глаза ладонью, если не одной из глухих черных повязок для сенсорной депривации. Но это не даст абсолютно никакой гарантии того, что я перестану видеть слайд-шоу двадцатиминутной давности. Почему я этого не делаю? Не хочу показывать слабость своей гостье или же не желаю признаваться в подобном переплетении эмоций прежде всего себе?

Я пытаюсь отвлечься, наблюдая за ухоженными ладонями Ники. Пальцы с ярким маникюром гладят обшивку огромной римской десятки, приминая рельеф мягкой кожи с тонкой линией едва заметного шва, обрисовывают кольца цепи крепления ремней для фиксации, но в этом жесте нет восхищенного любования. Только пристальное внимание и, готов поспорить, холодный расчет на несколько этапов вперед.

— Цепь слабая. Только не говори мне, что ни у кого из сабмиссивов не появляется желания вырваться из этих оков, я тебе просто не поверю. Иногда в погоне за эстетикой производители упускают из виду элементарные вещи.

Я не успеваю ей возразить, да и не особо хочу. Разве она здесь не с целью внесения некоторых корректив на правах потенциального помощника?

-. Не спеши орать на своего поставщика раньше времени. Совершенству нет предела, недостаток исправим. Штейр знает, что с этим делать. Кстати, где он? Хотелось бы его дождаться.

Я очень надеюсь, что сумел сохранить невозмутимое выражение лица, услышав ее вопрос, в котором лишь интонация легкого любопытства. Упоминание имени Юлькиного сторожевого пса вызвало подобие бешенства и желание спустить последнего с лестницы. Не то что не знал об узах давней дружбы, которые связывали Нику и Юрия, когда делал ей предложение стать моей правой рукой в клубе. Задача устранить того, кто мог помешать мне наслаждаться новой властью в полном объеме, только что усложнилась.

— Я не знаю, куда его отправила Кравицкая. Мой косяк, упустил из виду.

— Это не страшно, мы еще успеем надоесть друг другу, нам же теперь работать вместе. И кажется, это будет самый восхитительный проект из всех, что у меня были за последние годы. Главное, не потерять голову, уже черт знает сколько времени не играла.

— Что тебе мешает?

— Профессионализм, Дима. Работа отдельно, удовольствие — отдельно. Даже если две эти вещи взаимосвязаны. — Никая расстегнула пуговицы на красном пиджаке стильного делового костюма и, подхватив со столика бокал с белым вином, опустилась в кресло напротив моего. — Не хватает подставки для ног, но у моего шаловливого котенка очередные съемки в рекламе какого-то сомнительного алкоголя, или геля для душа, я уже запуталась. Ну, а теперь рассказывай. Это ж как должна была осточертеть политика, что ты сбежал сюда, не побоявшись возмущения СМИ!

— СМИ у меня под колпаком, тебе это прекрасно известно.

Ника качает головой, на губах расцветает ироничная улыбка:

— Ошибаешься, они никому и никогда не подчиняются. Многие не пересекли условную черту лишь потому, что я занималась твоей предвыборной кампанией, а мое имя, не буду излишне скромничать, что-то значит в этом городе. Это попытка сбежать от прессинга ответственности за вверенный тебе город или же нечто другое?

Ее взгляд внимательных серо-голубых глаз теряет искорки веселья и показательной легкости, трансформируется в X-Ray лучи рентгеновского сканера, когда она внимательно следит за моей реакцией. Мне не привыкать, я могу так же приветливо улыбаться и выдерживать атаку взгляда очередной альфы.

— Почему бы не получить прибыль с такого приятного бизнеса?

Никая умеет красиво смеяться. Именно сейчас она демонстрирует мне это во всей красе, запрокинув голову и не закрывая рот ладонью.

— Не смей меня! Давай, попробайся еще раз.

Проницательная сука. Прежняя легкость тает, подобно утренней росе под лучами летнего солнца, я уже понимаю, что непроизвольно выдал себя с головой как бы случайным прикосновением пальцев к брови. Но кто сказал, что я буду отвечать на провокационные вопросы этой женщины, даже если она умнее большинства мужчин? Не считаю нужным что-либо говорить в ответ, ограничившись пожатием плеч, но и прекращать этот разговор тоже не хочу. Стоит остаться наедине с самим собой, и меня неминуемо разорвет по всем швам от временно отступившей в тень реальности. Пока что я испытываю лишь восторг победителя и не вижу иной стороны своего недавнего безумия, не пытаюсь анализировать, в какой момент

слетела планка абсолютной уверенности в собственных силах и рухнул бастион патрицианского спокойствия. Может, я просто переоценил собственные силы, распалив себя долгим ожиданием и сорвавшись за шаг до завершающего штриха, подтверждающего мою власть.

— Просто не вполне понимаю, что именно ты хотел мне показать тем спектаклем в кабинете. Надеюсь, не пьесу под названием «так будет с каждым моим партнером»?

В ее ледяных глазах абсолютное понимание всего, что произошло за полчаса до ее появления. Вашу мать, я не знаю, как такое возможно, особенно с учетом того, что Юля проявила чудеса завидного самообладания.

— Не понимаю, о чем ты.

— Прекрасно понимаешь. Нет, мне абсолютно все равно, что ты с ней там делал и сколько раз... меня это вообще не касается! Я просто пытаюсь понять, чего именно ты от меня ожидаешь помимо пиар-платформы и подготовки мероприятия. Научить Кравицкую грациозно падать на колени? Привести ей дополнительные аргументы того, что сильным мира сего не отказывают? Уложить к тебе в постель, в конце-концов?

— Ника, я взрослый мальчик и со всеми пунктами, которые ты мне перечислила, могу разобраться на месте. Ты в каждом деловом предложении выискиваешь эту двойственность?

Она переводит взгляд на бокал — не потому, что не смогла выдержать мой, просто потеряла интерес к развитию этой линии разговора. На высоких монгольских скулах играет безмятежная улыбка женщины, которую мало волнуют чужие проблемы, все, что ее по-настоящему интересует — работа, которую она умеет делать очень хорошо. Ее вопросы — всего лишь легкое любопытство, чтобы максимально точно сориентироваться на местности.

— Просто считаю своим долгом предупредить, что я не буду играть в эти игры. Знаю, что ты рассчитывал на обратное, признайся. Хочешь довести ее до критической точки моббингом с двух сторон, но, во-первых, я выше всего этого. Во-вторых, я тебе кое-что поясню, хотя ты, наверное, не в курсе. Алекс был моим другом, хотя мы не всегда находили точки соприкосновения. Он был одним из лучших, не в обиду тебе, подобные ему рождаются раз на сто лет, пусть мы не сошлись в некоторых взглядах, я не стала его меньше уважать. Он любил эту девчонку так, как никогда не сможешь ты. И хочу сказать, это было взаимно. Читать тебе морали не моя парафия, но не жди, что я буду плевать на его могилу, третируя Кравицкую.

— Я совсем не для этого предложил тебе должность. — Адреналин тает, оставляя после себя послевкусие тревожного сомнения. Все пошло не так, как я планировал изначально. — Алекс тоже был для меня далеко не чужим человеком.

— И ты справлял по нему панихиду, трахая его вдову на столе в его же бывшем кабинете?

Потрясающая пронизательность. Взгляд Никеи тяжелеет, словно застывает серым льдом. Странная метаморфоза, если учесть, что в нем нет осуждения или возмущения, как и этот непонятный нейтралитет с попыткой воззвать к рассудку тонкими завуалированными методами.

— Да, я знаю, что ты мне можешь ответить. Но, вот знаешь, она не выглядела счастливой. Это ваши дела, но участвовать в них я не собираюсь. Просто ты не понимаешь: если я соглашусь на то, что ты побоялся озвучить, тебе самому это не понравится. Да и работа легко может отступить на второй план.

— Вот одного не могу понять, откуда ты все знаешь? И возможно ли от тебя что-либо

скрыть?

— Дима, ты можешь до бесконечности замечать подобные следы, но мне достаточно было оглянуться вокруг, чтобы понять, что происходило за четверть часа до моего прихода. Не спрашивай, как, считай это уникальным даром. Мне интересно другое. Если я тебе сейчас скажу, что горю желанием с ней поиграть, что ты скажешь мне в ответ?

Я сразу блокирую возмущение подобным вопросом. Как бы я к этому отнесся? Боюсь, если она и дальше будет меня бесить своим сопротивлением, действительно смогу преподать этот урок, чтобы понимала, что никто с ней не играет и все по-серьезному.

— Значит, все-таки горишь?

— Знаешь, ты зря сейчас внутренне вздыхаешь с облегчением. Мой котенок весь месяц образцово себя вел. Что, если я подарю ему на вечер твою новую игрушку? Ты ведь не выставил мне рамки допустимых воздействий.

Дрожь усиливается, придавившая тревога вытеснена натуральным бешенством. Я бы мог перекрыть кислород и за более безобидные слова. Ника внимательно следит за мной, настроившись на шоу под названием «потеря контроля», но я не собираюсь показывать ей свою слабость. Просто пожимаю плечами:

— Я тебя слышал. Вернемся к главному вопросу? Сколько времени понадобится для подготовки?

— Еще рано говорить о времени. Для того чтобы провести аналог этого столь популярного на западе мероприятия, мне для начала необходимо ознакомиться с досье на всех возможных кандидатах и заручиться их согласием. Я понимаю, что ты уже все для себя решил и намереваешься просто поставить их перед фактом, но хочу тебе напомнить: их позиционирование в теме не дает тебе привилегий заставлять участвовать в «радуге саб», если они того не желают. К тому же они платят клубные взносы, так что не спеши устраивать шоу. Оно может и не получиться. Лучше подумай о другом, о мотивации, награде, которую ты сможешь предоставить участницам. Да хотя бы сделай это в формате сбора средств для детского дома! Я гарантирую, этот ход заставит мозги большинства работать в совсем ином направлении.

— Не вопрос, досье на компьютере у Кравицкой.

Ника допивает вино из бокала, вернув его обратно на столик, и вопросительно сдвигает брови. Она не привыкла терять ни минуты, если берется за работу, сделает ее идеально, не упустив ни единой детали. Я продолжаю держать лицо невозмутимого политика, а дрожь выбивает изнутри, запуская свои отравленные щупальца в сознание, которое сейчас близко к шоку. Меня удерживает только присутствие госты и я безумно боюсь того момента, когда окажусь в одиночестве. Эта тьма просто раздавит, лишив воли и способности соображать, накроет с головой, выжигая смертельное клеймо на остатках совести и человечности, вонзится прямо в сердце кинжалы понимания того факта, что я окончательно слетел с тормозов, перешагнув точку невозврата и поставив крест на любой вероятности того, что у этой жестокой игры может быть положительный исход. Больше не в этой жизни и не с этой женщиной...

Я близок к тому, чтобы схватить Нику за руку и удержать рядом, иначе эта тьма схлопнется вокруг, подобно черной дыре. Мне по-настоящему страшно уже от одного только предположения, что это не мои эмоции, я ловлю чужие с таким катастрофическим опозданием и это не похоже ни на что из того, что я мог прочитать в чужом сознании раньше! Тьма просто взрывается россыпью черных искр в районе сердца и начинает

подниматься выше, застилая глаза плотной пеленой, лишая последних сил. Я теряю момент, когда Никая отходит в сторону и обнимает Штейра, как старого знакомого, мне уже все равно. Я не сделал самого основного: не собрал мою девчонку обратно после тотального разрушения, и от этого хуже только мне...

— Вы не видели Юлию? — Ника поднимает брови, в ее глазах на миг просыпается интерес наблюдателя. Штейр смотрит прямо на меня, внешне он совершенно спокоен, но я физически ощущаю волну ненависти. Этот человек прекрасно понимает, почему я здесь и какие цели преследую. Сам догадался или кто-то помог?

— Привет. Не пытался поискать ее в кабинете?

— Пытался, безрезультатно.

— Я полагаю, втроем найдем ее быстрее?

Тревога усиливается. Я, наверное, чересчур поспешно срываюсь с места в направлении приемной. Там пусто, трель телефонного звонка режет нервы циркулярной пилой. В кабинете никого. Мир раскалывается на осколки тревоги и настоящего страха за моральное состояние той девочки, которой я недавно сам устроил кошмар.

Стук каблучков вырывает из бездны накрывающей тьмы. Я понимаю, что мне плевать на свидетелей, что я сейчас хочу только одного: просто обнять ее и попытаться стереть следы своего безумия, пусть с опозданием — я хочу верить, что еще не поздно! Но это всего лишь Влада, ее губы на миг дрогнули в натянутой вежливой улыбке. Она снимает шаль с плеч и спокойно вешает ее в шкаф.

— Что происходит? — к черту контроль, мой голос дрожит от бешенства. — Ты почему не на рабочем месте? Где Кравицкая?

— Передала вам свои извинения. Ей пришлось срочно уехать по неотложным делам.

Мне хочется схватить эту отмороженную секретаршу за плечи и трясти до тех пор, пока тьма не отступит на несколько шагов, но я встречаю ее взгляд. Контрольный выстрел на поражение в глубину сдавшегося сознания. Если у презрения, ненависти и разочарования вместе с возмущением есть имя, то это Власть в украинской интерпретации.

— Моему боссу стало плохо. Мне пришлось посетить аптеку, перед тем как усадить ее в автомобиль, именно поэтому я некоторое время отсутствовала на рабочем месте. У вас еще есть какие-либо ко мне вопросы?

Только один, твою мать. Как долго ты будешь оставаться в сознании, если я сейчас сожму твое горло. Обеими руками. Подобный взгляд я буду с удовольствием наблюдать только у одного человека, ты и близко рядом с ней не стояла. Слегка склоняю голову набок, беспристрастно оглядывая высокую фигуру референта. Ты бы не кривила свои губы в презрительной ухмылке, если бы знала, что с самого начала стояла в шаге от увольнения. Я этого не сделал только потому, что тобой заинтересовался почетный член клуба, мастер шибари Спайдер. Только вот не знаю, повезло тебе с этим или же наоборот!

Никая прекращает свой легкий флирт со Штейром и становится защитным щитом между мной и Владиславой. Секретарше много не надо, руки уже дрожат и нервно теребят авторучку. Что же у нее в голове, если вмешательство домины-анархистки кажется куда меньшим злом, чем мое присутствие?

— Какой кошмар... Надеюсь, ничего серьезного?

Влада бросает на меня взгляд, в котором ненависть разгорается в геометрической прогрессии. Да, эта женщина прекрасно знает, что произошло за закрытыми дверями между мной и Кравицкой, не спасла даже звукоизоляция.

— Просто упадок сил, грипп обострился. — Этот взгляд мог бы испепелить кого угодно на месте, но я привык к подобным за свои парламентские каникулы в Раде и вереницу пресс-конференций во время выборов. Самое время улыбнуться той самой улыбкой, которая заставила большинство представительниц прекрасного пола поставить галочку напротив моей фамилии в бюллетене. Ее презрение лишь царапает железобетонную броню, пусть с душераздирающим скрежетом, но глубже ему никогда не проникнуть, остается только пожалеть, что нет с собой бутафорских клыков, и повторить сцену из «Укрощения строптивого» невозможно. Я все же внутренне вздрагиваю, когда палец Ники упирается мне в плечо.

— Твой долг послать своему деловому партнеру корзину роз и открытку с пожеланием скорого выздоровления! — я сейчас не могу понять: она серьезно, или же это хорошо закамуфлированный прикол. — Это вы у себя в мэрии взяли стахановский темп, от которого нормальные люди валяются с ног, надо быть добрее к собственным избирателям, господин мэр!

— Отдаю предпочтение орхидеям. Черным. — Перевожу взгляд на Штейра, который внимательно следит за реакцией Влады. Мне сейчас только революции в своих новых владениях не хватало. Послезавтра начинается сессия горсовета, если я прямо сегодня не установлю здесь строжайшие рамки, все полетит к чертям. — Собственно, я не вижу причин, по которым стоит отложить наше совещание. Надеюсь, Кравицкая быстро поправится, и вы введете ее в курс дела. Прошу в кабинет.

Приходится быстро спрятать в ящик стола перевернутую рамку с фотографией. Счастливая семья — Юлька и Алекс, держащий на руках это маленькое чудо с двумя хвостиками. Стекло треснуло, я не заметил сразу. Возможно, это произошло именно тогда, когда я разложил ее на этом столе...

Виски сдавливает тупой болью. Отстроченная реакция не заставила себя долго ждать. Я даже не понимаю, что именно сейчас полосует сердце кровавыми надрезами тонкой катаны. Этот срыв, который повлек за собой те последствия, что я никогда не допускал даже в своем плохо поддающемся контролю воображении, давление осуждающей волны присутствующих... или ее абсолютно пустой взгляд, оцепеневшее тело, осязаемые иглы отвращения, проникшие под кожу от каждого прикосновения?

Мне хочется отмотать время назад, когда я понимаю, что сегодня собственноручно поставил крест на возможном будущем, где мы могли бы получить второй шанс, на который меня уже благословили свыше. Почему я так хочу разорвать ее на части, стоит только нам оказаться наедине, и готов сделать это сам с собой, когда она не рядом?..

Семь лет. Семь, вашу мать, гребаных лет. Каждый месяц, неделя, день, час и каждая секунда в ожидании именно этого момента, когда между нами не останется ни малейшего препятствия! В буквальном смысле школа выживания, приобретение ценного умения жертвовать настоящими эмоциями и желаниями во имя образцово-показательных, совершенствовать неуязвимые доспехи победителя и по-настоящему гореть этим. Ради чего? Отчасти доказать ей — смог, сумел, выстоял, отчасти почему-то уже тогда зная наперед, что пройдет не столь много времени, и наши пути снова пересекутся. Видит бог, я никогда не планировал подобного. Эти игры в бескомпромиссное завоевание должны были остаться в пределах спальни, и уж никак не трансформироваться в самую суть новых отношений! Никакого триумфа победителя не было и в помине. Это был первый раз, когда я мысленно проклял данную мне народом власть и неприкосновенность. Я не хотел, чтобы она молча

выносила безумие моего внутреннего монстра, сложив руки лишь оттого, что наши категории оказались столь неравны. Я ждал ее сопротивления до последнего, я готов был вытерпеть что угодно, даже удар статуэткой Анубиса в висок, только не эту убивающую обреченную покорность!

— Дим, ты уверен, что это не подождет? — пальчики Никеи сняли невесомую пылинку с плеча, и, хотя она не смотрела на меня, я физически ощутил легкую иронию. — Давай после сессии горсовета устроим мероприятие? Уверен, что не хочешь сберечь силы?

Возможно, все мои переживания отразились во взгляде. Надеюсь, это не продлилось долго.

— Сил у меня хватит на десятерых, Ника. Ситуация следующая, — смотрю на Штейра, который больше не сверлит меня взглядом, искусство самообладания ему присуще так же, как и мне. На спокойном лице бывшего спецназовца, прошедшего горячие точки и свист пуль девяностых, предельное внимание. Опасный противник, который так вот кстати обзавелся ахиллесовой пятой аккурат в разгар исполнения моего плана. — Я хочу провести «радугу саб». На западе это мероприятие пользуется ошеломительным успехом.

— Пожалуй, соглашусь, очень интересная идея, — пожимает плечами Штейр. — Конечно, если вы посвятите меня в подробности.

— Юрка, нам вместе над этим работать, я тебе все объясню! — улыбается Никея. Я пытаюсь спрятать иронию во взгляде.

Лучший друг Анубиса, взваливший на свои плечи ответственность за благополучие Юльки, ты действительно думаешь, что будешь работать здесь на тот момент, когда я приведу свой план в исполнение? Если у тебя прямо сейчас не хватает мозгов понять, что я не намерен терпеть никаких помех на своем пути, мне тебя даже не жаль. Думаешь, наличие у тебя беременной супруги меня как-то остановит? Твои дни здесь сочтены, ты бы вылетел отсюда в первый же день — твое счастье, что я питаю особую симпатию к Никее и хочу облегчить ей задачу на первом этапе управления. Киваю, изобразив на лице благодарность за понимание и готовность оказать поддержку, словно никакой перепалки взглядами и тщательно сдерживаемыми эмоциями всего-то десять минут назад не было и в помине.

— Думаю, никто не откажется скрепить наш договор глотком изысканного коньяка? У моего партнера потрясающий бар.

Мне даже не лень подняться с кресла и сделать несколько шагов в направлении шкафа из натурального дерева, где под темной глянцевой панелью прячется коллекция дорогого алкоголя. Юлька не стала ломать эту традицию в память о супруге. Выбираю традиционный ХО, наполовину пустую бутылку.

Бокалов для коньяка всего два. Нас здесь трое. Можно, конечно, заменить их на бокалы для мартини или шампанского, но я привык к порядку во всем. Поворачиваю голову к подоконнику, где сиротливо приютился третий бокал.

Что-то замыкает в сознании именно в этот момент. Я не понимаю, почему у меня так дрожат руки. Ярость? Раскаяние? Возмущение недавним поступком Юльки, которая так брезгливо полоскала рот этим изысканным напитком? Похоже, тот факт, что она не получила удовольствия в моих руках и сломала на хрен все мои радужные ожидания, начал доходить до меня только сейчас.

Блядь, что ты творишь со мной, дрянная девчонка? Как тебе удастся так легко подвести меня к столь опасной грани безумия и почему у тебя так просто и легко получается просто выпивать мои силы и самоконтроль одним своим присутствием, провоцируя не уступающие

друг другу по силе желания — разорвать тебя в клочья за то, что вырвала у меня семь лет жизни, и утопить в нежности, закрыть в клетку своих рук, чтобы никогда не выпустить, потому как без тебя дальнейшая жизнь станет очередным квестом по кругам ада? Почему они вцепились друг другу в глотки, эти противоречивые стремления, и продолжают биться в бесконечной войне, которой не видно ни конца ни края?

Из этой неопределенности, граничащей с отчаянием, меня вырывает телефонный звонок. Я едва разбираю слова говорящего, из которых понять можно только одно: в городе, вашу мать, готовится стихийный митинг против нечестных застройщиков жилья. Вот уж ненасытные! Никак не могут поделить прибыль от своих строительных афер и особо не скрываются! Дай им волю зашибать свои миллионы и дальше, пойдут по трупам, не забыв плюнуть в лицо пострадавшим. Похоже, пора менять к черту весь руководящий состав, если не могут сообразить, что своим беспределом подставляют прежде всего меня! Прощай, вечер в спокойной семейной обстановке и тир с Данилкой, придется выйти к этой агрессивно настроенной толпе и пообещать им совершить невозможное. Впрочем, несколько голов высокопоставленных чиновников все же полетит, мэр же должен думать о своем народе? Сделаем. Только вряд ли от этого что-то кардинально изменится.

— Сожалею, — возвращаю бутылку назад в бар. — Придется без меня, правительственные дела не терпят отлагательств. Начинается подготовка к сессии... горсовета, Ника! — продолжил тоном непримиримого учителя, заметив ее улыбку от двусмысленности сказанной фразы. — Но, независимо от этого, связь не теряем. Хотелось бы к завтрашнему вечеру получить план мероприятия, справитесь?

— Не сомневайся, — Никая спокойна и сосредоточенна, лишь слегка улыбается. — Давай, дай всем прикурить новыми реформами. Кстати, не хочешь объявить Тему отдельно взятой религией? Я тогда, может быть, даже отдам за тебя свой голос, когда решишь пойти на второй срок.

— За что я тебя люблю, так это за твое чувство юмора, — защелкиваю кейс и, уже направившись к двери, замечаю, как напрягся Штейр. Похоже, что сейчас начнется что-то интересное. — Всем счастливо оставаться, и ведите себя хорошо!

Секретарь Влада испуганно поднимает голову, но у меня сейчас нет ни времени, ни желания играть с ней в гляделки и прессовать усилием мысли.

— Владислава, пошлите, пожалуйста, Юлии Кравицкой букет черных орхидей. — Визитка пикирует на стол, она успеваает ее прижать тонкими наманикюренными пальцами до того, как та соскользнет на пол. — Моего референта зовут Оксана, возьмите у нее координаты агенства флористики и на будущее запомните этот номер. Постарайтесь, чтобы Юлия Владимировна получила букет в ближайшее время с моей подписью и пожеланием выздоровления. — Нет, мне не обмануть ее и не ввести в заблуждение проявлением якобы заботы и внимания. В глазах стынет ненависть, но дежурная улыбка на высоте:

— Конечно, Дмитрий Валерьевич, я все сделаю, можете не переживать.

Поворачиваюсь на звук захлопывающейся двери. Штейр не двигается с места, сверлит меня лишенным эмоций взглядом, скрестив руки на груди. Самое интересное, что я уже заранее знаю, о чем пойдет разговор и чем он закончится. Пять лет в Раде не прошли даром и наделили уникальным умением читать мысли отдельных индивидуумов с детальной раскадровкой и фиксацией каждой эмоции.

— Юрий, какие-то вопросы? У тебя семь минут, пока я спущусь к автомобилю.

Он солидарен со мной в том, что разговор не для ушей Влады, и даже Никии. Я не

собираюсь задерживаться ни на миг, уверенно спускаюсь в холл, заставляя помощника Кравицкой следовать за мной, потому как другого выбора не предвидится.

Погода снова испортилась, будет дождь. Делаю благосклонный жест рукой собственной охране и только тогда позволяю себе обернуться к Штейру. Игры кончились, я не собираюсь сейчас надевать маску не пойми кого.

— Четыре минуты, — просто считаю нужным предупредить. — Говори.

— Ты думаешь, я не понимаю, что здесь происходит? — его голос не дрожит от негодования, в нем спокойствие уверенного в себе доминанта. Похоже, он и вправду не сомневается ни в чем и наивно полагает, что я соглашусь на его условия. — Тронь ее пальцем, и у тебя будут большие неприятности!

Нас никто не слышит. Смотрю в его непроницаемые глаза и чувствую прилив энергии от явного превосходства над тем, кто старше и опытнее, но в силу некоторых обстоятельств не может тягаться со мной в плане вседозволенности. Мне практически жаль этого человека. В других обстоятельствах ты бы, может, и оказался сильнее и сумел настоять на своем, но не сейчас, когда я достиг своей заветной цели.

— Я трону ее не только пальцем, и ты не сможешь мне помешать. Я должен понимать твои слова как угрозы представителю власти? Тебе прислать повестку в прокуратуру, чтобы не путался у меня под ногами? Не надо рассказывать, что я организую это за несколько минут?

Нет, мои слова не сбили с него спесь... пока еще. Сейчас пойдут стандартные приемы пси-доминирования в попытке как-то повлиять на мои планы. Я терпеливо жду, эта ситуация развлекает и будоражит нервы приятным покалыванием.

— Я обещал Алексу, что не дам ее в обиду, и я свое слово сдержу! В тебе вообще осталось хоть что-то человеческое? Она недавно сняла траур! Не сильно круто загнул?

— Да нет, как обычно, — наклоняюсь к его уху. — Кстати, кого ждете? Пацана или девчонку?

Безоговорочная победа. Но Штейр из последних сил держится, сохраняя лицо даже в заведомо обреченном наповал противостоянии. Мне ничего не стоит добить его парой слов, что я и делаю.

— Как меняются некоторые вещи со временем, скажи? Помнишь, как устроил Ассаи показательное выступление и заткнул кляпом, чтобы не оскверняла твои уши каким-то непонятным стоп-словом? Я вот долго не мог понять, как Анубис спустил тебе это с рук и как она вообще решилась после этого стать твоей женой. Все мы немного изменились. Ты стал не просто сердцем и мозгом клуба, а еще и примерным любящим семьянином, и наверняка сделаешь все, чтобы твоя очаровательная жена не переживала понапрасну?

— Не строй из себя крестного отца, Грей. — Штейр пока еще удачно парирует мои слова, а я закатываю глаза. То ли оттого, что не люблю вспоминать о своей юности и этом псевдониме, то ли оттого, как сменился его смысл с выходом на экран «Пятидесяти оттенков серого». — Я не спущу с тебя глаз, попробуй только ее обидеть. Мне плевать на то, как ты высоко взлетел.

— Я тебя слышал. И наше время вышло. Обещаю обдумать твои слова и при следующей встрече озвучить свое решение. Вернее, повторить.

Оставляю его на парковке переваривать услышанное. Путь до мэрии не столь долог. Меня уже ожидают, и я объявляю об открытии заседания за четверть часа до назначенного времени. На площади организованный митинг набирает обороты, я знаю, чьих рук это дело и

кто проплатил его. Обычная ситуация, в нашем мире они практически стали рутиной. В разгар заседания приходит информация о том, что были задействованы дымовые шашки и разбиты витрины двух магазинов. Заместитель огребет по первое число. Виновные в расхищении средств завтра полетят с насиженных мест, более того, выплатят пострадавшим все до копейки. В своем городе я не потерплю беспорядков. Отдаю распоряжение организовать навес и микрофоны прямо на площади, подключить все СМИ города. Мне глубоко параллельно, как это сделают в окружении жаждущей крови толпы митингующих.

— Вы не можете выйти к ним сам! — я не помню, кто произносит эту реплику.

— Ошибаешься. А вот со всеми крысами, кто спрятался, разберусь потом. И вам это не понравится!

Спустя час все готово для мирных переговоров. Полиция сформировала коридор и оцепление по периметру, толпа притихла в ожидании. Скорее всего, просто опешила оттого, что сейчас с ними будет говорить мэр собственной персоной.

— Минуту, — отправляю заместителя и главу безопасности вперед. — Важный звонок.

Мне все равно, что меня могут слышать. Набираю номер. Как ты, моя загнанная пантерка? Задрожала? Забилась в угол? Может, даже расплакалась? Давай, разозли меня до предела, сбрось звонок или проигнорируй. В следующий раз я разложу тебя на столе при свидетелях.

— Юленька, золотце, — у нее показательно-спокойный голос. Тем лучше, истерика ничего, кроме раздражения, у меня сейчас не вызовет. — Ты получила мой букет?

Слушаю утвердительный ответ и холодную вежливую благодарность.

— Влада сказала, тебе стало плохо. По моей вине, я полагаю?

Куда делось спокойствие! Голос дрожит. Она вот-вот сорвется. У меня сейчас нет на это времени.

— Я вот, собственно, что хочу сказать. У тебя есть вредная привычка сбегать из города. Попробуй только — и все, что было сегодня, покажется тебе лаской. Ты остаешься здесь, на связи в любое время, если я попаду на отключенный телефон, у нас с тобой продолжится разговор в подобном стиле. Он будет продолжаться до тех пор, пока ты не научишься себя правильно вести. Я бы на твоём месте думал о дочери и о том, как упростить себе жизнь. Партнерство ведь предполагает компромиссы? А теперь отдыхай и набирайся сил, они тебе понадобятся. Все же лучше, чтобы желать мне смерти от рук неадекватной толпы, солнышко мое.

Я сбрасываю разговор, не дав ей времени осмыслить мои слова и что-то ответить, прихожу к выводу, что всхлип на том конце связи мне не показался. Отлично. Теперь можно в бой. Поднимаюсь на трибуну. От воплей новоявленных революционеров и столь привычного уже лозунга «ганьба!» трещит голова, «правый сектор» тоже здесь. Что ж, сегодня правда на их стороне.

Вам когда-нибудь приходилось стоять лицом к лицу с разъяренной толпой, которая готова вцепиться в глотку, заранее предъявив тебе обвинение во всех смертных грехах? Эта орава вооружена и настроена категорически, для них явление мэра города собственной персоной не благосклонность и готовность идти на компромисс, а уникальная возможность утолить свою жажду крови. Надо быть безумцем, чтобы нырнуть в бассейн с акулами без оружия и подстраховки, но я прекрасно знаю, как гасить подобные конфликты.

С теми, на кого мне плевать, я это умею. С той единственной, которая прожгла мне кровь одним своим существованием и подвела к грани одержимого безумия, я, наверное, не

сумею этого никогда.

— Добрый вечер, я попрошу внимания. Только что закончилось заседание и принят ряд решений. То, как с вами поступили, низко и незаконно. В Харькове такого больше не будет никогда! Я прошу подняться на сцену представителя вашего митинга для того, чтобы мы смогли прийти к консенсусу прямо здесь, на ваших глазах. Итак, кто представляет вас?

Через несколько минут я жму ему руку. Полковник в отставке, судя по разговору грамотный юрист. Все его требования легко соблюсти, мы жмем руки уже в знак договоренности и подписываем соглашение. Площадь редеет, организаторы протестного митинга обязуются заменить стекла магазинов и навести порядок на площади Свободы, а я смертельно устал. Настолько, что, пожалуй, завтра позволю себе расслабиться со своей новой игрушкой, которая теперь абсолютно в моей власти. Заслужил.

Юля

Я рыдаю, закусывая губы. Слезы бегут по моим щекам и заливают клавиатуру.

— Лена, прости... я не могу сейчас с тобой говорить... просто не могу!

Боль душит меня. Мой мир разлетелся на осколки, и я на грани безумия после его звонка. Тянусь пальцами к мышке.

— Юля, слышишь меня? Девочка моя, только держись! Брайан начал изучать дело с клубом. Все не столь безнадежно, как нам казалось, слышишь? Мы выберемся! Потерпи, уже совсем скоро! Прошу, не обрывай связь...

— Не могу! — мой голос сбивается, я даже не в состоянии ей пояснить, что уже третий раз за день хочу в душ, смыть с себя следы ужасающего низкого изнасилования. Но секущим холодным и горячим струям не под силу вытравить это из моей памяти и сознания. Слишком поздно. — Лена, я просто не могу... прости!

Я жму на красный значок, обрывая разговор, и понимаю, что у меня началась самая жестокая подмена сознания из всех ранее увиденных. Я хочу забиться в угол, закутавшись в одеяло с головой, и одновременно понимаю, что не вынесу этого одиночества! Подчиняясь какому-то неподвластному разуму порыву, спускаюсь вниз.

Орхидеи не пахнут. Тем более черные. Когда я их получила, мне почему-то захотелось убедиться, что они опрысканы краской из пульверизатора, такие же фальшивые, как имидж Лаврова, который мог на публику демонстрировать честного политика и любящего отца, а на деле... Я растирала в пальцах лепестки, и дошла в этой жестокости гораздо дальше, чем он семь лет назад, погубив белую орхидею в своей ладони. Разрывала лепестки, которые не были белыми, даже в зародыше набирали черный окрас. Не понять этого знака было невозможно. Его звонок десять минут назад доломал меня окончательно.

Я не собиралась бежать. Пока еще нет. Может, не вполне осознала всего произошедшего или же наивно полагала, что этот срыв будет одиночным. А может, ситуация с наркотиками и полицией, как и повисшая в воздухе не высказанная в полной мере угроза, раз и навсегда отвратили меня от импульсивных поступков.

— Вы выбросили эти гребаные цветы? — домработница слегка опешила при виде моих заплаканных глаз, как и час назад от распоряжения избавиться от букета, и перепугано закивала. Судя по ее глазам, все же сунула свой любопытный нос в сопроводительную открытку и поняла, от кого эти цветы. Это не принесло в равной степени никакого облегчения, их воображаемый запах, казалось, намертво впитался в рецепторы обоняния. Запах травы, свежесорванной зелени, запах смерти.

Валерию Полякову редко можно лицезреть с выражением смятения на

аристократическом красивом лице. Кажется, она готова отменить свою поездку и потерять миллионы на покупке акций, и я ее понимаю. Это на ее плече я ревела белугой, едва перешагнув порог дома, теряя голос в попытке выговорить отдельные слова, цеплялась дрожащими пальцами за ее одежду, буквально впитывая всеми рецепторами тепло, которое моментально иссушал арктический холод моей разорванной в клочья души. Мне удалось успокоиться ненадолго, а вот Лера вышла из себя. Звонила мужу и требовала поскорее ехать в Киев не с целью подготовки экспозиции, а для того, чтобы навестил всех своих знакомых с политического олимпа и все-таки донес до их пресыщенных собственным обогащением мозгов факт беспредела их ставленника, возомнившего себя богом в отдельно взятом городе. Николай был с ней солидарен, как я поняла по обрывкам услышанных фраз.

— Я останусь. Юляш, я понимаю, что это очень большие деньги, но я не допущу, чтобы ты тут сгорела на костре его шизофрении. Для начала я сама попробую с ним поговорить!

Ее самолет улетает через несколько часов. Когда я смогла ненадолго успокоиться, узнала, что Илья отказался от покупки яхты и занял свое законное место в руководящем составе компании, вместе с Константином пытается постичь тонкости управления компаниями и нюансы торговли ценными бумагами, но их знаний недостаточно для того, чтобы сориентироваться в этом океане биржевых котировок и индексов Доу-Джонса. Валерия хочет сделать для меня очень много, но я сомневаюсь, что сможет спасти от безумств дорвавшегося до мести Лаврова. Наконец она принимает решение:

— Собирай чемоданы. Летишь со мной.

Если бы только это было возможно! Где та рискованная и бесстрашная девчонка, которая из чувства протеста могла бы показать обидчику средний палец и помахать ручкой с большой высоты улетающего самолета? Я никогда не пойму, почему этого не сделала. Страх перед Лавровым, который уже совсем скоро перейдет в панический ужас с желанием отползти в темный угол и закрыть лицо руками? Подсознательное желание принять это наказание за то, что однажды пустила его жизнь под откос? Но я об этом сейчас уже практически не жалела, ведь конец того измотавшего обоих противостояния позволил мне обрести любящую семью и самое настоящее счастье. Страх за Еву и еще один финт подсознания — не бежать от трудностей, не прятаться в чужой стране до скончания времен, потому что мое возвращение обратно станет невозможным. Перевезти семью? Кем они будут там? Имела ли я право рушить их жизнь? Мне никогда не получить гражданства иной страны, пока держит в этом городе роковое наследство!

— Я не могу, Лера. Ты не представляешь, на что он способен! Я не смогу этого сделать, пока на мне висит клуб, и ему прекрасно об этом известно! Сколько я просижу в Германии, наблюдая за тем, как он планомерно уничтожает все, что мне дорого, без права вернуться, потому как сфабрикованная статья не только мне, а и, возможно, родным поставит на этом крест?

— Ты не виновата в том, что произошло. Ты просто разбудила чувства не в том человеке! — Валерия потеряла виски. — Знаешь, я была не согласна с Сашей, оставлять Лаврова в живых было уже тогда неосмотрительно. Сейчас он зол даже не на тебя, прежде всего на самого себя, потому что не может выбросить тебя из головы. Но рано или поздно он поймет, что это замкнутый круг и нужно менять прежде всего себя. Тогда и вернешься.

— Чувства? — новый спазм сжал мое горло, и я смахнула слезы. — У него нет никаких чувств. Это просто долбанная вседозволенность и месть. Их нет в помине!

Где-то высоко, в своей небесной обители, без сил свалился мой ангел. Он всегда был

слабым, последний рывок — подарок в виде Александра и семи лет счастья — отнял у него все силы. Он еще долго не встанет, чтобы вытянуть меня из омута черно-алого безумия своего павшего коллеги. Мне хочется закричать ему «вставай, сделай же что-нибудь!», но я смертельно устала.

— Просто вернись поскорее, — прошу я Леру, дав себе обещание мобилизовать последние силы и хотя бы попытаться выстоять в этом провальном поединке.

Вернись до того, как он меня окончательно уничтожит...

Глава 17

— Сожалею, Рианна отказалась принимать участие в «радуге саб». Она готова перечислить деньги в фонд поддержки сирот, но сама участвовать не станет. Боюсь, это не последняя наша неудача, — устало сказала я, пытаюсь допить давно остывший кофе.

Я уже битый час не могу подавить нервозность, которая окутывает меня в присутствии Никеи. Я не понимаю, чем она вызвана, скорее всего, это отголоски позавчерашнего насилия и бессонных ночей. Ника дружелюбна и внимательна, в некоторых моментах даже вкрадчиво-ласкова, иногда мы прерываемся от планирования предстоящего мероприятия и заводим разговор о детях, который сейчас охотно поддерживает даже Штейр, ему ведь скоро тоже предстоит познать трудности отцовства. Мы даже натянуто шутим, описывая ему «радость» бессонных ночей, пеленок-распашонок и двусмысленности того факта, что с появлением ребенка доминант у Ассаи будет уже не он. Но чтобы его это как-то смутило и испугало? Юрий счастлив настолько, что уже одно это позволяет мне на миг вырваться из своего периметра черного отчаяния, погреться в этих светлых лучах и нырнуть с головой в работу. Рассказ Никеи о том, как ее сын однажды запустил пожарную сигнализацию в школе, сменяется уточнением деталей предстоящего раута и так же плавно переходит на особенности воспитания детворы. Наш мир именно такой, здесь соединяются, казалось бы, две несовместимые грани, но нас это давно не шокирует.

— Трое из двадцати двух, — откидывается на спинку кресла Никея, — притом состоящие в отношениях. Не нужно быть оракулом, чтобы понять, кто станет покупателем. В финансовом плане это бесподобно, но для соискателей лишено какого-либо смысла.

— Четверо новеньких с удовольствием поучаствуют, каждая из них пришла сюда с целью найти себе Верхнего, — Юрий слегка пожимает плечами. — Алекс всегда скептически относился к подобным мероприятиям в силу того, что членские взносы большинству сабочек оплачивают наши vip-клиенты, предпочитая оставаться в тени. Это создаст необходимый антураж на аукционе, но те, кто действительно задался целью найти себе партнера, могут почувствовать себя обманутыми. Я не вижу смысла сейчас прозванивать базу девчонок и выслушивать отказы, нам нужна более стабильная программа мотивации. И особо остро стоит проблема бисексуалов, у нас не готовы раскрываться до такой степени.

— У меня есть идея дополнительной мотивации — розыгрыш абонемента, но нужно еще раз обдумать все нюансы. Лавров плохо понимает, чего именно хочет. — Ника улыбается, а я представляю себе выражение лица Димы, если бы он вдруг это услышал.

— Может, нам выставить мэра города как отдельный лот для самой дорогостоящей сабы по итогам аукциона?

Я еще могу шутить. Просто уму непостижимо, но я оказалась права — только погружение в работу сможет на время разогнать мои мрачные мысли в ожидании неизбежной встречи с Лавровым. Осталось продержаться полчаса, скоро Ева вернется

домой, и мне хочется верить, что я смогу отвлечься при виде одной ее улыбки.

Никея бросает на меня долгий задумчивый взгляд. Мне плевать, хотя я вру себе — сердечко сжимается, и я поспешно допиваю холодный кофе. Сегодня суббота, никто не планировал не то что появляться в клубе, но и собирать совещание. Надеюсь, мне простят это своеволие, мы ведь работаем на благо общего дела. Альфа-домина скорее довольна тем, что мы работаем, а не сидим по домам, на нее как-то странно действует упоминание Лаврова. Словно ей меня жаль, но она считает ниже своего достоинства вмешиваться.

— Спасибо, что не отказали мне сегодня, — улыбаюсь, понимая, что не смогу больше выдерживать присутствие Ники, которая, кажется, знает все. — Встретимся в понедельник и, я уверена, достигнем ошеломительных результатов.

Я отставляю пустую чашку в сторону, предвкушая встречу с дочерью. Я еще многого не знаю.

...В ослепленном весной городе идет мелкий дождь. Колеса черного «порше кайена» мягко пружинят по брусчатке главной улицы. Ему даже не нужно сбавлять скорость, правительственные мигалки заставляют других участников автомобильного движения жаться к обочине, пропуская повелителя города вперед. Сегодня он решил сесть за руль сам, у его колесницы бронированное стекло, только он всегда боится от непредвиденных обстоятельств — впереди и поодаль, не сбавляя скорости, несутся два «брабуса» со штатной охраной. То ли обычная мера предосторожности, то ли усиленная вследствие недавнего стихийного митинга, целью которого было брать штурмом мэрию и линчевать мэра, покрывающего коррупцию. Новоявленные революционеры не знают, что могло быть хуже, да им и невдомек — харьковский Брюс Уэйн проявил чудеса фальшивой дипломатии и завоевал толпу своей показательной храбростью, когда вышел на трибуну и свел конфронтацию до уровня двусторонних переговоров. Сегодня у него законный выходной, но он давно забыл о том, что они положены по закону, он привык решать дела сразу, по мере поступления.

Дождевые капли веером разносятся из-под тормозящих с визгом колёс, тихо урчит двигатель — черный монстр автомагистралей замирает на полосе с нанесенной разметкой VIP, той самой, где не столь давно имел право парковаться только основатель клуба, которого больше нет в живых. Этому наглецу нет до этого никакого дела, так и должно быть — сейчас в этом клубе главный он, несмотря на то, что делит эту ответственность с вдовой погибшего. Мокрый асфальт пошел рябью от невидимой глазу вибрации, стоило новоприбывшему оставить на нем тут же исчезающий отпечаток подошвы выполненных на заказ «оксфордов», после того, как хозяин города решительной походкой человека, уверенного в завтрашнем дне, двинулся в сторону черных зеркальных дверей закрытого клуба, проигнорировав приветствие швейцара и охраны. Вошел в затемненный холл, пустынный в это время. Здесь никого, за исключением бармена за фигурной стойкой, декорированной цепями и изображениями трикселя. Парень как раз наслаждался временным затишьем перед тем, как в клуб начнут прибывать гости и не оставят ему ни минуты свободного времени, поэтому строчил по сенсорной клавиатуре широкого смартфона сообщение, чтобы подтвердить встречу, узнать, как дела, или же просто-напросто прокомментировать очередной пост друзей в социальных сетях. Он настолько увлекся виртуальной частью своей жизни, что не сразу заметил прибытия нового хозяина города, по совместительству — клуба. Хватило одного взгляда визитера, которого сегодня не ждали, чтобы очередное творение японо-китайской индустрии выскользнуло из пальцев

обомлевшего бармена, он сумел поймать его сразу, хвала молниеносной реакции — сколько раз уже жонглировал с бутылками на глазах у искушенной публики!

Лавров наверняка наблюдал этот импровизированный спектакль с едва зародившейся в уголках губ улыбкой, от которой у каждого без исключения появлялось непреодолимое желание провалиться сквозь землю или же слиться со стенами. Принять ее за выражение благосклонности могли лишь напрочь лишённые инстинкта самосохранения индивидуумы.

— Еще раз увижу подобное на работе — уволю. Зарежу репутацию. Сделаю так, что тебя в этом городе даже стойку протирать не возьмут. Я понятно выразился?

Наверняка бармен залился краской, вряд ли стыда, — работать в таком клубе и краснеть от смущения нереально, скорее, негодования, и попытался натянуто извиниться, на самом деле хотел возразить, на что удостоился решительного жеста — поднятой ладони, призывающей к молчанию, и хлесткой фразы:

— Это все.

В этот момент Лавров уже заметил Никею, которая спускалась по витой лестнице, и его улыбка стала иной — довольной, дружелюбной и искренней. Возможно, они успеют даже выпить кофе (может, что-то покрепче, кто осмелится заставить мэра дышать в трубочку? У него и раньше была в этом плане зеленая улица).

Я как раз выбирала режим напитка на табло кофе-машины, чтобы насладиться чашкой латте перед дорогой домой — Владу в этот день дергать не стала, позволила остаться дома, — когда не услышала, нет, уловила спинным мозгом шаги, приглушенные ковром. Их я всегда буду узнавать из тысячи. Позвоночник оцетинился ментоловой изморозью, колени задрожали, я испытала самое настоящее желание рвануть в кабинет и забаррикадировать дверь. Он не должен был здесь появляться сегодня и уж во всяком случае не тогда, когда я осталась один на один с ним. С воплощением своего кошмара.

Тебе кажется, ты сильная, ты сможешь. Сможешь противостоять этому удару судьбы и выдержать его с высоко поднятой головой. Первая реакция будет самой верной и искренней. Но она же и спалит тебя подчистую перед лицом опасности, вольет в твой голос рингтон неконтролируемой дрожи, погонит порывами шквального ветра кровь прочь от лица, словно пытаюсь дать тебе понять — бежать, не вступать в открытую конфронтацию, мир перевернулся, правда на твоей стороне лишь теоретически. Не спасут твои миллионные счета и круг полезных знакомств! Власть нивелирует подобные преимущества в два счета, а это то, чего у тебя, в отличие от него, никогда не будет.

Тебе и не нужно говорить. Время в который раз останавливается, когда ты не в силах помешать его холодному изучающему взгляду полноправного хозяина пройти по твоему телу, проникая в самое сердце, чтобы сжать на нем свои ледяные пальцы с одной лишь целью: удостовериться, что едва бьется от страха, но достаточно выносливое, чтобы не остановиться на этом этапе. И что толку говорить, если твой голос сейчас будет похож на писк слепого котенка, который сопротивляется участи быть утопленным сразу после рождения? Но это голос, а так — еще далеко до слепой покорности, каким бы сильным ни был твой ужас перед этим человеком. Пока ты сопротивляешься, ты живешь, и никто не в силах отнять у тебя этого права.

— Привет, Монте-Кристо. Кофе?

Я сама не понимала, как могу в таком состоянии еще шутить. Защитная реакция? Попытка направить мысли собеседника на свое собственное шоссе с односторонним движением? Может, и не протест вовсе, игра на чужом поле, которая понизит градус его

зашкалившей агрессии?

— Здравствуй, Юля. Не откажусь. Но ты несколько буквально восприняла мою теорию твоего беспрекословного подчинения. Надеюсь, пока ограничишься работой секретаря и не станешь отнимать хлеб еще и у менеджера по клинингу?

Он легко мог отзеркалить мою колкость, но не вернул волну, нет. Он не перестанет надо мной издеваться даже в том случае, если будет при этом шутить. Пальцы сами жмут кнопку приготовления двойного эспрессо, и кажется, дважды — может, это остановит то, что у тебя в груди вместо сердца!

Он галантно открывает передо мной двери кабинета, пока мои руки заняты двумя чашками кофе. Я едва успеваю поставить их на стол, мои руки дрожат, рискуя пролить энергетик, что не остается для него незамеченным.

— У Влады выходной, — я не знаю, почему ему это говорю. — Ты с Никой разминулся, нам сегодня надо было обсудить предстоящее мероприятие. На данном этапе много нестыковок.

— Ты же умная девочка, справишься. Я не по этому поводу. Мы в прошлый раз так и не закончили наш разговор.

Я сажусь в кресло и делаю поспешный глоток обжигающего латте. С фотографии улыбается Ева молчаливым напоминанием о том, почему я сейчас все это терплю, хотя мне хочется окатить его ледяным презрением и послать куда подальше.

— О, так мы, оказывается, разговаривали? — послать не могу, но никто не запретит бить сарказмом. — Провальный способ переговоров, знаешь ли.

— Именно это я пытаюсь сейчас до тебя донести. Ты просто сорвалась с места, не дав мне никакой возможности успокоить тебя и забрать твой ужас. Тебе гораздо комфортнее в нем вариться изо дня в день и считать меня монстром, чем допустить даже мысль о том, что во мне осталось что-то человеческое!

Я давно перестала удивляться чему-либо, даже такому безжалостному цинизму. Только он один мог с такой легкостью говорить о подобных вещах. Успокоить? Вашу мать, купить мне шоколадку или ее эквивалент в несколько карат после настоящего изнасилования, убившего своей жестокостью? Я ощутила, как горло сдавило обручем той самой боли от безысходности и отчаяния, которую я гнала прочь, но по факту всего лишь откладывала на потом, ослабляя свою психику подобными рывками. Сколько еще будет подобных унижений и до каких пор? Когда моя воля испарится под очередной атакой этого смертельного огня? Он действительно добивается от меня именно этого — перевоплощения в бестелесную оболочку, которая перестанет существовать вне замкнутого мира этой вечной агонии?

— Я все понял правильно. — Наверное, все мои мысли в тот момент отразились в моих глазах. — Тебе больше нравится терпеть боль, чем допускать мысль о том, что все может быть по-другому? Осознать, что одно твое слово, твое согласие — и все это прекратится, предположить, что мне самому, возможно, не доставляет никакого удовольствия заставлять тебя страдать?

— Устал, Димочка? Вот честно, была бы помоложе, залила бы сейчас пол слезами. — Забегая вперед, простить боль будет не так уж и трудно. Простить то, что он сам методично уничтожал всякую возможность на взаимность, убивал в себе слабость, которая могла по сути превысить силу власти и насилия в несколько раз, будет во сто крат сложнее. — Я не понимаю, зачем эта игра в хорошего копа после нашей последней встречи. Ты думаешь, что от твоих откровений и подачки в виде поглаживания я смогу наконец кончить на столе?

— Ты была слишком разбита, а я сорвался. Это еще раз говорит о том, что над отношениями должны работать двое. Своим сопротивлением ты делаешь хуже только себе!

— Над отношениями — да, — я не ожидала, что напоминание о том, что произошло всего лишь несколько дней назад, снова ударит по лицу оглушительной пощечиной, превращая меня в слабую жертву обстоятельств и одного конкретного мужчины, который сейчас сидел по правую руку и изучал мою реакцию на собственные слова с легким прищуром довольного циника. — Я не понимаю, как у тебя вообще хватило смелости назвать подобное «отношениями»!

— Потому что это именно то, что я хочу получить в конечном итоге. Не твою боль, не твои слезы, не твои страдания, и весь подвох в том, что, если ты будешь и дальше сражаться с тем, кто не хочет с тобой никакой войны, сгоришь очень быстро. Соглашайся — и ты забудешь свой панический ужас надолго. Я тебе это обещаю, но ничего не получится, если ты и дальше будешь протестовать против того, что неизбежно!

— Стало быть, если я не дам тебе добровольного согласия, ты полезешь вон из кожи, чтобы поскорее меня добить?

У меня хватило смелости, а может, последних сил для того, чтобы выдержать его взгляд и не задрожать, хотя я и была близка к этому. Его непоколебимая воля и решительность придавили к креслу, смертельный холод неумолимой неизбежности под сиропом сладкоголосой манеры пения проник в сознание, напоминая о том, что в этой игре у меня нет и никогда не будет никаких шансов. Согласиться? Согласие мало что изменило бы в моем положении. Что добьет быстрее? Ненависть к собственной бесхребетности в случае согласия или цунами чужой жестокости, которое не оставит мне иного выбора, кроме как все-таки рухнуть к его ногам, когда от нечеловеческой моральной агонии разорвется душа?

Он ответил не сразу. Изучал мое побледневшее (я это чувствовала) лицо несколько долгих секунд. Не предпринимая никакой попытки успокоить или, наоборот, добить, пока я была на пределе.

— В мои планы не входит и никогда не входило причинять тебе боль. Я пытаюсь дать тебе понять, что времена изменились, и нет ничего удивительного в том, что сейчас я хочу получить гораздо больше, чем прежде. У тебя выбор. Ты соглашаешься, и тогда мы вместе найдем в этом удовольствие. Или же не соглашаешься, но тогда я не считаю целесообразным лишать удовольствия себя.

— Я просто не вижу большой разницы, — голос сбился. Ева все так же беспечно и тепло улыбалась с фотографии, а у меня ежесекундно рассыпалось на атомы собственное сердце.

— Поверь, она есть. Скажи «да», и все закончится. Ты даже заметишь, что в городе наступила весна и солнце светит гораздо ярче, чем тебе казалось. Ты вернешься домой, — какая-то непривычная психологическая судорога сотрясла мое тело, я едва успела вернуть чашку с кофе обратно на блюдце. — Ты впервые без страха обнимешь свою дочь и не поймешь сама, почему твой сон снова стал крепким и спокойным. Тебе не надо будет больше просыпаться с мыслью о том, что впереди не ждет ничего хорошего, совсем скоро ты станешь радоваться каждому из этих дней. Поверь, я прекрасно знаю, что с тобой происходит в последние дни. Неужели ты не хочешь это прекратить?

Я никогда не была так близка к капитуляции, как сейчас. Каким образом этот спокойный уверенный голос задел особые струны в моем сознании, расплавил волю одним обещанием того, что я смогу снова дышать полной грудью, пусть даже в клетке? Ева не будет

чувствовать мою тревогу, а за ее моральное благополучие я была готова и рвать зубами на части, и пройти семь кругов ада, лишь бы это не коснулось моей дочери.

Почему я молчала? Еще не достигла своего предела или просто-напросто отказывалась верить чужим словам после всего произошедшего? Смотрела прямо перед собой, рискуя встретиться с его взглядом и разбить вдребезги остатки воли окончательно, продемонстрировать во всем великолепии собственную слабость со всеми ее атрибутами — сдавленными рыданиями и отчаянными задыхающимися просьбами никогда больше так не делать. В тот момент шестое чувство прекрасно знало, что будет только хуже. Может, подсознание купилось на ласку обещаний, но отмахнулось писка интуиции, сделав неправильный вывод — человечность априори гарантирует безопасность и является проявлением слабости? А может, всему виной был тот предмет, что он сейчас достал из кейса уверенным жестом победителя, прокрутив на сложенных среднем и указательном пальцах для более эффектной подачи?

Такого добра было полно в игровых комнатах клуба, самых различных — гладких, с шипами, кожаных, металлических, похожих на утонченное ожерелье и на орудие пытки, которое могло зафиксировать шею без возможности пошевелиться. В этой же полосе черной матовой кожи с золоченым кольцом не было на первый взгляд ничего пугающего, но мое сердце в буквальном смысле слова рухнуло к ногам, оставив вдоль спины ощущение обмораживающего покалывания. На короткий миг вспышка жара взорвалась между напряженных сомкнутых бедер, запустив теплую волну по всему телу. Она согревала, в буквальном смысле зацеловывала скованные холодом мышцы, но они не желали расслабляться, напрягались еще сильнее, в результате чего стало трудно дышать. Как сквозь вату, я расслышала его голос. В нем не было ноток самодовольства, лишь уверенность в своей мужской силе.

— А ведь я даже не прикоснулся к тебе, моя девочка.

Я затрясла головой и зажмурилась. На тот момент мне было все равно, выдала я себя или нет и чем это может вскоре обернуться. Всплеск порочного вожделения затих, оставив после себя давно забытый страх перед этим предметом.

Я бы вряд ли ощутила его на шее, если не дергать головой в тот момент, когда бы меня держали на поводке. Никакая сила сейчас не могла заставить прикоснуться к нему, но мягкость кожи была заметна невооруженным глазом. Черная кожа без малейшего изъяна. И кольцо посреди этой моральной удавки, которое вполне могло быть из настоящего золота.

«В Теме ношение ошейника приравнивается к ношению обручального кольца». Нервное напряжение последних дней сейчас выплеснулось совсем не в слезы, иначе чем можно было объяснить мой практически истерический смешок в подрагивающие ладони, которыми я так и не успела прикрыть глаза?

— Ох, перестань... Я это не надену!

Его длинные пальцы легким касанием прошли по поверхности ошейника. Глянцевая поверхность столешницы подчеркивала матовый сарказм черной кожи, а меня снова обдало холодом от одной мысли, что нечто подобное может вновь оказаться на моей шее. Алекс никогда не настаивал на том, чтобы я носила этот символ принадлежности, он у нас использовался в редких случаях — чаще всего для наказания. В тех редких случаях, когда Тьма завладевала его сознанием, я испытывала подобие страха — сладкого, щемящего, иногда он выбивал слезы, иногда подобие обиды, но исчезал практически сразу после того, как сессия завершалась и Алекс снимал этот символ рабского унижения с моей шеи.

Относиться к ошейникам иначе я так и не привыкла. Все ограничения, наложенные на меня, неукоснительно соблюдались, за исключением таких моментов, потому что я очень тяжело переживала подобные подмены сознания. Воля испарялась, я чувствовала себя не столько любимой и нежной рабыней в руках своего хозяина, сколько незащищенной песчинкой в бескрайнем океане чужой власти. Штормовые волны перекачивали ее. Не обращая внимания на крики протеста, швыряли из стороны в сторону до тех пор, пока у нее не начинался кризис из-за полного погружения в свою нижнюю сущность. Я не любила такие моменты, но никогда не признавалась мужу, что они напоминают мне о прошлом. Плюс ко всему, я слишком сильно его любила, чтобы расстраивать неосторожными словами или действиями. Реши я отменить ошейники и наказания как таковые, он бы не стал мне возражать, но тогда это был единственный способ, который позволял мне держать свои эмоции под контролем и принимать взвешенные решения, оставляющие взбалмошную девчонку в похороненном (я так полагала, что навсегда!) прошлом. Я с трудом позволила заковывать мою шею даже самому близкому и дорогому человеку, которому доверяла сильнее, чем самой себе, и одна мысль о том, что...

Я трясую головой, пока нервный смех не обрывается на моих губах. Пальцы Лаврова гладят кожу символа беспрекословного подчинения с нежностью, которой я в нем практически не подозревала... а ведь было, и не раз, но сознание помнит только боль и унижение в контексте последних событий. Мой взгляд прикован к длинным фалангам его пальцев с аккуратным маникюром — подсознание пытается трансформировать дрожь ужаса перед неизбежностью подчинения в приятное волнение, но ни черта у него не получается. Шепот протеста гаснет на моих губах:

— Не надену...

Градус в помещении резко понижается за доли секунды. Я не смотрю в его глаза, но могу со всей уверенностью сказать, что они приобрели оттенок концентрированного кофе в его чашке. Длинные пальцы сжимают кожу ошейника, а в моей голове калейдоскоп картинок, предвещающих что-то ужасное и неотвратимое.

— Наденешь, — нет, в его словах нет ярости и давления. Так уговаривают непослушных детей. Наверняка таким же тоном он заставляет сына надеть шапку в холода. Моя иллюзия выбора уничтожена подчистую. Возможно, ему бы удалось уговорить меня на добровольное принятие своей власти, но символ рабства и отсутствия свободы сделал это решение недопустимым.

— Заклепаешь намертво, чтобы не смогла снять?

— Юля, прекрати подбрасывать мне столь соблазнительные идеи. Если ты говоришь мне «да» прямо сейчас, оставим исключительно приватное ношение. Просто скажи это, и наслаждайся отсутствием ужаса. Ну?

— У тебя больше не встает без подобных фетишей?

Последнее желание приговоренного к смерти. Мое именно такое: раскатать своего прокуратора по асфальту одним лишь острым язычком. Я не понимаю, почему он еще держится и, надо признать, держится очень хорошо, вместо того чтобы дать мне по губам и швырнуть к своим ногам.

— Перестань вести себя как несовершеннолетняя пацанка. Тебе что, действительно нравится все, что с тобой происходит? Нравится жаться по углам и дрожать от ужаса? Кричать от боли, а не от оргазма, твою мать? Бояться собственной тени и все равно отодвигать то, что неизбежно?

Мне хочется рассмеяться ему в лицо. Но учабившееся биение сердца оглушает меня, как хэви-метал беспощадным инфразвуком, и я только трясую головой. Много разных мыслей... все внутри шипит и тлеет от самого мерзкого цинизма в суперобертке.

— Согласись, и я верну тебе право голоса. — Непроизвольно поднимаю брови. — Обсудим весь твой список допустимых воздействий и да, хрен с тобой, со стоп-словами! Никто не узнает и не увидит тебя такой... любая твоя просьба будет услышана!

— Ты мне напоминаешь хитро***баного владельца торговой точки. — Если раньше я всего лишь защищалась искрометными фразами, пыталась хоть немного поникнуть под его броню, после последних слов меня накрыло чувством почти что отвращения. — «Только у нас вы можете вернуть просроченный товар, предъявив чек»! Ты мне чешешь про мои законные права, на которые тебе по**ать с высокой колокольни, умудряясь выставлять при этом условия? Это политика научила тебя трахать чужой мозг подобными эпитетами?

Моя отповедь не произвела на него ровным счетом никакого впечатления. Пальцы так и не перестали гладить дорогую кожу ошейника, в глазах промелькнула тень сожаления и чего-то еще, похожего на предвкушение.

Он был в выигрыше при любом раскладе. Мое согласие ломало мои крылья и приносило ему желаемое. Мое несогласие развязывало руки его тьме. Может, именно в тот момент он был готов позволить запуганной, но не сломленной окончательно Юльке Кравицкой сделать свой выбор и взамен согласиться на многое. Возможно, это было одно из тех редких просветлений, когда он мог отказаться от своих планов необоснованной мести ради одного прикосновения моей ладони и одного-единственного теплого слова, от которого сдвинулись бы литосферные плиты его черного отчаяния.

Я никогда не узнаю, как была близка к тому, чтобы мой кошмар прекратился раз и навсегда!

Пусть бы страх вылился с моими надсадными рыданиями, чтобы утихнуть в его руках. Собственно, я и сейчас этого наверняка не знала.

То ли крик истерзанного сознания, то ли кинокадры будущего неподвластной разуму интуиции... Защитный купол идет трещинами, перед тем как осыпаться острыми фрагментами. Эта девочка с железной силой воли и неподвластной даже некоторым мужчинам стрессоустойчивостью совсем не падает на колени в эту россыпь осколков, надсадно рыдая от боли и осознания собственной капитуляции, как предполагала вначале. Она просто уверенно встает и посылает в топку здравый смысл и логику, которая бессильна перед отчаянным криком шестого чувства... если на колени, то не на свои... на чужие с последним хриплым выдохом уже в его губы со всей нерастраченной нежностью, которую она не подозревала в себе прежде. Ее пальчики сами скользят по контуру его лица, она ощущает желание согреть, прогнать тьму и всю ту боль, которая сжигала его сущность на костре своей черной агрессии все эти годы. От ее искреннего тепла где-то тает снег, мир меняется в лучшую сторону, а смертельный холод навсегда покидает их обособленную замкнутую зону единения. В этот момент она не помнит, что он причинил ей самой очень много боли, на пределе собственного отчаяния она расслышала его сдавленный вопль и просто не смогла пройти мимо. Ей не жаль. И она бы сделала это раньше. Но не факт, что это шестое чувство, а не галлюцинация вследствие перманентного шока...

— Ты сделала свой выбор, — я едва его слышу, больше всего мне хочется убраться отсюда... Встаю, избегая взгляда Лаврова, и сухо киваю, перед тем как выйти в коридор:

— Другого не будет.

Как скоро я об этом пожалею? Очень скоро. Но сейчас я не хотела об этом даже думать. Я не осознавала, что интуиция показала мне даже не будущее, нет. Таким могло быть наше настоящее в параллельной вселенной. Почему в параллельной? В этой я упустила свой шанс остановить один на двоих кошмар движением собственной ладони. Я просто удалялась от источника тепла уверенным шагом, оставив Диму в своем кабинете, не задумываясь о том, что шагаю навстречу адскому хаосу. Но подсознание так хотело принять за истину тот факт, что сегодня он был человеческим и почти открытым, не способным причинить боль, что я чувствовала себя победительницей в этом поединке.

Глупая девочка Юля, которую ничему не научила эта сука-жизнь...

— Мама! — кинулась мне на шею Ева, когда я появилась на пороге родительского дома с большим тортом из французской пекарни и новой версией куклы-монстра в руках. Одной улыбки дочери было достаточно, чтобы послевкусие последнего разговора испарилось, словно его никогда и не было. В немалой степени моему восстановлению после насилия поспособствовал звонок от Бойко. Двум маленьким пациентам сделали операции по пересадке костного мозга в израильской клинике, и прогнозы были очень оптимистичны. Еще две девочки, четырех и семи лет, готовились к обследованию и последующему лечению. После вечера памяти Алекса фонду удалось собрать внушительную сумму, которая немедленно была распределена между больными лейкемией, сформирована очередь на обследование и лечение. Помогать было удовольствием. Нет, я не чувствовала себя богом. Я чувствовала себя живой и нужной этим маленьким отважным деткам, которые с самого рождения были вынуждены сражаться за свою жизнь.

— Ты выглядишь уставшей, — упрекнула мать. — Очень странно, учитывая то, что вы только что с островов.

— Акклиматизация, — отмахнулась я, без зазрения совести отрезая себе кусок высококалорийного торта. Здесь я чувствовала себя в полной безопасности. Ева завела старую пластинку про тир, и в этот раз меня не ударило по нервам отрицанием с неприятием, нет. Я нашла в себе силы даже тепло улыбнуться:

— Видишь ли, малышка, принц Эрик очень занят делами королевства. Подумай, будет ли ездить транспорт, гореть свет и бежать в кранах горячая вода в том царстве, где принц не занимается своими обязанностями, а играет в войнушку в тире?

— Я думаю, нет, мама, — серьезно ответила Ева, — стрелять должна армия по врагам, а не сам принц!

— Мэр у нас воображаемый друг, — пояснила я матери, которая не имела ни малейшего понятия о том, что нас связывало раньше и во что это превратилось сейчас. — Как видишь, его выступление по зомбоящику отравило мозг двадцать пятым кадром не только избирателям.

— А что такое «зомбоящик»? — подхватила Ева, оторвавшись от ушастой куклы с лицом топ-модели и вампирскими клыками.

— Это домик такой для твоих куколок, — иногда я так увлекалась, что могла не уследить за языком. Мама наполнила мою чашку чаем и покачала головой:

— Ну, я не могу сказать про Дмитрия Лаврова ничего плохого. Он не покупал голоса, как многие кандидаты со времени провозглашения независимости, и я это знаю точно — Никифорова, директор гимназии, была наблюдателем на избирательном участке. А она там не первый год и насмотрелась разного: и как урны с заготовленными бюллетенями меняют, и как заставляют цифры тасовать. В этот раз все было честно!

— Кто бы сомневался. — Я непроизвольно хихикаю, представив, как одинокая железная леди первой элитной гимназии города каждую ночь достает из-под подушки измятый рекламный проспект с фотографией Лаврова и свято верит, что закрытые глаза на выборах (ну не могло там не быть нарушений) гарантируют ей восхищение и любовь такого мужчины. И даже плевать, что он годится ей в сыновья.

— К тому же посмотри, как ожил город с его назначением на пост мэра, глаз радуется. Чистота, новый транспорт, закон и порядок. — Мама даже не понимает, что повторяет, как заведенная, слоганы избирательной демагогии. — А в наших банках и других заведениях! Нет никакого футбола посетителем, все упорядочено, консультируют с улыбкой на лице и не держат сутки в очередях!

— Надо же, я думала, это киевская реформа. Разве нет? — просто поразительно, как малейшее соблюдение законных человеческих прав создает ангельский нимб даже последователям сатаны. Я подозреваю, что, даже если мама когда-нибудь узнает, как ее кумир обращался с ее дочерью, спишет это на происки недоброжелателей. Не знает история тиранов без потрясающей харизмы, это факт.

— Ты так предвзято относишься. Кстати, я смотрела телевизор, он что, проявляет к тебе знаки внимания? Или это опять погоня за надуманными сенсациями?

Началось. Да уж, что бы ты сказала, узнай, что Лавров едва не стал твоим зятем?

— Какие знаки внимания? С каких пор вежливость и присутствие на одном квадратном метре является поводом для грязных сплетен? — кусок торта больше не лезет в горло. Я тянусь через стол, чтобы стереть салфеткой крем со щек Евы и подмигиваю, стараясь сохранять беспечное и игривое выражение лица. — Ну, моя амазонка все еще хочет стрелять?

Мама смотрит с легким неодобрением: мало того что я, ее дочь, помешана на оружии и даже храню в кабинете смертельно опасные катаны, так еще и внучку к этому приучаю с самого детства.

— Девочки Кравицких никого не боятся и должны уметь себя защитить! — гордо заявляет Ева. Я прошу маму собрать ее вещи — после «Игроленда» мы возвращаемся домой, где я устала бояться собственной тени и одиночества после отъезда Валерии. Пора вспомнить об остальных приоритетах и понять, ради чего стоит жить и на чем сосредоточиться. У меня есть моя малышка. Семья. И ради ее благополучия я перегрызу глотку кому угодно, мне плевать на то, есть у тебя мандат или меч бессмертия. Если твоя одержимость заденет по касательной Еву, тебе не жить. Странно, но в тот момент я по-настоящему в это верю.

В «Игроленде» ажиотаж, я просто жму руку инструктору по стрельбе — купюра в двести гривен способствует взаимопониманию, и уже через 15 минут там пусто, а на дверь вешается табличка «технический перерыв». Ева рядом визжит от восторга и бьет по электронной мишени. Мои гены, осваиваются быстро и визжит от восторга.

Я ласкаю ружье. Отдача ощутимо бьет в плечо, но эта боль приятная — перекрывает иную, стирает, растворяет. Несколько минут пристрелки, и жестянки с гильзами летят со стеллажей, пронзенные моими выстрелами. Инструктор одобрительно кивает.

— Вы снайпер? — робкая попытка флирта. — Простите, но я вас узнал, вы...

— Да, я Лара Крофт, но только никому, хорошо? — драйв просто плавит, я в этот момент практически исцелилась от недавнего трэша. Через пятнадцать минут я не чувствую плеча. Завтра мышцы будут ныть, несмотря на мою идеальную физическую форму. Ева

танцует по периметру игровой зоны, она уже тоже настрелялась под завязку, теперь кружит огромного медведя, которого ей вручил инструктор.

— Нас теперь никто не сможет обидеть, правда? — смеется Ева, когда мы заходим в ресторан полакомиться вкусными пирожными. — Иначе мы их постреляем!

— Конечно, солнышко мое! — обещаю я, целуя дочку в раздумявившиеся щечки. — Пусть кто-нибудь только попробует!..

Глава 18

Дима

Сложнее всего было в начале пути, когда я делал свои первые шаги в Верховной Раде.

Почти неделя без сна — считать 120 минут полноценным сном? — была мне обеспечена в самый разгар предвыборной гонки. Обещание самому себе «выплюсь, когда все закончится» так и осталось нереализованным.

На фоне этого сессия горсовета казалась почти забавой, но я все равно смертельно устал. Отстаиваю свою точку зрения изо дня в день, вальсируя с Киевом, и наотрез отказываюсь урезать запланированный бюджет. Моя политическая платформа предполагала централизацию власти и полное финансирование. Мне удастся отстоять свои права лишь на четвертый день, законопроект принят, вскоре вступит в силу. Но закон равновесия никто не отменял, пришлось урезать финансирование бюджетным поликлиникам и готовиться к пересмотру цен на электроэнергию.

Три дня подобного аврала, хронический недосып, нервы на пределе. «Еще один день сурка» — такая мысль посещает каждое утро. Данил сходит с ума, он видит своего отца максимум двадцать минут в день за завтраком, и это время у нас безбожно ворует реальность. Я не могу принимать взвешенные решения без дополнительной информации, которая меняется каждые сутки, и двадцати минут за завтраком хватает как раз на то, чтобы усвоить четверть всех необходимых мне изменений. Ситуация уже должна насторожить своей неоднозначностью, меньше всего я хочу, чтобы он пошел по пути моего детства. Даже тот факт, что родители были постоянно вместе, мало что изменил тогда.

Ульяна собирается приехать через две недели, только Данька по ней совсем не скучает. Понятие «мама» стало для него абстрактным изображением на экране и застывшим фотоснимком в альбоме. В те редкие моменты, когда материнский инстинкт дает о себе знать, она звонит, но долго говорить с сыном у нее никогда не получалось. С таким же успехом ему могла звонить Оксана. Мать для него настолько иллюзорное понятие, что сборка межгалактического крейсера или построение оборонной крепости из «лего» дает ему законное право прервать разговор на третьей минуте, чтобы успеть построить хотя бы базис перед приходом репетитора.

Вообще-то я против, чтобы Ульяна приезжала, это внесет ощутимый дисбаланс в существующий порядок вещей. За неделю перед пасхальными праздниками Данил обязательно привяжется к матери, которая потом с легкой душой упорхнет на Неделю высокой моды. Со временем истерики нашего сына улягутся, и тогда по иронии судьбы она вновь появится в его жизни, и так до бесконечности. Дружба дружбой, но разговор мне с ней предстоит серьезный, я не дам травмировать сына подобными жестокими качелями.

Данил и без того в последнее время сам не свой. Я понимаю, что тому виной, но ничего не могу изменить. Барбекю в субботу и гольф-клуб в воскресенье не спасли ситуацию. Малой все прекрасно понимает: отец пытается откупиться временем, пока оно у него есть. Дальше будет хуже. Так будет повторяться из года в год, я стараюсь не думать о том, что ему

нужна мать. Это заранее провальный вариант, потому как своей собственной он не особо нужен.

Я сам во всем виноват. В погоне за властью и успешной политической карьерой упустил воспитание сына из виду. Тогда мне казалось — все разрулится само собой. Чувство вины глушится постоянной занятостью, выплескивается несвойственной мне прежде агрессией в отношении одной определенной женщины, которой (иногда я действительно этого хочу) не должно было быть в моей жизни. Но даже она сейчас вне пределов досягаемости. Только одна мысль о том, что я с ней сделаю, когда закончится эта изматывающая неделя, заставляет каждый день улыбаться сквозь зубы новому весеннему дню, прелести которого я уже не замечаю, заставляя мозг работать на пределе своих возможностей, генерируя решения и продвигаясь к своей цели все ближе и ближе. Даже если иногда мне кажется, что я иду семимильными шагами в обратную сторону.

Я действительно хотел все решить по-хорошему. Перед митингом на площади был готов разорвать ее на части, заставить ползать в ногах и захлебываться надрывными рыданиями. Мне было бесконечно мало. Мне было недостаточно. Ее реакция не доставила абсолютно никакого удовольствия. Я готов был переступить черту, но каким-то образом уже к утру все перевернулось с ног на голову.

Это было похоже на озарение. С самого утра отчаянная мысль — что, вашу мать, я делаю? Замереть в шаге от абсолютной пропасти и вдруг осознать, что я ломаю сам свою мечту, собственными руками. Первая мысль: сорваться к ней и просто закрыть от всего мира, а особенно от того безумца, которым сейчас по факту в нем являлся я сам, была единственно правильной. Ворваться в ее загородный дом, где все еще незримо мечется тень покойного Анубиса, вырвать из цепких объятий кошмара, в который сам же ее и низверг, просто сжать в своих руках и держать до тех пор, пока не согреется, не прогонит прочь это убивающее самоуничтожение. Пусть орет, пусть сходит с ума от желания меня прикончить, рвет мне сердце своими надрывными рыданиями и ненавистью, меня не оторвет от нее никакая сила. Буду держать, пока не обессилеет и не успокоится, пока не позволит мне наполнить ее волной своих чувств, пока просто не посмотрит своему страху в глаза и не осознает, что я никогда не хотел причинять ей такую боль! На тот момент меня разрывала изнутри моя собственная.

Слава богу или проклятие дьяволу, что я этого не сделал. Уже к полудню это безумие схлынуло, оставив после себя недоумение с оттенком превосходства — я не поддался слабости. Мне хватило нескольких часов, чтобы разложить эти рвущие душу стремления по полочкам, проанализировать каждый свой шаг и трансформировать эту рефлексию в привычную для меня колею делового предложения. Никая сообщила мне, что Кравицкая решила устроить что-то типа небольшого заседания в выходной день. Забыв предупредить меня, наверняка решив, что я не узнаю. Придется почтить этот корпоративный мозговой шторм своим присутствием. Мэру не нужно приглашение в свой собственный клуб.

Данил заканчивал собирать модель военного вертолета и что-то насвистывал себе под нос. Появление няни его, мягко говоря, не вдохновило.

— Ты говорил, что останешься дома! Ты обещал, что мы устроим пикник на поляне и тебе никто не будет звонить! — детский кулачок с несвойственной ему силой опустился на черную модель истребителя, и детали «лего» разлетаются по ковру. Вообще, он редко плачет или трясет ногами. Его способ выражать протест похож на мой: ледяное молчание, якобы случайные диверсии и недетская категоричность.

Опускаюсь рядом на ковер, взвесив в ладони обломки боевой единицы авиации.

— Это ты зря, — я никогда на него не кричу не потому, что чувствую свою вину за недостаточное внимание, просто потому, что моя педагогическая стратегия не признает провальных шаблонов. — Ты только что поставил командование базой под удар, проявив недопустимую халатность, и лишился мощной боевой единицы. А ведь численность врага и без того превышает твою на две единицы. Что будешь делать?

— У меня есть «стелс», я их разгромлю, — неуверенно произносит Данил, прикусив губу от осознания того, что совершил ошибку. — Ударим по ним с воздуха!

— Но у твоего противника есть радарная система, почему ее нет у тебя?

— Это скучно, самолеты строить интереснее...

— Но неприятель легко отследит на своих экранах все передвижения твоей авиации. А твое командование работает вслепую и пропустит атаку с воздуха. Для безоговорочной победы иногда приходится принимать решения, которые на первый взгляд кажутся скучными и недостойными внимания. Посмотри, твоя авиабаза не защищена ни с воздуха, ни с суши. Противник спокойно наблюдает за тем, что именно ты конструируешь, и знает численность твоей армии. Что нужно сделать, чтобы лишить врага глаз?

— Неужели трезубец? — я едва удерживаюсь от смеха и качаю головой. «Лишить глаз» воспринимается в буквальном смысле. Притихшая в углу Ирина Васильевна тепло улыбается, наблюдая за нашей беседой. Она педагог с огромным стажем, но в те редкие минуты, когда я посвящаю время сыну, чувствую буквально кожей ее восторженное умиление.

— Нет, я имею в виду совсем другое. Чтобы противник не догадался о численности твоей армии, ты должен спрятать ее за высокими укреплениями и не позволить шпионским беспилотникам собирать информацию. Для этого тебе как раз нужен радар. Если тебе необходима победа, ты должен взять себя в руки и проявить выдержку! Неприятелю ничего не придется делать, если ты, поддавшись порыву, будешь сам уничтожать собственные боевые единицы.

Данил смотрит на обломки истребителя, и отпечаток забавного ребяческого превосходства сменяется глубокой печалью. Не могу удержаться, чтобы не потрепать его по коротким волосам, и получаю возмущенный взгляд потемневших глаз в ответ. Но детские эмоции не длятся долго, сменяются прямо-таки взрослой решительностью.

— Ирина, мы строим сегодня форт! И собираем два... нет, три радара! А еще лучше, давай отожмем его у противника, чтобы не терять зря времени?

— Отожмем? Откуда такое выражение?

— А когда ты вернешься? — меняет скучную для него тему Данилка. — Нам нужно построить еще четыре истребителя, я не успею. А Ирина — девчонка. Придется тебе мне помогать!

— Даня, — тепло улыбается няня, опускаясь на ковер и начиная незаметно собирать детали разбитого истребителя в коробку, чтобы ни одна не потерялась, — а ты знаешь, что во время войны некоторые девчонки не уступали мужчинам на поле боя? Хочешь, я тебе расскажу про снайпера Людмилу Павличенко, которая внесла очень большой вклад в оборону Одессы и Севастополя? На ее счету более трехсот уничтоженных фашистов!

Это уникальная возможность незаметно ретироваться и быть уверенным, что малой не последует за мной в кабинет и не увидит то, что я собираюсь достать из сейфа, иначе придется рассказывать о перспективе завести собаку, как в том анекдоте. Ирина Васильевна увлеченно рассказывает о советской «леди смерти», мне приходится остановиться в дверях,

когда догоняет полный обиды и детской ревности крик Данилки:

— Папа, мы не пойдем ни в какой тир с той девчонкой! Я передумал!

— Хорошо, я вернусь через несколько часов и мы придумаем, чем себя занять, обещаю! — выходя, слышу, как негодование Данила сменяется искренним смехом. Няня сменила тему и теперь рассказывает о не менее легендарном снайпере Василии Зайцеве.

— Зайцев! Как зайчик из сказки!

Наверное, у каждого из нас есть тот самый трос, предохранитель, ограничитель, который в самый решительный момент удерживает нас от рокового шага и не позволяет лишиться остатков человечности. Мой умеет так искренне смеяться, что волей-неволей заставляет задуматься о том, что именно я делаю и какими бесчеловечными шагами иду к своей цели. Открывшиеся перспективы едва не лишили меня остатков самообладания. Зверь практически накормлен и готов к перемирию, что в данном случае подразумевает мирные переговоры, но я не могу предугадать поведение второй стороны. Только надеяться на ее понимание ситуации.

...Блядь, у меня разрывается сердце. Эту боль можно сравнить с острыми надрезами очень тонким лезвием — настолько тонким, что первые минуты ты даже не понимаешь, что получил несовместимые с жизнью ранения. Ее слова и нежелание хотя бы выслушать и понять, что я пытаюсь ее сейчас спасти от самого себя, полосует мой и без того шаткий мир по швам. Что мне еще надо сделать, чтобы она приняла протянутую руку, а вовсе не принуждение, ведь именно так она расценила мое предложение? Ничего не меняется. Когда я не позволяю ей даже вздохнуть, ломая со всей жестокостью, Юлька пытается сопротивляться при помощи своих колких фраз, единственного оружия, не имеющего силы, — это продолжается до тех пор, пока страх не лишает ее голоса и способности адекватно оценивать ситуацию. Сегодня ничего не меняется. Все те же детские фразы в стиле «тебе надо лечиться» с переходом на мат для более показательной эмоциональной окраски.

Я даже не злюсь. Ярость спит под сияющим саркофагом решимости: раз и навсегда повернуть ситуацию в иное русло. Я знаю наперед, что другой возможности не будет. Уже на следующий день вернется тьма, которая будет сильнее предыдущей, жаждущая отыграться за свой вынужденный выходной. Каждый час понижает уровень свечения источника света и уникальных возможностей остановить безумие в шаге от барьера невозврата, этой критической точки, приближение к которой я только чудом успел засечь в это утро. Пугающее своей нереальностью ощущение: будто в твой мозг вживили секретный имплантат, который раскрыл сатанинский потенциал и запустил программу неминуемого уничтожения любой вероятности того, что однажды вы сможете быть вместе и придете к этому мирным путем. Сегодня он вышел из строя — не окончательно перегорел, всего лишь выбило программу, которая блокировала человечность и воспринимала только один путь — насилие. У меня не так много времени, прежде чем ее запустят снова. Я знаю, что должен это сделать: уговорить, продавить, дезориентировать женщину, без которой не могу дышать и существовать именно сейчас. Она мой спасительный якорь, перед которым отступит тьма, не получив своей постоянной подпитки в виде протеста и противостояния. Если мы сегодня договоримся с Юлей полюбовно, завтра моей тьме некуда будет возвращаться вновь. Пусть это искусственное освещение, а не свет яркого солнца. Пусть иногда в этом замкнутом мире вылетают пробки и горят предохранители, тьма все равно останется там редкой гостьей. Перемирие и соблюдение условий договора не оставит ни малейшего шанса темному

безумию.

Я готов умолять, чтобы не потерять тепло этого нечастого солнечного света в одно касание. Желание тряхнуть ее в грубой хватке, до тех пор пока не согласится от страха или от моего отчаяния, в какой-то момент рвет плотины самоконтроля, выходит из берегов, но я ничего не предпринимаю. Впервые, наверное, за все это время я вижу перед собой именно ее настоящую. Ту самую девчонку, которая одним сжатием тоненького кулачка стерла меня прежнего в пыль в первую роковую встречу. Не жертву моей одержимости, которую я никогда не смогу назвать безумством, просто не найду для этого силы. Не тело, которое совсем недавно хотелось полосовать алыми рубцами и пронзать до самого сердца. Она единственный человек, который может остановить эту гребаную адскую тьму одним движением своей ладони. Почему же снова включает свою стервозность в самый неподходящий момент, не желая услышать мой ментальный крик?

Она не выглядит уставшей. Впрочем, счастливой и морально отдохнувшей ее тоже назвать сложно. Слегка дрожит внутренне, но держится, сейчас обида уступила место ледяной ненависти. Это ненадолго. И то, что она все еще держится, даже опасно — и для нее, и для близких. Психику не обманешь, однажды она прорвет этот ледяной панцирь натянутого пофигизма. Тогда, я боюсь, мало не покажется никому.

Все летит вверх тормашками, я не то что не выполнил основной обязанности в тот вечер, когда разложил ее на столе в кабинете, я снял с себя ответственность и забил очередной гвоздь в крышку гроба. Тогда я чувствовал себя на вершине олимпа, сейчас же это грозит вылиться в самую настоящую боль.

Девочка моя, ты не видишь и не понимаешь, что я срываюсь. Я даже не понимаю, в какой именно момент это происходит, потому что сам ничем этого внешне не выдаю. Не дрожит голос. Не застит глаза черно-красной пеленой. Я не кричу и не бью тебя по лицу, прямо по губам с какой-то злобной, но одновременно обреченной улыбкой. Может, под твоим взглядом практически загнанной в угол тигрицы, чуть сильнее, чем прежде, сжимаю пальцы на коже выполненного на заказ эксклюзивного ошейника. Мои срывы никогда не подчинялись привычным сценариям, мир тихо агонизирует глубоко внутри. Я все еще с последней отчаянной надеждой жду, что ты если не передумаешь, то хотя бы соврешь. Чтобы выиграть время...

У меня два якоря, которые удерживают в шаге от бездны. Всего лишь два. Так мало и так много одновременно. Первый якорь строит оборонительные сооружения из маленьких кирпичиков «лего» прямо сейчас в десятке километров от места нашего с тобой разговора. Одной улыбки ребенка достаточно, чтобы я задумался о том, что делаю. Второй якорь сейчас сидит напротив и пытается сжечь меня в пламени ненависти, обиды и невысказанной мольбы.

Тебе не надо этого делать. Тебе не нужно делать ничего из того, что я только что тебе спокойно зачитал. Тебе нужно просто сказать «да», согласиться на то, что я уничтожу в тот же момент. Одно твое «да» — и мы никогда не вернемся к этим играм...

Моя отважная девчонка. Просто возьми протянутую ладонь и дай мне возможность стереть из твоей памяти этот кошмар раз и навсегда. Последнее усилие ментального выстрела, массированной атаки по твоему закрывшемуся сознанию. Прошу тебя, откройся мне в последний раз. Просто поверь в то, что сейчас увидишь, потому что это именно то, что ждет нас впереди, если ты сделаешь шаг мне навстречу. Не боль и не страх. Я замерзну без твоего тепла. Я просто рассыплюсь на осколки без твоего понимания... Тебе нужно сделать

так мало. Просто подойди, я готов отдать жизнь за одно твое прикосновение, мне уже плевать, какое именно, — можешь вонзить в меня ногти, двинуть кулаком, только не беги от единственной возможности спасти нас обоих!

Моя вселенная вращается на орбите отчаянного, запредельного желания ощутить тебя рядом, распознать в прикосновении подрагивающих пальчиков твою уснувшую запредельную нежность, которую, я безумно хочу в это верить, не усыпила ни одна из моих жестоких атак. Ты растопишь лед одним своим поглаживанием, просто сделай это сейчас, пусть рухнет автократия черного безумия и никогда больше к нам не возвращается! Я не смогу кричать громче во всю силу голосовых связок, мне кажется, что от внутреннего сдавленного крика с оттенками мольбы резонанс запустил неуловимое разрушение окружающего пространства.

Моя сильная девочка, смысл моего существования, любимая моя, ты одна в состоянии сейчас изменить эту реальность, почему ты не хочешь меня слышать?

Мучения достигают своего пика, а я с оглушающим ударом прямо в сердце понимаю, что ты меня не услышишь. Я не получу твоего согласия. Я уже не имею ни малейшего права на твою нежность, мой рок в твоих ладонях. Я все еще надеюсь на чудо — вдруг ты сильнее, чем кажется на первый взгляд, вдруг наши желания совпадают настолько, что ты примешь эту помощь. Что твоя рука бросит мне спасательный круг в водах этого безумия, что ты не испугаешься будущего, которого у меня никогда уже не будет без тебя?

Мне даже кажется, я знаю, что именно вижу в твоих глазах. Это понимание и грусть. Но этого недостаточно, между нами стена, которая никогда уже не рухнет, поэтому ты практически вслух называешь это игрой своего израненного воображения и просто встаешь... И время в который раз замедляет свой бег. Мне хочется зажмуриться, просто обнять твои колени и застыть в ожидании, с последней отчаянной надеждой на то, что твой следующий шаг будет сделан мне навстречу. У нас всегда была сильнейшая связь двух чистых сознаний, мы до сих пор незримо существуем в собственной уникальной вселенной, в которой нам не нужно кричать. Достаточно тихого внутреннего шепота... Просто услышь меня сейчас, я не хочу возвращаться во тьму, в которой никогда не будет тебя!

Я слышу звук ее удаляющихся шагов. Мне кажется, что нечеловеческая боль в буквальном смысле сбросила меня с кресла на пол, что последний затихающий крик «не уходи!» сейчас разорвет ее барабанные перепонки... Но все остается по-прежнему. Только пальцы до боли сжимают мягкую кожу символа перемирия, который обжигает холодом до самых предплечий.

Тьма устала дожидаться в стороне. Она вдоволь наразвлекалась, наблюдая за моими попытками прогнать ее молчаливую власть. Нет, долбаная сука, ты не приблизишься ко мне снова, мой бой еще не проигран! Ладно, дай мне время до следующего утра. Дай ей шанс передумать, совсем немного времени, тебе не сложно, используй с толком наконец свой законный выходной!

Два. Целых два якоря. И почему они никогда не смогут работать по отдельности?..

Я держусь только потому, что дал Данилу обещание. Туда этой адской одержимости никогда не добраться.

— Папа, смотри, мы создали базу ВВС! — он душит меня в объятиях, стоит мне зайти в комнату. Жажда прикосновений и допинг нежности получен, его хватит, чтобы окончательно не сойти с ума и продержаться хотя бы до вечера... Я все еще надеюсь, что она позвонит и скажет, что передумала, что ее уход был молчаливой просьбой обдумать

ситуацию, а не выстрелом мне в спину. Когда Данил впервые начал обниматься, у меня снесло башню. Как это могло не затронуть эгоистичную до мозга костей Ульяну, до сих пор не укладывается в моей голове.

— У нас два радара, три истребителя, два беспилотника и четыре вертолета. А Ирина понимает в военной технике, я ее обо... ува... уважаю!

— Так, главнокомандующий Лавров, слушай первое боевое задание, — серьезно объявляю, сбросив пиджак и заставив себя выбросить из памяти разговор, который едва не убил меня последующей безысходностью. — Враг полон сил и готов перейти в наступление, поэтому приказываю подкрепиться изумительным шашлыком в военно-полевых условиях. Шагом марш сменить обмундирование и готовиться к передислокации нашего штаба на территорию у бассейна!

Тьма отступает под восхищенной улыбкой ребенка, а я впервые сожалею, что в сутках всего двадцать четыре часа. Надежда никогда не умирает, я все еще жду.

Жду ее звонка и согласия. Пусть это будет от отчаяния, от страха, а не здравого рассудка, пусть это просто будет — не пройдет и пяти минут, как ее страх навсегда растворится в небытие, я просто никогда больше не позволю ему возникнуть! Я жду даже в полночь, поглядывая на часы, словно мы оговаривали временные рамки. Я в буквальном смысле слова выпрашиваю у Тьмы, которая сама слегка прифигела от происходящего, еще один световой день. Ничего не происходит.

А потом она возвращается. Окутывает своей бесплотной черной тенью, проникает в поры и капилляры, забирая обратно прежние территории, уничтожая лучики света. У меня сессия горсовета, ад в политической огранке, и я сгорю на работе в первый же день, если буду ждать того, что никогда не свершится. Внутри гаснет огонь надежды, но его угольки все еще тлеют — целую неделю у меня не будет даже времени появиться в клубе, может, за это время она все же осознает и примет мое предложение. Может, еще не все потеряно, просто так бывает, кому-то нужно гораздо больше времени, чтобы принять и осознать. Мой второй якорь тоже временно утратил актуальность, он протестует против отсутствия отцовского внимания несколько своеобразно: разбивая хрустальные вазы, разрезая ножницами рубашки и заставляя няню глотать новопассит. Он видит меня двадцать минут в день: утром и на экранах телевизора в последнее время. В такие моменты я ненавижу свою должность и тотальную занятость.

Три дня прошло, а я все еще надеюсь. Тьма уже затянула меня полностью, а я цепляюсь за ускользящую вероятность.

А потом все заканчивается, и мое сознание окончательно застывает черным льдом. Мою руку помощи свело судорогой от долгого пребывания в напряжении. Мне должно быть страшно за то, что начнется потом. Но я этого не чувствую. Пора возвращаться к первоначальному плану. Прощай, вероятность того, что однажды мы могли бы оба стать счастливыми и похоронить каждый собственное безумие...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Юля

Каждый апокалипсис имеет свою точку отсчета.

Ты живешь, зная одно: жизнь не стоит на месте, нужно двигаться вперед. Каждый раз вставать, хоронить отголоски прошлого кошмара и не позволять им отравлять бессилием твои последующие дни. В один момент ты еще настороженно ждешь крушения своего и без того нестабильного мира, готовая удержать его от окончательного распада, и поэтому

мобилизуешь все свои силы. Ты знаешь, где их взять, их источник рядом. Улыбка дочери. Ее нежные объятия по утрам и такая умильная привычка запрыгивать в твою кровать рано утром и обнимать своими маленькими теплыми ручонками. Ее счастливый смех. Ведь как бы тебе ни было тяжело, ты никогда не позволишь этим обстоятельствам помешать вам веселиться, играючи биться подушками и строить друг другу рожицы. После такого пробуждения тебе кажется, что нет никакой войны с фантомом прошлого. Кофе радуется изумительным вкусом и ароматом, хрустящие круассаны ласкают вкусовые рецепторы, параллельно ты узнаешь, что динамика прибыли в твоих магазинах стабильно положительная, новые поступления в Фонд поддержки детей, больных лейкемией, обеспечили немедленную диагностику еще двум крошкам, и они на днях вылетают в Германию для проведения комплексного лечения. Весна за окном вступила в свои права, аромат цветущих абрикосов и свежескошенной травы на газоне наполняет сердце иллюзорной легкостью, солнце светит так ярко и так быстро согревает своими лучами, что все чаще возникает желание просто пройтись по городу, забыв про автомобиль... И однажды я так и делаю. Борис не спорит, просто аккуратно крадется вслед за мной, сбавив скорость.

Сумская улица залита весенним теплом. Город сегодня особенно ласков и приветлив, а воздух так упоительно свеж, что невольно вспоминаешь свои беспечные студенческие будни. В немалой степени этому способствует огромное количество студентов. Спешат на пары, разбавляя ярким потоком толпу людей, молодые люди не могут пройти мимо, не наградив восхищенным взглядом, наверняка принимая меня за одну из них. Широкие солнцезащитные очки сделали практически неузнаваемой, но даже без них я чувствую себя в безопасности посреди этого скопления народа.

Город не против меня. Против меня тот, кто избран управлять этим городом.

С неохотой ныряю в «лексус». Клуб стал не побегом от действительности, а обузой. Но когда я погружаюсь в работу и не вижу своего партнера, мне действительно становится легче.

В понедельник утром мой кабинет напоминает заседание девчачьего клуба: мы с Никеей и четыре сабы, которых так и не удалось уговорить до конца. Штейр отправился заниматься декорациями для предстоящей «радуги саб», подготовка к которой шла из рук вон плохо. Я вспоминаю, что стартовала сессия горсовета, и только поэтому меня избавили от необходимости наблюдать отмороженный фейс Лаврова, который никак не подавится своей одержимостью.

— Мне не нравится фишка с последующим уединением! Откуда я вообще знаю, кому придет в голову меня купить? — Носится по кабинету малышка Рианна, получившая свое прозвище за сходство с экстравагантной певицей. Рваная челка подпрыгивает в такт ее движениям, искусно подведенные глаза горят огнем, но в нем мало чего от возмущения, скорее предвкушение, от которого погас инстинкт самосохранения. — Если в игровых зонах нет камер, как вы собираетесь контролировать соблюдение перечня недопустимых воздействий?

— Вы говорили, будут новые гости. Мы их будем видеть впервые, откуда нам знать, что они адекватные? — Шаки почти согласилась, но сомнения еще терзают ее.

— Ну а почему это должно их волновать? — язвительно замечает внешне спокойная Алекса. — Ты же сама нас пыталась убедить в том, что это выгодно в первую очередь нам?

Ее вопрос адресован Никее. Альфа-доминатрикс почти ласково улыбается и неспешно исследует долгим взглядом надменное лицо дерзкой сабы. Этого достаточно, чтобы с

Алексы слетела вся спесь.

— Простите... Я совсем не это хотела сказать...

— Никогда не забывай, с кем и как ты говоришь, девочка.

Прошло меньше часа, а у меня трещит голова. Быстрее всего уговорили Кнопку, которая сейчас пьет кофе вприкуску с шоколадными конфетами, и снисходительно наблюдает за метаниями подруг по цеху. Я строчу эсэмэску, не теряя нить спора.

«Лекси, у меня запара. Примешь через полчаса шестерых разгоряченных девчонок в салоне?»

Ответ приходит мгновенно. Время выбрано верно, по утрам в ее империи красоты затишье.

«Жду, можете приезжать, зайка!»

— Предлагаю не мериться размером сисек, так мы никогда не достигнем согласия. — Встаю, опершись ладонями о поверхность стола, прогнав пугающую картину, о которой не хочу никогда вспоминать. — Давайте договоримся, что здесь временно не действуют никакие титулы. Я же не заставляю вас, как прежде, вползать в кабинет на четвереньках... и не падаю в такой же позе рядом?

Шутка разряжает атмосферу. Хотя по взгляду Шакти можно понять, что она тоскует по тем временам, когда падала в позу покорности перед Анубисом.

— Мы выбрали не совсем удачное место для разговоров. Поехали в спа?

Таймер тикает. Я приближаюсь к обрыву личной бездны длиной в неопределенный промежуток времени гораздо быстрее, чем я себе это представляла. Но я пока этого не знаю.

— Ну ты стратег, — уважительно замечает Никея спустя три часа. Мы снова в моем кабинете. Я передаю Владе четыре экземпляра подписанного соглашения с просьбой приобщить к делу «Радуга саб». Те, кто протестовал громче всех, чуть не сломали свои пальчики, когда рвались подписать согласие на участие. Хаммам и массаж творят чудеса.

Я до сих пор не могу сформулировать формат своих отношений с Никеей. Определенно, мы не подруги, просто вынуждены работать вместе, а работать я умею, поэтому мне некогда тратить свое время на предвзятость и неприязнь. Можно сказать, что я никак к ней не отношусь. Максимум, как к засланному казачку Лаврова, но от него особо скрывать нечего — на, смотри, документация, отчетность, дальнейшие планы. К тому же организация мероприятия сдвинулась с мертвой точки и мы даже позволяем себе прерываться на разговор о детях и шмотках. Женщина останется женщиной вне зависимости от своего позиционирования в Теме.

Работа кипит, но мы на ней не горим — все решается очень быстро и как по взмаху волшебной палочки. Я заставляю себя не засиживаться на работе допоздна, в шесть часов вечера еду домой к Еве, наши вечера заполнены развлечениями или просто тихим отдыхом у телевизора с вазочками мороженого. Я дышу полной грудью в отсутствие Лаврова и на четвертый день мне кажется, что недавний кошмар просто-напросто приснился. Он мне даже не звонит и не дает о себе знать, я готова молиться о том, чтобы он вообще забыл о моем существовании.

Отсчет ускоряется. Секундная стрелка стремится достигнуть скорости звука.

В четверг я спешу пораньше уехать домой, мы идем с дочерью на премьеру детского спектакля. На улице тепло и сухо, и я не отказала себе в удовольствии надеть воздушное белоснежное платье и белые босоножки. Сбегаю вниз по лестнице, подпрыгивая и улыбаясь, у меня хорошее настроение. Мужчина, сидящий у стойки, отставляет бокал коньяка. Я узнаю

его сразу. Тот самый VIP-клиент клуба, имя которого не принято произносить вслух. Галантный и невероятно харизматичный олигарх, владелец почти всей коммерческой недвижимости. Власенко. Пробую на вкус его фамилию, ощутив волнение. Чистый садизм, практика. Даже при самом благоприятном стечении обстоятельств он не смог бы попасть в круг моего интереса, я не маза. Но страха нет. Я улыбаюсь шире гостеприимной улыбкой маленькой хозяйки этой преисподней. Он был другом Алекса, и мне хочется верить, что в память о нем меня никто не тронет. Дырка в голове только у Лаврова.

— Владимир Александрович, — меня успокаивает его улыбка. Да, в ней интерес, и далеко не поверхностный. Но этот человек слишком благороден, для того чтобы переступить свои собственные границы. Как по взмаху руки, бармен достает из-под стойки огромную охапку нежно-алых роз, перекладывая в руки Власенко.

— Прекрасная леди Ю, — улыбаюсь, оценив шутку. В его устах меня даже не раздражает ассоциация с тезкой-политиком. — Вас так сложно застать на месте, но я рад, что сегодня мне это удалось. Это вам!

— Они великолепны, — руки подрагивают под тяжестью букета. — Заберу с собой! Увы, семья, я, к сожалению, не смогу сегодня задержаться. Но спасибо, что не забываете нас, и прекрасного вам вечера!

— И вам, Юлечка. Очень рад вас видеть! — не стану скрывать, мне очень приятно мужское внимание в таком вот его проявлении. В последнее время я видела лишь обратную его сторону.

Время замерло всего на миг... и отсчет таймера снова ускорился. Она несется мне навстречу с запредельной скоростью, моя личная пылающая черно-огненная стихия, протягивающая навстречу объятия скорой душевной агонии без возможности закричать и призвать на помощь, она уже настолько близка, что я должна не улыбаться, вдыхая аромат великолепных цветов, я должна бежать прочь из этого города, от этого наследства... от этого безумия своего персонального Люцифера! А я, как всегда, ничего этого не знаю. Отравлена подменой сознания и реальности и даже готова убедить саму себя в том, что победила в этом противостоянии.

Пятница. Послезавтра мероприятие. У нас все готово, после энной по счету проверки зала и всех нюансов Никея уезжает по своим личным делам, она приедет в воскресенье, чтобы наблюдать за последними завершающими штрихами. Сегодня не будет посетителей, все в ожидании вечеринки года. Уже к пяти часам вечера в клубе становится неправдоподобно тихо и спокойно. Не спешит даже таймер, отсчитывающий последние минуты до взрыва моей вселенной.

Настя повезла Еву на цирковое представление, потом в кафе кушать мороженое. Забрать ее смогу только в девять вечера. Допиваю кофе с ирландским ликером и листаю журнал, найденный на столе у Влады — Борис задержался в пробке, отвозил мое вечернее платье из ателье домой.

До старта апокалипсиса осталось не более десяти минут. Дмитрий заходит в кабинет уверенным шагом абсолютного хозяина. Я знала, что сессия горсовета сегодня завершилась, даже предполагала, что он появится здесь, но не делала ни малейшей попытки бежать и не попадаться ему на глаза.

Моя интуиция спала беспробудным сном, а может, я просто поверила тому шаблону, который в отношении такого мужчины, как он, никогда не срабатывал. Меня кольнула неприятная тревога при его приближении, но она имела мало общего с тем паническим

ужасом, который преследовал меня чуть больше недели назад. В прошлый раз мне было предложено перемирие, и я наивно поверила в то, что этот человек раскаивается в своих поступках и никогда не хотел мне причинять боль. Ведь я была на все сто процентов уверена, что меня тогда накрыла не иллюзия, а отголосок его мыслей, в которых не было жестокости... только молчаливый призыв, который смог успокоить мое истерзанное сознание.

— Скучала? — его рука обманчиво-ласковым жестом накрыла мой лоб, пальцы легким поглаживанием прошлись вдоль пробора, чтобы замереть на затылке. Я ощутила, что улыбаюсь.

— Да не особенно. — Прозвучало грубо. Я собиралась добавить, что организация «радуги саб» не оставила мне для этого времени. Не знаю, почему я не ощутила последних щелчков таймера и думала только о том, что мои усилия сейчас будут оценены по достоинству и это положит первый кирпичик в фундамент нашего партнерского сотрудничества, а не противостояния хищника и жертвы.

Когда мой затылок пробило иглами ослепляющей боли, я не смогла даже закричать от потрясения. Я почувствовала хват его ладони у корней волос, резкий рывок не оставил иного выбора, кроме как вскочить следом, зашипев от усилившейся боли. Чувство нереальности происходящего на миг лишило дара речи, а его следующие слова показались элементом кошмарного сна.

— Блядская сука, — я никогда не видела Диму в такой ярости. Она не проявлялась внешне ни в чем, все тот же спокойный внимательный взгляд в мои глаза, уверенный голос и легкий прищур почерневших глаз. Я пойму потом, что ярости там было по минимуму, началась спланированная игра, направленная на уничтожение препятствий. — Специально тебя не трогал, чтобы ты не похерила свои обязанности. Но теперь, как я вижу, все сделано и мы можем продолжить наш разговор?

От шока я не поняла, что именно он мне только что наговорил. Кабинет поплыл перед моими глазами от недостатка кислорода, я не могла даже дышать от потрясения. Когда его пальцы на моих волосах разжались, я едва успела ухватить руками спинку кресла.

— Прекрати карабкаться, сука. Стань на четвереньки и отсоси!

Я никак не отреагировала на эти слова. Оковы шока спали в тот момент, когда его пальцы сжались на моей шее, пригибая к полу.

— Н-не здесь... — прохрипела я и закричала, когда он разжал пальцы, чтобы вновь ухватить за волосы на затылке. Легкая улыбка изогнула его губы циничным оскалом, тьма в глазах достигла критической отметки.

— Вот как, — тихо посмеиваясь, констатировал Дима. — Моя Игрушка хочет люкс-апартаментов? Тогда идем!

Я так и не пришла в себя окончательно, очнулась только в типичной игровой комнате с X-образными конструкциями, названия которых вылетели у меня из головы. Мой внутренний мир взорвался паническим ужасом, когда меня грубо толкнули к большому столбу с цепью для крепления, я не упала только чудом, успев ухватиться за свисающую гирлянду цепи. Я не могла понять, куда делось мое желание противостоять и защищаться. Тело оцепенело, в голове пульсировала только одна мысль: я не могу допустить повторного изнасилования. Это убьет меня саму даже в том случае, если после этого больше никто и никогда меня не тронет.

От грубого захвата мужской ладонью руку прошибает током до самого локтя, и только

тогда мой крик разрывает стустившуюся тишину. Звукоизоляция — я об этом знаю, но я ору не для того, чтобы позвать на помощь. Весь ужас перед перспективой нового изнасилования взрывает адскую Хиросиму внутри моего сознания, и я теряю связь с реальностью. Не могу даже дергаться и сопротивляться, продолжая кричать и хватать губами воздух сквозь горловой спазм, пока стальные оковы врезаются в запястья. Грубые руки разворачивают меня лицом к лицу моего реализовавшегося кошмара.

— Нет! Не надо, прошу тебя! — это не страх и не ужас, это что-то за гранью. Я не знаю, произношу ли я это вслух, мне кажется, я могу только кричать, вполне возможно, что этот вопль отчаяния пронзает только сознание, а не бьется о глухие стены. Его руки вжимают меня спиной в гладкую поверхность столба, задерживаются на талии, перемещаются вверх, сжимая до боли грудь, перед тем как рвануть отвороты блузки в стороны. Глухой стук пуговиц о поверхность ламината заглушает мой перепуганный уже не крик, а хрип приближающегося безумия.

— Что не надо? — грубая фиксация пальцев на подбородке. Зажмуриваюсь, чтобы не видеть его почерневшего взгляда. Обжигающая пощечина, за ней вторая. — Этого не надо? Скажи! Чего тебе не надо? Вот этого?

Щеки пылают от боли, перед глазами багровая пелена, а внутри выжженная напалмом пустыня. Меня больше нет. Я уничтожена. Не знающие пощады пальцы проникают под юбку, и голосовые связки взрываются новым криком. Рывок, бедра обжигает пламенем, я не сразу понимаю, что с меня рывком сорвали кружевные трусики.

— Еще раз увижу эти куски белья на твоём теле, сука, разорву вместе с юбкой! Весь день так проходишь!

Последний взрыв, и бездна поглощает. Меня нет. Моя сущность сожжена вместе со мной...

«Уебок, убери от нее руки!»...

Звук удара, потом падение чего-то тяжелого... Новый удар...

«Я тебя сейчас просто убью, блядь!»...

Я, кажется, знаю, кому принадлежат эти голоса... а потом довольный смех. Никакая сила сейчас не заставит меня открыть глаза...

«Ну, ты только что подписал себе смертный приговор, Штейр. Что делать будем? Вызываем органы или ты идешь в бухгалтерию за расчетом, после чего съебываешься отсюда нах и мы больше никогда не видим друг друга?»

Меня нет. Моя душа отделилась от телесной оболочки, ее не удержат никакие оковы. Мой Ангел раскрывает объятия, не позволяя упасть. У него тоже знакомый голос. Успокаивает. Утешает.

Все закончилось. Последний спазм рыдания гаснет на моих губах, и на остывающие руины уничтоженного мира падает спасительная темнота.

Выход есть. Все не так безнадежно...

19 глава

Юля

Я больше не чувствую ничего. Ни этой боли в наверняка кровоточащих запястьях, ни прохлады жесткой кожи, на которую меня то ли положили, то ли я сама упала, не могу разобрать бессмысленный набор чужих слов, которые звучат слишком громко. От этого мне хочется закричать еще сильнее, пусть замолкнут. Я оцепенела и не понимаю, что чьи-то руки гладят меня по голове, голоса с просто повышенного тона срываются в крик, и это

режет сознание. Темная пелена пляшет перед глазами радужными звездочками, я знаю, что достаточно вдохнуть полной грудью, и она рассеется, только горло пережато крепким спазмом, словно чьей-то ладонью, и все, что у меня получается — вдыхать кислород микроскопическими дозами. Достаточно, чтобы поддержать жизнь и сознание.

Это знакомое ощущение. Но в прошлый раз была легкость и апатия, которая отключила восприятие окружающей действительности, а сейчас все по-иному: перед глазами тьма и я смертельно боюсь того, что она останется со мной навсегда. Я хочу прогнать эти оковы жестокого шока, но не могу даже пошевелиться и плохо понимаю, что же именно их вызвало. Генетическая память или самая жестокая временная параллель из всех возможных?

Мне смертельно холодно. Это странно, потому что кожа пылает, я практически вижу бегающие по ней язычки сине-желтого огня. Его жар не смог до конца растопить лед, который проник сквозь поры до костного мозга, пробрался дальше, в остывающее сознание, разомкнул мои губы и вливается ледяным потоком воды. Вода — источник жизни и привычная нам стихия, иногда настолько жестокая и необъяснимая... заливает пережатое спазмом горло, вызывая надсадный кашель и смывая завесу черной пелены. У меня мелькает мысль, что я сейчас могу запросто утонуть от одного глотка, и впервые в жизни она не пугает. Пока что я не помню, как здесь оказалась, что меня удерживает от свободного полета сквозь эту бездну, вернее, даже кто, такая вот стрессовая амнезия без каких-либо обязательств. Небольшой проблеск сознания, прикосновение чужих пальцев — и я поспешно вскакиваю, ощутив, что спазм на миг отпустил горло и позволил мне что-то проглотить.

— Просто таблетка, тише, лежи, — я знаю обладателя этого голоса, но его лицо не различить пока что. Такое впечатление, что тьма ослепила меня, перед глазами белоснежная пустыня с очертанием размытого силуэта, я ориентируюсь исключительно на его голос и полагаюсь на шестое чувство. У этой тени светлая аура защитника, но она слабеет и гаснет на глазах. Сейчас это не имеет значения, кто бы он ни был, он не позволил мне упасть.

— Можешь быть свободен, завтра приедешь за расчетом! — вновь лишенный смысла набор фраз, в этот раз голос принадлежит кому-то другому. Поворачиваю голову на звук, преодолевая сопротивление мягкой хватки пальцев на подбородке и скуле. Плохая идея. Я не знаю, какими словами описать то, что фиксирует мое сознание радарами распахнутого «третьего ока», но уже понимаю, что, если абсолютная власть, воплощение вестника апокалипсиса и крушения твоего правильного мира имеет облик, он выглядит именно так. Ореол жестокого пламени посреди беспроглядной тьмы, которая подсвечена багровыми всполохами цвета крови.

— Ты понимаешь, твою мать, что ты натворил? — трясущей головой от резкости голоса. Почему сущность ангела-хранителя сейчас вновь вспарывает мои барабанные перепонки непонятной агрессией, а тьма смертельно спокойна, словно хочет взять на себя несвойственную ей прежде роль миротворца?

— Понимаю, и разберусь с этим сам. Исчезни, ты ее пугаешь!

Я хочу сказать, что никто меня не пугает, кроме неопределенности и этого неузнавания, ведь я почему-то уверена, что знакома с обладателями голосов. Смысл слов постепенно пробивает блокаду ограниченного восприятия, белая пелена рассеивается, и силуэты проступают четче. Я больше не вижу ауры никого из них, они обретают вполне реальные очертания.

Погруженная в полумрак комната раскачивается, как при землетрясении, мне пока невдомек, что это меня бьет крупной дрожью. И что она усилится до запредельной отметки

шкалы разрушения, когда я узнаю эти две бесплотные тени.

— Уходи сейчас отсюда. Я сам с ней побуду. И не надо на меня так смотреть!

— Да хрена с два я оставлю ее еще хоть раз без присмотра...

— Я знаю, что сейчас неподходящий момент, но я могу устранить тебя одним звонком.

Просто уходи сам и подумай о своей семье. Ну?

Пауза слишком долгая. Я плохо понимаю, кто должен уйти и почему, обхватываю себя руками. Так действительно теплее и холод отступает. Вместе с ним сейчас начнет постепенно возвращаться моя память.

— Не думай, что я не понимаю, для чего ты это сделал... Тебе достаточно было мне сказать и не причинять ей боль!

— Раз ты все понял верно, должен понимать, что больше нет необходимости ее мучить. Давай, Штейр, сделай все сегодня. Если действительно хочешь ей помочь.

Звук удаляющихся шагов. Пронизывающий порыв ледяного ветра заставляет сильнее сжать ладони на предплечьях в безуспешной попытке согреться. Имя мне знакомо. Это снайперская винтовка и еще, кажется, мы работаем вместе... Снайпер-контрактник и человек потрясающей силы воли. Воспоминание бьет прямо по лицу, выбив горячие слезы, которые остывают на коже от внутреннего льда.

Моего мужа больше нет в живых.

Воспоминания возвращаются поэтапно, словно стараются смягчить удар и подготовить меня к новому переходу через врата очередного круга ада. Я сильно дезориентирована и разрушена, чтобы подскочить от одного прикосновения, забиться в истерику или закричать. Теплые ладони накрывают мои виски, а я не делаю ничего. Только закрываю глаза и удивляюсь тому, что воплощение адского огня может согреть в одно касание. Тонкие безболезненные иглы успокаивающего тепла проникают в кожу, бегут ласковым ручейком по волокнам содрогающихся мышц и унимают неконтролируемую дрожь. Стальной ошейник на горле разжимается, позволяя беспрепятственно дышать полной грудью, делаю это слишком поспешно, отчего слабые судороги выгибают тело. Я не в состоянии произнести ни слова, а он тоже молчит. Это хорошо, мне приятно ощущать легкие поглаживания висков с теплой вибрацией, которая прогоняет это оцепенение.

— Ты в безопасности, — даже его голос обдает теплом. — Теперь уже все. Дыши чаще.

Я так и делаю. Я не могу пока вспомнить, кто мне это говорит, просто подсознательно признаю в нем того, кому следует повиноваться. Осколки памяти не такие острые, как я думала вначале. Его прикосновение несет с собой тепло и ощущение нереального полета под крылом одержимого обладания. Разгоряченный шепот и те слова, что могли убить своей жестокостью, не несут никакой угрозы. Это живой огонь, который испаряет ласковый бриз успокаивающих поглаживаний жарким торнадо, пронзающим солнечное сплетение иглами чистой страсти со вспышкой вождения между напрягшихся ножек.

— Испугалась? Как ты могла в это поверить?

Вот так вот и могла. Это уже было, и не раз. Я не понимаю, почему не сжимаюсь от страха и неприятия, когда сознание благосклонно включает прямую трансляцию с потрясающей прорисовкой деталей. Шок не подчиняется законам логики, и я позволяю обнимать и гладить себя тому, кто ввергнул меня в эту бездну латентного безумия.

— Я отвезу тебя домой, сейчас просто отдыхай и приходи в себя!

Домой? Точно. Но зачем меня отвозить? У меня есть водитель, а еще у меня есть дочь.

— Ева, — произношу в пустоту, и на губах расплывается теплая улыбка. Александр

мертв, а эта искорка счастья сейчас все, что у меня осталось. Какое значение имеет боль, когда у меня есть любимая дочурка, ради которой стоит жить и двигаться вперед?

— У тебя замечательная дочурка.

Все правильно. Тьма отступает, мое сознание заливают светом яркого солнышка. Мне он не опасен, для меня смертелен холодный лед, но все подчиняется закону равновесия: солнечный огонь заваривает черный ужас в светонепроницаемый отсек. Надолго или нет, я не имею ни малейшего понятия, психика щадит меня, закрывая эти воспоминания в потайной комнате сознания.

— У меня рука болит...

Не то чтобы сильно. Но в тот же момент теплые пальцы накрывают мое запястье, и я ощущаю прикосновение губ к центру ноющей боли. А потом он говорит. Если бы моя рука не находилась в ласковом захвате, я бы провела на ощупь ладонью по его губам, чтобы прервать этот бессмысленный поток слов и снять запредельное волнение:

— Юля, все, я тебе обещаю, теперь уже все! Не думай об этом, мне пришлось. Не спрашивай зачем!

— А я знаю, — мне хорошо и спокойно. — Ты хотел получить меня?

Сбивчивый поток оправданий обрывается, и я улыбаюсь. Его руки дарят мне тепло и умиротворенность, поэтому я не хочу, чтобы он о чем-то переживал:

— А почему? Ты любишь меня, да?

— Больше жизни, моя девочка. Не говори сейчас ничего, успокойся...

— Так не бывает, — мне в этот момент кажется, что я открыла теорию относительности. — Если не будет жизни, тебе некого будет любить. И нечем.

Судорожный выдох режет по нервам. Меня это расстраивает. Воплощение тьмы и жаркого пламени забирает мою боль, а я его огорчаю своими словами. Наверное, мне и вправду лучше замолчать и сосредоточиться на ласковых поглаживаниях. Но что-то не дает мне покоя.

— А ты не умеешь просто любить по-другому, да?

Мои слова безобидны и я не понимаю, почему чувствую чужую боль и почему они ее доставляют. От этого хочется плакать. Ну как же так, это мое любопытство доводит черного ангела-хранителя едва ли не до внутренних рыданий! Осознаю, что больше не лежу, сижу на черном диване, обтянутом кожей, а сильные руки обнимают меня со спины. Тепла еще больше, и глаза закрываются.

— И не надо, — шепчу я. Мне хочется его успокоить. Последнее содрогание моей теплой живой защитной клетки, и сон накрывает тяжелым покрывалом. Я в безопасности.

...Люди не сгорают, подобно спичке, в один момент. Вначале все удары судьбы блокируются энергетическими полями врожденной стрессоустойчивости, генетической памяти и приобретенного опыта. Принять атаку, дунуть, плюнуть, растереть. Отряхнуть ладони и колени от грязи и взглянуть в лицо опасности чуть ли не с вызовом: ну, давай, это все, на что ты способна? Можете быть уверены, она отступит перед такой стойкостью. Правда, оставит после себя осколочные пробоины в вашей защитной броне, но залатать их будет легко. Жизнь продолжается, но, наученные опытом, вы будете ждать нападения и, когда оно случится, ответите контрударом. У каждого путь сопротивления свой: кто-то треснет судьбу-злодейку по голове; у кого-то хватит силы воли насмешливо наблюдать за ее усилиями со стороны; есть и те отчаянные авантюристы, кто не упустит возможности высмеять ее хотя бы на словах и поставить в заведомо проигрышное положение. Слова

иногда бьют сильнее острых камней. Но что бы вы ни предпринимали, она не отступит. Ваши ресурсы ограничены, тогда как она полна сил и энергии стоять на своем до конца. Вы будете слабеть с каждой минутой ваших противостояний, а она — целенаправленно искать болевые точки, по которым ударит снова и снова. И однажды ее терпение и целеустремленность будут вознаграждены. Слабые сломаются сразу. Сильные же заручатся поддержкой психики, последнего бастиона, который предоставит уникальную возможность восстановить силы: призовет в союзники апатию, а она вгонит в вены сотни кубиков спокойствия, аналога наркотического опьянения. Это не ваша победа: удар достиг цели, ранение достаточно серьезное и само уже не пройдет. Единственное, что остается системам вашей защиты — временно захлопнуть боль в дальнем отсеке, продолжая гнать по венам анестезию, и не признаваться в том, что однажды не смогут противостоять боли, которая выстрелит со всей мощью своей восстановившейся силы. Это будет потом, достаточно даже поверхностной царапины по сознанию, чтобы кошмар вернулся и принес с собой болезненное, убивающее неотвратимостью понимание — ты проиграла.

Но пока эта бомба замедленного действия спит в защитной криокамере уставшего сознания. Ты спишь вместе с ней на чужом поле боя, в руках агрессора, который играет в подобие перемирия. Сном это назвать тяжело, скорее забытьем, потерей связи с реальностью и подменой сознания. Ничего из вышеперечисленного сейчас не имеет значения: тебе тепло, ты в безопасности, пусть даже на руках источника фактически летальной угрозы. Сердечку просто нужно согреться, чтобы не перестало биться. Рой твоих перепуганных мотыльков полетел на пламя, рискуя сжечь крылья, но ты этого не осознаешь, пока пламя греет, а не жжет.

Полумрак этой комнаты призван нагнетать тревогу и расслаблять одновременно. Есть очень существенное различие между тем, каким ты заходишь в эту игровую обитель тьмы, и какой покидаешь ее. Вряд ли твоему сознанию сейчас до этих философских умозаключений, твоя вселенная застыла на лаконичной конкретике: сейчас тепло и хорошо, а у тебя нет больше сил ни на что другое. Нет правильного понимания происходящего.

— Проснулась? — голос согревает, укутывает, словно тёплым пледом, в заботу, и даже обеспокоенность кажется искренней. Тебе не хочется ни о чем думать, только еще теснее прижаться к источнику тепла и покоя, ощутить щекой жар его кожи и твердый рельеф грудных мышц даже через тонкий сатин сорочки. Сила. Стабильность. Защита. Этого достаточно, чтобы иллюзия безопасности усилилась, разогнала по телу вместе с кровью эндорфин, который сам помогает твоим мускулам сократиться и прижаться крепче, желая слиться еще теснее. Это иллюзия рисует на подрагивающих губах улыбку, сметает с глаз отпечаток тревоги последних дней и насыщает их оттенком зелени. Безумие тоже носит маски. Взгляд цепляется за тонкое запястье с красными растертыми полосами, и я не могу понять, что же именно их вызвало, а может, просто не хочу. Пальцы вначале робко, потом смелее прикасаются к источнику тепла, скользят плавными движениями. Безумно мало одного тактильного ощущения приятной на ощупь ткани, и улыбка расцветает ярче, когда подушечки ощущают под собой пылающую кожу и колючую щетину. Настолько комфортно в этой возвышенной неизвестности, что крылья бабочек трепещут чаще, когда мои пальцы перемещаются к лепному изгибу чужих и одновременно родных губ, нежно оглаживая их контур. Если безумие имеет имя, то оно пишется через плюс как соединение наших имен.

Сладкое покалывание новой эндорфиновой волны накрывает с головой, когда его губы смыкаются вокруг произвольно вздрогнувших фаланг. Ощущение совсем незнакомое и

привычное одновременно; низ живота заливает расплавленным золотом, этот жар не нуждается в представлении. Эротическое желание не признает конспирации.

Мне так легко в этой безумной невесомости, что я лишена возможности испугаться или хотя бы насторожиться. Рассудок спит, заживо погребенный под обломками реальности, оголенной душе мало имеющегося тепла — она тянется к свету, как и все живое, мало задумываясь о том, что свет может быть не солнцем, а стеной пламени. Запрокидываю голову и не понимаю, не осознаю сейчас того, что казалось запредельным и могло напугать до потери пульса.

Я смотрю в его глаза. Черный обсидиан зрачков создает завораживающий контраст с россыпью золотистых зерен кофейной радужки. Сознание помнит: светлый кофе с добавлением капельки сливок — очень хорошо. Два бесчувственных уголька — молись своим чертям, если не успела скрыться. На миг этот обрывок воспоминания царапает защитное энергополе, высекая россыпь огненных искр, но его возмущенная рябь утихает в тот же миг. Глаза никогда не врут, и сознание считывает незашифрованное послание до последнего знака, ему больше не нужно преодолевать баррикады страха и пресс противоречивых эмоций. Все ресурсы силового поля направлены на то, чтобы не разбудить ненужные воспоминания, обнаженная сущность представляет собой гладкий чистый лист. Чем его заполнить, решать только ему одному, тому, кто сейчас удерживает меня на грани сумасшествия своим теплом. Нет подчинения и принуждения, тело реагирует инстинктами, которые оживают под воздействием умиротворяющей безопасности. Мне хочется закрыть глаза, чтобы прочувствовать ласкающие движения его языка на своих подрагивающих пальчиках, но я не в состоянии прервать нити потрясающего единения. Они влились в кровь горячим шоколадом взгляда моего нового ангела, замкнули круг куполом его широких крыльев кофейного оттенка. Тьма не бывает такой, она черная, вязкая, глухая и не признает полутонов. Застывшая вечность обрушивается на нас плотной согревающей тенью, обжигает мои приоткрытые губы жарким дыханием в унисон с давлением обволакивающего поцелуя, заставляя язык танцевать в первобытном танце, чтобы не упустить ни момента внезапной ласки... понимаю только одно: я не хочу, чтобы это прекращалось. Я согрета, возрождена вновь и не прощу себе, если не верну ему в десятикратном размере искры теперь уже своего тепла. Жаркие разряды осыпаются золотом от соприкосновения губ и переплетения языков, крылья сомкнулись на моей спине одновременно с кольцом моих рук на шее их обладателя — я практически вижу, как заполняется золотой пылью эпицентр моих ласковых прикосновений, как озаряется ярким светом наш уникальный замкнутый мир, когда я прижимаюсь к рельефной груди моего защитника-хранителя в неосознанном порыве стать еще ближе, слиться двумя сущностями и буквально проникнуть внутрь. Я не понимаю, почему его тело напрягается, и теплый весенний день на миг приостановлен порывами холодного бриза. Протестующе хныкаю, потеряв жар горячего поцелуя, но тут же выгибаюсь навстречу еще сильнее, теряя подобие воли от кофейной волны по всем доверчиво открытым нейронам. Я трогаю чужое сердце ласковым сжатием ладони и не понимаю, откуда растерянность и сомнения, что его сейчас удерживает от того, чтобы раскрыться навстречу и заполнить меня собой без остатка. Мне нужно ему помочь, пройти легкими, словно взмах крыла бабочки, погладиваниями по вздрагивающей сердечной мышце, дать ему заряд уверенности этими прикосновениями. У меня получается. Горячая ладонь ложится на мою шею, теряю взгляд, запрокинув голову и отдаюсь сладостному ощущению тепла и предвкушения, когда мужская ладонь скользит вниз, задерживается на планке блузы.

Обнаженную плоть обдает прохладой, снова всхлипываю, но после короткой заминки вновь тону в океане света и проникающих согревающих лучей. Вздыхаю навзрыд всей силой своих легких, когда бюстгальтер скользит по моим рукам вслед за блузкой, судорожное дыхание перерастает в протяжный стон от соприкосновения с обнаженной пылающей кожей.

Горячие пальцы впиваются в мои плечи, всего лишь миг — и легкая боль сметена лавиной жарких и одновременно нежных поцелуев. Спина уже не ощущает прохладной кожи дивана, лишь ласкающее трепетание темных крыльев под позвонками, дополнительную стимуляцию моего экзальтированного возрождения. Я растворяюсь в этой вселенной, наблюдая за столь знакомыми вспышками сверхновых и танцем вращающихся галактик. Моя альфа и омега, мои яркие бриллианты Кассиопеи в полумраке бескрайней комнаты с ее условными рамками. Горячий шепот взрезает сознание, но я не разбираю слов. Тысячи новых звезд стремятся вспыхнуть на ее усыпанном алмазами небосводе в колыбели своего рождения, средоточии сладкой пульсации. Я бездумно толкаю бедра вперед, едва не взрываясь в тот же миг, когда орбиты моих систем вспыхивают под натиском вторжения, которое озаряет небосвод вспышками. Сущность самого сильного ангела поглотила без остатка, замкнула наши поля в единый эгрегор, разметала боль на атомы и навсегда растворила в далекой туманности.

Мой мир застыл на одном-единственном человеке.

Моя персональная вселенная позволила чужой поглотить себя без остатка и права на протест, но я бы не запротестовала даже под пыткой. Моя сущность сорвалась в свободный полет в иные измерения, сквозь мерцающие созвездия и вспышки сверхновых, и здесь не было острых граней враждебных звезд, коварных астероидов и мертвого холода абсолютного вакуума. Я пересекла эту черту, достигла небывалого уровня, ради которого стоило стерпеть многое. Я не могла думать и ожидать того, что совсем скоро боль сорвет все те замки, на которые ее закрыло подсознание, поэтому просто таяла в теплых, вопреки всем законам метафизики, объятиях космоса. Они были похожи на клетку, но я не хотела свободы, которой всегда сопутствовало страдание.

Время отбивало секунды, которые складывались в минуты и часы, а я просто этого не понимала. Мне казалось, что оно повисло и не движется вперед. Сладчайшая истома множественного оргазма сковала тело шелковыми оковами умиротворяющей неги, застыла на губах чужим хриплым стоном, затянула тугие узлы на сущности покоренного в шаге от пропасти безумия, чтобы снова наполнить кровь эндорфиновой лавой. Теплые волны ласкали гладкую песчаную пустыню в глубине моей души. За ласковыми прикосновениями и поглаживаниями сильных мужских ладоней я все еще неосознанно тянулась губами. Иногда волны с шумом откатывались назад, обнажая дно, нарушая сладкое забвение громкой музыкой и отрывистыми фразами моего защитника. Упоминание имени дочери вырвало из транса. Сегодня я должна была ее забрать.

— Ева? — я попыталась встать и обессиленно упала обратно в его объятия, которые оплели меня нахлестом широких крыльев. Успокаивающее поглаживание вернулось вместе с приливом набежавшей волны.

— Все хорошо. Она дома с твоей сестрой, ни о чем не беспокойся.

Настя. Если так, мне действительно беспокоиться не о чем.

— А мне не надо домой?

— Сегодня нет. Просто расслабься и отдохни.

Я почти счастлива от этой мысли и осознания того, что не потеряю его тепло еще очень

долго. Наши пальцы переплетаются в неразрывный замок, две волны объединенной энергии сплетаются в одну, делая наши сущности едиными и неразрывными. Мне хочется сказать ему то, о чем я молчала очень и очень долго:

— А я всегда знала, что ты жив.

Пальцы сжимаются на моих до ощущения легкой боли. Он вздыхает, и я непроизвольно прижимаюсь крепче, чтобы погасить вспышку чужой мучительной боли.

— Ты не могла знать. Не могла поверить до конца. Это наверняка казалось сумасшествием.

— Ты не приходил, — пожимаю плечами, напомнив себе о мнимой индульгенции. — Вера стынет без доказательств.

— Не говори сейчас ничего. Все уже в прошлом, — пальцы предупреждающе накрывают мой рот. Я все воспринимаю буквально, хватаю их губами, и градус тепла повышается на несколько пунктов. Нас тихо качают волны эмоционального слияния и это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я готова обманываться. Это наша реальность, замкнутая и уникальная, одна на двоих.

— Но я хочу говорить. Ты поэтому вернулся? Чтобы быть со мной?

Он не отвечает, но мне и не нужна констатация очевидного. Мне просто хочется остаться рядом, и я не понимаю, что удерживает его в шаге от абсолютного счастья. Сомнения? Сожаления? Растерянность? Боль? Мне тоже знакомы подобные эмоции, но сейчас они куда-то разбежались.

— Ты моя яркая искорка. — Жмурюсь от удовольствия. Я готова слышать это бесконечно. — Ускользящая, слепящая, способная испепелить на месте. Недоступная и теперь недосыгаемая, оттого более желанная.

— Почему недосыгаемая?

— Потому что завтра будет новый день, и ты захочешь, чтобы меня не существовало в твоей жизни. Будет именно так.

— Я не захочу...

— С рассветом все закончится. Если переступаешь черту, должен понимать очевидные вещи. Мне жаль, но от этого никуда не деться.

— Но почему?

— Ты поймешь это совсем скоро, когда начнешь меня ненавидеть. Но не думай об этом сейчас.

Я подчиняюсь нажиму ласкового, грустного и одновременно властного голоса. Он сказал “не думать”. Я и не хочу. Желание вновь обвить шею Димы своими руками становится запредельным, и еще я вспомнила, как его зовут. Абсолютно лишняя для меня сейчас информация, которая неумолимо тянет за собой другие воспоминания. Не в деталях, постшоковый синдром на страже моего покоя, мозг помнит лишь то, что я должна его бояться. Но я не понимаю почему. Я знаю, что раньше мы были вместе, и тогда тоже происходило нечто, что заставляло меня испытывать страх, но отсек негативных эмоций временно отгорожен колючей проволокой, она ударит током, если я к ней прикоснусь. Я помню цунами первобытной страсти, которая меня безумно восхищала. Я помнила, как смеялась от счастья и дурачилась, как маленькая девочка от переполняющего восторга. Я помню, что чувство защиты и безопасности всегда окружало меня плотной аурой. А потом появился Александр, и это чувство возросло в сотни раз. Но его больше нет в живых, а память временно закрыта в несгораемом сейфе. Сейчас мне хочется просто согреться и

забрать у мужчины, чьи руки, похожие на два больших крыла, сейчас держат очень крепко, непонятную грусть и раскаяние на грани болевого шока. Я чувствую его в буквальном смысле кожей на уровне едва уловимой дрожи, и это мешает мне насладиться нежностью и теплом в полной мере.

— Засыпай, — я совсем не хочу спать, но послушаться не могу. Если не выйдет, я хотя бы притворюсь и буду дальше пить его тепло через объятия. Я не имею ни малейшего понятия, который час, сюда не проникают звуки и свет. Если моя дочурка уже дома, наверняка больше девяти вечера. Уснуть не удастся.

— Ты проголодалась? — трясую головой. Не особенно, просто не хочу, чтобы меня отпускали. Его ладонь ласково перебирает мои волосы. Мне всегда безумно нравилось, когда Настя заплетала их в косички. У персонального стилиста нет такого дара, успокаивать и вызывать улыбку, это удавалось лишь моей сестре и сейчас может получиться у него. От этого понимания осыпает искрами сладкой дрожи. Я просто ничего не могу с собой поделать. От накатывающего умиротворения глубоко зеваю, забыв прикрыть рот ладонью.

— Просто попытайся поспать.

— А ты?

— Я побуду с тобой, пока не проснешься. А теперь просто закрывай глазки и забывайся в моих руках.

Знакомая мелодия рождается внутри. Она безопасна для психики, поэтому ее пропустил фейс-контроль взорванного сознания. Мои губы шевелятся, я слишком расслаблена, чтобы напевать, слова “Арии” произносятся как эксклюзивная прочувствованная поэзия:

— Подставлю ладони... болью своей наполни. Наполни печалью, страхом глупой темноты...

Пальцы сжимаются на моих волосах. Или предупреждающий жест, или невысказанное волнение, трудно понять. Мои слова переходят в шепот, такой расслабленный от умиротворения и неведения. Сознание плывет, словно мне не хватало его слов, для того чтобы понять, насколько сильно я устала.

— И ты не узнаешь, как небо в огне сгорает, и жизнь убивает все надежды и мечты...

Утром заныла шея от дискомфортной позы. Это были мелочью по сравнению с необходимостью ощущать его тепло, пальцы и губы, которые чертили щемяще нежный маршрут по контуру моего лица таким невесомым касанием, словно это был волнующий морской бриз. Уже понимая, что я нахожусь не в своей постели, и к тому же не сама, я с неохотой открыла глаза. Вопреки ожиданиям, меня не ослепил яркий солнечный свет. Приглушенный полумрак заливал пространство комнаты, единственным светлым пятном оказался... хм, мой балконет la Perla на выступающей балке ближайшего к дивану Андреевского креста. Это я тоже помнила, его название и функциональное назначение. Непроизвольно вспыхнула до корней волос, даже раньше, чем вспомнила, каким же образом он там оказался.

Я не знаю, где Лавров умудрился раздобыть теплый плед в шотландскую клетку, который сейчас укрывал меня по самую шею и слегка покусывал подбородок. Лавров. Еще он наш мэр. И еще мы с недавних пор бьемся в бессмысленной и бесконечной войне... яростный удар схлопнувшейся звезды сотряс стены бункера, задрезжала колючая проволока под высоковольтным напряжением. Выдержали. Я улыбнулась в его губы, встретив ласковый поцелуй без малейшего эротического подтекста. Чем это все было на самом деле: реальным проблеском света или страховкой моей психики? Я грелась в руках

того, кого должна была ненавидеть, в комнате боли, но нежность прошлой ночи побила всевозможные рекорды. Цепи и кресты казались сейчас всего лишь неуместной декорацией.

Я прервала поцелуй и повертела головой, разминая затекшую шею. Невозможно было разобрать, сколько времени. Наверное, очень рано, потому что я ощущала себя разбитой и совсем не отдохнувшей. Снова захотелось провалиться в сон, но жесткий кожаный диван не располагал к комфортным объятиям морфея. Иное дело моя постель, там я всегда высыпалась.

— Как спала моя крошка?

В полумраке игровой БДСМ-комнаты уменьшительно-ласкательные эпитеты казались неуместными, но от искреннего, совсем не шаблонного “крошка” по телу пробежала горячая волна. Она залила яркими искрами священного огня трехмерную плоскость моей обновленной сущности. Медленно и чрезмерно осторожно, подготавливая плацдарм души для жестокого возвращения в реальность уже совсем скоро. Ночью мы были вместе. От этого соития не болело тело, не обжигала саднящей болью растертая кожа. Я не жалела о том, что произошло, и даже не удивлялась. Это была закономерность. Могла бы быть стартом в будущее без боли, слез и недомолвок, если бы все сложилось иначе и не было так поздно. Но сейчас я об этом не думала.

— Я все еще хочу спать... — вышло жалобно и по-детски вместо “доброе утро”. Сознание воспротивилось произношению его имени.

— Это нормально, моя девочка. Ты слишком устала. Это пройдет. Тебе нужно выспаться по меньшей мере сутки.

— И тебе, — шестое чувство танцевало свою сольную партию. Я просто ощущала его усталость через крепкие объятия. Мой новый персональный ангел мобилизовал все силы, чтобы остаться со мной и отдать свое тепло, именно поэтому я неосознанно делилась с ним внезапной эйфорией — до тех пор, пока она еще бежала по моим венам, насыщая кровь и не позволяя сойти с ума.

— И мне тоже. Я принесу тебе кофе, потом поедем домой. Договорились?

Мысль о том, что мне придется сейчас потерять биение его сердца, расстроила. Я не хотела выныривать из теплых объятий, понимая, что одиночество найдет повод вынуть на поверхность воспоминания, которых не хочет никто из нас, но возразить не посмела. Свесила ноги, стянув на груди плед, молча наблюдала за ним, не испытывая страха от взгляда в его глаза, все еще ощущая поглаживания ладоней на своих волосах. Следы усталости отпечатались на его волевом лице, расписались тонкими морщинами в уголках глаз и на высоком лбу. Вряд ли тому виной была бессонная ночь, скорее переживания и внутренняя борьба. Я помнила, что он был занят целую неделю, а с учетом того, что подобная должность не терпит халатного отношения...

Мои щеки вспыхнули румянцем, когда я увидела в его руках свой бюстгальтер. Я не умела краснеть, по крайней мере, мне хотелось так думать, но поспешно опустила глаза. Хорошо еще, что не вспомнила о судьбе трусиков именно в этот момент. Теплые губы коснулись моего лба, прошлись ласковым поцелуем к виску и ресницам перед тем, как я вздрогнула от хлопка двери. Одиночество. Если бы я осталась сидеть и нанизывать на нитку события прошлых суток, точно бы свихнулась. Спасла мысль о горячем душе.

Голова кружилась, когда я закрыла за собой дверь душевой комнаты. Когда-то мы с Алексом обсуждали целесообразность засовов. Он не видел в них необходимости, потому как понятия приватности в д/с оставались размытыми, но я настояла на обратном. Рамки

личного пространства каждая пара устанавливает самостоятельно; если в интересы доминирующего партнера не входит поощрение закрытой личной зоны своей сабы, достаточно слова. В парах с/м сексуальная составляющая может отсутствовать вовсе, вне сессионных отношений такие люди привыкли возвращаться в собственные зоны комфорта. Тогда я не знала, что однажды меня это коснется.

Большое зеркало с диодной подсветкой отразило уставшую девушку с темными кругами растекшейся туши под глазами, растрепанными волосами и неестественно бледной кожей. На ее запястьях розовели характерные ссадины. Нужно смазать пантенолом, подумала я, позволив блузке и юбке соскользнуть на пол и подняв вверх волосы, чтобы закрепить найденным в шкафчике зажимом. Горячая вода приняла в свои объятия, прогоняя закравшийся под кожу холод. Я не думала ни о чем, растирала душистую пену геля для душа по коже и ополаскивала практически кипятком, забыв о контрастных обливаниях. Сонливость так и не прошла. Искушение нырнуть в мягкий махровый халат с эмблемой клуба было непреодолимым, но настораживало элементом уязвимости, поэтому я с неохотой натянула юбку и блузу обратно. Попыталась вспомнить, куда же исчезли мои трусики — сознание наказало за эту попытку выбросом холодной изморози по коже, и я просто пожалала плечами. Возможно, сегодня я решила обойтись без них, в городе практически лето. Горячий пар прогнал бледность с кожи, глаза без косметики казались огромными и неправдоподобно зелеными, несмотря на то, что с трудом оставались открытыми. Я бы все сейчас отдала за телепорт, который мог перенести меня в мягкую постель.

Мой ангел вернулся со звуком хлопнувшей двери. При свете галогеновых ламп прошедшая ночь утратила ореол сказочности. Его крылья исчезли с восходом солнца, рубашка выглядела измятой, к тому же на ней проступили едва различимые пятна моей туши для ресниц. Мне было все равно, сейчас меня больше интересовало то, что находилось в его руках.

— Пришлось обратиться за помощью к бармену, — его голос по-прежнему согревал теплом. — Лате, как ты любишь.

Утром я всегда предпочитала двойной эспрессо, который так сильно напоминал цвет его глаз в те моменты, когда он впускал в свое сердце тьму. Но сейчас легкий кофе был более уместен — с ним я по крайней мере не засну по дороге домой и не буду мучиться бессонницей при сохранившейся усталости. Несколько глотков прогнали желание зевать без остановки. Я даже вспомнила о том, что предстоит грандиозное мероприятие уже завтра вечером. Мои попытки заговорить и уточнить детали были пресечены ласковым поцелуем:

— Сейчас не думай об этом, тебе нужно отдохнуть и набраться сил! Ты очень хорошо поработала, контроль над организацией оставь моему заместителю. Пей кофе и поедем.

Я забралась с ногами в кресло и закрыла глаза, наслаждаясь карамельным ароматом бодрящего напитка. Лавров ответил на телефонный звонок. Его голос с официального быстро перешел на ласковый и теплый, такой знакомый и почти родной. Так я говорила с Евой. Я не вникала в детали чужого разговора и не думала о том, кто же еще удостоился похвальной, почти отеческой ласки в голосе. Я даже не помнила, как спустилась вниз, поддерживаемая его руками, а потом на парковку — кофе спас от провала в сон всего на несколько минут. В машине я все же отключилась. Иногда выпадала из нестабильной полудремы, бессознательно отмечала проносящиеся за окном пейзажи — площадь Свободы, колонны парка Горького, массив лесополосы Белгородского шоссе. Ворота-роллеты собственного особняка, самшитовую аллею, парковку. Вновь ощутила тепло таких

привычных объятий и прижалась крепче, проваливаясь в сон под ритмичные удары чужого сердца. Голос сестры, растерянный набор междометий с оттенком потрясения. Родную мягкость моей постели, стук упавших на пол туфель. И апофеоз этого всего — голос Лаврова. Откуда? Наверное, включили телевизор:

— Не будите ее, пока сама не проснется. Никаких звонков, она должна отдохнуть!

Лепет Насти, прерванный решительным тоном мэра:

— Сильное переутомление. Просто дайте ей выспаться!..

Дальше я уже их не слышала и даже не понимала, кто расстегнул мою блузку и помог продеть руки в шлейки ночной рубашки. Судя по испуганному крику и прикосновению к ребру, где остался едва видимый след гематомы, все-таки сестра. Мне было все равно, я уснула, стоило моей голове коснуться подушки.

Глава 20

Я проснулась лишь поздним утром воскресенья. Спальню заливал солнечный свет, за окном пели птицы, аромат кофе и корицы проникал даже через плотно закрытые двери. Мне удалось выспаться и восстановиться. В теле бурлила энергия, и я не ощутила головокружения, когда вскочила с постели с твердым намерением погонять себя в спортзале с последующим релаксом в бассейне. Приняла душ и переоделась в спортивный костюм. Вот тогда закрытое на сотни титановых замков сознание попыталось беспощадно ударить на поражение. Колени задрожали, а перед глазами пронеслись обрывки воспоминаний. Слепящая боль от пощечин, которым я потеряла счет. Стальные оковы, обжигающие запястья. Арктический холод, достигший сердечной мышцы под аккомпанемент рассыпанных по полу пуговиц. Я прикусила губу до крови, чтобы вытеснить одной болью другую, и видения из прошлого унесло волной несокрушимой силы воли, только сердце сорвалось в запредельный ритм. Я вспомнила кое-что еще. Потянулась к клатчу, высыпала содержимое на постель, отыскала телефон и поспешно набрала номер. Долгие гудки натягивали дрожащие нервы и я едва не подпрыгнула, услышав голос Штейра.

— Юра, привет, ты в клубе? Как наши дела?

Он ответил не сразу, а мне хватило этой секундной паузы, чтобы понять: вчерашние обрывки воспоминаний не были галлюцинацией.

— Нет, Юля. Прости, но мы больше не работаем вместе.

— Что?! Юра, что ты говоришь? Как?..

— Мне жаль. — Это не было обычной вежливостью, его голос дрогнул от сожаления и боли. — Солнышко, ты не виновата. Так сложились обстоятельства.

— Черт, Юра, сегодня эта гребаная “радуга саб”! Какие обстоятельства? — вся кровь ударила мне в голову, отдаваясь неприятным жжением в затылке. Я сделала глубокий вдох и произвольно попыталась найти иное пояснение его растерянности. — Ассаи... с ней все хорошо? Как ребенок?

— Ася в порядке, малыш тоже. Просто у меня не было выбора. Я все тебе поясню, но не по телефону, обещаю. Просто пойми и прости.

— Ты бросаешь меня? — слезы сжали горло, и я со злости ударила кулаком по прикроватному столику. Взгляд Александра с фотографии в траурной рамке не изменился, и его грусть нанесла сердцу дополнительную колотую рану. — Ты так легко отдашь меня этой твари?! Заберешь назад обещание, которое дал Сашке? Это для тебя пустой звук?

— Я не бросаю тебя, Юля. Сейчас же возьми себя в руки и не смей так говорить! — альфа-дом вернулся, и я потрясенно открыла рот, хлопая ресницами. — От того, что мне

запретили появляться в клубе, ничего не изменится. Наоборот, я не спущу с тебя глаз, и не имеет значения, буду я там присутствовать или нет. Я мало чем смогу тебе помочь, если завтра же пойду под суд за нападение на представителя власти. Если с Асей и малышом что-то случится, я мало чем смогу помочь им из СИЗО. Но не смей обвинять меня в том, что я с легкостью прыгнул в кусты! Это понятно?

— Прости. — Я подула на горящие костяшки. Один тон этого мужчины возвращал меня в реальность.

— Я приеду к тебе в понедельник, и мы поговорим. Ты убедишься, что я никогда тебя не бросал. Обещаю, мы найдем выход из создавшегося положения. Верь мне!

Он не мог этого видеть, но я поспешно закивала, безоговорочно поверив в его слова.

— Как ты? Держишься? — я горько усмехнулась, уловив нотки неподдельной заботы в его голосе. — Я тебя прошу, продержись сегодня. Ника будет рядом, она не позволит случиться плохому.

— Ника? — нервно хихикнула я. — Эта сука?

— Ты ее совсем не знаешь, поверь мне. Да, она не всегда ласкова и часто идет наперекор правилам, но у нее есть принципы, которые она никогда не нарушает и не позволит нарушить другим. Она была другом Александра, а это значит очень много. Я переговорил с ней вчера, поэтому тебе нечего опасаться. Считай, что я рядом, но только в ее обличье.

Наверное, мой скепсис долетел через прерывистое дыхание, поэтому Штейр повторил несколько раз свое напутствие. Его голос успокаивал, и я сумела взять себя в руки. Спустилась в гостиную. Настя с Евой пересматривали “Спящую красавицу”, иногда посмеиваясь и кидаясь друг в друга попкорном, усыпав им весь пол.

— Беспределим, мои кошечки? — я поспешно затянула напульсник на запястье, скрывая ссадины, и подхватила Еву на руки. Настя отложила пульт и поцеловала меня в щеку, в ее глазах сверкали искры любопытства. “Потом”, - шепнула я одними губами. Спорт подождет, я не могла себе отказать в удовольствии побыть с дочерью и смогла потренироваться лишь спустя полчаса. Потренироваться — громкое слово, это скорее был сброс негатива и возвращение мышечного тонуса. После мы пообедали, потом я уложила дочурку спать и встретила своего стилиста. Вечер приближался.

Звонок Лаврова застал меня врасплох. Воспоминания возвращались, хорошо, что обрывками, а не целенаправленным ударом прорвавшегося шока, поэтому тепло его голоса и забота, почти искренняя, ошеломили меня:

— Как моя девочка себя чувствует?

— Спасибо, хорошо. Готовлюсь к вечеру.

Я ощущала его растерянность, раскаяние, злость на себя — но злость не за то, что он со мной сделал. Мне показалось, что он злился за то, что проявил ко мне нежность и человечность. Я попыталась убедить себя, что все это игра моего воображения, которое не хотело видеть его добрым и заботливым, но умом понимала, что мы всегда умели чувствовать друг друга до малейшей эмоции, и я сейчас считывала его состояние и мысли с точностью осциллографа.

— Ты действительно этого хочешь? Если тебе нужно больше времени отдохнуть, ты можешь остаться дома. Только скажи!

— Это мой клуб тоже, и я не вижу повода пропускать мероприятие. — Мне не хотелось идти, но я уже знала: стоит мне спасовать один раз, дальше будет только хуже. Я не имела

ни малейшего понятия, чего именно он опасался, но ноты раскаяния в голосе убедили меня в одном: намеренно он не станет причинять мне боль. Даже если эти опасения были вызваны его неуверенностью в том, сможет ли он сдержаться, я была готова пойти навстречу. Поблагодарить за его доброту ко мне прошлой ночью, не вступать в конфронтацию и играть роль идеальной хозяйки вечера, которая находится в прекрасных деловых отношениях со своим партнером по бизнесу. К тому же Штейр все-таки сумел убедить меня в том, что Никая не допустит никаких эксцессов на этом рауте. Сам факт того, что Лавров переживал, наполнил мое сознание подзабытой теплотой и благодарностью.

— Мероприятие начнется в семь, но я буду там к шести, — проинформировал Дима. Я пообещала тоже приехать пораньше. Его человечность подкупила меня, и я решила осторожно поговорить с ним по поводу Штейра перед мероприятием. Настя слушала наш разговор, открыв рот. Когда стилист уложила мои волосы в высокую прическу и сделала красивый макияж глаз в угольно-черных тонах с вкраплением золота, сестра извлекла из чехла ошеломительное по красоте темно-синее платье от украинского дизайнера Obrani и помогла застегнуть длинную потайную молнию на спине.

— Я вчера офонарела, — мы остались одни, и она могла говорить, не опасаясь чужих ушей. — Слушай, он в реале еще круче, чем по ящику! Что между вами происходит?

Только этого мне не хватало для полного счастья. Я шикнула на сестру, которая резко дернула молнию вверх, продолжая щебетать о том, что в жизни он гораздо выше, чем на экране. Когда Насте мешали мои замечания!

— Я чуть от умиления не скончалась на месте, вы бы себя видели со стороны! Обнимал тебя, как самую большую драгоценность, да еще вел себя, как дома! Я бы ему ответила, конечно, но я была в шоке! Кстати, что с твоими руками?

— Флай-йога. Улетела в нирвану. Дай мне широкие браслеты в тон платью.

Настя метнулась к отсеку с бижутерией, но болтать не перестала.

— Ты знаешь, какое прозвище ему придумала Ева? Обалдеешь. Систер, между вами что-то есть? Ты с ним спишь? Мне кажется, это все равно что танцевать на минном поле.

Больше всего мне хотелось треснуть ее по лбу. Еще не успели увянуть цветы на могиле Александра, как сестра уже жаждала моего очередного крышесносного романа с цинизмом беззаботной студентки, которую пока не задело даже подобие высокого чувства. Мысль о том, что Настя поделится своими умозаключениями с матерью, вызвала приступ озноба.

— Нет, я с ним не сплю. С такой работой у него все равно на полшестого. — Мои мысли грозились унести в события позапрошлой ночи, и, когда к нам неслышно подкралась Ева, я даже не стала смерять няню тяжелым взглядом, ведь моя дочурка положила конец неприятному для меня разговору.

— Ты опять уходишь? Ты в полшестого придешь, да?

— Ты мой маленький локатор, — Евочка зажмурилась и зевнула, а я мысленно поблагодарила себя за то, что не произнесла слово “член”, как планировала в изначальном варианте, и бросила на хихикающую Настю предупреждающий взгляд.

— Ты такая красивая, мама! — дочурка обняла мои колени и потерлась щекой об атлас платья. Бесконтрольная нежность смела тревогу прочь. Настя помогла мне надеть ожерелье с россыпью сапфиров и робко поинтересовалась, нельзя ли ей поехать со мной. Она смутно представляла спецификацию моего бизнеса, в голове наверняка прочно крутились кадры из нашумевшего фильма о доминанте-миллиардере. Я отказала ей в категоричной форме и велела отправляться домой, готовиться к экзаменам.

Лавров предлагал прислать за мной автомобиль с одним из своих громил за рулем, но я отклонила предложение и вызвала Бориса. По вечерам еще было довольно прохладно, я дополнила платье укороченным жакетом темно-синего цвета и классическими лодочками с россыпью темно-асфальтовых страз. Если позавчера ночью убивающие меня воспоминания были аннулированы под грузом шока, сейчас я сама нокаутировала их и усилием воли заперла в малонадежный, грозящий взорваться бункер. Раньше мне не приходилось бывать на подобных мероприятиях, а теперь я сама организовывала частную вечеринку. Потеря Штейра ощутимо пошатнула самоуверенность, но я готова была играть роль хозяйки по всем правилам этикета, хоть и с легким волнением от предстоящего званого вечера.

Парковка была забита автомобилями, что меня удивило, я даже сверила часы. Сразу увидела “порше” Дмитрия и с удовольствием отметила, что парковочное место с разметкой VIP оставили за мной. В фойе уже толпились гости вечера (надо же, как им не терпится! Я думала, никто не явится раньше семи), и я нацепила приветливую улыбку, приветствуя каждого. У Власенко загорелись глаза, стоило мне передать жакет зрителю и обнажить загорелые плечи, он галантно поцеловал мою руку и сделал изысканный комплимент. Я не помнила всех по именам и вздохнула было с облегчением, заметив в одном из кресел Владу. Она грела в руках коктейль и пыталась сохранить невозмутимое выражение лица, хотя я даже на расстоянии почувствовала, как ее тяготит общество худощавого молодого мужчины в сером костюме. Спайдер, мастер шибари, вспомнила я, когда он поднялся меня поприветствовать. Я увлекла Владу к стойке, узнать, почему она сегодня здесь.

— Распоряжение господина мэра. — Она с трудом скрывала возмущение и легкий испуг. — Я всего лишь приехала показать калькуляции и накладные, но он велел мне задержаться. Юля, прости, мне некомфортно здесь. Ты же знаешь, насколько я от этого далека.

Мои прежние опасения сорвали один из замков охраняемого бункера. Я приобняла референта за плечи, скрывая собственную дрожь, и тепло улыбнулась:

— Ты не обязана была приезжать в свой законный выходной. Я сейчас распоряжусь, чтобы Борис отвез тебя домой, а в понедельник передам бухгалтеру, чтобы закрыл тебе полный рабочий день по двойному тарифу. Ни о чем не переживай.

Когда Борис появился в зале и проводил секретаршу к выходу, я поймала на себе злобный взгляд бондажиста. Мне не понравилась эта ситуация, и я напряженно размышляла, стоит ли сегодня поднять эту тему с Лавровым. Подумав, пришла к выводу, что сейчас лучше затронуть вопрос относительно Штейра, а по поводу Влады переговорить в другой раз. Ко мне подошла Никея в сопровождении молодого парня, словно сошедшего с гляцевых страниц мужского журнала. Мы обменялись с ней легкими приветственными поцелуями, пока я старалась смотреть на что угодно, только не на ошейник на этом подиумном красавце. Она заверила меня в том, что все готово и ситуация под контролем. Говорить о Юре сейчас не имело смысла, но по ее ободряющему кивку я поняла, что она прекрасно осведомлена о сложившейся ситуации и действительно разговор между ними имел место быть. Маховиков-младший пришел, как обычно, в сопровождении эффектной блондинки. На мой вежливый вопрос, почему только с одной, ответил, что намерен пополнить свою коллекцию экзотических бабочек на предстоящем аукционе. От меня не укрылся горящий взгляд Рианны, которая, согласно правилам дресс-кода, надела белоснежный ошейник. Ее симпатия была понятна, но вряд ли у золотого мальчика хватит ловкости переплюнуть ставки старших коллег, а за самую сексапильную сабу наверняка разразится нешуточная

борьба. Алекса вообще наплевала на этикет и вела себя словно домина, по ошибке нацепившая белую кожаную полосу. Если это тактика для подогрева интереса, в целом неплохо. Других девчонок я пока что не заметила.

— Господин Лавров в кабинете, — проинформировал бармен. Я закончила приветственный ритуал и поднялась наверх, стараясь сделать это как можно незаметнее, но десятки взглядов в буквальном смысле прожигали мне спину. Это было настолько непривычно и тревожно, учитывая пережитый стресс, что я вздохнула с облегчением, прикрыв двери приемной. Меня гораздо меньше пугала перспектива оказаться один на один с альфа-хищником клуба. Может, нежность прошедшей ночи придала мне силы?

Я сделала над собой усилие и улыбнулась, глядя ему прямо в глаза. Он как раз повернулся на звук открываемой двери, а я ощутила слабый ток, побежавший по венам. Психика все еще шадилась меня, поэтому приняла новую реальность с мужеством и достоинством. Отрицать не имело смысла. Я до безумия хотела этого мужчину. Рассудок не хотел понимать, что я не имею права его желать после всего того ада, через который он меня протащил за столь короткий промежуток времени, и тело было с ним солидарно. Я не застыла подобно соляному столпу, реальность казалась логичной и обыденной. Я просто любовалась им, ощущая нарастающее томление внизу живота, тишина прерывалась тиканьем часов и моим учащенным дыханием, пока я с упоением фиксировала каждую деталь его позы. Неизменный бокал коньяка в ладони. Царственная осанка, идеальная посадка темно-синего костюма под цвет сапфиров в моем ожерелье, внимательный взгляд, который еще не заполнила тьма. Ладонь со сверкающим перстнем, символом клуба, упирается в оконное стекло, за которым сгущаются сумерки. Из этого окна виден шпиль телевышки Госпрома, и к вечеру он подсвечивается ярко-синим. Завораживающее зрелище.

Мое женское тщеславие было удовлетворено, когда его взгляд задержался на мне. Я ловила свое отражение во всех зеркалах, ведь я их больше не боялась. Знала, что выгляжу сногшибательно. Я не дрожала под его внимательным осмотром. Я была хозяйкой этого клуба и собиралась оставаться ею даже в уединении закрытого кабинета. Но все же мои ладони непроизвольно сжались в кулачки, когда он сделал шаг мне навстречу, мышцы напряглись, словно подготовившись к прыжку в случае опасности. Несмотря на это, я улыбалась.

Поцелуй не был агрессивным. Он не подавлял и не выпивал мою волю одним глотком, он был похож на отголосок позапрошлой ночи, но я все равно ощутила иглы знакомого озноба и непроизвольно закрылась непробиваемым щитом. Подсознание что-то встревожило, интуиция не всегда спала. Что я почувствовала от прикосновения теплых губ? Растерянность? Безысходное сожаление? Может, его невысказанную просьбу не появляться на мероприятии? Во всем этом не было логики. Я не отшатнулась и не задрожала только потому, что эта внезапная оттепель придала сил для разговора, который при других обстоятельствах мог не состояться.

— Ты потрясающе выглядишь. — Чувство нереальности происходящего ударило в голову, когда его губы переместились на тыльную сторону моей ладони. Все выглядело нелогичным и иллюзорным. Совсем недавно этот мужчина трахал меня на столе переговоров, как подзаборную шлюху, доказывая этим насильственным актом свое неоспоримое право и недопустимость любого консенсуса, а сегодня он сама галантность. — Ты хорошо себя чувствуешь? Удалось отдохнуть?

Возможно, это была уловка с целью вызвать мое смущение, но я на нее не купилась.

Улыбнулась одной из своих коронных улыбок, которая была так сильно похожа на искреннюю, и склонила голову набок.

— Признаться, я уже не помню, когда в последний раз так сладко спала.

— Осталось только пережить сегодняшнюю авантюру. Спасибо, что сделали этот вечер реальностью. Я даже не верил, что из этой затеи может что-то получиться. Ты уже видела оформление зала?

— Честно говоря, нет. Увижу, когда начнется аукцион. — Это была крохотная возможность уцепиться за нить разговора. Лавров перевел взгляд на свой бокал, затем на меня. Я кивнула. Мне не мешает глоток для храбрости. — Я хотела попросить тебя... Я знаю, что произошло со Штейром. Я прекрасно понимаю, для чего была эта... имитация изнасилования. Если я пообещаю выполнять твои условия добровольно, ты позволишь ему вернуться?

Дима по-хозяйски раскупоривал бутылку французского коньяка. Даже на расстоянии я ощутила, как напрягся каждый мускул его тела, и по кабинету словно пролетел северный ветер. Он не ответил, и у меня внутри что-то оборвалось. Когда холодное стекло бокала коснулось моих пальцев, я сделала над собой усилие и заговорила снова. Теперь мой голос дрожал и сбивался, а глаза не желали подниматься выше уровня его груди.

— Он ни при чем. Ты бы на его месте сделал то же самое, но ведь и сам это знаешь. Позволь ему вернуться. Он много сил вложил в этот клуб, и в подготовке мероприятия куда больше его усилий, чем моих и Ники. Если я принимаю добровольно твои условия, он уже не посмеет вмешаться. Никакого саботажа с моей стороны не будет, иначе это ударит по нам обоим. Прошу тебя.

— Да вы просто сговорились сегодня, — прозвучало как шутка. Я робко подняла глаза, но Дима не улыбался. Оттенок светлого кофе наливался чернотой, и ее осязаемые щупальца готовы были сомкнуться на моем сердце.

— Ты отдаешь себе отчет в своих собственных словах? Ты понимаешь, на что соглашаешься?

— Ты забыл, кем был мой покойный муж. Я прекрасно знаю, что ошейники не для измерения пульса при ходьбе.

— Мне не нужен альтруизм ради близких, Юля. — Упоминание Алекса было излишним, я поняла это по возросшему напряжению в диалоге. — Ты понимаешь, что будешь полностью принадлежать мне? 24 часа, семь дней в неделю, если я этого потребую! Тебе придется мириться с тем, что на людях мы не будем демонстрировать нашу связь, но наедине переключаться по щелчку моих пальцев! Ты все еще хочешь такой ценой вернуть работу человеку, у которого есть свой бизнес и который может заработать гораздо больше? У тебя хватит выдержки прятать свои эмоции, не всегда положительные, глубоко под кожу и таким образом не давать ему повода вступать со мной в конфронтацию?

Теплый коньяк обжег гортань, разливая по телу расслабляющее тепло, которое погасило дрожь ужаса от описанных перспектив. Я безумно устала. В этот момент я готова была пообещать что угодно, потому что без Штейра ощущала себя практически голой. Ответить не смогла, только часто закивала.

— Хорошо, мы обсудим это после вечера. Я умею быть великодушным и в плане работы с тобой солидарен. К тому же у тебя будет время подумать и морально подготовиться. Единственная просьба: не нужно в омут головой, рассчитывай свои силы. Так мы избежим многих неприятных последствий. Согласна?

Я кивнула, совсем не ощущая собственной победы. Мир рушился, а я готова была шагнуть с головой в добровольное рабство. Вспомнила наш поход в Ленкин спа в понедельник — за кофе с восточными сладостями девчонки ударились в фантазии и детальный анализ того, что же им мешает раскрыть потенциал нижней сущности в полную силу. Сошлись на том, что было бы гораздо проще, если бы им не оставили выбора. Тогда я не принимала участия в дискуссии, а сейчас мне хотелось закричать и выбить из их очаровательных головок подобные фантазии. Когда они становятся реальностью, это совсем не так волнующе и круто, как представляется вначале. Это удар прямо в сердце без малейшего эротического подтекста. Тебя свергли до уровня вещи, бездушной куклы, и это не закончится по завершении сессии. Даже если на людях ты будешь негласной королевой, сама никогда этого не ощутишь, потому что день сменит вечер, и тебе напомнят, кто ты и где твое место. Да, скорее всего, ты будешь получать удовольствие, возможно, по ощущениям оно будет на порядок сильнее того, к которому ты привыкла, но эти манипуляции однажды убьют твою личность, не оставив никакого выбора, кроме одного: забыть напрочь о своем достоинстве и положенных тебе от рождения правах и жить инстинктами, потому что это единственное, что тебе оставят. Природа не терпит отсутствия равновесия. Как скоро ты сойдешь с ума от этой изощренной ломки личности?

Я сделала быстрый глоток из бокала и отправила в очередной нокаут безрадостные мысли. Сейчас я ослаблена и почти готова. Завтра будет новый день, и, возможно, новый выход.

— Тебя что-то беспокоит?

Я знала, что он хотел услышать в ответ. Я помнила, какую подпитку ему дарят мои эмоции. Пока что я не была сломлена окончательно, чтобы по завуалированному требованию отдать ему то, что он хотел получить.

— Мероприятие. Все это для меня впервые.

— Ни о чем не думай и наслаждайся вечером. — Я отняла ладонь, которую начали поглаживать его пальцы и села в кресло. Лавров ощутил, как я закрылась, но демонстрировать недовольство или сожаление не стал. Сделал несколько комплиментов моему выбору платья и прически, пытаясь разрядить обстановку, и зачем-то начал рассказывать о законопроекте, который вызвал в горсовете много споров. Хотя я и была далека от политики, выслушала с интересом и даже колко заметила, что снижение налогов на транспортные средства прошлого года выпуска поставит под удар автобизнес некоторых депутатов.

— Ты самый опасный представитель электората, — рассмеялся Лавров. — Мало кто настолько хорошо просчитывает последствия. Буду рад сыграть с тобой шахматную партию.

Когда мы поднялись в зал для проведения торгов, я практически успокоилась. У Никеи оказалось забавное чувство юмора: два кресла, похожих на королевские троны, возвышались по центру зала. Все, как я предполагала: королева на публике и бесправная вещь за железными замками. Помещение заполнялось людьми, и я почувствовала себя некомфортно при скоплении народа, особенно с учетом того, что здесь преобладали мужчины-доминанты. Процент мужчин-сабмиссивов всегда был несколько ниже, и мало кто из них здесь сегодня присутствовал. Я извинилась перед Власенко и Маховиковым, которые готовы были сцепиться за мое внимание и ускользнула за кулисы проверить, как обстояли дела у наших очаровательных лотов. Комната подготовки напоминала модельное агенство, девчонки, облаченные в туники из белого шелка, завершали макияж и шумно переговаривались. Никея

развалилась в кресле, уместив длинные ноги в латексных ботфортах на спине своего эффектного саба, и лениво листала журнал, не принимая участия в разговоре.

— Ситуация под контролем, — двусмысленно пояснила она. Ее улыбка была дружелюбной, и я тепло улыбнулась в ответ. Рианна щелкнула стайлером, выпрямив челку, и обернулась в мою сторону, намереваясь что-то сказать. Я подошла ближе, кивнув в знак приветствия девчонкам. Некоторые выглядели взволнованными, другие, наоборот, рвались на помост, нетерпеливо поглядывая на часы.

— Что случилось? — я отвела приму-сабу в сторону, где нас никто не мог услышать. Бросив быстрый взгляд на поглощенную чтением Никею, девушка перешла на шепот:

— Меня беспокоят приглашенные. Они не члены клуба, это особые гости нашего господина мэра. Один из них пытался схватить меня за грудь, другой заявил, что я обязана отсосать. Слава богу, Инквизитор вмешался.

Меня укололо нехорошим предчувствием. О посторонних я ничего не знала. Тем не менее ободряюще улыбнулась Рианне.

— Не стоит переживать. Будь уверена, с ними провели беседу и пояснили правила приличия, такое с новичками, к сожалению, случается. Ты со своей внешностью и эмоциональностью даже священника с ума сведешь.

— Чур меня. Почитай “Сирену” Райз на досуге, по поводу представителей церкви, будешь удивлена. — Рианна при всей своей невозмутимости была тщеславна, мои слова ее успокоили. Я пообещала ознакомиться с озвученным произведением, убедилась, что девчонки готовы к началу торгов, особо взволнованных приободрила теплым словом и вернулась в зал. На выходе меня задел плечом Спайдер.

— Первая леди промахнулась с ожерельем, — заметил он, скользнув надменным взглядом по моей фигуре. — Или у нас избранным сабам дресс-код не писан?

— Открывайте свой клуб и устанавливайте официальным костюмом хоть форму третьего рейха, — ласково огрызнулась я, подумав о том, что подобный клиент мне не нужен. Если у него не хватает элементарного уважения к установленным правилам, пусть катится к представителям аббревиатуры НКСС. Я села в кресло рядом с Лавровым и устремила взгляд на сцену. Представление началось с танца, поставленного приглашенным хореографом — девушки извивались в декоративных клетках, разжигая толпу. Смотрелось горячо. Мой взгляд сразу вычислил в толпе тех посторонних, о которых говорила Рианна. Не заметить их было сложно: они улюлюкали и позволяли себе скабрёзные замечания в адрес танцующих девушек. Один едва умещался в кресле, другой был похож на киношного Драко Малфоя выражением подлого презрения на вытянутом лице. Я усомнилась, есть ли ему двадцать лет. Зрители не смогли их унять, но у меня отлегло от сердца, когда Власенко, беседующий с другим домом, на миг прервал свой разговор, подошел к ним и что-то тихо сказал. Почему не пошевелился Лавров, осталось для меня загадкой.

Когда ведущий объявил о начале торгов, зал оживился. На сцену поднялись зрители, и вскоре один из них вывел на помост Аннету, накрутив на кулак черную ленту, другой край которой был обмотан вокруг ее запястья. Судьба первого лота была предрешена изначально, но девушка хорошо играла свою роль: когда свет прожектора упал на ее фигуру, показательно дернулась и попыталась отступить в тень, но зритель толкнул ее в спину, направляя к столбу с кольцами. Ее личико казалось испуганным, накачанное коллагеном губы дрожали, но глаза улыбались, когда она бросила на своего мастера быстрый взгляд. Заметила только я.

Первые ставки начались с довольно весомых сумм. Власенко лениво удвоил озвученные, отсалютовав бокалом доминанту Аннеты. Тот позволил подняться еще трем табличкам, после чего решительно озвучил свою сумму. Ее не поднимали скорее всего не потому, что изначально договорились, а в предвкушении последующего шоу. Продано. Дом укрыл счастливую сабочку пледом и они покинули зал, направляясь в комнату игр. Аннета выглядела настолько возбужденной и счастливой, что я ощутила нечто сродни зависти. Их пара была настоящим союзом двух любящих людей уже на протяжении двух лет. Следующая саба тоже находилась в лайфстайле с Джошем, который появлялся довольно редко — схема повторилась. Правда, сорвать высокую ставку не удалось, потому как он не позволил торгу затянуться.

За Шаки разгорелась более ожесточенная борьба. Мисс уязвимость клуба одним взмахом своих ресниц активировала в присутствующих мужчинах инстинкты завоевателей и защитников одновременно. Когда зритель щелкнул кнутом, она задрожала и зажмурилась. Этого оказалось достаточно, чтобы один из вип-клиентов припечатал публику поистине королевской ставкой и поспешил увести дрожащую прелестницу прочь. От меня не укрылось, что девчонка была приятно ошеломлена новообретенным хозяином. Кнопка волновалась, поэтому зажечь толпу не смогла — вяло реагировала на команды зрителей и не проявила ни малейших эмоций. Но покупатель, седовласый мужчина, выглядел довольным. На седьмом лоте я потеряла интерес к происходящему — три девчонки находились в отношениях и исход торга был предсказуемым. Алекса устроила потрясающее шоу, извиваясь у столба и закатывая глазки, от этого чувственного артобстрела я ощутила, как подзабытое желание разлилось по крови, ускорив бег сердца и сняв напряжение мышц. Интимный полумрак зала, градус возбуждения и азарта просто не смог оставить меня равнодушной. Когда рука Лаврова сжала мою ладонь, я непроизвольно вздрогнула и прикусила губы, почувствовав накат жаркого цунами. Сладкая пульсация зародилась между сжатых ног, напрягшиеся соски завибрировали от прикосновения шелка, и я встретила его потемневший взгляд без смущения и опасения. Сущность не обмануть. Она потянулась навстречу мужчине, чей диктат давно стал током в моих проводах, отозвалась на его прикосновение рождением горячего вождения, сжегшим дотла барьеры между прошлым и настоящим. Мое желание расцвело лепестками кофейной тьмы с алыми проблесками, до безумия захотелось прижаться к его груди и просто покинуть эту временную плоскость, унести подальше от ликующей толпы, которая была недостойна сейчас греться в лучах маленькой, но такой яркой звезды.

Если бы он сейчас приказал следовать за ним, я бы сделала это не задумываясь. Меня бы не остановили какие-то абстрактные правила приличия и гостеприимства, неоднозначность наших запутанных отношений и вероятность сожаления, которое впоследствии убьет наповал. Когда его пальцы коснулись моей щеки, я готова был в буквальном смысле об этом попросить. Я еще не знала, что совсем скоро пожалею о проявленном малодушии и так некстати проснувшейся гордости. Но жестокость не прошла бесследно. В памяти всплыли его угрозы, насилие, боль. Этого оказалось достаточно, чтобы я сняла его ладонь со скулы и повернулась к сцене, давая понять, что это единственное, что меня сейчас интересует.

Остальные выходы показались мне скучными. Залу, впрочем, тоже, поэтому финал первого акта закрыла Рианна. Лучшая из сабмиссивов клуба произвела фурор, впрочем, этого следовало ожидать. За самую экстравагантную и желанную сабу разгорелись нешуточные

багалии, уже на десятой минуте я тихо офигевала от озвученных ставок. Часть вырученных средств пойдет также в мой фонд больных лейкемией. Еще трое деток только что умножили свои шансы на исцеление, очередь на пересадку костного мозга сократилась моментально. Власенко быстро выбыл из торга по собственной инициативе, но Маховиков держался до последнего, вдохновленный нежным взглядом первой красавицы. Я уже мысленно радовалась за Рианну и Инквизитора — между ними вспыхнула самая настоящая страсть, поэтому разочарованно простонала, когда самый неадекватный посетитель быстро перебил эту ставку. Маховиков занервничал и принялся кому-то звонить, но правила были неумолимы. Я бросила на Лаврова вопросительный взгляд, когда грузный мужчина поднялся во весь рост. На его багровом лице расплылась похабная улыбка.

— Ну, ползи сюда, собственность! — оплачивая лот кредиткой на переносном терминале, пробасил он и гадко захихикал. Рианна изменилась в лице, бросив беглый испуганный взгляд в нашу сторону, и неуверенно сделала несколько шагов. Я была почти уверена, что Лавров вмешается, но он наблюдал за происходящим с довольной улыбкой. В тот момент я поняла, что он прекрасно знает покупателя Рианны, и тот здесь сегодня по его приглашению. Более того. Только что мне показали нечто большее, чем акт купли-продажи женщины, которая ни с кем в отношениях не состояла. С какой целью? Кажется, я начинала это понимать. Все — иллюзия, это наше шаткое перемирие! Сегодня меня хотели сломать, не применяя непосредственного насилия!

— Чего ты жмешься, сука? — Рианна изменилась в лице, но гордо расправила плечи и спустилась вниз. Никея поднялась со своего места:

— Волк, соблюдайте правила приличия. Вам предстоит ознакомиться с анкетой вашей очаровательной спутницы, но вы были предупреждены, что вербальные оскорбления относятся к списку недопустимых воздействий.

— Какие недопустимые? Я отстегнул шестьдесят штук, чтобы вздохнуть при луне? — Мужчина скрестил руки на груди, оглядев зал с выражением полного пренебрежения. — За такие деньги ты не сможешь мне помешать, даже если я потребую публичный отсос! И эта рабыня будет мне ставить условия?

Никея повернулась в нашу сторону и красноречиво посмотрела на Лаврова. Наверное, наши с ней взгляды в тот момент были зеркально похожими. Судя по его невозмутимому виду, ничего экстраординарного как раз не происходило. Кратковременная эйфория растаяла без следа, я ощутила что-то похожее на тошноту от бездействия главного человека в зале. Тот, кого Ника назвала Волком, сейчас листал анкету Рианны, и его красное лицо становилось багровым прямо на глазах.

— Это что за х. ня? — вмешался Драко Малфой. — Мы что, пришли в пансион благородных девиц? Я должен выбрасывать бабки только для того, чтобы подержать этих сучек за руку?

Власенко и его собеседник прервали разговор, заслонив собой возмущающуюся пару. Я разбирала только отдельные слова, потому что олигарх не повышал голос, что-то спокойно, но твердо растолковывал нарушителю спокойствия. Я вздрогнула, когда Спайдер вышел на середину зала и начал задумчиво разглядывать меня, что-то прикидывая в уме. Никея попыталась протиснуться к спорящим гостям, и только после этого Лавров неохотно поднялся и спустился вниз. Рианна осторожно проскользнула за спинами спорщиков и присела на край дивана.

— Есть правила, которые обязательны к соблюдению, и они вам прекрасно известны, —

заговорил Лавров. — Я настоятельно рекомендовал вам ознакомиться с ними перед началом аукциона, но, судя по всему, вы решили проигнорировать мой совет.

— Правила? Почему я узнаю только сейчас о том, что у меня нет права отыметь мою суку? Что за ограничение на секс, я похож на дрочера?

Аритмия сжала мое сердце стальной хваткой. На миг я потеряла нить их разговора. Черт возьми, еще семь лотов и второй акт. Толпа получила хлеба и зрелищ с выходом Рианны и поняла, что больше их не ждет ничего захватывающего. Почему ее вывели в этом акте, если главный бриллиант программы должен был засверкать в финале? Я вздрогнула от визгливого крика молодого, но уже неадекватного подражателя Малфоя:

— Вы обещали нам праздник плоти! А я тут готов уснуть со скуки!

— Правила таковы, что...

— У вас е. нутые правила!

Спайдер осторожно увлек возмущенного толстяка в сторону и принялся что-то ему говорить, указывая на блондинку, сидевшую у ног Маховикова, который не сводил взгляда с Рианны, а потом на симпатичного саба Nikei, который замер на коленях у кресла, ожидая возвращения своей госпожи. Меня ударило предчувствием надвигающейся угрозы, я выпрямилась и посмотрела на дверь. Мне захотелось выйти на свежий воздух и не наблюдать за скандалом, не слушать трехэтажные маты залетных гостей вечера. Если я сейчас потихоньку исчезну и уеду домой, мало кто это заметит. Борис уже отвез Владу и вернулся. Я лишь формальная хозяйка вечера, если Лавров решил поразить своих знакомых толстосумов вечеринкой для избранных, пусть сам несет ответственность за их неадекватное поведение и разруливает ситуацию. Я встала и огляделась, чтобы узнать, куда смотритель отнес мой жакет. И вот тогда грянул гром.

— Мне только что сообщили, что имеет место вопиющее нарушение правил, — взгляд Волка прошелся по мне, ощупывая, раздевая и предвкушая. От испуга я забыла как дышать. Надо было бежать, но ноги словно приросли к полу. — Вы сказали, что в зале присутствуют двое с... самбисивов, — исковеркал определение и не придавал этому ни малейшего значения, — кроме тех, кто выставлен на торги. Но как мне предельно ясно пояснили, тут их несколько больше, но они по какой-то причине не соблюдают установленные правила.

Лавров стоял ко мне спиной, зато взгляды всех остальных, как по команде, устремились ко мне. Спайдер противно улыбнулся и ткнул в меня пальцем:

— Одна сидит на троне, а не у ног своего хозяина. Стало быть, она бесхозная? Но вот незадача, на ней нет белого ошейника!

Власенко поспешно выступил вперед. Его голос сменил тональность от негодования:

— Ты оскорбляешь владелицу клуба и хозяйку вечера. Немедленно извинись и держи свои умозаключения при себе!

— Я такой же член клуба, как и ты! Здесь твои активы не дают никакого права затыкать мне рот. И почему я должен молчать о нарушении правил? Или вдова Кравицкого у нас теперь домина? Насколько я помню, она особо не скрывала своего позиционирования! Никому не интересно посмотреть, насколько хорошо ее в свое время выдрессировал Анубис? — Спайдер так и не простил мне Владу. Это была последняя здравая мысль перед тем, как тьма взорвалась острыми осколками. Волк повернулся к Лаврову:

— Если я промахнулся с той куклой, хочу забрать эту. Ставка сохраняется. Правильно я понял, что в отношении нарушителей не действуют ограничения по этим спискам?

Зал поплыл перед моими глазами, сердце пропустило оглушающий удар, выбив приступ

крупной дрожи. Я уже не видела, как Дима сорвался с места, словно хищник в смертоносном прыжке:

— Ты что, твою мать, только что сказал?

— Это ваши правила, господин мэр, и ваш гость всего-навсего их озвучил. Саба нарушила правила, а мы все знаем, какое наказание за это полагается! Или вы приводите его в исполнение, или позволяете нарушать другие! — умом я понимала, что дни Спайдера в клубе сочтены, но это сейчас не меняло скоростного приближения бездны. Ноги больше не держали меня. Я сползла по креслу вниз, потеряв в который раз чувство реальности перед лицом надвигающейся катастрофы. По сравнению с ней все удары Димы казались школьным подергиванием за косички. Иногда до меня доносился голос Власенко и другие голоса. Большинство встало на мою защиту. Остальные не нападали, но и не вмешивались, предвкушая шоу. Я вздрогнула, когда ладонь смутно знакомого дома опустилась мне на плечо и приняла от него стакан с водой. Он единственный заметил, что мне стало плохо. Крики звучали громче, от угроз Лаврова сдавливало виски. Кто-то вспомнил, что наказание за нарушение правил предусматривает альтернативной мерой определенное количество ударов кнутом, я только чудом не взвыла, когда шаги раздались в опасной близости — перед глазами плясала черная пелена.

— Я сам ей всыплю в таком случае!..

— Ваш уровень владения плетью не позволяет вам осуществлять наказания...

— В уставе не оговорено, что ее должны наказывать публично!

— Я потратил свое время и не собираюсь уходить, не получив удовольствия...

— Вы с ума сошли? Вы не видите, что девчонке плохо?

— Юля! Юля, открой глаза и дай мне руку! — женский голос взрезал тишину. Я узнала Никею не по голосу, а по тонкому аромату духов. Где-то за кадром остался крик Лаврова, который обещал кому-то перекрыть кислород в этом городе и закатать в асфальт. Ноги меня не держали, но я позволила Нике увлечь меня вниз, в зал. Смотрители испуганно расступились перед нами. В этой ситуации они не понимали, что именно должны делать, смотрели то на меня, то на Лаврова, то друг на друга, не в состоянии разрешить диллему.

— Замолчите все! — От спокойного, но поражающего своей властностью голоса альфа-домины разговоры моментально смолкли. — Организатор мероприятия сам уполномочен утверждать меру наказания! Поскольку мое владение ударными девайсами превосходит ваши навыки в десятки раз, это сделаю я! Есть возражения?

Ее волосы щекотали мне скулу, когда она наклонилась к моему уху:

— Тише, дыши, никто не тронет тебя пальцем. Ты мне веришь? Просто подыграй мне, иначе эти уроды разнесут клуб к чертовой матери...

Яркий свет ослепил глаза, и я с трудом различила покрытие подиума. Мы незаметно перешли на сцену. Паника прорвала плотину шока и я, не соображая, где нахожусь и что последует дальше, забилась в руках Ники, даже не задумываясь о том, что причиняю ей боль. Сквозь крики толпы я смогла расслышать ее успокаивающий шепот:

— Просто подыграй, я ничего с тобой не сделаю. Успокойся, мы сейчас уйдем отсюда. Просто сожми кольца и не отпускай, я не буду затягивать ленты. Слышишь меня?

Я была не в состоянии адекватно реагировать, только закричала, когда она сжала мои запястья и подняла над головой, загибая мои пальцы так, чтобы обхватить кольца. Истерика не получила продолжения исключительно потому, что ее голос обволакивал и успокаивал. Я поверила ей безоговорочно. Ленты всего лишь обернули мои красивые браслеты, но со

стороны явно казалось, что я плотно зафиксирована.

— Грей, сядь, твою мать, на место или уйми своих гопников! — я не разобрала, что сказал Дима, лишь непроизвольно отшатнулась, вжимаясь в столб, когда он попытался обнять меня. — Ты уже достаточно сделал своими изменениями сценария! — Ника не церемонилась. Я запрокинула голову, ощутив, как слезы хлынули из глаз. Рано или поздно это должно было случиться. Мужчина, который был готов перевернуть свой мир и перейти на сторону тьмы за право обладать мной, сейчас сыпал пустыми угрозами вместо того, чтобы просто увести меня из этого вертепа или хотя бы твердо стукнуть кулаком по столу с заявлением: она моя, и правила для нее действуют исключительно мои! Что заставило его привести сюда двух неадекватов? Жажда наживы? Благие побуждения? Желание похвастаться своими владениями? Мне было все равно. Потому что существовала вероятность того, что он сам выступил режиссером этого нечеловеческого сценария ломки личности. Что могло быть проще? Он показал мне перспективы. Я либо соглашаюсь на его условия, либо отбиваю атаки этой своры самостоятельно, или, что вполне ожидаемо, падаю к его ногам, умоляя защитить. Я задрожала от удара кнута по деревянному настилу — этот звук вызывал неконтролируемый ужас, несмотря на то, что Ника не собиралась причинять мне боль. Глухие крики едва проникали в помрачившееся сознание:

— Оголи ей грудь! Что за детский сад?

— Приведи ее в чувство, она что, уснула?

Один голос принадлежал Спайдеру, другой Волку. Мягкие женские пальцы сжали мой подбородок.

— Тише, замри и постарайся не шевелиться, — прошептала Ника, поворачивая мое лицо из стороны в сторону, мягко приподнимая мое правое веко. — Доверься мне, ничего не будет. — Ее руки прошлись по моим ребрам, затем по запястьям, надавливая на точку пульса. Что-то, предположительно кнут, ударило о пол с глухим стуком.

— Принесите плед! — громко сказала Ника, осторожно разжимая мои пальцы на кольцах. По залу пробежал ропот растерянности и возмущения. — Я не собираюсь проводить наказание. Она оцепенела. В этом клубе в приоритете три основных правила, Безопасность, Разумность и Добровольность! Если вам на это наплевать, ваше членство будет аннулировано в сию же минуту. Есть возражения?

Я буквально повисла на плече Ники, вцепившись в ее жакет дрожащими пальцами. Запротестовала, когда кто-то подхватил меня на руки, но это оказался саб единственной здесь домины. Его светлые глаза смотрели с пониманием, сопереживанием и едва сдерживаемым негодованием. Если бы не позиционирование и правила протокола, он мог бы разбить нос не только зачинщикам беспредела. Я умостила голову на его плече, не испытывая ни малейшего дискомфорта от прикосновения к голой коже.

— Юля! Юля, что с тобой? — я вжалась в плечо парня и зажмурилась. Я не хотела ни видеть, ни слышать Диму в этот момент. Ника практически оттолкнула его в сторону, а я осторожно открыла глаза. Власенко, Маховиков, еще несколько малознакомых членов клуба суетились вокруг, их беспокойство накрыло меня плотным куполом. Тот, кто поил меня водой, ободряюще погладил по лбу и передал Никее упаковку таблеток, заверив в том, что она спокойно может отлучиться, они разберутся с ситуацией. Я еще не окончательно пришла в себя, но голос Рианны привлек внимание:

— Я пользуюсь своим правом форс-мажора. Ставка шестьдесят пять тысяч. Я покупаю освобождение от основных обязанностей!

— Я готов внести требуемую сумму! — На лице Маховикова засияла счастливая улыбка.

Рианна соблазнительно рассмеялась:

— Право, вам не стоит, я могу себе это позволить...

— Я настаиваю, — безапелляционно припечатал золотой мальчик.

Я проводила окрыленного Инквизитора взглядом, именно это неожиданное предложение Рианны не позволило мне сойти с ума и забиться в истерике. Я всегда переживала за благополучие других гораздо больше, чем за свое собственное. Снова закрыла глаза, ощущая слабые толчки, когда саб Ники спускался по ступеням, крепко удерживая меня своими сильными руками. Большинство комнат уже были задействованы, но одна из классических пустовала. Когда меня осторожно усадили на диван, я ощутила смертельный холод и стянула плед на груди, поджав под себя ноги.

— Госпожа? — мой носильщик попытался было скользнуть на колени, но Ника остановила его легким жестом.

— Антон, расслабься временно. Принеси ей сладкого чая и двести граммов коньяка. — Она дождалась, когда за ним закрылась дверь, и устало опустилась рядом на диван, поправив плед, обнаживший мои ноги. — Юля, ты как?

— Знобит... и тошнит, кажется. — Эта женщина не представляла сейчас для меня ни малейшей угрозы, наоборот, ей удалось соткать уникальную зону комфорта, не перешагивая черту моего личного пространства.

— Это реакция на стресс. Просто физический дроп, пройдет очень скоро.

Повисла тишина. Антон вернулся с чашкой чая и бутылкой коньяка, зажатой под мышкой — в другой руке он нес два бокала. Не дожидаясь распоряжения своей хозяйки, наполнил оба. На колени становиться не стал, замер рельефной античной статуей. Ника устало махнула рукой.

— Антон, спустись в бар, попей кофе. Только никуда не уходи, — в ее голосе прозвучали нотки нежности, которую я в ней даже не подозревала. Какое бы равнодушие ни демонстрировала стальная леди на людях, у них была потрясающая эмоциональная связь. Тепло ее расположения даже передалось мне вместе с первым глотком сладкого фруктового чая. Когда ожившая картинка мужского глянца покинула нас, Ника протянула мне бокал, предусмотрительно отобрав горячую термочашку. Я выпила коньяк в несколько быстрых глотков, непроизвольно скривившись от горького послевкусия.

— Сколько в тебе силы, я никогда прежде не встречала ничего подобного, так много несовместимого и в то же время комфортно уживающегося в одном человеке, — задумчиво произнесла женщина, которую я на протяжении семи лет тихо ненавидела. — Жизнь Анубиса оборвалась в расцвете лет, но теперь я более чем уверена, что он был безмерно счастлив. Пожалуй, даже больше, чем с Валерией в свое время.

— Это вряд ли можно назвать силой, — я давно перестала считать себя такой. — Моих сил уже не осталось. Я смертельно устала терпеть его удары. Кажется, это был последний.

— Еще совсем недавно мне просто хотелось тряхнуть тебя за плечи и спросить, почему ты позволяешь так с собой обращаться, — Ника отобрала у меня пустой бокал. — Разговор со Штейром прояснил многое. Я никогда не вмешиваюсь не в свое дело, но сейчас мне кажется, что ситуация вышла из-под контроля. Я знаю, как много значил этот клуб для Александра, но такого он точно не хотел для тебя. Ты не должна это терпеть, прикрываясь исключительно чувством долга.

— Завещание неумолимо, к сожалению.

— Ты не пытаешься его оспорить. Я знаю, что ты считаешь это провальной затеей, особенно с учетом Димкиного положения в обществе. Если ты согласишься, я постараюсь тебе помочь. Семейный юрист будет соблюдать интересы Анубиса и утверждать, что затея изначально провальная. Тебе нужен независимый эксперт. Насколько мне известно, тебя держит только Сашкина воля. Никаких дополнительных штрафных санкций нет.

— Мне всегда казалось, что этого достаточно.

— Но не такой ценой. Власть сорвала Лаврову крышу.

— О, я заметила. — Пришлось сделать глоток горячего чая, чтобы воспоминания не ударили по сознанию всей своей огневой артиллерией. — И я так и не поблагодарила тебя за то, что ты сломала его планы.

— Он не виноват в том, что случилось. Он сам испугался до потери пульса.

— Не виноват?

— Во всяком случае, он этого не планировал. Да, я знаю, как это выглядит, но этот человек не привык делиться тем, что считает исключительно своим, как и выставлять это на обозрение. Я его никогда таким не видела, мне вообще казалось, что там начнутся бои без правил.

— Мне все равно, это произошло, и он не выполнил своих обязательств, — я прислушалась к себе и поняла, что мой мир окончательно не рухнул. Трэш последних недель так часто повторялся, что стал практически рутинной. Рассудок не успел ослабеть от осознания последнего удара, потому что сейчас его настиг новый. Похоже, этот тоже временно поселился в бункере под замками как минимум на сутки. Сознание боролось, но я слабела. Вполне возможно, что нового удара уже не переживу. Как мне хотелось, чтобы все это закончилось! Казалось, такая малость — просто закрыть глаза и позволить этому одержимому демону рвать меня на части. В этом растерзании тоже можно найти удовольствие. По крайней мере мое тело его не отталкивало, скорее, даже жаждало.

— Этой ситуации могло бы не быть, если бы ты не была одна, — Никея вновь наполнила бокалы. Во время стресса меня не брал даже крепкий алкоголь, и ей откуда-то было об этом известно. — Твой выбор не ограничивается Лавровым. Я сегодня сама была поражена, сколько желающих было принять тебя под свое крыло. Такой фурор не снился даже Рианне.

Я ощутила, что улыбаюсь. Сейчас мозг отказывался об этом думать, но я пообещала себе рассмотреть открывающиеся перспективы завтра.

«Если завтра для тебя наступит. Если отходняк не переломит тебе хребет...»

Внутренний голос, пошел к черту.

— Я удивлена, что ты мне помогаешь, — призналась я. — Мы никогда не были близки.

— Знаешь, мне обычно плевать на людей. Но, как оказалось, не на всех. Однажды я оказалась в эпицентре бандитских разборок. Конец лихих девяностых. С малым на руках и сетью киосков. Как ты думаешь, что позволило мне выстоять? Даю подсказку, с покровительством вышестоящих лиц это не было связано. Именно выстоять, а не пригреться под крылом?

— Боюсь, мне сейчас не до разгадывания ребусов, Ника.

— Моему сыну было два года. Каждый раз, возвращаясь домой, я понимала, что он чувствует, как мне тяжело и страдает от этого гораздо сильнее. Детки чувствуют нас очень хорошо. Их не обмануть показным равнодушием. Ради того, чтобы забрать его боль и дарить только положительные эмоции, я была готова на все. Вцепиться в глотку. Припереться на

стрелку с одной только стальной «бабочкой» в кармане. Остаться наедине с главным и пояснить ему без униженного лепета, почему я не собираюсь отдавать свой бизнес. И чтобы ты понимала, я никогда не была очень смелой. Ради своего ребенка я пойду по битому стеклу. А ты просто подумай о Еве. Девочка, которая с детства ловит состояние жертвы насилия.

Я не знаю, как я не расплакалась на этих словах. Может, меня придавило бесконтрольной нежностью и пониманием. По крайней мере, к появлению Лаврова я уже успела прийти в себя и не испытывала желания спрятаться и разрыдаться...

Глава 21

Ника отвела его в сторону, но я не слышала, о чем они говорили. Скорее всего, о последствиях неудавшейся вечеринки. Я не испытывала ни капли ужаса или боли. На что это было похоже? Апатия? Холодная решимость? Скорее всего, в свете последних событий необходимость стоять перед ним на коленях больше не казалась унижительной и ломающей психику. Когда-то мне это даже нравилось. Сейчас же я просто закрыла глаза, не пытаясь вслушаться в их разговор и старательно сдерживала слезы. Лавров был бы удивлен и наверняка расстроен, если бы узнал, что не он стал их причиной. Мой рассудок все же сдвинулся со своей орбиты. Я видела перед собой глаза Александра, в которых медленно таяли искры грусти. Мне хотелось закричать, обвинить во всем его, но я только глотала слезы, понимая, что он один мог бы меня спасти от этого ужаса. Мог бы, если бы был жив. Сейчас его астральной проекции было недостаточно, чтобы спрятать меня и укрыть собой. Я была разбита и ослаблена. Настолько, что прямо сейчас была готова согласиться на что угодно в обмен на заверение в том, что повторения кошмара получасовой давности больше не будет.

Я едва слышала, как Никея попрощалась. Сейчас я ощущала только его присутствие. Поломанная, но окончательно не сломленная, желающая сбежать в свой замкнутый мир и отчаянно державшаяся в этом ради дочери. Когда его осторожные шаги замерли рядом, я открыла глаза, продолжая созерцать пустоту и избегая его взгляда. Пальцы мужчины настойчиво потянули отворот пледа, и я позволила раскрыть меня, не протестуя и не возражая. Когда же они переместились на мое лицо ласкающим поглаживанием, я замкнулась в себе, не позволяя обманчивой нежности вызвать поток несдерживаемых рыданий.

— Я в порядке, Дима.

Ключья разорванной вселенной оседали у моих ног. Никогда не думала, что я приму ее угасание с таким спокойствием и подобием стойкости. Мне не нужна его фальшивая нежность сейчас. Я усвоила недавний урок. Слова Ники бьются о панцирь истерзанной сущности. Ева. Если я сейчас не в состоянии разрубить этот гордиев узел, то хотя бы выиграю время и наберусь сил на будущее.

— Значит, тебе не составит труда стать в позу покорности, пока мы будем разговаривать?

— Не составит. — Это действительно оказалось не сложно. Скользнуть холодными ладонями по скрипучей обивке кожаного дивана, рискуя разорвать платье, вздрогнуть от легкой боли в соприкоснувшихся с полом коленях и не мучиться выбором, куда же спрятать руки и скрыть дрожь в напряженных пальцах — просто произвольно уместить их поверх бедер. Отвести плечи назад грациозным движением, уже автоматически — так кажется, что ты расслабляешь напряженные позвонки, а не пытаешься выглядеть соблазнительно в глазах

своего тирана. О том, как я выглядела, я в тот момент совсем не думала. Его ладонь похозяйски легла на мое плечо, разворачивая к себе. Я сделала это, как и было положено, не вставая с колен и не протестуя. Сегодня победитель был только один, и любая попытка противостоять или возмутиться была обречена на провал.

— Я хочу, чтобы ты знала: я не планировал того, что произошло. Ситуация вышла из-под контроля. Я бы не позволил никому из них тебя обидеть.

Я кивнула. Не планировал так не планировал. Стал бы оправдываться, если бы это было спланированной акцией? Мне сейчас все равно. Даже если это и вправду случайность, я прекрасно поняла альтернативный вариант развития событий.

— Ты понимаешь, почему это произошло?

Я все понимала. Мне хотелось перечислить причины, загибая пальцы, но протокол требовал сохранения основной позы, если не было озвучено обратного.

— Я одна. Грубо говоря, бесхозная. Я нижняя. И я нарушила эти правила. Тебе не стоило ссориться с гостями, они правы. — А еще я не могу озвучить того, что думаю: ты решил похвастаться властью перед своими неадекватными приятелями, которым плевать на этику. Ты сам хотел, чтобы я с этим соприкоснулась.

— Юля, давай без излишнего трагизма и жалостливых эпитетов. Ты же сама не хочешь моей нежности...

— Это точно.

— Сколько бы я тебя ни качал на руках и ни кормил шоколадом, суть от этого не изменится. Ты знаешь, как я хочу быть с тобой. К сожалению, мои методы и желания останутся прежними!

— Я думала, ты просто хочешь. Обычно методы в таких случаях теряют свое значение...

Я безумно устала. Настолько, что пытаться разобраться в чужой одержимости сейчас было равносильно выстрелу в висок. Сконцентрировалась на черной коже его туфель и не понимала, почему все еще держу себя в руках, а не обнимаю его колени в безотчетном порыве, заливая модельные оксфорды своими слезами. Может, потому, что мне только что дали понять: я не получу ни капли ласки за свои горькие слезы. Мне придется ее теперь вымалывать иными способами... сгорать каждый день, теряя силы... какие силы? Их нет и больше не будет. Ты проиграла. Так хочется уснуть и не просыпаться, тебе не нужно сражаться против самой власти, воплощенной в его облики. Нет... тебе все еще мало! Тебе показали не все «прелести» этой раздавливающей тьмы. Ты все еще ждешь, сжавшись в спинку кресла пустого кинозала, рассыпая попкорн, что режиссер этого триллера все-таки оставил последние минуты фильма не на титры, а на хеппи-энд... Ты следишь за линией прокрутки и понимаешь, что обречена. Времени не остается даже на титры...

Он знает тебя настоящую. Уязвимую и опустошенную, готовую раствориться, рассыпаться на прозрачные капли вместе со слезами. Тебе не удастся выпустить эту боль таким образом — он не примет от тебя этот дар капитуляции, позволит ей вернуться обратно и уничтожать тебя снова и снова. До тех пор пока ты окончательно не упадешь к его ногам без возможности поднять голову... Минуты съедают невысказанные слова. У вас впереди часы этого убивающего молчания, целые дни и вечность — и впервые бессмертие кажется не божьим даром. Некуда отступить. Изначально неравный бой без права выстоять.

Я согласно киваю. Мне хочется закричать, срывая связки — но умолять не прекратить этот ужас, а просто не убивать нас неотвратимостью.

— Никто не будет об этом знать. Никто не посмеет даже посмотреть на тебя без моего

разрешения. Я никогда не сделаю тебе плохо! Просто согласись и оставь это в прошлом. Мы же оба устали от подобного.

Я устала, а он прав. Мне хочется ему поверить. Реальность утекает, как песок сквозь пальцы, я перестаю разбирать его слова.

— Ты всегда можешь со мной поговорить... я даже буду на этом настаивать. Я не допущу, чтобы ты страдала. Больше никогда...

Она рушится окончательно, моя вселенная, не выдержавшая такой атаки. Тяжелый металл. Хард-рок. Реквием по моей свободе. Сглатываю слезы, не понимая, почему в его голосе тревога... может, аккорды тяжелой музыки напугали его так же, как должны были меня? Я настолько убита и уничтожена, что даже не понимаю, что это был телефонный звонок, и он ведет разговор с собеседником, которого я не слышу. Мне знаком этот тщательно завуалированный испуг, волнение, растерянность и что-то еще...

— Вы куда смотрели? — этот голос может убить своим нулевым градусом, я знаю это как никто. — Меня не интересует, как это произошло. Ирина Константиновна, вы куда смотрели?

Что-то выдергивает меня из безрадостной мглы моего нового жизненного этапа. Не смогла нырнуть в его засасывающую пропасть? Не смогла удержать извечную женскую сущность, заложенную в генах необходимость согреть, успокоить, снять боль нежностью? Все равно как, даже если этот человек почти сломал твою жизнь?..

— Если с моим сыном что-то случится, вы...

Она вздрагивает последний раз, моя персональная бездна, перед тем как разжать свои душающие тиски и поглотить меня окончательно. Я не отдаю себе отчета в том, что делаю. Просто тянусь к его подрагивающим пальцам, и тьма расступается перед уставшими глазами, когда он буквально впивается в мою ладонь, а мне неуместной морзьянкой передается его дрожь, сообщая то, чему не должно быть места в мире этой боли и ненависти:

«Умоляю, держи меня крепче!..»

Мне некогда разбираться, что же это — игра сознания или ментальный крик о помощи. Я сжимаю пальцы, накрывая его руку второй ладонью, чувствую, как на поверхности кожи в месте соприкосновения пляшут согревающие искры, словно сшивая нас воедино через одно касание.

— Что произошло? — тепло в моем голосе согревает меня же саму. Я не осознаю, что делаю в этот момент. Я просто не смогла пройти мимо чужой боли. Пусть даже после меня уничтожат и раскатают по асфальту, сейчас это теряет свое первостепенное значение.

— Данил в больнице... Разбилось стекло... Потеря крови...

Мне достаточно. Я встаю с колен, забывая напрочь обо всем, что имело место быть всего лишь полчаса назад. Сознание не помнит, что я должна спросить на это разрешение.

— Поехали.

Таким мужчинам незнакома растерянность, но я не осознаю, что вижу именно ее. Улыбаюсь и не понимаю, что моя горячая ладонь ложится поверх его скулы:

— Едем. Все будет хорошо. Ты же мне веришь?..

Я не помню ничего. Мне даже все равно, что Лавров пытается непроизвольно закрыться, пока мы садимся в автомобиль. Ему простительно, а меня сейчас ничто не в состоянии выбить из колеи. Возможно, именно его растерянность — мой спасательный трос в этот момент. У меня два варианта — тонуть в собственной агонии дальше или немедленно переключиться на что-то иное. Примечательно, что мысль о том, что я таким участием и

сопереживанием пытаюсь заработать себе дивиденды и аннулировать адскую сделку, даже не приходит мне в голову. Мне все равно. Автомобиль несется через ночной город на предельной скорости, а я стучу по кнопкам телефона.

Няня давно уложила Еву в постель. Мне так хочется услышать мою малышку, но я прошу не будить ее. Сбрасываю звонок и не спешу расставаться с телефоном — если мои руки будут ничем не заняты, я не удержусь от желания вновь накрыть его ладонь своей. Стоит нам подъехать, как у Лаврова начинается явная паника. Что же, его трудно за это осуждать. Я могу остаться в автомобиле. Я могу вызвать Бориса и уехать домой. Почему же я просто уверенно иду следом, даже не заметив протянутой руки водителя, когда пытаюсь выйти из машины? Рассудок не подчиняется заданному шаблону. Сущность ангела-хранителя живет в каждом из нас, и нужна малость, чтобы она пробудилась, молчаливый призыв того, для кого сейчас одно твое прикосновение — весь мир. Меня не тащат и не подталкивают в спину, лишь ненавязчиво ведут за собой крепкие нити нашего ментального единения, которое не исчезнет уже никогда. Почти восемь лет, семь из которых я пребывала в полной уверенности, что его нет в живых, не разорвали этой тесной связи. Вряд ли ей найдут пояснение экстрасенсы и парапсихологи, она просто есть — пульсацией крови в моих сосудах, взлетами эйфории и провалами в моем сознании, поцелуями и ударами на моих щеках. Я слишком разбита и одновременно воодушевлена тем, что кому-то сейчас нужна — дополнительным дыханием, источником тепла и... об этом «и» я сейчас не могла думать. Прохладный ветерок обдал мои плечи, словно пытаюсь остановить, вернуть на землю или хотя бы запустить мои мысли в меркантильном направлении. Все было тщетно. Боль этого мужчины не была соизмерима с моей, но я все равно, словно мотылек в огонь, летела навстречу, готовая держать собственного тирана за руку до последнего. Я не знала, куда иду, мне не пришло в голову спрашивать дорогу у медперсонала клиники. Кажется, я просто чувствовала и знала наверняка, что именно происходит и где я найду Лаврова. Даже, оказавшись в широком холле предположительно пятого этажа медкомплекса, не удивилась, оглядываясь по сторонам. Когда я его заметила, не вздрогнула от страха, как ожидалось ранее; мои эмоции словно замерли, застыли в неведении, уступив дорогу импульсивности. Шагнула навстречу, не замечая любопытных взглядов медсестер, бесстрашно встретив его потемневший взгляд, в котором просто застыло отчаяние. Инстинкты все решили за меня, сейчас поглаживания и успокаивающие слова были неуместны.

— Меня пустят туда? Черт, приди уже в себя! Никто не умирает!

Я понятия не имела, что случилось с его сыном, кроме той информации в трех словах, которую он мне дал еще в клубе. Я бы повторила свои слова даже в том случае, если бы ситуация была предельно критической. Лавров был в глубокой растерянности. Наверняка еще до моего прихода успел довести до обморока докторов и медсестер одним своим взглядом и обещанием убить на месте, сейчас все аргументы временно закончились. Я повернулась в сторону процедурной, еще до конца не понимая, что именно делаю и зачем. Моя ненависть к этому человеку никуда не делась. Почему я пыталась сейчас что-то сделать, словно от этого зависела моя жизнь, и даже не думала о том, что это теоретически могло бы сгладить наши острые углы?

— Юля...

Я не обернулась. Просто замерла, испытав подобие раздражения оттого, что меня попытались остановить.

— Ты дрожишь. — Я только слегка удивилась, не более, когда его пиджак опустился на

мои плечи. Давать трактовку его поступкам мне сейчас не хотелось ни в коей мере. Эта ситуация дала мне второе дыхание и активировала скрытые резервы — наверное, последний оплот моей стрессоустойчивости. Я зашла в палату, предупреждая вытянув руку и сдвинув брови, когда женщина в белом халате и с усталым выражением лица попыталась перекрыть мне дорогу. Сперва она замолчала, потом посторонилась, позволяя мне пройти. Детский плач резанул барабанные перепонки, заставляя сердце сжаться от боли на короткий миг. Дети никогда ни в чем не виноваты и не могут быть в ответе за своих долбанувшихся в одержимости родителей. Больше ничего не имело значения, кроме боли этого маленького человечка. Я не понимала, что я делаю, просто перевела взгляд на доктора, который, судя по его выражению лица, терял остатки терпения.

— Что произошло?

— Не могу сделать укол... Мы так не извлечем осколки, — ответила вместо него молодая медсестра. Я повернулась к Данилу, заставив себя улыбнуться самой теплой из своих улыбок.

Видит бог, это было трудно. Полные боли и испуга глаза ребенка, два темных уголька, скользнули по мне настороженным взглядом. Я старалась не фиксировать внимание на кровоточащем плечике ближе к ключице — у меня не было уверенности, что я смогу удержать на лице невозмутимое выражение. Сердце пустилось в бешеный ритм при виде детских слез и покрасневшего личика.

— Привет, — я поймала его ладошку. Уже успели поставить капельницу, и я осторожно сжала маленькие пальчики. — А почему герой плачет? Что такое?

Дмитрий замер в дверях, и мне пришлось метнуть на него предупреждающий взгляд. Я не хотела, чтобы он приближался и пугал собственного сына выражением растерянности и отчаяния на лице. Данил перестал плакать и недоуменно уставился на меня, не понимая, кто я такая и почему с ним говорю. Наверняка он вообще меня не узнал.

— Осколки, наверное, вошли неглубоко, но извлекать лучше под местным наркозом, — вмешался доктор. Я кивнула, не разрывая зрительного контакта с Данилом. — Но мы не можем сделать укол, потому как он не хочет лежать спокойно.

— Я не хочу уколы! — мое сердце сжалось от полного боли вопля ребенка. Доктор едва сдерживал негодование. Конечно, я была наслышана о врачебном цинизме, но то, что он не попытался найти подход к маленькому пациенту, характеризовало его не лучшим образом. Этому Айболиту плевать было на комфорт ребенка, единственное, что его сейчас беспокоило — это присутствие влиятельного родителя, которого он явно побаивался. Данил не желал успокаиваться и рвался из рук, причиняя себе дополнительную боль резкими движениями. Мое сознание едва не поплыло при виде двух острых стеклянных сталактитов, впившихся в его тельце. На свитерке с трогательными тигрятами расплывалось кровавое пятно. Я могла только предположить, какую именно боль сейчас испытывал ребенок.

— Уколы? Бр-р-р. Это такая гадость, — улыбка не сходила с моих губ. В тот момент окружающие отошли на второй план, словно их никогда не существовало. Я видела только испуганные, полные боли и ужаса глаза малыша, которые сейчас казались черными от непрекращающихся слез. Мне было все равно, кто его отец и через какие круги ада он успел протащить меня за последнее время. Когда страдает ребенок, такие вещи перестают иметь значения. Данил захлебнулся судорожным всхлипом, и его взгляд стал более осмысленным. Я осторожно, стараясь не напугать, протянула руку и накрыла его ладошку, показавшуюся мне обжигающе холодной.

— Говорят, уколы выдерживают только храбрые и отважные, — я не знала, откуда у меня взялись эти слова реверсивного утешения, я вообще в тот момент не понимала, что именно говорю. Эти слова произносились естественно и напоминали собой размеренное дыхание. — Джеймс Бонд. Оптимус Прайм. Тони Старк. Понятия не имею, как они это делают... это же так страшно!

Что-то дрогнуло в глазах маленького Лаврова при моих словах, но самым главным было то, что из них ушла боль. На короткий миг, вытесненная любопытством и напряженной работой мысли, но ушла. Шаткий пока еще мостик интереса и доверия дрожал над пропастью под порывами ветра, но это не имело значения — связь установилась. Осталось только ее закрепить.

— Я не знаю Джеймса Бонда. А у тебя папин пиджак!

— Да, я взяла поносить, пока он не видит. Нравится?

— Ты смешная! — сердце пропустило глухой удар облегчения от подобия улыбки на припухших губах ребенка. Я сморщила нос и закатила глаза, слегка сжав свою ладонь, когда его улыбка стала шире. — Я тебя знаю. Ты стрелять боишься. Ты трусишка!

— Да, а еще я боюсь уколов. Как и ты. А про Джеймса Бонда я тебе расскажу. Это агент разведки.

— Как МИ-6, да?

— Именно. Он умеет стрелять, быстро бегать, не бояться уколов, крутить сальто и кататься на очень классных машинках.

Данил попытался подняться, но я придержала его второй рукой, понимая, что резкое движение причинит боль.

— А на каких машинах?

— Ну, «Астин Мартин» там. «Феррари».

— Круто!

— Я тоже так хочу, — пожала плечами, добавив в улыбку оттенок грусти. — Но у меня никогда так не получится. Я не умею стрелять и боюсь уколов, поэтому мне никогда не пройти проверку на второго Бонда или Тони Старка. К тому же девчонки все трусливые.

— А у меня тоже не получится? — В голосе ребенка прозвучали нотки надежды. Я поймала взгляд доктора, обдумывая ситуацию. Как обычно, решения приходили молниеносно в самых критических ситуациях. Слезы ребенка. Агония сердца. Удар на поражение. Менялись исключительно ситуации.

— Не знаю, Данил, — я сбросила пиджак на спинку стула и согнула руку, изучая едва заметную под кожей сеточку сосудов. — А знаешь что? Давай сделаем по уколу вместе и посмотрим, кто из нас выносливее. Кто не будет плакать и кричать, тот победил. Разведка сейчас следит за нами сверху и наверняка не может решить, кого примет в свои ряды.

— Но ты же плакать будешь! — в темных глазах ребенка зажглись огоньки детского хвастливого превосходства, такие забавные и знакомые одновременно. Я отпустила его ладонь и развела руками.

— Ну, я же девчонка. Мы всегда плачем по поводу и без. Но я тоже хочу быть сильной, как железный человек! И я сейчас сделаю укол, и меня сразу заберут в разведку! — я незаметно кивнула доктору. — Эй, что у вас там есть, тащите самый большой шприц!

Доктор кивнул медсестре, которая выглядела потерянной. Только этого мне не хватало.

— Афобазол. То же, что и моему храброму другу! — от успокоительного мне точно не будет хуже. Это сейчас я на подъеме готова была спасти по сути чужих мне людей от боли и

страха. Не пройдет и пары часов, когда приоритеты сместятся, сознание вспомнит, в какую агонию его загнали недавние события, и вот тогда начнется полный и безоговорочный крах. Я не хотела думать о том, как меня будет бросать из стороны в сторону, стоит только остаться наедине с собой. Вряд ли я смогу заснуть даже под самым убойным снотворным. Если инъекция седативного препарата позволит хоть немного поспать, это позволит организму восстановить силы. Не надо было быть доктором наук, чтобы понять: я находилась в упадке, в критической точке нервного истощения. Физического, наверное, тоже, но пока это ни в чем не выразалось. Я по инерции передвигала ноги и даже не испытывала головокружения, сохранила способность ясно соображать и даже реагировать в критических ситуациях... и все. Скоро удары судьбы отнимут у меня даже это.

— Одновременно, Данил? И пусть они выберут сильнейшего. — Я прогнала прочь из памяти ту роковую ночь, когда меня едва не убили таким вот с виду безобидным уколом, и ободряюще улыбнулась юному другу. Кровь продолжала течь из раны, пропитывая светлую ткань джемпера и белоснежное постельное белье, а осколки при каждом вдохе и выдохе приходили в движение, наверняка вызывая новый прилив боли. Он не плакал и не бился в истерике только потому, что сейчас я держала его анестезией своего ментального объятия, баюкала успокаивающим голосом и говорила несусветные вещи без фальши.

— Ой! — вскрикнула я и непроизвольно, когда игла впилась в мою вену, отвлеклась, наблюдая за тем, как доктор уверенно ввел препарат Данилу, — желание стать достойным киногероем сейчас вытеснило боль и страх. Глаза ребенка на миг наполнились было слезами, но я улыбнулась еще шире, одобрительно кивая. Через несколько секунд все было закончено.

— Ты победил, — я изобразила на лице печаль. — Я сейчас убегу плакать, меня туда не возьмут!

Доктор протестующе зашикал, когда Данил попытался встать и потянулся ко мне дрожащей ладошкой.

— Не плачь! Хочешь, я с ними поговорю? Они же могут взять двоих? Ты не трусишка!

Я прижала ватный диск к месту укола. От его слов я реально могла разрыдаться прямо здесь, из последних сил старалась не признаваться сама себе, насколько обычные, но такие теплые и искренние детские слова меня сейчас растрогали. Я даже не вздрогнула, когда поняла, что Дима остановился за моей спиной и набросил на мои напряженные плечи пиджак. Я ведь на время совсем забыла о его присутствии. Доктор промокнул платком вспотевший лоб и распорядился начинать осмотр. Я продолжала держать взгляд Данила — два темных уголька, которые медленно затягивала пелена действующего наркоза. Голос Димы долетал до меня как сквозь вату.

— Как ты так умудрился, герой? Как можно было упасть прямо на журнальный стол? Ты мог пораниться гораздо сильнее! — основное опасение так и осталось невысказанным, пугать ребенка было недопустимо. На несколько сантиметров в сторону, вверх или вниз... или влево... Я непроизвольно обхватила себя руками, осознав, что малыш прошел буквально в двух шагах от смерти.

В словах Лаврова не было упрека и возмущения. Только нежность, та самая, которой никогда не узнаю я. Мне принадлежала только его тьма, в полном объеме и без остатка, ее удушающие петли уже смыкались на моем теле, затягивались сложными узлами и поражали своей глянцевой чернотой на фоне яркого ослепляющего света. Его нежность и свет никогда не будут принадлежать мне. Что ж, видимо, я в них не нуждалась никогда, раз мне их не

предлагали — лишь показывали издалека их манящую сторону в тех случаях, когда я подходила очень близко к черте безумия.

— Тебя не было дома! Беллатриса запретила мне звонить, я просто хотел поговорить, пока она спит!..

Черная петля перетянула трепыхающуюся сердечную мышцу безжалостным захлестом. Я осторожно поднялась, придерживая пиджак на груди — мне не было холодно, я и сама не понимала, почему держусь за этот предмет одежды, как утопающий за соломинку. Может, именно потому, что он сохранил едва уловимый аромат своего владельца. Колени дрогнули от усталости, которую я просто не замечала ранее, платье показалось неудобным. Даже тяжесть ожерелья сейчас давила на плечи, вызывая непреодолимое желание сорвать его прочь. Я этого не сделала. Мое состояние сейчас можно было охарактеризовать одним-единственным словом — опустошенность. Я оставила отца и сына наедине, прикрыла дверь палаты и уже в коридоре поспешно оперлась на руку, не в состоянии побороть головокружение.

Со мной происходило что-то странное. Сгустки черной материи рвали сознание изнутри, пытаясь найти выход. Им нужен был некий катализатор, толчок, напутствие, мотивация, но я не понимала, что именно происходит и во что это выльется. Опустилась на уютный диван, поборов желание подтянуть ноги к груди, как в детстве, и забыться, уткнувшись головой в колени. Здесь, на этаже люкс-отделения, не ощущался специфический запах больницы. Мои ноздри затрепетали от аромата кофе, но автомат показался настолько далеким, что одна мысль о том, что мне придется преодолеть пару метров и оплатить свой напиток, сейчас вызвала стон бессилия. Пальцы подрагивали, а я сама не понимала, почему просто сижу, глядя в потолок, и ничего не делаю — не вызываю Бориса с требованием отвезти меня домой, не пытаюсь выяснить, что происходит с Данилом, и не собираюсь переосмысливать произошедшее всего лишь... чуть больше часа назад. Успокоительное растворялось в крови, вызывая сонливость и привычную апатию, прогоняя метания черных теней, которые так и не нашли выхода.

Они не уснули, встрепенулись с прежней силой, стоило Лаврову появиться в зале ожидания. Я подняла глаза, ощутив себя зверьком в западне. Без тревоги, страха и неприятия, наоборот, с какой-то леденящей кровью покорностью своей судьбе. Наблюдала, как он приближается, пыталась сконцентрироваться на его уставших глазах, глубоких морщинах, прорезавших лоб. Наверное, моя сущность упорно искала в нем что-то человеческое, отголосок прежнего тепла — и не находила. Его глаза — черные, как та самая тьма, которая сжигала его на протяжении всего этого времени — прошли по моему лицу двумя сканирующими лазерными лучами. Я не успела отшатнуться или приготовиться к тому, что последовало дальше. Сильные теплые ладони накрыли мои обнаженные плечи, сбрасывая пиджак прочь, губы завладели моими, не позволив сделать глубокий вздох. Твердые, горячие. Не знающие пощады, жаждущие слиться как можно теснее до болезненного продавливания — я не была готова к такому отчаянному поцелую без капли ласки, он вообще казался сейчас неуместным и лишенным логики. Весь страх этого мужчины, его отчаяние, боль и переживание, даже неуместная страсть вне времени и обстоятельств сейчас вылились в этот акт грубой ласки, стремясь отдать часть своей агонии мне, той единственной, которая могла разделить и принять ее без остатка, не требуя взамен ничего. В моей отдаче не было сейчас усталой и обреченной покорности — я просто тянулась всей женской ипостасью навстречу тому, кто сейчас безмолвно умолял удержать

его на краю обрыва и не отпускать. Черные стрелы, натянувшие тетиву, сейчас ослабли от этого всепоглощающего цунами под неумолимым вторжением его языка. Забытая вибрация зародилась на этот раз в сердце и сознании, а не между ног, как это было ранее. Я пила его страсть, его бескрайнюю вселенную всеобъемлющего, древнего, как мир, чувства, умом понимая, что совсем скоро я буду жалеть о такой своей отдаче. Сейчас мне было все равно. Горячий язык разомкнул мои губы, поцелуй растворил слабые попытки запротестовать, упереться ладонями в его грудь и оттолкнуть. Пульсирующий кончик прошелся по моим деснам, задев ряд зубов, я проглотила хриплый рык то ли возбуждения, то ли отчаяния. Слишком ошеломленная, чтобы ответить, закрыла глаза, позволяя ему терзать мои губы, разгонять по телу пульсирующую магму пока еще не идентифицированного, но запретно-приятного ощущения. По кайме губ словно бегали ласковые и пробуждающие вожделие искры пламени, будь их чуть больше, они бы смогли растворить тяжелые воспоминания и залатать бездну потерянных дней.

Звонок мобильного ворвался в наш замкнутый мир, взрывая невозведенные города чего-то нового, но до конца неосознанного. Я даже не поняла, откуда взялась эта резкая мелодия, застонала от чувства невыносимой потери и прохлады на освобожденных губах. Наши глаза встретились. И моя мечущаяся тьма потянулась к двум обсидиановым магнитам его затуманенного от страсти взгляда. Она замерла перед прыжком, потому что увидела в них что-то прежде незнакомое. Колебание? Зарождающееся раскаяние? Я шумно выдохнула, когда его ладони разжались на моих плечах, непонимающе глядя вслед. Телефон. Он не хотел, чтобы я слышала этот разговор, и одновременно не мог его проигнорировать.

Я нашла пиджак и вновь натянула его на свои плечи, еще хранившие тепло его рук. Едва слышная мелодия складывалась в ноты и слова в глубине сознания, еще слишком тихая и неокрепшая, но настолько сильная, что демоны моей личной тьмы дрогнули под ее появлением. Я не отдавала себе отчета в том, что не могу отвести глаз от его высокой фигуры, слежу за жестикуляцией и непроизвольно ловлю его настроение.

— Я не желаю тебя видеть. Все, что могла, ты уже сделала. Ульяна, вопрос закрыт. На пасхальные праздники я не собираюсь менять свои планы... Еще одно слово, что во всем виноват я, наш разговор перестанет быть предельно вежливым!

Я не хотела слышать обрывки фраз. В тот момент я даже не сообразила, с кем именно он говорил. Чем дольше длился этот телефонный разговор, тем сильнее возрастал градус напряжения в зале ожидания. Мелодия рассыпалась на ноты, не успев оформиться в звуковой ряд. Я закрыла глаза, чувствуя приближение чего-то страшного. Клеммы разомкнулись — вот как можно это было назвать.

— Проснись! — я не спала, но вздрогнула от этого приказного тона. Лавров присел рядом, протянув мне бумажный стакан кофе. Надо же, я не осознавала, насколько сильно хотела пить. Втянула через трубочку терпкий напиток с привкусом сливок, обжигая губы, все еще пытаюсь удержать отголоски мелодии. Бесполезно. Мое сознание затягивала тьма. Она всегда знала наперед, когда будет нанесен очередной удар.

— Я так и не поблагодарил тебя. — Его лицо замкнулось, я не видела больше ни единой эмоции в непроницаемо черных глазах. — Ты действительно очень сильно меня поддержала.

— Тебя? Я за твоего сына переживала, — интуиция ощутила приближение удара, поэтому слова слетели с моих губ естественно. — Как он? Что сказали?

— Все хорошо. Сейчас зашивают порезы, к счастью, неглубокие.

Я замолчала. Минуты таяли, растворялись в каждом глотке кофе и повисшем молчании.

Тьма приготовилась нанести очередной удар. Нет, она не хотела меня уничтожить, она спасала сущность своего носителя. Когда прозвучали эти слова, я была к ним готова:

— Ты же понимаешь, что это ничего не меняет?

Я отказывалась это понимать исключительно потому, что мой аттракцион доброты и сопереживания не был спланирован и подчинен цели получить его человеческое отношение. Знай я наперед, что ничего не изменится, я бы поступила точно также. Отвела глаза, не желая больше видеть переливы тьмы от угольной черноты до насыщенного экстрачерного шоколада, ощутив, как мои личные демонические сущности подняли голову, устремившись навстречу своей родной стихии. Я сделала поспешный глоток кофе. «Умоляю, заткнитесь. Сидите тихо. У меня больше нет для этого сил!».

— А что это должно менять?

Он изменился всего лишь за несколько минут. Я не знала, что было тому виной — разговор с его бывшей женой, адреналиновый откат, боязнь показаться слабым? Совсем недавно я едва не утонула в невысказанном отчаянном крике своего врага, призывающего держать его крепче. Это не было слабостью, моя сущность откликнулась именно на эту силу быть собой и шагнуть в пропасть ради блага близких. Сейчас я чувствовала кожей, как сильно он презирал сам себя за недавнюю растерянность и призыв, и сейчас это не сулило для меня ничего хорошего. Моя роль жертвы и его персональной игрушки, хрен знает в чем виноватой перед ним, оставалась по-прежнему актуальной.

— Ничего, я рад, что ты это понимаешь. Сейчас уезжай домой и попробуй выспаться. Завтра я пришлю за тобой водителя, и возражения не принимаются. Если ты приняла мой ошейник, я вправе потребовать от тебя любую услугу сексуального характера. Ты это понимаешь?

Тьма взорвалась сверхзвуковым хлопком, ломая стены контроля, выстреливая по всем направлениям. В глубине сознания ширилась эпидемия всеожжения, и пока еще одиночные, незаметные в этом смерче знамена его мести рвал на клочья ураганный ветер. Однако его порывы уже не имели особого значения. Нежелание терпеть унижения и прессинг, решимость, ненависть, жажда выстоять и спасти свой мир от этого жестокого вторжения зародились в туманности цвета тьмы, пока еще не осознанно. Я их не прочувствовала до конца, нужен был всего лишь толчок, один из многих, которых будут еще тысячи. Я кивнула на дверь палаты, не испытывая душевной боли от разочарования, движимая лишь одним желанием — сломать триумф этого монстра и хоть немного треснуть его башкой о землю, свергая с высоты:

— Не понимаю, как у тебя еще встает, когда твоему ребенку плохо!

Я не узнала, задела его своими словами или нет: потемневшие глаза не изменили свой цвет, на лице таял след усталости и растерянности, застывая маской равнодушного обитателя преисподней. Потянулась за телефоном, но его пальцы ощутимо сжали мою кисть. Ему ничего не стоило ее сломать, если бы понадобилось.

— Тебя отвезут. Павел в холле. Завтра будь добра вспомнить, что я тебе сказал по поводу нижнего белья. Надеюсь, всему остальному тебя учить не надо?

Я отвернулась, но не от страха или несогласия. Сейчас это был единственный способ, которым я могла выразить свое презрение к этому человеку.

— Нет, меня не надо учить остальному.

— Я рад, что ты избавила меня от необходимости пояснять на пальцах. Прими к сведению, что я смогу взять тебя любым способом, которым захочу, поэтому давай,

приготовься... в том числе морально. У меня предостаточно своих проблем, чтобы вытирать твои слезы. Ясно?

— Предельно. — Наверное, я смертельно устала, а может, мое второе дыхание сейчас призвало экономить силы и не огрызаться в пустоту. Рано или поздно это должно было случиться, противостоять ему дальше у меня уже не было возможности — только набраться сил перед новым рывком. Для этого просто стерпеть.

Я покидала приемный покой хирургического отделения с высоко поднятой головой. Его пиджак соскользнул с моих плеч и упал на пол, но я даже не обернулась. Вытащила из волос тугие шпильки, рассыпав по полу, холодно кивнула бодигарду Лаврова, который тотчас же выбросил в урну стакан с недопитым кофе и открыл передо мной тяжелые двери. Несломленная и подчинившаяся одновременно. Слишком стойкая, чтобы рыдать. Слишком безумная и отчаянная, чтобы капитулировать и позволить боли латентной пока обиды взорвать мое сознание.

...Ева пошевелилась во сне и что-то тихонько залепетала, когда я, приняв горячий душ и переодевшись в шелковую пижаму, зашла поцеловать ее в лобик. Моя дочурка была здорова и счастлива. Сегодня боль и порезы достались не моему ребенку. Положа руку на сердце, я бы пожелала, чтобы эти рваные раны достались отцу Данила в десятикратном размере.

Спать не хотелось. Я включила ноутбук, пытаюсь отвлечься и посмотреть какую-нибудь черную комедию, пока не сморит сон. Рыская на просторах торрента, не сразу заметила мигающий зеленым значок скайпа и, когда тишину разорвала мелодия вызова, едва не подпрыгнула от испуга. Лена...

Может, мне было это необходимо, как воздух. Спустя полчаса я смахнула остаточные слезы. Ощущение, что подруга держит меня за руку, было предельно реалистичным, только поэтому я успокоилась и смогла вовремя прикусить язык, чтобы не шокировать ее описанием вечера.

— Я все еще жду, Юляш, — осторожно напомнила Крамер. Шмыгая носом, я подхватила ноут и перебралась в кабинет Алекса. Тут хранилась вся документация относительно клуба и наследства, и я дрожащими руками подключила принтер, достала оригиналы документов из прозрачных файлов и просмотрела беглым взглядом, перед тем как отправить Елене. Когда все было закончено, подруга приложила ладонь к зрачку камеры. Ощувив тепло искренней поддержки, я сделала то же самое.

— Юля, нельзя доводить себя до подобного состояния! Поверь, ему это с рук все равно не сойдет. Его сын был лишь песчинкой в океане кармического равновесия. Брайан ознакомится с документами и найдет выход, поверь!

— Надеюсь. Но если его не нашел Раздобудько...

— Одна голова хорошо, а две симпатичнее смотрятся! — за что я любила Ленку, так это за то, что она никогда не теряла чувство юмора. — Когда ты избавишься от этой кабалы, я закачу вечеринку века. Возьмешь Еву и приедете к нам. Начинать собирать чемоданы!

Мы попрощались, а я, подумав, все же выпила таблетку снотворного. Успокоительное, которое мне вкололи в больнице, постепенно теряло свою силу. Страх попытался сжать тисками, стоило мне только представить, что же ждет завтра, но я прогнала эти мысли прочь. Бояться я буду, когда проснусь. Или когда окажусь в его тайном любовном гнездышке. Сейчас стоило восстанавливать силы и позволить спасительным объятиям сна сгладить осколки прожитого дня, которые исполосовали мое сознание новыми глубокими шрамами...

Весна оккупировала мой город. Она не подчинялась установленным правилам и законам логики: предпасхальная неделя радовала теплым ласковым солнышком, ароматом цветущих деревьев и отсутствием осадков на пару с пронизывающим ветром. Чей-то мир рушился на глазах, чей-то взлетал выше неба и укреплял свою мощь и расцвет — время не нарушало свой круговорот. Солнце продолжало греть всех одинаково, лепестки вишневых и персиковых деревьев не меняли свой цвет в глазах каждого индивидуума, город улыбался каждому из нас — этим сущностям не было никакого дела до того, какие апокалипсисы грядут в душе их незримых созерцателей.

Когда мне было семь лет, я осталась на выходные с ныне покойной бабушкой. Помню, мы пили чай, ели изумительное абрикосовое варенье и смотрели советский фильм про Великую Отечественную. На экране рвались снаряды, brave солдаты Красной армии давали отпор немецким захватчикам, а после боя собирались вместе, играли на гармошке, танцевали и широко улыбались. В моменты такого релакса киношных персонажей всегда светило солнце. Помню, как я возмущенно ткнула пальцем в экран и повернулась к бабушке, чтобы озвучить то, что меня выбило из колеи во всем происходящем:

— А солнце не должно светить, когда идет война!..

Почему я вспомнила этот момент именно сейчас, вжимаясь в натуральную черную кожу сиденья «брабуса», намеренно забившись в угол так, чтобы не ловить в зеркале заднего вида отморозенный взгляд одного из сторожевых псов Лаврова? Весна хотела свести меня с ума, а я не замечала ее жаждущих объятий, бежала без оглядки в спасительную невесомость, желая разучиться дышать и чувствовать. Уже совсем скоро я вновь погружусь в пучину арктических вод, сжигая свою независимость и волю к жизни на ледяном костре чужого желания; его одержимость была настолько сильной и непреклонной, что он не остановился ни перед чем.

Проснувшись утром, я была уверена, что никто мне не позвонит и уж тем более никто за мной не заедет. В клубе, как всегда после подобных мероприятий, был официальный выходной; мэрия по понедельникам работает в усиленном режиме, планируя последующую неделю, к тому же сын моего персонального Люцифера ночью перенес операцию — пусть и не опасную для жизни, всего-то, как сказал Дима, пара лазерных швов, но, если бы подобное случилось с Евой, я бы не то что о сексе, я бы даже о спасении перед лицом катастрофы думать бы не смогла! Так или иначе, к обеду я почти убедила себя, что вчера слова Лаврова не несли в себе ни малейшей смысловой нагрузки. Он хотел напугать, восстановить прежнюю дистанцию, приструнить, чтобы я не выдумывала себе того, что скорее всего не существует, но ни в коем случае не потребовать выполнения обязанностей сабы при подобном стечении обстоятельств! Мы с Евой остались дома и как раз пытались сложить оригами, пользуясь найденными в сети обучающими видеороликами. Когда раздался звонок телефона, я беспечно ответила, уверенная, что сейчас мне скажут, что все планы летят в трубу и я остаюсь дома. Надо ли говорить, в какой шок повергло меня услышанное.

— В три будь готова. Никакого белья и избавь меня от созерцания твоего страдальческого личика. — Ева встрепенулась, словно олененок, почуявший опасность, а я не знаю, как у меня хватило сил продолжать ей улыбаться и не выдать своего состояния. Пустота затопила мое сознание, продолжая расширяться, убивая цинизмом охреневшего хозяина города, в котором я с дочерью осталась заложницей, и ждать спасения было неоткуда. — Тебе же не составит труда постараться и сделать все от тебя зависящее, чтобы я

был доволен?

— Как сын? — я непроизвольно понизила тон, придав голосу температуру нуля, хотя и понимала, что это не сыграет ровно никакой роли.

— Лучше всех. Если у тебя вновь появилось желание поиграть в детского психолога, поверь, в этом нет необходимости. Предлагаю примерить на себя иную роль, более привычную. Начинать собираться, потому что за опоздание я накажу тебя с особым усердием.

Мне надо было уже перестать удивляться этому цинизму и наплевательству. От добра добра не ищут, я всегда это понимала, но даже не предполагала, как ударит подобный официальный тон. Я ведь еще даже не пришла в себя от ужаса на вечеринке, откладывала его в тайный отсек сознания, хотя он и без того был переполнен моей болью. Рано или поздно она взорвется, либо наоборот, застынет льдом, пустит свои леденящие прожилки по всей сущности ослабленной противостоянием женщины с одной-единственной целью — даровать ей бессмертие путем эмоционального анабиоза. В груди будет биться осколок льда, по привычке гоняя кровь и охлаждая ее с каждым ударом. Однажды это случится, если я не сломаюсь. Сейчас мне не хотелось думать о том, что именно для этого должно произойти, но я понимала, что последующий удар будет сокрушительнее предыдущих.

— Я привезу тебе белочку из «ледникового периода». Огромную, — пообещала дочери, которая расплакалась и упрекнула меня в том, что я обещала никуда не уезжать. От ее слез у меня сжималось сердце, а ненависть к мужчине, который сейчас в буквальном смысле слова держал в руках мою жизнь, начала набирать обороты, разжигая внутри чувство мести. Впрочем, сейчас было слишком рано до ее реализации. Я была выбита из колеи, опустошена, напугана и готова на все, лишь бы мне дали нормально пожить — не ради себя, ради Евы, которая (права была Никея) чувствовала мое состояние. Если мое обреченное послушание сможет хоть ненадолго сгладить градус тревоги и безысходности, я готова была играть эту роль, сцепив зубы.

Огромная новостройка с огороженной парковочной зоной перекрыла обзор проспекта Победы. Сердце сорвалось в пропасть тревожного предчувствия, я поспешно протерла салфеткой взмокшие от волнения ладони, когда водитель открыл дверцу и подал руку, приглашая меня выйти.

— Я вас провожу, — я не удостоила его ответом. Мне так хотелось на мгновение обмануться и заставить личного охранника Лаврова думать о том, что это я заставила его влиятельного босса ждать своего визита, а не покорно шла на закланье, как бедная овечка. Когда ты загнана в угол, тебе кажется что все без исключения окружающие люди прекрасно осведомлены о твоём состоянии и знают ситуацию в деталях. Вряд ли Дима делился с подчиненными своими планами, но я уже потихоньку впадала в эту привычную истерию проигравших все свои сражения. В зеркале отразилось двое людей, до безумия похожих друг на друга выражением лица — замкнутая невозмутимость, покер фейс на пике своего совершенства, впечатление железного контроля без единой эмоции. В моих глазах не было страха, и только стеклянный застывший взгляд говорил о том, насколько сильно я не желаю делать то, чего от меня сейчас потребуют за закрытыми дверями. Я гордо вошла в прохладный холл, не обращая внимания на молчаливого конвоира. Глупо было ожидать, что Лавров встретит меня в коридоре с букетом в руках или, что ближе к правде, длинным стеклом. Я остановилась перед тремя темными дверьми. Не хватало только таблички «направо пойдешь — все потеряешь».

— Прямо. Приятного вам отдыха. — Надо же, бодигардам разрешено говорить? Дроже

пробежала по моей спине от мысли, что он может догадываться о том, что будет происходить за этими дверями, но я уверенно повернула позолоченную ручку, шагнув навстречу неизвестности... или известной реальности, в которой мне ни на миг не стало легче.

Комната, залитая солнечным светом. Широкие панорамные окна, легкий ветерок колышет занавеску, отчего по практически черному паркету бегут причудливые смазанные блики и полутени. Мебели почти нет, минималистичный хай-тек в оттенках солнечного тепла и крепкого кофе. У меня не осталось никаких сомнений, что эта квартира принадлежала ему — иногда цвета и оттенки могут сказать гораздо больше, чем подробная документация, прописывающая право владения. Я была на территории врага, диктат интерьера кофейного цвета надавил мне на плечи, не позволяя дышать полной грудью и сохранять иллюзию того, что я могу что-то решать. Эта была камера пыток формата люкс, пусть даже я не видела андреевских крестов и прочей атрибутики, хотя еще, наверное, не вечер?

Стук каблучков гулко отдавался эхом в комнате, когда я, как замороженная, сделала несколько шагов по направлению к огромным окнам. Одно из них было приоткрыто в режиме микровентиляции, теплый ветерок прошелся по пылающей коже, играя моими волосами. Я подошла ближе и едва не закричала, осознав, что за стеклом нет никакой лоджии.

— Тебе настолько неприятно быть со мной, что ты решила полетать с 12 этажа?

Нет, шок от огромной высоты был не таким критичным, как сам факт его присутствия и того, что он собирался со мной сегодня делать. Как бы я ни пыталась ухватиться обеими руками за шаткую вероятность того, что в нём проснется жалость или даже уважение, учитывая, сколько испытаний я вынесла и не сломалась, здравый смысл прекрасно вопил о всей смехотворности подобных надежд. Сердце рухнуло к ногам, горло перетянуло удушающей пленкой, а мне оставалось только поблагодарить высшие силы за то, что он сейчас не видел моего лица, все так же оставаясь незримой тенью за моей спиной.

— Я не слышу ответа.

— Я не суицидница. — мои глаза почти молниеносно зашипело от слез отчаяния. Казалось, пропасть в двенадцать этажей была для меня некимс предостережением свыше: подчинись или падай в эту бездну. Третьего не дано.

— Ты совершила ошибку. Исправим ее? — что-то прохладное и гибкое коснулось моей щиколотки, прочертив маршрут до икры ласкающим прикосновением. Миновав подколенную впадинку, предмет, пока что не идентифицируемый мною, усилил нажим, буквально вдавливаясь в нежную кожу бедра. Я с трудом подавила всхлип. Мне просто надо закрыть глаза и отключить свои эмоции, и все прекратится. Несколько часов, и я буду свободна на сегодня. Нажим наконечника — я осознала, что это стек, — ослабил давление и скользнул между моих плотно сжатых ног, поднимая шелковый подол платья до уровня ягодиц. Я хотела оставаться невозмутимой, но, когда мужские пальцы впились в кожу, оставляя гематомы в попытке заставить меня раздвинуть ноги, едва не потеряла над собой контроль. Напряжение последних дней, недель, черт с ними, даже месяцев достигло критической отметки, когда чужая ладонь накрыла лепестки моей гладко выбритой киски, пытаясь проникнуть внутрь сразу двумя пальцами. Учитывая то, что я не успела увлажниться — а обстоятельства этому не способствовали, — я зашипела от растирающей боли.

— Юля, б**дь, прекрати сжиматься! Ты решила меня разозлить?

Его шепот обжег мою ушную раковину, проникая вглубь сознания, сжимая удушающие тиски панического ужаса еще сильнее. Неконтролируемая дрожь — предположительно, ужаса — захватила мое тело, зарождаясь в кончиках пальцев и распространяясь со скоростью света. Я не осознала, что мои слезы прорвали блокаду зажмуренных глаз и побежали по щекам, когда чужие руки все-таки развели мои ноги в стороны. Прикосновение кончика стека к малым половым губам обожгло новым витком паники. Никто не собирался щадить мои чувства или же давать мне время подготовиться к этому неизбежному проникновению унижения. Это был триумф победителя, которому никто и ничто не могло сейчас помешать, более того, жертва сама стала перед ним на колени, склонив голову и согласившись терпеть унижения и насилие.

— На колени! — нажим стека усилился, наконец проникнув внутрь сомкнутых складочек плоти, оцарапав нежную кожу ребристыми гранями в попытке сделать медленный поворот. Меня помимо воли пронзило разрядом чувственных искр, но это не вызвало прежнего желания толкнуться навстречу и расслабить мышцы, отдаваясь подступающему удовольствию. Вместо этого слезы побежали по моему лицу с удвоенной силой, колени практически не ощутили твердого паркета. Мне пришлось расставить пальцы, чтобы упереться ладонями в пол и не позволить рукам Лаврова согнуть меня в пока еще недопустимо унижительную для меня позу безоговорочной покорности. Несколько слезинок скатилось по моей щеке на черное дерево, засверкав в свете солнечных лучей.

Я была уничтожена и сломана и могла только плакать, позволяя этому мужчине иметь мою судорожно сжимающуюся киску стеклом, который спустя минуту заменили его пальцы. Массаж главной эрогенной зоны не прошел даром — фаланги проникли внутрь вагины на полную глубину вместе с характерным всплеском прибывающей влаги. Я не могла отрицать того, что от этого вторжения новые волны сладкого возбуждения побежали по моему телу, принуждая голосовые связки издать протяжный стон удовольствия вместо всхлипа униженной безысходности. Тело сорвалось в первобытный ритм подчинения и восхищения, а моя душа истекала слезами от отчаяния и осознания неправильности происходящего. Я не чувствовала нежности, ласки, заботы и безопасности в этих руках, которые терзали меня откровенно чувственными прикосновениями. Это было обладание, циничное изучение собственности, которая вновь вернулась к прежнему владельцу спустя годы. Он прекрасно видел, что со мной происходило, понимал, что дрожь вызвана не сексуальным возбуждением, а слезы продиктованы совсем не страстью с экстазом, но останавливаться не собирался, отмахнувшись от моей моральной боли, как от досадного недоразумения. Тело продолжало покорно принимать троянский дар грубых прикосновений, усилившихся толчков согнутых пальцев внутри меня, тогда как я догорала морально на костре этого беспробудного тупика.

Иными словами, это был тот самый момент, когда я готова была проклинать свою сексуальность вместе с чувственностью и избавиться от нее раз и навсегда.

Увлажненные моими соками длинные пальцы Димы прошли по припухшим подрагивающим губам, прочертив едва ощутимые линии по мокрым скулам. Слезы, льющиеся беспрестанным потоком, смешались с влагой моего предательского, пусть хоть физиологического, возбуждения на кончиках его пальцев. Я судорожно всхлипнула, когда они переместились на мои губы, разжимая линию сомкнутых зубов и проникая внутрь. Я дернулась, когда кисловатый вкус моего сока и соль горьких слез смешались на языке в коктейль двух несовместимых эмоциональных стихий, не в состоянии противиться чужой

власти. Страх перерастал в отчаяние, поднимая стяги моральной боли внутри моего умирающего сознания. Этот жест был понятен без слов — он показал мне меня настоящую, истекающую желанием и слезами протеста, но не имеющую никаких сил этому сопротивляться. Вторая ладонь надавила на шейные позвонки, прижимая к полу. Я задрожала, когда на миг потеряла прикосновение его рук и тут же закричала — моя юбка от сильного рывка ладонью задралась вверх, обнажая поддрагивающие ягодицы, звук расстегиваемого ремня запустил атаку ментоловых игл вдоль позвоночника. Сжатая пружина самоконтроля — или же того, что от него осталось, — разжалась с оглушительным треском, когда я осознала, что меня ждет повторение недавнего кошмара.

— Остановись... — от сдавливаемых рыданий моя мольба напоминала набор междометий. Он не желал меня слушать. Пальцы впились в оцепеневшие плечи в попытке удержать мое тело в неподвижном положении. В тот момент я поняла одно: если это случится, я вряд ли смогу с этим жить. Панорамные окна и полет в объятия спасительной пустоты с высоты в тридцать пять метров будут единственным выходом.

Бедро пронзило вспышкой глухой боли, но я о ней забыла в тот же момент — Дима развернул меня лицом к себе, и я непроизвольно дернула головой, впечатавшись затылком в паркет. Слезы застили мне глаза, аритмия разгоняла по телу слепящие сгустки плотского возбуждения, которому не было никакого дела до того, как истекала кровью моя душа перед угрозой изнасилования. Горло медленно затягивало петлей с нанизанным орнаментом острых осколков стекла, малейшая попытка говорить причиняла практически нечеловеческую боль. Я должна была что-то сказать... или молчать и позволить уничтожить меня раз и навсегда вместе с волей, отнять у тех, кто без меня просто не смог бы существовать. Родные. Дочь. Мне казалось, что гортань пошла кровавыми разрывами, когда я наконец заговорила.

— Не... убивай нас...

К спазму в горле добавился шум в ушах, и, уже практически теряя себя в омуте этой судорожной боли, я тихо выдохнула в его губы:

— Умоляю, хозяин...

Комната с ласковыми бликами послеполуденного солнца плясала перед моими глазами, вихри тьмы, которая уже стала моей постоянной спутницей, кружились в равнодушном танце, похоронив мою волю, пока меня выгибало на полу от беззвучных рыданий. Они не прекратились даже тогда, когда горячая ладонь накрыла мой лоб.

— Успокойся. Я не собирался этого делать.

Как он мог оставаться спокойным и невозмутимым при виде моих слез и паники, продолжая продавливать до последней шаткой опоры, уничтожая волю и решительность всего лишь парой слов и движений, не причинивших особой боли? Я зажмурилась, понимая, что просто сойду с ума и забьюсь в истерику, если окунусь в тьму его взгляда. Когда ладонь принялась успокаивающе гладить мои волосы, иногда соскальзывая на скулы и снимая пальцами слезы, я не почувствовала раскаяния и сострадания. Он хотел именно этого. Моего ужаса. Моего страха. Моей готовности превратиться в бледную тень прежней независимой и гордой Юльки, теперь замирающей по щелчку у ног своего единственного и неоспоримого хозяина. И я готова была смириться с этим, только не окунаться в тот кошмар, который в первый раз только чудом не сломал и не уничтожил. Вторая волна будет смертельной. Что бы ни происходило между нами, это было насилием, надругательством, уничтожением. Не имело никакого значения, как это произойдет, но, пока оставалась шаткая иллюзия того, что

добровольное согласие меняет полярность с термина «изнасилование» на «неудавшийся акт», я была готова вцепиться в нее зубами.

Я просто закрыла глаза. Что бы ни оказалось у него в руках вслед за стеклом, мне не хотелось этого видеть. Час, два, может, три — и я буду свободна. Мне все еще хотелось верить, что меня не заставят оставаться в этой холостяцкой обители е. нувшегося садиста до утра. Поглаживания с усиленным нажимом сменились более легкими, успокаивающими, и я непроизвольно встряхнула головой, понимая, что еще немного — и расплачусь от этой псевдоласки. Открыла глаза, встретив омут засасывающей тьмы его взгляда, два угольно-черных портала в неизвестность, и в отчаянии закусил губы, осознав, что по моему позвоночнику пронеслось цунами сладкого тока. Называйте его чем хотите. Суть от этого не изменится — это было желанием.

Некогда любимый человек задался целью меня уничтожить. Он прямо сейчас сжимал нахлесты-витки удушающей лески на моей шее, не собираясь отступить от заданной цели, до тех пор пока я не разучусь дышать без его прикосновений и варварских ласк, а я отчаянно призывала в союзники неприятие, отвращение, страх и ужас. У судьбы тоже есть чувство юмора. На мой отчаянный ментальный вопль среагировала Страсть.

Не стоило обманывать себя столько времени. Я хотела его до безумия, и под соусом страха, несогласия с принуждением, неизбежности и усиленной в десятки раз уязвимости желание стало острее и сильнее, как бы ни хотелось рыдать от подобного предательства тела и сознания. Это был единственный выход шагнуть навстречу своему сладкому ужасу и искушению одновременно. Страх уничтожал меня день ото дня, лишая способности здраво соображать и не оставляя выхода. По крайней мере, именно в этом я себя на тот момент убедила.

— Встань, девочка. — Со мной творилось что-то невообразимое. Я затрясла головой, протестуя, но все же поднялась на ноги, и, кажется, это получилось совсем не без кошачьей грации. Его горячий шепот обжег мочку моего уха, а от прикосновения пальцев к полосе голой кожи над замочком молнии искрящиеся разряды ускорили свое движение, вливаясь в кровь обжигающе-сладкими вспышками. У меня просто не было выбора, и я непроизвольно зажмурилась снова, когда молния моего платья расстегнулась под его теплыми пальцами. Отчаянный протест — скрестить руки на груди и не позволить защите из синего шелка скользнуть вниз — воплотился в моем судорожном движении. Страх на миг прогнал бурлящее в крови желание удушающей тяжестью в грудной клетке, острыми кристаллами неправильности происходящего, неприятием первобытных инстинктов, которые нормы заученных правил отправили во временную спячку. Оковы теплых пальцев сжались на моих запястьях стальными фиксаторами, разводя мои руки в сторону и прижимая к бедрам, позволяя платью беспрепятственно скользнуть с плеч.

— Тише, моя девочка! — я едва не всхлипнула, почувствовав свою уязвимость от своеобразной нежности этих слов. Ломает не боль и не обещание жестокого наказания. Ласка может уничтожить куда изощреннее, поданная вовремя и к месту, — сознание уже измотано страхом и отчаянием настолько, что вцепится в этот спасательный круг обеими руками, позволив слезам облегчения пролиться дождем окончательной капитуляции. Я открыла глаза, отстраненно наблюдая, как платье упало на черный паркет легким покрывалом. Несколько сорвавшихся слезинок оставили на нем темнеющие метки, и я прикусила язык, пытаясь прогнать мимолетной физической болью боль моральную. Именно благодаря этому я не разрыдалась, когда руки Лаврова сжали мои обнаженные плечи и

настойчиво, но вместе с тем нежно развернули к себе. Я опустила глаза в пол, понимая, что не смогу выдержать пристального взгляда, который словно оглаживал мое лицо отточенным лезвием. В оглушающей тишине секунды срывались в бесконечное падение с отголосками невысказанных снов и сорвавшихся с цепи страхов и ожиданий. Я с трудом понимала, что именно происходит, и когда меня заставили опуститься на колени, сделала это без протеста и желания дернуться, вырваться из тисков ладоней. Ощутила, как он зашел за спину и собрал в хвост мои волосы, обнажая шею. Легкий ветерок пробежал по позвоночнику, гася испарину, прохлада пола остудила пульсирующие суставы коленей. Аритмия страха и возбуждения продолжала выбивать изнутри, предвещая нечто, что заранее пугало меня посильнее падения астероида и нашествия инопланетян. Пока что мне не причиняли боль и не угрожали. Но ласка поглаживаний была нивелирована едким цинизмом полноправного хозяина, осматривающего свою собственность. Эта холодность гасила пламя в крови, не позволяя сорваться в свободный полет и отдаться своим желаниям — а ведь это сейчас было бы наилучшим выходом, который бы прогнал ужас прочь.

— Подними голову. — Я подчинилась, ощутив прикосновение все таких же теплых пальцев на своей шее. Когда их сменило прохладное касание чего-то инородного, мягкого и неподатливого одновременно, я напряглась всего лишь на несколько секунд. Первой реакцией было, как ни странно, облегчение — это не стек и не кнут... Но когда это нечто обернуло мою шею, отрезвив прикосновением холодного стального элемента, горло перетянуло петлей сорвавшейся паники и неприятия.

— Нет! — я не знала, почему так резко рванулась в сторону, испытав кратковременное удушье. Мне хватило понимания того, что же только что с оглушающим щелчком замкнулось на моей шее — почти невесомое, приятное по тактильному ощущению, но вместе с тем...

— Да. — В его голосе не было ни малейшей эмоции. Отстраненная констатация факта, непреклонность и власть. — Согласившись со мной, ты согласилась и на него тоже. Прекрати метаться, ты причиняешь себе боль! Юля! Руки, не заставляй тебя связывать! — мои ладони, потянувшиеся к ошейнику, безвольно упали на колени под прессингом последней угрозы. Унизительная метка-фиксатор вросла в кожу, выбросив волю прочь из замкнутого энергополя чужого обладания — моя голова против воли опустилась ниже, шквал самой настоящей уязвимости накрыл с головой, выбив приступ озноба и новых слез. Власть этой кожаной полосы была настолько сильной и всеобъемлющей, что меня буквально пригнуло к полу, к моему истинному месту — у ног сильнейшего, чья одержимость достигла фазы безоговорочной победы. Ошеломляющий жар окатил тело пенящейся волной, сердечко затрепетало в тисках абсолютного подчинения. Мне все еще хотелось плакать от острого чувства слабости и незащищенности — но оно непостижимым образом угасало и таяло, стоило его ладони вновь успокаивающе погладить мои плечи, скользнуть вдоль выступающих позвонков, забирая дрожь тревоги, вбирая ее в подушечки собственных пальцев ласкающим и одновременно подчиняющим нажимом. Волны вожделения накатывали на места его прикосновений, проникали в кровь и костный мозг, стирая грани страха и предвкушения; когда пальцы ощутимо сжали половинки моих ягодиц, я всхлипнула не от испуга и не от отвращения. Огонь в солнечном сплетении разгорался все сильнее, опускаясь вниз и заливая пламенем складки налившейся кровью вагины, прогоняя осторожность и окончательно сжигая чувство незащищенности. Может, всему виной был замкнувшийся на моей шее ошейник?

Я едва не взвыла, когда его пальцы проникли между складок увлажнившейся плоти —

таким естественным и приятным скольжением, вызвав прилив сока желания. Моя жидкость в буквальном смысле брызнула на его пальцы, увлажнив меня до предела и подготовив к последующему вторжению. Он не спешил. Пальцы прошли размеренными нажимами по стеночкам моей возбужденной киски, очертив точку «джи» ласковыми спиралями — воздух буквально выбило из легких целенаправленным нокаутом. Я была в глубине души ему благодарна за то, что он сейчас не отпускал злорадные комментарии по поводу моего возбуждения, просто продолжал свои осторожные ласки, лишая меня разума и стыда. Внутренняя сторона бедер намочила от обильной естественной смазки, сладчайшая пульсация разгоняла в кровм самый прекрасный токсин из всех существующих, разжигая сотни вулканов по бархатистой поверхности моего влагалища. Солнечные блики на черном паркете слились в спирали закрутившейся галактики, наполненной первобытной мелодией страсти и безумия. Не отдавая себе отчета в своих действиях, я толкнулась навстречу его пальцам, желая ощутить больше, принять его в себя без остатка и вспыхнуть сверхновой на его члене. Время перестало существовать, я зависла в невесомости, и всхлипнула от счастья, когда пальцы резко покинули мои истекающие желанием глубины. Головка члена огладила налитые кровью лепестки вульвы, перед тем как он вонзился в меня одним резким толчком на полную глубину.

Внутренние мышцы сжались, принимая его полностью, засасывая глубже, обдавая новым выбросом горячего сока. От этой сладкой агонии я на миг перестала дышать, осознав, что не смогу продержаться долго в этом сладком полете пробудившегося вожделения. Всего несколько растирающих, растягивающих толчков члена внутри, — и мой мир взорвался, застывая, сжимаясь, замыкаясь на одном-единственном мужчине. Ураган болезненно-сладких спазмов подхватил, отрывая от земли. Я сдавленно закричала в такт потрясающему оргазму. Глаза заволкло алой пеленой под финальные аккорды моей разрядки. Ногти впились в твердый паркет, но я больше этого не замечала. Его толчки усилились, не позволяя прийти в себя, — и я с легким, затуманенным страстью испугом, осознала, что оргазм не погасил ненормального перевозбуждения. Новая волна желания поднималась во мне, подобно цунами, смывая так и не оформившуюся усталость, закручивая спирали чувственного возрождения и орошая пульсирующие складочки приливами сладкого сока. Размеренные толчки алыми звездами вспыхивали в сознании и прогоняли ужас последних дней, стирая его в пыль. Я жалобно застонала, когда потеряла ощущение наполненности — он вышел из меня резким рывком, жалящий отпечаток ладони обжег ягодицу, не причинив боли, наоборот, усилив желание в десятки раз.

Я не поняла, что именно произошло, когда прохладная густая субстанция упала на колечко сжатого ануса, тотчас же согреваясь и тая под теплом его пальцев. Сладкое забвение прервалось забытым ужасом и я рефлекторно сжалась, когда пальцы Димы почти беспрепятственно скользнули внутрь, причинив дискомфорт и мимолетную режущую боль.

Я не могла вспомнить, когда у меня в последний раз был анальный секс — после неудачного опыта я так и не могла расслабиться окончательно и не зажиматься от страха при одном его упоминании. Александр никогда не настаивал, а я забыла об этом на долгие семь лет. Сейчас же со мной собирался сделать это тот, кто и стал причиной моей фобии на столь длительное время. Моя сущность восстала против подобного, но я ничего не могла сделать. Страх вернулся, выбив слезы, но ошейник сломал мою волю окончательно, отобрав даже голос вместе с возможностью протестовать. Я зашипела сквозь сжатые зубы, когда к одному пальцу добавился второй, размазывая лубрикант по сжатым стеночкам сфинктера,

растягивая, смазывая, приготавливая к вторжению члена. Принять в себя такую длину и диаметр было равносильно хирургическому вмешательству, но никто не собирался спрашивать моего мнения на этот счет. В отношении меня и без того проявили довольно сильное великодушие, возбудив ласками и позволив кончить, хотя вполне могли насиловать на сухую до кровавых внутренних ссадин.

Кажется, я все-таки заплакала. Пальцы второй ладони проникли внутрь моей все еще истекающей киски, отыскав точку «джи». Почему я не сопротивлялась, а просто прижалась щекой к паркету, потеряв способность видеть от пелены, теперь уже слез? Дрожь пронзила мое тело, когда оба пальца преодолели мышечный спазм, проникнув еще глубже, и я протяжно застонала от страха и униженного бессилия.

— Ты соврала мне, — я едва слышала его голос, — когда сказала, что сделаешь все, что от тебя потребует твой хозяин?..

Говорить я уже не могла, просто замотала головой, закрыв глаза и приготовившись к неминуемой боли. Я даже не поняла, что моя попка уже привыкла к этому вторжению и размеренным растягивающим толчкам, а массаж чувствительной точки прогнал болевые ощущения, разжигая привычную сладкую пульсацию в лепестках вульвы и внутри вагины.

— Ты будешь с удовольствием принимать все, что я тебе даю! — голос ударил подобно кнуту. — Расслабь мышцы и толкнись мне навстречу! Если ты этого не сделаешь, я прикую тебя к полу и трахну твою упругую попку по-настоящему, так, как этого заслуживает твоя рабская сущность!

Тающий след от удара-голоса трансформировался в прилив ошеломительного жара по моим обостренным рецепторам. Я должна была взвыть от ужаса, вскочить на ноги, вцепиться в его отмороженное лицо, выцарапать глаза — но я этого не сделала. Кожаная полоса вокруг шеи и близко не допустила появления похожих мыслей, я лишь захлебнулась от неожиданности, когда пальцы покинули пульсирующее кольцо ануса, а горячая головка члена осторожно, но вместе с тем настойчиво толкнулась внутрь, я не успела сжаться, потому что пальцы второй руки огладили стеночки пульсирующей зоны наслаждения, погнав по телу новые приливы сладкой эйфории. Я толкнулась им навстречу, желая принять глубже и задыхнувшись от резкой разламывающей боли, даже не сообразив, что, подавшись навстречу прикосновениям, непроизвольно насадилась сжимающимся сфинктером на всю длину его члена. Крик застрял в горле, я рванулась, стремясь вырваться из хватки жгучей боли. Мне не хотелось думать о том, какой бы могла быть эта боль, если бы он не возбудил меня поглаживаниями точки «джи». Именно эти ласки сейчас непроизвольно расслабили все зажатые мышцы, снимая пульсирующую боль самой приятной анестезией. К тому же, вопреки моим ожиданиям, он не стал спешить, остановившись на несколько секунд, давая возможность привыкнуть к разламывающему вторжению. Спирали-змейки удовольствия от поглаживания стенок вагины проникли в кровь, уменьшая колющую боль, и, когда спустя время его член осторожно толкнулся глубже, болевые ощущения тут же смели собой волны удовольствия. Двойной массаж сделал волшебную точку невероятно чувствительной, и я выдохнула сквозь сжатые зубы, сосредотачиваясь не на боли, а на этой двусторонней стимуляции. Приказ хозяина достиг рассудка, и я покорно толкнулась навстречу, расслабив мышцы. Боль с каждым толчком чувствовалась все меньше, уступая место усилившейся пульсации в клиторе и глубине влагалища.

Через несколько долгих секунд мне показалось безумно мало — я сама толкалась навстречу члену, насилующему мою попку, чувствуя приближение чего-то грандиозного.

Казалось, моя точка «джи» увеличилась в размерах, распространяясь на все тело, делая каждое прикосновение до невозможности чувственным и страстно обжигающим. Мы двигались уже в одном ритме, хрип перерос в стоны, а следом за ними в мои крики, пока еще не настолько громкие и протяжные — я сумела расслышать его голос в омуте подступающего оргазма...

— Я буду брать тебя, куда захочу и когда хочу! — смысл «трахать словами» обрел свою завершающую фазу именно сейчас. Сладкая судорога прошла по моему телу, взрывая рассудок. — Заковывая в цепи, лишая речи широким кляпом, а зрения — темной повязкой... Рисуя на твоей коже свой знак обладания... Разрывая твое тело и душу и забирая себе без остатка!

Мои внутренние мышцы сжались, полоснув мимолетной резью по уретре — я не поняла, что именно происходит. Замершая на миг вселенная взорвалась, схлопываясь в новое созвездие, оргазм ворвался в мое тело, поглощая своей обширной тенью. Кажется, высшая сила оторвала меня в этот момент от пола, выгнув тело дугой, безвольно упавшие ладони оросило струей жидкости, но я ничего не соображала — долгожданная разрядка накатывала непривычно острыми волнами, захватывая тело полностью, от кончиков волос до мизинцев. Я просто забилась на полу в последних аккордах до ужаса сладкого и длительного струйного оргазма, уже не расслышав чужого неистового крика, лишь мимолетно отметив его вбивающиеся фрикции острого освобождения. Свет померк окончательно, но в этот раз, угасая, он успел нарисовать на моих губах самозабвенную улыбку счастья.

...Ничто не имело значения. Всего час назад я умирала от боли и осознания того, что такую, как я, никогда не будут нежно любить и ласкать на шелковых простынях, одаривая поцелуями и ласками. Их удел — на жестком полу в позе безоговорочной покорности без права смотреть в глаза своему хозяину и просить о милосердии. Сейчас же исход нашего неистового соития казался самым роскошным и органичным в мире.

Я все еще сидела на коленях на полу, но в этот раз — укутанная шелковым пледом, колени упираются в мягкую синтетическую диванную подушку, дрожащие пальцы сжимают чашку с горячим приторно-сладким ромашковым чаем. Когда я отключилась, не в состоянии вынести такого острого наслаждения, заботливый хозяин перенес меня на диван, смыл влажной губкой следы собственного семени и сквиртальной жидкости с моего тела, принес чашку с чаем, велел пить маленькими глотками, чтобы не обжечься. Но как только я пришла в себя, мне тут же указали на мое истинное место — на пол, у ног. Я не протестовала — слишком устала и все еще летала в эйфории, поэтому подчинилась, к тому же он снял с меня ошейник. Когда я увидела его в ладонях Лаврова, по моему телу на миг прошла дрожь неприятия, и я поспешно отвела взгляд. Дима осмотрел мою шею, покачав головой, и принялся втирать в кожу прохладную мазь без аромата. Наверное, у меня опять аллергия психосоматического характера.

— Юль, меня не будет в клубе завтра и послезавтра, — его рука играла прядью моих волос, пропуская сквозь пальцы. — Будь добра, составь перечень обязанностей Штейра и посмотри, можно ли их дополнить, и если да, то какими именно. Ты же хочешь, чтобы он вернулся?

Я кивала, испытывая радость идиотки. Хозяин остался доволен своей девочкой. Уже к вечеру подобное поведение меня убьет, напрочь перемелет в своих безжалостных жерновах, но сейчас я пребывала в счастливом полете.

— И составь список тех, кто на «Радуге саб» проявил себя не лучшим образом. Господа

верхние, я имею ввиду. Нам подобные члены клуба ни к чему, согласна?

Я прижималась к его коленям и хотела поверить в то, что теперь нам больше ничего не угрожает, углы сгладились, и мы сможем начать все сначала. Наивная дура, которую жизнь никогда ничему не научит.

Я улыбалась даже в автомобиле спустя час и не видела в этом ничего предосудительного. Вот, Скарлетт О'Хара тоже оказалась в постели по принуждению, а на следующее утро напевала песенки и гладила одеяло так, словно это была рельефная грудь Реда Баттлера.

— Заедем по пути в торговый центр, где есть отдел детских игрушек, — попросила я водителя, набрав номер няни. Мне было хорошо.

— Евочка, я еду! — сказала я дочери, счастливо рассмеялась, ощутив прилив радости в ее голосе. — С подарком! И с мороженым, моя куколка!

В моем городе пылала весна. В моей душе царила эйфория.

До часа X, финального удара на поражение, полного уничтожения и перерождения Юлии Кравицкой руками хозяина ее тела, души и рассудка, оставалось чуть больше 48 часов...

Глава 23

— Ты кто такой? Давай, до свидания! — напевала я утром во вторник, развалившись в своем президентском кресле, тщательно вырисовывая красный крестик поверх имени Гадяцкого Максима Витальевича по прозвищу Спайдер. Мне показалось мало галочки в поле базы данных «разорвать контракт», я распечатала список тех, кто ловил кайф от моего воскресного унижения, и сейчас с наслаждением зачеркивала их фамилии. Подумав, приписала напротив имени мерзкого бондажиста «на кол и в бан» и пригубила мартины с апельсиновым соком из бокала.

Я появилась в клубе ранним утром, не зная, куда деть переполняющую меня энергию. Это было дико и неправильно, но я не могла ничего с этим поделать.

Мои ожидания не оправдались. В тот вечер после сексуального марафона с Лавровым меня не накрыло сабдропом и оглушающей истерикой с сожалением, отрицанием, неприятием и унижением. Я привезла Еве трех новых кукол-монстров и большую плюшевую белку из мультика, мы ели мороженое и пересматривали все три «Ледниковых периода», хохотали так, словно видели это в первый раз. Позвонившая к вечеру Ленка Крамер просто опешила, когда увидела меня с сияющими глазами и улыбкой во все тридцать два, кажется, на миг подумала, что я окончательно ипанулась. Сказала, что Брайан вроде как нашел пока еще шаткую зацепку, и попросила разрешения поговорить с Раздобудько, чтобы уточнить некоторые моменты, но пока еще утверждать что-либо наверняка рано, более детальная информация появится в пятницу. Она вышла с планшетом на побережье океана, продемонстрировала пляжный домик — Брайан был в официальном отпуске, хоть и продолжал работать дома, а Лена силком вытащила его на виллу у моря; при виде голубой глади океана, загорелых серфингистов и белых яхт я испытала непреодолимое желание сорваться к подруге. Увы, это вряд ли осуществится в ближайшее время. Как бы хорошо мне ни было с Лавровым, я прекрасно понимала, что он меня никуда не отпустит. Я была его собственностью и вещью без права на приватность и принятие собственных решений. Пока еще эйфория грела меня, но сам факт такой несвободы все равно давил на плечи.

Засыпая, я испытала непонятное чувство растерянности и впервые в жизни не смогла поцеловать на ночь фотографию покойного мужа. Мне хотелось, чтобы он разразил меня

молнией в тот момент, но он все так же улыбался с фотографии, и мне впервые показалось, что в этой улыбке было что-то похожее на одобрение. Я сходила с ума, иначе не скажешь. Списала все на крик физиологии и долгое воздержание и уснула. Ночь прошла без кошмаров, обрывки сна не имели ничего общего с действительностью и быстро стерлись из памяти.

Я допила мартини и пробежала глазами служебную инструкцию Штейра. Дополнить обязанности? Что ж, в первую очередь он должен проинструктировать зрителей и провести с ними разъяснительную работу: их бездействие и раблепная растерянность перед клиентами клуба были вопиющим непрофессионализмом. В остальном все остается как прежде. Если Лавров решил оставить Никею в штате, соберем еще одно совещание и окончательно распределим круг обязанностей. После нашего разговора в ту ночь Ника открылась мне с иной стороны — у подобных людей всегда был свой нерушимый кодекс чести и способность принимать решения вне зависимости от личных симпатий, четко разграничивая «правильно» и «неправильно». Ее Антона я изначально представляла невольной жертвой этой умной и циничной женщины-вамп, но всего лишь пара фраз, которыми они обменялись в приватной обстановке, показала всю тщательно сдерживаемую при посторонних глубину их чувств. В двадцать лет я мыслила узколобо, не в состоянии рассмотреть под маской холодной и властной стервы сущность любящей женщины и матери. Только опыт учил правильно разбираться в людях.

Зуммер телефона отвлек меня от размышлений.

— Юлия Владимировна, к вам посетитель.

— Спасибо, Влада. Будь добра, зайди ко мне.

Владислава самым непостижимым образом зеркалила мое настроение. На ее губах играла такая же вдохновенная улыбка, как и у меня, белоснежный брючный костюм прекрасно контрастировал с темными волосами и бордовой помадой, отчего референт выглядела ангелом в обители Люцифера. Понятно, почему Спайдер потерял от нее голову, но это были его личные проблемы: Влада не отвечала ему симпатией, а за ее душевный комфорт я готова была сама подвесить бондажиста за яйца в комнате шибари.

— Пожалуйста, подготовь контракты к расторжению, вот список тех, с кого с июня снимается членство и кому запрещен доступ в клуб. — Влада оперлась ладонью о поверхность стола, всматриваясь в мои пометки жирным красным цветом, и не смогла сдержать довольную улыбку. Ее ухоженные густые брови поднялись вверх, она бросила на меня взгляд, в котором благодарность перемешалась с восторгом. Я не ответила, просто смотрела ей в глаза, улыбаясь хитрой улыбкой — это долго продолжаться не могло, мы синхронно рассмеялись, понимая друг друга без слов. Влада подхватила список и подмигнула:

— В приемной ожидает Владимир Александрович.

— Власенко здесь? — я не заметила непонятого укола-предупреждения, который не задумываясь нанесла моя интуиция. — Пригласи, и сделай нам два кофе.

Когда строительный магнат и фанат с/м практик вошел в кабинет, мне стала понятна загадочная улыбка Влады: его едва было видно из-за объемного букета нежных кремовых и алых роз. Не менее сорока штук, никаких папоротников, фольги и других элементов декора — лишённые шипов стебли, подобранные с особым вкусом, один размер, длина и диаметр бутона. Помимо воли я все-таки не удержалась от того, чтобы не всплеснуть руками от восторга. На контрасте с последними ухаживаниями, которые носили садистский характер, проявление подобного внимания пролилось на сердце сладким бальзамом.

— Ох, Владимир, я... у меня нет слов! — я поднялась навстречу, принимая охапку роз и едва не пошатнулась под ее весом. Пришлось аккуратно уложить букет на столешницу, чтобы позволить мужчине поцеловать поочередно обе моих руки и подставить щеку для обоюдных приветственных поцелуев.

Его светлые глаза были наполнены теплом и расположением без признаков плотского интереса или превосходства доминантной сущности. Только сейчас я позволила себе более детально рассмотреть его добродушное лицо, характерное для уроженца Западной Украины — едва уловимый аристократизм в чертах и искренняя, располагающая к себе улыбка. Откровенно говоря, представить его с кнутом или даже флоггером я не могла — он вызывал доверие и желание наслаждаться его обществом, отдыхая душой.

— Прекрасная леди достойна только прекрасного, — в устах кого-то другого эти слова могли прозвучать фальшиво, но в его исполнении обезоруживали искренностью. — Мне досадно, что я стал свидетелем того вопиющего происшествия в воскресенье. Считаю своим долгом предупредить, что у меня будет обстоятельный разговор с вашим партнером, Юлия.

— Право, не стоит, и это мне следует извиниться за то, что вы стали свидетелем подобного, — улыбнулась в ответ, хоть тема и была мне неприятна, но я не смогла удержаться от колкого замечания: — Что касается моего партнера, как вы имели возможность видеть, он не в состоянии принимать молниеносные антикризисные решения. И у этого человека в руках наш прекрасный город!

Два оглушительных оргазма не превратили меня в восторженную дурочку и не вознесли Лаврова на пьедестал. Как бы мне ни было хорошо вчера, подсознание прекрасно помнило, что мне не оставили другого выбора и я оставалась по сути бесправной игрушкой в руках представителя власти. Но нет, я не собиралась покорно играть уготованную мне роль, потому что независимость и чувство протеста бурлили в моей крови буквально с рождения. То, что мне доставляла удовольствие подчиненная роль, не значило абсолютно ничего: это был мой выбор, еще одно проявление свободы, решимость, позволявшая перешагнуть общественную мораль и не жить в узких рамках социума.

Влада принесла кофе, наполнила вазу водой и расставила роскошные розы. С ними дыхание весны ощущалось даже в моем деловом кабинете.

— Вы так много работаете, — с легкой укоризной заметил Власенко. — Я уже которую неделю горю желанием пригласить вас на ужин, но не знал, как вы к этому отнесетесь.

— Мои вечера сейчас отданы дочурке, — ответила я, бросив быстрый взгляд на часы. — Поэтому вы можете рассчитывать только на совместный ланч.

— Это доставит мне невероятное удовольствие. — Светлые глаза мужчины были прикованы к моему лицу. — Юлия, возможно я сейчас скажу что-то, что может вам не понравиться, но прежде всего я бизнесмен, а бизнес не терпит недомолвок. Вы потрясающая женщина. Я безуспешно пытаюсь совладать со своим влечением к вам, еще больше боюсь вас обидеть подобными словами. Вы недавно потеряли мужа, на ваших плечах этот клуб и воспитание дочери, мое заявление может показаться неуместным. Я бы, возможно, молчал и дальше, но воскресное происшествие просто не оставило мне выбора.

Я обожгла кайму верхней губы горячим кофе латте. Слова Власенко должны были вызвать тревогу или неприятие, но, вопреки всему, они были мне приятны. Я всегда любила прямолинейных мужчин, а с ним не чувствовала угрозы, опасности, похоти и желания раздавить, как это было с Лавровым. Впрочем, ответного влечения к Владимиру я тоже не испытывала. Тем не менее по телу разливалось тепло душевного спокойствия. В его словах

была искренность и инстинкт защитника, настолько глубокий, что сущность агрессора-завоевателя могла оставаться спящей довольно долгое время. Этот человек был готов положить свою симпатию на алтарь исключительно моих интересов и благополучия.

— Я был готов убить на месте всех, кто посмел косо посмотреть на вас в тот вечер, вместе с теми, кто требовал вашего публичного унижения, и даже тех, кто пальцем не пошевелил, чтобы защитить вас, президента клуба, в котором эти личности проводили так много времени и получали максимум удовольствия. Ту женщину, которая тратила свое время в ущерб семейным радостям, чтобы сделать праздник незабываемым, но не получила взамен даже благодарности. Юлия, я хочу защищать вас от таких, как они. Просто находиться рядом с вами и пресекать любое проявление неуважения в вашу сторону. Вы не должны и близко соприкоснуться с подобной грязью и нечистоплотностью тех, кто позорит звание настоящих тематиков.

Я ощутила, как мое горло сжало острыми клещами тоски и уязвимости. Теплом и лаской повеяло в этих словах, искренностью и отчаянной, но тщательно контролируемой решимостью. Маска безупречной деловой леди слетела с меня, и я не узнала собственного голоса. Как и не поняла, почему сказала именно это:

— Владимир, боюсь, наши точки соприкосновения... наши дороги... они не пересекутся. Я не рабыня боли, мои мазохистские наклонности сведены к минимуму. Если быть откровенной, когда я была с Александром... мне приносил удовольствие исключительно аспект мужского доминирования в малых дозах, но никак не боль...

— Юлия, вы интересуете меня как женщина. Такая сильная, волевая, и одновременно хрупкая и незащищенная. Ни разу, думая о вас, я не испытал желание причинить вам боль или сделать зависимой от своей воли. Собственно говоря, когда я представляю нас вместе, Теме там нет места ни в каких дозах.

Почему-то я поверила ему сразу. Сомневаться в искренности этого мужчины не приходилось. Я кивнула, давая понять, что услышала, и призадумалась. Сможет ли этот человек уберечь меня от Лаврова? И что самое важное, хочу ли я этого сама — избавиться от одержимого влечения и так и не погасших чувств к Диме?

— Я знаю, о чем вы думаете, Юлия... Мой брак. Увы, он остается действительным только на бумаге. Понимаю, как это звучит, но я очень сильно вас уважаю, чтобы делать унижительное предложение стать моей любовницей. Если у меня есть шанс, я готов начать бракоразводный процесс в ближайшее время. Карина никогда не являлась для меня родственной душой. Она выходила замуж за мои деньги, тогда как я женился на востребованной топ-модели. Уже тогда у нас было мало общего.

— Об этом говорить очень рано, — мягко заметила я, взяв себя в руки. — Начнем, пожалуй, с ланча, вы не против? А потом возьмем на себя смелость заглядывать вперед.

Я извинилась и бегло просмотрела входящую корреспонденцию. Мои основные дела в клубе на сегодняшний день были закончены. Никея прислала концепцию новой тематической вечеринки с загадочным названием «кейджералия» и прикрепила к письму роман Джона Нормана с указанием ключевых моментов, описывающих подобный формат. Что ж, с этим можно ознакомиться завтра, но идея «власти рабынь» мне понравилась. То что надо после беспредела наших мужчин на «Радуге саб». Поскольку я не собиралась возвращаться, отпустила Владу пораньше — она примет все звонки на свой телефон и завтра предоставит мне эти данные.

— Вы любите французскую кухню? — спросил Власенко и, получив утвердительный

ответ, зарезервировал нам столик в ресторане. Мы добрались туда довольно быстро и вскоре продолжили нашу беседу за бокалом Saumur sec под изумительно вкусный деликатес «эскарго». Я была благодарна ему за то, что он не лез мне в душу и не задавал личных вопросов; Владимир оказался интересным собеседником, и мы захлеб обсуждали программу предстоящего кинофестиваля в Каннах, творчество Оскара Уайлда и вопросы благотворительности, которой он сам, как и я, уделял большое внимание.

Солнце еще стояло довольно высоко, когда мы покинули просторный зал ресторана «Ле Франс». Рука Власенко обнимала мои плечи, но в этом объятии не было намека на интимность или собственнический инстинкт — мы были словно два друга, которые встретились после внушительной разлуки. Я думать забыла об ужасе последних дней, расслабившись впервые за последние месяцы, поэтому не сразу поняла, что означает звук, похожий на щелчки с одинаковой периодичностью. Когда же до меня дошло, что именно они означают, сердце сорвалось в аритмию, а по позвоночнику прокатилась волна холода.

— Пресса!

Я не успела растеряться, мой кавалер и тут оказался на высоте. Тотчас же его водитель и охранник, который незаметно сопровождал нас на втором автомобиле, вычислили в толпе охотников за сенсациями и окружили их, оттеснив к крыльцу здания.

— Все хорошо, Юлия, — заверил меня Власенко и, извинившись, повернулся к фотокорреспондентам, остановившись на небольшом расстоянии.

— На каком основании? Издание?

— «Вечерний Харьков», светская хроника...

Меня накрыло волной забытой тревоги. Я отошла в сторону, предоставив мужчинам разбираться с папарацци и нервно закурила, пытаюсь унять разогнавшееся сердечко. Я еще не понимала, чего именно боюсь, но шестое чувство никогда не подводило. Стоит этим снимкам попасть на полосы газет... Мне не хотелось думать о том, что сделает Лавров на пике своей одержимой ревности и сможет ли Власенко меня защитить.

— Все в порядке? — я вздрогнула и выронила сигарету, когда Владимир осторожно коснулся моего локтя. — Юлия, вы побледнели. Не стоит переживать, ни один снимок не попадет в печать, мы все уладили.

— Все хорошо... Просто это для меня большая тема. Я все время думаю, что моя дочь увидит это по телевизору... Пресса и так поспешила приписать мне роман с нашим мэром в погоне за сенсацией.

— Вам не о чем переживать.

Я улыбнулась и позволила Владимиру обнять себя, крепко прижавшись к его груди. Он гладил мои волосы, пока я окончательно не успокоилась.

«У нас и вправду может что-то получиться. Он истинный защитник, и с ним я забываю жуть последних дней», — подумала я, когда мы попрощались у ворот моего дома.

Мне оставалось плавать в счастливом неведении и верить в то, что жизнь ступила на белую полосу, чуть больше суток.

Дима

Иногда желания сбываются совсем не так, как мы это себе планировали. Но стоит посмотреть правде в глаза: когда ты чего-то хочешь так безумно и одержимо, реальность прогибается под напором силы мысли. Иногда глубина этого самого желания настолько необъятна и неизмерима, что просто-напросто выбивает окружающий мир из колеи. Все высшие силы устремляются на немедленное исполнение твоего ментального приказа,

толком не разобравшись в его нюансах.

Сначала я хотел буквально втоптать ее в грязь, мою ненормальную и непроходящую страсть, жестоко наказать за то, что выбрала своей целью не того человека, взорвала мой прежний мир и продолжает уничтожать его руины, не давая никакой возможности провести реконструкцию. Проходило время, и желание убивать и крушить трансформировалось в бесконтрольную нежность.

В последнее время я старался прогнать эту тьму и удержаться на светлой стороне моего всеобъемлющего чувства к этой женщине, которая спустя столько лет продолжала оставаться для меня той самой дерзкой и горячо любимой девчонкой, не побоявшейся бросить мне вызов. Иногда мне казалось, что она не боялась этого и сейчас, не отдавая себе отчета в том, что в глубине души ей нравится подобная роль.

В тот вечер реальность устала от моих мысленных криков и требований, свела свои грани и параллели в одной критической точке, задействовав посторонних. Наверное, ей не под силу было справиться с поставленной задачей в одиночку, к тому же заказчик сам не знал, о чем именно просил. Он промолчал при первом тревожном звонке, давая карт-бланш высшим исполнителям собственного желания.

То, что в этот день в городе проездом оказался неформальный лидер одной из политических группировок со своим то ли помощником, то ли черт знает с кем, стало сюрпризом. Их поддержка обеспечила мне внушительный процент голосов на выборах, за что я был им благодарен, но встречаться лично не горел никаким желанием.

Скляренко и понятие «интеллигентность» были несовместимы. Тактичность и вежливость тоже не входила в список его добродетелей.

— У тебя в натуре появилась шарашка, где можно безнаказанно поиздеваться над людьми? — поинтересовался он с места в карьер. — Давно хотел затейливо по**аться. Можно и троих скопом, да?

— Тебе там не понравится, есть регламент, который соблюдают все без исключения.

— Та не вопрос, что я, в Раде постоянно бью морды? Я там вообще раз только появился! Блюсти твой регламент, это как два пальца...

Информация о клубе не могла не просочиться в высшие эшелоны власти. Всегда выступал за децентрализацию, но пришлось играть по установленным Киевом правилам. Вместо того чтобы провести этот день с сыном и к вечеру спокойно явиться на тематическую вечеринку, пришлось зависнуть с незванным гостем и растолковать ему все «можно» и «нельзя». Но оба понятия, как оказалось, ему уже тогда были до фени.

...Когда он отпускал скабрезные замечания в адрес Рианны, я не считал нужным вмешиваться. Меня раздражала эта богатая наследница с комплексом богини, которая отчего-то решила возомнить себя нижней. Более того, моя тьма расцвела рядами молний, стоило уловить напряжение и ужас сидящей рядом Юли. Еще десять минут назад я хотел закрыть ее в собственных объятиях, не пускать на этот праздник плоти после недавнего стресса, черт возьми, даже пообещать ей, что по окончании праздника мы все начнем сначала, я уничтожу в себе ненормальную одержимость с ревностью и жаждой причинить ей боль любым способом... да хоть к психиатру схожу, если понадобится! А сейчас ощущение власти и самодовольства достигло абсолюта. Я впитывал ее страх, словно губка, отсчитывая секунды до ее же безоговорочного падения к моим ногам. Как она сама любила говорить, у судьбы есть чувство юмора.

Никея была в бешенстве от присутствия посторонних, которые открытым текстом

послали ее в места не столь отдаленные при попытке разъяснения правил, умудрилась поставить мне ультиматум, что не собирается работать без Штейра и за безопасность процесса ответственности не несет. Снова этот друг Анубиса, мать вашу, мало мне Юлька плешь проела этим человеком.

Я и сам не понял, как все завертелось. «Слушай, по ходу, пи**ец, выпутывайся сам, я тебя предупреждала», — шепнула мне Ника, когда все внимание резко переключилось на Юльку.

Дальше провал. Черная пелена накрыла с головой. Сбывшаяся мечта по чужим правилам.

Не имело значения, как именно идти к поставленной цели, верно? Все средства хороши. Я больше всего на свете хотел видеть ее разбитую, сломленную и готовую упасть к моим ногам по щелчку... но вашу мать, чтобы кто-то, кроме меня, осмеливался даже дышать в сторону, мать вашу, моей девочки?..

Мое сердце истекало кровью. Имидж и хладнокровие рассыпались в пыль. Я готов был буквально разорвать руками каждого, кто предвкушал ее публичное уничтожение... спустя некоторое время — тех, кто готов был защитить ее чуть ли не ценой собственной жизни и взять под свое крыло.

Я не люблю вспоминать события этого вечера. Мне проще заставить себя забыть. И я даже отчасти благодарен быстрой смене декораций. Не помню, как смог взять себя в руки и унять разгоряченную толпу, объявить торги закрытыми и не сойти с ума, не имея ни малейшего понятия, куда Ника уволокла мою Юлю. Меня хватило даже на продолжительную обличительную речь с вовсе не наигранным возмущением относительно соблюдения правил и нанесенного клубу оскорбления. Мысли Никеи остались невысказанными, но я прекрасно знал, что же она имела в виду: будь здесь Штейр, ничего подобного бы не случилось...

Меня разрывали на части два взаимоисключающих желания — закрыть Юлю от этого кошмара собственным телом, забрать ее ужас и успокоить... а вместе с тем я не мог унять взбесившегося монстра, который за всем этим трэшем сумел рассмотреть основное: моя девочка вызывала желание. Количество тех, кто хотел ее защитить и спасти, зашкаливало. Ревность выбила напрочь все: страх за нее, нежность, раскаяние и чувство вины. Мой внутренний зверь требовал крови, немедленного обладания и окончательного закрепления своих прав. Я был готов прямо сейчас выволочь ее на опустевший помост в своем ошейнике, заорать в полный голос, что она принадлежит мне и я вырву все, что торчит, любому, кто посмеет в этом усомниться.

Когда я остаюсь с ней наедине... это не описать словами. С одной стороны, я мысленно благодарен высшим силам за то, что моя девочка не сломалась. С другой же — просто не готов к подобному спокойствию с отстраненным падением фраз и беспрекословным согласием.

Мне всегда будет нужно больше. Ее пламя. Этот огонь противостояния и сражения. Ее уникальность и нестигаемость. Хочется трясти мою уставшую девчонку за плечи, чтобы вернуть прежнюю реакцию, и хочется верить, что все это временно. Завтра я снова увижу этот блеск в ее глазах и испытаю забытую ярость от бушующей непокорности. Сейчас я должен отвезти ее домой и уложить спать. Мы оба не в том состоянии, чтобы выяснять отношения.

Когда звонит мой личный телефон, я готов разбить его об стену. Я не знаю, кто так не

вовремя решил услышать мой голос, но заведомо готов спустить всех собак. Голос няни моего сына сбивается от тревоги и страха, я могу разобрать только отдельные слова... Падение... Как? Каким образом столик из стекла разбился? В той дизайнерской студии еще год назад заверили, что это категорически невозможно...

Волна ярости отступает... но лишь с тем, чтобы накрыть новой с головой. Перед моим затуманенным сознанием проносятся события последних вечеров, и сердце зажимает в тиски отчаяния и безысходности...

«Тебя никогда не бывает дома! Тебе твой лекторат дороже меня! Вот почему ушла мама! Ты только обещаешь, а сам никогда не приезжаешь! Вот умру, будешь знать!»...

Мне проще было зажать в углу Константиновну и провести с ней долгую беседу, чем признать свои ошибки. Говорят, детство оставляет неизгладимый отпечаток на сознании каждого из нас — подрастая, мы волей-неволей берем на вооружение модель поведения собственных родителей, даже если именно это в свое время причиняло непереносимую боль. Как ни пытайся сделать все с точностью наоборот, это будет заложенной программой, от которой никогда не избавиться.

Я не сразу понимаю, что Юлька что-то говорит. В ее голосе стальные нотки, и от этой смены ролей выбивает чувством нереальности происходящего. Минуту назад она апатично смотрела в пол, соглашаясь с триумфом моей власти, сейчас я помимо воли подчиняюсь усиленной хватке ее пальцев на своем запястье; не разбираю слов, но они не оставляют выбора железобетонной уверенностью и подавляющей бескомпромиссностью. Кто здесь лидер и кто оказался сильнее? Я ищу ответ на этот вопрос всю дорогу. Мне хочется обнять ее, держаться за ускользающую реальность тепла и поддержки, без этого я просто сойду с ума сию же минуту — но она не обращает на меня внимания. Не видит, что я тянусь к ней сквозь преграды потерявшего смысл самоконтроля и ненужной сейчас показной дистанции. Мне не нужно много. Или согрей, или оттолкни, я сойду с ума без этого. Зачем ты показала мне отголосок своего тепла? Чтобы отнять его в ту же секунду? Я близок к отчаянию, и мне больно от мысли, что она сейчас это увидит и поймет.

Я был готов ее уничтожить. И в тот же момент она всегда была, будет и останется единственной, к кому я вне зависимости от времени и дистанции буду тянуться, как к свету, дышать ею, даже когда сорвусь. Потому что другого настолько близкого человека больше никогда не будет в моей огненно-черной реальности...

У дверей палаты меня кроет окончательно вместе с подступающими рыданиями и желанием вырвать собственное сердце, которое качало кровь, поддерживая мои черные стремления... и в итоге стоило едва ли не жизни моему сыну. Доктор что-то говорит, я просто не понимаю, что именно, плач Данилки окончательно сносит мне башню. Я не могу даже сделать несколько шагов ему навстречу, сжать ладошку, поддержать, показать, что я рядом и все будет хорошо, — красное пятно на детском плечике с торчащими сколками расплывается пеленой перед моими глазами. Отлично. Пациентов сегодня будет двое...

Непроизвольно бью по рукам кого-то в белом халате, закашлявшись от запаха нашатыря. Готов ударить снова, но благоразумие берет верх, сглаживая агрессию голосом моей любимой девочки.

— Меня пустят туда? Черт, приди уже в себя! Никто не умирает!

Никто не умирает. Мне нужно немного — всего лишь подтверждение из губ той, кому я никогда не перестану доверять и никогда не отпущу. Тянусь навстречу ее теплу, которое не скрыть за холодной отстраненностью высоких октав и практически врачебного цинизма,

забирая одним судорожным глотком, выпивая без остатка, оставляя после себя убивающий холод.

— Ты замерзла! — я не могу ее отпустить, она же заснет сейчас от этого невыносимого холода. Срываю свой пиджак, укутываю ее плечи буквально на ходу. Она так спешит уйти, а я не могу допустить, чтобы холод выпил ее окончательно... Только не сейчас, когда я в очередной раз осознал, что именно эта девчонка для меня значит!.. Я не сразу бросаюсь вслед за ней. Застываю в дверях, не в силах поверить увиденному.

Она улыбается и что-то ласково говорит Данилке, который перестал плакать и смотрит на нее, открыв рот. Сердце срывается вниз, выбив испарину и сжав горло приступом слез, когда детская ладошка осторожно, но доверчиво сжимает ее пальчики. Я смотрю на двух самых дорогих мне людей и понимаю, что готов любоваться этим до бесконечности. Пытаюсь прогнать неуместные мысли. Счастливая семья. То, что должно было произойти семь лет назад и чего меня так жестоко лишили...

Когда она уходит, зажимая вену, в которое вкатали, как мне пояснят позже, обычное успокоительное, я разрываюсь между желанием кинуться следом или наконец обнять сына, которого готовят к операции. Отцовское начало берет верх.

— Ну как же такое могло получиться? Что ты натворил? — снотворное начинает действовать, я смотрю, как его темные глаза завлакивает приближающейся дремой, затем вижу его улыбку:

— Так ты теперь не уйдешь на свою работу, папа?

— Не сейчас, мой герой. Ну, так зачем ты это сделал?

— А ты не будешь ругаться и хватать ремень?

Не могу удержаться, опускаю ладонь на пылающий лобик и качаю головой:

— Нет, героев не бьют ремнем. Так ты специально?

— Да, я всегда знал, что стекло разобьется молотком, только поскользнулся... Но я не специально! Я хотел только немножко поцарапаться, чтобы Беллатриса подняла крик, и все...

— А где она была, когда ты крушил мебель?

— А я ей насыпал в чай четыре таблетки. Те, шипучие, что ты пьешь, когда не можешь заснуть, и она захрапела сразу! Можешь ее уволить, твоя трусишка сказала, что меня теперь в разведку заберут... — зевок и тихий смех, снотворное начинает действовать. Между хаотично сбивающимися мыслями: куда смотрела дипломированный педагог, какого черта я повторяю ошибки своих родителей, опасность миновала и куда делась Юля, приходит страх. Он вообще не выбирает, когда ему приходиться. Моя Юля показала мне свою сторону света, согревающую теплом и прощением, лишь с одной целью... отнять себя, дав мимолетную надежду?

Когда Данил засыпает и его увозят в операционную, я едва слышу доктора, заверяющего в том, что переживать вообще не о чем. Мне достаточно. Секунды воруют это время, а я просто ничего не могу с собой поделаться, как и сдержать вздох облегчения.

Она здесь. Уставшая, все еще нервно вздрагивающая от каждого шороха после недавнего потрясения, терпеливо ожидающая... чего именно? Дальнейшего приговора? Или готовая отдать свое тепло дальше, пусть даже ценой моральной гибели от переохлаждения?

Мне некогда об этом думать, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не накрутить ее волосы на свой кулак, разбросав по дивану фиксирующие шпильки, стараюсь обнять как можно осторожнее, без давления, чтобы не напугать раньше времени. Страсть, боль, боязнь потери

не желают сотрудничать с моим подрубленным за сегодня самоконтролем. Мне нужно выпить ее сопротивление, разбить его на хрен через поцелуй, закрепить свою окончательную метку на ее трепыхающемся сознании — дергаться бесполезно, мой сладкий и такой желанный дикий ангел. Я тебя уже не выпущу, как бы ты ни рвалась на свободу из этой крепкой клетки и как бы ни умоляла дать тебе право самой принимать решения. Сегодня ты окончательно убедила меня в том, что я без тебя однажды перестану дышать и не смогу предпринять никаких шагов, наблюдая за тем, как дорогие мне люди намеренно загоняют себя в тупик. Я выпиваю твою капитуляцию до дна. Еще немного, и ты уже не вырвешься из этих тисков. Несколько уверенных шагов, и наша вселенная замкнется, оставив условные рамки далеко позади...

Звонок мобильного разрывает затянувшееся единение. Бьет ударной артиллерией по знаменам освободившейся страсти — он не в силах погасить ее окончательно, он может только настроить ее на решительный бой уже спустя несколько минут. Отрываюсь от пылких губ моей девочки. Глупо было ожидать, что Ульяна до утра ни о чем не узнает.

— Что с моим сыном, твою мать? Ты куда смотрел?

Бросаю взгляд на Юлю, которая вжалась в спинку дивана и обхватила себя руками. Я готов убить бывшую за то, что посмела оторвать меня в такой момент. Дура, закрой рот и вали на очередное пати, моя девочка сейчас замерзнет, пока ты тут разыгрываешь показательное возмущение, прикрывая свое наплевательство на собственного ребенка.

— Еще одно слово, Ульяна, о том, что во всем виноват я, и наш разговор перестанет быть предельно вежливым! — я не собираюсь слушать о том, что сам нанес Данилу травму. Даже если это недалеко от истины. Ирина успела уже поплакаться в трубку «хорошему полицейскому» и пересказать все подробности, в которых монстром был только я. Может, это недалеко от истины, но она последняя, от кого я буду выслушивать оскорбления и обвинения. — Мне плевать на то, что ты думаешь! Поговорим об этом завтра, когда протрезвеешь и успокоишься!..

Много не надо. Когда я прекращаю разговор, ко мне возвращается прежняя агрессия. Взгляд Юльки слегка насмешливый и довольный. Что ж, я сейчас сотру улыбку с твоего лица. Улыбнешься ты завтра...

Я смотрю в экран монитора. Вроде бы ничего криминального не происходит в этом видеоролике, который несколько минут назад залили на YouTube с пометкой «Кравицкая и Власенко. Горячо!». Юля, жестикулируя руками, что-то увлеченно рассказывает этому садисту, склонному с особой страстью причинять физическую боль. Кожаная юбка-клеш, белая блузка, жилет в ромбы, завитые в крупные локоны волосы, едва заметный макияж — она похожа на японскую школьницу... или легкомысленную шлюшку рядом с богатым папиком.

Твою мать, как? После того как орала от страсти в моих руках, захлебываясь в оргазмах и теряя голову, после того как я пошел тебе навстречу и с легкой руки отказался от прибыли, позволив разогнать прочь из клуба свидетелей твоего унижения, восстановить Штейра в прежней должности... да после того как я прокручивал в уме наш следующий разговор, в котором готов был начать с тобой все с самого начала без унижительной атрибутики твоей принадлежности... Как ты могла так улыбаться этому толстосуму, который годится тебе в отцы и позволять себя трогать?! Как я упустил из виду тот факт, что вы спелись за моей спиной... для меня же было очевидно, что он проявляет к тебе симпатию!

Я прокручиваю эту запись уже хрен знает в который раз, ожидая встречи в

персональной кабинке «Метрополия» и приговаривая очередную порцию коньяка — если я не выпью, я просто разобью ему лицо прямо здесь, вырву глаза за то, что посмел позволить себе взгляд в сторону моей девочки! Тебе было хорошо, Юля? Как далеко он зашел? Куда вы поехали после, если ты не вернулась в клуб и даже отпустила секретаршу? Ты не собиралась туда возвращаться! Ты так же орала под ним, позволяя стирать метку моего члена внутри себя? Ты так же текла под его ласками и умоляла сильнее и глубже, е**ная сука? Тебе было недостаточно?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не разбить планшет о столешницу — мне невыносимо видеть блеск в твоих глазах и ваши объятия! Мне ничего не стоит заставить пользователя, который вас заснял, стереть эту запись с YouTube, но я продолжаю изучать ее с обреченностью утопающего. Глоток коньяка обжигает горло, разливая по телу опьяняющую отстраненность — меня надолго не хватит, но в его присутствии я не буду срываться.

Когда появляется Власенко, я спокоен, и даже приветливо улыбаюсь, стараясь не замечать превосходства и азартного блеска в его глазах. Пятиминутный обмен любезностями быстро закончен, пора приступать к сути.

— Я не буду ходить вокруг да около. Последний митинг помнишь? Ты сам приложил руку к этой афере.

Он чувствует себя победителем. Пожимает плечами, заказывая себе коньяк стоимостью на порядок выше моего — у олигархов вообще отсутствует инстинкт самосохранения при играх во власть. Ничего, на всякое действие найдется противодействие, у меня в рукаве неоспоримый козырь.

— Я думал, мы это решили. Я выплатил стоимость квартир жертвам этого недоразумения. Что не так? Надо больше? Или мне лично принести свои извинения и наказать виновных?

— Владимир, как ты думаешь, если ситуация получит огласку и твоя причастность к этому вскроется? Со всей информацией, сколько ты поимел на колебаниях курса валют и сколько неучтенных денег осели в твоих карманах... можно будет попроситься с бизнесом в этой стране.

— Я не понимаю, почему мы сейчас об этом говорим.

— Все просто. Ты замахнулся на то, что принадлежит мне.

— Недвижимость? Это исключено. Если я где-то задеваю твои интересы, тебе стоит меня об этом проинформировать, я привык видеть края.

Я поворачиваю планшет к собеседнику. В его светлых глазах появляется усмешка победителя, а затем они застывают льдом.

— Кравицкая? Нет, я, конечно, видел, как ты облажался на «Радуге саб», но рабство у нас отменили очень давно. Мне нравится эта женщина, а отступать я не привык. Или ты будешь утверждать, что вы вместе?

— Именно так. — Ложь слетает с моих губ естественно, словно предвыборная речь. — То, что мы не афишируем наши отношения, ничего не значит. Ты думаешь, она поехала с тобой ужинать из-за симпатии? Эта крошка из рода дерзких саб, к тому же не может мне простить, что я уделил ей мало внимания на вечере. Ей плевать на тебя. Единственное, чего она хотела, это сыграть на моих нервах. А теперь подумай, стоят ли твои ухаживания того, чтобы потерять бизнес в Украине и не получить ничего взамен.

Он молчит. Долго, вдумчиво, смакуя коньяк. Я пытаюсь понять, был ли между ними что-то более тесное, чем ланч в ресторане, накручивая себя еще сильнее.

— Ты же едва не кинул ее на растерзание тем уродам в воскресенье. Ты будешь утверждать, что вы вместе?

— Владимир, ну ты иногда такой наивный, ей-богу. Девочка любит риск и игру на грани фола. А сейчас, я смотрю, что ей было недостаточно, раз решила пощекотать мои нервы интрижкой с тобой. Я бы давно наказал ее за управление снизу, но признаюсь, меня это до сих пор умиляет.

Дальше разговор перетекает в плоскость, лишённую смысла: недоверие, сомнение. Насмешка и превосходство. Я не знаю, как держусь.

— Выбирай, Власенко, — пора заканчивать разговор. Тьма сгущается, набирая силу, чтобы в скором времени взорваться, разрушив все города. — Или ты оставишь в покое мою нижнюю женщину, или я перекрою тебе кислород уже завтра. Ну так что ты решил? Пытаться добиться расположения той, которая принадлежит другому и использует тебя, чтобы выбить из меня нужные ей эмоции, или продолжишь свои рывки и будешь бежать под покровом ночи из страны, подобно известному опальному президенту?

Харьков не засыпает с наступлением ночи. Весна. Даже яркая городская иллюминация не в силах затмить мерцающее звёздное небо, ласковый тёплый ветер не в силах погасить пламя ярости и мести. С одним решили. Дело за малым.

Сейчас я просто-напросто сотру улыбку с твоего лица на долгие годы, Юля.

Глава 24

Я поцеловала Еву в лобик и натянула одеяльце повыше, укрывая ее плечи. Моя кровиночка сладко спала, обнимая белочку и иногда слегка вздрагивая во сне — после наших активных спортивных состязаний во дворе с поеданием попкорна ей снилось что-то динамичное. На цыпочках прокралась к двери, осторожно прикрыв ее за собой, и только тогда ответила на звонок Валерии, мысленно поблагодарив себя за то, что додумалась поставить смартфон на беззвучный режим.

— Привет, Лера. Я Еву спать укладывала. Как ты?

— Здравствуй, Юляш. Просто очень переживаю. Насколько я знаю, Колин разговор мало что изменил, — в ее голосе сквозила усталость. Мне всегда было ее жаль в моменты, когда она срывалась в Европу повышать наши общие активы, теряя сон и покой, хотя, сколько ее помню, она всегда этим горела и не мыслила себе иной жизни. А сейчас к ее проблемам еще добавилась я со своей запутанной войной. — У тебя вроде как бодренький голосок. У этого фашиста прошло весеннее обострение?

Я непроизвольно хихикнула от подобного сравнения:

— Как сказать. Оно у него моментами.

— Насчет Коли — мы попробовали все, что могли.

Я плеснула в бокал вина и медленно пригубила.

— Не переживай. Мне сейчас кажется, что я с этим справлюсь.

— Я прилечу к пасхальным праздникам, и ты все мне расскажешь, — это прозвучало как ультиматум. — Ты мне кажешься... почти счастливой. Я не могу ничего понять, учитывая то, какой тебя оставила в Харькове... или Илья проговорился?

— Я не общаюсь с Ильей после того случая. А о чем он должен был мне сказать?

— Ну, что наш совместный капитал приумножился в полтора раза. Долго пояснять. Ты миллионерша, милая. Жаль, что год ждать без права доступа к активам.

— Я не голодаю. Что ж, это приятно. — Иногда я забывала о том, что являюсь наследницей огромного состояния. Этот презренный металл не мог заменить мне Алекса. —

В таком случае заказываю куличи в нашей любимой кондитерской и постараюсь выспаться. Я не помню, когда последний раз была в церкви и выстояла службу. Боюсь, мне это сейчас необходимо.

— Юля, у тебя странный голос. Точно все хорошо?

— Лучше всех, Лера. Я расскажу тебе, как только приедешь. А сейчас, пожалуй, лягу спать пораньше, завтра поеду с Евой в аквапарк с утра, — вздрагиваю от электронной сирены звонка, хотя она и приглушена до комфортного уровня. Не двигаюсь, расспрашивая у Валерии о ее самочувствии, до тех пор пока не вспоминаю, что вся прислуга разъехалась по домам и никто не пойдет открывать. Приходится быстро попрощаться и прервать разговор, с сожалением посмотрев на недопитый бокал. Кого принесло к десяти часам вечера, если я никого не жду? Няня что-то забыла? Или сестра поссорилась с матерью и приехала просить политического убежища? В нашем элитном коттеджном поселке соседи не приучены просить соль или спички на ночь глядя, к тому же всегда есть возможность связаться по телефону и предупредить о своем визите заранее.

Тьма затаилась. В последнее время она умеет подкрадываться незаметно, неслышными шагами, дышать мне в затылок, обжигая своим дыханием, но я не замечу, до последнего считая, что больше нечего бояться, больнее быть не может, страшнее тоже. Самое ужасное уже произошло, а последние события практически убедили в том, что все будет хорошо.

Уверенные шаги, рывок пояса халата, чтобы перепоясать его ту же, беглый взгляд в зеркало — на ходу снимаю ободок с волос и быстро приглаживаю темные пряди, еще влажные после душа, расческой. Звонок в дверь все настойчивее, и пока еще слабая тревога закрадывается в мое сердце. Кому так неймется? Что, если где-то по соседству пожар или другая неприятность? Помимо воли ускоряю шаг, включая камеры видеонаблюдения, и пытаюсь рассмотреть ночной пейзаж. Сперва могу различить только ярко горящие фары автомобиля с крутящимися пылинками и роящимися ночными мотыльками и мошкаррой, слетевшимися на свет прожекторов. Я не сразу заметила тень у капота, скрытую этой световой завесой.

— Юля, открыла дверь, живо.

Твою ж мать. Взрыв-вспышка оглушающего жара бьет по сердечной мышце миксом испуга, недоумения, тревоги и предчувствия чего-то ужасного. Понимаю, что он не может меня видеть, но инстинктивно отхожу на пару шагов назад.

— Дима, ты ошибся домом. Выбрось свой навигатор и прекрати звонить, разбудишь мне дочь.

— Юля, открой свои гребаные ворота и дай мне заехать по-хорошему!

Я едва успеваю опомниться — мое сознание реагирует на безапелляционный приказ полноправного хозяина, набираю первую цифру кода доступа. Замираю, пытаюсь рассмотреть его лицо на мониторе. Это невозможно.

Что тебе нужно? Тебе мало того насильственного кошмара, в котором я уже черт знает сколько времени плавлюсь по твоей милости? Что сейчас означает твой незапланированный визит — очередная метка так и не насытившегося своей властью владельца, который не желает оставлять своей живой игрушке ни малейшего личного пространства, демонстрируя тем самым, что никаких границ не существует для такого, как он? Понятие «вторжение на частную территорию» для мэра — пустой звук. Я одновременно благодарна соблюдению негласного этикета жителями элитного поселка, которые не вмешиваются в частную жизнь друг друга и никогда не распускают сплетен, и в то же время напугана до икотки.

— Дима, Ева спит. Давай завтра!

— Послушай, девочка, — он выходит из тени, я все еще не могу рассмотреть его лицо, но меня практически накрывает волной панического ужаса от этого обманчиво-ледяного спокойствия в голосе. — Если ты сейчас не перестанешь пи*деть, я выломаю на хрен твои ворота и грохну тебя прямо на глазах у дочери. Открыла дверь, твою мать!

Я не понимаю, почему поспешно набираю код и что-то лепечу сбивающимся от страха голосом, умоляя не шуметь. Горло обволакивает липкой пленкой приближающейся паники, непроизвольно стягиваю отвороты халата у горла. Что он делает? Совсем умом тронулся? Если его достали на работе и все, что ему надо — трахнуть меня на моей территории, в доме, где совсем еще недавно жил Алекс, пусть уже наконец сделает это и уедет. Только бы не разбудил Еву, надеюсь, после случая с Данилом он понимает, насколько уязвимы и незащищены дети. Им вообще не стоит видеть подобное.

Свет ксеноновых фар разрезает полумрак подъездной аллеи, моя паника на короткий миг вытеснена злостью. Я же сказала, что моя дочь спит, зачем это световое шоу, когда освещения от фонарей по периметру аллеи более чем достаточно? Хлопок автомобильной двери, быстрые шаги — успеваю выдохнуть и гордо расправить плечи, решив защищать свою обитель и своего ребенка без оружия, но с отчаянием волчицы. Когда он заходит в холл, я почти готова к встрече с врагом с глазу на глаз. Мне все равно, зачем он сюда приперся, пусть уже накормит своего е*аного монстра и свалит. По возможности быстро.

Наверное, у нас есть дар останавливать время, причем у обоих одновременно. Оно в который раз зависает, а я смотрю в его глаза, цепенея от ужаса и отчаянной решимости одновременно. Сколько оттенков у абсолютной тьмы? Мне кажется, я знаю их все, видела настолько часто, что привыкла. Но такого градиента от тёмного до угольно-черного абсолюта, который выстреливает по моему сознанию в момент пересечения взглядов, мне никогда еще не приходилось встречать. Это предел. То, что было раньше, и рядом не стояло с подобным.

Я не успеваю ничего понять и даже закричать. Вспышка обжигающей боли обдаёт мою щеку, полоснув по виску и затылку — вопль ужаса и возмущения гаснет в застывших связках, так и не прорвавшись наружу. В тот же момент эта боль в затылочной части высекает искры из глаз с безжалостным рывком за волосы и воротник халата. Недоумение и все еще неверие в происходящее погружают в непонятный транс, гипнотическую апатию олененка перед прыжком тигра, их не в силах окончательно прогнать даже новая боль от удара по второй щеке.

Я теряю равновесие. Пол с белоснежным ковровым покрытием стремительно приближается, боль простреливает кисти, которые я автоматически выставила вперед, чтобы не впечататься в него лицом — это мало помогает, колени глухо пульсируют тупой болью от ушиба о недостаточно мягкую поверхность.

— Мало, сука? Я мало тебя трахал? Тебе недостаточно? — его руки тянут за волосы вверх, до боли впиваются в предплечья, пальцы перемещаются на мое лицо, вдавив скулы, заставляя приоткрыть рот. — Сколько раз он тебя в**бал? До или после ресторана, е**ная б**дь?

Я все еще в шоке, недоумение, страх и обида сражаются на поле боя за собственное лидерство, но почему-то ясно понимаю, о ком он говорит. Власенко. Мне хочется заверить его в том, что ничего не было, пока еще не поздно, но психосоматический зажим сковал мое горло. Я не могу даже закричать.

— Мне надо было отдать тебя этой своре желающих, драная шлюха! — слезы все-таки брызнули из моих глаз от новых парных затрещин. Боль, неприятие, несогласие, страх и ужас с обреченной покорностью просочились в кровь, разрушая плотину шока. Кажется, я пыталась вырваться, когда он в буквальном смысле слова втащил меня за волосы в гостиную и швырнул на диван, особо не прицеливаясь. Падая, я задела боком угол столика, бокал с недопитым вином опрокинулся, разбившись на осколки. Несколько острых граней впились в изгиб моего локтя, но я даже не заметила этой боли. Символично до неправдоподобности, мелькнула неуместная мысль, вновь напомнив о том, что этажом выше спит моя дочурка.

— Прошу тебя... она спит... Прошу тебя! — я не могла говорить и кричать. Даже шепот сложно было разобрать в этом ужасающем оцепенении. Лицо пылало, в коленях и запястьях пульсировала глухая боль, от мелких осколков, вонзившихся в руку, на месте порезов разливалось неприятное жжение. Я поймала его взгляд, который расплывался под рефлекторными слезами пока еще физической, а не душевной боли. Абсолютная тьма не погасла ни на грамм, кофейная радужка слилась со зрачком, приняв один с ним цвет. Ярость. Безумие. У подобных ему людей оно выглядит именно так: внешнее спокойствие и ледяное пламя, скрывающее извержение вулкана внутри. Потеря контроля. Окончательный срыв. Никакой пощады.

— Да мне по**ать, что она спит! Она знает, что ее мать — конченная шлюха? — я потеряла счет пощечинам и непроизвольно взывала от очередной. Физическая боль уничтожала мой шок, усиливая ужас и безвыходность положения. Я готова была упасть к его ногам и умолять остановиться, но сейчас Дима не был настроен слушать мои оправдания. Он все для себя решил, поверил в комфортную ему правду и выстроил стратегию моего окончательного уничтожения. Кроме того, залился алкоголем для окончательной храбрости. Да предоставь я ему сейчас доказательства, ту же абстрактную видеозапись, в которой мало намек на безобидный флирт, он бы ни за что не свернул с пути, который считал для себя единственно правильным. Только сейчас я осознала в полной мере весь кошмар своего положения, поняла, что значит быть игрушкой, бесправной вещью подобного ему мужчины. Нет никаких границ, которые священны и не подлежат уничтожению, нет уважения и милосердия к близким жертвы, словно они сами виноваты в том, что стали ее родственниками, нет права на последнее слово и защиту... нет даже права на справедливость. Если хозяин усмотрел в обычной улыбке недопустимый для бесправной сабы интерес не к нему — приговор не подлежит никакому обжалованию. Если хочешь выжить, ты должна стать безликой тенью, бездушной куклой в пыли у его ног, живые игрушки не подают голоса, не умеют чувствовать и принимать решения. И у тебя нет другого выбора. Будь я одна, уснула бы беспробудным сном, чтобы потом, возможно, восстать против подобной власти. Сейчас же у меня не было такого права.

— Я сейчас задушю тебя собственными руками, б**дь, поняла? — я не успела опомниться. Тиски его пятерни сжались на поверхности моей шеи, перекрыв кислород, поднимая на ноги, впечатывая в спинку дивана. Легкие резануло острой болью от недостатка воздуха, мышцы рефлекторно сжались. Я ничего не могла сделать от ужаса, понимая, что с каждой секундой свет становится все приглушеннее, перед глазами пляшут кровавые змейки, темная мгла неумолимо приближается. В ушах нарастал оглушающий звон, которой сделал для меня практически неслышными его слова, пальцы впивались в нежную кожу, передавливая артерию, причиняя боль, которая уже не имела никакого значения.

«Алекс, я иду к тебе... надо было сразу, без насилия и этого кошмара», — подумала я,

покорно расслабляясь в объятиях смерти с ослепительно черными глазами, которые таяли в подступившем мраке. Говорят, жизнь должна пронестись перед глазами с космической скоростью? Ничего подобного. Сколько раз уже я смотрела в глаза смерти, никогда не было ничего подобного. Я не видела протянутой руки моего покойного мужа, он не спустился с небес и не разжал хватку Димкиной ладони на моем горле... казалось, ему вообще не было дела до того, что совсем скоро мое сердце перестанет биться, и мы встретимся снова. Звуки угасали вместе с тающим сознанием, растворялись в наваливающейся тьме приближающегося вечного сна. Не иметь возможности дышать было больно и захватывающе одновременно. Теперь я отдохну. Теперь мне не надо будет работать даже во сне, насыщая легкие кислородом. Почему я так долго держусь, отказываясь засыпать? Неужели я что-то забыла или что-то меня не пускает?

Сталь тысячи острых катан пронзает легкие, полосует по гортани изнутри, когда разжимается хватка и кислород вливается внутрь, заполняя узелки альвеол, это похоже на сотни взрывающихся пузырьков. Смерть — освобождение. Жизнь — боль. Надсадно кашляю, оседая на пол, накрыв руками пульсирующее горло. Если я умерла, почему больно? А если нет, почему я слышу то, что не должна слышать?

— Отпусти мою маму, козел!..

Ева! Вашу мать, Ева! Вскидываю ладони, готовая растерзать на ощупь того единственного, кто осмелился оставить мою дочь сиротой, — тьма не желает рассеиваться, пульсация в висках отдает в ушах глухим набатом. Сквозь него я слышу ее голос и плач, отчаянный крик, переходящий в вопль боли. Б**дь, ты совсем рехнулся?! Что ты с ней делаешь, твою мать?!

Я не могу видеть и не могу встать. Я могу только ползти на источник детского крика, жадно хватая воздух — это сейчас необходимо, чтобы снять пелену с глаз и обрести зрение. Она расплывается очень медленно, я теряю силы, приступы кашля растягивают время в бесконечность. Мне не надо туда. Меня зовет моя кровиночка. Слезы катятся из глаз, смывая красные разводы...

— Мамочка... рука... Мамочка! — прижимаю к себе дрожащее тельце дочери. — Мама, не умирай! Мамочка!

Рыдания сотрясают тельце Евы, крушат на руины мой прежний цельный мир, запускают отсчет гибели прежней вселенной. Я прижимаю свою девочку к груди, молясь, чтобы зрение поскорее вернулось, ловлю губами ее запястье. Безошибочно определив эпицентр боли, качаю на руках, стараясь закрыть, заслонить собой до малейшего волоска и пальчика на ножках. В ее рыданиях ужас и надлом, и что-то с оглушительным треском ломается в глубине моей души, когда я поворачиваюсь в темную пустоту, интуитивно почувствовав сгусток угольной черноты. Мои глаза истекают кровавыми слезами. Мое сердце разорвано надвое вместе с крохотным сердечком моей дочери. Это смерть, следом за которой последует перерождение. В моем голосе нет дрожи, он охрип от жестокой асфиксии, но умоляющих ноток и растерянности в нем тоже теперь никто не услышит:

— Ты что, твою б**дь, сделал?...

Я плакала, когда узнала, что беременна. Я этого просто-напросто не ожидала так скоро, и несколько дней меня подбрасывало на американских горках неизвестных прежде чувств.

Я заплакала, когда дарила Еве жизнь. Это было больно, не стану скрывать, это было очень больно. Я плакала, когда время замерло и мне показалось, что моя малышка долго не может сделать свой первый вдох.

Я плакала, когда у нее резались зубки, болел животик, раздражали громкие звуки. Мое сердце разрывалось на тысячи осколков, потому что я не всегда знала, что именно происходит и как ей в этом помочь. Я плакала вместе с ней, когда смертельно боялась — мне всегда казалось, что няня не сможет держать ее крепче, чем я, уронит, ненароком травмирует.

Я не плакала, когда она мотузила ножками изнутри на последних сроках беременности, когда слегка прикусывала мои соски во время кормления и вырывала мои волосы. Я не плакала, когда сходила с ума от недостатка сна, забывая перекусить и умыться. Я не плакала, когда забывала о себе и уделяла все свое внимание своей кровиночке. Я не плакала, когда во время сезонных простуд и расстройстве пищеварения у моей девочки, украинские и швейцарские доктора разводили руками — я становилась на защиту своей дочери, подобно тигрице, и в буквальном смысле слова вгрызалась им в глотку. Я не плакала, когда она меня не слушалась и капризничала — я старалась укутать ее в нежность с ног до головы, потому что мне в детстве это все перепало в мизерном количестве.

Я не плакала и сейчас, сидя в холле уже знакомой мне элитной клиники, притянув ноги к груди и ничего не замечая. Я не плакала, когда прозвучал циничный вопрос, полоснувший своим смертельным холодом: «Ты будешь слушаться?». Нет, я не плакала. В тот момент я поняла, что буду. Разрушились границы прежних запрещенных территорий, никому не нужная гордость канула в Лету, потеряла свое значение с последним затихающим рыданием моего ребенка. Я не плакала, когда двое докторов пытались разжать мои руки, чтобы уложить Еву на носилки и зафиксировать ее запястье (как потом оказалось, растяжение, не перелом). Я тогда готова была убить Лаврова.

— Как? Евочка, как? Кто тебя толкнул?..

— Мама, я не хотела. Я случайно споткнулась. Когда побежала на лестнице... Запуталась за рубашку... Мама... Я прямо на ручку упала... Болит...

Помимо растяжения кисти, моя дочурка отделалась тремя ушибами, гематомой, испугом и сильным психологическим шоком. Если по поводу растянутых связок все было понятно, завтра я заберу ее домой, за психологическое состояние опасалась не я одна.

— Твой кофе, Юля. — Это тоже было желание моего хозяина. После того как он продемонстрировал мне наглядно, что не остановится ни перед чем, я уже не сопротивлялась. Приняла стаканчик из его рук и непроизвольно сжалась, когда наши пальцы соприкоснулись.

— Посмотри на меня. — Я поморщилась от боли в горле. Непроизвольно поправила шарф на шее и подняла глаза, встречая омут оттаявшего шоколада. — Юля, я обо всем договорился. Завтра в полдень профессор Лагутин будет здесь.

— А почему Ирина Милошина не работает с детьми?

В его глазах мимолетная растерянность и долгая задумчивость. Он не знает, что мне ответить на этот вопрос, просто пожимает плечами и начинает зачем-то пояснять, что Лагутин — детский психолог высшей квалификации, стоило огромного труда уговорить его прилететь в Харьков, пришлось организовывать частный рейс и удвоить привычный гонорар, что с таким доктором моя дочка избавится от сильной психологической травмы за несколько сеансов.

— Я не дам стирать Еве память! — плечи выкручивает спазмом подступивших рыданий, но спонсор нового кошмара не позволяет мне окончательно сорваться в безумие. Накрывает мои дрожащие руки своими и искренне заверяет, что никто ничего такого предпринимать не

будет. Я вздрагиваю, когда входит медсестра, улыбается дежурной улыбкой:

— Все хорошо. — Дима неохотно отстраняется, позволяя приятной молодой женщине присесть рядом и сжать мою руку. — Нам все же придется ее понаблюдать до утра. Постараемся снизить болевые ощущения, придется поносить фиксирующую повязку. Ушибы легкие.

— Она упала с пятой ступеньки...

— Поэтому все относительно хорошо, не переживайте.

— Я хочу к ней...

— Она проспит до утра. Обезболивающее и успокоительное...

— Мне надо с ней поговорить!

— Прошу вас, успокойтесь. Утром, когда ваша дочь выспится, — медсестра извиняется и уходит, оставляя меня наедине с моим хозяином.

У меня сейчас нет к нему ненависти. Я знаю, что она проснется, и очень скоро, но, пока я не уверена в благополучии Евочки, я буду играть уготованную мне роль рабыни и беспрекословно подчиняться любым его желаниям. Он наглядно мне продемонстрировал, на что пойдет ради собственной одержимости. Если бы я поняла это раньше, я бы никогда не допустила даже мысли о том, что могу противостоять этой темной силе. Увы, моя борьба проиграна. Не стоило бороться. Ладно бы я делала хуже только себе, но Ева ни в чем не виновата. Я не могу допустить очередной травмы моей кровиночки. Я готова на все, только бы знать, что ее это больше не коснется.

— Тебе надо отдохнуть.

— Я останусь здесь!

— Юля, я отвезу тебя утром. Вставай, мы уезжаем. Тебе самой надо успокоиться и выспаться. Я не дам твою дочь в обиду, ты мне веришь?

Я никогда больше не буду с ним спорить. Слабая попытка провалена, покорно встаю, позволяя хозяйским жестом сжать свою кисть — словно полоска стали сомкнулась на коже, проникая внутрь вымораживающим холодом. Я сжимаюсь на заднем пассажирском сиденье, обхватив свои колени и не понимаю, что мы приехали очень быстро.

— Это... это не мой дом... — я все-таки узнаю ту самую квартиру, где не так давно мне было хорошо. Сейчас кажется, что в прошлой жизни.

— Верно. Просто сегодня ты одна не останешься.

— Да, хозяин, — автоматически отвечаю я, не обращая внимания на отороженных бодигардов. Его взгляд на миг темнеет и гаснет, когда он понимает, что я не прикалываюсь и не паясничаю, но готова поспорить, что он доволен моей полной и безоговорочной покорностью.

— В постель. — Я закрываю глаза, когда мы остаемся одни, позволяю раздеть себя, не думая ни о чем и не замечая, как катятся слезы по щекам. Что, если моя доченька откроет глаза в пустой палате, незнакомой и чужой, и меня не будет рядом? Увы, я ничего не в состоянии с этим поделать. Мой господин отдал четкий приказ. Поверь, мое зернышко ореховое, моя девочка дорогая, если я его не послушаюсь, тебе может быть гораздо больнее. Потерпи ради нас обеих немножко. Мне хочется мысленно пообещать ей, что скоро все закончится, но я знаю, что теперь все только начинается. Мысленно желаю ей спокойной ночи и замираю возле огромной кровати.

— Спать, моя девочка. Просто выспаться. — А знаешь, мне все равно, начни ты рвать меня изнутри до кровавых ссадин или петь колыбельную. Я сдалась. Ничто больше не имело

значения, жизнь в очередной раз загнала меня в тупик, испробовав последнее средство. У меня самой напрочь отсутствовал инстинкт самосохранения, поэтому мне наглядно продемонстрировали, что бывает, когда по твоей вине страдает родной тебе человек. Странно признаться, я ожидала всего, чего угодно, но того, что его целенаправленный выстрел рикошетом ударит по моему ребенку... наверное, такое мне могло присниться только в кошмарном сне.

Это не было спланировано. Роковая случайность, гипервзрыв нашего окружающего пространства, который уже оторвал нас друг от друга, разомкнув нерушимую связь. Отдаление и деструкция шли своим планомерным ходом. Контузия от этой вспышки хаоса была настолько сильна, что никто из нас не осознал этого сразу.

Я не смогла спать долго. Счастье, что вчера он оставил меня одну, хотя в этом апатичном ко всему, кроме происходящему с Евой, состоянии я бы вряд ли это заметила. На огромных настенных часах шесть утра, их стрелки, кажется, замерли и не двигаются. Я забыла обо всем, кроме дочери. Хочется крушить стены, заставить его проснуться и отвезти меня в больницу. Мысль о том, что мне ничего не стоит задушить или зарезать его спящего, быстро гаснет. Страх и боль за мою девочку сейчас вытеснили диктатуру ледяной зимы, которую я впервые ощутила в тот вечер, когда плохо было его ребенку. Я знала, что делать с чужими детьми, чтобы снять боль и вызвать улыбку. Сейчас же мои руки были безвольно сложены, признавая его абсолютную власть. Я была согласна на все, что угодно, за одну прозрачную гарантию того, что никогда больше ничего подобного с моей кровиночкой не повторится. Добровольное жертвоприношение во имя самого дорогого человечка. Никакого восторженного обреченного волнения, легкости от упавшего с плеч выбора и эротического желания. Я просто подчинилась и разучилась дышать полной грудью с ним рядом. Полярность сменилась, вытеснив романтику прочь.

Я отказалась от завтрака. Мне сейчас не лез кусок в горло. Ева там одна, что, если она зовет меня, а я не могу прийти? Лавров остался невозмутимым в ответ на мою практически истерику и тихие просьбы ехать как можно быстрее и велел съесть все, что находилось на тарелке. От роли безоговорочного победителя он не собирался отказываться ни на миг.

Алексей Лагутин, детский психолог высшей категории, оказался невысоким мужчиной с незапоминающейся внешностью. Я была практически на пределе, когда мы появились в больнице, рвалась к Еве и ожидала осуждения в глазах светила медицины. В произошедшем с ней была исключительно моя вина. Сражаясь с Лавровым в бесконечной и все-таки обреченной рано или поздно на поражение войне, я не смогла защитить дочь. Если бы можно было повернуть время назад, я бы согласилась на все с первой встречи. Эти мысли не давали мне покоя, слезы постоянно прорывали блокаду успокоительного, мне пришлось прятать глаза за темными очками во время разговора. Потрясла своей невозмутимостью речь доктора, который — отчаяние сжало мое сердце — был полностью в курсе дела произошедшего. Нет, он меня не осуждал, заверял в том, что сильной психологической травмы у ребенка не останется, если я проведу с ней краткую разъяснительную работу. Животный мир высшей политической элиты вне закона, каждый горой друг за друга, ничего нового. Эта мысль тлела на задворках моего сознания, но я едва дослушала маститого психолога до конца. Если Еве станет лучше от подобной рокировки произошедшего, я это сделаю. Справедливость и прочие сказочные материи оставим наивным романтикам.

Лавров не стал преследовать меня по пятам. Временная передышка и предупреждение светила медицины сделали свое дело, и я сорвалась с места, не спрашивая ни у кого

разрешения. И без того потеряла много времени.

Ева не спала. Я раздраженно сбросила белоснежный халат, который меня зачем-то заставили накинуть, — не хотела выглядеть в глазах своей испуганной кровиночки очередным белым пятном. С растяжением второй степени ее спокойно можно было лечить дома, фиксируя ручку эластичной повязкой и нанося специальные обезболивающие средства, но доктора элитной клиники решили перестраховаться основательно. «Имеет место сильная психологическая травма», — с некоторым осуждением, как мне показалось, сказала доктор в ответ на мой вопрос, почему я не могу забрать дочь прямо сейчас. Превенная я отучила бы ее осуждать незнакомых людей одним движением ресниц, но сейчас лишь закусила губы, признавая чужую правоту. Я оказалась хреновой матерью, и то, что меня часто не было дома, сейчас выглядело меньшим из зол.

— Мама! Мамочка! — моя малышка вскочила с постели, забыв о боли в ручке. И тут же жалобно захныкала, откинувшись на подушки. Острый надрез прямо поперек сбившегося в ритме сердца полоснул ненавистью и желанием убить на месте того, кто заставил страдать этого маленького ангелочка, ослепнув от глубины собственной одержимости.

Он был приговорен именно в этот момент, и окончательно. Я еще буду по инерции опускать глаза и позволять ему многое, открыто не протестуя и замирая в ужасе при мысли о том, что он может сделать снова. Перед этим страхом капитулировала даже боль, которая больше не пугала. Меня не было. Оставалась только Ева, самый дорогой человечек на земле, единственный, ради которого я позволю себя резать живьем на алтаре... До тех пор пока не смогу возродиться, словно Феникс из пепла, и нанести удар в ответ.

— Тише! — я прижала дочурку к груди, улыбаясь, запроля упавшие на лобик пряди темных волос за ушки. Ненависть к Лаврову взорвалась оглушающей вспышкой, одной из многих, но не осела медленно к моим ногам невесомым пеплом, временно застряла в сознании, отложив месть на потом. Ничто в мире не могло мне помешать, вытеснить нежность и любовь сейчас, наедине с моей девочкой.

— Почему он душил тебя? Мама!

Я прижала Еву еще крепче к груди и зажмурилась, прогоняя слезы. Лагутин пояснил мне, что сказать ребенку. Если бы это не гарантировало для Евочки благополучного исхода, я бы плюнула ему в лицо.

— Кто, мое солнышко? Кто меня душил? — боже, благослови стойкие тональные основы, которые сейчас идеально замаскировали пугающие серо-багровые отпечатки пальцев на моей шее. Дочурка зашевелилась, вырываясь из моих рук, и отклонила голову назад, изучая мое горло. Твою ж мать...

— Принц Эрик! Он плохой! Почему он хотел тебя убить?

— Убить? Ты подумала, что он хотел сделать что-то плохое?.. — Мне стало тошно от этой лжи во благо, но, пока оставалась призрачная надежда на то, что это действительно поможет Еве пережить стресс, а не подстрахует первого человека в городе от скандала вследствие огласки, я была готова на все. — Евочка, я подавилась косточкой от вишни. Он просто помог мне ее выплюнуть. Помнишь, когда ты пила сок и закашлялась, я стучала тебя по спинке? Это то же самое.

— Он ударил тебя!

— Да, потому что я бы сама не справилась. Просто выбил косточку.

— А почему кричал?

— Испугался, наверное. Так же, как и я, — заметив недоверчивый и настороженный

взгляд ребенка, натянуто рассмеялась. — Никто не хотел меня убить, и не смей даже думать о таком!

— Да? — Ева недоверчиво покачала головой. — Раньше он мне нравился. А сейчас нет!

— А кто в тир хотел? Уже передумала?

— Не знаю, — нахмурилась Ева. — А нам обязательно вместе?

— Нет, конечно. — Детей иногда сложно обманывать. Ева не поверила моим первым словам, но я запретила себе роскошь в виде раздирающих эмоций и еще полчаса читала лекцию в формате сказки, как маленький зайчик кушал морковку и подавился. Охотники тоже думали, что проходящий мимо волк хотел его съесть, но все оказалось совсем не так. К вечеру я почти поверила в то, что психологическая травма моей дочери испарится в ближайшие дни.

— Я заберу тебя завтра. Тебе прогреют ручку синим фонариком, чтобы перестала болеть, не бойся ничего. А потом поедem домой. Будем смотреть мультики, а Настя привезет свой фирменный торт. — Ева закивала в полусне, я поправила одеяло и посадила поближе медвежонка Тедди. Боль вернулась, стоило мне потерять ее звенящий голосок, серьезные рассуждения, улыбку, тесные объятия, и даже смех — именно он вселил в меня надежду на то, что она сможет забыть события вчерашнего вечера и они не оставят на ее психике неизгладимого отпечатка. Моя девочка уснула, а я вышла в коридор, оттуда — на лестничный пролет, не чувствуя опоры под ногами.

Я буквально вслепую подошла к огромному панорамному окну — от усталости и непроходящего стресса перед глазами плясали клочья плотного тумана, ноги едва держали, и я обессилено прислонилась к прохладному стеклу, на ощупь выбивая из портсигара никотиновую трубочку. Я была опустошена и разбита. Чаша моего страдания в этом неравном противостоянии была наполнена до краев, а спасительное забвение все не приходило. «Оно и не придет, — устало подумала я, — у меня есть ребенок, замечательная девочка, ради которой я обязана была держаться, жить, сражаться, или же просто подчиниться воле рока, пока это гарантирует подобие безопасности». Никотиновый дым ворвался в воспаленную от недавнего удушья гортань, врезался в поры и погнал по крови транзит такого необходимого сейчас токсина, на миг скрыв от меня приближение плотной тени вместе с подавляющим чувством тревоги и безысходности.

Тьма всегда шла за ним по пятам. Бездна содрогалась под его шагами, принимая как равного, и расступалась, создавая беспрепятственный коридор. Еще недавно я бы постучала себя по лбу за подобные аллегории, но сейчас в этой обреченности и признании чужой абсолютной силы было что-то практически родное и настолько реалистичное, что я всего лишь опустила глаза в пол, в противовес прошлому, в котором мой инстинкт самосохранения и непотопляемое чувство протеста диктовали необходимость забиться в угол, закрывшись руками, или вцепиться в его от замороженное лицо, раздирая в кровь.

— Как она?

— Спит. — Меньше всего мне хотелось обсуждать с ним состояние моей дочери. Тишина углубила пропасть, которая беззвучно ширилась между нами, отдаляя друг от друга с каждым ударом волн остывающей ненависти, с каждым понижением градуса покрывающегося льдом сердца. Я не сопротивлялась, когда его пальцы отобрали у меня сигарету, просто осторожно перехватив ее основание у губ, — я даже обрадовалась тому, что сейчас его действия направлены на меня, а не на кого-то другого.

— Поехали. Ты очень устала.

— Тебе разве не надо к сыну? — это не было упреком в моем исполнении, еще одно недоумение по поводу ситуации в целом.

— Ты думала, я оставлю тебя сейчас одну? — его ладонь опустилась на мою шею, и я инстинктивно вздрогнула. Нажим тотчас сменился легким поглаживанием, которому я охотно отдалась, даже не понимая, что ему удалось увлечь меня к выходу.

Я не удивилась тому, что в этот раз Дима опять отвез меня на свою холостяцкую квартиру. Позволила раздеть себя, испытав что-то вроде благодарности, когда он не пошел вслед за мной в душ, предоставив бесценные минуты уединения; я прежняя забаррикадировала бы дверь и не выходила бы до тех пор, пока не смою с себя следы его прикосновений и эту невидимую печать обладания, которая буквально пылала на моей коже. Сейчас же мне было все равно. Вода смыла следы маскирующего крема, и отпечатки пальцев на моей шее казались абстрактными вампирскими укусами.

Я не удивилась, когда мне указали на пол решительным жестом, стоило перешагнуть порог огромной комнаты, где совсем недавно я летала в непередаваемой эйфории и обрела веру в то, что теперь все будет по-другому. Мне уже не надо было пояснять самых элементарных вещей, я автоматически развязала пояс халата, который нашла еще вчера в шкафу, позволив ему соскользнуть на пол, и осторожно опустилась на колени на прохладный черный пол. Рельефная тьма источника моего страдания осталась за спиной, я даже не вздрогнула, когда теплые пальцы коснулись кожи и мягкая полоска ошейника оплела мою шею, замыкаясь с тихим щелчком. Меня больше не удивляло и не возмущало то обстоятельство, что он продолжал удовлетворять собственное эго, несмотря на тот факт, что время для это было не совсем подходящим.

— Это не твоя вина! — горячий шепот полоснул по затылку, побежал по позвоночнику волнующими иглами, которые тут же гасли, отскакивали от защитного барьера моей апатии и слепой покорности судьбе. Мне было все равно, кто из нас виноват в том, что происходит сейчас. Мысль о том, что ради дочери я послушно вытерплю все эти унижения, которые уже и не кажутся таковыми, отключила даже страх. Пока я испытываю это на собственной шкуре, хозяин доволен и лишен необходимости выбивать мое послушание через близкого человека. Я покорно потянулась, подчиняясь давлению его рук, вставая на ноги и не обращая внимания на дрожь в уставших коленях. Тьма накрыла мой мир приятным на ощупь шелком черной повязки, уже такая привычная, что я не хотела ее бояться — позволила ей обнять меня с таким же властным давлением, как это делали руки Димы. Несколько шагов, и мои соски инстинктивно сжались — не от возбуждения, больше от неожиданности, когда ощутили лаковую поверхность деревянной вертикальной балки. Не понимая, что именно делаю, я потянулась щекой к приятной прохладе глянца, закрывая глаза под пологом черного шелка. В критической ситуации мое сознание находило успокоение в самых обычных вещах.

Где-то есть абсолютная тьма. Где-то годами, а то и веками не видят солнечного света, и могут оставаться абсолютно счастливыми, потому как визуально осязаемый мрак не так страшен, как беспробудная ночь вместо души. Гулкий звон цепи добавил очередной шрам на истекающее кровью сердце, замок кожаной манжеты сомкнулся на моей руке.

— Не бойся... Я просто хочу тебе помочь! — если бы он сейчас сказал, что собирается одним ударом оборвать мои страдания, я бы осталась такой же спокойной. Второй браслет сомкнулся на правом запястье, цепи подтянули мои руки вверх, отчего позвоночник натянулся струной. Ощущения приумножались, углублялись под неумолимым диктатом сенсорной депривации и его голоса.

— Ты остановишь... ничего не бойся! Просто назовешь меня по имени! — привычно теплые пальцы коснулись моей щеки, сменились успокаивающим поцелуем, который абсолютно ничего сейчас не задел в глубине души. Я не имела ни малейшего понятия, что он собирается делать, и всполох нешуточной обжигающей боли, пронзивший мою спину по диагонали, заставил судорожно дернуться в мягких оковах. Крик погас в паутине надорванных связок, и боль, которая должна была согнуть меня в конвульсиях, заставив истекать слезами физической агонии, прошла навывлет, сквозь мое подрагивающее тело, опору деревянной балки — ее безжалостно вытеснила иная, душевная, утвердившая свои позиции окончательно. Она не собиралась терпеть чужаков. Она не боялась кнута и прочего садистского арсенала. Второй удар отрикошетил от ее непробиваемого панциря, растворился в окружающем пространстве, оставив на коже пульсирующую багровую полосу, которая не достигла нервных окончаний души. Третий удар я сама хотела прочувствовать, но эта боль, казалось, полыхала не в моем теле, а в стороне, на абстрактном экране. Она не могла забрать душевную агонию, мое тело нарушало все законы физики и психологии в этот момент, и вскоре я просто закрыла глаза, сминая под повязкой дрожащие ресницы. Она проходила насквозь. Я желала сдохнуть от болевого шока, только бы не истекала кровью моя душа, но у судьбы были совсем иные планы.

— Почему ты закрываешься?! Юля, почему ты меня не пускаешь?!

Мое тело, повинувшись законам гравитации, скользнуло в кольцо его рук, я бы упала, если бы он меня не удержал. Спину пронзило разрядом обжигающей боли, за которую я инстинктивно постаралась ухватиться всеми рецепторами, но ее было недостаточно, для того чтобы хоть на десять процентов погасить все то, что творилось в моем сердце.

— Ты не виновата! В этом нет твоей вины! — если я чего-то от него и хотела в этот момент, то не слов и не убеждений в том, что от меня ничего не зависело. Он бы помог мне гораздо сильнее, если бы вылил на спину бутылку перцовки, а не пытался пять минут спустя снять боль прохладным полотенцем и ментоловым бальзамом. Я не шевелилась и не чувствовала боли, просто лежала, уткнувшись подбородком в согнутый локоть, наблюдая за небрежно брошенным на полу кнутом. Его устрашающий облик смягчил шоколадно-кофейный полумрак комнаты, а я не могла понять, почему при первом знакомстве с этим девайсом его удары вогнали меня в болезненное. Сегодня я перенесла их не менее десяти, но боль не желала иметь ничего общего со мной. Почему, если она была так необходима?!

— Ты устала. Я попробую снова. Ты дашь мне забрать твои страдания? — я непроизвольно поморщилась, переворачиваясь на спину. Открывать глаза не хотелось. Вникать в его слова — тоже. Теплые ладони накрыли мою грудь, зажав между пальцами ареолы сосков, которые просто подчинились физиологии, налившись кровью. В этой реакции не было ничего от возбуждения. Я протестующее застонала, когда пальцы сменились его губами — не потому, что это вызвало отвращение, а исключительно потому, что я ничего не чувствовала. Огонь первобытного вожделения не зажег мою кровь даже тогда, когда горячие губы в унисон с нажимом языка скользнули вниз, очертив мягкий рельеф мышц. Когда я ощутила прикосновение языка к своему клитору, вместо тянущей сладкой пульсации мое горло сжало спазмом от подступивших слез. Эти умелые поглаживания, прикосновения губ и языка могли бы вознести к звездам за несколько секунд, если бы все сложилось иначе.

Я не смотрела ему в глаза — я до боли сжимала собственные веки, чтобы не позволить слезам хлынуть сплошным потоком, и даже не сразу заметила, когда он остановился.

— Ты останешься со мной? Ты позволишь тебя спасти? — кажется, я перестала его понимать окончательно. Мир переворачивался и сводил меня с ума.

— Спасай себя сам... — прошептала я в пустоту, вырываясь из его рук, сжав предплечья дрожащими ладонями. Я не могла сейчас иначе выразить все свое равнодушие к происходящему. Как и к нему самому...

Глава 25

Теплые струи воды сбегали по моей спине, на которой остались переkreщенные алые отметины, смывали воздушную мыльную пену, забирая прочь саднящее покальывание на местах болезненных меток. Ничего не изменилось со вчерашнего вечера — боль хоть и стала ощутимее, ее было недостаточно, для того чтобы перед ней померкла моральная агония. Она пронизывала мое тело подобно рентгеновским лучам, замирала, усиливая пульсацию в области изрешеченного выстрелами рока сердца — но ей не под силу было зацепиться за неподъемную агонию и унести ее с собой прочь. Этому не могла способствовать никакая интенсивность, никакие внешние раздражители, даже те, что еще совсем недавно имели полноправную власть над моим телом и сознанием.

Мои ладони скользили по гляncу плитки цвета графита в абстрактных вензелях сливающихся в готический рисунок серебряных ломаных линий, углубляя насыщенную тьму на месте соприкосновения с кожей — конденсат стекал под моими пальцами бездушными слезами, казалось, холодной эмали передалось мое состояние. Впрочем, я плакать не собиралась. Все, чего мне сейчас хотелось — обнять свою дочь, прижать к груди, укутать в одеяло и качать на руках, повторяя теплые слова, до тех самых пор пока она окончательно не забудет о недавнем кошмаре, который рассмотрела во всех деталях.

— Повернись, — возможно, в его голосе и присутствовали сейчас какие-либо эмоции, кроме сухой самоуверенности и циничного торжества победителя, наконец-то ударившего своего противника в болевую точку точно направленным выстрелом. Я больше не хотела анализировать чужую речь и искать в ней что-то человеческое, за что можно было ухватиться и использовать себе на благо. Мой ритм жизни перестал быть стремительным, подобно бегу горной реки. Наверное, я выполняла приказ довольно медленно, потому что его ладонь буквально впиалась в мою поясницу, разворачивая к себе, вторая рука перехватила мои запястья, поднимая над головой и прижимая к прохладе покрытой каплями воды плитки. Я даже не вздрогнула от отголоска боли — Дима умудрился ощутимо надавить на саднящий след от кнута, но прохлада стены забрала и эту шаткую возможность сосредоточиться на физической боли, чтобы вытолкнуть ей навстречу хотя бы квант безысходного отчаяния.

— Ты услышала меня? Три дня и никакого клуба. Проведешь время с дочерью.

Я не ответила, хотя мне и показалось, что он ожидал сбивчивой благодарности в ответ на подобную милость.

— У меня тоже в мэрии дел невпроворот. И я двое суток не видел сына.

«Кто, твою мать, виноват в том, что твой член двое суток диктовал твоей совести?»...

Мне не хотелось ничего говорить, и даже комментировать. Диме не понравилась эта тишина — хватка на моих запястьях усилилась, его губы повелительно и бескомпромиссно накрыли мои, раздвигая языком сомкнутую линию зубов, врываясь в мой рот на полную глубину, оплетая спиралью мой, принуждая к немедленному ответу, простимулировав легким прикусом, а я непроизвольно вжалась в стену, ощутив его эрекцию, вздрогнув от прикосновения пульсирующего кончика члена к лепесткам моей киски. Обычная реакция на

уровне рефлексов без привычных ранее импульсов горячего желания по всему телу, ласкающего поглаживания по сердцу, без выброса влаги внутри сжавшегося влагалища с готовностью принять его как можно глубже в свои тесные глубины. Я непроизвольно ответила на атаку его языка, втайне надеясь, что сейчас пройдет этот внутренний зажим и кровь закипит, подчиняясь первобытному диктату прикосновений сильного мужчины, который держал в руках мою сущность до последней клеточки. Ничего. Мои губы горели от механического раздражения, которое больше не вызывало ответной пульсации даже на физическом уровне. Я закрыла глаза, пытаюсь с хладнокровием аналитика рассчитать, когда ему надоеет моя отмороженная реакция и я смогу наконец обнять свою дочь и увезти ее прочь из стерильного уюта больничных стен. Частичка меня все еще согревалась надеждой, что сейчас нокаутированная чувственность встанет на ноги на последних цифрах счета рефери и сметет непроглядную мглу своим цунами. Но в этот раз она придавлена спасительным летаргическим сном и у нее не было иного выбора, кроме как впасть в забвение. Если бы она проснулась в таких суровых условиях, на хрен погубила бы своего носителя. То есть меня.

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем Лавров осознал, что я не принимаю никакого участия в этой навязанной любовной игре. Его пальцы отпустили мои запястья, прошлись успокаивающими ласковыми касаниями по коже безвольно повисших вдоль тела рук. Я ожидала упреков, претензий или открытой злости, но тишина, прерываемая журчанием воды, давила на психику, активируя осознание той неправильности происходящего, которая вызвала непрошенные слезы.

— Как ты мог отнять у меня еще и это?.. Неужели тебе мало?

Это не было претензией. Это не было даже истерикой, я просто озвучивала свое состояние, как будто читала лекцию.

— Это самое лучшее, что может происходить между двумя людьми. Как ты умудрился лишить меня единственной радости?..

Я не открывала глаза и даже не осознала, что его голова опустилась на мое плечо. Порыв жалости и самоистязания прошел, я осторожно вытянула ладони, отстранив его от себя, развела в сторону дверцы душевой кабины, ступая босыми ногами на прохладный пол. Мне было все равно. Пусть я не чувствовала и не радовалась жизни, сейчас в этом мире существовал всего один человек, который отчаянно нуждался в моем тепле и моей любви, а я теряла драгоценное время, жалея себя и оставаясь в руках ненавистного врага, который утратил сейчас свое самое ценное и безжалостное оружие: способность вызывать во мне желание на грани безумия. Радиус его поражения задел нас двоих, но у меня не было сил этому радоваться.

Я осторожно вытерла спину махровым полотенцем. Достаточно боли, для того чтобы мне стало легче, все равно не будет, а если откроется минимальное кровотечение, испачкаю платье. Казалось, сейчас не существовало никого и ничего, кроме меня. Я высушила волосы, не обращая внимания на молчаливого Лаврова, уточнила адрес квартиры и велела Борису забрать меня ровно через полчаса, не обратив внимания на заверения Димы в том, что его водитель в моем распоряжении. Мне хотелось иметь с ним как можно меньше общего, наша невидимая связь рвались с оглушительным треском, провисая оголенными проводами, а у обоих еще оставалось достаточно здравого смысла, чтобы приняться воссоединять их голыми руками.

Когда я взялась за ручку входной двери, его ладонь накрыла мои пальцы. Тактика

сменилась, невесомый поцелуй коснулся моего лба, прошелся по переносице в безумно нежном порыве. Как бы я хотела сейчас впустить эту нежность в свое сердце, уткнуться лицом в его плечо, вбирая крупницы ускользающего тепла и защиты, ощутить, что я не одна. Что есть кто-то, кто сможет удержать меня на грани безумия! Пусть даже именно он подвел меня к этой грани.

«Не убивай нас...». Не о том я просила в тот день, когда впервые оказалась в этой квартире. В тот день он не смог убить нас, даже если бы очень сильно постарался. Смертельным для нашего зарождающегося мира стало совсем иное оружие. Я тряхнула головой, пресекая попытку завладеть моими губами, справилась с замком — пальцы даже не дрожали, и покинула прочь этот круг ада.

Ева сидела на кровати, пытаясь одной рукой справиться с игрой на мониторе планшета, — правая ручка покоилась в тисках фиксирующей повязки. Уже знакомая мне молодая медицинская сестра расчесывала ее густые темные волосы, собирая в два высоких хвоста и тепло улыбалась, когда моя дочурка жаловалась ей на то, что не успела взять сундучок с сокровищами. Нежность вытеснила холод зимы, который воцарился в моем сердце, и я непроизвольно залюбовалась прежней улыбкой моей девочки, застыв в дверях.

— Мама! — Ева попыталась вскочить, но пошатнулась, утратив равновесие, и терпеливо закусила губы, позволив медсестре поддержать себя за плечи и встать с кровати. — Мама, мне грели ручку твоим солярием, только маленьким, и она теперь меньше болит!

— Готова ехать домой, моя храбрая защитница? — я обняла Еву, прижав к сердцу, зарывшись носиком в пробор ее приятно пахнущих волос, испытав прилив поистине ничем не омрачаемого счастья. Мой личный черный демон мог уничтожить мою волю, мою обнаженную чувствительность и радость к жизни, но у меня была моя дочурка, моя маленькая кровиночка, ради которой я еще держалась и была готова терпеть этот мрак и дальше, лишь бы знать, что с Евой все будет хорошо.

— Да! А давай заедем в наше кафе и покушаем тех пирожных, в виде Смешариков?

— Очень хочешь? Поедем, моя ласточка! Сильно болит?

— А я Сейлор Мун, и меня укусил демон! Но я потом его убью!

Выписка не заняла много времени. Выслушав рекомендации травматолога и Лагутина, который посоветовал моей дочери больше отдыхать, а мне ни в коем случае не показывать, что на душе кошки скребут, я заказала столик в нашем любимом кафе. Ева с завидным аппетитом поглощала пирожные и горячий шоколад, после чего мы прогулялись по парку Шевченко и попали домой только во второй половине дня. Приехала Настя со своим фирменным шоколадным тортом, я с легкостью уговорила ее остаться на ночь — мне казалось, что я свихнусь к чертовой матери без поддержки близких людей. Впрочем, обсуждать с ней перипетии моей жизни я не стала. Ева ввела ее в ступор рассказом о том, как мама подавилась косточкой, а принц Эрик ее спас, только вот сама Ева в этом сомневается — ей кажется, что ее воображаемый друг перешел на сторону зла и хотел маму убить. Наверное, его заколдовали.

— Скажешь матери — убью, — шепнула я сестре, которую просто распирало любопытство. — Потом все узнаешь, если будешь хорошо себя вести.

С заходом солнца груз беспросветной тоски и отчаяния вместе с жалостью к самой себе придавил посильнее каменной глыбы. Я втерла в кисть Евы мазь против растяжения, закрепила фиксирующую повязку и уложила спать, прочитав на ночь отрывок из книги про Питера Пена. В этот момент я еще держалась и, когда моя кровиночка уснула, поправила

одеяло и прилегла рядом, стремясь отдать ей максимум своего тепла. Настя плескалась в бассейне и уничтожала мой любимый мартини, ожидая, когда же я к ней присоединюсь, но глубина бездны поглощала меня все сильнее, и я просто боялась сорваться у нее на глазах. Наверное, я даже задремала ненадолго, потому что не сразу поняла, что Ева беспокойно задергалась и захныкала во сне. Сперва я решила, что она легла на травмированную ручку, но когда поняла, что она видит тревожный сон, меня прошиб холодный пот. Потрясения никогда не проходят бесследно, моя девочка билась с кем-то невидимым, умоляя оставить в покое... меня?..

Я даже не смогла ее разбудить. Прижала к себе, осознав, что мое тело сотрясают беззвучные рыдания от бессилия и отчаяния, которое, кажется, достигло критической точки. Слова успокоения смешивались со слезами на моих губах, а в глубине уставшего сердца окончательно возвела свои флаги ненависть. Она не могла пока ничего предпринять, только разъедала изнутри, причиняя мучительную боль. Когда Ева успокоилась и начала дышать ровнее, я готова была завывать в голос, разбить на хер фото Алекса, который обрек нас на этот кошмар, раздрать собственную грудную клетку до крови, чтобы вырвать этот кусок плоти, который продолжал качать кровь по организму и сжигать меня в этом безумии грани невозврата.

— Юля?.. — Настя отбросила пульт, когда я вылетела в холл, на ходу вытряхивая из сумки ключ от машины. — Что с тобой?

— Будь с Евой. Я скоро вернусь! — Слезы текли по моим щекам, когда я набирала номер, захлебываясь в подступивших рыданиях. — Юра, мне надо с тобой встретиться. Срочно.

Штейр не задавал вопросов. Он даже не уточнил, почему именно Бабаи, одна из самых больших возвышенностей в Харьковской области. Я и сама не знала, почему назначила встречу в этом месте. Именно там начался отчет целой жизни продолжительностью в семь с половиной лет к нынешней точке невозврата... Первый поцелуй с тем, кто превратил мою жизнь в кошмар. Мое решение продолжать отношения, страх перед которыми перекрыл практически подростковый авантюризм. Может, именно там все должно было сегодня закончиться?

Я уверенно рассекала родные просторы по загородной трассе на белоснежной «Юлии», словно стремясь оставить позади собственную боль, трансформировать ее в жажду завышенной скорости, ведь в черте города покорно притормаживала перед лежащими полицейскими, до тех пор пока не рассмотрела надпись на очередном билборде «Мэр Дмитрий Лавров поздравляет харьковчан с пасхальными праздниками». Наверное, в этом городе мне никогда не будет покоя. Меня сломал Харьков вместе с его новым хозяином, на этот раз окончательно.

...Далеко внизу раскинулась бриллиантами, изумрудами и сапфирами загорающихся огней панорама величественного города. Багровая полоса заката утопала в дымке смога безветренного вечера, далеко за горизонт уходила поросшая кустарником равнина под навесом крутого обрыва. Я смотрела вдаль, ощущая себя совсем не победительницей на высшем пике этой точки — скорее, маленькой пушинкой. Любой порыв ветра грозил свергнуть меня в эту пропасть, разорвать тело лезвиями острых камней и колючками веток, принимая в свои ряды очередную жертву этого враждебного мегаполиса, который я по-своему любила. Город не был виноват в том, что достался в руки князю тьмы, который решил, что имеет право ломать жизнь его обитателям в угоду своей одержимой любви. Я на

миг даже позабыла о присутствии Юры, который прибыл сюда раньше меня и был настроен очень и очень скептически.

— Штейр, твою мать, если этого не сделаешь ты, мне придется найти того, кто торгует стволами!

Юра держал меня за руку, словно опасался, что я сейчас сигану с этой огромной высоты вниз. Минуты поглощали наш лишенный смысла спор о правилах ношения оружия и расстрела некоторых индивидуумов.

— Приди в себя! Что ты собираешься делать с пистолетом? Ты совсем потеряла инстинкт самосохранения, или тебе плевать на дочь?

— Я просто хочу ощутить себя в безопасности.

— Ты не умеешь врать. Ничего умнее, кроме как всадить Лаврову пулю в лоб, не могла придумать?

— Я не смогу убить даже такого уроды. Ты не понимаешь, это просто как нательный крестик, источник сил... защиты, в конце концов!

— Мой ответ — нет. Вернись в машину.

Я закурила, сбросив прикосновение его рук. Боль и обида продолжали уничтожать мою волю крупица за крупицей.

— Это потому, что он уговорил тебя вернуться в клуб, повисил вдвое оклад и принес свои извинения? Ты за это продался гребаному царьку Харькова?

— А тебе не приходило в голову, что я согласился только потому, что смогу защитить тебя даже от него? Что это самый лучший расклад из всех, что мог быть? И я, как сторонний наблюдатель, позволь заметить, вижу гораздо больше, чем ты можешь себе предположить.

— И что же ты видишь?

— У меня дежавю. То же самое было, когда я потерял от Аськи голову. Думаю, Анубис тебе рассказывал о прецеденте... и о том, что ей пришлось вынести, пока моя любовь не проскочила стадию безумной одержимости. Так вот, я сейчас между вами наблюдаю то же самое.

— Саша перевернулся в гробу сейчас на твоих словах! Хорошо, если опасаясь за меня, найди мне того, кто это сделает, я плачу любые бабки! У тебя полно боевых друзей, там что, снайпер не завалялся?

— Ты очень устала, и я тебя не осуждаю. Я сейчас отвезу тебя домой и лично накачаю успокоительным. Ты уже несешь суший бред.

— Все вы, доминанты, одинаковые. Ты достанешь мне ствол?

— Именно ствол? Давай сейчас разберем твою рефлексию с точки зрения логики. У тебя дома внушительная коллекция холодного оружия. На кухне наверняка найдется нож, который легко уместится в дамскую сумочку. Рецепт яда можно спокойно скачать с Википедии, а ингредиенты найти в собственной аптечке. О чем это говорит, Юля?

— О том, что меня мало поймут, если я буду таскать катану вместо сумки. О том, что мы не в Голливуде и мне не до эффектных трюков.

— Это говорит только о том, что ты уже потеряла связь с реальностью. Мне трудно тебя осуждать, когда ты в таком состоянии, но сходить с ума я тебе не позволю. Ты сама прекрасно понимаешь, что происходит. Вы как два придурка, извини меня, каждый из которых считает себя круче другого, чтобы пойти на компромисс и понять, что происходит! Тебе проще страдать, чем признаться себе, что вы уже друг без друга не можете дышать!

У меня закружилась голова. Мир точно сошел с ума. Я готова была слышать подобное от

кого угодно, но от Штейра? Чем его купили?

— Et tu, Brute? Если выговорился, давай, прояви чудеса красноречия и посоветуй, что лучше: «Беретта» или же близнецы Смит и Вессон...

— Ты не понимаешь, о чем просишь. Даже если я тебе сейчас поверю, что тебе будет спокойнее спать с пистолетом под подушкой, я тебе расскажу, что происходит с людьми, даже с военными профессионалами, в состоянии, подобном твоему. Представь, идет война. Лучший боец элитного подразделения сражается не на жизнь, а на смерть, косит врагов без жалости на пике куража и без страха смерти. А в один день что-то замыкается в голове. Он начинает говорить со своим автоматом, как с живым, идет в бой с улыбкой. А потом наступает затишье до следующего боя. Рота пьет спирт и поет песни под гитару, вспоминая о доме, проживая этот день, зная, что он может оказаться последним. И вот он сидит у огня вместе со всеми, улыбается и о чем-то думает — а потом встает и с таким же спокойствием, как и у тебя сейчас, начинает стрелять от бедра по окружности. Современный писатель-фантаст Рик Янси в деталях описал подобное явление, условно назвав смельчаков, которых сломала война, «Дороти». Прочтешь, когда успокоишься. Я не буду наблюдать за этим в мирное время и вне зоны боевых действий. И не с женщиной, которая очень мне дорога как друг и прекрасный партнер. А теперь возвращайся в машину, и мы поговорим завтра. Тебя дочь заждалась.

Я отбрасываю сигарету и слезу, как она летит в пропасть, — ее поглощает листва густого кустарника, едва заметного в темноте. Как мало надо, чтобы твой кошмар закончился, — всего лишь шагнуть в эту бездну, расправив крылья... Какие крылья, у меня ведь их больше нет...

Мы вздрагиваем вместе, когда раздается трель мобильного. Я подошла очень близко к обрыву, и Штейр рывком дергает меня за плечи, заставив отступить назад.

— Так, легче, Катерина из «Грозы»! Ответь на звонок!

Я подчиняюсь этому безапелляционному тону. Если среди доминантов Харькова придется выбирать вожака стаи, я присвою этот титул именно ему. Друг Александра, второй из самых лучших.

В трубке помехи и треск, но звук быстро выравнивается.

— Юля! — кричит Крамер, и меня непроизвольно бьет по всем натянутым нервам зарядом чужого восторга. — Юля, ты где? Быстро в скайп! Брайан хочет тебе что-то сказать! Бегом!

— Я не дома... и не могу... — сбиваюсь, гляжу вниз и непроизвольно отпрыгиваю назад, испытав страх высоты.

— Ты можешь продать клуб! Брайан изучил бумаги! Решение проблемы лежало на поверхности, Раздобудько тоже с этим согласился... Юля, даже больше... не продать... воля Алекса — оставить в семье... а у вас благотворительный фонд! Ты понимаешь? Тебя ничто не держит! Нет у Дмитрия больше рычага управления! Это победа!

Огни города сливаются в сплошную линию перед моими глазами. Я не понимаю ни слова, но эта уверенность вливается в мои легкие живительным кислородом, расправляя согнутые плечи.

— Быстро домой и в скайп. Брайан сам тебе все расскажет. И как только решишь свои дела, берешь Еву и летишь к нам! Ты меня поняла?!

— Почему? Зачем? — тупо повторяю я, переводя недоуменный взгляд на сосредоточенного Штейра. — Я не могу... Иначе он меня просто...

— Даже если я скажу тебе то, что заставит тебя передумать?

— Что?

В трубке пауза, которая тут же прерывается счастливым смехом:

— Багира... Я беременна! Неужели это для тебя не аргумент?..

Теплое солнце упало на мои скулы, оставив поцелуй окончательно воцарившейся весны, дразнясь, пустило солнечные блики в глаза, и я поспешно натянула солнцезащитные очки, затаившись сигаретой. Семейный юрист Раздобудько отошел в тень и тоже закурил. Я скосила глаза, наблюдая за ним сквозь темные стекла. Он выглядел усталым, растерянным, слегка виноватым, но в то же время по-прежнему непреклонным.

— Если хотите мне что-то сказать, говорите, — нейтрально произнесла я. — Здесь нет никого, кроме нас.

Мы стояли на крыльце Фонда помощи детям, больным лейкемией. В сквере, в отдалении, сидела, качая коляску, молодая женщина с обеспокоенным лицом, а мальчуган лет восьми катался на деревянной качели, жмурясь от яркого весеннего солнышка. Никто из них не мог нас услышать.

— Мои слова мало что изменят, Юлия Владимировна. Я просто не понимаю секретности, которая лишает вашего делового партнера права на своевременную информацию.

— Это против закона? Я должна заручиться его согласием? Получить его визу? Отчитываться в своих действиях? Или я вписала в дарственную часть его квадратных метров в клубе?

— Нет, вы не обязаны. Просто с точки зрения...

— С точки зрения чего? Морали? Справедливости? Всего того, о чем вы предпочли умолчать, посоветовав мне свыкнуться с ситуацией, которую сложно придумать в страшном сне?

— Юлия, это была воля моего клиента, вашего покойного мужа. Мы обсуждали ситуацию перед его смертью не раз, он особо настоял на том, чтобы вы взяли на себя управление клубом...

— А я вот склоняюсь к мысли, что вы слуга двух господ, Евгений Наумович. Но вы и тут умудряетесь в пух и прах разнести мою теорию, потому как, узнай господин мэр о том, что мы только что сделали, уже был бы здесь. Я бы смеялась, если бы не было так грустно. Узнать о решении, которое лежало на поверхности, от юриста из США, при том, что вы работаете на меня и молчали о такой возможности...

Я до сих пор не могла прийти в себя от того, как быстро завертелась эта карусель. Только вот стояла на краю обрыва на пике своего отчаяния и готова была прыгнуть вниз, как вдруг... Штейр не бросил меня в тот вечер, отвез домой, после чего пригнал мою «Юлию», поскольку я сама была не в состоянии вести машину. Сам заваривал мне успокаивающий чай, отправив спать любопытную Настю, присутствовал при сеансе связи. Брайан разъяснил мне все очень грамотно, недоумевая по поводу того, почему молчал Раздобудько. К слову, семейный юрист даже с ним отказывался идти на контакт до последнего. Мистер Крамер говорил очень внятно и долго, из его лекции я поняла основное.

Фонд помощи детям был нашим семейным достоянием, как и клуб. Мне было запрещено продавать или преподносить в дар свою часть клуба (вопрос, почему это не коснулось Ильи, уже казался мне несущественным); но мне никто не мог запретить благотворительность. О нет, в завещании имелись оговорки по этому поводу. Но если я

оформлю дарственную на собственный Фонд помощи детям, формально клуб останется в семье. Как-то так. Что в этом случае остается Лаврову? Скорее всего, он его выкупит, и в фонд поступят дополнительные средства. Это уже не имело особого значения, потому что больше не являлось моей проблемой, к тому же запреты рушились.

Весь следующий день я проспала, восстанавливая силы, а вечером в буквальном смысле зажала в углу Евгения Наумовича, который после маловразумительного сопротивления признался, что доводы Брайана Крамера верны на все сто. Я не стала терять время. Обрисовала ситуацию Герману по телефону, и с началом следующего дня мы встретились в конференц-зале Фонда, чтобы окончательно подписать все документы. Половина клуба «Деви-Ант» перешла в дар фонду помощи детям, больным лейкемией.

Сегодня Штейр вышел на работу в клуб. Я всего лишь попросила его защитить Владу, к которой испытывала дружеское расположение. Больше я там не появлюсь, по крайней мере в ближайшее время.

Звонок прервал мои размышления. На миг я побледнела, когда на дисплее высветилась фамилия Лаврова, но даже в том случае, если его проинформировали о моем поступке, он опоздал. Я выдохнула с облегчением, осознав, что ему ничего неизвестно.

— Как моя девочка?

Мне было легко. Не было ненависти и страха, только затихающий трепет перед его не потерявшим властности голосом и легкая усталость.

— Спасибо, мы в порядке.

— Как Ева?

— Хорошо. Только рука все еще болит. — Я не стала ему говорить, что моя дочь просыпается в слезах, потому что ей снятся страшные сны. Я больше ничего не хотела ему говорить. — Как Данил? Все хорошо?

— Рвется играть в футбол. — Властные нотки в его голосе растаяли от непривычного тепла, и я непроизвольно улыбнулась. Он мог быть настоящим. Добрым и понимающим. Любящим и благородным. Только меня это никогда не касалось, мое место в его сердце было на стороне тьмы. — Просто не знаю, что с ним делать.

— Кого-то мне это напоминает. — Я не отдавала себе отчета, что непроизвольно улыбнулась в ответ. Мне легко было сейчас флиртовать с монстром, разрушившим мою жизнь, потому что с каждой секундой его власть надо мной рушилась, словно карточный домик. А он этого не осознавал.

Его смех огорошил меня, и я непроизвольно отошла в сторону. Мы говорили, словно давние близкие друзья. И притом огонь ненависти к этому человеку все еще опалял уставшее сердце.

— Этого не отнять. Юля, я хочу завтра тебя видеть. На том же месте. Павел заедет за тобой в семь. Постарайся выспаться и не накручивать себя понапрасну. Ты же знаешь, что я никогда не сделаю тебе плохо?

— Знаю, Дима. Что мне надеть? Есть пожелания?

Мне хотелось расхохотаться прямо в трубку, но в тот момент послышались голоса. Конечно же, рабочий процесс...

— Я позвоню тебе позже. Пожелания? Я рад видеть свою девочку без одежды, ты же знаешь. Отдыхай, моя любимая.

Любимая? Слово, которое кипятит кровь, ничего, кроме недоумения, не вызвало. Наверное, я всегда об этом знала. Сбросила звонок и повернулась к Евгению Наумовичу.

— Мои подписи больше нигде не понадобятся? Меня не будет в городе долгое время.

— Нет, Юлия Владимировна. Все подписи на месте. Пожалуй, я спрошу, вы продолжите работать со мной или будете искать нового юрисконсульта?

— Мне сейчас не хочется об этом думать. Совсем. Я вернусь, и мы попытаемся поговорить снова. Просто совет на будущее, помните, кто платит вам гонорары. К сожалению, это больше не мой покойный супруг, поэтому мои интересы сейчас стоят превыше всего. Если вы с этим согласитесь, полагаю, мы продолжим сотрудничество.

Мы обменялись рукопожатиями на прощание. Я больше не злилась на этого человека, при всем при том он оставался лучшим юристом в городе, к тому же его преданность Алексу, пусть даже она сыграла против меня, являлась очень ценным качеством. Скорее всего, мы продолжим наше сотрудничество, когда я вернусь.

Я набрала Владу, которой еще утром дала задание узнать расписание рейсов в Филадельфию. Прямой рейс из Харькова был в 22:47, перелет занимал примерно девять часов. Ранним утром я уже буду в аэропорту PHL International. Разница во времени — минус семь часов. С визой у меня все было в полном порядке, жена вице-консула все еще пользовалась определенными привилегиями.

Сейчас, когда я была на пути к долгожданной свободе, накатила непонятная обреченная усталость. Часть меня хотела запеть в голос «Я свободен!», а вторая часть не желала даже шевелиться. Моя жизнь согнула меня и практически поставила на колени, а я забыла о том, что имею и всегда имела право дышать полной грудью и ничего не бояться. Я проводила долгим взглядом удаляющуюся фигуру Евгения Наумовича и спустилась вниз по широким гранитным ступеням, направляясь к широкой скамье под сенью высоких сосен. Теплый ветерок играл моими волосами, подолом платья и отчасти сдувал отголоски тяжелых мыслей. Я опустилась на скамью и непроизвольно сжала шею, стремясь прогнать спазм непрошенных слез.

Месяцы ада позади. Впереди свобода. Там не будет чужой одержимости и вечного противостояния. Несмотря на это, мне захотелось расплакаться. Может, я уже привыкла к своим страданиям настолько, что боялась их потерять, а может, просто еще до конца не верила в то, что практически вырвалась из этого кошмара. Или, что вполне вероятно, раньше я мобилизовала все силы, чтобы не плакать, а сражаться, а сейчас необходимость в этом отпала.

Скрип качели, шум ветра в кронах высоких сосен, слабый шум проезжающих мимо машин слились в мелодию моего освобождения. Несколько слезинок скатились по щекам, упав мне на руки.

— Вам плохо?

Сперва я подумала, что брежу — детский голосок, полный искреннего беспокойства, показался неуместным рядом с замкнутым миром моей персональной боли. Я смахнула слезы, постаралась улыбнуться и подняла глаза, тотчас же встретившись со взглядом восьмилетнего мальчугана. Зеленая радужка его больших, распахнутых глаз была похожа на мою в детстве, когда они еще не набрали глубокого пигмента. Волосы были подстрижены и собраны в хвостик, как у боксера Александра Усика, на тонких запястьях каучуковые браслеты под цвет украинского флага.

— Почему вы плачете? Вы тоже болеете?

— Что? Я... — только сейчас я обратила внимание на серо-багровые круги под глазами, неестественно бледную кожу и прерывистое дыхание мальчика. Все стало на свои места, и

мое сердце сжало новым спазмом боли.

— Не плачьте, прошу вас! У меня вот что есть, — на губах восьмилетнего мальчугана появилась хитрая улыбка, и он протянул мне маленький батончик «сникерс». — Возьмите. Пожалуйста! А плакать не надо, смотрите, какое солнышко сегодня ласковое!

Я непроизвольно сжала ручку малыша. Слезы все еще текли по моим щекам. И я постаралась успокоиться, понимая, что могу напугать его своими рыданиями.

— Меня зовут Назар, а вас? — новый друг забрался на скамью и сел рядом, продолжая улыбаться согревающей улыбкой ребенка, который, несмотря на страшный диагноз, не утратил способности радоваться обычным вещам: свету весеннего солнышка, ласковому ветерку и ощущению полета — это его я видела на качелях.

— Юля, — я непроизвольно сжала конфету, удержав в своей ладони маленькую холодную ручонку.

— Юля, а вы к кому-то приехали?

— Да, к директору. А ты?

— А я с мамой, она хочет договориться, чтобы мне поскорее сделали какую-то операцию, сказала, что я полечу в Германию. Она там, — Назар мотнул головой в сторону здания. — А почему вы плакали? Вас кто-то обидел?

— Нет, мое солнышко. — Я окончательно смахнула слезы, достав платочек из клатча, перехватив ключи от машины. — Все хорошо. А ты очень похож на боксера, знаешь об этом?

— Да. Усик богатырь! — обрадовался Назар. — Юля, съешьте конфету. Она волшебная. Вы перестанете плакать. — Его ладошка легла на мой локоть. — Зачем, если сегодня такой прекрасный день? Не плачьте, хотите, я подержу вас за руку?

Я смахнула слезы, согласно кивая. На миг свет солнца стал ярче, трава — зеленее, весь мир, казалось, ожил под улыбкой мальчика, который сделал для меня сейчас то, что не мог никто прежде. Под улыбкой маленького человечка, который сражался со смертельным недугом, но находил счастье в привычных вещах, на которые я в своем анабиозе арктического холода больше не обращала внимания...

— Я тоже хочу тебе кое-что дать, — сказала я, перехватив его взгляд, устремленный на мою руку. Золотой брелок «лексус» как раз свисал с зажатого в моем кулачке ключа. Я отстегнула блестящую сферу, усыпанную по периметру мелкими гранатами.

— У вас «лексус»? Это очень хорошая машина! — одобрительно заметил Назар. Я покачала головой.

— Ты знаешь английский? На эту букву начинается очень много хороших слов. Leader. Love. Life.

— Лидер, любовь и жизнь, — задумчиво повторил Назар, и в его зеленых глазах зажглись искорки понимания. — А перевернутый, он означает семерку, а это очень хорошее число.

— Я хочу подарить тебе талисман, лучик солнышка. — Я вложила дорогую безделушку в кулачок замороженного парнишки. — Носи его всегда с собой, и никому не отдавай. Он даст тебе силы и осуществит все твои мечты. У тебя же есть заветная мечта?

— Да! Я хочу заниматься боксом, как Александр Усик и Кличко. И я хочу, когда вырасту, купить себе машину, как и у вас. И не болеть никогда. Хотя сейчас я, наверное, больше хочу, чтобы вы никогда не плакали!

— Я не буду, обещаю. Я сегодня съем твою конфету, а ты будешь сжимать этот талисман. И мы всегда будем на связи, как друзья. Даже через расстояния. Хочешь?

— Мама пришла, — с сожалением сказал Назар. — Очень хочу! Только не плачьте, вы такая добрая и красивая! Съешьте конфету, и вы улыбнетесь! — с этими словами моего маленького ангела сдуло со скамьи, и он побежал вприпрыжку к лоджии, где появился Герман Бойко в сопровождении высокой молодой женщины. Я с замиранием сердца следила, как Назар прыгнул к матери, показывая мой брелок. Хотела уже повернуть назад, но растерянное выражение на лице женщины изменило мои планы. Я подошла, опустив очки, чтобы посетительница не видела моих слез. Их горе было куда сильнее, и я ощутила стыд за собственные слезы.

— Мама, это Юля! — захлопал в ладоши Назар.

— Юлия Владимировна Кравицкая, главный основатель Фонда, — представил меня Герман. — А это Алена Черникова, мама этого очаровательного джентльмена.

Я улыбнулась растерянной женщине, которая, судя по всему, только что втолковывала сыну, что он не может принять столь ценный подарок от незнакомой тети.

— Я подарила Назару этот брелок. Это талисман, берегите его. — Выслушала сбивчивую речь женщины о том, как она благодарна нам за то, что мы помогаем людям, — за жизнь Назара она сражается уже несколько лет, оббивая пороги исполнительной власти, и везде столкнулась с равнодушием и ничегонеделанием. Наш Фонд стал ее последней надеждой. На прощание Алена сжала мою ладонь — в ее глазах стояли слезы, после чего попрощалась и пошла вместе с сыном по длинной аллее. Назар оборачивался и махал мне рукой, я отвечала, стараясь не потерять его из виду.

— Герман, когда пересадка?

— В декабре по очереди, Юля... надеемся приблизить...

Я набрала полные легкие воздуха.

— Герман, прошу, сделай в июне. Я тебя умоляю. Не упusti мальчонку из виду.

Алексу стоило жизни промедление в четыре дня. Мысль о том, что этот солнечный человечек с украинским именем Назар потеряет шанс на жизнь из-за бессердечного времени, была для меня непереносима. Бойко положил мне руку на плечо:

— Сделаю, обещаю.

Я набрала полные легкие воздуха.

— Гера, я понимаю, что у нас все равны, но все же... очень прошу тебя. Вот вроде ребенок, всего на несколько лет старше моей дочери, а обладает даром возвращать к жизни одним прикосновением.

Я не знаю, понял ли меня Бойко, но, что услышал, факт. Я закурила, подставляя лицо ласковому солнышку, которое и вправду высушило мои слезы на стадии их зарождения. Кроны сосен и просветы ослепительно голубого неба. Тающая серебристая фигурка самолетика с четким реактивным следом. Совсем скоро я тоже превращусь в точку на небе на пути к свободе. Нам не выбраться из этой тьмы даже по отдельности, только время разорвет ее в клочья, сотрет в пыль, вычеркнет из памяти (возможно), не оставив следа. Этот сюжет не остановить, и никогда не вернуть обратно того, что раньше было с нами, и что могло бы быть. Я закрыла глаза, и фигурка самолета стала темным пятнышком на белоснежной поверхности за гранью воображаемого. Ничего не осталось. Мы сами сожгли себя на костре противостояния и несорванных масок. Мы сами приговорили свои чувства, обрекли их на беспощадный летальный исход в пустыне боли и страдания. И непонятно, на чью долю их выпало больше. Как бы ни пытался мужчина, которого я никогда не переставала любить в глубине души, сломать меня и поставить на колени, ему вряд ли было

легче, чем мне. Его боль происходила из постулата «не могу по-иному». Моя — «я не буду жить так».

— БДСМ-клуб, — вырвал меня из задумчивости Герман. — Иногда то, что кажется воплощением зла, меняет свою полярность и становится чуть ли не благодатью.

— Не продешеви, когда мэр придет его выкупать, — улыбнулась я. — Хотя он сам предложит тебе гораздо больше его истинной оценочной стоимости.

Не знаю почему, но в благородстве Лаврова относительно клуба я не сомневалась ни капли. В нем была часть света, наверное, как и в каждом человеке. Она не спала, просто взаимодействовать со мной всегда было проще под покровом тьмы. Герман внимательно посмотрел на меня, не решаясь задать вопрос. Я не стала приходить на выручку. Тема возможных отношений Юлии Кравицкой и Дмитрия Лаврова ушла в небытие с последним сожженным мостом. Нет никаких «нас» и больше никогда не будет. Я до конца никогда не смогу простить. Понадобилось немного: всего лишь отобрать у меня надежду. Кто же знал, что ее потеря заставит меня воевать ожесточеннее, чем прежде?

...За холодным стеклом иллюминатора раскинулась глубокая ночь, и звезды казались нереально яркими на бархатном черном небосводе. Я поправила плед, укрывая спящую Еву, и улыбнулась проходящей мимо стюардессе. Надо отдать должное профессионализму этой девушки с лицом фотомодели — она перешла на шепот, чтобы не разбудить малышку.

— «Дом Периньон», — прошептала я ей на ухо. — Хочу отпраздновать свой побег.

Это была для нее совершенно лишняя информация, но девушка тепло улыбнулась, и уже спустя несколько минут я пригубила изумительное шампанское из высокого бокала.

— Обрети свой покой наконец, Дима, — прошептала в пустоту, сделав глоток. — У нас уже не осталось сил на дальнейшие подвиги...

Глава 26

Дима

К этому невозможно подготовиться. К этому невозможно привыкнуть.

Еще несколько часов назад ты сжимал в кулаке чужой мир, подчиняя своим желаниям, ритму своего сердцебиения, прерывистой диаграмме собственного дыхания, чередующимся нажимам и поглаживаниям поверх самой сути сознания, которым обладал в этот раз окончательно и без остатка. Так было понятнее и проще: бежать от себя, подменять обычные понятия иллюзией абсолютного превосходства, не дав времени осознать, не оставив шанса на передышку; продавить до пограничной черты во имя окончательного утверждения собственной власти. Упоительный восторг победителя, когда чужая воля тает на кончиках твоих пальцев с последним надрывным стоном ее обладательницы, разливается искрами сладкой эйфории по всему телу, проникая в сознание. Даже когда чувство вины за то, что ты, по сути, ломаешь жизнь дорогого тебе человека, недрогнувшей рукой пытается запустить свои отравленные щупальца в эпицентр танцующего эго, ты готов к этой атаке. Ты можешь отступить от собственной линии поведения несколько шагов, чтобы убедить человека, которого собственными руками опустил к своим ногам в том, что это правильно и закономерно, для пущей убедительности вложив через ядовитый поцелуй в сознание мысль, что так вы решили сообща. В данный момент ты не думаешь о том, что это билет в один конец. Куда исчезнет эйфория абсолютного обладания, когда ты однажды поймешь, что в вашей закрытой от посторонних глаз абсолютно черной и безжизненной вселенной погасли последние отблески звезд, ее беспробудный мрак затянул глаза светонепроницаемой повязкой ледяного остывающего презрения на осколках обреченности?

Только что ты держал ее в руках в двух шагах от счастья. Где ты ошибся? Поверил в то, что она не вырвется из твоих тисков безумной одержимости? Или ты не учел главного: человек, которому больше нечего терять, пойдет на любые безумные шаги. И вряд ли ты осознаешь, что все могло закончиться гораздо хуже для тебя. Жертва была куда более милосердна к своему палачу изначально.

Она никогда не была моей. Моя любимая женщина не играла в эту игру с надеждой на лучшее, день изо дня она спасала свой собственный рай, положив свою волю к моим ногам исключительно ради того, чтобы просто выжить и не сорваться. И сейчас ее поступок не был ударом в спину. Она всегда была гораздо добрее ко мне, чем я того заслуживал. При очень большом желании она могла пронзить мое сердце направленным ударом без возможности подняться. Она всегда была слишком рассудительна для столь низких поступков даже во имя собственного спасения.

Я закрываю глаза. У меня нет сил видеть тускло поблескивающие окна того самого дома, где ее больше нет. Я знаю, что там осталась ее сестра. Если на миг позволить себе забыть подробности ошеломительного удара, можно представить, что ничего не изменилось... что надо наконец сделать то, что я должен был сделать с самого начала. Мне уже по х... Пусть видит мою боль во всем ее великолепии. Пусть испытает восторг торжества от своей победы, она заслужила это за столько дней ожидания моих ударов. Пусть рвет на клочья своими словами, лишенными прежнего опасливого трепета и обреченного послушания, пусть полосует сердце к чертовой матери на флаг Гондураса несовместимыми с жизнью ударами, я готов выдержать все... пусть только сегодняшнее потрясение останется страшным сном, несбывшимся кошмаром, жестокой иллюзией... Пусть она останется здесь. Мне все равно как. Я готов не то что сложить свое оружие, я готов вложить его в ее подрагивающие ладони. В последнее время они холодные как лед, их не согреть ни поцелуями, ни своим дыханием.

Я принял в тот день окончательное решение. Один звонок. Скоро мы поставим точку в этом неравном и затянувшемся противостоянии без цели и смысла. Я услышал ее голос и буквально содрогнулся от новых ноток в этом хриплом, сводящем с ума тембре... она была другой. Той, которую мне хотелось носить на руках и топить в бескрайней нежности, забывая обо всем на свете. Той, которая одна-единственная могла подобрать ключ к моему безумию и усыпить его навсегда одним прикосновением своих пальцев. Не сломленная под ударами рока, которые я сам вряд ли выдержал бы с высоко поднятой головой. Не прощающая, но понимающая, умеющая прятать свою боль и ярость глубоко под кожу, когда внезапные обстоятельства все переворачивают с ног на голову. Нотки согревающего тепла всего в нескольких словах с оттенком легкой грусти, которую я так и не распознал. Она попрощалась. Не протестуя, не выступая с обвинениями, показав мне размытую картину того, что бы могло у нас быть. Если бы все сложилось иначе... Я все решил гораздо раньше. День — и я верну то, что принадлежало ей по праву. Клуб, который значил для нее так много. Уверенность в завтрашнем дне, которой сам ее лишил. Свои настоящие чувства больше не хочу прикрывать надуманной одержимостью, с ней можно было бороться, и даже нужно. Считать силой то, что было самой настоящей слабостью, долго невозможно. Я мог взять ее настоящим чувством. Не захотел ждать? Боялся потерпеть поражение на этом поле боя? Все это уже не имело значения.

В полдень моя вселенная перестала существовать, развеялась микрочастицами звездной пыли, погружаясь в абсолютный мрак. Я отказывался в это верить. Разогнал заседание по

поводу нового бюджета для «Укравтодора», получив прекрасную возможность лицезреть упавшую челюсть бестолкового зама. Черный референт, он же Стаховский, приехал довольно быстро.

— Что значит — улетела? Твою мать... — бокал летит в сторону, разбивается на осколки. Вижу испуганный взгляд прибежавшей на шум Оксаны. — Дверь закрой с обратной стороны!

— Более того, — Стаховский теряет свою невозмутимость и осторожно протягивает мне копии каких-то документов. — Собственно, она больше не является вашим деловым партнером... Но эту часть клуба можно выкупить, проблем не возникнет...

— Я когда сказал тебе начать оформление дарственной на ее имя, у**ок?

— Но вы поставили довольно размытые сроки...

Никогда еще желание убить не было таким ярким и затмевающим разум. Сжимаю кулаки до пронзительной боли, которая, кажется, ломает фаланги... ее недостаточно. Осознание произошедшего взрывает мой мир, который прежде казался правильным и нерушимым, но сердце в этот раз не застывает осколком льда, его надрезы истекают кровью без права на окончательное исцеление. Размытые сроки. Роковая ошибка. Небо падает осколками, которые ранят, но слишком жестоки для того, чтобы убить одним ударом.

— Раздобудько не должен был давать ей эту информацию... Распоряжение покойного Кравицкого. Как так?

— У меня нет никаких данных по этому вопросу. Возможно, ей подсказали. Может, сама догадалась. Сделку оформил именно он.

Огонь. Лед. Жар. Холод. Мое сознание плавится в этой вакханалии полного и бесповоротного апокалипсиса. Я не могу этого понять и не хочу в это верить. Почему сейчас? Почему именно тогда, когда я наконец вырвал сам себя из замкнутого круга одержимости, вырезал собственное сердце, чтобы без колебаний вложить в ее подрагивающие холодные ладони?

Ты победила, Юля. Ты могла даже не бежать. Ты оказалась сильнее и достойнее, чем кто-либо. Даже достойнее, чем я.

— Начинай процесс выкупа... Директора зовут Герман Бойко, едь на переговоры прямо сейчас. Цена не имеет значения, предложи ему хоть полную стоимость клуба, к вечеру сделка должна быть завершена!

Меня трясет. С какой-то обреченной отстраненностью понимаю, что работа на сегодня закончена, я просто не смогу заниматься никакими делами. Зам все еще в шоке, мне плевать на него. Все потеряло свое значение, кроме того, что я оказался перед лицом угрозы остаться без моей девочки. Угрозы? Мне просто невыносима сама мысль о том, что это наконец произошло! И что это уже не угрозы, а свершившийся факт окончательной потери женщины, которую я люблю больше жизни.

— Заканчиваешь совещание. Органайзер у Оксаны. Один косяк, пойдешь в канцелярию бумаги перекладывать! — еще немного, и я на хрен сорвусь, впечатая кулак в это тупое откормленное лицо, вдавливая дужку очков под кожу до самой кости. Просто выйти, не обращая внимания на офигевшего заместителя, перепуганную секретаршу и невозмутимую охрану на выходе.

Долгие гудки... девочка моя, просто возьми трубку. Делай что хочешь, посылай меня трехэтажным, угрожай прибить на полном серьезе, смейся надо моей болью, только ответь! Уничтожь меня своей ненавистью через континенты, убей одним выстрелом ультразвуковой

волны своего страдания, избавься от этого раз и навсегда. Только не молчи! Мне надо тебе это сказать, пока я окончательно не сошел с ума. Пусть это будут последние слова, которые мы скажем друг другу, пусть после этого мы окончательно похороним любую надежду на воссоединение, лучше убей меня словами, одним выстрелом в упор, не загоняй мне под ногти иглы своего равнодушного игнора!

Долгие гудки секут ударами, их монотонность обжигает холодом бесповоротного отчаяния с осознанием того, что именно произошло. Я не теряю надежды, вглядываюсь в равнодушный экран в ожидании, что картинка вызова сейчас сменится таймером отсчета такого необходимого разговора. Ты держишь в своих пальчиках, которые я так хочу согреть, весь смысл моего существования, он будет окончательно уничтожен, если ты заставишь меня жить без тебя!

Я знаю, что ты не ответишь. Ты даже не сбросишь звонок, ты не дашь мне этой малости, подтверждающей отсутствие абсолютного равнодушия с твоей стороны, и уж точно не перезвонишь. Прошу тебя. Не уничтожай меня прямо сейчас... сделай это потом, побей рекорд моей жестокости, только умоляю, сделай это с глазу на глаз. Не убивай нас с таким равнодушным цинизмом! Не делай того, чего все это время безмолвно просила не делать меня!

— Папа? Ты дома? — Данил забыл про боль в плече, подпрыгивает, разрушив очередное строение «лего», не обращая внимания на слабый протест притихшей после того происшествия няни, а я отстраненно, с чувством выбивающего из-под ног почву бессилия наблюдаю за его приближением. То, что я дома, сегодня не имеет никакого значения. Растерянно запускаю пальцы в его взлохмаченные волосы, пытаюсь выдавить подобие улыбки. Непосильная задача, когда сердце разрывается на части от острой боли! Радость ребенка, тепло душевных, самых искренних объятий в мире, его счастливая улыбка вытеснены обмораживающим осознанием убивающей потери.

Только двоим позволено держать в своих руках мой мир... И только вместе, в одно касание двух пар рук он сможет просуществовать на своей орбите. Сбой системы критичен и неотвратим. Без одной из этих составляющих я смогу только существовать, но не жить...

— А у меня уже не болит! Правда-правда! Давай поедem в боулинг!

— Мне нужно поработать, — сердце делает болезненную петлю и падает к ногам. Я не знаю, за счет чего держусь в этот момент, как еще удерживаю вымученную улыбку на глазах у слегка опешившей Ирины Константиновны. Эта женщина слишком умна, да и напугана последним выговором, чтобы задавать вопросы. — Я буду дома, рядышком. Я закончу работу, и мы что-то придумаем. Обещаю!

Контроль тает без следа, делаю над собой последнее усилие, чтобы развернуться и не показать никому из них погасшую улыбку. Меня просто выкручивает, выбивает, сжигает изнутри подступившим дыханием бездны осязаемого одиночества. Я не вынесу этого больше. Я едва не е**нулся за эти семь лет, кусая губы и наблюдая, как моя любимая девчонка таяла от счастья в чужих руках. Я жил только мыслями, что однажды заберу принадлежащее мне по праву, не оставляю ей другого выбора, приговорив к одной-единственной участи: быть любимой и рано или поздно отдать взамен свою любовь, которую она спрятала на столько лет. Закрываю дверь кабинета, чтобы сын не рванул следом. Я не имею права допустить, чтобы близкие мне люди оказались в радиусе поражения этой убивающей боли... хватит того, что ее, мою любимую девочку, смысл моего существования, ради которой я дышал все эти семь лет, она накрыла с головой, пронзив

острыми осколками.

Семь лет. Гребаные семь лет надежды, которой я за несколько месяцев собственноручно перерезал горло и похоронил ее навсегда...

Равнодушные гудки. Вечер за окном догорает, еще один потерянный день, который в любой момент может стать последним. Мне трудно дышать, я уже не понимаю, в какой я реальности и на каком свете... я не понимаю, что мне делать с этим ужасом, оставшись без нее за несколько шагов до счастья! Я не замечаю ничего, ни пересохшего горла, ни рези в уставшей сетчатке — стоит закрыть глаза, и я снова вижу ожидание вызова на дисплее. Эта картинка не сменится ни сегодня, ни завтра. Я не услышу ее голос. Юля, не делай этого с нами, мне нужно совсем мало! Можешь ничего не говорить... Просто сними трубку и уничтожь меня своим молчаливым презрением! Просто сделай это, тебе же не трудно! Даже у приговоренных есть последнее желание!

Сумерки перерастают в глубокую ночь. В этой вселенной ничего не меняется. Все так же светят далекие звезды и все такая же яркая полоса Млечного пути. Эти звезды будут гореть не одну сотню лет, тогда как нашему личному космосу хватило одного-единственного гиперсжатия материи, чтобы погаснуть навсегда. Он еще живет, дергается в этой бесконечной темноте вслепую, его крик тонет в абсолютном вакууме с дрейфующими осколками разорвавшихся светил. Нет сил защититься от этого удара, наоборот: только расставить руки. Шагнуть навстречу скорой смерти. Пусть вопьются в тело, рвут на части, прошивая насквозь... Я готов выдержать на пределе собственных возможностей, только бы знать, что не поздно, что можно с абсолютного нуля возродить нашу новую галактику!

Долгие гудки. Смертельный холод. Я забываю обо всем, даже о том, что пообещал сыну провести с ним время. На пике полуночи отчаяние ломает стены своей условной камеры. Ладонь скользит по стеклу, повторяя очертание крыши ее дома, который кажется холодным и чужим с ее исчезновением. Слов ничтожно мало, чтобы выразить всю свою боль в отчаянном крике. Никаких сил не хватит вырвать собственное сердце, чтобы оно перестало биться. Их нет даже на то, чтобы устоять на ногах, сделать глоток коньяка, который не сможет согреть абсолютный холод внутри. Я не сразу понимаю, почему губы обжигает не сорокоградусным теплом, а непривычной на вкус солью... Понимать не надо. Просто провести ладонями по щекам, чтобы убедиться в правильности своей догадки.

Оно не останавливается! Оно, мать вашу, бьется! Только оно научилось выносить даже смертельные удары, ранения затягиваются рубцовой тканью... Мое сердце будет истекать кровью сквозь слезовыводящие каналы, ломая к **аной матери миф о том, что мужчины не плачут! Я понимаю, что должен это прекратить сию же секунду, все равно как, только не сорваться унижительными рыданиями, последним реквиемом по навсегда утраченному, но это уже давно не подвластно никакому самоконтролю.

Она не просто накрыла с головой, эта боль, которую я боюсь не вынести. Она отхлынула с силой недавних ударов, нанесенных моими же руками, чтобы обрушиться десятибалльной волной на поражение. Сумеречный мрак, который не в состоянии развеять свет фонарей, заполняет все перед глазами за минуту до того, как меня выгибает уже привычным спазмом по предплечьям, предупредительно сдавив горло удушающим ледяным кольцом. Его вымораживающие кристаллы бьют в эпицентр сознания умелой подсечкой по блокпостам самоконтроля, и мне уже давно плевать на то, как это выглядит и на что это похоже. В оглушающей тишине умирающей вселенной слабый звук взрывает барабанные перепонки. Глухой стук капель о лакированную поверхность стола. Иногда их падение сопровождается

всплеском едва уловимой тональности, и по янтарной жидкости в бокале бегут равномерные круги. Их не увидеть в абсолютной темноте никому, кроме меня.

Вы когда-нибудь пытались различать предметы во тьме под пеленой слез, которые невозможно остановить по собственному желанию? Я держался семь лет, запретив себе подобную слабость. Эта гребаная дрожь выжигает все нервные окончания, она нашла свой путь к свету в этом мраке тогда, когда стало слишком поздно что-то менять.

Жизнь устала мириться с этим жалким подобием превосходства над обстоятельствами; еще вчера она улыбалась мне, широко оскалив зубы, а сегодня живьем снимала кожу, упиваясь моим проигрышем. Ее пальцы, которые не дрогнув вложили в мои руки столько возможностей, сейчас разжигали лампы за упокой в храме Сатаны, устав метать ножи в спину своего недавнего фаворита. Не судят победителей, проигравших списывают со счетов с поразительной скоростью. Так просто понять и так тяжело предугадать этот разрыв вашего пакта о ненападении за несколько шагов, не замечая ничего на высоте своего полета. Это сведет меня с ума за доли секунды, единственное спасение — в этих выбивающих рыданиях, которые сгибают пополам, переступив все законы логики и физики. Я хочу это прекратить, потому что две сущности сцепились не на жизнь, а на смерть, готовые порвать друг другу глотку!

Да я достану тебя с того света. Сука, от кого ты пыталась убежать? Как ты вообще могла подумывать, что тебе это удастся?!

Миг, и отголоски прежнего черного отчаяния сметены, рассыпаны в пыль, растворены на атомы в кислоте безостановочных слез. Озноб сменяется убивающим жаром, у меня нет сил прекратить эту рефлексию, только ждать, уничтожит меня эта новая реальность или позволит выстоять уже в который раз. Последнее усилие, поднять голову. Посмотреть на черный дисплей телефона. Я понимаю, что сорвусь окончательно, если услышу гудки. Мне даже не пришел в голову тот факт, что она может молчать в силу разных часовых поясов, а может, я уже заранее знал и чувствовал, что дело не в этом.

Она прямо сейчас вырывала наконечники электродов из собственного сознания, разрушая нашу связь, истекая кровью и наверняка рыдая от боли, но я буквально чувствовал, как слабеет ментальная взаимосвязь, закрываются каналы единения, которые не смогли захлопнуться за долгие семь лет. Рыдания съедают мои минуты и часы, которые с каждым рывком стрелок отбирают ее у меня навсегда. И кажется, в черном сжатом вакууме разгорается алый лепесток призрачного огня. Он так далеко, что рукой пока не достать, он может погаснуть в любую секунду, эта слабая искра какого-то запредельного понимания. Но его достаточно, чтобы согреть своим светом и помочь ухватиться за эту яркую звезду на карте собственного маршрута в никуда.

Я знаю, где искать этот выход. Кажется, я это знаю теперь...

На часах половина двенадцатого, когда я выхожу из камеры своего добровольного заточения, вспомнив о том, что обещал сыну провести с ним время. Ирина виновато переминается с ноги на ногу, поспешно опуская глаза. Она прекрасно понимает, что только что увидела нечто не предназначенное для чужого внимания, может, даже вспомнила старую как мир поговорку «свидетели долго не живут».

— Он отказывается засыпать без вас... Я думала, справлюсь, не хотела вас беспокоить...

— Спасибо. Вы можете быть свободны до утра. Завтра в то же время.

Мне не удастся окончательно перестроиться даже тогда, когда я вхожу в его комнату.

Детям любая травма — сушая царапина, бьющая через край энергия неистребима. Едва уворачиваюсь от радиоуправляемого вертолета, который, уж не знаю, случайно или нет, Данилка направил мне прямо в голову. Смертельный холод на миг деактивирован, вытеснен, разрушен выражением радости на детском личике, спасительная и такая необходимая сейчас доза тепла по всем жизненно важным системам. Это шаткое равновесие грозит испариться, когда я замечаю испуг на лице моего сына. Единственное, за что я готов себя благодарить, это за то, что двести граммов коньяка так и остались наполовину нетронутыми.

— Папа! Ты чего?

Только сейчас понимаю, что разрыв сосудов сетчатки и припухшие веки не поддались действию нейтрализующих красноту капель. Подхожу, стараясь не замечать, как режет по сердцу растерянный взгляд ребенка. Меньше всего я хотел, чтобы он это видел!

— Я лук резал. — Данил умен не по годам, но в этот раз ему проще поверить в сказанное, чем признаться себе, что отца что-то может довести до слез. — Ты почему не спишь? И что это такое?

Детская дорожная сумка на колесиках с изображением трансформеров лежит, раскрытая, посередине комнаты, из нее торчат вперемешку игрушки и рукава рубашек и свитеров. Данил вздыхает и смотрит на меня с надеждой:

— Пап, а почему они не приходят? Они ее забрали, да?

— Кто? И кого «ее»?

— Твою трусишку. Она сказала, что в разведку заберут меня. Они взяли ее, потому что она красивая? Я их жду, а они не приходят...

Этих острых лезвий никогда не будет достаточно. Жизни мало полосовать меня живьем до полного уничтожения, ей надо напоминать об этом в каждой фразе даже из родных детских уст.

— Ну, раз обещала, придут. Вот твое плечико заживет, и придут. Не бойся, ее не забрали.

— Она классная. — Сердце срывается к ногам, а неумолимая реальность давит на плечи, желая согнуть в позу вины и признания собственной ошибки следом. — Только она обманывает.

— В чем? — нервно сглатываю и отвожу взгляд в сторону, опасаясь, что новый спазм поперек пересохшей гортани вызовет очередной приступ слез.

— Она умеет стрелять и совсем не плакса. Я думаю, она работает там, она же взрослая, верно? Когда она снова придет?

— Никто к нам не придет! — вздрагиваю от резкости в собственном голосе, смотрю в испуганные глаза Данила. Улыбаюсь натянутой улыбкой, осознав, что от самоконтроля остались хрупкие обломки. — Если ты немедленно не ляжешь спать, я никого к тебе не пущу!

— А у меня будет «Астин Мартин», как у Джеймса?

— Если не уснешь, то не будет. Там не любят непослушных детей.

Угроза оказалась действенной. Ее достаточно, чтобы сын послушно спрятал вертолет и пульт в коробку и залез под одеяло, позволив мне погасить ночник.

— А ты знаешь, что мама придет послезавтра? Давай вместе подготовим ей сюрприз? Шарики!

— Обязательно. — Я напроочь забыл про приезд Ульяны и оставил без внимания ее два звонка. Не забыть бы завтра дать распоряжение Оксане связаться с агенством по проведению

праздников. Ульяна... выходные... Пока еще неуловимая мысль мечется в моем уставшем сознании, и я понимаю, что мне сейчас самому нужен сон и отдых. Только тогда я смогу понять, что делать дальше и каким образом можно повлиять на ситуацию.

Я смертельно устал. Еще недавно мой мир рушился, но хватило недолгого разговора с ребенком, чтобы мысли обрели иную направленность. Я никогда не умел опускать руки. Ни тогда, семь лет назад, ни сейчас, даже когда казалось, что это окончательный тупик.

Ничего не решено, пока я не услышал это лично. Ничего не потеряно, пока я не попытался все исправить. Иногда приходится менять собственные планы и идти в обход, а не напрямую.

Кажется, я знаю, с чего именно следует начать.

С ее появлением в приемной «обители тьмы», как я поэтично называю Devi-ant, температура падает на несколько градусов. Можно сказать, даже подмораживает, если учесть тот факт, что я сам был в не лучшем расположении духа к вечеру этого дня, так как попытка выяснить, куда именно уехала Юлия, а вернее, осталась ли на территории Пенсильвании и где ее теперь искать, потерпела сокрушительное фиаско. Стаховский только разводил руками и нервно тербил рукава костюма. Плюс еще заместитель не до конца въехал в ситуацию с ремонтом дорог, хорошо еще, что я догадался просмотреть документы и найти ряд вопиющих ошибок. Сегодня влетело всем, и по первое число.

В город вернулась Валерия Полякова, в прошлом Кравицкая. Это Стаховский сообщил мне буквально на прощание, между упоминанием очередного футбольного матча и замечанием по поводу того, что ему нужен отпуск. Этот писк черного референта я намеренно проигнорировал.

— И какого хрена ты мне сообщаяешь только сейчас, что она вернулась?

— Я понял. Мне ее потрясти? Она же наверняка знает, куда уехала Кравицкая?

— Я сейчас тебя утрясу, кусок дебила. Заставь ее приехать в клуб к вечеру. Мне плевать, как ты это сделаешь!

Он сделал это оригинально. В самом деле, забрать оттуда Юлькины вещи было некому.

Я видел эту потрясающую женщину без возраста второй раз в своей жизни, и каждый раз не мог не задавать себе привычных вопросов: что могло связывать эту снежную королеву с Анубисом и каким образом она стала личным ангелом Юльки. По закону жанра эти две женщины должны были если не разорвать друг друга на куски, то хотя бы остаться каждая по свою сторону вежливой неприязни. Еще один ребус, ломающий шаблоны, который мне не понять никогда.

Это сложно представить, но Полякова улыбается, обсуждая с Владой последние модные тенденции. Она может быть человечной и дружелюбной, как и референт, которая замыкается в моем присутствии. Это не страх, всего лишь ледяное презрение и осуждение. Раньше я хотел ее за это ударить, сейчас с апатией мазохиста принимаю эти ядовитые стрелы ненависти в свою спину.

Кабинет опустел с исчезновением моей девочки, а я не могу понять, что исчезло всего лишь несколько предметов. Серебристая рамка с фотографией счастливой семьи. Статуэтка египетского бога Анубиса. Слепая бронзовая Фемиды на пике сенсорной депривации — я никогда не понимал, что она делает у нее на столе, подобные статуэтки чаще всего можно встретить на столах юристов и нотариусов. Может, еще какие-то мелочи, незаметные вооруженным взглядом, а так все осталось по-прежнему. Полный бар элитного алкоголя. Светлые шелковые шторы. Идеально глянцева поверхность переговорного стола, аккуратно

сложенные стопки бумаг и каталогов. Отсюда могли бы вынести всю мебель, снять ковровые покрытия и даже демонтировать оконные рамы, и я бы этого не заметил, если бы моя девочка была рядом. Сам город замер и перестал дышать с ее исчезновением, и впервые за все время он стал моим личным проклятием, тяжким грузом, а не подарком свыше.

Валерия не поворачивается и не прекращает свой разговор с Владой, ограничившись лишь быстрым, лишенным эмоций взглядом по моей фигуре. Так оценивают стоимость костюма или сочетание цветов, ее невозмутимость бьет прямо в сердце, поверх незарубцевавшихся шрамов. Оно никогда не перестанет биться от потери крови. Тот самый случай, когда бессмертие становится проклятием.

— Валерия, — я не помню ее отчества, но не вполне уверен, что смог бы его произнести, даже если бы знал. Стараюсь не замечать, как на губах Влады стынет презрительная улыбка. Экс-супруга Алекса в совершенстве владеет своими эмоциями, холодная вежливость превышает всего.

— Господин мэр. — В ее голосе никакого подтекста и акцента на первом слове.

Влада поспешно передает ей небольшую сумку «Луи Виттон», предположительно, с Юлиными вещами, а я стараюсь этого не замечать, потому что кристаллы обмораживающего инея опять нацелились на горло, чтобы сжать его спазмом прорвавшегося отчаяния. Эти иглы царапают по сердцу, когда роскошная блондинка теряет ко мне интерес, давая понять, что ее доза внимания иссякла и продолжать дальнейший разговор не имеет смысла.

— Я очень рад вас видеть... — хочется стукнуть себя по лбу за набор штампов. Пытаюсь взять себя в руки и выдержать равнодушный тон соответственно собственному статусу. — Не откажетесь выпить кофе и поговорить? Прошу в мой кабинет. — Мне плевать, что ее брови насмешливо сдвигаются вверх, я не намерен оставлять никакого выбора.

— У меня десять минут, — теплая улыбка адресована Владе, мне же достается ее холодная копия. Плевать. Валерия wpłyвает в кабинет с видом хозяйки положения. Стоит мне велеть референту приготовить кофе и закрыть дверь, вежливость этой величественной королевы сменяется циничным сарказмом.

— Я бы просила перейти на «ты». В этом заведении подобное обращение заставляет меня чувствовать себя полноправным членом общества, от которого я очень далека. И да, я не собираюсь тебе помогать. Я не намерена выслушивать угрозы в адрес Юлии. Как и пояснять тебе мотивы ее поступков. Судя по всему, ты сделал достаточно, чтобы она уехала и продала свою часть. Да, любимый коньяк моего покойного мужа, должен знать.

Не успеваю опомниться, послушно наполняю два бокала «мертелем» приличной выдержки, перед тем как вернуться к столу. Валерия равнодушно оглядывает планировку кабинета.

— Восемь минут, — лишенная человеческого тепла улыбка. — Если есть что сказать, говори.

— Хорошо, — заискивать и умолять не мои методы, как и угрожать. Опускаюсь в кресло. — Где она?

— Наверняка тебя уже проинформировали, каким рейсом и куда она вылетела. Ты хочешь, чтобы я дала тебе эти координаты? Тебе мало?

Разговора не получится. Я просто достаю флешку с записью и щелчком пальцев направляю к адресату, наблюдая, как она скользит по глянцевой поверхности стола.

— Просто посмотри, что там. Ты многое поймешь. Мало кто знает, что Александр перед смертью оставил кое-что для меня. Также считаю нужным поставить тебя в

известность, что я выкупил ее часть из фонда вчера вечером. Несколько юридических формальностей, и она навсегда от меня избавится.

— Дмитрий, если там не домашнее видео взрослого жанра с участием моего покойного мужа, я могу подсказать тебе, что такое USB-разъем и как им пользоваться. Я даже готова задержаться, чтобы посмотреть, что тебе сказал Александр. Судя по твоему поведению и отношению к Юлечке, — подобно древним скифам, положить молодую жену в гроб подле покойного мужа?

Я дожидаюсь, когда Влада принесет кофе, буквально кожей ощущаю, как ей хочется опрокинуть эспрессо прямо на светло-серый костюм лимитированной линии «Армани». Разворачиваю монитор к Валерии. Мне без надобности смотреть эту запись, не проходило ни дня, чтобы я ее не пересматривал, расцарапывая собственную душу и разрываясь на части между прошлым и настоящим.

Я напрасно жду, когда ее светлые глаза потемнеют от сдерживаемых эмоций. Ладно, не от потрясения, хотя бы от тоски по погибшему бывшему мужу, я знаю, какие теплые дружеские отношения, помимо деловых, их связывали с ним раньше. Но Валерия на высоте. Длинные тонкие пальцы не дрожат, когда она пьет кофе медленными глотками, иногда возвращаясь к бокалу коньяка. На губах осталась спокойная улыбка, не сбивается равномерное дыхание, ни один жест не выдает волнения или возмущения. Она досматривает эту запись до конца. Проходит несколько минут, а я жду ее слов, как вердикта.

— Занимательно, — она слегка ведет плечом. — Нестандартно. Я не могу понять одного. Где, на какой минуте было сказано, что ты должен сломать жизнь этой девочки?

— Я никогда этого не хотел. Ну, теперь ты дашь мне если не адрес ее подруги, то хотя бы ее номер телефона? Я могу связаться с ее родными в Феодосии и получить эту информацию, но я бы не хотел прибегать к подобным мерам.

— Да, два подряд международных скандала могут не лучшим образом сказаться на репутации мэра, правда? Если жену покойного вице-консула тебе простили, преследование гражданки США может не пройти незамеченным.

— Валерия, я не знаю, какие доказательства того, что я больше никогда не причиню Юле вреда, тебе нужны. Просто поверь моему слову.

Она отставляет пустой бокал в сторону. Ее улыбка не меняется.

— И речи быть не может, Дмитрий. Счастливо оставаться.

Спустя два дня

Звуки праздника все же проникают в мой кабинет через плотно закрытые окна. Детский смех, веселая музыка и бодрый голос приглашенного клоуна. Совместить мероприятие в честь приезда Ульяны с детским праздником было не такой уж плохой идеей, Данил в полном восторге.

— Прекрати плакать, никто не умирает, — Ульяна отставляет в сторону бокал и театрально машет ладонями себе в лицо, а я не замечаю, что повторяю слово в слово слова Юли. — Никто тебе никогда не запретит видеться с ним. Все хорошо.

— Я конченная дура! — вначале я не хотел верить в ее слезы, но, похоже, в этот раз все по-настоящему. — Я больше не уеду надолго... Я вообще думаю перебраться в Харьков... поближе к вам...

— Я буду этому только рад. Ну все, вытирай слезы. Капли от красноты дать? Данилку напугаешь. — Мои пальцы сжимают визитку с надписью, выполненной тонким курсивом. Елена Крамер. На английском языке ее имя пишется как Helen. Валерия изменила свое

решение примерно несколько часов назад. Передо мной на столе лежат готовые документы на клуб, капля в море, которой не хватит для того, чтобы я был окончательно прощен.

— Ты обязательно должен лететь?

— Да, мой самолет в 22.47. К сожалению, это очень важно.

— Я просто думала, что...

Моя ладонь предупредительно поднимается вверх, и Ульяна замолкает, словно замороженная. На ее губах грустная улыбка с оттенком разочарования от несбывшихся надежд, и даже легкого испуга. Мне прекрасно известно, что она хотела сказать. Это в ее глазах. Мне жаль, подобный исход не был возможен с самого начала. «Нас» не было и не может быть ни при каком раскладе.

— В Раде тоже любят посплетничать... Юлия Кравицкая... это же не просто совпадение имени, верно? Этот скульптор добрался даже до моего отца. Ты ее именем называл меня в постели несколько лет, и после подобных помутнений твоего рассудка я с трудом могла ходить.

Я не отвечаю. Просто смотрю на свою бывшую жену, и она все понимает без слов.

— Я просто надеялась... я понимаю, что наш брак всегда был по сути фиктивным, но...

— Ты всегда была умной девочкой. — Мне не хочется продолжать эту тему, у Ульки дрожат губы. Вот-вот снова расплачется. — Я не знаю, когда вернусь. Данилу очень плохо без тебя, пусть он сейчас этого не показывает в полном объеме. Боится, что ты исчезнешь снова. Я тебя прошу, если ты не уверена, не дай ему прикипеть к себе снова.

— Я не исчезну!

— Я очень хочу в это верить. Вы сблизитесь за это время. Просто не разбивай нашему сыну сердце, я верю, ты понимаешь, что с ним будет, если ты покажешь ему себя идеальную и опять уедешь.

— Я не уеду! — ее опять сгибает в беззвучных рыданиях, спешу налить воды в стакан и дать ей выпить.

— Все, хватит! Давай, приведи себя в порядок. Мы и так задержались, пора спускаться.

— Ты правда не запретишь нам видеться?

— Правда. Я же до сих пор этого не сделал. — Мне сейчас действительно ее жаль. Уму непостижимо, как я могу проявлять нежность и жалость к тем, к кому совершенно равнодушен, и отказывать в этом той, кого люблю больше жизни. Последние дни многое изменили. Только в этот раз моя нежность грозит выйти из берегов. — Ну все, хорошая моя. В любой момент, в любой день, никаких графиков встреч и ограничений.

— Даже если ты вернешься с ней?..

Стараюсь выдавить из себя улыбку, избегая полного надежды взгляда Ульяны. Она хочет услышать, что с ней я никогда не вернусь. Она хочет надеяться на что-то большее, чем на просто встречи с Данилом. А я схожу с ума от мысли, что могу вернуться без моей Юли, потеряв все. И такой вариант вполне вероятен, к сожалению. Но я готов сделать все, что понадобится, чтобы остаться рядом с моей девочкой. И теперь грубые методы попали в список пожизненных запретов.

— Да. Даже если я вернусь вместе с ней. А теперь сделай обратно красивые глазки, нас сын заждался.

Глава 27

Глава 27

Восемь с половиной часов на высоте десяти тысяч метров сливаются в один миг

сверхзвукового прыжка. Черные небеса с непривычно яркими звездами за окном холодного иллюминатора тают на границе пересечения часового пояса, серые в ночной мгле айсберги огромных облаков окрашиваются бликами ласкового огня. В Пенсильвании будет ясный день, а мне все равно. Я бы не отменил этот рейс даже в том случае, если бы на всем побережье объявили штормовое предупреждение или землетрясение с расколом земной коры. Слезы Данила, которого расстроил мой отъезд, — он и так не часто видел меня за последние недели, полные надежды глаза Ульяны, которая до последнего верила, что я так вот просто отпущу свою девчонку перед перспективой воссоединения счастливой семьи. Долгий разговор с Крамер, который едва не отнял последние силы, притом что она была предельно вежлива и даже вкрадчиво-дружелюбна. Бессонная ночь в самолете — я и сам не мог понять, какой источник сил за последние дни переключил организм и сознание в экстренный режим, не позволив рухнуть с ног до тех пор, пока я не добьюсь своей цели... не получу обратно свою любимую женщину любой ценой, даже если для этого мне придется потерять себя в этом затянувшемся падении.

Я не имею права отступить сейчас, в шаге (мне хочется до последнего верить, что еще не поздно) от полной потери любого шанса на взаимность. Я обманываю себя, что мне нужно услышать это лично из ее губ, лицом к лицу, ни на миг не допуская возможность окончательного разрыва. Его вероятность высока, я не знаю, что это, — писк интуиции или излишняя самонадеянность, но если я позволю сомнению и пессимистичным мыслям взять верх, я просто свалюсь с ног от бессилия.

Мне надо немного. Немного времени. Немного ее тепла. Увидеть в ее глазах если не прощение, то хотя бы готовность понять и со временем отпустить эту боль. Ошибка ценой в жизнь.

А я просто с ужасающей ясностью понимаю, что не буду жить без моей девчонки.

Я цепляюсь за любой знак свыше. За вежливость в голосе Елены Крамер, которая, я допускал такую возможность, могла заявить на первых секундах разговора «изыди, сатана», а то и вовсе внести мой номер в черный список. За спокойный перелет без излишней турбулентности и ясный день на территории штата, словно солнечный свет сейчас маяк, указывающий путь. За уникальную возможность поговорить, хоть до сих пор нет и не может быть уверенности в том, что она захочет меня выслушать и я ее увижу. Если я начну об этом думать, я сорвусь окончательно, не сделав ни малейшей попытки выгрызть эту победу зубами.

Мне не удастся прерваться на сон, тревога и закипающий адреналин не оставляют никакого шанса. Только считать минуты и часы, бесцельно измеряя шагами люкс Residence Inn Philadelphia, отслеживая движение стрелки по циферблату, впиваться в ладони ногтями с диким желанием сделать все прежним, привычным мне способом... да хотя бы прижать дуло к виску этой карамельно-сладкой Крамер, заставить выдать местонахождение моей Юльки! Я понятия не имею, что я буду делать дальше. До полного отчаяния и бесповоротного безумия два шага, только высшие силы сейчас могут удержать меня от того, чтобы этого не делать! Не понимаю, почему сердечная мышца из-за сильнеешего душевного подъема практически не ощущает боли и не срывается в запредельный ритм хаотичных ударов. Мне хочется закрыть глаза и в мельчайших деталях вообразить встречу с моей любимой девочкой. А потом без долгих разговоров продать душу дьяволу за воплощение подобного сценария в жизнь!

В городе даже не весна, а почти лето. Резкий контраст с холодным ветром и дождем в

Харькове, как всегда перед пасхальными праздниками, о которых я благополучно забываю. Пальцы на кнопке, время зависло с одной определенной целью — лишить меня веры и последних сил. Когда приходит сообщение от Юлиной подруги, сердце делает кульбит под каркасом ребер, выбив приступ испарины.

«401 S Columbus Blvd, Филадельфия, PA 19106. Не ошибешься, это City Center East. Надеюсь, я не пожалею, что приехала одна?»

Ты не пожалеешь, Лена. Ты первая, кто увидит запись, которая не должна была увидеть свет ни в коем случае. Я готов на нее молиться, потому что это крохотный, но шанс. Он может убить своей неожиданностью. Но пока остается вероятность того, что он даст возможность на прощение и воссоединение, я использую его даже ценой чужой боли. Последней боли, Юля. Именно последней. Больше ты никогда не вспомнишь, что это такое. Я заберу твои слезы и твои страдания насовсем. Если ты будешь со мной когда-нибудь снова плакать, это будет исключительно от счастья. Девочка моя, я ради тебя готов перевернуть свой прежний мир с ног на голову, разрушить все, что мешало тебе наслаждаться жизнью и заставляло задыхаться в придуманной мною для нас двоих реальности изначально потерянных дней и возможностей.

Наверное, я понимаю, что это бег в никуда. Моя надежда на счастье стремительно тает от страха, что эти переговоры могут ничего не дать. За шаг до возможного счастья смело вглядываюсь в эту бездну, иду напролом среди пылающих огней перерождающейся одержимости — вполне вероятно, для того, чтобы уже через несколько часов рухнуть в свой собственный ад упущенной возможности на любовь и взаимность. И в то же время не могу не понимать, что стоит мне это признать, я просто сорвусь...

В назначенный час почти бегом преодолеваю ступени крытого трапа ресторана Moshulu — я понимаю, почему Крамер особо подчеркнула тот факт, что я его ни с чем не перепутаю. У меня нет времени и желания любоваться великолепным кораблем, историческим памятником, превращенным в ресторан, который отчего-то очень любят наши соотечественники. Я пришел заранее и все еще не до конца уверен, что подруга Юли появится. Я не знаю, о чем они говорят между собой и что именно ей известно, но прекрасно понимаю, что Елена осведомлена о многом, не исключено, что с малейшими подробностями. Реши она проигнорировать встречу, это была бы достойная месть с ее стороны.

Я не желаю пропустить ее появление. Может, все еще не могу поверить, что мне пошла навстречу? Сложно не понимать: я натворил достаточно, чтобы потерять абсолютно все. Особенно ту, которую никогда не держал в руках в полном смысле этого слова. Меня до такой степени сводил с ума тот факт, что она никогда не была моей, что я окончательно запутался в шибари самовнушения и закрыл глаза, — этого оказалось достаточно, чтобы забыть о собственной привычке просчитывать наперед и понимать исход любого поединка. Я хочу верить, что еще не поздно.

Я хочу сохранить ясность разума при встрече с Юлиной лучшей подругой. Ее расположение уже само по себе удача, особенно если учесть, как в штыки восприняла протянутую руку Валерия. И все равно каждая из них любила мою девочку по-своему и желала только добра, пусть и разными методами.

Искушение выпить виски непреодолимое, но придется ограничиться кофе. Я все еще небезосновательно опасаясь, что могу потерять контроль в самый ответственный момент. Горячий эспрессо обжигает язык, я скольжу расслабленным взглядом по интерьеру,

понимая, что забуду его детали, стоит только отвести взгляд. Пытаюсь вспомнить эту яркую девчонку, которую видел всего раз, и то мельком, на свадьбе Юли и Анубиса и не акцентировал на ней излишнего внимания. Стрелка больших часов над аркой входа преодолевает граничный рубеж резким рывком, начиная отсчет между «да» и «нет», углубляя вероятную пропасть с каждым движением тонкой секундной. И когда она цинично отмеряет четверть часа, у меня начинается самая настоящая паника.

Я не знаю, где искать мою девочку в этом чужом городе, на территории иностранного государства. Здесь моя принадлежность к политической элите и вертикали власти не имеет ни малейшего значения, никто не пойдет мне навстречу, нарушая правила и обходя законы. Одно неверное движение, излишне нервный жест, громкое слово или, не дай бог, угроза гражданке США — и то, что никогда не случится с подобными мне небожителями в родной стране, здесь обретает пугающие формы. Но я и сам не хочу иного отношения к своей персоне. Я просто не знаю, что делать, если Елена Крамер не придет на эту встречу!

Это перемирие. Это, мать вашу, гребаный белый флаг с кровавым граффити сдавшегося победителя. Я сложил свое оружие с первым своим шагом на территорию этой страны и готов сделать это снова. Еще одна призрачная вероятность того, что на нейтральной территории под защитой негласного пакта о ненападении меня захотят выслушать и понять. В Харькове подобное было невозможно. Сейчас мне плевать, что я бросил все, сорвал заседание городского совета, и эти последствия придется расхлебывать не одну неделю. Да я их все щелкну играючи. Если получу ее прощение.

Спустя еще четверть часа третья чашка кофе становится ядом, бьет по сосудам, провоцируя вероятный срыв. Я хочу набрать эту непунктуальную сучку и высказать все, что я думаю о таком отношении, но я боюсь услышать тишину... или, что еще страшнее, злорадный сарказм. Как ни крути, моя жизнь в буквальном смысле слова в ее руках. Если она дала мне надежду своим теплым отношением, чтобы больше ударить, я просто недооценил весь потенциал жестокости моей любимой девчонки. Черт, я готов ей все это простить и прощать дальше даже куда более серьезные вещи!

Я уже не ожидаю ее увидеть. На часах 12.31. Допиваю кофе, намереваясь убраться восвояси, когда отмечаю нелогичное оживление посетителей. Интуиция бежит впереди. Мне кажется, мое волнение и отчаяние передалось каждому в этом помещении.

Она снимает солнцезащитные очки, и я начинаю понимать нервное подергивание большинства мужчин, кажется, сам непроизвольно хватаюсь за узел галстука. В полумраке эту яркую девушку и вправду легко принять за Меган Фокс, только Крамер выглядит еще лучше. Украинских женщин за рубежом не спутаешь ни с кем...

— Не спрашивай, — на ее губах почти искренняя улыбка доброго полицейского, а мне не понятно, что она имеет в виду: не спрашивать, почему согласилась на эту встречу, или о причине ее опоздания. Она не разглядывает меня с ног до головы, я этого не вижу. Но ощущение мягкого сканирования отчего-то не проходит. Показное дружелюбие тотчас разбавляется весомым аргументом, который прозвучал отнюдь не случайно. — Думаешь, Юльку так легко сбросить с хвоста? Надеюсь, ей не надоест грабить «Маноло Бланик» еще как минимум час.

Меня кроет на ее словах приступом ненормального азарта и аритмии в одном флаконе. Но Елена вроде как теряет ко мне всякий интерес, ослепительная улыбка бармену, сотня гигабайт обаяния.

— Капучино, и... я думаю, заслужила ирландский ликер. Безалкогольный!

Ее показная невозмутимость прогрессирует, а я понимаю, что близок к тому, чтобы сорваться с места и рвануть на поиски бутика брендовой обуви, где в этот момент находится моя девочка. Она дает мне вволю закипеть в этой повисшей неопределенности без возможности сделать правильный выбор, затем уверенно касается моей руки выше локтя, игриво подняв вверх идеальные брови. Я не понимаю, почему следую за ней в зону закрытых кабин, не ощущая плавного покачивания палубы этого ресторана, вместо того чтобы сжать тонкую шею и потребовать сказать, куда же мне бежать, чтобы увидеть Юлю.

— А ты выше, чем я думала.

Нет, эта девчонка совсем не дура, каждое ее слово, ангельская улыбка и показная беспечность — остроконечные стрелы, обреченные на попадание в цель. Бархатные нотки голоса на миг перебивают волну критического нетерпения. Я наблюдаю, как она усаживается за столик, и пытаюсь понять, могла бы меня заинтересовать подобная красавица или же нет. Прихожу к выводу, что могла, но в совсем ином смысле. Это не охотница и не достойный противник, вряд ли бы у меня возникло желание поставить ее на колени и пояснить, кто в доме хозяин. Я бы потерял к ней интерес довольно быстро, несмотря на густые темные волосы и суперскую внешность. Моя темная сторона спит, пока не вмешаются чувства, больше всего в этой жизни везло именно тем женщинам, которых я так и не смог полюбить. Она не Юля. И, положив руку на сердце, я не имею ни малейшего понятия, как с ней говорить и на какие точки нажать, чтобы заставить пойти навстречу.

— Она где-то рядом? — я не выдерживаю.

Лена склоняет голову набок, ее теплая улыбка становится хитрой и испытывающей.

— Да она тебя не заметит, это, мать его, шопинг. Я вот не ожидала, что ты прилетишь после всего, что произошло. Честно.

— И тебя это напрягает?

— Ради бога, перестань. Меньше всего хочу жалеть, что не взяла с собой Брайана. Но я думаю, ничего мне не угрожает? — теперь ее взгляд откровенно изучает, словно хочет проникнуть за отвороты пиджака и узел галстука, чтобы найти портал напрямую к сердцу и считать данные со спокойствием хладнокровного аналитика.

— Ну и что ты собираешься увидеть? Рога и черный нимб?

Я не могу понять, искренний ее смех в ответ на мое беззлобное заявление или же это врожденная маска идеальной стервы.

— Не груби, Лавров.

Я мог бы сломать хребет и за меньшее, а сейчас не могу понять, почему не испытываю злости или раздражения в присутствии Крамер. Я не спешу показывать ей запись, которая наверняка собьет с нее любую спесь даже не потому, что рискую нарушить шаткое дружелюбие. Я просто впервые в жизни не хочу играть на чужих нервах и выбивать собеседника из зоны комфорта. И тем не менее мне хочется все закончить побыстрее, мышцы напряжены, словно у готового к прыжку хищника. Моя девочка где-то рядом. Сотни улиц и магазинов, а я не имею ни малейшего понятия, где ее искать. И могу не найти даже в том случае, если она сейчас в двух шагах и секундах.

Не имеет никакого смысла ходить вокруг да около. Даже ее теплая улыбка, которая кажется воплощением искренности, не может ввести в заблуждение, мне остается только догадываться, что именно ей известно и в каком масштабе. Информация из уст Юли могла быть как приукрашена, так и недосказана, и в любом случае улыбка ее подруги будет такой же обнадеживающей и теплой. Тогда как в своей очаровательной головке она может с

легкостью и примерять на Юлю очередное свадебное платье, и рисовать картину моих отрубленных конечностей.

— Я слушаю, — милым ласковым голосом произносит Елена, когда официант удаляется. — Взяла на себя смелость, у них крутой виски.

Я едва заметил, что же мне принесли, делаю быстрый глоток, не ощутив вкуса. Длинные ресницы Крамер кокетливо взлетают, припухлые губы сжимают коктейльную трубочку, а на лице расплывается выражение настоящего блаженства.

— Думаю, ничего нового я тебе не скажу.

— Но мне просто интересно понять, как... почему... за что, в конце концов, — нет, голос не дрогнул, светлые глаза не заволокло пеленой темной сдерживаемой ярости. В них нет даже любопытства. — Просто это немного за гранью моего понимания. И гарантировать, что она захочет тебя видеть, я не могу. Мне, конечно, лестно думать, что тебе нужен был друг и ты рванул через океан сюда пропустить со мной по стаканчику, но мама учила меня не верить в сказки.

— Я не буду ходить вокруг да около. — Мне плевать, что это звучит цитатой из слезливой женской мелодрамы. Мое состояние не требует долгих метафор и литературных изысканий. — Я в прямом смысле слова жить без нее не могу. Да, я знаю, что она тебе рассказала. Могу только догадываться. Преследование, насилие, угрозы, и дальше по списку.

Броня девочки-припевочки пробита. Но на ее лице вовсе не восхищение с умилением от моих громких слов, скорее согласие с последним пунктом. Губы сжимаются в тонкую линию, а по красивому лицу пробегает тень.

— Так вот, все это правда.

— Что ж, я предполагала нечто подобное.

На миг мне кажется, что Елена ожидала опровержения, и вовсе не для того, чтобы повысить уровень своей ненависти от моего малодушия. То, что ее это расстраивает, еще один неожиданный сюрприз. Я ее вижу впервые. Неужели она действительно рассматривала возможность помощи? Тишина кажется глухой и неестественной, она углубляет раскол пропасти.

— Как ее дочь? — я боялся задавать этот вопрос. Я боялся получить на него ответ. Наверное, только так я могу удержаться на краю этой бездны, позволив хлестать себя жалящими ударами боли по всей сущности.

— Юля говорила, спит плохо.

Пальцы Лены сжимаются на бокале, доброжелательная улыбка тает. Она больше не смотрит мне в глаза и не пытается скрыть свои эмоции. Возможно, она не играла ни минуты все это время, пыталась абстрагироваться от происходящего, но всегда останется запретная зона, которая не позволит это сделать.

— Я не понимаю... Ты сам отец! Вашу мать, я с вас фигею с обоих.

Иногда слова режут больнее ножа. Физическая боль рядом с этим отточенным ударом, который изначально не планировался, не ощущается вовсе. Я даже ловлю себя на мысли, что не стал бы сопротивляться, если бы Лена Крамер сейчас начала царапать мне лицо и бить каблуками-стилетами. Мой мир весь в руинах и покрыт пеплом, высушен до раскаленных песков предстоящего одиночества без шанса на спасение. Не так давно я сам нажал эту красную кнопку, приговорив нашу вселенную к ритуальному сожжению. Мне не хватило сообразительности понять это сразу, только я с высоты своей веры в насилие и диктат как в высший абсолют мог любоваться танцем затихающего огня и искать в его отсветах аналог

света. На огонь можно смотреть бесконечно и упустить ту, без которой не сможешь дышать и существовать. Обнуление этой системы невозможно. Все придется строить с начала по кирпичику, или оставить умирать эти рухнувшие небеса до скончания времени.

— Я не знаю, что тебе ответить. В одном можешь не сомневаться: я хочу начать все с чистого листа, если это еще возможно. Я очень устал, без нее у меня нет никакого смысла двигаться дальше.

— И ты будешь мне доказывать, что с ее головы больше ни один волосок не упадет...

— Я боюсь к ней прикасаться после такого, неужели тебе так трудно это понять?

— Мне не трудно. Слишком самонадеянно и хорошо, чтобы быть правдой после всего, что ты с ней сделал. И я сейчас не выбираю себе очередную пару туфель вместе с моей дорогой подругой только потому, что все еще надеюсь услышать резонный аргумент и убедиться, что Юльке действительно будет хорошо с тобой!

На ее губах снова играет привычная ласковая улыбка, но я не чувствую доверия или готовности идти мне навстречу. Мои доводы неубедительны.

— Мои сомнения усилились. Знаешь, я могу поверить в то, что ты потерял от нее голову и у тебя действительно чувства. Но кто дал тебе право действовать подобным образом, не считаясь с ее мнением?

Момент истины. Мне нечего терять в отчаянной надежде спасти ускользающий шанс на счастье.

— Вот мы и подошли к сути вопроса. Но ответ тебе не понравится.

Крамер вздрагивает от решительности в моем голосе, словно зверек, почуявший опасность. Мне жаль, лучше бы это была кратковременная угроза с моей стороны, а вовсе не то, что ей предстоит сейчас увидеть. Она настороженно следит за мной, слегка расслабляется, когда я извлекаю из кейса планшет. Пара движений пальцами по темному сенсору, разворачиваю экран к ее удивленному личику.

— Я могу дать тебе наушники.

— Не стоит, тут хорошая звукоизоляция.

Лена жмет на значок воспроизведения записи, перед этим бросив на меня внимательный взгляд.

Я чувствую себя поверженным гладиатором на арене и жду, что она опустит большой палец вниз с такой же теплой ласковой улыбкой... Вниз — это справедливо, я не заслуживаю ничего другого. Затем она переводит взгляд на экран, и я в который раз прихожу к выводу, что она не играет, все ее эмоции можно прочесть на лице. Надежда, кратковременный восторг, недоумение, и...

— Александр... — ее губы шевелятся, а во взгляде появляется почти отчаянная надежда, когда она смотрит на меня.

Мне жаль, я отрицательно трясую головой:

— Сожалею, но нет. Эта запись сделана в январе этого года...

Мне не хочется смотреть на нее, закрываю глаза. Стараюсь абстрагироваться от тихого голоса Анубиса с записи, которая все расставит по своим местам... или же не расставит ничего. Видит бог, я не хотел, чтобы кто-то, кроме меня, это видел, я отдаю себе отчет в том, что новая информация сейчас взорвет шаткое равновесие.

Однажды ты меня спросишь, зачем высшим силам понадобились подобные сложности и почему в этот раз звезды сходились, сотрясая орбиты и убивая нас минута за минутой. А я даже тогда не буду знать на него ответа. Ты будешь часто спрашивать, был ли у тебя шанс

избежать подобного, если бы ты вела себя иначе, а меня будет выбивать инъекциями панического ужаса при мысли о том, что я мог никогда тебя не встретить. А потом ты скажешь, что тебе хорошо в моей вселенной абсолютной тьмы, и тогда мне станет по-настоящему страшно. Что это? Ментальные приветы из будущего или спасительные шлюпки моего тонущего сознания?..

— Я не верю.

Вот теперь пальцы Крамер дрожат. Я выбил ее из зоны самолюбования окончательно, и видит бог, этого не хотел.

— Ставлю тебя в известность, что Брайан завтра же отнесет это на экспертизу, и если это видеомонтаж...

— Это не монтаж, но по причине того, что я юрист, понимаю твои сомнения. Конечно, сделай. Запись есть на флешке. — Я даже не удивлен, когда Лена выхватывает ее из моих пальцев.

Туманность разрушающей боли на миг рассеивается, запустив инстинкт защитника тех, кто слабее, выхожу в зал, сделав знак официанту:

— Виски и черный шоколад.

Ей сейчас не помешает подобное сочетание. Я сам смотрел эту запись, санкцию на легализацию Тьмы, сотни раз, не имея ни малейшего понятия о том, как она может быть воспринята другими. Шоколад воспринят на ура, от виски Крамер отшатывается в сторону, инстинктивно накрыв ладонью плоский живот. В тот момент мне многое становится понятно, и я готов удариться головой о стенку за то, что заставил ее нервничать. Отсутствие ярости и желания причинить боль этой девчонке тоже логически обоснованы. Редкие хищники нападают на беременную самку. В то же время, когда лев завоевывает иной прайд, он безжалостно уничтожает чужое потомство. От такой шокирующей параллели с первобытными инстинктами хочется ослепнуть, но я даже в темноте буду видеть перепуганные глаза Юлькиной малышки и слышать ее крик. Этого оказалось достаточно, чтобы разрушить до руин все, чем я жил прежде.

— Я не могу в это поверить. — Через десять минут Елена приходит в себя, только дружелюбие сметено ранимостью и грустью. Тот самый коктейль, который заставляет моего монстра сотрясать прутья своей клетки, сейчас вызывает сожаление и что-то похожее на нежность. — Я не знаю, что с ней будет, когда она это увидит... И я не знаю, имею ли я право от нее это скрывать. И почему ты понял его настолько буквально?.. Он явно не хотел ее слез и срыва Евы...

— Он всегда был и останется умнее, чем мы с тобой, вместе взятые.

— Это больно. Каждый день, который они прожили вместе рядом, зная, что в итоге она до конца никогда ему не принадлежала... И мне хочется верить в то, что он ошибался...

Это больно слышать даже мне.

— Лена, мы решим чуть позже, нужна Юле эта запись, или она только причинит ей новую боль. Ты сможешь мне?

— Ты понимаешь, что слова Алекса мало что меняют? То, что ты делал с ней, сложно оправдать подобным благословением...

— Ты сможешь мне?

Она отвечает не сразу. Допивает остывший кофе, с сожалением отметив опустевшую вазочку, которая еще несколько минут назад была наполнена кусками настоящего черного шоколада.

— Попробую. Я не обещаю. Мне надо подумать. В общем, жди моего звонка... Но ничего не гарантирую.

Она поднимается, зажав флешку в ладони, даже в подавленном состоянии срисовав мое неосознанное стремление броситься следом.

— Нет-нет, не надо преследовать меня. Юрист должен знать, чем это чревато на территории Соединенных Штатов. Если не хочешь все запороть, сиди и не дергайся! — вновь такая естественная и фальшивая одновременно улыбка пай-девочки с воздушным поцелуем на прощание.

Если бы она сейчас сказала грохнутья на колени и доказать словами или действиями, что я никогда больше не причиню боли ее подруге, я бы сделал это не задумываясь, но пока я покорно сижу, не двигаясь с места. Она одна сейчас держит мое сердце в своих руках, а мне остается только надеяться, что на исходе полуночи они вместе с Юлей не воткнут в него ритуальные кинжалы. А потом я прихожу к выводу, что это не самый страшный вариант. Если у меня нет больше надежды на ее прощение, пусть все случится именно так...

Юля

Это утро мало чем отличалось от предыдущих.

Все то же голубое небо и океанское побережье, шум волн преодолевает звукоизоляцию панорамных окон в пляжном домике семейства Крамер, запах терпкого колумбийского кофе щекочет ноздри, кондиционированная прохлада комнаты остужает все еще слегка пылающие щеки (кожа не привыкла к яркому солнцу, день на пляже не прошел зря). Спросонья сложно понять, что же нарушает привычный распорядок дня. Да, вполне логично, что я в гостях, в ином часовом поясе и совсем недавно пережила стресс, не привыкла за эти пять дней к чужому дому, но все равно это что-то иное.

Зевая, делаю несколько упражнений на растяжку мышц. После вчерашнего шопинг-тура, который закончился поздним вечером, все еще болят ноги. «Маноло Бланик», «Тиффани», «Валентино» — далеко не полный список магазинов, в которых я потеряла счет времени и деньгам. Все еще хочется спать и кажется, что не спасет даже контрастный душ. Вчера засиделись до полуночи втроем, и я, кажется, выпросила у Брайана одну из катан. Зачем, сама не знаю. Если Алекс не питал особой слабости к японской культуре в целом, отдавая предпочтение исключительно искусству шибари, Брайан был помешан на Стране восходящего солнца куда сильнее. Он мог часы напролет восхищаться работоспособностью и уникальной философией потомков самураев. После таких бесед я понимала, что практически боюсь этой нации, которая однажды завоюет мир. Но их древнее оружие не могло не привлекать меня своей аурой смерти и тонкой философией. Как я буду везти это самурайское чудо домой, одному богу известно. Подумаю об этом перед отъездом, благо еще не скоро.

Летний дом расположен в Нью-Джерси, из панорамных окон видны золотые пляжи Кейп Мей. У нас с Евой был практически ребяческий восторг, когда мы оказались на побережье в первый день после прилета. Под смех Лены собирали прозрачные минералы, которые так напоминали драгоценные камни, по сути, это был обычный призматический кварц самых разных цветов — от серо-дымчатого до глубокого аметистового. На Сансет-Бич глаза разбегаются от сувениров из этих поделочных камней. Уютные рестораны океанской кухни, изумительная местная архитектура, красочные закаты и потрясающее ощущение смены обстановки сделали свое дело. Улетала из Харькова я окончательно разбитой и плохо понимала, какой же именно поддержки ждет от меня лучшая подруга, если нас с дочерью

самих придется собирать по кусочкам, и каким же неподдельным было мое изумление, когда мои ноги впервые ступили на землю Пенсильвании. Прошлое здесь не имело никакой власти, оно осталось позади всего за несколько часов, изредка царапая изнутри глухой болью, но все чаще это неприятное ощущение перекрывалось новыми эмоциями, направленными на восстановление нокаутированного сознания.

Я никогда не была слабой. Все, что мне понадобилось, для того чтобы возродить прежнюю силу, — просто сбежать из города, у которого было лицо моего кошмара. Жизнь не стояла на месте, а здесь, в Америке, чужая тень растворилась в тысячах километров, растаяла под волнами океанского прибоя, раскололась на тысячи осколков в зеркальных окнах огромных небоскребов и шуме суетливых улиц под логотипом неистребимого «кип смайлинга» жителей этой страны. С каждым днем становилось легче дышать и просыпаться по утрам, улыбаться новому дню и не вспоминать пережитый ужас. Если я и вспоминала о Лаврове, все чаще это были те моменты, когда тьма оставляла его сущность, хотя бы ненадолго, превращая холодную маску непримиримого мстителя в искреннюю улыбку с проблесками давно забытого тепла и россыпью искр незавуалированной грусти в темных глазах. Это было редко, но я это замечала, чаще всего неосознанно. Положа руку на сердце, хороших моментов было тоже достаточно. И если бы они взяли верх над тьмой, я бы шагнула в его объятия без страха и сожаления. Мне отчего-то хотелось его запомнить именно таким, хотя я понимала, что подобные Диме люди никогда не изменятся. Может, однажды я смогу понять его одержимость, которая стоила мне такой сокрушительной боли. Понять — да. Простить — нет...

Это утро было солнечным и теплым. Я с удовольствием надела светлый костюм, который так красиво подчеркивал мой новообретенный загар, и спустилась вниз. Ленка пила кофе и просматривала новости на планшете — ее утро обычно начиналось именно так. Я поджала губы. Вот вредина загадочная. Вчера исчезла куда-то почти на час, в итоге я приобрела еще две пары от «Маноло» — босоножки на высокой шпильке, от высоты которой кружилась голова, и белоснежные кружевные лоферы, которые в условиях мегаполиса быстро станут серыми. Не знаю, как буду это носить теперь, придется с легкой руки отдать Насте... если она, конечно, не спалит дом в мое отсутствие.

— Не много ли кофеина, Крамер? — я с легкостью забралась на высокий барный стул, наполнив чашку ароматной арабикой с привкусом шоколада. — Тебе точно разрешили его пить в таком количестве в этом триместре?

— И тебе доброе утро, — меня насторожила улыбка подруги. Я только сейчас поняла, чего же не хватает в этой картине идеального утра.

— Ева спит? — обычно в это время моя гиперактивная малышка носилась по дому, оглашая тишину счастливым смехом. Ночные сновидения, в которых она хныкала и пыталась спрятаться, утром таяли как дым, забывались и растворялись без остатка. Чужие стены, похоже, шли ей на пользу, и я пока что воздержалась от визита к детскому психоаналитику.

— Это ты лежебока. Ева уехала с Брайаном. Да расслабься, в чем дело? — подруга выглядела невозмутимой, но меня что-то насторожило. То ли активная жестикуляция, то ли то, что она избегала моего взгляда. — Ему не мешает примерить на себя роль отца.

— Куда они уехали?

— Вайлдвуд. Не надо переживать! Там классные аттракционы, Ева будет на седьмом небе. Расслабляйся и ни о чем не думай, я съезжу к доктору, и потом мы что-то придумаем. Кстати, завтра Нью-Йорк, готовься морально. Там захочется остаться!

— Какого вы меня так элегантно слили? Что за секретность? — непонятная тревога омыла позвоночник неприятной холодной волной, такой нелогичной и непонятной. — Мне что, сидеть дома и плевать в потолок, пока ты не вернешься? Я с тобой.

— Юля, я сама. Ты приехала созерцать больничные коридоры? Насколько я помню, ты на все это насмотрелась в Харькове. Играй со своим мечом, главное осторожно, ничего себе не отыграй, поплавай в бассейне, в конце концов. Миссис Майклз в твоём распоряжении, можешь заказать ей обед. Я вернусь и заодно узнаю, не укачает ли меня на моторном катере, вечером рванем покорять морские просторы.

Категоричность в её голосе отчего-то сразу уничтожила малейшие возражения, но тревога не уходила. Когда я почти решилась её озвучить, в кухне появилась улыбчивая и добродушная экономка Эйлин Майклз, Ленка пригласила её выпить кофе вместе с нами, и я заставила себя улыбнуться и прогнать непонятное предчувствие. Проводила подругу, которая села в свой «Крайслер» и уехала к доктору. Загорать в шезлонге у бассейна не хотелось, вместо этого я обосновалась в рабочем кабинете Брайана, где на стене висел его подарок мне, вызывая стойкое желание взять его в руки и любоваться зеркальной поверхностью лезвия. Одно неосторожное движение несло смерть, я уже в этом убедилась, используя свой излюбленный прием: падающий с высоты цветок моментально распадался надвое, коснувшись заточенной грани. Осторожно вынула клинок из ножен, поражаясь своему влечению к заостренной поверхности, которую хотелось гладить, рискуя поранить пальцы, и отложила в сторону. Но мой взгляд то и дело возвращался к смертельному оружию.

Милена прислала мне последние отчеты по магазинам. Прибыль немного упала, а я была слишком опустошена, чтобы прямо сейчас заниматься разработкой планов по её повышению. Как и ожидалось, Лавров выкупил у фонда мою часть клуба практически в тот же день, не пожалев на это средств. Штейру я звонить не стала, остерегаясь, что не справлюсь с эмоциями, если узнаю о ликвидации клуба. Лена уже час как находилась у доктора, без Евы я маялась от скуки, развлекая себя просмотром новостей и совершенствованием собственного английского. Мой серфинг по сайтам прервало появление Эйлин, оповестившей о себе стуком в двери.

— К нам посетитель, — у неё было красивое произношение без какого-либо акцента. — Миссис Крамер известила, что он может переговорить с вами.

Я удивленно сдвинула брови. Что опять? Стилист? Пластический хирург? Тренер по йоге? Коуч по правильному определению жизненных целей? Психолог, специализирующийся на жертвах насилия? У Ленки чувство юмора иногда приобретает извращенные формы.

Распорядилась проводить гостя в кабинет. Скорее всего, это кто-то из клиентов Брайана, а поскольку пунктуальный американец не мог назначить встречу и проигнорировать её, сам с минуты на минуту будет здесь. Потянулась к мечу, чтобы повесить его на стену и не шокировать посетителя видом холодного оружия, и тихо выругалась сквозь зубы, когда катана выскользнула из моих рук и с глухим стуком упала на пол. Не думая о том, как буду выглядеть, я присела на корточки, чтобы поднять её аккуратно в тот момент, когда Эйлин позволила войти гостю.

Мой взгляд ненадолго остановился на светлых оксфордах вошедшего, скользнул по серым костюмным брюкам и замер на смутно знакомом перстне на руке, сжимающей кожаную ручку плоского кейса. Я справилась с устьем деревянных ножен, которые не раскололись после падения, и вложила в них меч. Медленно выпрямилась, ещё до конца не

понимая или просто отказываясь верить. Нахлест ледяной волны вдоль позвоночника пережал спазмом ужаса горло. Тело отреагировало на опасность гораздо раньше, чем мозг.

Мы замерли друг напротив друга. Я не знаю, о чем в этот момент думал он, но мне пришло на помощь чувство нереальности происходящего. Пальцы до боли сжались на рукояти катаны, светлые стены кабинета дрогнули, растворяясь в этом надуманном небытии. Тьма никуда не уходила все эти дни. Она неотступно следовала за мной, чтобы ударить на поражение в тот момент, когда я буду уверена в собственной безопасности.

Я не понимала, что Эйлин тактично закрыла двери с обратной стороны, что мы с ней остались вдвоем в этом доме перед лицом моего ожившего кошмара. Я была слишком напугана и дезориентирована, чтобы понять: незримые сети цвета кофе с минимальным количеством сливок уже накрыли меня с головой, внедряясь под кожу, прожигая эпидермис с анестезией слабой надежды на то, что все происходящее — плод моего воображения. Он просто не мог найти меня здесь, за тысячи километров от дома, бросить столь ответственный пост мэра, ворваться на частную территорию гражданина Соединенных Штатов... Да что, вашу мать, или кто мог ему в этом помешать?

Я ничего этого не сказала. Как бы мне ни хотелось выглядеть храброй и невозмутимой, ничего не получилось. Колени задрожали, словно инстинкт самосохранения сам услужливо подсказал единственно правильный выход из создавшегося положения; я в буквальном смысле слова вырвала свой испуганный взгляд из кофейных тисков, непроизвольно зажмурившись и отступив назад. Кабинет Брайана перестал быть крепостью, он не мог считаться даже полигоном для ведения боевых действий — этот мужчина всегда, при любых обстоятельствах и на любой территории, будет безоговорочным захватчиком. Почему я не кричала, просто продолжала отступать в сторону, чувствуя, как мой не успевший окрепнуть мир прямо сейчас грозит осыпаться острыми осколками запредельного ужаса, и мысленно жалела о том, что не смогла шагнуть в пропасть тем вечером, когда Лена убедила меня в том, что кошмар закончился?

— Может, все-таки положишь на место то, что у тебя в руках? Здравствуй, Юля.

Галлюцинации не разговаривают. Шизофрения не начинается по одному щелчку. Я вздрогнула всем телом при звуке его голоса, хотя в нем не было ни угрозы, ни издевательского превосходства. Собственные инстинкты самосохранения заткнулись, и я мысленно взмолилась о том, чтобы сейчас здесь чудом появилась Ева. Пальцы Димы уверенно сдвинули замок кейса, с легкостью извлекли папку с документами, а у меня предательски зашумело в ушах. Я была настолько напугана, что сейчас эти аккуратно скрепленные листы казались мне контрактом с дьяволом как минимум.

— Ты не хочешь посмотреть и поставить свою подпись?

Мои пальцы свело судорогой, я непроизвольно дернула ножны катаны в сторону под его удивленно-благосклонным взглядом. Почему у меня не было желания сейчас же приставить острие самурайского меча к его горлу и потребовать убраться прочь? Я знала ответ. Однажды у меня была возможность его уничтожить. Вот тогда я поняла, что никогда, ни при каких обстоятельствах не смогу убить человека. Некоторые вещи не меняются.

— Клуб твой. Это чтобы ты не ломала голову над тем, что в документе. Твой окончательно, полностью. Мне никогда не нужна была моя часть.

— Ты считаешь, этого достаточно? — мой голос все же прорезался, но показался чужим и далеким. Я была беззащитна перед лицом непримиримого рока даже на территории чужого государства. Я полагала, что поставила точку. Увы, был еще один человек, который

никогда бы не сделал то же самое.

— Я так не считаю. Но у меня будет достаточно времени, чтобы дать тебе больше, разве нет? Положи уже эту игрушку, а то я рискую потерять нить нашего разговора.

— Ты зачем приехал? — в этот момент я была готова возненавидеть себя за униженный трепет. — Тебе мало? Куда мне нужно свалить, чтобы ты наконец оставил нас с дочерью в покое?

— Это не поможет, Юля. Куда бы ты ни бежала, для меня не составит труда тебя найти. Почему меня даже не удивил его ответ? Он всегда был максимально честным и не давал повода для неоправданных надежд. Если бы я не была так напугана и шокирована, поняла бы, что никто не будет тащить меня силой или избивать прямо в этом кабинете. Похоже, здравый смысл приказал долго жить.

— Ты конченный на всю голову. Как ты мог предположить, что я после этого захочу иметь с тобой что-то общее?

— Мне все равно. Надо говорить, что я не уеду без тебя, или сама догадаешься?

Моя отповедь заглохла на высоком аккорде с испуганным вскриком в его губы. Все произошло довольно быстро — глухой стук многострадальной катаны о паркет, почти болезненный нажим его рук на мои плечи, секундная асфиксия от внезапного поцелуя, ошеломившего своей неприкрытой одержимой страстью с привкусом отчаяния, напугавшим меня еще сильнее. Волна ужаса с шипением отхлынула прочь, оставив после себя обнаженные рифы моей боли и невозможность противостоять абсолютной силе. Паника разрывала изнутри, а тело оцепенело, не в состоянии дать отпор неприкрытому насилию. В этот раз оно было совсем иным. Его собственная боль вливалась в кровь через атаки языка вглубь моего безвольно приоткрывшегося рта. Не было сил отвечать и чувствовать сексуальное желание в ответ, как и пытаться вырваться — я боялась

того, чем может обернуться мое сопротивление. Ощущение собственного бессилия и унижения ударило в голову, я сама не поняла, когда страх прорвался обильными слезами, заструившимися по моим щекам, отравив агрессивный поцелуй утверждения чужой власти привкусом соли.

— Б**дь... моя ранимая, нежная девочка!

Я захлебнулась в новом спазме сдавленного рыдания, когда его губы наконец отпустили мои, а руки сжались на спине со всей силы до легкой боли и слабого хруста в костях.

— Я не могу тебя отпустить, даже не проси... проще сдохнуть!

— Не надо!.. — мой прерывающийся шепот резанул по нервам остро заточенным клинком.

Бывает так, что слов достаточно для того, чтобы прожечь кровь. Не всех слов и не всегда. Я испугалась искренности в его голосе посильнее возможного насилия. Даже если бы они не были произнесены, я бы почувствовала чужую боль и раскаяние, обличенное в форму запретельной одержимости, через прикосновения.

Это было неправильно. Почему он не давал мне шанса и дальше считать себя монстром, лишенным человечности, которого стоило ненавидеть до конца жизни?.. Зачем он продемонстрировал в двух словах и этом обреченном поцелуе все то, в чем я долго не смогу себе признаться? Мне было легче испытывать ужас и терпеть боль, чем осознать, что в его словах и жестах не было ни капли фальши. Только искренность, от силы которой ломаются стены!

— Уходи... просто уходи! — Мне казалось, что горло изнутри вымораживается сухим

льдом, а сознание, наоборот, раскаляется добела, стремясь выжечь до основания руины моего рухнувшего мира. — Я никогда не смогу простить того, что ты сделал! Это конец, понимаешь? Это все!..

Я ничего не видела перед собой от текущих слез. Меня самой почти не осталось. Когда его крепкие объятия резко разжались, я на миг опешила от ощущения убивающего холода. По телу прошла судорога, оборвавшаяся на пике новым приступом рыдания.

— Я не уйду! Можешь меня ненавидеть, можешь ударить, делай что хочешь, но я не уйду! У меня не осталось смысла жить без тебя! Я не уйду, пока ты не пообещаешь, что вернешься!

— Сдохни, твою мать, но оставь нас в покое! — слышать боль в его голосе было невыносимо.

Я сойду с ума, если меня сейчас не перестанут резать живьем этой правдой. Меня разрывало изнутри всем кошмаром недвусмысленности этой ситуации, я даже не понимала, что Дима отошел в сторону и продолжает на меня смотреть, ничего не предпринимая. Едва не закричала, когда что-то коснулось моих пальцев, просто непроизвольно сжала рукоятку катаны, как оказалось потом.

— Давай, Юля. Тебе ничего за это не будет. Самозащита, а у меня нет права находиться на территории частной собственности.

Что-то пробило панцирь моего отчуждения. Может, усталость или грусть в его словах? Или все та же гребаная искренность? Сглотнув соленые слезы, я перевела ошарашенный взгляд на меч в своих руках.

— Давай, ударь и покончим с этим. Тебе же хочется? Какая разница, как? Сделай это и избавься от меня раз и навсегда!

Заткнись. Твою мать, что ты такое говоришь? Я не убийца!

— Замолчи. Просто уходи...

— Я не уйду! Или ударь, или обними. Я больше не смогу продержаться с этим ужасом.

Слова били по сознанию, усиливая нервную дрожь, слезы катились по зеркальному лезвию меча. Я не понимала, что происходит. По сравнению с этим мой ужас в первые секунды его прихода выглядел детским испугом.

— Каким ужасом?

— Ужасом жить без тебя! Без единственной девочки, которую я люблю больше жизни! Режь, бей, мне по**й уже! Если ты не хочешь этого понимать, просто убей!

— Заткнись... я не хочу участвовать в твоём безумии!

Я даже не поняла, что произошло. Секундная боль в запястье заставила разжать пальцы. Повела головой, смаргивая слезы. Ловко у меня отобрали катану. Лавров осторожно провел пальцем по острию меча, и на его губах появилась улыбка, от которой у меня кровь застыла в жилах.

— Не хочешь, б**дь! Отлично, сделаю это сам!

Кажется, я закричала, но спазм гортани превратил крик в униженный перепуганный писк. Время остановилось: я, словно в замедленной съемке, наблюдала, как на его пальцах выступили алые капли крови. Уверенный разворот, и лезвие замерло на уровне груди в миллиметре от черного сатина его рубашки.

— С чего начнем, Юля? С этого? Оно очень активно билось, когда придумывало для тебя новые психические пытки. Оно даже сейчас усиленно бьется.

Я не заорала и не закрыла лицо руками, когда Лавров недрогнувшей рукой провел

лезвием поверх черной ткани рубашки, разрезая ее без малейшего усилия. Черный цвет материи замаскировал кровь, но она осталась на лезвии. Алая. Яркая. Настоящая.

— А теперь? Наверное, с руки, которая била тебя по лицу и сжимала твою шею? — Я никогда не боялась крови, но сейчас у меня закружилась голова. Я старалась не смотреть, как на его груди расплывается пятно крови, усиливая черный цвет рубашки, как ладонь уверенно сжимает рукоять, а острое неотвратимо приближается к сгибу локтя. — Какое твое любимое число, Юля? Сколько раз ты пыталась меня остановить, а я тебя не слышал?..

Иногда не обязательно развивать запредельные скорости, чтобы шагнуть в свой персональный ад. Иногда можно ничего не делать. Просто смотреть, как ради тебя готовы вынуть собственное сердце, и далеко не в переносном смысле. Именно сейчас я все понимала с потрясающей ясностью.

Мир не переменится в одночасье. Опасный Хищник никогда не станет домашним котенком. Мне никто не предлагает небо в алмазах и полный штить. Он не будет меняться по щелчку моих пальцев и повороту моего каблука. Этот человек никогда меня не обманывал. Еще не понимая, чем все это однажды закончится и смогу ли я дальше жить в мире его одержимости, но зная наперед, что я не смогу со спокойным сердцем наблюдать за этим истязанием, я сделала шаг навстречу.

Слезы все еще застили мне глаза, когда я отпустила защитную опору столешницы и преодолела расстояние в несколько шагов. У меня не осталось сил ни на что, только прижаться к его груди, чувствуя, как горячая кровь пропитывает ткань моей блузы, и потянуться дрожащими пальцами к его руке.

— Не надо...

Ничего не изменилось. Я сделала над собой последнее усилие:

— Если не хочешь, чтобы я отошла, брось эту хрень на пол...

Мне не понадобилось повторять дважды. Уже в который раз катана поцеловала паркет, а я обессиленно замерла, чувствуя, как горячая кровь просачивается через ткань, согревая кожу. Его пальцы проšliсь по моему позвоночнику, усиливая давление, вжимая в свое тело, сжались у кромки волос, причиняя легкую боль. Я ее даже не замечала. Нерешительно пошевелилась, понимая, что мой самый любимый враг истекает кровью, но тут же замерла, когда горячий шепот опалил мою ушную раковину.

— Не шевелись... Дай просто почувствовать тебя...

Мое тело мне уже не принадлежало. Я нерешительно положила свои руки на его плечи, стараясь не усугубить боль одним неосторожным движением. Слезы все еще текли по моим щекам, но они больше не разрывали сердце на части.

— Ты гребаный шантажист... У тебя нет мозгов! Ты решил добить мою дочь. Если она сейчас тебя таким увидит...

— Она не увидит. Кажется, они сейчас с Крамером в парке аттракционов? Елена тоже не появится, пока я не уеду.

Слова замерли на моих губах. Кажется, они сейчас были не нужны.

— Я не могу вернуться. Ты хотел честный ответ... я не могу!

— Сейчас не можешь?

— Я не могу это простить. Не требуй невозможного.

— Я умею ждать. И есть кое-что еще, что может повлиять на твое решение.

Кажется, я все же освободилась от этой отчаянной хватки, понимая, что он быстро ослабеет от кровопотери. Голова кружилась, когда я хаотично дергала ящики стола в поиске

аптечки под ироничным взглядом Лаврова. О том, что он намеренно делал все, чтобы не позволить мне скатиться в панику, я сейчас не думала, как и о его словах. Вряд ли что-то заставит меня изменить решение. Впрочем, сейчас это было не главным. Мне пришлось шикнуть на миссис Майклз, которая зашла осведомиться по поводу кофе и растерялась. Подозреваю, я выглядела той еще красавицей с заплаканными глазами, растрепанной прической и кровавым пятном на светлой блузке. Еще и в компании раненого Лаврова, который ослепил ее обезоруживающей улыбкой. «All right! No doctor!» — успела крикнуть ей вслед, не в состоянии соблюсти все правила английского, просто понимая, какими неприятностями обернется ножевое в этой стране. Руки все еще дрожали, когда я все-таки отыскала коробку с надписью «medical» и кинулась к этому несостоявшемуся самоубийце, едва не рассыпав по полу бинты с тканевыми салфетками.

Вблизи порез выглядел не настолько глубоким, как я предположила вначале. В критических ситуациях я всегда становилась фурией, забывая напрочь про собственный страх и бессилие. Толкнула Лаврова на стул, не справившись с эмоциями.

— Да прекрати ты скалиться! — у него еще хватило наглости улыбаться, наблюдая за моими манипуляциями. Я не задумывалась о том, что расстегиваю его рубашку стоя на коленях, там, где он хотел меня видеть все это время. — Симулянт хренов!

Как я еще не вылила весь пузырек антисептика на его открытую рану! Искушение было, просто знала, что не заорет. Крови, слава богу, никогда не боялась, поэтому забыла напрочь обо всем подряд, оказывая первую медицинскую помощь тому, кого еще несколько дней назад хотела закопать живьем. Не сдержавшись, ударила по рукам, когда он вновь попытался запустить пальцы в мои волосы и прижать к себе — едва было остановившееся кровотечение возобновлялось с новой силой, стоило ему пошевелиться. Отшвырнула насквозь пропитавшуюся кровью губку на стол, не обратив на это внимания.

— Осторожнее с документами. Там клуб. На твоё имя.

— Да ноги моей не будет в этом гребаном клубе! Хочешь, забирай обратно! — я все-таки закрепила повязку, надеясь, что правильно прочитала названия на пузырьках и не залила в открытую рану раствор гепарина. — Не понимаю, зачем ты это устроил! Или мне сделать то же самое, только с требованием оставить меня в покое?

— Ты так и не поняла, что я на все готов ради тебя, Юля?

— Даже вылечить свои садистские замашки и перестать вести себя как гребаный повелитель вселенной?

— Я не даю невыполнимых обещаний. Я тебе говорил раньше и могу повторить: характер и жизненный уклад не меняются! Если ты будешь со мной, я никогда не пойду против твоей воли, это все, что я пока могу тебе обещать. И ты сама хочешь принять меня именно таким. Это твоя сущность, моя девочка!

— Да кто ты, твою мать, такой? Долбаный психиатр? Кто тебе вообще сказал, что я сплю и вижу быть рабыней и не поднимать глаз выше пола?

Я еще не поняла, что сама помогла ему вывести разговор на тему, в которой он сомневался, и очень долго.

— В левом отделении кейса флешка. Ты сама все поймешь, когда просмотришь запись. Но сделаешь это, когда я уйду.

— Куда ты уйдешь? Отрубиться за рулем? Истечь кровью в дороге? Или меня вместе с Крамерами под статью подвести решил? Это ножевое ранение! Ни одна больница не оставит это без внимания!

— Ты недооцениваешь коррупцию, моя девочка. Пара швов, и к вечеру можно танцевать рок-н-ролл. К тому же я воспользовался такси, мне не придется напрягаться за рулем.

Я осторожно застегнула пуговицы на его рубашке. Это не имело смысла, она была разрезана почти полностью. Отыскала в баре Брайана бренди и осторожно наполнила два бокала.

— Что на флешке?

Лавров ответил не сразу. Мне показалось, что он колебался, жалел о собственных опрометчивых словах, но все же решился.

— Перед смертью Алекс записал обращение. Ты не должна была его увидеть. Но видит бог, все зашло слишком далеко. Я не справился со своими чувствами к тебе и не оправдал его доверия. Поэтому ты должна сама решить, сможешь ли это простить и остаться со мной.

— Алекс? — я не успела передать ему бокал, сделала судорожный глоток, чувствуя, как алкоголь опалил гортань. — Почему он записал обращение для тебя?! Он знал, что ты жив? Как такое возможно? Почему не знала я?!

Впервые в его глазах спектр эмоций оказался непонятным для меня. Когда он заговорил, я буквально содрогнулась от тех ноток, что проскользнули в его голосе. Ощущение было запредельным: словно этот человек был готов принять на себя все удары сразу, только бы они не коснулись меня.

— Потому что он знал, что ты не перестала любить меня все эти годы. Не спрашивай, как и почему. Просмотри запись, и возможно, все станет на свои места.

Эпилог

Она уведет тебя полем, петляя по новому снегу,
лесом, глухими тропами, до самого дикого берега,
и ты не собьешься с дыхания,
ты не собьешься с ритма,
и ты проглотишь свой стон и все эти новые рифмы.

...

Совершенный охотник, как тень, как дыхание за спиной,
он так удивится, что ты оказалась совсем иной!

(с) В Засаде

Я опускаю на гранит надгробия белые розы. Их ровно тридцать, как и всегда. Смотрю в его грустные глаза на фотографии и в который раз с трудом сдерживаю слезы. Прошло столько времени, а безмолвный крик «как ты мог?» летит над погостом, слегка присыпанным белым снегом. Я закрываю глаза, но это не сможет стереть из памяти последний образ моего погибшего супруга. И его слова, которые располосовали мое сердце куда сильнее, чем это могли сделать все его катаны, вместе взятые.

На той записи Александр не улыбается. Я редко видела его таким. В глазах сталь, губы плотно сжаты, но слова режут посильнее лезвия. Я понимаю, он обращался не ко мне, но от этого не легче.

«Если ты это слушаешь, я не успел. Я не верю в рок и карму, если бы все повторилось, я бы сделал точно так же. Ты бы никогда не приблизился к ней даже на расстояние выстрела!»

«Можешь утешиться тем, что она так и не смогла тебя забыть. Это не ее вина, поэтому я никогда не мстил ей за подобное проявление чувств не ко мне, за остатки воспоминаний. Если я не переживу операцию, хочу, чтобы ты знал: прежде всего для меня важно, чтобы она была счастлива. И я уповаю на твое благоразумие, если не сможешь удержать своих демонов

в узде, лучше не пытайся...»

«Она не придет к тебе, если ты просто протянешь руку. Юля — одна из тех уникальных женщин, чью любовь и преданность можно только завоевать. У каждого свои методы, иногда они на грани фола. Я до сих пор не уверен в том, правильно ли поступаю, но знаю: она не будет счастлива ни с кем, кроме тебя. Достаточно ли у тебя сил и самоконтроля, чтобы не перейти черту, получив мое благословение?»

«Ты знаешь, что делать с клубом. Мой сын долго сопротивляться не станет. Сама она с этим не справится, просто используй его как возможность стать ближе и вернуть то, что по своей глупости и гордыне сам упустил...»

«Сделай все правильно. Твое счастье сейчас в твоих руках. Не мсти ей за то, что она была со мной, в этом нет ее вины. Знаю, она будет сопротивляться. Но только ты в силах сейчас сделать ее счастливой снова...»

«Я бы не хотел, чтобы она узнала о нашем разговоре, но, если ее сопротивление пойдет в ущерб ей же самой, тогда можешь показать ей эту запись. Только держи ее крепче, ей будет больно от подобного...»

«Сделай так, чтобы я никогда не пожалел о собственном благословении. Тебе кажется, она сильная. Так и есть. Но это та женщина, которая будет счастлива только за каменной стеной. Стеной, а не клеткой...»

Я просмотрела ее всего раз. В тот самый день, когда Дима заставил выслушать его столь экзотическим способом, а я поняла, что никогда не хотела его смерти. Услышанное окончательно выбило из колеи. На тот момент мне было уже все равно, истечет ли кровью тот, кого Алекс предостерегал от зверств в отношении меня. Если до этого момента мне казалось, что скоро весь кошмар последних дней забудется и жизнь вернется в прежнее русло, после просмотра записи я поняла одно: мир никогда не будет прежним — открытым, справедливым и дружелюбно настроенным.

Если бы я не услышала этих слов Алекса, все бы сложилось иначе. В тот день я была почти готова простить Диму. У нас никогда не терялась та самая уникальная связь, которая ощущалась даже сквозь километры. Но после просмотра записи я ощутила себя преданной и уничтоженной.

...Движение сбоку привлекает мое внимание. Где Лавров набрал этот штат тупых качков, для которых слова «конспирация» и «кастрация» синонимы? Поворачиваюсь и уверенно иду им навстречу.

— Еще раз увижу здесь, скажу, что вы пытались изнасиловать женщину мэра!

Я с самого начала знала, что за мной следят. Что касается Лаврова, то страх потерять меня снова сейчас взял верх над черной одержимостью.

Я вернусь домой и буду снова отрицать очевидное. Я сама не знаю, как долго это продлится.

Это уже стало моим своеобразным ритуалом. По утрам, когда накатывала волна необъяснимой неги и эйфории, я чувствовала пробуждение сущности женщины, которая никогда не переставала любить, хоть и отчаянно отрицала это. Зачем, когда хочется вжаться в него до боли в мышцах, когда желание ловить каждой клеточкой кожи тепло его тела, пить осторожные поцелуи — чем их больше, тем сильнее я жажду экспрессии, — зачем отрицать очевидное? Я сдаюсь под напором чувств. Сегодняшнее утро принесло воспоминания, отравляющие душу и вызывающие обильные слёзы, пусть я даже знаю, что мне больше никогда не придется плакать от подобного. То, что совсем недавно вызывало во мне

неподконтрольный панический ужас, в такие моменты ловит моё личное затмение. В этой тьме очевидные вещи кажутся иными: волнующими, пробуждающими тёмное начало. Его ласки становятся смелее и даже грубее. Я не имею ни малейшего понятия, что творится с моим телом, но с некоторых пор ему не надо долгих прелюдий. Должно же все это было однажды достигнуть своего логического завершения?..

...Шесть с половиной месяцев моего тотального, но впервые такого желанного одиночества. Нет, пожалуй, вру. С нападающим харьковской футбольной команды Марко Витичем я не только позировала перед камерой и улыбалась телеведущей Екатерине Осадчей на светских мероприятиях. Месть? Побег от моих новых внутренних демонов? Или этот харьковский Рональдо, серб по происхождению, просто довольно часто крутился рядом, перечисляя свои гонорары в фонд поддержки детей, больных лейкемией? Так или иначе, за прошедшие полгода мы не потеряли никого. Все тридцать шесть операций по пересадке костного мозга в израильской и немецкой клиниках увенчались успехом, и эта отдача накрыла меня с головой чувством чего-то грандиозного, светлого и обнадеживающего. Только осознание того, что мы спасали жизни, дарили детям надежду на полноценную жизнь, постепенно растопило мою боль. Назарчик, ставший для меня юным ангелом-хранителем и проводником в мир веры в самое светлое будущее, шел на поправку, я ждала его возвращения из Швейцарии, желая подержать за детскую ручку, накормить самыми вкусными конфетами, подарить новый оберег его жизни, теперь без боли и без страха, и еще раз вспомнить о том, что мой кошмар длиной в несколько месяцев был всего лишь тяжелой ситуацией, эпизодом на фоне того горя, через которое приходится проходить этим отважным деткам.

“Если бы в мире было побольше таких, как ты, моя сестра осталась бы жить!” — так часто говорил мне Марко в разгар нашего скоропалительного романа. Если меня через несколько лет спросят, что же именно это было, почему я так поспешно упала в чужие объятия, — я не найду ответа на вопрос, может, даже отнесу его к разряду риторических.

Закон равновесия: если в твоём мире мрак и хаос, где-то светит яркое южное солнце. И как правило, оно восходит там, где кому-то гораздо хуже, или просто-напросто тот человек не имеет достаточно сил, чтобы противостоять своему кошмару. Второй раз за не столь долгий отрезок времени жизнь с насмешкой перемолола меня в своих жерновах. Восставший из пепла Спилберг моего триллера был все тот же, но в этот раз девочка выстояла. Сама бы она давно сложила лапки, но теперь у нее была дочь, ради которой стоило подниматься с колен и буквально ползти к свету, каким бы ни было искушение сдаться и уснуть спокойным сном.

Но в то же время — я не знаю, это было простым совпадением или благодатью всевышнего, — каждая операция, лучевая и химическая терапия вели к немедленной ремиссии несчастных деток. Восемилетняя малышка, которая перед вылетом в Германию едва могла передвигаться и связно говорить, в мой последний визит резво прыгала на скакалке и что-то самозабвенно напевала. Ее короткие волосики еще не отросли, но темные круги под глазами исчезли, а на щеках уже играл легкий румянец. Это было самое настоящее чудо. Мы спасали жизни и отвоевывали у болезни этих отважных деток шаг за шагом, не зная поражений. Мы делали все от нас зависящее, мы работали, не считаясь со временем, и совсем не ради общественного имиджа. Улыбаясь в камеры на различных светских мероприятиях, я могла с гордостью об этом заявить. У меня вообще не было желания сверкать на подобных раутах, но Марко обратил мое внимание на тот факт, что после моих

интервью практически никто не остается в стороне, пожертвования в фонд увеличиваются, а от американской клиники поступило предложение о сотрудничестве на очень выгодных условиях. Сейчас я могла с уверенностью говорить о том, что мы спасем каждого, ведь так часто время ожидания играло против.

В клубе с тех пор я так и не появилась. Восстановила Штейра в правах, сделав его практически полноправным владельцем клуба. Мне было малоинтересно, что теперь там происходит, я не вмешивалась в рабочий процесс — прибыль оставалась стабильной, а больше ничего меня не волновало. Я просто знала, что, стоит мне увидеть те игровые комнаты, где я переживала каждый раз мучительную моральную агонию, которая так и не прикончила, разнесу там все к чертовой матери. Может, однажды я там появлюсь, но пройдет еще очень много времени.

Я чувствовала себя спокойно. Даже зная, что состоялся трансфер и Витича купил норвежский ФК. Прислушивалась к себе, не понимая, почему не скучаю и не рассматриваю вариант с переездом в Осло вслед за Марко. Мысли о нем вызывали тепло, умиротворение, легкое послевкусие вины на губах и... больше ничего. Пресса наперебой верещала о самой красивой паре города. Если мы появлялись на мероприятиях вместе с Витичем, фото занимали первые полосы, отфутболив на задворки даже мэра. О последнем мне вообще на тот момент не хотелось вспоминать.

В моих бутиках товар улетучивался с космической скоростью. Имидж — великое дело. Одевайся, как Кравицкая, и лучшие мужчины будут у твоих ног. Заходи к ней почаще, может, встретишь Марко и сможешь сделать селфи с селебрити. Ввиду этого ажиотажа я старалась бывать в магазинах как можно реже. Время неумолимо двигалось вперед, приближая финал нашего романа. Я не испытывала по этому поводу никаких эмоций, за что злилась в первую очередь на себя, что не могла ответить взаимностью человеку, который по сути меня вытянул. Я думала на момент встречи с ним, что во мне все атрофировалось, а любое прикосновение вызовет истерику. Когда это случилось, я была впервые за долгое время на седьмом небе. Я не научилась чувствовать и получать удовольствие от обычных радостей секса без каких-либо изысков. Марко не мог знать, что со мной произошло за последние месяцы, но его внимание и нежность вместе с заботой, помноженной на восхищение, затопила мою пустоту ярким половодьем. Я не сломалась. Я не была инфицирована вирусным кодом Лаврова до основания, как полагала вначале. Жизнь продолжалась, и все, чего мне сейчас хотелось, — абсолютного покоя до полного восстановления. Я очень искусно обманывала саму себя, настолько мастерски, что и сама об этом не догадывалась.

Ева восстановилась очень быстро. Больше всего меня поразило тот факт, что ее воображаемый друг вернулся. Трудно было держать себя в руках, наблюдая за тем, как дочь создает своеобразный культ положительного персонажа с того, кто на ее же глазах пытался свернуть мне шею.

— Его заколдовали, и он был плохим. Он не виноват, теперь снова стал хорошим!

Дети. Кто сказал, что их невозможно обмануть и они чувствуют искренность так же, как и фальшь? Ева была настолько уверена в своих словах, что забавно смущалась, когда принц Эрик появлялся на экране, и закатывала истерику, когда я поспешно щелкала пультом, чтобы никогда больше его не видеть. С нашей последней встречи в Штатах прошло немногим больше четырех месяцев. Я не злилась и даже избавилась от ненависти, как мне казалось. Может, шестым чувством ощущала, что в тот момент он был искренен, как никогда прежде? Так или иначе, его раскаяние запоздало. Мне не нужен был клуб, этот якорь, который не

давал дышать полной грудью.

Я обманывала себя. Я мстила обоим своим мужчинам, которых любила с одинаковой силой. Диме за шесть месяцев ада на земле. Алексу, который взял на себя право решать, когда и с кем я буду счастлива после его смерти и какие именно методы для этого понадобятся. Марко был своеобразным вызовом каждому из них. И оба на тот момент были для меня мертвы, а я изо всех сил пыталась открыть себя чему-то новому. Ну и что с того, что я ничего кроме благодарности и сексуального влечения не испытывала к Витичу? Я позволяла ему обнимать себя на камеры со всей нерастроченной нежностью, которую в нем мало кто подозревал, улыбаться в ответ, но мои мысли всегда вращались по иной орбите. Я просто знала, что за мной наблюдают. Иногда моя улыбка на экранах пугала даже меня саму, потому что напоминала оскал хищницы из семейства кошачьих. Это был посыл сквозь расстояние и время. Смотри, как круто я себя чувствую без тебя! Смотри, я больше не вздрагиваю от собственной тени. Подайсь этим клубом, мне все равно, есть он или нет, и даже последняя воля Алекса теперь не имеет надо мной власти. Лови каждый момент улыбки, которая снова — пошел восьмой год твоей рефлексии — предназначена не тебе! Проживай этот отрезок своего падения, которое ты считал триумфом, заменяй переменные в сложной формуле жизни моей воображаемой готовностью отдаться и разбей себе лоб об стенку от одного только осознания, что тебе теперь до подобного, как до Альфа Центавра пешком. Иногда мой садизм доходил до критической отметки. В такие моменты я, не выходя за рамки приличий, могла делать вид, что не замечаю вездесущих папарацци, и снимки целующейся “первой пары первой столицы” наводняли Всемирную сеть и полосы желтой прессы. В интервью мы никогда не говорили о своих планах на будущее. По факту потому, что просто их не строили, но на самом деле я получала извращенное удовольствие, почти ощущая кожей, как сейчас плохо тому, кто при всей своей власти в этом городе вынужден был наблюдать за мной и Марко из зрительного зала.

Так же, долго не раздумывая, я игнорировала приглашительные на все приемы мэрии и на те мероприятия, где могла столкнуться с Димой лицом к лицу. Такой вот ответ за эксклюзивное предложение на одно лицо. Чтобы уязвить его сильнее, я могла в день одного из таких раутов устроить показательно день семьи. Когда снимки Марко, учившего Еву бить пенальти на стадионе “Металлист” стали достоянием газет, я ощутила боль и ярость Лаврова практически на физическом уровне.

В новогоднюю ночь я и харьковский Роналдо были вместе. Наши отношения уже практически сошли на нет, трансформировались в дружеские и партнерские одновременно. Его график был настолько плотным, что 31 декабря стал единственным днем, который мы провели как законный выходной. На роль жены декабриста я явно не тянула и удивлялась самой себе — почему осознание того, что это наш последний уик-энд, не вызывает даже легкой грусти. Уже второго января его тренировки возобновились, а “харьковская Ирина Шейк” — так меня прозвала пресса — вернулась в родной город с твердым намерением начать жить сначала и не позволять прошлому влиять на ее решения.

Клуб по-прежнему вызывал у меня едва ли не отвращение. Отчеты Штейра я еще могла изучать и изредка вносить корректировки, но появиться там — увольте. Мой личный бизнес процветал, на него не влияли инфляционные колебания и непрекращающийся кризис. Ева, со слов детского психолога, не получила моральной травмы, гены сильных родителей неистребимы.

День благотворительного показа мод мог быть как случайным совпадением, так и

спланированной акцией, этого я никогда не узнаю. В отличие от других моделей мне и Доминике Шарм, двум приглашенным звездам, выделили гримерку-люкс и дозу раболепного почитания. С шампанским, икрой, стилистами и далее по райдеру. Свою подругу я видела в последнее время исключительно на телеэкране, и у нас у обоих уже пересохло в горле от веселой болтовни.

— Ну спасибо, что подняла имидж Витича до заоблачной планки, — как раз верещала телеведущая, уверенная в том, что от изматывающих тренировок и стероидов спортсмены не способны на долгие забеги в постели. — Ну я просто не понимаю, ну как так? Ты действительно отклонила его предложение?

— Да, мы уже не вместе, попрошу не оглашать эту сенсацию на всю страну, — я не сразу поняла, что моя приятельница резко замолчала, а в глазах появился самый настоящий страх.

Она смотрела прямо поверх моей головы. Стилист колдовала над укладкой, и я на миг испугалась, не отрезали ли мне мои шикарные каштановые волосы под корень. Ее помощница, как раз шнуровавшая на моих ногах белоснежные “сникерсы”, вдруг резко прекратила свое занятие. Я даже не успела повернуть голову на источник их испуга.

— Это правда? Вы расстались?

Белоснежные стены гримерки с зеркальными, мать их, панелями поплыли перед моими непроизвольно округлившимися глазами. Спокойный голос без оттенка каких-либо эмоций взрезал мой неокрепший мир тектоническими разломами, выбив холодную испарину под тонким дизайнерским шелком платья. Я не раз рисовала в воображении наше столкновение, но реальность расставила все на свои места. Мне вновь захотелось стать невидимой и забиться в угол. Кажется, я готова была закричать, когда сильные руки развернули кресло на себя и я оказалась перед обжигающим огнем черно-кофейного взгляда. И как всегда, я бы под дулом пистолета не призналась самой себе, что непроизвольная дрожь была вызвана совсем не страхом.

— Оставьте нас на несколько минут, — приказы мэра не подлежали анализу и обсуждению.

Стилист с визажистом испарились моментально, Доминика попыталась что-то пискнуть по поводу нашего скорого дефиле, но так и осталась не услышанной. Несколько зависших секунд, чтобы первый шок улегся, а я не запуталась в силках прожигающего взгляда.

Я сейчас видела только то, на что не должна была обращать внимание. Усталость в его глазах, которые из последних сил пытаются не дать набирающей силу темноте поглотить платиновые всполохи, и этим выдают его с головой, в отличие от голоса, который он может контролировать. Едва заметные морщины в уголках глаз, совсем не от циничного прищура, к которому так привыкла. Отчаяние на грани фолла — не хватает лишь бегущей строки на его лбу с ярким лозунгом «Спаси меня!». Я вижу то, что не предназначено для моего сознания!

— Что ты творишь? Какого ты делаешь это с нами обоими?

Почему я не удивляюсь? Почему считаю этот непонятный большинству отпечаток страдания с его лица и не испытываю никаких эмоций: ни самодовольства, ни злости, ни слабости и даже страха? Нормальный, совершенно обычный промежуток времени, за который я убедилась, что его нет больше в моей жизни, дал мне передышку — и моя кровь очистилась от боли и ужаса, связанных с его именем. Все закономерно, даже эта встреча. Человек на пределе? Я вас умоляю, у киборгов не бывает предела.

— Это преимущество всех политиков — врваться в примерку к моделям?

У меня через пятнадцать минут выход, я не задохнулась от шока и не забыла. Я говорю это только потому, что неосознанно прикоснулась к грани, пока что оцарапала ее щит идеальным маникюром и поспешно отошла обратно. Когда ты на одной арене с убийцей, человечность замирает. Все твои защитные силы мобилизуются и приводят организм в полную боевую готовность. А сейчас я понимаю, что могу спокойно добить его словом. Ласковая убийца, которая подрывала его защитные крепости день за днем и практически подобралась к самому эпицентру. Нет больше страха, сожаления или желания в любом его проявлении. Только здравый рассудок, который отравлен спасительным цинизмом. Да, Юля, ты сейчас для кого-то целый мир, и только тебе решать, расколешь ты его на части одним словом или благосклонно согласишься дать иллюзию тепла. Я понимаю, что могу и то и другое, и каждый из этих вариантов вызывает одинаковые эмоции. Этот исход был предreshен с самого начала. Вероятность пятьдесят на пятьдесят: либо да, либо нет. Третьего не дано.

— Ты ошибся, — вспоминаю о первом вопросе и благосклонно прощаю то, что на свой риторический так и не получила ответа. — Мы не расстались, я просто не планировала связывать себя узами брака снова. Мне просто надоело внимание прессы.

Знакомый прищур возвращается. Черта с два я его обманула. Он все знает, наша тесная связь не прерывалась ни на секунду. Диаграмма моей боли и чувство неловкости начали стремительно снижаться, стоило Марко подписать контракт с норвежским футбольным клубом, а мне понять, что любовь на расстоянии — не моя участь. Я смотрю в потеплевшую гладь разбавленного эспрессо и понимаю, что он знает это так же, как знаю я сама. Мои стрелы достигли цели, возможно, он понимал, что это была жестокая игра с моей стороны, но она все равно наносила ему один за другим сокрушительные удары. Моя месть была тоньше, коварнее и опаснее. Она называлась равнодушием, тогда как его вендетта была одержимостью, исключаяющей бесстрастность.

— Никогда больше не смей мне врать! — теперь дрогнул даже голос. — Тебе самой не надоело отрицать неизбежное? Ты же просто делаешь это мне назло! Я устал ждать, когда тебе это надоеет!

— А ты отбей у меня эту охоту тем, что до сих пор лежит в твоём столе. — Даже воспоминание об этом уже не бьет по сознанию.

Победителей не судят, а моя победа настолько влилась в кровь за время холодного противостояния, что воспринимается как должное. Я спокойно поднимаюсь, даже не замечая, как дрожат ноги. Скоро выход, может, мэру глубоко наплевать на воспитанников детских домов, но лично мне — нет. Благотворительность для меня не пустой звук и я не собираюсь задерживать наш с Доминикой выход.

— Юля, перестань.

Непонятно, что размывает мое отражение в зеркале в тот момент, когда я слышу его голос. Я больше не умею плакать даже наедине с собой. Я услышала в его голосе то, чего там никогда не было и не могло быть.

— Возвращайся. Просто давай попробуем начать все сначала.

Когда-то я это уже слышала. Точно, в прошлой жизни. Сколько ни представляла нашу встречу, в моем воображении всегда были долгие переговоры, а угрозы сменялись просьбами, и наоборот. Время вносит свои коррективы во все. Может, сложно было ожидать от политика долгих прелюдий и пояснений.

Мне не надоело играть в свои игры. Мне стало скучно играть в них на одном и том же поле.

Губы выглядят пересохшими, все, что меня занимает в данный момент — капля блеска. И еще выход на подиум, у стилиста меньше семи минут. Я улыбаюсь своему отражению. Обычная улыбка, но я мысленно добавляю ей демонический оскал.

— Ну давай, попробуем все сначала, если у тебя хватит на это сил...

В ту ночь мы впервые говорили. Долго. Обстоятельно. И что меня поразило сильнее всего, без желания впиться зубами в его плотку или утопить в упреках. Наоборот, я поражалась своему спокойствию. Легко принимала озвученные доводы, как должное. И в его словах не было ничего того, что я сама не знала.

Когда я впервые перешагнула порог его дома с намерением остаться — хоть в этом я не бежала от себя, — я все для себя уже решила. И опять-таки, черта с два я бы призналась себе в этом.

— Мои правила никто не отменял! — это, я так понимала, был аналог ритуальному поднятию на руки, переносу через порог и кота на счастье вперед. Тогда моя уверенность в том, что я поступаю правильно, несколько пошатнулась. Зря я ожидала, что он сразу упадет к моим ногам за одно только появление на его территории. Заявление о правилах показалось мне несколько преувеличенным. Теперь в доме двое детей, ни о каких ошейниках, цепях, позах покорности и прочих прелестях ЛС не могло идти и речи. Как и о том, чтобы расслабиться окончательно и сдаться на милость победителя. Возможно, я считала свое возвращение чистой воды авантюрой и уповала исключительно на время, которое расставит все по своим местам. Стена непонимания и прошлых обид не рухнула с первыми шагами по коридорам его особняка, она, может быть, только слегка пошатнулась, после того как я почувствовала кожей расположение Данила... дети никогда ни в чем не виноваты. Даже если бы у меня возникла когда-либо мысль заставить его ребенка испытать то, что коснулось Евы, я бы никогда не позволила ей укрепиться в сознании.

Вместе с неуверенностью и сомнением в том, правильно ли я поступаю, вернулся страх. Были моменты, когда он засыпал окончательно, и тогда сознание подпитывалось триумфом. Несмотря на то, что я не прекратила ощущать довлеющую, не всегда дискомфортную власть сильного мужчины, чувство собственной победы никуда не уходило. Стать центром вселенной того, кого ты не переставала любить никогда, как бы в себе ни отрицала подобного, — то, что должно было поддерживать ужас на пике самого высокого градуса, сейчас стало предметом гордости и самодовольства. Шаткая система, которая еще долго не обретет своей окончательной стабильности. Его одержимость уснула, мне хотелось верить, что в этот раз надолго. Непривычная прежде нежность затопила мои оборонные баррикады волнами растерянности и смятения... это могло стать моей реальностью гораздо раньше, исключить тот кошмар, через который я прошла снова и выстояла. Все еще сомневаясь в правильности своего выбора и успокаивая себя тем, что могу уйти в любой момент и никто меня не остановит (обманчивое заблуждение — все, что сейчас не давало мне сорваться), я перешагнула самый высокий барьер своего сознания. В самую первую ночь на вражеской территории, когда вначале просто оцепенела, не в состоянии пошевелиться, меня пугал полумрак, хоть это и не была всепоглощающая тьма. Я даже не вздрагивала от его прикосновений и старалась не показать, какой ужас вызывает во мне одна только мысль о предстоящем. Кажется, я могла думать только о том, сколько боли причинила любимому мужчине своим поведением по возвращении в Харьков от Крамер и чем мне это сейчас

обернется на том поле боя, где я никогда не умела выигрывать. Я не имела права даже на крики и истерику, не столько потому, что боялась напугать детей, а лишь от мысли, что добровольно согласилась и на это тоже, когда пришла сюда по собственной воле.

Если бы в нем было хоть на несколько процентов больше той самой одержимости, которая едва не разрушила мою жизнь, я бы умерла от остановки сердца в ту самую ночь. Если нежность и власть можно соединить, расплавить в одном котле и изваять нечто новое, именно это в итоге и унесло мой ужас окончательно, отправив в глубокий сабспейс без каких-либо физических и психологических воздействий. Все движется по кругу. Утром я понимала, что перешагнула точку невозврата окончательно... и впервые в жизни это сделало меня окончательно счастливой. Если страх и остался в сознании, он стал совершенно иным: сладким, будоражающим и манящим, как персональный сорт эксклюзивного наркотика. Уже спустя несколько недель бесконечная нежность и обращение, как с фарфоровой статуэткой династии Минь, начали вызывать тихое раздражение. Я скучала по проявлениям первобытной страсти, по тому накалу эмоций, когда останавливается сердце, бесконтрольная дрожь берет власть над телом, а чувства мечутся по огромной вселенной, которая сейчас скомпонована до размеров обычной коробки, и в ней безумно тесно. Наверное, я уже не могла жить без его одержимой любви, которая требовала постоянного доказательства...

Мои крылья выросли и приобрели широкий размах. Иногда мне кажется, что они пылают огнем преисподней даже сейчас, когда трепещут от страсти, а я забываю себя в его руках. Это уникальное время, пожалуй, единственное, когда моя сущность заключает с ним временное перемирие... но все равно я позволяю себе отрывистые контрудары по сознанию мужчины, который очень виноват передо мной. “Я хочу поиграть”, - мне в последнее время кажется, что он боится кодовой фразы, а вовсе не того, что я рассыплюсь на осколки от санкционированного вторжения тьмы.

В ту ночь я все это получила сполна. После того как я обнаружила особо не скрывающихся надсмотрщиков, во мне клокотала ярость:

— Ева, мы уезжаем!

Мне не пришлось даже собирать вещи или вызывать такси. Наши дома располагались в одном коттеджном поселке на расстоянии километра. Я сцепила зубы, когда Ева вместе с Данилом, два маленьких манипулятора, залились слезами. Лавров все услышал по телефону, сейчас я была избавлена от необходимости устраивать сцену перед детьми. «Дома поговорим», — кажется, я оторвала его от очередного заседания горсовета. У меня сжалось сердце, и я едва не произнесла ругательство вслух, когда Ева, маленькая предательница, вырвала свою ладошку из моей руки и бросилась к Лаврову, размазывая по лицу слезы. Словно для того, чтобы добить меня сильнее, моя дочка позволила Диме поднять себя на руки и уткнулась заплаканным личиком в его плечо, обвинив шею руками. Ничего наигранного я в этом не увидела.

— А если мы попросим тебя вместе? — я не заметила в хищном прищуре Димы ни малейшей угрозы, злость застила мои глаза. Может, я не уловила невысказанного предупреждения еще и потому, что в этот момент его рука с неподдельной нежностью гладила волосы моей дочери, и она стремительно успокаивалась у него на руках. Не в состоянии принять увиденное до конца, перевела взгляд на Данила и едва не вздрогнула от зеркально похожего выжидательного взгляда.

— Никакой охраны. — Мой голос все-таки дрогнул, когда я уже в который раз

произнесла свое условие.

— Мы поговорим с тобой об этом позже. Так ты остаешься?

В конце концов, глупо было бегать от дома к дому при первом столкновении интересов. Давно миновал тот момент, когда я могла уйти, не разрывая собственную душу.

— Ты нарушила мои правила! — я все еще не видела угрозы даже тогда, когда Ульяна забрала на день Данила, а Ева якобы невзначай уснула в доме матери.

В ту ночь в меня буквально вколотили основные правила с каждым размеренным ударом стека, рывком за волосы и монотонным повторением основных постулатов. Я не принадлежала сама себе, когда меня захлестывали рыдания, которые были по своей сути освобождением, и я пыталась разорвать крепления цепи, чтобы вцепиться в его колени и уверить в том, что никуда уже не могу уйти, — и совсем не из-за боли, которая сейчас выжигала иную боль и последний барьер между нами. Сколько раз за эти безразмерные часы возведенной в квадрат тьмы мое сердце останавливалось и срывалось снова в хаотичный ритм, сложно было подсчитать. Я была слишком уверена в собственной недостижимости и в том, что сделала ему одолжение своим возвращением. Когда все закончилось, я не понимала, на каком я свете и что именно чувствую. Отбивалась от его рук, когда с меня наконец сняли цепи, на самом деле желая одного: чтобы обнимали еще крепче, несмотря на мое сопротивление, и ни на миг не прекращали держать в своей багровой обители боли и уникального счастья понятного только нам воссоединения.

— Ты едва не убила меня, заставив поверить, что снова убегаешь! Я только уверился, что мы обрели друг друга, новой потери я не выдержу... — какое значение имела моя боль рядом с тем, что я расслышала тогда в его голосе, окончательно успокаиваясь в сильных руках и впервые засыпая с улыбкой на губах без всякого снотворного.

Я больше не хотела уходить. Даже если подобное будет повторяться каждую ночь, и Тьма моего любимого мужчины окончательно вытеснит свет. Он это знал без всяких лишних слов. Это было самым желанным и сказочным безумием — наконец принять собственную сущность, запустить подрагивающие пальцы в загривок безумного и одержимого монстра, чтобы подарить ему часть собственного тепла своим прикосновением. Кажется, я в этом несколько преуспела. Иногда мне приходилось все брать в свои руки. «Я хочу поиграть» — ключевая фраза, которой он поначалу сопротивлялся, переживая за мое моральное состояние. Да, раньше подобное причиняло мне боль. Трудно найти в этом удовольствие, когда тебя планомерно уничтожают, не предоставив взамен защиты. Сейчас же у меня было ее в избытке. Единственное, на чем я настояла, — хотя бы в течение года не поднимать вопрос о законной регистрации брака. Осторожность? Сомнения? Или я должна была соблюсти хотя бы одно, пусть и лишнее смысла, условие?

Данилка прикипел ко мне куда сильнее, чем я предполагала. Настолько, что это иногда доводило Еву до слез. Ульяну, кстати, тоже. Я не знаю, почему не испытывала к ней ревности или неприязни, — возможно, была настолько уверена, что его одержимость мною не оставляла другим женщинам шанса? Жизнь вошла в привычную колею с попеременными взлетами и падениями, будто чертила причудливую диаграмму. Да, я никогда не умела быть покорной, я буду создавать своему мужчине тупиковые ситуации до самой старости. Меня не пугал даже страх возможных наказаний. Роль покорной тени никогда не была моей ролью.

У Лены с Брайаном родилась дочь. Моника Крамер поразительно похожа на отца. Валерия Полякова, убедившись в том, что со мной все в порядке (ей для этого понадобилось немного — просто посмотреть в мои глаза), вернулась в Германию, где продолжила

приумножать наши капиталы. Илья, к слову, достиг немалых успехов на этом поприще. А я спустя год вспомнила о собственном клубе, хотя Штейр вывел эту часть бизнеса на более высокий уровень и без моего участия. Он сам к тому времени стал отцом.

Роль любимой женщины нового альфы города возносила меня к самым далеким пределам нашей уникальной вселенной, но бездействие никогда не было заложено в моем характере. Фонд. Клуб. Магазин. Все у меня сейчас выходило практически играючи, а разве могло быть иначе на волнах абсолютного счастья?

...Я снова опускаю на гранитную плиту букет белоснежных роз, испытав секундный укол вины за то, что непроизвольно погладила золотую печатку с черным бриллиантом. Понадобилось довольно много времени, чтобы я приняла предложение Лаврова. Если мой мужчина считает, что семья будет полной с наличием штампа в паспорте, пусть так и будет. Должна же я идти на компромиссы хоть иногда?

— Я понимаю тебя, — если за мной кто-то наблюдает, уже наверняка привык к тому, что я разговариваю с могильной плитой с пугающей искренностью. — Все, как ты и хотел. Я раньше говорила тебе, что никогда не смогу тебя простить и однажды сделаю ему больно снова. — Порыв ветра заставляет меня стянуть отвороты полушубка у горла. В последнее время мне некомфортно здесь. Может, потому, что несколько дней назад Александр впервые за долгое время пришел ко мне во сне и попросил больше его не навещать так часто? — А знаешь, я ничего этого не сделаю. Просто не знала, как тебе сказать. Поняла давно, ты понял это еще раньше, чем я. Спи спокойно, у меня больше нет желания причинять кому-либо боль. В конце концов, потому что я действительно люблю его...

Передаю теплый поцелуй через собственные пальцы, приложив их к холодному камню. В этот раз мне кажется, что мрамор согревает кожу ответным теплом. Последний взгляд в его ясные глаза на фотографии, испуганный рывок сердца, когда кажется, что я вижу в них одобрение и умиротворение... перед тем как развернуться и пойти прочь, сжав ободок кольца и больше не скрывая искренней улыбки, которая, кажется, так неуместна в этом самом месте...

Дима

Когда моя любимая девочка вернулась в город, шел теплый летний дождь. Затяжной, не прекратившийся даже ночью, смывающий отголоски недавнего прошлого — может, именно в это мне на тот момент хотелось верить. Ее имя всегда будет таять на губах свежестью летнего дождя, она и эта природная стихия уже неразлучны. Он может вызвать катастрофические наводнения. Заставить реки выйти из берегов и прорвать плотины. А может напоить безжизненную пустыню живительной влагой.

Это будет еще не скоро. Тогда я знал наперед, каким-то шестым чувством, что засушливый сезон будет длиться не одну сотню часов, которые сольются в дни, недели и месяцы. Я был к этому готов, но не мог предположить, насколько больно будет умирать от жажды в отсутствие моей любимой девочки.

Наблюдать за тем, как она отчаянно пыталась сбежать от самой себя... переживать моральную клиническую смерть, когда мне покажется, что ей наконец это удалось.

Поначалу я старался не замечать ничего, кроме работы. Ни слез сына, ни надежды в глазах Ульяны, которая была на седьмом небе от счастья, осознав, что я вернулся без Юли, ни ее морального угасания, когда моя бывшая жена наконец поняла, что этот факт ничего не изменит для нее. Увы, скрыть что-то в этом мегаполисе практически нереально. Пресса словно издевалась надо мной, демонстрируя Юлю в компании перспективного футболиста.

Когда я впервые после долгой разлуки увидел ее на приеме вместе с ним, не ощутил никакой угрозы. Неизвестно, как бы все сложилось, если бы я тогда разглядел эту зародившуюся симпатию.

Жизнь продолжала крутить в своем чертовом деловом колесе. Это было необходимо, чтобы не сойти с ума окончательно. И это не удержало меня однажды от срыва, который не коснулся ее... Впрочем, он тоже не имел смысла.

Марко Витич подписал контракт с футбольным клубом Норвегии. И тогда от одной только мысли, что Юля может спокойно уехать с ним и я никогда больше ее не увижу, мне захотелось разнести этот город ко всем чертям. Тогда я буквально силой заставил его встретиться со мной, ни на что особенно не рассчитывая. Циничная усмешка центрального нападающего резала натянутые нервы с особым садистским удовольствием со стороны последнего, когда он спокойно выслушивал мои требования оставить Юлию в покое.

— А я слышан о ваших методах, — дипломатично подколот Роналдо. — Вы умеете расправляться с каждым, кто посмотрит в ее сторону. И я не от нее это узнал. Что дальше? Сейчас попробую догадаться... Мне переломают ноги в подъезде? Глупо, и в этот раз вам вряд ли удастся остаться в тени. Натравите на меня комиссию по допингу? Низко даже для вас. Можно попробовать дотянуться до УЕФА, только что вы им скажете? Центральный нападающий спал не с той женщиной?

— Оставь ее в покое. — В последнее время я не считал нужным размениваться на долгие разговоры.

— И речи быть не может. Научитесь красиво проигрывать! — подмигнул мне на прощание Витич.

Спустя месяц я узнал, что на тот момент они уже были не вместе, но этот человек готов был стоять до последнего за Кравицкую. Юля всегда умела выбирать исключительно достойных мужчин...

Я заслужил эти месяцы ада. Если понадобится, я переживу их еще раз, чтобы наконец обрести уверенность в том, что она больше никуда не исчезнет. Достоин я хотя бы права на счастье или нет, довольно спорный вопрос. Мне проще не искать на него ответа, а пройти этот ад снова, вздрагивая, просыпаясь, обнимая мою ненаглядную девчонку и сходить с ума от мысли, что она со мной и никуда больше не денется. Попытки с ее стороны были и будут. Но в этом я всегда останусь непреклонен. Если понадобится, посажу на цепь в подвале — мне все равно, как это будет выглядеть, потому что я не имею права потерять ее снова, я точно свихнусь.

И будь я проклят, но цепи и подвал в последнее время не вызовут в ее сознании ничего иного, кроме восхищения с примесью сладкого страха...

Моя любимая девочка уникальная. И я никогда не захочу менять какие-либо черты в ее беспокойном характере. Это маленький дикий котенок, который вопьется когтями в шею перед лицом угрозы потерять то, что ей так дорого. Моя задача сейчас в ином. Если ее выбор — идти навстречу счастью самым изматывающим и долгим путем, то я должен постараться сделать все, чтобы она не сорвалась с обрыва, смягчить острые углы ее собственного маршрута, который был изначально предназначен ей. Не разжимая собственных пальцев на ее подрагивающих запястьях, но в то же время делать это незаметно, балансировать на грани двух крайностей — между собственной одержимостью и осторожностью, чтобы никогда больше не причинить ей боль. Этого не должно быть в нашей обновленной вселенной.

Поначалу был страх. Страх за то, что однажды я открою глаза, и все окажется иллюзией,

продолжением ее психической вендетты с одной только целью — показать, как мы могли быть счастливы, и скрыться в решающий момент. С этим я никогда не буду мириться. Любой компромисс, даже в ущерб себе, ради ее счастья — но никогда не будет места подобной манипуляции в любом ее виде.

Ты чувствуешь, что сердца начали биться в одном уникальном ритме? Ты осознаешь, что эту связь уже не разорвать никаким обстоятельствам? Мне хочется задавать ей подобные вопросы каждый день, даже когда я понимаю: она ощутила это гораздо раньше, чем я. Страх не исчезает вдруг, в какие-то моменты мне кажется, что я вновь срываюсь в собственную бездну без права на ее прощение и тепло.

А потом она просто садится на руки, обнимая за шею и прижимаясь к груди. Ее сердечко бьется вровень с моим, подстраиваясь под его ритм. В ее глазах иногда стынет лед, а в такие моменты я просто уверен, что он тает без следа. Может, именно поэтому она боится смотреть мне в глаза? Мне хочется сжать ее до хруста в костях и не шевелиться, мне никогда не будет много доказательств ее ответных чувств, и в то же время я готов утопить ее в нежности, которую я в себе никогда прежде не подозревал. Ее глубина безгранична.

«Я хочу поиграть». Ее эротичный шепот сводит меня с ума. В первые дни я даже слегка боялся ее невинной просьбы. Знал, что не перенесу, если это окажется вовсе не ее желанием, а вынужденной попыткой утихомирить мою тьму, которая до сих пор вызывает в ее сознании панический ужас. Иногда мне, при виде ее слез и желания уйти в свой замкнутый мир, где боль и освобождение идут рука об руку, скрепя сердце приходится идти наперекор себе и непроизвольно заставляя ее испытывать эти эмоции снова. Пока есть угроза того, что я могу ее потерять, я соглашусь на все. Остается надеяться только на то, что в этот раз я не повторю прошлых ошибок и смогу удержаться от шага за финальную черту...

Счастье иногда приходит даже к тем, кто этого не заслуживает. Я до сих пор не понимаю, что же именно произошло и как мне удалось достучаться до высших сил, которые вновь после таких испытаний подарили мне уникальную возможность и право на любовь самой дорогой женщины в этом мире. В это было очень сложно поверить, понадобился не один месяц для того, чтобы холодный блеск и отстраненная задумчивость в глазах Юли сошли на нет. В последнее время я вижу только ее улыбку, и у меня больше нет оснований сомневаться в ее искренности.

— Почему ты не сделал лазерный шов? — спросила однажды моя девочка, осыпая невесомыми поцелуями след от лезвия катаны. Свою коллекцию она отказалась перевезти ко мне в дом, как я ее ни уговаривал. «Я же тебя когда-нибудь просто зарежу к чертовой матери. Не искушай», — во время подобных шуток она всегда смеется счастливым смехом. Вряд ли в этой шутке есть хотя бы капля правды.

— Может, чтобы всегда помнил о том, что готов на все ради тебя? — я до сих пор уверен, что это безумное решение не было напрасным. Я не рассчитывал, что, увидев подобное, она сразу вернется. Это был всего лишь шанс на то, что она согласится меня выслушать.

— Мне тогда показалось, что ты окончательно тронулся головой...

— Ты всегда обладала уникальным даром сводить меня с ума!

Она больше не боится. А мне сложно поверить в то, что я когда-то пил ее страх, рискуя захлебнуться в его источнике, и получал от этого извращенное удовольствие. Куда сильнее иной спектр эмоций: любить самую прекрасную из женщин и насыщаться ее взаимной любовью.

А еще у меня появилась дочка. Просто взрыв всех возможных сверхновых, это не сравнить ни с чем, когда она не слзлит с твоих рук, ее смех разносится мелодичными переливами по всему дому. Странно наблюдать за своеобразной рокировкой: Данил тянется к Юльке и проводит с ней куда больше времени, чем со мной, даже закатывает Ульяне истерики, когда она забирает его надолго. «Я хочу ко второй маме!» — Юля с трудом отпоила Ульяну успокоительным с сорокоградусной отметкой после такого заявления. Ева не плачет и не обвиняет маму в том, что она уделяет внимание теперь не ей одной; когда я возвращаюсь с работы, она сбивает меня с ног, обнимая и осыпая поцелуями. Данил же не отрывается от Юльки, которая научила его стрелять и строить оборонительные сооружения. Я все время вижу в подобных играх ее страх остаться без каменной стены, вновь оказаться перед лицом суровой действительности, где ей самой придется бороться за собственный маленький рай с мечом за спиной... и я сделаю все от меня зависящее, чтобы она никогда не потеряла ощущения моего тепла и защиты. Стены, а не клетки.

Мы пошли неправильным путем изначально. У меня не было никакого права отравлять ее собственной одержимостью, не дав чувства своей любви и безопасности взамен.

Ева уже не помнит о том кошмаре, когда моя тьма едва не убила всех нас. У детей не остается тяжелых травм, если их окружают любовью и заботой. Когда эта солнечная малышка подрастет, она разобьет немало сердец, как и ее мать в свое время. Но мне сейчас больно от одной мысли, что однажды с ней случится что-то похожее на то, что произошло с Юлей по моей вине. Я переверну этот город вверх дном в подобном случае и убью любого, кто посмеет ее обидеть. Я сделаю все, чтобы эта теплая улыбка не покидала ее губ никогда, а огромные зеленые глаза не меняли свой цвет от слез или страха перед кем бы то ни было. За свою дочь я порву любого, и то, что в ее венах течет не моя кровь, сейчас не имеет особого значения. Кажется, я об этом даже не помню.

Счастье можно принять в полном объеме, а можно разбить на составляющие, суть от этого не изменится. Иногда его принимают как должное, а я все еще боюсь потерять то, что мы вместе обрели ценой оглушительных потерь. Каждый день, который мы проживаем вместе, — уникальный дар. Она засыпает на моем плече без страха, не вздрагивая во сне и не отшатываясь от моих рук. Не так давно во сне она начала улыбаться, и эта улыбка не исчезает даже днем.

Мне ненавистна даже мысль о том, что однажды я хотел ее сломать, перекрыть ее сущность под свои потребности и желания. Я всегда буду любить ее именно такую. Пусть разрывает сердце своими капризами. Если женщина любимая, с ними можно мириться. Пусть продолжает в мелочах настаивать на своем. Мне никогда не хотелось, чтобы она сдалась окончательно и потеряла собственную индивидуальность.

Обнимая ее — все еще спящую, такую родную, желанную и наконец-то мою, — я понимаю, что в моих руках по-прежнему неразгаданный подарок судьбы, и жизни будет мало, чтобы познать его до конца.

Моя. Без остатка. Мы на нашей орбите — и пусть от зависти замрет весь мир...

Больше книг на сайте — Knigolub.net